ДЭВИД МАРТИН

ОРЛЫ *или* ВОРОНЫ

Annotation

Орлы или вороны? Смелые, гордые, сильные духом, или умные, хитрые стервятники? Кому достанутся богатства, магический амулет и необычные способности?… Виктор вырос в провинциальном городке в детском доме, лишённый родительского тепла и заботы. Но борясь и приспосабливаясь в этом непростом мире, он не растерял своих лучших врожденных качеств. Вступив во взрослую жизнь, он, как и все живёт обычной жизнью современного человека. Наверное, все так шло бы и дальше, если бы однажды он не сел в тот поезд и не встретил бы того самого странного человека. Все в жизни решает случайность? Или же это вовсе не случайность?

- Дэвид Мартин
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Дэвид Мартин
Орлы или вороны

Глава 1

Пролог

Мои дорогие читатели, my dear friends! Во-первых, хотелось бы сразу извиниться перед вами за мой стиль изложения. Russian isn’t my nativelanguage и оставляет желать лучшего. Однако, я как мог старался передать стиль общения моих героев, ход их мыслей и разговорную речь. Возможно, это подаётся не всегда правильным литературным текстом, но это улица, дорогие мои, это наш сленг. Молодые люди, о которых пойдёт речь, так или иначе выросшие без родителей, рано повзрослевшие, но, по сути своей, добрые и отзывчивые. Те, для кого слово «друг» — не просто пустой звук, а что-то святое и из приоритетов стоящее на первом месте. Я старался в своей книге минимизировать появление нецензурных выражений, но иногда они всё же проскакивают. Что поделать, некоторые люди не просто используют мат в своей речи, они на нём разговаривают. Читателей с особо нежным восприятием прошу меня понять и простить.

Во-вторых (а может быть, тоже во-первых), я хотел бы поблагодарить всех тех, кто так или иначе сподвиг меня на написание этой правдивой истории. Мою жену, которая была со мной с первой до последней строчки этой книги. Поддерживала меня в моменты творческих провалов, не давая сойти с правильного пути. Моих родителей и детей — за ту любовь, которую я от них испытываю на протяжении всей моей жизни. Всех тех близких мне людей, кто исподволь, порой даже не осознавая, добавил некую изюминку в сюжет. И самое главное, я бы хотел воздать хвалу Создателю за то, что мы с Виктором пересеклись по жизни, за то, что тогда сидели в самолёте на соседних креслах. За этот удивительный, необычный рассказ, который он мне поведал. За все те чудеса, которые мы не замечаем, теряясь в повседневной рутине забот, выживая в этом, не всегда дружелюбном, мире. И в завершение стоит сказать, что все имена, естественно, изменены. Все события являются фикцией, и любые совпадения, скорее всего, случайны. За исключением, пожалуй, самого главного. Но не будем забегать вперёд. Читайте и наслаждайтесь. God bless youall. С уважением, David Martin.

Глава первая. 2 апреля 2005

Виктор шёл по широкой лесной тропинке, справа и слева рос молодняк. Негустая поросль кустарника растянулась на десятки метров. За ней виднелся настоящий хвойный лес. Видимо, когда-то, ещё во времена Советского Союза, эту дорогу накатали лесовозы, потом леспромхоз сгинул вместе с коммунистами, и возить лес из этой глуши стало нерентабельно, да, собственно, строевого леса почти не осталось. Делянки заросли берёзами и кустарником, до ближайшей дороги с твёрдым покрытием — десятки километров. До первого населённого пункта — километров тридцать. «Зато какая тишина! Грибов, наверное, здесь летом, — подумал Виктор, — не унести». При мысли о грибах захотелось есть. Припасов почти не осталось. Последний раз он ел утром, когда свернул с накатанной дороги, вскипятив воду на маленьком складном примусе и заварил крепкий ароматный чай, бросив туда щепотку брусничника. Сейчас уже смеркалось. Голод Виктора нисколько не беспокоил, он специально взял с собой провизии по минимуму, чтобы было легче идти. По пересечённой местности ему предстояло пройти около тридцати километров, потом столько же обратно. Причём обратно будет сложнее из-за тяжёлого рюкзака за плечами. Он невольно усмехнулся. Тяжёлого? Неужели он всё ещё верит в эту чушь? Николас, его попутчик в купе, этот удивительный человек с редким именем и со странной манерой говорить, казался таким ненастоящим и таким нелепым, но в то же время…

Виктор нащупал в кармане холодную пятирублевую монетку, снова усмехнулся и зашагал дальше. Перепрыгивая через лужи растаявшего апрельского снега, он вновь и вновь пытался детально вспомнить, как Николас взял из его рук монетку, медленно и с широкой улыбкой на лице, не делая никаких быстрых движений, так что она все всё время оставалась на виду…

1970–1980-е. СССР

Виктор Ярский родился и вырос в городе Белозерск Вологодской области. Он не помнил своих родителей. Их не стало, когда ему было чуть больше трёх лет. Позже, когда наводил справки, он узнал, что отец был следователем, мама тоже работала на должности в милиции.

Их убили, когда они расследовали какое-то громкое дело. Деталей ему так и не удалось узнать. Иногда он пытался напрягать память, и тогда всплывали отдельные фрагменты из детства, очень незначительные. Потом ему уже казалось, что это не воспоминания, а плод его воображения, фантазии.

После смерти родителей Виктор остался жить у бабушки. Она видела только одним глазом и уже была на пенсии по инвалидности, поэтому с опекунством возникла целая проблема. Какое-то время она ходила по судам, доказывая свою состоятельность, потом её вроде как оставили в покое, но полного усыновления она так и не получила. Когда Виктору исполнилось семь лет, бабушка умерла, и его забрали в детский дом. Там он и пошёл в первый класс. Бабушку он помнил хорошо. Она была добрая и в то же время очень строгая, хоть никогда и не ругалась. Он помнил, как один раз (ему тогда было лет шесть не больше) они с другом катались на велосипедах и заехали к другу в гости. Его мама покормила их и спросила, не пора ли Виктору домой. Уже вечерело, и на улице было темно. Он отмахнулся: мол, а мне можно хоть до ночи гулять, типа, я уже взрослый. Почему-то тогда это казалось по-геройски круто. Потом ещё долго сидели, и в конце концов мама сказала им обоим собираться, и все вместе пошли его провожать. Идти было далеко, и когда они добрались до дома, Виктору в первый раз по-настоящему попало. Бабушка подняла всех на уши, его искали все соседи и знакомые. Он никогда не видел её такой расстроенной. Уже гораздо позже он понял, насколько глупо было так себя вести.

Ещё у бабушки был Бог. Она прятала его за дверкой огромного трёхстворчатого шкафа. Виктору несколько раз удавалось мельком увидеть Бога. Это была небольшая дощечка с нарисованным на ней разноцветными красками дядькой. Бога он почему-то очень боялся и старался лишний раз не подходить близко к шкафу. В день, когда застрелили родителей, бабушка в прямом смысле выла волком. Было реально страшно. Она всё время кричала какой-то небесной царице, чтоб вместо родителей забрала её к себе. Тогда, в трёхлетнем возрасте, было непонятно, что за царица может быть на небе. Сразу представлялась властная женщина в белой шубе и в короне, где-то на верхнем этаже кирпичной пятиэтажки. Виктор вспомнил об этом эпизоде много позже, когда подрос. Тот вечер как-то чётко и во всех

деталях представал перед глазами. Наконец он понял, какую Царицу Небесную имела в виду бабушка.

Годы, проведённые в детском доме, научили Виктора быть самостоятельным и отвечать за свои поступки. Условия там были жёсткие. Поначалу он попал в младшую группу. Там содержались дети до семи лет, но, бывало, их не переводили к старшакам до восьми и даже до девяти лет. В младшей группе воспитатели больше следили за порядком и старались пресекать всякие ссоры и разногласия. Виктора никто не обижал, он быстро со всеми познакомился и подружился. В старших группах дети чувствовали себя более вольготно, и воспитателям было уже не уследить за всем происходящим, поэтому там выстраивалась чёткая иерархия. Ребята постарше и посильнее сами устанавливали порядки, и любое неповиновение сразу пресекалось физическим наказанием. Когда Виктора перевели в старшую группу, ему исполнилось уже девять лет. За неполных три года, проведённых в детдоме, он уже кое-чему научился, появилась некая хитринка, он чувствовал ситуацию и подстраивался под неё. Такая способность к выживанию. Дети взрослеют гораздо раньше, чем это кажется взрослым. Ярский уверенно влился в коллектив таких же сорванцов, как и он. Хотя не обошлось и без стычек. Пару раз его, как новенького, пытались зацепить сверстники; конечно, подрались и не раз, но потом приняли за своего, и жизнь потекла дальше. Ребята в детдоме были разные, каждый со своим характером и историей, но всех объединяло одно — нехватка родительского тепла, и каждый жил с этим как мог. А куда деваться?

Когда Виктору исполнилось двенадцать, к ним перевели из другого детдома несколько человек. Один из них — Александр Сипелко. Родом он был из Полтавы. Этот город Ярский хорошо помнил из уроков истории. Там Пётр Первый с корешами, ещё давным-давно так наваляли шведам, что у тех только пятки сверкали. Саня Сипелко не сидел тихо, как это обычно делают новички в коллективе, а сразу занял лидирующую позицию в иерархии подростков. Он был на год старше Виктора и почти на пол-головы выше. Худой, жилистый, с длиннющими, как у орангутанга, руками, с большими кулаками, на которых острые костяшки были постоянно сбиты от частых драк. Саня дрался везде и со всеми. Он щемил малолеток, не давал проходу сверстникам и смертным боем бился со

старшими ребятами, нисколько им не уступая. Местные крепкие пацаны поначалу пытались поставить его на место, однажды даже устроили ему тёмную. Но он, как-то ловко увернувшись, отмутузил сразу нескольких человек. Одному выбил передний зуб, а другому сломал нос и походу даже вышел из неравной схватки победителем, хоть и сам славно огрёб. Получив в наказание своеобразный карцер от воспитателей (да, был и такой, но об этом, наверное, рассказывать не стоит), он отсидел там пару дней, а потом вернулся в группу как ни в чём не бывало. После этого учить Саню жизни больше ни у кого желания не возникало.

С первого дня к нему прилипли две клички: Сиплый и Хохол. На Сиплого Саня не обижался, а вот Хохлом его называли исключительно за глаза. Такое погоняло Сане почему-то сильно не нравилось, и за это можно было с большой вероятностью хорошо огрести по щам.

Ярского по какой-то причине Сиплый невзлюбил с первого дня и сразу стал цеплять, где бы они ни пересекались. То, что они друг другу — полная противоположность, было видно с первого взгляда. Виктор — с врождённой интеллигентностью, спокойный и рассудительный. Все его поступки казались продуманными и целенаправленными. И прямая противоположность — Саня. Резкий, наглый, абсолютно безбашенный сорванец. Он делал всё, что ему вздумается, никогда не слушал ничьего мнения, а имел только своё. Ярский хоть и не любил учиться, но схватывал всё на лету. Стоило ему услышать материал в школе, он тут же его запоминал и мог потом ответить, даже не повторяя дома. Любимым предметом Виктора была география. Он с удовольствием разглядывал в учебнике красивые острова в безбрежном море, картинки заморских городов с пальмами и мечтал, что когда-нибудь обязательно там побывает. Ещё ему нравилась математика. Мало кто из учеников любил математику, а Виктор настолько легко научился считать, что уже в десятилетнем возрасте мог быстро перемножать в уме двузначные числа, чем удивлял не только своих друзей, но и учительницу математики. Из оценок Ярский получал в основном четвёрки и то только потому, что учиться ему было неинтересно; а учителя не раз говорили с сожалением: «Эх, Витя, тебе бы немного прилежности, ты бы мог быть отличником».

Сиплый же, наоборот, был двоечником, никогда не открывал дома учебники и порой даже не носил их с собой на уроки. Учёба его не

интересовала от слова «совсем». У Сани была мечта: вырасти и стать наёмником. Он услышал от кого-то про Французский легион. Про крутых солдат, воюющих по всему миру. Эта жизнь казалась Сиплому настолько романтичной и интересной, настолько другой, в отличие от этого деревенского детдомовского быта, что он с нетерпением ждал своего совершеннолетия, чтобы свалить в далёкую Францию и поступить на службу своей мечты.

Ярского Сиплый задирал по-своему. Когда он проходил мимо, делал вид, что не замечает его, но в последний момент внезапно резко и сильно, но как-то незаметно для окружающих бил под дых. У Виктора перехватывало дыхание, но он делал вид, что ничего не случилось, продолжал идти дальше, на ходу пытаясь отдышаться, делая короткие быстрые вздохи. Иногда, Сиплый незаметно бил Виктора ладонью по шее и говорил при этом: «Кайфушка». Удар был несильный, но такой резкий, что по всему позвоночнику сверху донизу прошибала неприятная электрическая дрожь. Каждый раз Виктор думал, что в следующий раз он обязательно развернётся и даст Сиплому в рыло, но потом опять его что-то сдерживало, и он делал вид, что ничего не произошло.

Ещё Виктору очень нравился урок труда. Учителя по труду звали Дмитрий Николаевич. Это был молчаливый мужчина средних лет. Семьи у него не было, вернее, была раньше. Поговаривали, что жена спуталась со столичным профессором и уехала с ним жить в Москву. Взрослый сын тоже жил где-то: то ли в Москве, то ли в Ленинграде. Дмитрий Николаевич всё своё время проводил здесь, с ребятами. И если кто-то из них интересовался чем-нибудь техническим, то он всегда очень внятно и доходчиво объяснял, как устроен тот или иной механизм, — в общем, учил тому, что может пригодиться в жизни, когда они вырастут. А научить он их мог многому. Одет трудовик был всегда в синий длинный халат и тёмно-серые брюки. Больше ни в какой другой одежде его и не видели. Виктор никогда не слышал, чтобы он с кем-то вёл беседу. Он всегда копался в своих ящичках, верстаках, что-то точил, ремонтировал или просто делал уборку в своей большой мастерской. У него Виктор многому научился. Освоил несложные токарный и сверлильный станки, разобрался, какой инструмент как называется, и уверенно всем этим пользовался. В старших классах он ходил на кружок моделирования и даже с

помощью Дмитрия Николаевича собрал модель автомобиля с моторчиком. На каникулах, когда ходили в поход с ночёвкой, уже поздно ночью закончились дрова и Дмитрий Николаевич сказал ребятам насобирать немного хвороста. Видя, что Виктор не отходит от костра, спросил его:

— Похоже, ты боишься темноты?

— Да, немного боюсь, — не стал обманывать Виктор. — И леса тоже боюсь.

— Леса бояться не надо, он живой, — сказал учитель. — Лес — друг человека, если ты к нему с чистыми намерениями, то он тебя никогда не даст в обиду.

Эти слова Виктор запомнил на всю жизнь. Позже, когда вырос, ему не раз приходилось ночевать в лесу одному, и, вспоминая слова учителя, он каждый раз желал лесу добра, и лес отвечал ему тем же.

Как-то Дмитрий Николаевич подозвал Виктора, когда закончился урок труда, подождал, когда все ребята уйдут, затем спросил:

— Ярский, ты с Саней Сипелко ведь не дружишь?

— Нет, конечно, — удивился Виктор такому вопросу и добавил: — Он конченый.

— Ты его боишься, походу? — прямо спросил трудовик.

— Ну, не то чтобы боюсь, просто не хочу с ним связываться, он конченый, — снова повторил Виктор.

— Может, тебе пойти в секцию бокса? Позанимаешься и сможешь за себя постоять.

— Но я не люблю бокс, я вообще не люблю драться.

— Ты хороший парень, Витя; я вижу, что ты во многом положительно отличаешься от своих сверстников. Не хочу учить тебя чему-то плохому, но иногда надо проявить характер и сделать что-то, ну как бы это сказать. Я думаю, что ты должен дать ему отпор. Скажу прямо, будет неплохо, если ты с ним подерёшься, проще — набьёшь ему морду, — было видно, что такой совет нелегко даётся Дмитрию Николаевичу, и он тщательно подбирает слова.

— Так он же намного сильнее меня и старше, — удивился такому совету Виктор.

— Это неважно. — Трудовик сел на край скамейки и жестом указал Виктору, чтобы он сел напротив. — Тебе придётся драться, и, даже если он тебя побьёт, тебе придётся драться с ним снова. Тебе

придётся много драться в этой жизни, если ты действительно хочешь чего-то добиться. И тебе придётся драться не только кулаками. Самое главное в мужчине — это здесь. — Он ткнул Виктора в лоб указательным пальцем. — И здесь. — Он дотронулся до груди. — Разум и сердце. Ты добрый парень, Витя, это хорошо, но часто люди доброту принимают за слабость, поэтому, помимо доброты, тебе надо воспитывать характер. Приходи ко мне сюда в мастерскую в субботу после уроков, у меня есть кое-что для тебя. Я хочу тебя познакомить с одним человеком. А теперь давай иди на следующий урок.

Слова, сказанные трудовиком, Виктор потом не раз вспоминал, но сегодня он услышал только одно: надо будет драться с Сиплым. А это означало, что его отлупят, как боксёрскую грушу. Он вспомнил длиннющие руки Сани и невольно поморщился. В субботу Ярский шёл в мастерскую только для того, чтобы сказать трудовику, что он сам разберётся с Сиплым и никакой помощи ему не надо. К его удивлению, Дмитрий Николаевич встретил его на пороге, одетый в пальто.

— Пришёл, — сказал он. — Молодец, пойдём со мной.

— Куда? — удивился Виктор.

— Познакомлю тебя кое с кем.

Когда они подошли к покосившемуся старенькому деревянному дому, Виктор понял, к кому они пришли. Это был дом Юрия Ивановича Русанова. В городе его знали многие. Юрий Иванович был коренастый мужчина крепкого телосложения и невысокого роста. На первый взгляд создавалось впечатление, что у него вообще нет шеи, а голова растёт прямо из туловища. Взгляд был суровый, исподлобья, нос, расплющенный от множественных боёв на ринге. На вид ему было лет пятьдесят. Юрий Иванович был бывший мент. Капитан милиции в отставке. Русанова уважали не только законопослушные граждане, но и криминалитет. Говорили, когда он изловил и посадил целую шайку жуликов-гастролёров и на него кто-то из обиженных готовил покушение, то один криминальный авторитет в городе сказал: «Кто тронет Русанова, будет иметь дело со мной. Русанов правильный чел. Хоть и мент, но живёт по понятиям».

Всю жизнь Юрий занимался боксом, имел кучу всяких медалей и званий. Один раз он приходил в детдом и рассказывал ребятам, как лучше себя вести в тех или иных ситуациях. Когда он вышел на пенсию по возрасту, как-то сразу потерялся из виду. Копался в своём

огороде да попивал пивко с бывшими коллегами по службе. Золотым пенсионным парашютом, руководство выделило ему в подарок старенький трёхколёсный мотоцикл «Днепр». Юрий Иванович очень гордился подарком. Говорил: «Трофейный конь. Сейчас таких уже не выпускают». Несколько раз его звали тренером по боксу в местный боксёрский клуб «Атлант», но он почему-то отказывался.

Русанов встретил гостей молчаливо, но приветливо, поздоровавшись за руку. Рука была большая, сухая, рукопожатие сильным.

— Как жизнь? — спросил трудовик.

— Нормально, — лаконично ответил Русанов и добавил: — Весна на дворе, вон, огород вскопал. У вас чего? — он посмотрел на Виктора. — Молодое поколение подрастает.

— Витя, сгоняй через дорогу в ларёк, купи, пожалуйста, бутылку газировки. — Дмитрий Николаевич протянул Виктору бумажный рубль и, когда дверь за ним закрылась, продолжил, обращаясь уже к Русанову: — Да вот привёл тебе парня. Ученик мой. Позаниматься бы ему. Боксом, имею в виду.

— Так, Дима, я же не тренирую, в «Атлант» пусть идёт, там всегда набор открыт.

— Да ты ему просто азы покажи, двигаться научи, удар поставь. Парень неплохой, добрый. Цепляется там к нему один хлыщ, а этот отпор дать не может.

— Почему в секцию не идёт?

— Да он немного особенный, помнишь, как у Высоцкого в песне? «Бить человека по лицу я с детства не могу».

Юрий понимающе кивнул:

— Но ты же знаешь, одно дело — грушу лупить, другое — в паре работать. Груша ведь сдачи не даст. Пустое это, просто как ОФП, не более.

— Юра, эти ребята растут без родителей, у них фактически нет детства. Они привыкли выживать и приспосабливаться. Наша с тобой задача — помочь им найти своё место в этой жизни. Конечно, учить драться — это не то, что выведет их в люди, но в этом случае, думаю, нужно. Я вижу, что у этого парня есть потенциал, мне кажется, что он сможет многого добиться в жизни, если его направить в нужное русло.

— Ладно, пусть приходит, поработаем, — сдался Русанов. — Только не думаю, что из этого выйдет большая польза. Он сам-то хочет, или это больше твоё желание?

— Юра, вот и проверишь на деле, не мне тебя учить.

Дверь открылась, и вошёл Виктор, держа в руке пол-литровую бутылку боржоми.

— Вот сдача. — Он протянул мелочь трудовику, и тот убрал её в карман.

Взяв бутылку у Виктора, Дмитрий Николаевич сказал, чтобы тот остался, а сам, попрощавшись с Русановым, вышел, закрыв за собой дверь.

— Значит, хочешь научиться драться? — спросил Русанов, как-то странно посмотрел на Виктора, будто что-то припоминая. Виктор кивнул, но Русанов больше ничего не говорил, просто смотрел в упор и молчал. Виктору даже стало немного неловко от такой затянувшейся паузы.

— Как фамилия твоя? — вдруг спросил Юрий Иванович.

— Ярский, — сказал Виктор, и ему даже показалось, будто этот грузный непробиваемый человек вздрогнул и весь сжался, словно хотел от чего-то защититься.

Потом опять принял независимый, безразличный вид и спокойно сказал:

— Меня зовут Юрий Иванович.

— Да, я знаю вас. — Виктор смущённо посмотрел в сторону.

Русанов удивлённо поднял бровь:

— Хорошо. Мы с тобой позанимаемся. Я дам тебе домашнее задание. Не выполнишь, можешь больше не приходить. Понял? — Он сурово посмотрел на Виктора.

Тот кивнул.

— Пошли. — Русанов встал и жестом руки показал Виктору следовать за ним.

В конце длинного коридора была дверь. Русанов открыл её, и они зашли в просторную комнату примерно тридцати квадратных метров. Потолок здесь был выше, чем в том помещении, где они разговаривали. Посередине комнаты, на крюке, торчащем из потолка, висел большой боксёрский мешок. В углу к одной и другой стене был приделан турник. На другой стене висело несколько пар боксёрских

перчаток. Они были явно старше Виктора. Кожа во многих местах слезла или потрескалась и отходила лепестками. В стороне у окна стоял большой деревянный ларь со всяким инвентарём. Виктор думал, что сейчас Юрий Иванович скажет ему колотить грушу, и даже уже начал присматривать, какую бы пару перчаток снять со стены, но тот, порывшись в сундуке, достал оттуда скакалку и протянул её Виктору.

— Скакать умеешь? — спросил он и добавил: — Прыгай.

Виктор взял в руки скакалку и начал прыгать. Было даженеловко. «Глупость какая-то», — пронеслось в голове. Прыгать не получалось. Прыгнув два-три раза, он наступал на скакалку, или подпрыгивал раньше, или приземлялся позже. Словом, выходило смешно.

— Погоди, дай-ка сюда. — Русанов взял скакалку и чуть отрегулировал длину, завязав узелок на одной ручке. — На, теперь попробуй.

Теперь, правда, стало лучше, но Виктор прыгал, топая как слон, приземлялся с таким грохотом, что, наверное, было слышно на улице.

— Ты сейчас мне пол проломишь, прыгай мягче. Постой, дай мне. — Русанов забрал у Виктора скакалку, снял пиджак, повесил его на крючок на стене, снял с ног ботинки. Без пиджака, оставшись в облегающей футболке, он был как грузный комок мышц.

— Смотри, как надо, — сказал он и начал скакать.

Виктор не смог скрыть удивление, как этот тяжёлый, на вид неуклюжий мужик легко прыгал. Это было настолько удивительно и необычно, как будто он не имел веса: легко пританцовывая, прыгал на одной ноге, на другой, на двух. Он приземлялся абсолютно бесшумно, скакалка совершала обороты вокруг тела со свистом, а Русанов спокойно прыгал, как пружинка, грациозно танцуя какой-то свой собственный танец. Иногда он подпрыгивал повыше и успевал прокрутить скакалку два раза. Попрыгав так минут пять, он остановился и протянул скакалку.

— Иди и тренируйся. Возвращайся, когда сможешь пропрыгать тысячу раз без остановки.

— Тысячу? — округлил глаза Виктор.

— Да, тысячу, это не так сложно, как ты думаешь. Также я хочу, чтобы ты каждый день подтягивался на турнике по сто раз, отжимался от пола по двести и приседал по триста. Всё понятно? Потом приходи, будем заниматься.

Виктор шёл домой, держа в руке скакалку. Было радостно от того, что задание не казалось таким уж сложным, ни с кем не надо было драться. Но тысячу раз. Это же очень много.

Начать решил сразу. На пути в школу он не раз ходил через лесопарк, видел там скрытые от постороннего глаза полянки. Почему-то не хотелось, чтобы другие видели, как он целыми днями прыгает. Да бред какой-то. Что он за тренер вообще, не мог показать пару своих коронных ударов? Виктор бы выучил их и, возможно, справился бы с Сиплым. Но внутренний голос ему тут же отвечал:

— Ага, справиться с Сиплым, ну ты и наивняшка! Да он после первого удара тебя так отмудохает, что потом ещё хуже будет.

И тогда вся эта затея со скакалкой казалась ему ещё большим бредом, чем вначале.

Отжиматься было нетрудно: сначала у него получилось отжаться двадцать, потом пару раз по пятнадцать; затем стало тяжелее, и он делал подходы по десять раз, а когда счёт подходил к двум сотням, уже отжимался по пять и даже по три раза. В общем, справился. Присел триста — тоже довольно легко, а вот с подтягиванием была проблема. Виктор пошёл в школьный спортзал. Благо дверь там всегда была открыта. К счастью, там никого не было. Подтянулся пять раз, а когда подошёл сделать второй подход, не смог уже подтянуться ни разу. Руки были как ватные.

На прошлом уроке физкультуры, когда все подтягивались на оценку, Виктор подтянулся пять раз, это была оценка четыре. Мало, конечно, но некоторые парни не могли и раза подтянуться. Пять — это был его личный рекорд. Сиплый легко подтянулся десять раз и спрыгнул, получив пятерку. Наверное, мог бы и больше.

— Молодец, — крикнула Машка из параллельного класса, когда Сиплый соскочил с турника, и все посмотрели в её сторону. В Машку были влюблены, наверное, все парни его возраста, включая Виктора. Вот бы ему она так крикнула! Он бы дорого за это заплатил. Что же, вот он сейчас и платит. Подтянуться удалось не сто раз, а только восемь. Пять — и три раза по одному. Дальше дело не шло. Как он ни старался, мышцы отказывались слушаться. Про скакалку и речи быть не могло. Не было сил даже поднять руки, не только прыгать. Решил продолжить тренировки завтра.

На следующий день Виктор проснулся пораньше и направился в лес, на поляну. Для себя он назвал её лесным спортзалом. Начал со скакалки. Прыгалось очень тяжело. Как будто к ногам привязали две тяжёлые гантели, а скакалка весила килограммов десять. Решил передохнуть и перейти к отжиманиям. Отжиматься тоже было очень трудно. Удалось отжаться несколько раз по десять, и на этом силы закончились. Виктор разозлился на себя и на Юрия Ивановича, заодно на Сиплого, и даже на трудовика. К удивлению, это придало немного сил, и он смог выполнить норму по приседанию и наполовину — по отжиманию. Когда он добрался до спортзала, на подтягивание опять не осталось сил.

«Ладно, завтра как раз физкультура, там и подтянусь свою норму», — подумал он.

На следующее утро, когда Виктор проснулся, у него болело всё. От пяток до макушки. Все мышцы были одной сплошной болью, он даже полностью не мог разогнуться, так болел пресс на животе.

— Да пошло оно всё! — сказал он себе. — Не буду тренироваться. Надо отнести этому Юрию Иванычу скакалку и забыть. Это с самого начала была бредовая идея.

На обеде в школьной столовой Ярский шёл к себе за столик, неся поднос с едой. Ужасно болели мышцы. На подносе стояли тарелка борща, второе, пюре с котлетой и стакан компота. Обычный школьный обед. Тут краем глаза он увидел Сиплого, направляющегося в его сторону. Виктор поспешил за свой столик, прибавив шагу, но Сиплый опередил его. Он поднял руку, чтобы ударить Виктора по шее, и уже открыл рот, чтобы сказать: — «Кайфушка», но Виктор сделал шаг в сторону, чтобы увернуться, и ему это почти удалось. Ладонь Сиплого прошла вскользь по плечу и спине Виктора, но он всё же потерял равновесие и, чтобы не упасть, инстинктивно дёрнул руками. Всё, что было на подносе, полетело на пол. Сиплый довольный заржал и пошёл дальше, даже не остановившись. Виктор оглянулся ему вслед и увидел: о боже! — из-за своего столика прямо на него широко открытыми глазами смотрела Машка. Она всё видела и продолжала с интересом наблюдать. Виктора затрясло от ярости, и он вдруг не своим голосом заорал:

— Сиплый! Хохол, ты козёл, сюда иди!

Все, кто был в столовой, обернулись на него, и Сиплый тоже с удивлением, даже немного растерянно, посмотрел на Виктора, потом пришёл в себя, повернулся и прошипел:

— Чего ты сказал? Повтори.

За те несколько мгновений, пока он приближался, ярость Виктора успела смениться на тревогу, он почувствовал предательскую слабость в ногах, но слова уже были сказаны, отступать поздно. Он бросил поднос, сжал кулаки и поднял руки в боксёрскую стойку. Через секунду Сиплый был уже рядом. Ударить Виктор не успел — да какое там ударить, он даже не заметил удара Сиплого! С ходу, не останавливаясь, размашисто и хлёстко, тот справа влепил Виктору боковуху. Как будто граната взорвалась в голове. Виктор упал и на мгновение потерял сознание. Это был лёгкий нокдаун. Очнулся он, когда двое парней из его класса помогли ему встать. Виктор оглядывался по сторонам, приходя в себя. Сиплый довольный скалил зубы, но тут на него закричала Тамара Ивановна. Толстая повариха бросила разливать компот по стаканам и поспешила на шум. Сиплый развернулся и спокойно пошёл прочь, насвистывая, как ни в чём не бывало. Ярский бросил взгляд туда, где сидела Машка. Она ела, уткнувшись в свою тарелку, нарочито низко опустив голову, как будто ничего не случилось. Голова слегка кружилась, во рту Виктор почувствовал солёный привкус крови. Удар получился настолько сильный, что он порвал внутреннюю сторону щеки о зубы, но это сейчас меньше всего волновало Виктора. Сейчас он точно знал, что должен делать.

Стиснув зубы, он с остервенением прыгал и прыгал на грёбаной скакалке, потом, не обращая внимания на боль, отжимался и снова отжимался. Подтягиваться в зал не пошёл, не хотел, чтобы кто-нибудь заметил его за этим занятием. «Позже наверстаю», — думал он. И снова прыгал и прыгал. Боковым зрением Виктор заметил какое-то движение в лесу. Он остановился и резко повернул голову. На краю поляны, метрах в тридцати от него, на задних лапках стоял енот и внимательно за ним наблюдал. Виктор не мог отвести взгляда от мохнатого зверька, такой классный он был. Прикольная острая мордашка с чёрными глазами-бусинками, передние лапки — словно руки у человека, большой пушистый хвост. Виктор никогда в жизни не видел енотов, только на картинке. Он как заворожённый долго смотрел

на животное, а енот с таким же интересом наблюдал за человеком. Наконец Виктор позвал его, присев на корточки и похлопав рукой по коленке:

— Шарик, Шарик, иди сюда.

Енот повёл носом, опустился на четыре лапки, развернулся и, виляя шикарным пушистым хвостом, учапал прочь. Виктору показалось, что зверёк даже кивнул ему головой на прощание.

«Бывает же такое, — подумал он. — Прямо как будто дрессированный».

На следующий день боль в мышцах стала ещё сильнее, и Виктор уже подумал: а не повредил ли он чего своими упорными тренировками. Но после школы, когда он опять пришёл на поляну и начал прыгать, боль стала как будто бы меньше. Нет, не меньше, просто привычнее. Он попросту перестал обращать на неё внимания. Приседать было на удивление легко, ноги хоть и побаливали, но не так сильно, как руки и живот. Виктор решил увеличить нагрузку на ноги и вместо отжиманий целый день приседал. Он присел около тысячи раз. Сначала считал, потом сбился со счёту. Как он раньше сам до этого не додумался? Ведь тренироваться — это так просто и так интересно!

Через три дня боль полностью прошла. Виктор с радостью отметил, что, отжимаясь по двадцать раз, он почти не теряет силы, и, отдохнув, попробовал отжаться на рекорд. Получилось аж пятьдесят. Прыгать тоже стало намного легче. Уже не так сбивалось дыхание, как вначале. Он попробовал прыгать на одной ноге — получилось. На другой — тоже получилось. Через две недели на уроке физкультуры бегали стометровку, Виктор пробежал неплохо. Потом пошли на турник. Все по очереди начали подтягиваться — кто пять раз, кто семь. Сиплый в этот раз подтянулся двенадцать. Было видно, что он хотел больше, но не хватило силы. Даже двенадцатый вышел не до конца, с натягом.

— Молодец, Сипелко! — Физрук что-то записывал в своём журнале, где Ярский по алфавиту находился в конце списка и подтягивался одним из последних. Когда он запрыгнул и начал, то с удивлением почувствовал необычную легкость, как будто вес тела уменьшился наполовину. Он на одном дыхании подтянулся восемь раз, что вызвало одобрительный ропот в зале. Повисел пару секунд — потом ещё два раза. Ещё повисел — потом ещё раз.

— Э-э, так нельзя, — вдруг ни с того ни с сего сказал Сиплый. — Он отдыхает.

— Отдыхать не воспрещается, — заметил физрук, — если ты продолжаешь висеть на турнике. Давай, Витёк, ещё разик.

Виктор напрягся изо всех сил, собрал всю силу воли, но не смог. Подтянулся, но не до конца.

— Одиннадцать с половиной, — крикнул кто-то из строя.

— Половина не считается, одиннадцать. Молодец, Ярский, — сказал физрук, ставя пятёрку.

— Слабак, — выкрикнул Сиплый, но в голосе его слышались нотки досады. Он явно не ожидал такого от Виктора.

Теперь Виктор тренировался намного интенсивнее — он сам себе поднял планку во всех трёх заданиях, что дал ему тренер. Единственное, что не получалось сделать, это проскакать тысячу раз. Не хватало дыхалки. Как и почти все парни, Виктор, конечно же, курил. Это казалось настолько обычным, что бросить даже мысли не возникало. Первый раз он попробовал в десять лет и уже третий год дымил как паровоз, стреляя сигареты у прохожих мужиков. И тут вдруг, ни с того ни с сего, отдышавшись в очередной раз, он подумал: «А зачем? Ведь это же абсолютно противоестественно — вдыхать в себя дым».

Сначала он решил бросить с завтрашнего дня, потом с понедельника, потом с первого мая. Бросить оказалось не так-то просто. Организм по привычке постоянно просил яду.

Прошёл месяц с начала тренировок, когда ему всё же удалось пропрыгать тысячу раз за один подход, и он, гордый и довольный собой, пошёл к тренеру. Там его ждало очередное разочарование. Когда Виктор постучался, и никто не ответил, он толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Вошел в дом.

— Есть тут кто? — громко спросил он.

Тишина.

— Юрий Иванович, вы дома? — ещё громче позвал он.

— Кто там? Чего надо? — он вдруг услышал невнятный голос из другой комнаты.

— Это Виктор, — сказал он громко, но уже менее уверенно.

За стеной кто-то зашевелился, заскрипел диван, и затем послышались шаги по скрипучему полу.

— Какой ещё Виктор? — опять спросил Юрий Иванович, когда появился в дверях из другой комнаты. — А, это ты, парень. Ну чего, получилось? Научился прыгать? — Он был чертовски пьян.

Это был как будто совсем другой человек. Осунувшийся, с мешками под глазами. Щетина двухнедельной небритости, наполовину седая, добавляла ему лет десять, если не больше.

— Да, научился, — Виктор был настолько удивлён и в то же время разочарован увиденным, что едва мог говорить. Было обидно. Неужели это всё зря?

— Какой сегодня день? — спросил Русанов.

— Суббота, — ответил Виктор.

— Я тут немного… это. Ну ладно. В общем, приходи в понедельник после школы. Понял?

Виктор кивнул.

— Вам, может, надо чего? Может, купить чего? — спросил он.

— Чего? А, нет, ничего не надо, в понедельник приходи, а сейчас давай проваливай.

С нетерпением дождавшись понедельника, Виктор снова пошёл к тренеру. На этот раз Юрий Иванович встретил его в зелёном спортивном костюме и лёгких полукедах. Он был чисто выбрит и выглядел как будто помолодевшим.

— Пришёл? Молодец, пошли в зал. — И, не оборачиваясь, зашагал по уже знакомому коридору.

— Ну, показывай, чему научился, — сказал он, когда зашли в его домашний спортивный зал.

Виктор снял ботинки, чтобы было легче ногам, взял скакалку поудобнее и начал прыгать. Это было теперь таким привычным занятием, что вообще не составляло никакого труда. Теперь ему казалось, что он может прыгать так хоть целый день.

Юрий Иванович молча смотрел, потом сказал:

— Молодец, так гораздо лучше. Достаточно. Остальные упражнения все выполнил?

— Да, — ответил Виктор и с гордостью добавил: — Я стал больше подтягиваться.

— Сколько раз? — спросил Русанов.

— Одиннадцать, — опять с гордостью сказал Виктор.

Но тренер покачал головой:

— Мало. Не переставай заниматься, увеличь нагрузку в два раза.

Виктор посмотрел на боксёрский мешок, на перчатки и спросил:

— А когда мы по-настоящему начнём тренироваться?

Русанов улыбнулся:

— Мы уже давно начали. Теперь будем учиться ходить. Вставай сзади меня, смотри, как я двигаюсь, и повторяй.

И они начали ходить по кругу. Медленно и плавно. Юрий Иванович двигался мягко, крадучись, как кот. Виктор пытался повторить точь-в-точь, но получалось не очень.

— Понаблюдай, как ходят животные, — говорил меж тем Юрий Иванович. — В основном, кошки. Кошка идёт плавно, сначала ставит вперёд правую переднюю лапу, потом левую заднюю, затем переносит на них вес тела и ставит вперёд уже левую переднюю и потом правую заднюю лапы. Мы же, люди, двигаемся так: правая нога — вперёд и одновременно левое плечо — вперёд, потом левая нога — вперёд одновременно с правым плечом. И так и ходим, привыкаем, плавно и размеренно. Вес тела всегда посередине.

Затем он отошёл в сторону и стал поправлять Виктора, если тот делал неправильное движение.

— Так, теперь на каждый шаг за плечом выкидываем руку — и удар. Так — и удар. Неправильно держишь кулак. Смотри, это тебе не карате какое-нибудь, возьми в руку воображаемый молоток и забей гвоздь. Вот, теперь правильно. Вот, так и ходи. На каждый шаг — удар. Шаг — и удар. Занимайся, я вернусь.

Виктор ходил, наверное, целый час и, когда Русанов вернулся, у него уже неплохо получалось.

— На, надевай. — Тренер протянул Виктору пару боксёрских перчаток тёмно-синего цвета. Они были совсем новые, даже пахли краской и кожей.

— Это мне? — Ярский взял перчатки и с нескрываемым удовольствием стал их надевать. Перчатки были неудобные, но совсем не тяжёлые, как он думал.

— Давай поработай по мешку, левая — в защите, правой — удар. — И Русанов показал движение.

Удары получались слабые, двигаться было очень неудобно. Виктор не раз видел, как колотят боксёрский мешок, но на деле это

оказалось не таким уж простым занятием. Юрий Иванович остановил его и стал показывать, как правильно:

— Смотри, когда ты стоишь в стойке, распределяй вес посередине. Левая нога — вперед, правая — чуть сзади. Ты бьёшь не просто рукой, ты должен вложить в удар вес всего тела. Удар начинается от носка правой ноги. Ты поворачиваешь пятку, собираешь энергию, дальше — колено, бедро, через мышцы спины энергия идёт на плечо, и уже затем вес всего тела ты направляешь в кулак. Давай работай.

Получилось, конечно, не сразу, но, зная теорию, работать по мешку стало намного интереснее. Время от времени Русанов останавливал Виктора и поправлял, указывая на ошибки.

— Ты бьёшь, как будто хочешь проткнуть мешок насквозь, — говорил он. — Удар должен быть резким, сильным, но сразу возвращай руку в исходное положение. Назад рука должна возвращаться даже быстрее, чем сам удар.

Теперь Виктор почти каждый день приходил к Юрию Ивановичу, и тот каждый раз показывал ему что-то новое. Колотил мешок, работали в паре по лапам, иногда боксировали.

Всего через четыре месяца интенсивных тренировок с Русановым Виктора было уже не узнать. Теперь он легко подтягивался двадцать раз. В любых спортивных играх был если не лучший, то один из лучших. Несколько раз учитель по физкультуре заставал его в спортзале во внеурочное время. Один раз, после физкультуры, он сказал:

— Ярский, я вижу, тебе интересно заниматься на турнике. Перед зимними каникулами, в декабре, в городе будут проводиться соревнования по силовому троеборью. Это подтягивание, выход силой на две руки и отжимание на брусьях. Есть желание выступить от нашей школы?

— Конечно! — Виктор очень удивился и обрадовался такому предложению.

— Тогда продолжай заниматься, — сказал физрук. — Я тебя внесу в списки участников.

Всё становилось интереснее. Казалось бы, ещё несколько месяцев назад он даже представить не мог, что будет выступать на соревнованиях от школы. Самое удивительное, что даже Сиплый

теперь перестал его задевать. Он как почувствовал перемены в характере Виктора. Конечно, драться с Сиплым — это было как выступить в роли боксёрской груши, но перспектива быть битым теперь нисколько не беспокоила Виктора. Ему даже самому хотелось схлестнуться со своим недавним обидчиком. Хотелось попробовать свои силы.

Ещё он заметил, что Машка стала смотреть на него по-другому. Виктор раньше даже представить не мог, что она может обратить на него внимание, а тем более заговорить. Как-то в школе произошло интересное совпадение: они с Машкой хоть и учились в параллельных классах, но случайно оказались вместе после занятий. Виктору среди всех уроков больше всего не нравился английский. Он был ему просто неинтересен за ненадобностью. Учить эти иностранные слова вообще не хотелось. Надо сказать, учительница Мария Григорьевна была очень требовательна и с самого первого урока заявила:

— Ребята, будет трудно, но английский вы у меня будете знать все.

Виктор тогда ещё посмеялся над такой самоуверенностью училки. Сейчас, усиленно занимаясь спортом, он вообще перестал уделять внимание учебе. Получив очередную двойку за невыученные слова, Виктор был оставлен после уроков. Мария Григорьевна дала ему листок, где было написано около сорока слов, и строго сказала:

— Ярский, пока не выучишь, никуда отсюда не уйдёшь.

Тренировки в этот день не было, но хотелось пойти позаниматься в спортзале, может, пробежаться, а тут такой облом. Виктор сидел на задней парте и смотрел в окно на двух ворон, которые топтались на соседней крыше и громко каркали друг на дружку. Походу, ругались. Перед ним лежал листок, на который он изредка поглядывал, понимая, что это пустое. Всё равно не выучить. Учительница сидела за своим столом и что-то писала. Когда открылась входная дверь, он вяло поднял глаза и увидел. Блин, это была Машка!

— А, Маша, заходи. Всё сделала? — спросила её учительница.

— Да, Мария Григорьевна, я всё перевела. И этот рассказ тоже. — И она положила тетрадь на стол перед учительницей.

— Молодец, я проверю. — Мария Григорьевна подняла глаза на Виктора, увидела, что тот, не отрываясь, смотрит на них. — Вот

видишь, Ярский, как надо — человек целые рассказы переводит, а ты трёх слов выучить не можешь.

Машка посмотрела на него, задержала взгляд и вдруг сказала:

— Привет.

— Привет, — еле слышно ответил Виктор, невероятно тушуясь.

И тут Машка удивила его так, что он сначала не поверил своим ушам.

— А давайте, я с ним позанимаюсь, — сказала она уверенным голосом.

— Ой, Маша, было бы замечательно, — обрадовалась Мария Григорьевна. — Позанимайся, а то я уже хочу его здесь ночевать оставить.

У Виктора чуть дыхание не остановилось, когда Машка запросто села рядом, взяла листок со стола и спокойно спросила:

— Чего тут у тебя?

От неё так приятно пахло свежестью и какой-то косметикой или парфюмом, что он невольно вдыхал глубже, чтобы насладиться. Это казалось таким нереальным: Машка сидит рядом и разговаривает с ним. Такая всегда недоступная, а тут вот она. Красивая и умная.

— Выучил уже чего-нибудь? — спросила она.

— Нет пока, — хриплым голосом выдавил из себя Виктор.

— У тебя тут всё вразнобой. — Машка достала из сумочки тетрадь, открыла на чистой странице и пододвинула к нему. — Ты пиши, а я буду диктовать. Сейчас мы все слова рассортируем, неправильные глаголы напишем отдельно и сразу в трёх формах.

Он взял ручку, приготовился писать. Даже от Машкиной тетрадки был приятный аромат каких-то растений. Она придвинулась ближе и начала диктовать. Ну как тут записывать, если сердце колотилось так, что, пожалуй, было слышно в соседнем кабинете? Машка, видя, что у него ничего не получается, забрала тетрадь и быстро красивым почерком написала с десяток глаголов в трёх формах.

— Давай сначала вот эти выучим, — сказала она. — Я буду по-английски говорить, а ты — русский перевод, потом наоборот.

На удивление, запомнил быстро. Даже раза с третьего написал всё без ошибок.

— Ну вот, молодец, — похвалила Машка. — Давай ещё десять слов напишем.

Просидели часа два. Виктор даже не заметил, как ушла Мария Григорьевна. Они были с Машкой вдвоём, сидели рядом и так спокойно общались, как самые настоящие друзья. Потом она сказала:

— Всё, хватит на сегодня. Повторяй эти слова, и давай в следующий раз встретимся и закрепим. А потом можно будет попробовать поговорить. На слух по-другому немного воспринимается.

— А ты где так хорошо английский выучила? — спросил уже осмелевший Виктор.

— Как где? — засмеялась Машка. — Здесь, в школе, просто я много дополнительно занимаюсь. Хочу идеально говорить, так же как по-русски.

— Да ну? Так ведь нельзя выучить, — удивился Виктор.

— Конечно, можно. И ты можешь, если очень захочешь, — сказала она, посмотрев ему прямо в глаза.

Она была так близко, что у Виктора снова появилось волнение. Она замолчала, и они несколько секунд просто смотрели друг на друга. У Виктора даже появилась шальная мысль, а не поцеловать ли Машку, но он тут же отмёл её, как заоблачную нереальность.

— Ладно, Ярский, я пошла. — Машка вдруг резко встала, взяла свои вещи и снова стала далёкая и недоступная. — Давай продолжим здесь же после уроков. — Она задумалась: — Послезавтра. Только чтобы все слова выучил, а то я с тобой заниматься не буду.

— Давай послезавтра. — Виктор тоже зачем-то встал, нелепо глядя на Машку. — Выучу, конечно.

Он зубрил с утра до вечера, но выучил всё так, что от зубов отлетало. Когда к назначенному времени Виктор пришёл в класс, там никого не было: ни учительницы, ни Машки. Сел на то же место и ещё раз всё повторил. За два дня выучил, ни много ни мало, около сорока слов. Машка зашла так внезапно, что опять волнение захватило с ног до головы.

— Привет, — сказала она, присаживаясь рядом. — Всё выучил?

Он кивнул, не отрывая от неё взгляда. Опять этот аромат лесной свежести. Как ей это удаётся — всегда так суперски выглядеть?

— Давай, Ярский, будем тебя проверять, — с лёгкой иронией в голосе сказала она, беря в руки тетрадку.

Сегодня Машка была строгая, как учительница, и Виктор даже немного растерялся, не зная, как себя с ней вести. Почти всё он ответил без запинки и написал без ошибок, но, когда Машка попробовала с ним поговорить по-английски, Виктор стушевался и ничего не смог ответить. Занимались долго, наверное, часа два. Потом она замолчала, посмотрела прямо в глаза Виктору и, положив свою руку на его запястье, выдержав паузу, тихо, но очень внятно сказала: «Ярский, you aremy favorite boy».

Затем встала и ровным шагом, с достоинством вышла из класса. Она даже не попрощалась. Виктор сидел ни жив ни мёртв и смотрел на дверь, куда только что ушла эта загадочная красавица, не похожая ни на одну девушку из его школы. Да что там, она была не похожа ни на одну другую девушку в мире! Первым делом он русскими буквами записал на листке то, что она ему только что сказала: «юа'майфэйворитбой». Как-то так оно звучало. Он знал только одно слово, бой — это мальчик. Что-то подсказывало ему, что она сказала что-то очень интимное и что-то очень приятное. Первым делом он полез в словарь, но ничего даже отдаленно похожего не нашёл. Возможно, если бы словарь мог воспринимать информацию на слух, то он бы мог перевести фразу, но он не мог. Виктор пробовал методом тыка переводить и так и этак, но тщетно. Появился даже соблазн показать слова учительнице, но он тут же отмёл это как полный трэш. Если бы Мария Григорьевна знала, сколько усилий ему понадобилось, чтобы перевести эту фразу на русский, только за усердие поставила бы пятёрку, но она, конечно же, не знала и никогда не узнала. В конце концов он смог перевести незатейливый Машкин квест. По-русски это звучало так: «Ты мой любимый мальчик».

Этот момент Виктор запомнил на всю жизнь. Это было как детское признание в любви. Пожалуй, даже сильнее. Словно одновременно запели все птицы и расцвели все цветы, словно он победил всех соперников и подтянулся миллион раз. Как будто снова были живы родители, и всё вокруг сверкало радостным сиянием. Захотелось тут же найти Машку, обнять её и закружиться в танце, в каком-то невероятно красивом вальсе. Наплевать, что он совсем не умел танцевать. Тогда ему показалась, что он всё умеет, он даже мог летать, если бы захотел. Стоило только расправить руки, и они бы сразу превратились в крылья.

В тот день в вестибюле было полно народу. Уроки только что закончились. Виктор шёл к ней. Он хотел подойти и просто пригласить Машку вместе прогуляться после школы. Почему-то у него даже мысли не возникало, что она может ему отказать. Это было как наваждение, он как заколдованный зомби просто шёл в направлении толпившихся в раздевалке школьников. Обычный шум и гам внезапно смолкли. Возможно, они смолкли лишь в его ушах, когда Виктор увидел её. Красивая и опрятная, длинные распущенные волосы, в руках учебники, сумочка через плечо. Машка не замечала его и говорила с кем-то из своих подруг, когда в этой его придуманной сказке вдруг промелькнула первая тень сомнения. А вдруг Машка выставит его на смех? Вдруг она ничего такого не думала и сказала эту фразу просто так? Стало страшно. Мир придуманных иллюзий замер и стал медленно расплываться, как акварельная картина, на которую попала вода. Яркие краски красивой сказки начали превращаться в чёрно-белое марево. Он замедлил шаг и уже почти остановился, когда перед собой увидел Сиплого. Встреча с Сиплым сейчас была настолько нелепа и нежелательна, что Виктор вначале даже не поверил своим глазам. Он смотрел на Машку, но краем глаза увидел, как Сиплый отвёл правую руку и замахнулся, чтобы ударить его под-дых. Это было предсказуемо. Настолько предсказуемо, что у Виктора даже было время увернуться, но он не стал. Успев сделать быстрый короткий вздох, он принял удар, как учил Юрий Иванович. Напряг пресс, сделав левой ногой шаг в сторону и поворачивая корпус вправо. Видя, как открыт Сиплый, Виктор легко мог ударить правой на опережение. Он бы точно достал Сиплого правым хуком, но не хотелось бить первым. Удар Сани прошёл вскользь, и Виктор, продолжая уходить влево, чуть подтолкнул Сиплого. Саня потерял равновесие и, пролетев мимо него, чуть было не упал вперёд себя. Когда он обернулся, Ярский увидел на лице у того растерянность и недоумение. Уже позже, когда Виктор стал намного старше и побывал во многих уличных потасовках, понял, насколько он был неправ, давая фору своему недругу. Нельзя жалеть своего обидчика. Надо всегда использовать все свои возможности, чтобы победить, — все до единой. Тогда же Виктор внезапно почувствовал своё превосходство над Сиплым, почувствовал, что он сильнее. Он был готов к этому поединку и физически, и морально. Буквально несколько месяцев назад, когда в

столовой Виктор вынужденно, хоть и осознанно принял решение драться с Сиплым, он заранее знал исход той драки. Сегодня уже был большой вопрос, кто станет победителем. Вероятно, это понимал и Сиплый. Он медленно повернулся, но не торопился нападать, как в прошлый раз. Просто с лёгкой улыбкой стоял и наблюдал, что тот будет делать. Несколько секунд они оба просто молча стояли в двух метрах друг от друга и ничего не предпринимали. Виктор заметил, что все вокруг так же смотрят на них. Всё сразу затихло, не было привычного школьного шума, ни разговоров, ни суеты. Он очень хотел, чтобы Сиплый напал первым. Тогда бы он знал, что делать, но Сиплый не нападал, и это вновь спутало все карты. Возможно, теперь, после упорных тренировок, Виктор не уступал Сиплому в физической подготовке, но вот в хитрости уличных драк они были явно на разных уровнях. Всё-таки бокс и драка — это не одно и то же, и Сиплый со своим опытом здесь переигрывал Виктора на порядок. Как только у того начали сдавать нервы в этом молчаливом противостоянии, Саня, сделав обманный маневр, как будто собирается уходить, как-то незаметно быстро приблизился и с остервенением ввязался в драку. Сразу правый, левый, снова правый — и всё по лицу. Это было не то, что они с Юрием Ивановичем отрабатывали в зале, где работали в основном двоечками. Левая — в защите, правая — удар. Нет, Сиплый не занимался боксом, он бил не по канонам боксёрского поединка. Его хаотичные удары были резкими, сильными и непредсказуемыми. Виктор сразу пропустил, наверное, с десяток. Всё, чему он учился, сейчас не пригодилось. Он стал так же хаотично отмахиваться, без каких-либо правил. Никакого распределения веса, никакой защиты, просто получал, пропуская и даже не уворачиваясь, и со всей силы бил обратно. Пару раз Сиплый попал очень точно — в голове у Виктора сверкнуло, но он устоял. Сиплый тоже пропустил хороший и точный удар и на секунду остановился. Он отступил на шаг, переводя дыхание. Этого времени Виктору хватило, чтобы прийти в себя и оценить ситуацию. Моментально вспомнились слова Юрия Ивановича: «Если противник остановился, то он не тебе даёт время восстановиться, а отдыхает сам. Не давай ему это сделать, нападай».

И он напал. Теперь уже как по учебнику: стоечка, маятник, несколько обманок левой, и вот он увидел это уже знакомое выражение недоумения на лице Сани. И Виктор ударил. Прямой правый в лицо,

сильно и точно, но Сиплый, думая, что предугадал удар, увернулся, закрывая лицо обеими руками. Это и была его ошибка. Отработанным сильнейшим хуком слева, вкладывая вес всего тела, Виктор врезал по открытой печени. Кто хоть раз пропускал такой удар, знает, о чём речь. Это было больно, очень больно. У Сиплого тут же сбилось дыхание, он схватился за бок, не в силах разогнуться, открылся и как-то обречённо посмотрел на противника. Судьба поединка была решена, оставалось только поставить жирную точку. Виктор уже знал, что следующий удар будет последним, и даже мельком прикинул: сбоку — в подбородок или прямой — в нос? Сиплый стоял полусогнутый и часто дышал короткими вздохами. Опять маятник, и, как учил Иваныч, от ноги, от бедра, со всей силы, за все обиды, за Машку — всю злость в один удар. Но видя извиняющееся лицо Сиплого, он не смог. Виктор ударил, но, наверное, в полсилы. Точно, правильно, как многократно отрабатывали на тренировках, но только в полсилы. Сиплый упал как подкошенный. Виктор даже удивился, что ему хватило такого, по сути, несильного тычка, чтобы отрубиться.

Только сейчас, оглядевшись, он увидел, сколько зрителей собралось вокруг. Машка смотрела прямо на него и почему-то улыбалась. Трудовик, стоявший за вешалками в дальнем углу, одобрительно кивнул и вышел из раздевалки. Сильнейшая эйфория нахлынула на Виктора. Необъяснимый восторг первой в жизни значимой победы. Он поднял вверх сжатые кулаки и представил, как дрались спартанцы в древней Греции. Проходили на уроках истории, какие сильные и мужественные они были. Держа руки выше головы, он вдруг закричал:

— Я Зевс! Я Зевс! А-а-а! Я Зевс!

Постепенно приходя в себя, Ярский опустил руки и посмотрел вниз на Сиплого. Тот зашевелился, повернул голову, и их глаза встретились. Сначала Виктору показалось, что Сиплый сейчас встанет и снова полезет драться, но тот только слабо улыбнулся, сел, потрогав челюсть, и вдруг протянул руку. Виктор помедлил. На мгновение показалось, что, подай он руку, Сиплый схватит за неё, а второй точно врежет ему. Но он всё-таки дал Сане руку и помог подняться. Тот встал и огляделся по сторонам. У Сиплого из губы текла кровь, а под обоими глазами уже начинали наливаться синяки. Потом он посмотрел на Виктора и вдруг сказал:

— Ну что, Ярский, дружба?

— Да, — только и смог промолвить Виктор.

— Да уж. Зевс, — ухмыльнулся Сиплый и, качая головой, медленно направился прочь.

Три года спустя. Июнь 1985, Белозерск

Виктор с Саней сидели на ступеньках у входа в школу. Виктор держал в руках учебник по алгебре и пытался читать. Назавтра был выпускной экзамен. Надо сдать как минимум на четыре, так как в Череповецкий металлургический техникум, куда он собрался поступать, был конкурс. Там учитывался и средний балл по годовым оценкам, и балл по экзаменам. Сиплый скучал рядом. Он задумчиво курил и смотрел в сторону галёрки, где толпилось несколько негров. Негры приехали из дружественной африканской страны: то ли Замбии, то ли Мозамбика. Их была целая группа. Говорят, их привезли по обмену, человек двадцать или двадцать пять. Кого там на кого меняли, Виктор не знал, да и не интересовался. Они учились в Речном училище, ходили все в одинаковой униформе и говорили по-русски так, что почти ничего было не разобрать. Негры все были рослые, крепкие, чёрные как смоль, но с белыми ладошками, что всегда забавляло Сиплого.

— О, смотри, Зевс, мавры сюда чешут, — он ткнул друга в бок.

Тот, оторвав взгляд от своего учебника, посмотрел на Саню:

— Кто чешет?

— Ну вон, смотри, негры к нам идут, — и показал рукой на двух чёрных пареньков лет восемнадцати-двадцати.

Негры шли по тропинке, намереваясь пройти как раз мимо ребят, и о чём-то тарабанили на своём тарабарском, когда Сиплый сказал:

— Чё, пошли, наваляем им.

— Нафига? — искренне удивился Виктор.

— Чё они тут ходят, как у себя дома, — как-то очень аргументированно заявил Сиплый.

— Да Саня, пусть они идут своей дорогой, остынь.

Виктор пытался отговорить друга от ненужной, казалось бы, неоправданной драки, которая вот-вот готова была вспыхнуть, и снова уткнулся в учебник.

— Да ты задрал уже читать свою ахинею, Ивановна тебе трояк и так поставит, или зассал, что ли? — с ехидной улыбкой съязвил Сиплый. — А-а, Зевс-то — ссыкло!

— Ничего не зассал, пошли, — неожиданно согласился Виктор и первый встал.

Сиплого уговаривать было не надо. Он тут же вскочил на ноги. Два негритянских парня как раз поравнялись с ними, когда Саня преградил им путь.

Он не стал ничего говорить, а просто неожиданно и сильно влепил одному из них прямой правый. Негр не ожидал удара и, не успев среагировать, конечно же, словил нокдаун и упал как подкошенный, Виктор двинулся на второго, но Сиплый его опередил и левым хуком пытался повалить чёрного паренька. Тот увернулся от обоих и отскочил на пару шагов назад. Первый негр, к удивлению, быстро вскочил на ноги, потряс головой и бодро так засветил Сиплому хлёсткую боковуху слева, так что было слышно, как чавкнуло ухо или щека. Виктор тоже хорошо попал второму снизу в подбородок, но негр устоял и ответил. Пока они лупцевали друг друга, ещё несколько чернокожих уже бежали к ним от галёрки.

Сиплый, размахивая своими кулачищами и пыхтя, кричал что-то матерное. Когда четверо чёрных парней подбежали к ним, стало понятно, что теперь их точно ушатают, но вдруг один из негров, который бился с Сиплым, крикнул им что-то на своём. Виктор не понял слов, но было ясно, что тот сказал, чтоб не ввязывались. Негры остановились вокруг в паре метров и смотрели, как четверо парней уже устали и просто лениво обменивались ударами. Всё остановилось так же быстро, как и началось. Все четверо стояли друг напротив друга, пыхтя и тяжело дыша. К удивлению, оба негра улыбались во всю морду. Им, конечно, здорово досталось, но, похоже, оба были в порядке. На ужасном русском один спросил у Сиплого:

— Всё? Ничья? Или ещё драдцца будете?

— Вроде ничья. — Сиплый, трогая рукой челюсть, проверял — на месте ли.

Он выглядел даже каким-то растерянным. Из губы текла кровь, ухо было краснющее. Виктору тоже хорошо попало. Негры были явно постарше их, оказались крепкими малыми и, что немаловажно, имели представление о морали, не дав товарищам вступиться. Двое на двое,

всё честно. А может, просто они быстро соображают и просчитали, что если будет нечестно, то этим всё не ограничится и потом им попадёт гораздо сильнее. Один негр протянул Виктору руку и сказал:

— Минья завут Дэвид.

Виктор пожал руку и тоже назвал своё имя. Второго звали Рикардо. Остальные тоже поручкались. Сиплый жал руки неохотно, но пришлось. Он явно не считал, что этот поединок закончился ничьей. Это было поражение, а проигрывать он не любил. Когда уже собрались расходиться, Дэвид подошёл к Виктору, показал на начинающий наливаться синяк и вдруг сказал:

— Извиньи, бьират.

— Да ващще не парься, бьират, — в тон ему ответил Виктор и широко улыбнулся.

Через несколько дней после инцидента с неграми, в субботу вечером, Виктор стоял недалеко от танцплощадки, высматривая Машку. Танцы по субботам — обычное дело, единственное, наверное, тусовочное место в Белозерске. Правда, танцевать приходили больше девчонки, а парни в основном кучковались по сторонам, выглядывая с кем бы познакомиться. Здесь, как правило, было место выяснения отношений. Драки были обыденным делом, и на них особо никто внимания не обращал. Машки нигде не было, видимо, ещё не пришла, и Виктор, лениво оглядываясь по сторонам, увидел знакомых негров. Они не стояли в сторонке, а лихо выплясывали прямо посреди танцпола. Причём в окружении, пожалуй, десятка девчонок. Негры выдавали что-то поистине профессиональное. Двигались они не хуже Майкла Джексона, видимо, это у них от природы. Было интересно, что же будет дальше. Виктор уже видел косые взгляды местных аборигенов в их сторону. Вопрос, наваляют им или нет, не стоял, было только неясно, сейчас сразу или после танцев. Негров было всего четверо, и несложно было предположить, чем всё закончится. Через какое-то время включили медляк, и местные красавицы чуть не подрались из-за темнокожих парней. Те были просто нарасхват. Виктор видел, как белозерская братва, о чём-то перешёптываясь, не отводила глаз от происходящего на танцплощадке. Тут он увидел Машку с подругой — они шли по аллее и о чём-то мило беседовали. Подошёл к ним. Девчонки были одеты не для танцев и собирались прогуляться на озеро. Виктор сказал, что подождёт Саню и потом они вместе туда

подтянутся. На том и порешили. Пока стояли в сторонке и разговаривали с Машкой, он мельком поглядывал на танцпол. Там уже пошла движуха. Один из пацанов, невысокого роста заводной шкет Тихон, забрался на танцплощадку. Походкой, словно он был весь на шарнирах, Тихон, проходя мимо танцующих, сильно задел чёрного плечом и, не останавливаясь, пошёл дальше. Не сработало — негр не повёлся на заводку, а продолжал плавно и грациозно кружить пухленькую красавицу. Парни издалека разводили руками, подначивая Тихона: мол, чего как лошара, давай ткни негра ещё раз.

Виктор, глядя вслед удаляющейся Машке с подругой, побрёл обратно туда, где громко играла музыка. Видимо, со второго раза Тихону всё-таки удалось завладеть вниманием чёрного паренька. Он, растопырив пальцы обеих рук, отчаянно жестикулируя, объяснял чего-то мавру, который был почти на голову выше его, слушал и улыбался толстыми губами. Тихон привычно махнул рукой, типа пойдём, поговорим вон там, а чёрный, походу, согласился. Виктор посмотрел на лужайку под клёнами. Там стояла толпа местных, человек десять или больше. Многих Виктор знал. Почему-то стало жалко негров. Вроде нормальные ребята, ведут себя прилично, никого не задевают. Ну пришли, потанцевали, чего здесь такого? Из-за этого не обязательно разбивать им носы. Оглядел толпу. Пара плотных ребят из «Атланта» примерно его возраста, остальные так, уличная шпана. Если бы не эти двое, то у негров, возможно, был бы хоть какой-то шанс, а так вряд ли. Виктор заметил ещё человек пять, что шли по аллее в их сторону. Пригляделся — с ними шёл Сиплый. «Пиздец гостям из Африки», — пронеслось в голове. Вдруг ни с того ни с сего пришло моментальное озорное решение. Надо, пожалуй, встать за негров, да и пошло оно всё! Подраться желание было, хотелось выпустить пар, а здесь как раз будет интересно. Он прибавил ходу, и, когда подошёл, четверо темнокожих уже стояли полукругом так, что в темноте блестели только белки глаз. Напротив них, потирая руки, местные аборигены, как стадо быков, били копытом. Чтобы всё началось, нужна была только искра. Виктор глянул на негров — ни тени испуга. Стояли плечом к плечу, просто красавцы. Подошёл и встал с ними рядом.

— Не понял, — сказал один из «атлантовских» боксёров Захар. — Зевс, ты ничо не попутал? С чего это ты за негров впрягаешься?

— А чего плохого они тебе сделали? — сказал Виктор, незаметно для себя начиная пританцовывать и периферийным зрением оглядывая всё вокруг. В любую секунду должно было всё начаться.

— Ну, они так ведут себя, что сами напросились, — сказал Захар, делая пару шагов вперёд, и тоже начиная переваливаться с ноги на ногу.

Подошла компашка во главе с Сиплым. Было впечатление, что вокруг толстым слоем были насыпаны горы пороха и все стояли, готовые чиркнуть спичкой. Саня, мгновенно оценив ситуацию, почти с точностью повторил слова Захара:

— Чётт я не понял, чё за хрень тут происходит, Зевс, ты чего за мавров, что ли, впрягся?

— Сиплый, они нормальные мужики, ни на кого не борщат, но и никого не боятся. На самом деле им больше уважухи, чем дрищу Тихону, который весь этот движ начал и теперь стоит в сторонке. И вообще, они у нас в гостях. Не пойму, за что их бить.

— Ну ты, Зевс, полный отморозок, — беззлобно сказал Саня, словно не слышал ни одного слова, что только что сказал Виктор.

Он прошёл мимо Захара, развернулся и, грубо раздвинув негров, встал между ними, потирая кулаки. Виктор улыбнулся, видя, как помрачнел Захар. С Сиплым никто не хотел драться. Ещё один паренёк, который только что пришёл, встал рядом с Виктором. На закуску второй боксёр из «Атланта», улыбаясь, тоже перешёл на их сторону.

— Игорян, ты-то куда? — опешил Захар, но тот только молча пожал плечами.

Виктору стало реально смешно от всего этого. Никто не хотел бить первым. Всё потихоньку начинало сходить на ха-ха. Обе стороны уже просто беззлобно переговаривались, кто-то пошутил — типа неплохо бы пивка. Дэвид, что стоял рядом с Виктором, сказал, неимоверно коверкая слова:

— А у нас в апьщяге бьражки два битона стайит, пайдомьте пить.

— Пайдомьте, — подхватил кто-то.

В тот вечер так никто и не подрался. Все от пуза нарезались бражки, было весело. Подвыпивший Виктор просил Дэвида, чтобы тот научил его, как у них получается так клёво танцевать. Чёрные наперебой стали показывать ему разные прикольные движения, но

Виктор никак не мог скопировать и двигался, как косолапый медведь. Ну что ж, видимо, каждому своё. Много позже Виктор не раз вспоминал то весёлое беззаботное время и дружелюбных чернокожих парней. Время пролетело незаметно, все выросли и потерялись в лабиринтах взрослой жизни. Бывали, конечно, моменты, за которые было немного стыдно, но именно в тот вечер он несомненно поступил правильно. Это он точно знал — и тогда, и позже, когда повзрослел.

Глава 2

Глава вторая. Двадцать лет спустя. 30 января 2005

Железнодорожному вокзалу города Череповца больше ста лет. Типовое архитектурное решение начала двадцатого века. Во многих городах России вы увидите похожие строения. Несколько лет назад сделали реконструкцию, покрасили снаружи, обновили внутри. Строителям удалось, не изменив исторического облика, сделать вокзал современным и красивым.

Виктор рассчитался с таксистом и пошёл к своему вагону. Поезд Череповец-Москва отправлялся в 22:00, ехать ночь, прибытие около девяти утра. Обычно Виктор брал плацкарт, недорого и по-спартански сердито, но иногда хотелось комфорта, и он покупал билет в купейный вагон. Шиковать было не с чего, но так захотелось. Это один из спонтанных поступков, которые Виктор никогда не мог объяснить даже себе. В Москве дел было много, в основном, это были встречи, собеседования с потенциальными работодателями. Причем по диаметрально разным направлениям. Он отправил резюме в несколько компаний на абсолютно разные профессии. Виктор искал работу в качестве водителя такси или грузовика. Рассматривал офисные вакансии, такие как сотрудник страховой компании или агент по продаже недвижимости. Даже отправил резюме в какой-то банк, на должность менеджера по работе с клиентами в отдел инвестиций. Как говорится, на все руки от скуки. Также хотелось походить по выставкам новых технологий. По итогу предстояло выбрать одно направление и на нём уже остановиться. С работой в последнее время что-то не ладилось. С тех пор, как уволился с «Северстали», где была какая-никакая стабильность, он находился в перманентном поиске и долго нигде не задерживался.

Поздоровавшись с проводницей, Виктор протянул ей билет и паспорт. Симпатичная девушка в опрятной униформе, проверив документы, попросила сразу пройти на своё место.

— Отправляемся через пять минут, — вежливо сообщила она.

Виктор кивнул и, поднявшись по лестнице, нырнул в приятное тепло купейного вагона.

Чистый тамбур, и вагон, похоже, новенький. Красная ковровая дорожка вдоль всего коридора, на окнах занавески, комфортно и уютно. Дверь в купе была открыта. У окна, уткнувшись в компьютер, сидел мужчина. Слегка за пятьдесят, с аккуратной бородкой, короткой стрижкой и начинающими седеть волосами. Весь такой опрятный, интеллигент, словом. Ярский поздоровался и поставил свою небольшую дорожную сумку на вторую полку. Больше никого в купе не было. Мужчина тоже вежливо кивнул и продолжил что-то читать в своём ноутбуке. Виктор выложил два бутерброда с толсто нарезанной ветчиной и сыром и поставил на стол пол-литровую бутылку колы. Он всё никак не мог избавиться от привычки пить эти газированные напитки, где сахара больше, чем жидкости. «Ну, что может заменить стакан холодной пепси или колы, когда у тебя жажда?» — часто повторял он. Весь мир твердит, что это вредно, и все пьют. Поезд тем временем слегка качнулся и плавно, почти незаметно начал движение, оставляя позади провожающих, здание вокзала, часовню. Виктор заметил мужчину, бежавшего вдоль перрона. В одной руке он сжимал несуразно большой портфель, в другой, видимо, билет. Выразительно махая им в воздухе, человек что-то громко кричал. Потом он запнулся, смешно упал, уронив и саквояж, и билеты. Даже в сумерках Виктор увидел, как грустно и растерянно товарищ смотрел вслед отъезжающему поезду.

«Опоздал, — подумал Виктор. — Не повезло». Поезд уже набрал ход, и колеса мерно застучали по стыкам рельс. Вошла проводница. На бейджике у неё было написано имя «Мария». «Просто Мария», — пронеслось в голове название какой-то старинной мыльной оперы.

— Приготовьте ваши билеты и паспорта, — объявила она довольно приятным голосом.

— Пожалуйста, — Виктор протянул документы.

Сосед по купе оторвался от своего ноутбука, закрыл крышку и полез в карман пальто.

— Вазмите, пажалуста, — сказал он с довольно сильным прибалтийским акцентом.

— Всё в порядке. — Проводница вставила билеты в ячейки своей кожаной сумочки с множеством отделений и вернула паспорта мужчинам. Паспорт соседа тоже был темно-красного света, но явно не русский.

— Чай-кофе принесу чуть позже, — выходя из купе, сказала она и прикрыла дверь.

— Николас, — протянул руку сосед с дружелюбной улыбкой.

— Виктор, — улыбнувшись в ответ, он пожал руку соседу.

Рукопожатие было коротким, сильным и в то же время каким-то вежливым, интеллигентным, что ли. Вообще, человек излучал очень комфортное дружелюбие и уверенность в себе. Как будто профессор на лекции со студентами.

— Вы до Москвы едете, Виктор? — спросил он.

— Да, по работе, а вы?

— Ну нэт, я нэ по работе, — задумчиво ответил Николас, и Виктор так и не понял, он едет до Москвы или нет, но переспрашивать не стал. Да собственно, какая ему разница. Все эти вопросы риторичны и задаются только с целью нарушить неловкое молчание.

— Надолго? — не унимался сосед, совсем не к месту задав несуразный вопрос.

— Да нет, — уклончиво ответил Виктор, а Николас вдруг рассмеялся:

— Интэресный русский язык! Вы сказали да нэт, вот и как понять, да или нэт?

Виктор тоже улыбнулся.

— Вообще-то всё просто: второе слово «нет», поэтому оно отрицает первое да, а я, собственно, еду только искать работу, поэтому как повезёт. Может, останусь там, а может, в Череповец вернусь. Так что на пару дней, а может, чуть дольше, — это уже был, достаточно развёрнутый ответ, на, казалось бы, ещё один риторический вопрос.

— А живёте в городе Череповец? — спросил Николас. — Здесь разве нет работы?

— Работы валом, можно даже без выходных пахать, — в свою очередь рассмеялся Виктор и уже серьёзно добавил:

— Зарплаты другие. А вы сами откуда?

— Я из юга, — сказал Николас. — Родился в Греция, потом, когда вырос, учился в Лондон, сейчас живу на остров Крит, это в Средиземное море.

— Да знаю я, где Крит. Ничего себе, а я думал вы из Эстонии откуда-нибудь, судя по акценту. А в Череповце что делали?

— Много лет перед сейчас я жил здесь, в деревня на севере Вологодский область. Женщина у меня была. The girlfriend, — пояснил он. — Русский забывать стал, давно не говорил.

— Да нормально вы говорите. Ничего себе, а сейчас к ней в гости ездили? — спросил Виктор необычного собеседника.

— Да, на могилу был, — нахмурился сосед.

— Блин, сорри, сожалею. А давно она умерла? — участливо спросил Виктор.

— Да, давно, почти двадцать лет перед сейчас. Убили её, — грустно сказал Николас и посмотрел в окно. — Но это прошлое. — Он попытался сменить тему и снова спросил: — Так, значит, в Москве работа есть и дорого оплата, да?

— Да, пожалуй, дорого, — в тон ему ответил Виктор. — Раза в три больше, чем здесь.

— Тогда конечно, я вас понимай, вы молодой, энергичный, вам надо там, где много люди, много работа. И оплата много хорошо, — и он снова улыбнулся.

Виктор поймал себя на мысли, что общение с этим импортным соседом доставляет удовольствие, таким необычным он казался и таким позитивным. В дверь постучали, и к ним заглянула проводница Мария. На тележке у неё было несколько стаканов в подстаканниках с дымящимся чаем и белых чашечек с кофе.

— Чай, кофе? — осведомилась она.

— Мне кофе, please, — сказал Николас. — Сладкий и молоко.

— Молока нет, — каким-то обиженным тоном ответила Мария, поставила на стол чашку растворимого кофе и два бумажных пакетика сахарного песка.

— А мне чай, пожалуйста. — Виктор взял стакан в блестящем подстаканнике.

Когда дверь в купе закрылась, Николас сказал:

— Так подавали чай всегда, и много лет перед сейчас, в этих железный ручка.

— Подстаканник, — поправил Виктор, улыбнувшись.

Что-то шкодное было в этом акценте и ошибках в произношении слов. Он предложил один бутерброд Николасу, а сам развернул другой и начал есть. Николас поблагодарил и стал размешивать сахар в своём кофе, потом вдруг, как будто что-то вспомнил, полез в свою дорожную

сумку и выудил оттуда красивую бутылку виски 0.7 и батончик швейцарского треугольного шоколада Toblerone. Виктор не особо хорошо разбирался в виски, но с первого взгляда было видно, что это реально дорогой напиток. Бутылка была початая, и содержимого там оставалось не больше половины.

— Хочу вас угостить, Виктор, это очень хороший виски, называется Balvenie, пробовали такой?

— Нет вроде. Ни разу перед сейчас, — улыбнувшись пошутил Виктор, взяв бутылку в руки.

На этикетке было написано «30 years», в ладонь легко ложилось пузатое горлышко.

— Я пробовал Ballantines, — сказал Виктор, — а такую ни разу.

Николас тут же замахал руками:

— Нет, нет, этот другой, этот виски лучше, если вы попробуйте, вам точно понравится. Только… — замешкался он, — нет этих… румок.

Виктор, улыбнувшись, встал:

— Минуточку, схожу к Марии за румками.

Через пару минут он вернулся с двумя пустыми гранёными стаканами и поставил их на стол:

— Вот, только такие румки.

— Это хорошо, — улыбнулся Николас. — Главное не то, что изнаружи, а то, что изнутри.

— Что внутри, — поправил Виктор.

— Да, так. Я раньше лучше́е говорил по-русски. Давно. Теперь забывать стал, нет практики. — Открыв бутылку, Николас налил себе и Виктору.

— Да-а, такой виски не из гранёных стаканов пить. — Виктор поднял свой: — Будем здоровы.

— Чин чин, — подтвердил Николас, и они выпили.

Виктор отпил немного. Виски, конечно, был отменный, настолько мягкий и ароматный, что он даже не стал закусывать, а просто сидел и смаковал послевкусье.

— Хорошо пошло, так у вас говорят? — засмеялся Николас.

— Класс, суперское вино, — Виктор поднял два больших пальца вверх.

— Виски, — поправил Николас и по-гусарски налил ещё по полстакана.

Николас так запросто разлил с абсолютно незнакомым человеком полбутылки виски стоимостью тысяч под сорок, не меньше. Виктору было даже немного неловко.

— Давайте, мой друг, за всё хорошее, что есть в вашей большой стране, — сказал Николас.

Он отпил немного виски, развернул шоколадку и, поломав её на треугольники, отправил один в рот. Виктор тоже отпил немного и взял шоколадку.

— Шикарно просто, — вслух сказал он свои мысли.

— Да, gorgeous, — подтвердил Николас.

Доели бутерброды. За окном в темноте появился мост через реку. «Шексна», — подумал Виктор. Лёгкий хмель поднял настроение, стало весело. Проблемы стали казаться незначительными, а жизнь прекрасной. Вот такой алкогольный самообман.

— А вы долго жили с… Ну, в этой деревне? — спросил он у Николаса.

— Почти три года.

— Расскажете, как вам жизнь в российской глубинке?

— Чуть позже, — Николас вдруг стал серьезным. Он пристально посмотрел в глаза Виктору, как бы оценивая, говорить что-то важное или нет. Виктору вдруг стало не по себе от этого взгляда. Он увидел в этом человеке такую волю, такой характер, что холодок прошёл по телу, а на голове слегка зашевелились волосы, словно наэлектризованные. Да, это не кроткий, интеллигентный офисный работник, как ему показалось вначале, этот парень для достижения своих целей свернёт любую гору. Даже мелькнуло в голове: не гипнотизёр ли какой этот товарищ? Уж больно взгляд тяжёлый. Николас как будто прочитал мысли Виктора и улыбнулся самыми уголками губ.

— Вы верите в Бога? — внезапно спросил он.

Надо сказать, вопрос застал Виктора врасплох. — Как сказать. Что-то или кто-то там, может быть, и есть, — он невнятно указал рукой вверх. — Хотя как ты можешь верить в то, чего никто не видел? Нет, пожалуй, не верю.

Похоже, этот ответ вполне удовлетворил Николаса, и он продолжил:

— А десять заповедей знаете?

— Знаю. Наверное. Там не убей, не укради…

Николас отрицательно покачал головой:

— Первая заповедь: возлюби Бога твоего всем сердцем твоим.

«Ну, начинается», — пронеслось в голове у Виктора. Теперь он понимал, что сосед оказался каким-то церковным служителем, и сейчас последует долгая проповедь с отеческими нравоучениями, что такое хорошо, и что такое плохо. Но он ошибался, и никаких нравоучений не последовало. Наоборот, Николас, как будто снова прочитав мысли Виктора, не стал развивать религиозную тему, а открыл свой ноутбук и защелкал по клавиатуре. В дверь легонько постучали.

— Да-да, входите, — сказал Виктор.

Дверь немного приоткрылась, и Мария спросила тихонько:

— Ещё чаю? — Затем увидела на столе бутылку, погрозила пальцем и снисходительно добавила: — Смотрите, чтоб не шуметь!

Николас перевёл взгляд на проводницу и дружелюбно, с улыбкой предложил: — Может вам налить румку, дэвушка?

— Нет, спасибо, — уже более сурово ответила Мария. — Я стаканы пустые заберу, а вы смотрите, не шумите, — затем вышла, с лёгким щелчком прикрыв за собой дверь.

— Я вроде что-то не так ей сказал? — Николас вопросительно посмотрел на Виктора.

— Это у неё профессиональное. Русские люди если выпивают в поезде, то это нередко заканчивается шумной попойкой, и как результат — проблемами для окружающих, поэтому алкоголь в поездах не приветствуется, хотя есть вагон-ресторан, там хоть упейся, никто слова не скажет.

Николас кивнул, потом добавил:

— Россия — очень интересная страна, я бы хотел в следующей жизни здесь родиться.

— А что, думаете, бывают следующие жизни? — с ухмылкой спросил Виктор.

— Я полагаю, что да, — серьезно ответил Николас. — А иначе какой смысл во всём этом? — он провёл рукой вокруг купе.

— Ну, я не знаю, как-то не верится, хоть и отрицать смысла нет. — Виктор отпил ещё немного виски, откусил шоколадку. — Я думаю, что здорово было бы каждому человеку проявить свои таланты в этой жизни, порадовать себя и близких, а не ждать следующих жизней или рая какого-то там непонятного.

— В чём-то вы правы, — Николас явно оживился. — Но посмотрите, как мы живём. Вокруг обман, жажда наживы, зависть, борьба за власть. Сейчас в University учат, как правильно обманывать своих клиентов. Это теперь называется маркетинг. А мне кажется, должно называться «Как лучше обмануть ближнего». Мы производим товаров столько, что можно три раза одеть, обуть и накормить досыта всех людей, и тем не менее добрая треть людей в мире живёт в нищете. Почему? Я вам скажу — это жадность! А сколько мы производим мусора, это же уму непостижимо! И всем плевать, как будто мы живём так, что завтра уже не наступит, и если ничего не поменять, то рано или поздно это случится. Каждого волнует только то, чтобы у него было больше, чем у соседа. Вот вы, Виктор, чего хотите больше всего в жизни?

Николас теперь говорил быстро, на правильном русском и почти без акцента, но Виктор, не обратив на это внимания, задумался над вопросом, потом сказал:

— Прямо так сразу и не сказать. Может, яхту? Или лучше большой корабль.

Николас округлил глаза, но видя, что Виктор улыбается, понял, что он шутит. Посмеялись.

— Ну, а если серьезно, — продолжая тему, сказал Виктор, — я вырос в детдоме и все, что у меня было и есть, заработал своими руками. Конечно, хочется побывать в других странах, хочется хорошую квартиру, машину. Что в этом плохого? И я, правда, всегда мечтал прокатиться на большой парусной яхте.

— А разве вам не хотелось что-то создать для других, что-то большое, чтобы от этого была польза? Чтобы о вас потом помнили. — Николас опять посмотрел прямо в глаза Виктору.

— Не-е, не думал об этом. Да и некогда мне фигней заниматься. Пахал я всю жизнь как папа Карло. Мы университетов не кончали, — сказал он фразой из какого-то старого фильма.

— А кто это папа Карло? — спросил Николас.

Виктор засмеялся и махнул рукой:

— Буратину разве не читали?

— У вас семья есть? — спросил Николас тоном, как будто это собеседование при устройстве на работу.

— Нет, — ответил Виктор. — Детдомовский я, говорю же, а женой пока не обзавёлся. Детей тоже нет.

— Я вас понял, а девушка хоть есть? — спросил Николас.

— Девушка есть, — улыбнулся Виктор. — Вернее, ну как бы это… была. В общем, решили пожить отдельно, — не стал он вдаваться в подробности.

Со своей подругой Аней Виктор не виделся с Нового года. «Решили пожить отдельно» — это было мягко сказано. Скорее всего, расстались навсегда. Да и ладно. Те два года, что они прожили вместе, для Виктора были как ежедневная борьба характеров. Анна, красивая, стройная блондинка, была на три года младше Виктора и работала в управлении образования. Анна мечтала о дорогих шубах, пляжах на курортах с пятизвёздочными отелями, дорогих кольцах с бриллиантами и прочим гламуром, к которому Виктор был не то чтобы равнодушен, но не считал это пределом мечтаний. Хотя, наверное, всё же в некотором смысле он был реалистом и трезво оценивал свои финансовые возможности. Вообще, с Анькой было классно. На столе всегда вкусный и красивый ужин, дома — порядок и уют. Она была продуманная и, в отличие от Виктора, каждый свой шаг планировала, хоть и была способна на разного рода авантюры.

— Я понял, — сказал Николас. — Бывает. А в Москву едете работу искать. Какую именно?

— Да, собственно, любая устроит, я немного на мели сейчас. — Виктор посмотрел на Николаса, но, похоже, ответ того вполне устроил и он кивнул.

«Любознательный он, однако, товарищ», — подумал Виктор и тоже сидел молча. Наверное, пора и спать — за разговором как-то незаметно перевалило за полночь. Подъезжали к Вологде.

— Остановка сейчас будет, — прервал тишину Виктор. — Подсадят к нам соседей, скорее всего. У меня верхняя полка, так что, наверное, пора укладываться.

— Да, конечно, — ответил Николас, думая о чём-то своём.

Поезд остановился. Пассажиры копошились в проходе, в соседнем купе было слышно, как кто-то приглушённо разговаривал и брякал полками. К ним так никого и не подселили. Николас перевёл взгляд от окна на Виктора и опять, внезапно сменив тему, спросил:

— А вы не задумывались, почему Россия, такая огромная, такая богатая ресурсами страна, так скажем… — Он, кажется, подбирал слова, чтобы корректно выразиться и не обидеть. — Почему уровень жизни такой низкий?

— Я бы не сказал, что низкий, — парировал Виктор. — Просто распределение доходов неравномерное, есть очень богатые, те, кто у кормушки. А есть такие, как я, кто всего пытается добиться своим трудом.

— А богатые — это, наверное, правительство?

— Сложно сказать, я всегда был далёк от политики, — махнул рукой Виктор, — но думаю, они тоже мимо рта не пронесут, то есть они-то как раз ближе всех к кормушке.

Николас кивнул и спросил:

— А что нужно для того, чтобы… ну, чтобы стало хорошо?

— Да особо ничего. Надо просто мотивировать людей хорошо делать свою работу. Это значит, чтобы они достойно зарабатывали, надо защитить собственность, ну и чтоб власти не мешали. Не говоря уже о помощи. Хотя бы не мешали, — выпалил Виктор пламенно, как с трибуны, и сам удивился своему энтузиазму.

Николас даже тихонько зааплодировал.

— Вы знаете, мой друг, — после небольшой паузы сказал он, — у меня есть для вас предложение. Хотите заработать?

— Ну, кто же не хочет, если ничего криминального, — улыбнулся Виктор, а сам подумал: «Пора прекращать этот трёп и ложиться спать. Да, неоднозначный типок оказался этот Николас. Точно, казачок засланный».

— Нет, нет, конечно. Соблюдать закон — это важно. — Николас поднял обе руки вверх. — Предложение такое. В одной глухой деревне живёт семья пожилых людей, которым я обязан. Нет, я скорее чувствую вину перед ними. — Он сделал паузу, убедился, что Виктор слушает, и продолжил: — Они живут очень бедно и, если бы вы могли как-то помочь им, может, материально, или, ну я не знаю, съездите к ним, посмотрите, что можно сделать, чтобы улучшить их жизнь. Они

живут в глуши, в старом доме. Детей у них нет. А я бы вас отблагодарил, заплатил бы хорошо, вы же как раз работу искали. Сам я этого сделать, к сожалению, не могу. Они от меня ничего не примут.

— Какое-то необычное предложение. — Виктор задумался. — Материально мне бы кто помог, да и, честно говоря, сиделка из меня не очень.

— Что вы, какая сиделка?! Это муж с женой, они нестарые и вполне самостоятельные. Им, наверное, лет по шестьдесят пять, просто, как и многие пенсионеры, живут очень скромно.

— Тогда давайте немного конкретней, расскажите, чего, где, сколько. — Виктору не очень нравилась вся эта идея, но было уже просто интересно, что там ещё расскажет этот необычный сосед.

— Да всё просто, — оживился Николас. Он вырвал из блокнота лист с написанным адресом и именами. Затем подумал и, ещё что-то дописав на обратной стороне, протянул листок Виктору. — Это вот адрес моих знакомых в деревне, а вот это — координаты другого места. Там есть старый заброшенный дом. Ни на каких картах он даже не обозначен, так что найти непросто, но по GPS-навигатору несложно. Вот на рисунке есть схема.

— Как-то всё необычно. — Виктор взял в руки листок, с одной стороны весь изрисованный дорогами, реками, где также были обозначены названия деревень. С другой стороны был написан адрес, имена людей, рисунок со стрелками и ещё много чего неразборчиво, на незнакомом иностранном языке.

— Это пахнет несусветной интригой. — Он даже слегка поморщился, так уж всё это нелепо выглядело.

Но, похоже, Николаса нисколько не смутил явно недоверчивый настрой Виктора, и он продолжил:

— В этом доме я не был почти двадцать лет и не знаю, что там сейчас, но тогда я спрятал в погребе, что под домом, ящик. Закопал его так, что даже если кто-то был там, то он бы его не нашёл. На листочке, что я вам дал, есть схема, где он находится. Вы разберётесь. Там есть всё, что нужно. Просто сделайте так, чтобы им было комфортно.

— А что там, клад, что ли? — спросил Виктор с явным сарказмом в голосе.

— Да, в некотором роде клад. Вы всё увидите. — Николас загадочно улыбнулся. — Просто поверьте мне.

— Как-то с трудом верится. — Ярскому абсолютно не нравилась вся эта затея. — Вы знаете, я, пожалуй, пас, — сказал он.

Это ничуть не удивило его собеседника, он даже, казалось, обрадовался такому недоверию со стороны Виктора.

— Хорошо, давайте так: если я сейчас смогу вас удивить, вы пообещаете подумать над моим предложением.

— Не вопрос, подумать я и так обещаю. Такого мне ещё никто не предлагал. Даже интересно.

— Хорошо, — сказал Николас. — У вас есть мелочь?

— Что?

— Ну, мелочь, там два рубля или пять?

Виктор порылся в карманах и, достав несколько монеток, положил их на стол.

— Вот эту оставьте, остальные уберите, — показал на пятирублевую монетку Николас.

— Вы знакомы немного с физикой, Виктор?

— Да, немного знаком.

— Тогда слушайте. Многие знают, что эта монетка сделана из медно-никелевого сплава, весит около шести грамм, ну и т. д. — Он посмотрел вопросительно на Виктора, и тот кивнул.

— Итак, если копнуть глубже, то мы понимаем, что металл состоит из молекулярной сетки, которая в свою очередь состоит из атомов, вокруг которых вращаются электроны, протоны и ещё бог знает что. Мы также знаем, что расстояние между всеми этими частицами, по сравнению с их размерами, просто огромное. А раз так, то фактически на столе лежит не монетка, а девяносто девять — запятая и много девяток — процентов пустоты и только мизерная часть вещества, которое держится одним куском благодаря силе магнетизма, которую создают все эти крошечные частицы. Вы ловите?

— Да, конечно, — улыбнулся Виктор. — Только не могу пока связать это с вашим предложением сходить туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что, и, кстати, тому, не знаю кому.

— Человеческие возможности абсолютно безграничны, — не обращая внимания на сарказм, продолжал Николас. — Вы даже не представляете, насколько. Иисус ходил по воде, воскрешал мёртвых, он говорил, что все могут делать то же самое.

— Ну, это же легенды, не более, — усмехнулся Виктор.

— Ничуть! И я вам сейчас это докажу. Возьмите монетку в руки и попробуйте, ну, скажем, попробуйте согнуть её.

— Это очень сложно, — улыбнулся Виктор. — Имея силу, можно согнуть чуть-чуть, и то, если перед этим её несколько раз нагревать и остужать.

— По вере вашей вам дано будет, — сказал Николас. — Следите внимательно.

Он взял монетку большим и указательным пальцами за край, поднял её так, что она оказалась прямо у Виктора перед лицом и широко улыбнулся. Тот думал, что Николас будет показывать свою сноровку. Однажды он видел как здоровенный мужик сгибал монетку. Долго пыхтел, напрягая всю свою силищу, мял и мял этот кусок железа толстыми пальцами. В результате ему всё-таки удалось её немного согнуть. Николас же, продолжая держать монетку одной рукой, молча смотрел на Виктора. Вдруг верх пятирублёвки стал плавно загибаться вниз, словно она нагрелась до температуры плавления и начала обтекать под своим весом. Через несколько секунд от монетки получился ровный полукруг. Пятирублёвка сложилась напополам. Сложилась сама, без какого-либо физического усилия. Положив монетку на стол, он спокойно спросил:

— Сделаете это для меня? Поможете хорошим людям?

Сказать, что Ярский сидел в оцепенении, это ничего не сказать; по-научному это называют когнитивный диссонанс — отрицание действительного. Глаза отказывались верить, а разум — понимать. Как? как? — твердил он себе. Этого же не может быть! Это либо гипноз какой, либо он сошёл с ума. Это просто не могло быть реальностью.

— Я обещаю подумать, — наконец удалось сказать хриплым голосом. Он взял монетку в руки, стал её рассматривать: ничего необычного, просто половинка — и всё. Попробовал разогнуть. Тщетно. Да бред какой-то! Николас же спокойно продолжал:

— И это только малая часть того… да это вообще ничего по сравнению с тем, на что способен человек. Люди не задействуют и одного процента своих возможностей, даже не подозревая о них.

Затем он взял со стола листок и, дописав в него ещё несколько строк, сказал:

— Виктор, я уверен, что если вы поверите мне и сделаете то, о чём я вас попросил, то у вас возникнет много вопросов. Я здесь написал мой адрес на Крите, а ещё летом, где-то в начале августа, я буду две или три недели в Ново-Валаамском монастыре. Слышали про такой?

Ярский отрицательно покачал головой. Слова Николаса доносились фоном, как сквозь дымку помутнения разума. Он слышал, что тот продолжает говорить, но смысл слов проходил мимо, не задерживаясь в мозгу.

— Вижу, согнутая монетка не даёт вам покоя, — тихо усмехнулся Николас. — Ладно, я написал адрес, это Финляндия, очень красивые места. Если захотите получить ответы, я буду рад встрече. — Он посмотрел на Виктора и как-то по-отечески добавил: — Мне кажется, всё у вас будет хорошо. — Помолчав немного, Николас вдруг сказал: — Спокойной ночи, — лёг на свою полку и мгновенно заснул.

Виктор только покачал головой, машинально сунул исписанный вдоль и поперёк листок в карман джинсов, вздохнул и тоже полез на свою полку. Поезд подъезжал к Ярославлю.

* * *

Проснулся Виктор от громкого голоса проводницы: — Просыпаемся, подъезжаем к Москве.

В купе разговаривали, тихо, вполголоса. Он повернул голову. Внизу сидела молодая женщина приятной внешности и что-то рассказывала девочке лет семи-восьми, видимо, своей дочке, а та слушала и что-то рисовала на листочке цветными карандашами. Мама заметила, что сосед не спит, поздоровалась.

— Доброе утро, — ответил Виктор.

— Пойдём, Лана, прогуляемся, пусть дядя одевается, — сказала она девочке, и они вежливо удалились, оставив его одного.

Он спрыгнул с полки и, быстро одевшись, пошёл умываться, на ходу сказав спасибо новой соседке. Виктор думал, что на самом деле это признак хорошего тона и воспитанности — вот так ненавязчиво удалиться, оставив его одного в купе. Когда он вернулся, новые соседи продолжали мирно беседовать за столиком. Девочка отложила свои рисунки и смотрела в окно.

— А где мужчина? — спросил даму Виктор, указывая на нижнюю полку, где несколько часов назад сидел его новый странный знакомый.

— Какой мужчина? — не сразу поняла девушка, потом добавила: — Мы в Ярославле сели, вы спали, а больше никого не было.

— Конечно же, — задумчиво ответил Виктор и замолчал.

Он потёр лоб, пытаясь вспомнить. Хотя прекрасно помнил, на чём закончили разговор с Николасом. Может, приснилось? Какое там! Все было наяву. Но почему? Почему этот странный сосед лёг спать, а через несколько минут встал и вышел в Ярославле? Чем дальше, тем больше вопросов. Виктор посмотрел наверх. На третьей полке лежала его сумка. Куртка висела на вешалке. Всё было на месте. Да и не похож он был на воришку уж, это точно. А если всё это — игра воображения? И тут он вспомнил про карту, что Николас передал ему на смятом блокнотном листочке. Сунул руку в карман — листок был на месте. «Ладно, — подумал Виктор, — хватит этих ребусов, надо забыть про этого чудика. Следует делать то, зачем он сюда ехал. Надо устроиться на работу».

Поезд замедлил скорость и плавно подъезжал к перрону. Он накинул на плечо сумку и, попрощавшись со своими соседками, уже собирался выходить, когда девочка спросила:

— Это ваше?

Виктор обернулся. Как только он увидел, что она держит в руке, холодок пробежал по спине, и каким-то не своим голосом ответил:

— Да, моё. Спасибо.

Девочка протянула ему пятирублевую монетку, согнутую пополам.

Глава 3

Глава третья. Апрель 2005 года, Где-то на севере Вологодской области

Уже почти стемнело, когда Виктор вышел к реке. Это означало, что он почти пришёл. Навигатор показывал, что реку переходить не надо, а идти следует вдоль неё. Это был хороший ориентир. В темноте в лесу легко было заблудиться, а река являлась отличным доказательством, что он на правильном пути. Ночевать в лесу Виктор не боялся, но и желания большого не испытывал. Хоть ни в каких леших и призраков он не верил, но в этой глуши мог повстречаться кто угодно из живых: хоть медведь, хоть стая волков — а это бы означало почти верную смерть. Погода радовала. Апрель в этом году выдался тёплым, солнечным. Снег почти растаял, что намного упростило движение. Сначала Виктор хотел дождаться лета и двинуть в свой поход где-нибудь в начале июня, но потом подумал, что сейчас даже лучше. Вроде уже не холодно, и к тому же нет комаров. Честно говоря, он шёл больше для того, чтобы убедиться, что ничего интересного там не найдёт. Что всё это глупая шутка или странная фантазия чудного товарища по имени Николас. Несколько раз он собирался и каждый раз останавливал себя, говоря: не надо никуда идти. Но в конце концов понял, что эта интрига так никогда и не оставит его в покое, если он сам не удостоверится, что это всё бред сивой кобылы. Тогда он поставит жирный крест на всей этой глупой истории и продолжит жить своей жизнью. Вспомнились слова учительницы географии Тамары Александровны: «Ярский, ты многого добьёшься в жизни, если не будешь останавливаться на достигнутом. С твоим упорством ты сможешь. Сними шоры и смотри по сторонам. Мир — это не только этот город. Мир гораздо больше и интереснее. Путешествуй, побывай везде».

Только потом, когда Виктор переехал на учёбу в Череповец, он понял, насколько маленьким был городок, где он вырос. И чем больше он ездил по стране, тем дальше ему хотелось побывать.

Совсем стемнело. Экономя батарейки в фонарике, Виктор шёл прямо по краю реки. Лёд ещё не сошёл, но был весь в проталинах, и

вероятно, ступать дальше от берега было небезопасно. Навигатор показывал не точно, а только примерное направление. Было понятно, что место уже совсем рядом, не более пары километров. Но надо было повернуть от реки прямиком в лес. Виктор даже подумал: а не нарубить ли веток, сделать лежанку, разжечь костер и заночевать прямо здесь. Утром по рассвету было бы легче найти этот непонятный дом из сказки Николаса. Он поборол соблазн остаться на берегу, включил фонарик и зашагал в темноту. Фонарь светил ярко, белым лучом отвоевывая у темноты несколько метров. Снега в лесу было больше, чем на реке. Идти гораздо труднее. Через час ходьбы Виктор уже пожалел, что не остался на берегу. Потом деревья стали реже и даже появилось что-то наподобие тропы. Здесь было больше проталин, но земля мокрая, и идти по ней не легче, чем по снегу. Вдруг фонарь осветил покосившуюся деревянную постройку. Виктор с радостью подошёл ближе. Это был полуразвалившийся сарай. Крыша наполовину упала внутрь. Стены тоже готовы были рухнуть. Посветив вокруг, он увидел ещё какое-то строение, выглядевшее как гараж. И, наконец, вот он. Чуть поодаль стоял добротный одноэтажный бревенчатый дом. По сравнению с другими постройками он не выглядел таким уж старым. Наоборот, дом смотрелся, как будто вполне даже жилой. Виктор не был труслив, не имел предрассудков, связанных с какими-то духами или привидениями. Он проделал такой путь один по лесу без малейшего намека на страх, но тут вдруг почувствовал, что ему некомфортно заходить внутрь. Более того, он ощутил какую-то явную тревогу. Хотелось отойти подальше от этого дома. Это чувство он не мог сам себе объяснить. Прямо мурашки по коже. Опять вспомнилось, как кто-то из учителей сказал: «Если тебе страшно, подумай о чём-то хорошем, о самом лучшем эпизоде твоей жизни». Попробовал подумать о море: тёплый песок, яркое солнце, зеленоватые волны и счастливая загорелая Анька. Правда, беспокойство стало пропадать, страх немного отходить. Виктор подошёл к двери, подергал. Закрыто. Светя фонариком, пошёл вокруг дома. Некоторые окна были закрыты ставнями, некоторые нет. Ни одного разбитого стекла, всё как новенькое. Николас говорил, что был здесь лет двадцать назад. Значит, возможно, после него здесь ещё кто-то жил. Виктор обошёл вокруг. С другой стороны был небольшой дровяник и ещё одна дверь в дом. Эта дверь тоже была закрыта, но,

когда Виктор подёргал сильнее, она немного подалась. Посветив фонариком в щель, он увидел, что она закрыта изнутри деревянной задвижкой. Нашёл в дровянике несколько досок, достал из рюкзака маленький походный топорик, вставил в щель, отжал сильнее. Затем, просунув в открывшийся проём доску, при помощи рычага надавил. Что-то хрустнуло, и дверь приоткрылась. Виктор приподнял задвижку, освободив петли, вошёл. Похоже на сеновал или коровник. Прошёл дальше. Добротная дверь на мост. Открыта. Вдоль стен стояли столы, на вешалке из обычных гвоздей, вбитых в стену, висела верхняя одежда. Ещё одна дверь. Плотная, мощная, гладко обструганная. Открыл. Пригнувшись, зашёл. Комната была огромная, не меньше пятидесяти квадратных метров. На полу — ковровые дорожки. У стен — широкие деревянные скамейки, в углу — большой обеденный стол. На стенах — рамки с фотографиями, несколько икон. Больше всего Виктора поразила печь. Огромная русская печь стояла посреди избы. Он слышал, что раньше люди мылись в таких печах, но видеть не доводилось. Виктор уловил слабый запах пыли. Такой запах обычно бывает в нежилых местах. Похоже, здесь всё-таки давно никого не было. Однако, несмотря на заброшенность, всё здесь было таким по-хозяйски основательным, таким суровым и в то же время уютным, что на душе сразу потеплело. Немного напрягала мысль, что он, по сути, вломился в чей-то дом. Это была чья-то собственность, хоть и находилась в жопе мира. О том, что дом никому не принадлежит и никто здесь не живёт, ему поведал человек, с которым он был знаком всего несколько часов. Особенно теперь, здесь, на месте дом не выглядел заброшенным, наоборот, всё было на своих местах. Как будто хозяин сделал уборку, собрался и ушёл. И не вернулся. Ладно, хватит на сегодня ребусов, он подумает об этом завтра. Включил мобильник. Связи, конечно же, нет, но часы показывали около трёх ночи. Самое время забраться спать. Было, конечно, прохладно, но Виктор разулся и даже снял верхнюю одежду, оставшись только в трико и свитере. На большой заправленной кровати ромбиками стояли больше десятка подушек разного размера. Аккуратно сложив их на скамейку, Виктор забрался под толстенное ватное одеяло, вытянул ноги и только теперь почувствовал, как он устал. Он закрыл глаза и почти сразу же уснул.

Усталость взяла своё, и, когда Ярский проснулся, было уже около полудня. В окна ярко светило весеннее солнце, но в доме было

прохладно. Вылезать из-под тёплого одеяла не хотелось. Виктор позволил себе немного поваляться, но потом быстро встал и оделся. В конце концов, не для того он сюда шёл, чтоб полдня греться под одеялом. Днём дом выглядел гораздо веселее. Появилось желание сразу растопить печь, но не стал. Мало ли чего. Огляделся. В углу, прямо под иконой, на деревянной полочке стояла большая, высотой в полметра, запылённая скульптура — символ буддизма. В позе лотоса, с добрым лицом, сидел китайского вида дядька. На стене Виктор увидел чёрно-белый символ Инь-янь, два завитка с точками. Получалось, что здесь всё было перемешано: и православные иконы, и символы восточной религии. Стал рассматривать изображения в рамках на стене. На старых чёрно-белых фотографиях позировали разные люди — в основном, китайцы, а может, корейцы — все они были с суровыми лицами, ни одной улыбки. По одеждам было видно, что фотографии сделаны давно, скорее всего, в середине прошлого века, а некоторые ещё раньше. Мужчины были в традиционных китайских безворотниковых одеждах, женщины — в длинных платьях. Многие фотографии выцвели, и на них было ничего не разобрать. В углу, прямо над статуей Будды, висела большая деревянная икона с лампадкой под ней. Рядом — несколько икон поменьше. Виктор был не силён в религии, но святых, изображенных на иконах, узнал. Раньше видел. Он не знал их имен, но не раз бывал в православной церкви и даже считал себя немного христианином. Да уж, даже ему, далёкому от религии, это всё казалось по меньшей мере странным. Можно представить негодование, какого-нибудь ревностного православного батюшки, случись ему оказаться в этом необычном месте. Прошёлся по комнате, с интересом оглядывая интерьер. У стены красовался большой деревянный старинный сервант. В нём, за пыльными стеклянными дверцами, стояла посуда. Он выдвинул ящик. Там один к одному сложены столовые приборы: вилки, ножи.

— Хоть заезжай и живи, — Виктор улыбнулся.

Николас говорил, что *то*, за чем надо было переться в эту глушь, спрятано где-то в погребе под домом. Оставалось найти этот погреб. Метр за метром он обошёл всю комнату, поднимая пыльные ковровые дорожки, тщательно обследуя пол из ровных широких досок. Никакого люка или двери не обнаружил. Он уже пожалел, что точно не расспросил Николаса, в каком хотя бы месте этот злополучный подвал

(или как он там называется). Но тогда, в поезде, ему и в голову не приходило, что он всё же соберется в этот загадочный путь. Тогда это просто казалось хохмой, сказкой подвыпившего фантазёра. Но позже зерно интриги, умело посаженное Николасом, проросло и дало свои плоды. Дня не проходило, чтобы Виктор хоть раз не вспомнил о том разговоре. И вот результат. Он находится в загадочном доме, в десятках километров от людей и пытается разгадать очередной квест. Найти то, не знаю что.

Наверное, около двух часов он ходил по дому, исследовал комнату за комнатой, освещая фонариком каждый метр, но так и не нашёл ничего похожего на дверь в погреб. Достал из рюкзака складной примус, уже не раз выручавший его в дороге, поставил чайник. Вода почти закончилась, поэтому пришлось натопить снега. Заварил крепкий чай. Открыл банку консервов и с удовольствием умял тунца в масле, зажевав последним куском хлеба. Виктор ходил по комнате, отпивая маленькими глотками горячий ароматный чай, и думал, задаваясь только одним вопросом: что дальше?

Солнце медленно скрывалось за лесом. Идти обратно сегодня уже не имело смысла. Он выспится, а завтра встанет пораньше и, как только забрезжит рассвет, двинет в обратный путь. Лёгкое разочарование охватывало Виктора, он достал из кармана согнутую напополам пятирублёвку и стал её разглядывать. Что же это было? Каким бы фокусником ни был этот Николас, ну не мог он подменить, не мог! Виктор это точно знал. Ведь он очень внимательно тогда смотрел за всем происходящим, а значит, это было какое-то чудо. Или нет? Может, гипноз какой. Все эти вопросы роем крутились в голове, когда взгляд его упал на коврик около кровати. Кровать стояла спинкой к стене, но примерно в метре от угла, и когда Виктор вчера ложился спать, как и утром, когда вставал, не мудрено, что он не обратил на него внимания. Коврик лежал с другой стороны, между кроватью и стенкой. Он был странной полукруглой формы, как и согнутая пятирублевка. Лежал он настольно обыкновенно и неприметно, что Виктор даже удивился, как он, проходя мимо, не заглянул под него. Так часто бывает: мы долго что-то ищем, а потом оказывается, что оно всё время было на виду. Отодвинув коврик, он почти сразу заметил, что расстояние между половицами здесь больше. Пол был везде ровным, без щелей, а здесь расстояние почти в сантиметр. Встав на колени,

Виктор посветил фонариком в щель, но ничего не увидел. Только пустоту. Приглядевшись внимательнее, он разглядел деревянные лаги примерно в полуметре ниже пола. Там явно была пустота. Собственно, ничего удивительного в этом не было, раньше так и строили. Сначала Виктор собрался было выйти на улицу и посмотреть со стороны — может, там есть какое вентиляционное окно и можно будет разглядеть, что там есть под полом. Но тут возникла ещё одна идея. Он достал свой походный топорик, просунул его в щель между половицами и слегка надавил в сторону. Половица подалась. Он надавил сильнее. Половица сдвинулась почти на сантиметр.

— Она не приколочена гвоздями, — не заметил, как вслух сказал Виктор.

Отложив топор, он попробовал сдвинуть кровать. Она была очень тяжёлая, но немного отодвинулась. Ярский увидел, что пять досок короткие, как раз в длину кровати, и их стык скрывали ножки, вернее, это была одна ножка — широкая деревянная спинка кровати. Не без труда он отодвинул кровать почти на полтора метра и попробовал ещё раз подцепить доску топором. Теперь, когда ей ничего не мешало, она легко приподнялась, открыв внизу тёмную пустоту. Уже с азартом Виктор одну за другой достал остальные четыре доски, и его взору открылось небольшое тёмное помещение около четырех квадратных метров. Пахнуло холодом и затхлостью. Внизу, к стене была приставлена деревянная лестница. Глубина чуть больше двух метров. Сначала он хотел немедленно по ней спуститься, но, подумав, достал из своих запасов кусок верёвки, привязал один конец к кровати, второй бросил вниз. Глупо было бы остаться внизу навсегда, если лестница вдруг сломается под его весом. Достал складную сапёрную лопатку, бросил вниз. Лопатка воткнулась в земляной пол. Следом за ней полетел и топорик. Батарейки в фонарике были ещё нормальные, но Виктор на всякий случай заменил их на новые из своего запаса. Когда поставил ногу на первую ступеньку, проверяя, крепкая ли лестница, взгляд его остановился на иконе в углу. На него строго смотрел святой, то ли Николай, то ли Серафим.

— Какой я суеверный стал, — опять чуть вслух не сказал Виктор и, держась руками за край пола, медленно стал спускаться. Лестница выдержала.

Внизу было на удивление сухо, немного прохладнее, чем в доме, но не холодно. Он огляделся. Стены покрыты слоем белого мха, под которым угадывалась деревянная опалубка. Видимо, раньше они были обрамлены досками, но со временем доски сгнили и были сплошь покрыты плесенью или ещё какими паразитами. Виктор ткнул лопаткой в одну из них, та вошла как в мягкий песок. Потыкал в пол. Никакого бетона или другого покрытия не было, под ногами просто земля. Выкопал небольшие ямки по всем четырем углам. Просто попробовал наугад. Лопата входила мягко, нигде ничего не задев. Посередине образовалась кучка земли. «Так я здесь все перерою, — подумал Виктор. — Надо копать где-нибудь в одном месте». Очертил лопатой чуть больше полуметра вдоль всей дальней стены и начал рыть. Землю кидал в кучу посередине. Получилась глубокая канава, почти метр в глубину. Ничего. Попробовал копать глубже — ниже была вода. Тщательно протыкал лопаткой дно вновь выкопанной им траншеи. Опять ничего. Он усмехнулся, но нисколько не расстроился. Надо было скидать всю землю обратно и приступить к следующей части его раскопок. Наверху стало смеркаться. Фонарь хорошо освещал погреб, и приближение вечера Виктора не сильно волновало. Когда закончил с первой частью, начертил следующие полметра, потом добавил ещё полметра — так показалось рациональнее. Уже собирался начать копать дальше, как вдруг пришла мысль: а где лежал коврик? Может, попробовать копать прямо под этим местом? В конце концов, какая разница, где сначала, а где потом. Развернулся к стене напротив, отчертил расстояние почти метр и начал. Копать становилось труднее. Уже почувствовалась первая мозоль на руке. Не заметил, как натёр. Виктор пыхтел, выкидывая одну за другой порции земли, и уже углубился больше чем на полметра, когда что-то наконец звякнуло. Не останавливаясь, в порыве азарта он увеличил темп. Там что-то определённо было. Что-то металлическое. Это был лист металла. Когда Виктор освободил его по периметру и поднял, его ждало разочарование. Это оказался просто ржавый кусок железа, а под ним земля. «Но зачем здесь это?» — подумал он и, придерживаясь предыдущего плана, продолжил копать глубже. Лопата опять наткнулась на что-то. Это было не железо. Уже не обращая внимания на сорванную мозоль, Виктор быстро откопал небольшой ящик из непонятного плотного материала. По размеру он напоминал ящик, в

котором перевозят пол-литровые бутылки пива или лимонада по двадцать штук. Только этот ящик был как будто бы герметично закрыт, не было ни ручки, ни какой-либо крышки. Хотя нет, крышка всё же была. Когда Виктор обтёр землю, он увидел, что ящик плотно закрыт. Достал нож, попробовал просунуть его под крышку. Не сразу, но ему удалось её слегка приоткрыть. Дальше не получалось. Нужны были еще инструменты. Привязал ящик к концу веревки и стал выбираться наверх. Когда он вылез из погреба, уже совсем стемнело. Потянул за веревку. Ящик был не сильно тяжёлый, наверное, не больше двадцати килограммов и Виктор легко вытянул его наверх.

Поставил ящик посреди комнаты. Сердце бешено колотилось. Оставляя грязные земляные следы на полу, он вышел в сени. Здесь, в углу, стоял стол, заваленный всяким хламом. К столу были прикручены тиски. На стене рядами висели ключи, отвертки, разные слесарные инструменты. Виктор взял небольшой гвоздодёр с загнутыми лапками, взял молоток, пару больших отвёрток, стамеску. Вооружившись, вернулся обратно в комнату. Возился с крышкой долго. Закрыта она была очень плотно и никак не хотела поддаваться. В конце концов между ящиком и крышкой образовалась небольшая щель, и, засунув туда отвёртку, он нажал при помощи рычага, и крышка упала на пол. Под крышкой содержимое скрывалось полиэтиленовой плёнкой. Без промедления он, как обертку с новогоднего подарка, рванул плёнку — и обомлел. Ровными пачками там лежали деньги.

У Виктора отвисла челюсть. Видимо, в такие моменты мозг не даёт правильные сигналы мышцам конечностей, и человек не замечает, как с открывшимся ртом смотрит на что-то необычное. Сколько это продолжалось, он никогда не узнает, но время остановилось. Деятельность мозга замедлилась. В полнейшей тишине Виктор сидел и тупо смотрел перед собой. Накатила усталость. Какая-то приятная нега окутала его. Как будто он бежал длительный марафон — и вот она, заветная финишная лента. И больше не надо никуда бежать. Всё уже позади: упорные тренировки, нервы и сомнения перед забегом. Всё в прошлом. Он смотрел на аккуратно сложенные разноцветные пачки денег и ни о чём не думал. Значит, всё это правда, значит, не обманывал Николас, когда говорил, что ты там найдёшь всё, что тебе нужно.

Оцепенение понемногу стало проходить, и Виктор дрожащей рукой взял пачку. Это были старые деньги. Сторублевые купюры, аккуратно перевязанные банковскими пачками по сто штук. Эйфория мгновенно сменилась ужасом. Да это же… Это же старые. Не-ет. Он стал быстро вынимать банковские пачки и бросать их на пол. Под ними ровными рядами лежали доллары, потом — немецкие марки. В конце концов он вытащил весь полиэтиленовый пакет и высыпал остатки пачек на пол. Дальше был лист грубого холщового материала. Виктор приподнял его. Под ним лежали ровным слоем, один к одному, золотые слитки. Ярский взял один из них в руки. На нём были выбиты маркировки, смысл которых он не знал, но чётко отчеканенный вес 1000 г был понятен без слов. С другой стороны герб и буквы «СССР». Пересчитал — шестнадцать слитков по килограмму чистого золота. По одному он достал все слитки, складывая их домиком на полу, достал такой же холщовый лист, на котором было золото. Под ним, на дне ящика, лежал большой конверт из плотного картона. Белый, без каких-либо надписей и марок, он был герметично заклеен. Отложил в сторону. Снова взял в руки золотой слиток. Захотелось попробовать на зуб. Виктор много раз видел, как в старых вестернах люди кусали золотые монетки. Как они там проверяли, настоящее это золото или нет, он понятия не имел, но укусить попробовал. Стало смешно. Нет, стало весело. Сильнейшая эйфория накатила на Виктора, и он в голос засмеялся. Взяв два слитка золота в руки, он встал во весь рост и что есть силы закричал:

— Я Зевс! А-а-а! Я Зевс!

Он кричал и кричал одну и ту же фразу и потом замолчал. Стало тихо, и от тишины зазвенело в ушах. Он стоял с широкой улыбкой и уже тихо, шёпотом повторял:

— Я Зевс, я Зевс.

Наконец, понемногу успокоившись, он опять сел на пол, и взгляд его снова упал на белый конверт. Взял его в руки, открыл. Конверт был плотно запечатан, и пришлось его разорвать, чтобы достать содержимое. Внутри оказался маленький мешочек их синего шёлка и рукописное письмо. Виктор стал читать. Письмо было написано печатными буквами, почерк аккуратный, но ошибки чуть ли не в каждом слове. Дабы не мучать читателя, автор великодушно исправил почти все ошибки:

«Дорогой друг! Если ты читаешь это письмо, значит, мы с тобой знакомы и ты уже многое знаешь. Возможно, ты нашёл это письмо случайно, это тоже не исключено. Хочу тебе сказать, что величайший дар — это возможность творить добро. Все богатства мира — это тлен по сравнению с одним-единственным добрым делом, сотворённым от всего сердца. Возьми этот подарок. Прими его как дар Божий. Пользуйся им во имя добра. Не сотвори зла в любом его обличии. Сотворив зло даже во имя добра, ты теряешь силу. Не делай этого. Я сделал это и очень жалею. Но обратного хода нет. У тебя будут вопросы. Много вопросов. Но ты найдёшь ответы. Просто поверь мне. Помни всегда, что добро сильнее зла. Ты не можешь победить зло злом. Зло можно победить только добром. Так же как и свет побеждает тьму.

С любовью, твой друг Николас».

Виктор перечитал текст ещё раз.

— Как-то больно мудрёно, — вслух сказал он. Взял в руки синий мешочек. Он был из приятного на ощупь материала и завязан красивым кожаным шнурком. Развязал шнурок. Внутри лежала светлая цепочка с кулоном. Цепочка, скорее всего, из серебра. Кулон матовый тёмно-зелёного цвета, овальной формы, в диаметре около трёх сантиметров и миллиметров пять-шесть в толщину. С одной стороны какие-то непонятные иероглифы, то ли на китайском, то ли на японском. С другой стороны еле заметно был выгравирован глаз. Виктору даже показалось, что кулончик тёплый. Он точно был теплее температуры тела. Может, на два-три градуса, но точно теплее.

«Как такое возможно?» — подумал Виктор.

Зажал кулон в руке — такой приятный на ощупь, что его не хотелось выпускать из рук. Стал рассматривать ближе. Кулон оказался правильной формы, на нём были видны грани, много граней. Словно обработанный алмаз изумрудного цвета.

«Мистика, — подумал Виктор. — Ну да ладно, наплевать на мистику. Я же теперь богат. Да я, кажется, сказочно богат».

Опять приступ эйфории отбросил далеко назад все неразрешённые загадки, и он огляделся вокруг. Мозг опять начал соображать трезво и чётко. Рубли старые. Скорее всего, их нигде не поменять, Немецкие марки тоже. В Германии давно уже евро. Вот

доллары — это хорошо, их вроде не меняли. Сколько их здесь? Двенадцать пачек по сто штук — это сто двадцать тысяч. Неплохо. Шестнадцать кило золота — это вообще здорово. Сколько это в рублях, он понятия не имел, но понимал, что очень много. Немного подумав, скидал обратно в ящик все рубли и марки. Затем, сам не понимая зачем, положил туда две пачки долларов и слиток золота. Почему-то это показалось правильным. Виктор сам не понимал, зачем он это делает, но делал машинально, по интуиции. Подумал и положил ещё один слиток, сверху положил холщовые обёртки. Повертел в руках письмо, конверт положил в ящик, а письмо свернул и убрал во внутренний карман куртки.

— Что с кулоном? Конечно, себе. Прикольная вещь. — Убрал в мешочек, завязал и положил в карман на рюкзаке, застегнув на молнию. Так, вроде всё. Теперь всё убрать. Плотно закрыл крышку. Даже пришлось притопнуть сверху ногой — так туго она закрывалась. Деньги и слитки аккуратно сложил в рюкзак. Попробовал на вес — получилось тяжело.

— Ладно, дотащу, — улыбнулся Виктор.

Аккуратно на верёвке спустил ящик в яму. Спустился сам. Поместив ящик на то же самое место, стал закапывать. Разровнял, положил обратно железный лист, попрыгал на нем, утрамбовал типа. Пришлось повозиться, но всё выровнял и разрыхлил следы от сапог. Огляделся. Вроде как всё чисто. Вылез наверх. Посмотрел на часы: полночь. Ладно, на сегодня хватит. Полы помыть — это уже завтра. Закрыл вход в подвал досками. С последней пришлось помучиться, но всё же затолкал. Задвинул кровать, положил коврик. Огляделся. Вроде всё ровно. Ладно, теперь надо выспаться, завтра долгий день. Вышел на улицу, насколько это было возможно, вымыл руки снегом. Сорванная мозоль болела. Это мелочи. Огляделся. На безоблачном небе светила почти полная луна. Подмигнув луне, зашёл внутрь. Теперь спать. Забравшись под одеяло, попытался уснуть, но не тут-то было. Все мысли были о богатстве. Теперь ему доступны все чудеса мира. Теперь он Зевс.

— Я Зевс, — шёпотом сказал Виктор и зевнул. Надо было выспаться и рано утром выдвигаться в путь. В голове мысли вихрем сменяли одна другую. Сна не было и в помине. Включил фонарь, дотянулся до рюкзака, выудил пачку стодолларовых банкнот, стал

разглядывать. Купюры старые, выпуск восьмидесятых годов прошлого века. Большеглазый мужик с длинными волосами ехидно смотрел на Виктора. «Франклин» — прочитал он. Разорвал бумажную обёртку, вытащил одну купюру, посмотрел на свет, потёр пальцем плотную, приятную на ощупь бумагу. Купюры как новенькие. Вставил сотку обратно в пачку, положил в рюкзак. Нащупал золотой слиток, поднёс к глазам. При свете фонаря слиток блестел как солнце, он был гладкий и такой приятный на ощупь, что не хотелось выпускать его из рук.

— Кто же ты такой, Николас, и что ты здесь делал? — Виктор на вытянутой руке держал золотой слиток, в другой руке — фонарь. Солнечный зайчик бегал по стене. Ярский попытался вспомнить дословно разговор в поезде. Ему было поручено часть денег передать людям, этим знакомым Николаса. Он не сказал конкретно, сколько, вроде речь шла о половине суммы, вернее, он вообще не говорил давать деньги. Надо что-то там сделать, дом, что ли, починить или что-то в этом роде. Адрес есть, надо съездить туда, посмотреть, познакомиться. Что делать с золотом, как его продать? Кому? Сколько оно сейчас стоит? Это же не колечко или цепочка, это, мать его, четырнадцать килограммов в слитках. Подумал о том золоте и деньгах, что закопал обратно. Правильно ли сделал? Вроде правильно. Зачем? Попытался сам себе объяснить свой странный порыв, но не смог. Хотя нет, где-то в глубине сознания вертелась мысль: а вдруг что-то пойдёт не так? Тогда у него останется какой-никакой запас. Нет, конечно же, правильно. А себе он купит дом… нет, лучше квартиру. Большую квартиру, метров на сто… нет, лучше на сто двадцать. Где? Может, в Питере. Да, точно, в Питере, прямо на какой-нибудь набережной. Питер Виктору нравился, нравился даже больше, чем Москва. Город, где каждое здание имеет свою историю, свою индивидуальность. Конечно, Питер, это не обсуждается. Машину. Да, он купит себе хорошую машину. Может, «Мерседес». Какой-нибудь полноприводник. Или, может, спортивную машину, например, «Порше». Да всё равно, можно купить и то и другое. Денег-то куча. И съездить на море. Точно, он поедет на самый дорогой курорт. Думая и мечтая, Виктор гладил слиток золота, улыбаясь во весь рот и, не заметил, как плавно погрузился в сон.

Проснулся он мгновенно от грохота. Вскочил на кровати — в окно ярко светило солнце. По полу медленно катился фонарик, рядом лежал

слиток золота, видимо, только что упал. Виктор встал, поднял фонарь. Он уныло светил остатками севших батареек. Забыл вчера выключить. Ладно, есть ещё комплект, не новый, но пойдёт. Надо было собираться в обратный путь. Натопил снега. В старинном заварном пузатом чайнике заварил чай. Горячий крепкий чай с веточками брусники приятно пах лесом и уютным пикником. Настроение было отличное. Ходил по комнате и, улыбаясь, рассматривал фотографии на стенах. Затем нашёл кусок тряпки, обильно смочил остатками кипятка, принялся вытирать пол. Не хотелось оставлять после себя никаких следов. Надел рюкзак на обе лямки. Тяжеловато. Критически оглядел комнату. Вроде всё на месте, никаких следов. Кровать чисто и аккуратно, по-армейски, заправлена. Бросил взгляд на доброго дядьку Будду, затем поднял глаза на икону в углу. Почему-то захотелось что-то сказать обоим. Типа:

— Извините, если что не так.

Будда по-доброму улыбался, а святой с иконы смотрел на Виктора мудрым взглядом с чуть заметной ухмылкой.

— Ладно, брат, не поминай лихом, — непонятно кому сказал Виктор. Затем усмехнулся про себя: надо же, он разговаривает с иконами! — плотно закрыв за собой дверь, вышел в сени. Когда выходил из дома, получилось приподнять засов вверх, и когда Виктор, закрывая дверь, придерживал его ножом через щель, засов чётко лёг на старое место.

«Как в аптеке», — подумал он.

Вокруг дома оставалось много его следов, но тут уж ничего было не сделать. Через неделю-другую остатки снега растают и ничего уже не будет напоминать о его присутствии здесь. Ну, разве что пропажа части содержимого подземного хранилища. Виктор посмотрел на мобильник — почти десять утра. Поздновато, хотел выдвинуться гораздо раньше, но да ладно.

— Вперёд, — сказал он себе и быстрым шагом пошёл от дома в сторону чащи.

Снег стал рыхлым. Идти было труднее, чем ночью, когда он шагал, не проваливаясь через наст. Если приглядеться, то можно даже увидеть его следы. По ним и шёл. Когда вышел к реке, уже реально чувствовалась усталость. Хоть и говорят, что своя ноша не тянет, но она тянула. Ой как тянула! Виктор пробовал и так и этак

перекладывать вес своего богатства, но мышцы спины явно говорили, что это будет нелёгкий путь. Пройдя ещё пару километров вдоль реки, он присел на привал. Наломал сухих веток, зажёг костер. Уже привычно растопил снег, вскипятил воду. Когда она немного остыла, залил кипяток в бутылку. Затем повторил процедуру ещё раз. Получилась полная полторашка тёплого кипятка. Без еды можно прожить долго, а вот без воды сложнее. Опять заварил крепкий чай. Попил. Потом сложил весь свой нехитрый скарб под ель. Чайник, кружку, термос, складную плитку, ещё пару вещей. Топорик решил оставить. Кто его знает, вдруг пригодится. Завалил всё это снегом. Снова надел рюкзак. Легче он не стал, но Виктор знал, что килограмма четыре точно убавилось. Пошёл дальше. Через несколько часов пожалел, что выбросил лёгкий плед, которым можно было укрыться в случае ночлега. Судя по всему, ночевать всё же придется в лесу. Солнце уже давно скрылось за лесом, и Виктор мог только угадывать, что оно вот-вот скроется за горизонтом и будет смеркаться. Сколько прошёл, он не знал. Надеялся, что больше половины. Шёл по компасу, навигатор безбожно глючил, ориентиров никаких не было, только лес. Проталины и снег. Сумерки сгущались, и Ярский решил всё же остановиться на ночлег. Выбрал полянку, нашёл сломанное дерево, которое лежало примерно в метре от земли, наломал молодых веточек на подстилку, накидал веток сверху, завалил всё это снегом. Получилась неплохая берлога. В метре от неё зажёг костер. Забрался на свою лежанку. Пожалел про выброшенный чайник. Ну да ладно. Смотрел на пляшущие языки пламени и почему-то вспомнил своего друга Сиплого. Сколько уже они не виделись? Давно.

Сиплый ушёл в армию в восемьдесят седьмом. Собственно, армия спасла его от тюрьмы, куда бы он с большой вероятностью присел за очередную драку. Но судьба распорядилась так, что он попал в последний призыв ребят, ушедших в Афганистан. Отслужил два года. Дембельнулся весной восемьдесят девятого в звании старшего сержанта. Он был в роте, покидавшей Афган последней. Если и до войны Сиплый был, мягко сказать, не подарок, то, вернувшись, стал совершенно неуправляемым. Виктор никак не мог найти общего языка со своим лучшим другом. Сиплый постоянно попадал в разные скандалы, ходил по острию ножа и как будто бы сам искал приключений на свою голову. Его присмотрели силовики и

предложили должность в питерском ОМОНе с неплохой карьерой. Виктор даже обрадовался, когда Саня уехал на учебку в Лугу на какие-то сборы. Думал, может, он найдёт себя на этом близком ему поприще в силовых структурах. Но Сиплый вернулся буквально через неделю. Кому-то там хорошо навалял, кого-то послал. В общем, не срослось. Не удивительно, что очень быстро Саня оказался в бойцах одной из криминальных ОПГ. Ещё несколько раз они пересекались, но потом Сиплый уехал в Москву, и связь с ним потерялась. Виктор не раз пытался найти своего друга, но общих знакомых больше не осталось. Саня нигде не светился. Правда, где-то в середине девяностых один раз он заявился к их общей знакомой Машке. Она тогда ещё жила в Москве, собиралась замуж за успешного бизнесмена, то ли за австрийца, то ли за венгра. Она позвонила Виктору и рассказала, что Сиплый в тот день приехал на шестисотом мерсе, крутой, весь в толстых золотых цепях. Привёз огромный букет роз. Звал в ресторан. Но она не пошла. Сказал, что обязательно женится на ней когда-нибудь. Никаких координат не оставил. Машка ещё заметила, что при всей браваде он был потерянный и грустный. Виктор наказал ей, чтоб сразу звонила, если тот заявится снова. Но потом, когда Машка вышла замуж и свалила за границу, Виктор её след тоже потерял. После этого про Сиплого не было слышно уже больше десяти лет. Виктор втайне надеялся, что когда-нибудь Саня появится на пороге со своей обычной улыбкой и скажет: «Ну что, Зевс, как ты? А пошли гулять. Пива попьем, что-нибудь замутим».

При всей своей импульсивности и скандальном характере Сиплый был добряком. Виктор помнил случай с собакеном ещё в детдоме: они увидели на обочине щенка, которого сбила машина. Все говорили: «Ой, какой бедненький», — и проходили мимо. Сиплый же взял грязнющего пса и отнёс его в школьную подсобку. Потом они по очереди таскали туда еду. Пёсик выздоровел и так и остался жить у них возле столовой.

Костёр догорал. Красные угли медленно темнели. Уже не было видно рядом стоящих деревьев. Лес погрузился в темноту. Устроившись поудобнее, насколько это было возможно на жёстких ветках, Виктор погрузился в полусон. Нет, уснуть полностью ему не удастся, это он понимал, чутко прислушиваясь к любому шороху, к любому скрипу деревьев, но даже просто вот так полежать с

закрытыми глазами несколько часов, и он наберётся сил пройти остаток пути. Ночью стало совсем холодно, ноги затекли, спина болела от жёстких веток, втыкающихся то здесь, то там. До рассвета ещё далеко, а идти по темноте желания не было никакого. Как медведь, Виктор выполз из своего импровизированного убежища, насобирал сушняка, разжёг костер. Согревшись, размял ноги, прыгая вокруг пламени, набросал крупных дров, чтобы подольше горели, снова забрался в свою берлогу, укутался поудобнее. Теперь можно было попробовать заснуть, костра хватит на несколько часов. Собственно, так и получилось. Он погрузился в полноценный сон и проспал часа два или три. Когда проснулся, небо не было уже фиолетово-чёрным. Светло-серый оттенок давал понять, что скоро рассвет. Можно собираться в путь.

Рассвело быстро. Ярский шёл и шёл, время от времени сверяясь с компасом. Где-то здесь он должен был пересечь ручей — и дальше прямо на юг. Там за речкой старая леспромхозная дорога. По ней идти будет гораздо легче. Но то ли он сбился с пути, то ли ещё не дошёл. Впереди, насколько хватало глаз, однообразно простирался сосновый бор. Вода закончилась. Попробовал есть снег, ну так, то ещё удовольствие.

Наконец лес стал редеть, сменяясь кустарником, и скоро Виктор вышел к реке. Неширокий ручей, не больше десяти метров в русле, был подо льдом. Снег почти растаял, оставив тёмные пятна проталин. В это время года ходить по льду опасно, но выбора особо не было. Снял рюкзак, понёс в руке. Перебравшись на другой берег, почти сразу заметил дорогу. Она была не езжая, но Виктор увидел следы — не то от трактора, не то от квадроцикла. Ну вот, теперь всё прямо, и километров через семь-восемь он должен выйти к глухой деревеньке. Летом там полно народу, в основном дачники, а зимой, скорее всего, никого нет. Но это уже неважно, потом, если повезёт, можно будет остановить попутку, там начинались жилые деревни до самого Борисово. Дальше ходит автобус до Бабаево. Там цивилизация. Но пока приходилось идти. Идти пешком. Других вариантов не было.

Уже совсем стемнело, когда, на пригорке показалась деревенька. Виктор прибавил ходу. Ноги едва слушались его, когда он увидел табличку «д. Кийново». В некоторых домах горел свет, из труб шёл дым, топили печки. Деревня явно была жилая, дорога чищеная, более

того, впереди проехала машина и, моргнув стоп-сигналами, свернула куда-то в переулок. Надо было решать вопрос с транспортом. Дальше идти пешком сил уже никаких не было. Виктор посмотрел на карту. Отсюда до районного центра Бабаево больше ста километров, а то и все сто двадцать. А там уже поездом до Череповца часа три, не больше. Проходя мимо одного из домов, Виктор заметил бабушку. Она стояла, опершись на клюку, и смотрела на Виктора.

— Добрый вечер, — как можно вежливее поздоровался он.

— Добрый-добрый, мил человек, чего-то не узнаю, — прищурилась она, вглядываясь в лицо Виктора. — Из михайловских что ли? Степан ли? Или нет?

— Нет, бабуль, не михайловский, рыбак я, из города, — соврал Виктор. — Вот ходил на реку, — не зная, что еще сказать, собрался было идти дальше, но бабулька не унималась:

— Из города? Далёко же до города, тёмно ужо. На машине хоть?

— Нет, я пешком, может, довезёт кто, пойду я, бабуль.

— Ой да кто же тебя довезёт, — старушка явно была из тех любителей поговорить, которым до всего есть дело. — Хотя вон, Колька, только что проехал, поди спроси, может, поедет он домой. Борисовский он сам. Воно туда пойдить, в девятом доме он живёт. Хотя вряд ли, на ночь-то. Ой, не знаю, ночью-то, — заохала бабулька.

Информация, конечно, была ценная, и возможно, если повезёт, то всё решится должным образом. Попрощавшись со старушкой, Виктор потопал дальше, в сторону указанного дома.

За поворотом, в небольшом переулке, с включёнными габаритами и открытым багажником стояла старенькая четвёрка. Паренёк, согнувшись напополам, копался в багажнике. На крыше стояла банка пива «Балтика». Вытащив большой белый мешок, парень ловко закинул его на плечо и собрался было пройти в открытую калитку, но Виктор окликнул его:

— Ты Николай, что ли?

Человек обернулся насколько позволял мешок:

— Ну я. Чо хотел?

— Да поговорить. — Виктор указал рукой на мешок: — Я подожду.

— Ага, я щас, — сказал паренёк и скрылся во дворе за забором.

Ярский снял рюкзак, поставил на скамейку, что стояла возле покосившегося деревянного забора. Огляделся. Одноэтажные домики, похожие друг на друга, обыкновенные деревенские, ничем не примечательные. Поёжился. Уже совсем стемнело и стало подмораживать. Пока шёл, было даже жарко. Как только остановился, пронизывающий холод предательски начал поддувать морозным воздухом. Николая не было минут пять. Обошёл машину, сразу заметил, насколько древняя она была. Сгнившие пороги неумело заляпаны шпатлёвкой. Обратил внимание на колеса. Даже при тусклом свете фонаря было видно, что все они разные. Прямо не машина, а сборная солянка.

Вышел Николай.

— Чё хотел? — не здороваясь, спросил он.

— Витёк, — протянул руку Виктор.

— Колян, — быстро и сильно ответил тот на рукопожатие. — Чё хотел? — в третий раз повторил он.

— Мне это, в Череповец, — Виктор решил начать без прелюдий и сразу перейти к делу. — Можешь отвезти?

— С хуя-ли? — Николай не особо выбирал выражения.

— Заплачу нормально, — Виктор решил не мелочиться и сразу пошёл с козырей.

— Да это понятно, — сказал Николай. — Я вообще-то не собирался сегодня, да и пива уже выпил. Завтра в Борисово поеду и бесплатно могу отвезти. Ты к кому приехал-то? Или на рыбалку?

Виктор замешкался. Ну вот что ему сказать, какой из него рыбак?

— Геолог я, — первое, что пришло в голову, сморозил он. — Думал, доберусь до Борисово засветло, а тут никто по пути не попался. Куда вот теперь ночью? Я заплачу хорошо, — опять повторил он.

Колян недоверчиво оглядел Виктора.

— И чего ты тут золото, что ли, искал, геолог? — хмыкнул он с улыбкой.

Ярский вздрогнул и поёжился.

— Ну тип того. Не совсем золото, камушки разные, породы, — как-то совсем неуверенно ответил он, проклиная себя за это своё неумение врать.

— В общем так, — Виктор решил не выдумывать — в конце концов, чё титьки-то мять. — Заплачу до Бабаево сто долларов — до

Череповца, двести. Если пиво выпил, я могу за руль сесть, права есть. Поедешь?

Николай недоверчиво округлил глаза:

— Ты чего, олигарх, что ли? Двести баксов — это почти шесть тысяч. Гонишь.

— И ещё бак бензина заправлю, — решил добить Виктор. — Решай быстрее: едем, нет?

— Чё «быстрее», а то у тебя очередь из таксистов тут стоит! — ухмыльнулся Колян. — Ладно, поехали, чего там, до Череповца за шесть штук можно напрячься. Только деньги вперёд, — он недоверчиво посмотрел на странного пассажира.

— Половину — сразу, половину — когда в Черепе будем, — осадил его Виктор.

— Тогда бак сразу заправим, я на мели, — показал на крышку бака Николай.

— Лады. Замётано. — Виктор протянул руку.

Колян хлопнул по руке: — Погоди, документы возьму.

В общем, сторговались. Пока Колян ходил в дом, Ярский сунул руку в рюкзак, выудил оттуда пачку баксов. Вытащил несколько купюр, штук десять-пятнадцать, сунул в наружный карман куртки. Застегнул молнию. Пачку бросил обратно в рюкзак, тщательно завязав шнурок. Ладно, пока вроде всё по плану. Вышел Колян. Виктор протянул ему стодолларовую купюру. Тот взял в руки, посмотрел на свет, потёр пальцами. Интересная особенность: наверное, девяносто девять процентов россиян делают это, взяв в руки доллары или евро (прим. автора*).

— Настоящие хоть? — спросил Колян. — Рублей-то нет, что ли?

— Ну так договорились же на баксы. — Виктор улыбнулся своей самой доброжелательной улыбкой. — Зарплату долларами выдали, — пошутил он и добавил: — Заправлю тебя на рубли, не беспокойся.

— Ладно, поехали. — По Коляну было видно, что он явно не в восторге от такого странного пассажира, но желание заработать превысило беспокойство, и он, уверенно прыгнув на водительское сиденье, громко хлопнул дверью.

Виктор хотел поставить рюкзак на заднее сиденье, но, открыв дверь, увидел, что оно снято, а на полу просто лежал деревянный

поддон. Виктор аккуратно поставил рюкзак прямо на этот поддон, но, как он ни старался, всё равно слитки предательски брякнули.

— Всё-таки золото у тебя там, — засмеялся Колян, указывая на рюкзак, когда Виктор забрался на переднее пассажирское сиденье.

— Ага, — честно сказал он. — Килограммов пятнадцать где-то.

— Да уж, — заводя мотор и улыбаясь, подтвердил Колян. — Было бы так, ходил бы ты тут по деревням с таким мешком.

— Может, я всё-таки поеду? — предложил Виктор.

— Сам справлюсь, — ухмыльнулся Колян. С хрустом включил заднюю передачу и шустро выехал на дорогу.

Ярский улыбался. Жизнь налаживалась. Машинка оказалась на удивление резвой. Снег почти везде сошёл, но, несмотря на раздолбанную в распутицу дорогу, Колян нажимал на газ, лихо объезжая лужи и проходя крутые повороты. Виктор смотрел на лучи дальнего света перед машиной и размышлял. Россия-матушка, почему нет нормальных дорог? Ведь такая богатая страна, столько ресурсов, можно отстроить асфальтированные дороги до всех самых отдаленных деревень. В чём секрет? Может, в погоде, может, слишком большие расстояния. Но нет, взять любую европейскую страну, да хотя бы ту же Норвегию. Климат там не теплее нашего. Про Норвегию он много читал, что уровень жизни там чуть ли не на первом месте в мире, люди прекрасно зарабатывают и могут позволить себе отлично жить, практически ни в чем себе не отказывая. Сомнительно, что там есть хоть одна вот такая дорога. Подпрыгнули на очередной яме, Виктор опять ухмыльнулся. Ну как так-то?! Ведь несложно сделать подсыпку, пустить грейдер. Пусть не идеально, не асфальт или бетон, но вот эти ужасные ямы можно ведь засыпать, и стоить это будет не так дорого. Это должно быть кому-то надо, кому-то влиятельному. И богатому. Опять мысли вернулись к своему грузу. Он теперь богат. Не настолько, конечно, чтобы строить дороги, но он сможет, по крайней мере, устроить свою жизнь.

Наконец появилось твёрдое покрытие, Колян прибавил ходу. Время от времени попадая в ямки то одним колесом, то другим, матерился сквозь зубы, но не зло, а так, по привычке.

— Борисово-Судское, — сказал он, когда въехали в очередную деревеньку. — Дальше повеселее пойдёт.

— Не торопимся особо, — заметил Виктор. — Главное, чтоб доехала твоя беда, обратно же ещё тебе возвращаться.

— Не боись, — не обиделся на «беду» Колян. — Это она с виду такая стрёмная, там всё поменяно, всё работает, вот ща денег дашь — резину поменяю, побегает ещё.

— Ты в Борисово живёшь, я так понял, а работаешь кем? — спросил Виктор, просто чтобы поддержать разговор.

— Да я тока осенью с армейки пришёл, так на подхвате, постоянной работы нет. А жлыга от бати осталась, подшаманил, катаюсь. У дядьки мясная лавка в Бабаево, иногда вожу ему мясо от фермеров. Так чтоб на бенз да на пивас. Думаю в город перебираться, здесь точно нечего ловить. Мамке дом подправлю, немного деньжат подкоплю и уеду нахер отсюда.

— Куда поедешь?

— Да без разницы, не решил ещё. Кореш в Череп зовет. На «Северсталь» поможет устроиться. Там видно будет, может, осенью. Летом-то в деревке суперски, девчонки понаедут, — он озорно подмигнул.

Виктор кивнул и поднял большой палец. На заправке оплатил бензин, устроился поудобнее и задремал. Даже нет, походу, полноценно уснул. Спал, наверное, целый час, но, когда Колян замедлился и защёлкал поворотник, Виктор мгновенно проснулся, однако сидел с закрытыми глазами. Немного напрягся, когда машина остановилась.

— Всё, Витёк, садись за руль, меня рубит песец как.

— А где мы? — продрал глаза Виктор.

— Да Лентьево, сотка с копейками осталась, а я уж два раза обочину словил, быстро не едь, только девяносто, иначе жрёт бенз, как грузовик.

Виктор ехал небыстро, ехал и думал. За рулем он всегда думал о чём-нибудь. Сейчас почему-то думалось о российской глубинке. Вот сидит и тихо похрапывает Колька. Молодой пацан, вроде неплохой парень. Родился и вырос в селе, наверное, окончил какую-нибудь фэзэуху. Не откосил, честно отслужил армейку. И вот чего ему там делать, ни работы, никаких развлекух. Ну, у этого хоть мысли правильные: хочет поехать в город, найти работу. Хотя с другой стороны, а кто там останется, кто будет заниматься сельским

хозяйством? Народ в глубинке, за редким исключением, просто спивается. А как по-другому? Как сделать так, чтобы не уезжали? Не реально. А если в масштабах всей страны? Стало почему-то грустно от всего этого. Да пофиг, ему-то чего. Надо устраивать свою жизнь, а не мечтать о восстановлении постсоветских руин. Разве есть ему дело до этого Коляна? Пусть он живёт своей деревенской жизнью, а Виктор будет жить своей. У них договор, по которому он и так предложил оплату раза в три больше, чем таксисту, так что доедем и разбежимся, а через пару дней он забудет, как его зовут. Всё честно. Всё по понятиям. Пацан сказал — пацан сделал.

Незаметно приехали, справа показался завод, дымили трубы, создавая перманентную жуткую вонь. Вот и любимый Череповец, воздух здесь — то ещё говнище. Как ни странно, но Череповец Виктор считал своим родным городом. Приехал он сюда, когда ему было всего пятнадцать лет, но Белозерск, где он родился и вырос, ну никак не был ему родным, а вот Череп сразу полюбился. Здесь прошли юношеские годы. Много всего было. Да и ладно, хватит с него. Теперь он точно свалит отсюда. Без вариантов. Питер — это будет следующий большой шаг в его жизни.

Когда подъехали к дому, было уже около двух ночи. Виктор припарковался на маленькой стоянке напротив своего подъезда. Как раз оставалось одно место. В последнее время с местами во дворах стало сложнее. Многие автолюбители как-то разом забили на платные стоянки и стали ставить свои авто во дворах. Время девяностых прошло, стало спокойнее. Колян мирно спал. Будить не хотелось. Ему ещё обратно пилить такую дорогу. Почему-то стало жалко парня. Вроде правильный пацан. Без разговоров согласился довезти незнакомого человека. Был бы Виктор на его месте, повёз бы? Вряд ли. Подумал бы, что развод какой-то. Опять вспомнил Сиплого, улыбнулся. Тот бы повёз. У Сани чувство самосохранения отсутствовало напрочь. Посмотрел на спящего Коляна, тронул его за плечо:

— Эй, пожарник!

— А, чего, приехали? — быстро встрепенулся тот.

Решение пришло мгновенно.

— Слышь, Колян, — сказал Виктор, — если хочешь, можешь у меня заночевать. Выспишься, утром поедешь.

— Да не-е, неудобно как-то, — Колян мялся, но видно было, что перспектива гнать обратно без отдыха особого энтузиазма не вызывала.

Виктор это заметил и уже безапелляционно заявил:

— Не обсуждается. Я один живу, не стеснишь. Давай, пошли.

Взвалил свой неподъемный рюкзак, подождал, пока Колян закроет свою колымагу. Пошли наверх. Пятый этаж пятиэтажки. Дома не был почти неделю.

— Заходи, будь как дома, — Виктор включил свет в прихожей. Стал разуваться.

— Но не забывай, что в гостях, — продолжил поговорку Колян.

— Точняк, — улыбнулся Виктор. — Шаришь.

Колян тоже разулся, повесил куртку на вешалку, огляделся:

— Ничё у тебя берлога, вроде двушка?

— Однушка, — поправил Виктор, — но большая, 125-я серия, если тебе это о чём-нибудь говорит.

— Ни о чём, — развёл руками Колян. — Но ничего так однушка, метров пятьдесят, поди?

— Ну да, сорок с чем-то. Для одного — за глаза. Есть чего-нибудь будешь или чай?

— Нет, спасибо, мне бы кости куда-нибудь кинуть, а то утро уже скоро, — Колян оглядывался по сторонам.

— Диван твой, — Виктор показал на большой угловой диван. — Бельё сейчас дам.

— Не, не надо ничего, не заморачивайся, — замахал руками Колян. — Сотку лучше дай, пока не забыл.

Виктор действительно совершенно забыл про оплату. Как-то скорешились по дороге, совсем вылетело из головы. Достал сто баксов, подал Коляну. Тот повертел в руках, опять посмотрел на свет, сунул в карман. Кивнул: спасибо, мол.

— Ладно, ты ложись, — сказал Виктор, — я тут ещё покопошусь немного.

— Окейно, — зевнул Колян и прямо в одежде завалился спать.

Вышел на кухню, поставил чайник. Сна не было ни в одном глазу. Ну да и ладно. В углу стоял, аккуратно замаскированный под гарнитур и прикрученный к полу на четыре огромных самореза, большой оружейный шкаф. Когда-то Виктор был заядлым охотником и хранил

там два своих ружья: гладкоствольный ТОЗ двенадцатого калибра и нарезную «Сайгу». Потом к охоте он охладел, ружья продал, а шкаф остался. Для непосвящённого человека он выглядел как обычный кухонный ящик, но на самом деле это был неплохой сейф. В нём он и закрыл свой драгоценный груз.

Детство, проведённое в детдоме, многому научило Виктора. Чувство самосохранения и недоверие к незнакомым людям, выработанные до автоматизма, не раз выручали его. Попил чаю со сладкими пряниками и почти сразу почувствовал усталость. Надо было бы сходить в душ и завалиться в мягкую кровать, но опять же внутренний голос аккуратно намекнул, что… ну, не стоит. Сильно болели плечи. Видимо, всё-таки натёр лямками от рюкзака. Пока шёл — не замечал, а сейчас, когда расслабился, боль была ощутимая. Ладно, это мелочи. Пройдёт. Так и задремал, сидя на уютном диванчике за кухонным столом. Всё нормально. Будет ещё время выспаться.

Виктор проснулся за секунду до того, как Колян встал с дивана. Как у него это получалось, он сам не понимал. Это шестое или седьмое чувство, когда тебе не надо ни слышать, ни видеть, ты просто чувствуешь. Послышались шаги. Колян протопал в туалет. Виктор глянул на настенные часы. Почти восемь. Нормально. Пока Колян журчал водой в ванной, Виктор включил газ, достал медную турку, поставил вариться кофе. Рецепт у него был свой. Много кофе, чуть соли, чуть перца и чуть корицы. Аромат кофе пошёл по всей квартире.

— О-о, вкуснятина, — повёл носом Колян. — Доброе утро, Витёк, ты чего, не спал, что ли?

— Почему, нормально всё, выспался, сейчас кофе будет. Сам как?

— Да как убитый спал. Хорошо, что не поехал вчера обратно. Реально уставший был.

— А то! — Виктор разлил кофе, добавив сливки, сделал бутеры. Позавтракали.

— Ладно, я поехал тогда. — Колян засобирался. — Спасибо за кофе, ну, это… и за деньги тоже.

— Обращайся. — Виктор пожал протянутую руку. — Слушай, дружище, давай я тебе ещё на обратную дорогу дам?

— Да необязательно, — заулыбался Колян, — и так вроде хорошо заплатил.

— Нормально всё. — Виктор достал из кармана ещё двести баксов и протянул Коляну.

Тот ошарашенно смотрел на него и не брал. Видя, что Колян в замешательстве, Виктор засунул деньги ему в боковой карман куртки и добавил:

— Колёса поменяй, ведёт машину на скорости.

— Ну, это… Спасибо тебе, — промолвил Колян и добавил: — большое. А ты клад, что ли, нашёл, так деньгами бросаешься?

Виктор развёл руками и как-то по-отечески сказал:

— Ну давай, дуй отсюда.

Только когда дверь за Коляном закрылась, он смог по-настоящему расслабиться. Сбросив с себя одежду, загрузил всё в стиральную машину и долго стоял под душем, меняя воду, то на горячую, то на холодную. Потом безмятежно заснул на чистом белье, с чистой совестью и улыбкой на лице.

Глава 4

Глава четвертая. Середина апреля 2005

Продать доллары труда не составило. Курс был около двадцати восьми рублей за доллар. В банке спред между покупкой и продажей рубля полтора-два. У спекулянтов, которые уже второй десяток лет почти легально стояли на ступеньках СКЗ «Алмаз», разница была гораздо меньше. Многих ребят Виктор знал ещё с девяностых. Решил не светиться и продавать маленькими суммами, придумав легенду, что продал хату, а рассчитались долларами. Да кому, собственно, какое дело?

— Сколько у тебя? — поздоровавшись с Виктором, спросил бывший боксёр южных кровей, с перебитым в боях носом, а ныне уважаемый валютный спекулянт Толян.

— Десятка, — буднично ответил Ярский, думая, что тот сейчас скажет, что, мол, столько с собой нет и надо куда-то съездить, привезти наличку, но Толян просто уточнил: — Тысяч?

— Ну да, — улыбнулся Виктор.

— 27.50, — объявил Толян.

— Так в Сбере столько дают, — попробовал поторговаться Виктор.

— Не гони, Витёк, в Сбере копеек на пятьдесят меньше, ладно, 27.60 — это край, — Толян крутил в руках калькулятор, жестикулируя и объясняя, что, мол, это лучшее, что он может дать, и то по великой дружбе народов.

— Лады, давай.

Подошли к машине, запаркованной прямо около «Алмаза». В новеньком «Форд Фокусе» сидели ещё два человека. Толян сказал коллегам отсчитать 276 тысяч рублей. Виктор протянул доллары и убрал рубли в карман.

— Даже не пересчитаешь? — ухмыльнулся из «форда» Ганс — кореш и напарник Толяна.

— Верю. — Виктор попрощался, через плечо кинул: — На днях ещё зайду.

— Хорошо. — Толян пересчитал доллары и отдал парням в машину. — Позвони сначала, если сумма большая.

С золотом дела обстояли сложнее. Во-первых, слитки были с гербовым оттиском Советского Союза. Виктор понятия не имел о легальности происхождения жёлтого металла. Во-вторых, непонятна была цена, по которой продавать. Поинтересовался в ломбарде, почём они возьмут золото в слитках. Не стал говорить сколько, просто спросил цену за грамм. Сказали, что надо разговаривать, но около двухсот пятидесяти рублей. Залез в интернет. Цена на бирже была в долларах за унцию. Путём несложных математических действий вычислил цену в рублях. Получилось намного дороже. Около четырёхсот рублей за грамм. Получается, что всего у него было золота на сумму от четырёх до пяти с половиной миллионов рублей за всё. Не так уж и много, как показалось вначале. Это, конечно, большая сумма, но не такая уж и баснословная. Эйфория постепенно сменялась лёгким разочарованием. Вот как всё-таки устроен человек. Пару месяцев назад он был готов к любой вакансии, чтобы хоть что-то заработать, теперь, когда денег куча, спустя всего пару недель после его похода в леса эта куча не кажется такой уж огромной. Да ещё надо учесть, что деньги не все его. Виктор каждый день вспоминал, что надо собраться и хоть съездить к этим людям, но всё откладывал.

За несколько дней он продал девяносто тысяч долларов из ста, что были у него. Десять тысяч решил оставить, и он ни за что бы не смог ответить, если бы кто-нибудь спросил у него: почему продал не все сто? Золото продал местечковому олигарху и владельцу сети микрозаймов Артёму Левину. С Артёмом договорились по триста, и тот, забрав один слиток, буквально на следующий день перезвонил и сказал, что заберёт остальное. Это было немного дороже, чем принимал ломбард. Так же Левин не задавал лишних вопросов, что вполне устраивало Виктора. Сначала он хотел сбыть всё, но, подумав, решил продать половину. Получилось чуть больше двух миллионов рублей. Пока хватит. Первым делом купил себе новейший телефон Nokia взамен своего старенького исцарапанного Simens. Причём особо не выбирал, а просто указал продавцу на самый дорогой, который был на витрине. Зашёл в магазин «Компьютерный Мир», что на Первомайской, и купил самый навороченный ноутбук. Свой старинный пентиум с допотопным монитором, от которого частенько

рябило в глазах, вытащив жёсткий диск, безжалостно выбросил на помойку.

Приобрёл парочку автомобильных журналов, начал выбирать себе машину. После недолгих размышлений остались два варианта: либо Land Cruiser Prado, либо Mercedes ML — оба неплохие внедорожники, вернее, мерс вряд ли можно назвать внедорожником, хоть он и полноприводный. Не особо парился, подбросил монетку, выпал «мерседес». По рекламе позвонил в Питер, в первый попавшийся автосалон. Мягко говоря, был разочарован. Его очень вежливо послали, сказав, что машин нет, все под заказ и ждать чуть ли не год. Да ладно? Позвонил в Москву официальному дилеру. Там оказались сговорчивее, но ситуация примерно та же. Оставить предоплату, заключив договор, через какое-то время придёт машина. Но Виктору порекомендовали приехать и на месте поговорить, типа не по телефону. Было ясно — всё дело в цене. Что же, цена сегодня особо не имела значения. Всё-таки деньгами легко решается много вопросов.

Виктор сидел у себя на кухне, разглядывая очередную картинку БМВ новой модели, когда зазвонил телефон. Последнее время на городской звонили редко. Всё чаще и чаще люди стали пользоваться мобильной связью, почти у каждого школьника появились сотовые телефоны. Виктор уже подумывал, не отказаться ли от городского номера, но без номера не давали интернет. Поднял трубку, гадая, кто бы это мог быть.

— Слушаю.

— Привет, Витюша, — это была Анечка.

Даже по голосу Ярский слышал или чувствовал, что она улыбается. Он ненавидел, когда она его так величала. Она прекрасно это знала, но то ли из вредности, то ли по привычке время от времени продолжала называть его Витюшей.

— Привет, — лаконично ответил Виктор.

Не сказать, что он был не рад звонку, просто хотел выдержать паузу и послушать, чего это она вдруг надумала позвонить.

— Ой, какой серьёзный у нас Витечка, — делано детским голосом заговорила Аня. — Вроде и не рад совсем. Заметь, я первая позвонила. Как дела у тебя?

Виктор помолчал несколько секунд, сам не понимая, хочет ли он продолжать разговор. Не виделись и даже не созванивались почти пять

месяцев. По правде сказать, позвонить желание было. Пару раз даже начинал набирать номер, но что-то останавливало. Уж больно легко и непринуждённо стало жить после ухода Аньки. Когда она забрала свои вещи, утащила всё, что он ей дарил, что естественно. Но ведь не поленилась взять тяжёлую кофемашину, не забыв прихватить с собой даже общий ноутбук, который почему-то считала своим. Виктор был не против. Он был даже рад. Сделав генеральную уборку, выбросил всё, что напоминало об их отношениях. И вздохнул свободно. Правда, через несколько дней стало невыносимо грустно. Захотелось вернуть Аньку назад, захотелось начать всё сначала. Ведь за два года, проведённых вместе, было всё не так уж плохо. Виктор её по-своему любил. Наверное, любил. Он не был в этом уверен, но с ней было хорошо. Если бы не этот её дурной командирский характер. Да, Анна, родившаяся и выросшая в Череповце, мечтала о хорошей жизни. Мечтала уехать жить за границу. Хотела пышную свадьбу с множеством фоток, хотела, чтобы её муж был успешным и зарабатывал большие деньги. А что в этом плохого? Но это был не его выбор, это она ушла. Ну и скатертью.

— Нормально дела, живу, — Виктор старался быть подчеркнуто дистанцированным, но он был рад, да, он был чертовски рад этому звонку.

— А я думала о тебе и решила позвонить, хоть узнать, как ты там. На самом деле, Витечка, я сильно соскучилась, — она сделала паузу, но Виктор молчал, потом добавила: — Если хочешь, я приеду.

Виктору показалось, что она даже всхлипнула. Но это только показалось. Анька несентиментальная. Хотел бы он, чтобы она приехала? Да, мать его, конечно бы хотел. Хотел бы начать всё заново? Здесь были вопросы. Да ладно, будь что будет.

— Приезжай, — сказал Виктор как можно безразличнее, хотя сердце бешено колотилось, потом добавил: — Если хочешь.

Через час они уже занимались сексом, изо всех сил скрипя кроватью. Потом заказали пиццу и, как два голодных любовника, не вылезали из постели до вечера.

— Хорошо, что я позвонила? — спросила раскрасневшаяся и довольная Анька.

— Не то слово! — Виктор реально был счастлив.

— Мне остаться? — спросила она, легонько ткнув его в бок.

— Как хочешь, — улыбаясь, ответил он, жуя кусок пиццы, понимая, что никуда она уже не уйдет. Всё решено.

— Гад, — изобразила обиду Анька. — Ладно, надо будет вещи перевезти завтра.

Ну вот и закончилась холостяцкая жизнь. Опять в ванной будут полные полки всяких тюбиков, кремов и помад. Да и ладно. Переживём.

* * *

На самолёте до Москвы всего час. Сказано — сделано. Не стал объяснять Анне, зачем собрался в Москву, а она на удивление допытываться не стала. Видимо, решила поумерить привычку всё и всегда контролировать. Ну, это временно, в этом Виктор был уверен. И вот он уже ехал на свеженькой «Камри», по утреннему МКАДу, а весёлый и бодрый кавказец лихо играл в шашечки на скорости далеко за сто, умело обгоняя то справа, то слева легковушки и грузовики. Рассчитавшись с таксистом, Виктор вошёл в большой красивый автосалон «Авилон», официальный дилер «Мерседес-Бенц». Всё здесь пахло роскошью: от стеклянных стен помещения, роскошных автомобилей, блестящих своими лакированными поверхностями, до тщательно подобранного и вымуштрованного персонала.

Тут же к нему подошла симпатичная девушка лет двадцати пяти, одетая в строгий чёрно-белый деловой костюм, который нисколько не скрывал её фигуру, а наоборот, подчёркивал идеальные ножки, грудь. Длинные волосы были умело собраны и закреплены красивой, элегантной заколкой. Ну прямо хоть на подиум.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась она, обнажив ровные беленькие зубки. — Вам помочь?

— Доброе утро, Марина, — поздоровался Виктор, прочитав имя девушки на прикреплённом на очаровательной груди стильном бейджике.

— Я хотел бы приобрести в собственность автомобиль марки «Мерседес», — пошутил он и тут же пожалел. Как-то нелепо пошутилось.

Но девушка, ничуть не смутившись, не переставая очаровательно улыбаться, парировала:

— Тогда вы точно пришли по адресу. Мы как раз продаём «мерседесы» в собственность. Вот, присаживайтесь поудобнее, — она указала на шикарный кожаный диван с низким стеклянным столиком перед ним. — Я приглашу консультанта. Вам принести что-нибудь? Кофе, чай, сок?

— Кофе, пожалуйста. Сливки, сахар. Спасибо большое. — Виктор присел на мягкий удобный диван, взял глянцевый журнал с автомобилями, стал разглядывать картинки. Буквально через три минуты вернулась Марина, неся на маленьком блестящем подносе чашку с дымящимся кофе, сахар, сливки в мини-пакетиках и маленький кусочек пирожного, похожего на венское печение. Кофе был идеальный. Вкус бесподобный. Сразу видно, что это не какой-то растворимый ширпотреб, а настоящий, только что смолотый хороший кофе. Настроение было великолепным. Немудрено: всё продумано. Сервис на уровне.

К слову сказать, ждать пришлось достаточно долго. Минут пятнадцать, не меньше, но Виктора это не напрягало. Он просто наслаждался, оглядываясь по сторонам. Людей в салоне немного. Утро. Но посетители были. Кто-то разглядывал машины, некоторые просто сидели за столом и что-то обсуждали с менеджерами. Наконец к Виктору подошёл мужчина. Он был примерно его возраста, одет так же, как и Марина, подчёркнуто строго и в то же время стильно.

— Доброе утро, я Руслан, — вежливо и услужливо он протянул руку, извинился за ожидание и спросил, каким автомобилем Виктор интересуется. Парень говорил с лёгким акцентом. Виктор объяснил в двух словах, что он хочет, а Руслан, глядя прямо в глаза, интенсивно с пониманием кивал и повторял:

— Да, да, конечно, да. Понимаете, большая очередь на эти машины. Вам придётся ждать несколько месяцев, но при дополнительной оплате вы можете уехать на машине хоть сегодня. Разница в цене будет существенная. Ну, вы же понимаете, — улыбнулся он.

Затем Руслан показал красивый ML-350 зелёного цвета. Открыл дверь, пригласил посидеть, посмотреть внутри.

— Смотрите, Виктор, эта модель уже с ПТС, можно прямо садиться и ехать. Мощность — триста сил, объем — три с половиной

литра, бензин. Очень удачная модель. Вы спрашивайте, если что интересно.

Ярский сел на водительское сиденье, взялся руками за руль. И тут же влюбился. Всё было так удобно и чётко. Не хотелось вылезать.

— А белый такой есть? — спросил он Руслана.

Тот улыбнулся,

— Мы посмотрим. Давайте пройдём за стол, поглядим, что есть ещё в наличии и определимся с ценой.

Деловито и не стесняясь, Руслан называл цены. Столько-то стоит базовая модель, здесь доплата за цвет, здесь за диски, сигналку — допы, допы, допы. Даже за коврики была отдельная оплата. По итогу вышло два миллиона девятьсот тысяч. Но это если ждать полгода и более. Чтобы забрать машину сегодня, цена вырастала сразу на пятьсот тысяч. То есть три миллиона четыреста. Да-а, за мечту надо платить. Видя замешательство Виктора, умный консультант сразу смекнул, что надо немного сбавить обороты.

— У меня есть к вам такое предложение, — не переставая улыбаться, Руслан взял чистый лист бумаги. — Это, конечно, против правил, и надо согласовать с начальством, но, если вы оставите предоплату миллион наличными, попробуем сделать цену чуть больше трёх миллионов. Но машина придёт где-то через полтора-два месяца.

Виктор посмотрел на бумагу, там было написано: на самом деле две-три недели. Улыбнулся. Ну что ж, везде свои нюансы. Всем хочется заработать. Взял у Руслана листок и дописал: «А гарантии» — и поставил большой знак вопроса. Но тот только улыбнулся и пожал плечами: мол, я и так делаю всё, что от меня зависит.

Домой улетел на вечернем самолёте. Глядел в иллюминатор на Рыбинское водохранилище. Острова, вода, опять острова. Красиво. Сверху всё казалось таким мультяшным и ненастоящим. В голове вертелись разные мысли. Виктор не был уверен, правильно ли он сделал, отдав миллион предоплаты за новую машину. Ведь он не глупый человек и прекрасно понимал, что деньги, так легко упавшие к нему на голову — это одноразовое явление. После того, как он купит квартиру, их не останется совсем. А на что жить? Не лучше ли было вложить в какой-нибудь бизнес, который принесёт пусть небольшой, но постоянный доход? А машина — это же очень дорогая игрушка, требующая дополнительных расходов. Сначала Виктор не учитывал ни

обслуживание, ни страховку, но уже в салоне к нему подошла девушка из страховой компании и предложила застраховаться у них. У него волосы на затылке зашевелились, когда она рассчитала ему полную страховку КАСКО. Это были сотни тысяч рублей в год. Но с другой стороны, это была мечта его юности. Мечта купить хорошую, дорогую машину.

Виктор пошёл по своему методу, подбросив монетку. Орёл — покупает машину, решка — не покупает. Выпал орёл. Собственно, всё и решилось само собой. А ещё теперь у него опять появилась Анна. И если один он мог прожить на копейки, не покупая себе ничего лишнего, то Анна — это была существенная статья расходов. Самолёт плавно шел на снижение. Внизу появилась река Ягорба и дачи. Он опять вспомнил про Николаса и его друзей, к которым надо обязательно съездить. Обязательно.

Анна повисла на шее у Виктора, как только он открыл дверь. На кухне красивой дымящейся горкой его ждали блины. Любимое лакомство. Варенье, из крыжовника, сметана, мёд.

— Голодный? Руки мыть и за стол, — скомандовала Анька. Она умела быть классной, доброй и заботливой хозяйкой. Когда хотела, конечно.

— Может, в душ сначала? Целый день на ногах. — Виктор только сейчас почувствовал, какой он голодный.

— Нет, блины остынут, садись лопать, потом помоешься, — сказала Анна тоном, не терпящим возражений.

Блины были великолепны. Умял, наверное, с десяток. Такая вкуснятина. Анька забралась на диван, подогнула под себя ноги, оперлась подбородком на свои миниатюрные ладошки и в упор смотрела, как Виктор с удовольствием жуёт.

— Вкусно, — с набитым ртом кивнул он. — Сама напекла?

— Дурак, что ли? В кулинарии заказала, привезли, — пошутила она, не переставая поедать его взглядом.

Похоже, она чего-то ждала от него, возможно, какой-то информации. Он молчал, думал. Вообще, пока они жили вместе, особых секретов у них друг от друга не было, но что-то подсказывало Виктору, что не стоит пока рассказывать Аньке про… Про что? Надо было рассказывать либо про всё, с самого начала, либо молчать как рыба. Зная её характер, можно было предположить, что, если он

скажет даже самую малость, Анна вытянет из него все подробности. А он пока к этому был не готов.

— Нюра, а нафига я тебе? — внезапно спросил он без каких-либо прелюдий.

Виктор порой сам себе удивлялся: как он мог внезапно сказать что-нибудь такое, что заставало собеседника врасплох. Но Анька не растерялась и как будто бы даже ждала такого вопроса.

— Ну как нафига? — улыбка моментально слетела с её лица. — Мне с тобой хорошо.

— Да я не про это, — Виктор решил расставить точки над «i». — Мне с тобой тоже хорошо. Но для этого не обязательно жить вместе. Ты же знаешь, что я не люблю врать. И не люблю, когда мне врут. Ты мне не звонила почти полгода — и вдруг. Можешь объяснить, с чего такая любезность, почему ты решила переехать обратно? И вообще…

— …и где моя кофемашина? — со смехом закончила за него фразу Анна.

— Да, кстати, где? — улыбнулся Виктор. — Но Анька, я серьёзно.

— Ладно, — Анна вдруг перестала улыбаться. — Хочешь на чистоту? Я случайно видела Ганса с Толяном. Мы обедали в «Трех апельсинах» за соседними столиками. Он же знает, что мы расстались. Так вот, он сказал, что ты вроде как поднялся. То ли бизнес какой продал, то ли ещё чего. Мне, правда, стало интересно. Я стала спрашивать, но он больше ничего не сказал. Вот я и решила. Может, мы, ну… может, начнем снова.

— Я понял, — сказал он.

В голове сложился пазл, сложился чётко и ровно. Можно было выгнать её прямо сейчас, но Анькина прямота и в какой-то степени честность сгладили углы. Виктор тоже решил не лукавить.

— Хорошо, я думаю, зная меня как облупленного, — он тщательно подбирал слова, — ты должна была с этого начать. Это было бы, по крайней мере, честно. А не петь песни про то, как ты соскучилась. Так?

Она молча кивала, уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он поднял руку и продолжил:

— У меня в жизни кое-что произошло. На меня как снег на голову свалилась большая сумма денег. Это не мои деньги, вернее, не совсем мои. Но часть из них моя. И у меня есть кое-какие обязательства. Это

пока всё что я могу сказать. И я, вероятно, уеду из Черепа. Скорее всего, в Питер. И скорее всего, очень скоро, — Виктор замолчал и вопросительно посмотрел на Анну.

— Хорошо, — кивнула она, улыбнувшись. — Я всё поняла. Как блинчики?

Женщины правят миром. Мужики только думают, что они тут главные. Бог сделал Еву из ребра Адама. Как это понять? Что это за ребро было такое, что мы стали преклоняться перед ними? А ещё они назвали себя слабым полом. Не-ет, женщины вьют из нас верёвки. Априори. Ни один мужик не устоит перед чарами умной и красивой женщины. Мы можем быть сильнее физически, иметь социальное превосходство, но стоит женщине включить своё обаяние, немного хитрости и своего умения, и мужчина сделает для неё всё: пойдет на любые жертвы, если надо, развяжет войну или добудет самый дорогой самоцвет из пасти дракона.

Как блинчики? Конечно, это было вкусно, но разве дело в этом! В этот раз Виктор не подбрасывал монетку. Он и так знал, что выпадет. Ладно, время рассудит.

10 Мая 2005

Мобильный зазвонил и выдернул Виктора из сладкого сна. Чтоб не разбудить, вылез из Анькиных объятий, вышел на кухню, плотно закрыв за собой дверь. Звонил Руслан:

— Виктор, доброе утро, ваша машинка пришла, можете забирать, могу скинуть копию ПТС, если надо.

— Не надо. — Он проснулся окончательно. — Когда можно забрать?

— Да хоть сегодня, — ответил Руслан. — Перезвоните, когда будете готовы. Хорошего дня.

Ну вот и решилось. Как и обещал, меньше трёх недель. Виктор посмотрел на часы. Восемь утра. Аньку будить не стал. Быстро оделся, съездил на вокзал, купил два билета на вечерний до Москвы. Решил не мелочиться и взял СВ. Норм, ему без разницы, а Аньке понравится. Решил ничего не говорить про машину, пусть будет сюрприз.

Вечером Анна уже собиралась в ванную, смывать свои помады или чего там они смывают на ночь. Виктор притормозил её, предложив сначала выпить по чашке кофе.

— На ночь-то? — округлила глаза Нюрка. — Подожди тогда, я быстро.

— Не торопись. — Он, поставив турку на медленный огонь, сказал: — В Москву есть желание съездить?

— В смысле? Когда? — Анька высунулась из ванной, держа в руке флакончик с каким-то прозрачным волшебным зельем.

— Да сейчас прямо. — Виктор поднял голову на настенные часы: — Поезд через час.

— Ты! Ты с ума сошёл! А чего, заранее-то не судьба сказать?! Мне собираться только часа два.

— А ну ладно, я тогда один поеду. — Виктор прикалывался. Он знал, Анька любит такие фишки. Она была та ещё сорвиголова, и его всегда забавляло это её искреннее удивление. Анька гордо выпрямилась и многозначительно показала ему красивую фигу. Затем она подбежала и повисла у него на шее.

— Ты гад, — она поцеловала его в губы. — Ты настоящий гад, но я тебя всё равно люблю. За это ты будешь пить свой кофе один, я пошла собираться.

Через несколько минут из комнаты донеслось:

— Мы надолго?

— На один день, — громко сказал Виктор, отпивая горячий кофе, и, улыбаясь, добавил: — Утюг и термос брать не надо.

К слову сказать, собралась она быстро. Даже успела состряпать парочку аппетитных сэндвичей. Виктор вызывал такси, когда Анна уже вертелась перед зеркалом в своем элегантном плаще, юбке-мини и полусапожках цвета вишни. У двери стояла внушительных размеров дорожная сумка.

Посмотрев на сумку, он, покачав головой, пробурчал:

— Я же сказал, на день, а не на две недели.

— Ну ты меня удиви-ил! — Анька смотрела в окно на удаляющийся ж/д вокзал. — Сто лет не ездила в эсвэшке. Как удобно здесь! Блин, Витька, ты такой молодец всё-таки! Вот ведь сюрприз! А если бы мне завтра на работу?

Он пожал плечами. Честно говоря, об этом даже не подумалось. Анька достала свои запасы, когда принесли чай.

— А мы зачем в Москву? — спросила она наконец, откусывая кусочек от бутерброда с сыром.

— Да так, по делам, — уклончиво ответил Виктор. — Завтра увидишь.

— Деловой ты мой. — Анька закатила глаза, откусывая очередной кусок. — Я, оказывается, такая голодная…

Виктор смотрел на довольную подругу и втайне, как бы украдкой, поблагодарил Бога за всё, что у него есть. Вероятно, это как раз и называется счастьем.

* * *

Москва. Волгоградский проспект.

— Зачем мы сюда пришли? — спросила Анна, оглядываясь по сторонам. — «Мерседес», что ли, покупать собрался? — в её голосе слышались нотки то ли настороженного смятения, то ли даже испуга.

Всё вокруг сверкало роскошью.

— Посмотрим, — лаконично ответил Виктор. — Ты посиди здесь пока, — он указал на диванчик, где недавно сам ожидал менеджера. Оформление заняло всего несколько минут. Рассчитался наличными. Тут же оплатил страховку ОСАГО. От полного покрытия КАСКО отказался, чем откровенно удивил страхового агента.

— Не боитесь? — изумлённо округлил глаза паренёк из РЕСО-страхования. — Машина-то новая.

— Не боюсь, — отрезал Виктор тоном, не терпящим возражений, и паренёк тут же потерял к нему интерес.

Руслан поздравил Виктора с покупкой, вручил красивую кожаную сумочку с логотипом салона «Авилон» и знаком «Мерседеса», куда положил страховку, договор купли-продажи, ПТС и еще несколько разноцветных брошюрок.

— Наслаждайтесь, — сказал он с улыбкой, протягивая ключи с красивым мерседесовским брелоком. — Пойдёмте, я вам расскажу немного про машину.

Анечка разглядывала глянцевый журнал с картинками, когда Виктор позвал её, подав руку. Она всё ещё, походу, не догадывалась, зачем они здесь.

— Машину покупаем, — шёпотом сказал Виктор ей на ухо, когда они подходили к беленькому красавцу ML-350.

— Девушка, присаживайтесь сюда. — Руслан с улыбкой открыл переднюю пассажирскую дверь. — Виктор, вы, пожалуйста, за руль.

Он сел в удобное кожаное кресло, мягкое и в то же время плотное. Оно было такое удобное, что Виктор как будто стал с ним единым целым. Глянул на Аньку. Она смотрела на него такими огромными глазищами, что ему стало смешно. Руслан объяснил основные функции машины. Нюансы управления, память сидений, особенности трансмиссии, какие переключатели для чего. Вежливо, но настойчиво он рассказал всё, что, видимо, было положено по инструкции. Ещё раз поздравив с покупкой, он с пульта открыл роллированную дверь и пожелал счастливого пути.

И вот они уже ехали по Ярославке, слушая «Скорпионс», хором подпевали, — Time, It needs time, To win back your love again, I will be there, I will be there…

Для этого стоило жить. Для этого стоило тратить деньги. Разве можно какими-нибудь словами описать то временное, переполняющее обоих чувство радости? Конечно же, нет. Пройдут недели, быть может, всего лишь дни, Виктор понимал, что оно притупится. Нет, не пройдет совсем, но та эйфория, тот выброс эндорфина исчезнет. Не будет уже такого острого чувства радости. Но сегодня, сегодня это было бескрайнее счастье. Свершившаяся мечта детства. Виктор даже не заметил, как у него потекли слёзы. Анька, достав платок, вытерла их. Он взял её руку и поцеловал.

— Мне кажется, что я тебя… может быть… Может быть, люблю, — сказал он, преисполненный чувств.

Это, походу, была правда.

— Не истери, — с улыбкой и как-то прагматично парировала Анька, — я знаю. Я тоже тебя люблю. Но только без «может быть», — она сжала его руку, и они долго ехали молча, слушая:

— If we’d do again, All the way from the start, I would try to change, The thing that killed our love…

Ехали и молчали. Каждый думал о своём. Виктору было очень комфортно с Анькой. С ней можно вот просто так молчать, зная, что она здесь, рядом, и она его понимает и в принципе ничего не требует. Почему-то опять вспомнился Сиплый. Где он сейчас? Жив ли хоть? Виктор порой осуждал сам себя за то, что приложил не так много усилий, чтобы разыскать своего, наверное, единственного лучшего друга. Иногда он злился на Саню, что тот не мог послать даже весточку. В отличие от Сиплого, Виктор не менял адрес вот уже много

лет, и при желании отыскать его проблем бы не составило, но от Сиплого не было никаких известий.

Посмотрел на Анну. Она сидела с закрытыми глазами, откинувшись назад. Красивая молодая девчонка. Немного со своими тараканами, но ведь она классная, она вроде надежная, и, в конце концов, их многое связывает. Почему он никогда не задумывался, чтобы сделать ей предложение? Он всегда считал, что всё это временно: эта жизнь в Череповце, эта работа и эта его девушка, Анна. Ему всегда казалось, что рано или поздно он всё бросит, переедет куда-то и там будет всё по-настоящему. А это всё ненастоящее, всё временно. Всё, включая Аньку. И только сейчас, глядя на неё, мирно спящую в этом шикарном мерсе, он вдруг осознал, что неправ-то был он, не предлагая ей чего-то большего, чем просто секс. Девушки хотят стабильности и определённости, а Виктор не хотел или не мог предложить ни того ни другого.

Глава 5

Глава пятая. 1 июня 2005, д. Пустошка Бабаевского р-на, Вологодской области

Анька работала. Виктор поехал один. На самом деле он был даже рад этому. При всей той идиллии в их отношениях, которая сложилась в последнее время, он так и не рассказал ей всего, что произошло с ним за то время, пока они были не вместе. Он не знал, что его там ждёт, в этой бабаевской глуши. Он даже толком не знал, как представиться этим знакомым Николаса, с которыми так или иначе ему предстояло встретиться. Дорога была, мягко говоря, не очень, но мерсик плавно проходил все неровности и ямки, создавая иллюзию, что всё не так уж плохо. Пока ехал, придумал какую-никакую легенду. Что, мол, ищу дом в ваших местах, хочу купить. Денег куры не клюют. Люди порекомендовали к вам обратиться. Вы, мол, здесь давно живёте, может, что подскажете. Попахивало бредом, но, за неимением лучшего, пойдёт. Приехал по адресу. Ожидал увидеть покосившуюся хибару с заросшим бурьяном участком, но вместо этого Виктор обнаружил добротный двухэтажный дом. На участке стояла шикарная бревенчатая банька, рядом — большая теплица из поликарбоната. Всё было по-хозяйски красиво и аккуратно. Пожилая женщина копалась в огороде. Виктор припарковал машину недалеко от дома, взял пакет с тульскими пряниками и печеньем, купленными в магазине «Каравай», и прогулочным шагом подошёл к калитке. Постоял немного, пригляделся. Женщина его заметила, выпрямилась. Вроде кивнула. Виктор громко поздоровался. Она подняла большое эмалированное ведро с сорняками и медленно стала пробираться между ровными грядками.

— Здравствуйте, — ещё раз громко повторил он.

— Здрасте, я не глухая небось, чего кричать-то, — ответила женщина с характерным вологодским оканьем.

— А, извините, — Виктор улыбнулся. — Хозяин дома? Поговорить бы.

— Коля, до тебя пришли, — громко позвала она в сторону дома и обратилась уже к Виктору: — Да ты заходи, не стой у ворот-то.

Виктор зашёл на участок, закрыл за собой калитку. По листочку, который он получил от Николаса, он знал их обоих по именам. Женщину звали Мария Ивановна Полякова, а её мужа Николай Васильевич Поляков. Видимо, адрес правильный. Через минуту подошёл невысокого роста, коренастый, плотный мужчина с виду лет семидесяти, дружелюбно поздоровался, протянув руку. Виктор пожал руку, спросил:

— Вы Николай Васильевич?

— Да, точно, — мужчина с интересом посмотрел на Виктора и, повернувшись к жене, добавил: — Я там чайник поставил на плите, посмотри, а то я забуду.

— Я дом себе присматриваю в ваших краях. Мне знакомые порекомендовали у вас спросить. Говорят, вы здесь старожил. Так ведь?

— Ну, мы здесь с женой ужо лет сорок как живём, даже больше, — оживился мужчина. — Я как по молодости сюда приехал, так и остались. И дом вот сам построил. Да, а что за знакомые-то у тебя, из местных кто?

— Да не, — в тон ему ответил Виктор, сам не замечая, как он копирует местное наречие. — Из бабаевских мужики сказали

— А-а, ясно, а сам-то откуда? Не бабаевский вроде, — прищурился дед.

— Череповецкий я, а родился в Белозерске, — не стал врать Виктор.

— Понятно. А чего, места у нас хорошие, что в лес — по грибы, что на охоту. Дорога только плохая, но если на «Ниве» или уазике, то проедешь даже по распутице. А зимой чистят, всю деревню. И дальше. Не знаю только, кто у нас продаёт. Вона, смотри, через дорогу — дом с красной крышей. Это Петровича, а следующий за ним, бурьяном заросший, — там дачники. Оне только летом приезжали, но ужо года два, даже, поди, более не было никого. Вот, может, оне могут продать. Но это я не знаю. Надо, вон, у Маши спросить, может, телефон их есть.

— Спасибо, — Виктор понятия не имел, о чём беседовать с Поляковым, не касаясь его основной цели приезда. Вот задал ему задачку Николас!

Огляделся. Не зная, что ещё можно сказать, стоял, переминался с ноги на ногу. Но тут выручила жена Николая, появившись с большим

дымящимся чайником:

— Может, чайку?

Виктор улыбнулся:

— Да, с удовольствием.

— Ну, так, вон, присаживайтесь, — хозяйка кивнула на небольшой деревянный столик возле дома.

Присели. Над столиком был по-хозяйски натянут тент из светло-зелёного брезента. По бокам стояли самодельные, гладко обструганные деревянные скамейки.

— Меня Виктор зовут, — представился он.

— Я Николай, — кивнул хозяин, — жена моя — Мария Ивановна, — он указал рукой на хозяйку, разливающую чай.

Виктор выложил на стол сладости.

— Так, а всё-таки кто сказал-то, чтобы к нам зайти? — опять спросил дед.

Ну вот что ему сказать? Виктор вообще представления не имел. Да будь что будет! Если не знаешь, что сказать, говори правду. Хотел уже сказать, что знакомого его зовут Николас, что тот передавал большой привет. Может, даже выложить на стол пачку денег и сказать, что просил передать. Хотя нет, это было бы как-то неправильно. Николас же попросил его не упоминать, и это, походу, было основное во всей этой теме.

— Да знакомый один сказал. — Виктор провёл рукой вокруг, улыбаясь: — А хороший участок у вас. Всё так добротно. Баньку сами строили или заказывали? Уж больно шикарно выглядит.

— Сами, конечно, — дед вроде даже слегка обиделся. — Кто же, если не сами. Заказывать, эвоно какие деньжищи надо платить. А так лес выписал, нам бесплатно положено. Сам спилил, мужики помогли вывезти. Всё как надо, брёвна выдержал, высушил. Долго простоит. Да нам-то чего, на наш век хватит. Могу показать, как внутри сделал. Тута ко мне ужо многие приходили опыт перенимать, — явно с гордостью ухмыльнулся дед.

— Да, я бы с удовольствием глянул. — Виктор был рад. Разговор налаживался.

Чай был очень вкусным, ароматным, с пряными лесными травами. Мария Ивановна из пузатого чайника заботливо подливала Виктору в большую красивую кружку. Он поблагодарил:

— Спасибо большое. Вкусно очень. — И снова обратился к Николаю Васильевичу: — Летом, наверное, много людей в деревне?

— Ну а как, конечно. Много дачников будет, и детишек на каникулы привозят. Да, летом людно. Зимой вот скучновато. Но мы привыкли.

— У вас есть внуки? — вежливо поинтересовался Виктор.

— Нет, мы с Машей вдвоём живём, не дал нам Бог внуков, — дед вздохнул. — Доченька Настя умерла давно. Сколько ужо. Скоро двадцать лет как будет. А больше детей и не было. Так вот и живём. Да, а куды деваться, привыкли.

— Сожалею. — Виктор, заметив, как, наклонив голову, сразу загрустила Мария Ивановна, чувствовал себя ужасно, вытащив неприятные воспоминания.

— Ладно, — вздохнул Николай, глянув на жену, — это дело давнее, чего ворошить. Пошли, баню покажу.

Виктор ещё раз поблагодарил за чай, встал и пошёл за дедом в сторону бани. Баня была большая. Сруб шесть на шесть метров. Нижние брёвна, по полметра в диаметре, проложены толстым слоем мха. Выше размер брёвен немного уменьшался, но все были ровненькие, одно к одному. Зашли в предбанник. Даже нет, не предбанник, это была скорее деревянная пристройка.

— Это хозблок, — сказал Николай Васильевич. — Чтоб зимой тепло сохранить, да и дровяник здесь же.

В так называемом хозблоке вдоль стены стояли большой стол со столярными инструментами, два кресла, маленький журнальный столик, скамейка вдоль стены. С другой стороны — во всю стену поленница из берёзовых дров. На полу — коврики.

Дед открыл толстую деревянную дверь. Зашли в следующее помещение.

— Здесь топочная, — он показал на печь. — Сама печь в парилке, а здесь только знай дрова подкидывай, — улыбнулся он.

Виктор открыл красивую дверцу из прозрачного стекла. Такого раньше не видел.

Дед увидел его восхищение и пояснил:

— Огнеупорное стекло. Все любят смотреть, как дрова горят, а открывать печку негоже. И дыму напустишь, и горит хуже. А так и любуйся, и закрыто. У меня и в доме так же сделано, — не без

гордости пояснил он. — А знаешь, какая толщина металла должна быть в печке?

Виктор пожал плечами:

— Шестёрка, наверное, такие обычно варят?

Николай Васильевич улыбнулся:

— Не-ет, у меня двенадцать миллиметров. Я специально заказал потолще. Один раз протопил — и будет тепло долго держать. Ладно, здесь разувайся.

Виктор снял ботинки, прошёл в следующее помещение.

— Здесь помывочная, а это парилка, — дед открыл дверь из серого матового стекла. Вдоль двух стен в два ряда — широкие полки из белой осины. На стенах — вагонка, досочки одна к одной. Всё по-хозяйски основательно и настолько аккуратно, что Виктор реально захотел себе такую же баню.

— Здорово, — искренне похвалил он. — Вы прямо зародили во мне новую мечту.

— Да, — махнул рукой в сторону двери Николай Васильевич, — пойдём. Не ты первый ужо. Тут у меня намедни фотографировать приходили… эти, как их? Ну, в интернетах пишут. Целое кино сняли, всё расспрашивали, что да как.

— Блогеры, — подсказал Виктор.

— Ну, может, они. Тоже хвалили, сказали, что такой красоты не видели ещё. Ну, если себе будешь строить, приходи, я тебе много секретов могу рассказать. Как удобно воду сделать, вентиляцию. Чтоб баня не гнила, чтоб зимой был пол тёплый. Ой, да много тут всего. Хорошую баню сделать — это целая наука.

Вышли в предбанник. Дед достал трубку, открыл коробочку с табаком, стал набивать.

— Куришь? — спросил он и, чиркнув длинной охотничьей спичкой, стал раскуривать.

— Не-е, я бросил давно, — Виктор улыбнулся.

Николай Васильевич присел на лавку, что стояла вдоль стены, Виктор сел рядом в кресло. Самое время было спросить про Настю, но дед его опередил:

— Некому только это всё оставить. Детей нет.

— А что с дочкой вашей случилось? — подталкивая к разговору, спросил Виктор.

Дед помолчал немного, вздохнул:

— Да убили её. Почти двадцать лет назад.

Виктор молча ждал. Расскажет дед ещё что-нибудь или нет, не перебивал. Николай Васильевич опять вздохнул:

— Молодая совсем была, только двадцать пять исполнилось. Отучилась в институте и вернулась домой. Я ей говорил: «Наська, в городе-то больше возможностей!» Нет, вернулась зачем-то. А она на переводчицу училась, языки иностранные хорошо знала. С парнем познакомилась, с иностранцем. Он её к себе на работу и взял. Зарплата хорошая и работа видно интересная. А потом у них конфликт вышел с местными. Оне тутойть в соседнем леспромхозе доски пилили. Чего-то, видно, не поделили. А парень-то этот, тёзка мой, Колька тоже, только она его по-иностранному называла. Николас вроде. Он такой тоже боевой был. Всё дрались с местными. Никак мирно не жили. Наши-то их прогнать хотели. Уж и пугали его, и пилораму поджигали. Он: нет, не уйду — и все. Говорил: мы с Настюхой сами всё создали, сами построили. Будем защищать. Ну, эти видят, что Колька не боится ничего, решили дочку припугнуть. Ну и так получилось, в общем, Настеньку застрелили, — дед замолчал.

— Как так-то? — Виктор хоть и слышал уже этот рассказ от Николаса, но из уст деда он звучал совсем по-другому. — Ну и что с ними стало? Их хоть осудили потом? — спросил он.

Николай Васильевич затянулся, медленно выпустил дым, потом продолжил:

— Да, суд состоялся, подозреваемых было пять человек, но всех оправдали. Не доказали ничего. Свидетелей не было, никто ничего не видел.

— А этот? Ну, Колька чего? — спросил Виктор.

— А его потом и обвинили. Адвокат этих упырей на суде так и сказал, что Колька приревновал Настю и убил. А он же сразу после смерти Настеньки куда-то пропал, его даже в розыск объявили. Потом пришёл ко мне через месяц, наверное. Упал на колени, извинялся. Говорил, что всё из-за него случилось. Прощения просил. Клялся, что это не он убил.

А я ему тогда сказал: «Не говори глупостей, я знаю, что не ты, но ты в розыске, найдут — точно посадят». — Дед посмотрел на Виктора: — Любил он ее сильно. Это же видно было. Пылинки с неё сдувал.

Больше я его и не видел. Не знаю, может, к себе уехал. Он где-то в тёплых краях жил. В Греции, кажется. Он мне тогда говорил: мол, Васильич, я тебе такие места покажу, закачаешься. На рыбалку съездим на море. А вишь, как судьба-то распорядилась.

— Ну а с этими, ну, с упырями чего, так и сошло с рук? — Виктор посмотрел на деда.

— А всех пятерых и убили. Почти сразу, как Колька ушёл, через несколько дней и убили. Ко мне тоже следователь потом приходил, вопросы задавал. Видимо, и меня подозревали. Но я не стал говорить, что Кольку видел, может, и его это работа, не знаю. Причём нашли их всех в конторе, на пилораме у них. Валялись по углам мёртвые. У четверых — ни царапины, ни синяков, а у одного грудная клетка сломана, как будто под молот попал. И на лицах у всех, менты говорили, прям ужас застыл. Ужас и удивление. Как будто сидели, мирно разговаривали, и вдруг что-то их напугало. Я не ведаю, но неспроста это. И уж что там произошло, теперь не узнаешь. Ну, они получили то, что и заслужили. Вот так бывает.

Николай Васильевич встал, как будто бы опомнившись от воспоминаний:

— Ладно, пойдём ужо, дело прошлое, мы с женой стараемся об этом не вспоминать, а то она и так все слёзы выплакала в первое время. Ты телефон свой запиши, если кто дом продавать будет, я тебе позвоню, а так, да, правильно, что у нас в деревне дачу присматриваешь, места здесь хорошие.

— А я хотел сказать еще… — Виктор подождал, пока дед остановится и повернётся к нему: — Может, и вам помочь чем? Вы мне помогите дом найти, а я вас отблагодарю. Или деньгами, или ещё как. Я человек самодостаточный, меня не затруднит.

— Не надо никакой оплаты, — замахал руками дед. — И не выдумывай, а то сейчас обижусь. У нас с Марьей две пенсии, а мы и одну не проедаем. Как ты сказал, Витя тебя зовут?

Виктор кивнул.

— Я тебе помогу не за оплату, а потому что, обратись я к тебе, и ты бы мне помог, верно?

— Конечно, — кивнул Виктор.

— Ну вот, а коли самодостаточный, подумай, может, там, в администрациях, знакомых каких найдёшь. Нам бы дорогу подсыпать,

а то к нам даже автобус не всегда проедет. Вот это было бы хорошее дело, — дед грустно улыбнулся. — Да пустое поди, тоже небось не так просто у них. Ну да ладно, ты ещё и дом не купил, а я уж тебе про дорогу.

Распрощались как хорошие друзья. Мария Ивановна предлагала ещё чаю, но Виктор вежливо отказался. Ехал медленно, аккуратно объезжая ямы, которые были, к слову сказать, везде. Думал о Поляковых. Хорошие люди, добрые, отзывчивые. Вот почему всё так несправедливо? Ведь могли бы жить счастливо, большой семьёй, наверное, с кучей внуков. А из-за каких-то, как он сказал, упырей, всё перевернулось. Но этот Васильич вроде не унывает. А куда деваться? Времени прошло много, видимо, переболело. Вспомнил странную историю с убийством этих парней. Как-то всё необычно получается. Прямо мистика. Было бы неплохо снова встретиться с Николасом. Пообщаться и в конце концов рассказать ему всё, как есть. Пусть скажет, как сделать, либо пусть сам поедет к деду и даёт ему денег. Но в тот же миг внутренний голос намекнул Виктору, что вообще-то он бессовестно пользуется подарком Николаса, а своё обещание не выполнил ни на грамм. Так что включи мозг и думай. Прояви сообразительность и выполни свою часть работы, кстати, не такой уж и сложной.

Надо просто найти подход. Дед дорогу подсыпать хочет. Можно попробовать. Хотя бы поспрашивать у знающих людей, кто вообще этим заведует. Наконец он выехал на бетонку и прибавил газу. Несколько раз нажал на кнопку, добавив громкости радио. На Ретро FM что-то испанское задорное ритмично ударяло в диафрагму, и Виктору стало весело и радостно. Какое же это всё-таки удовольствие — ехать на хорошей машине по хорошей дороге. Не прошло и десяти минут, как он напрочь забыл и про деревню, и про Поляковых, и про Николаса.

Вернулся домой засветло. Дома вкусно пахло жареным мясом. На плите стоял противень с чем-то очень аппетитным. Анна сидела за кухонным столом и разглядывала журналы.

— Чего там интересного? — кивнул Виктор на яркие картинки.

— Витечка, а поехали на море, — Анька выпятила губу, изображая обиженного ребёнка.

— Да не вопрос, поехали. Ты куда хочешь? — Виктор даже сам удивился, как он быстро согласился. Вроде пока никуда не планировали.

— А вот, смотри. Я уже тур насмотрела. В Италию на три недели. Первая линия от моря, пять звёзд, свой пляж, всё включено. Отдохнём.

«От чего?» — хотел пошутить Виктор, но только пожал плечами:

— Вообще-то там сейчас жарко.

— Поехали-поехали, — не унималась Анька. — Я уже всё продумала. Возьмём тур. Пляж, море, солнце. Там можно машинку в аренду взять, покатаемся по Италии. Обязательно проедемся по аутлетам, пошопимся, позагораем. И я хочу побывать в Венеции. Всегда хотела посмотреть на эти каналы, там ещё эти лодки с длинными носами, как их?..

— Гондолы, — вспомнилось откуда-то слово.

— Точно, а парни, которые гребут веслом, гондольеры, — Анька жестикулировала, как будто сама гребла.

— Надо подумать. — Он взял журнал в руки, разглядывая предложения.

— Не надо ничего думать, давай паспорт, я завтра отнесу в турбюро, чтоб сделали шенген, и сразу оплатим путёвки. Я уже звонила, сказали, нам ещё скидку сделают при полной оплате. — Анька повисла на шее у Виктора, обхватив обеими руками, и шёпотом, по слогам сказала: — По-е-ха-ли! Будет здорово, я тебе обещаю. А сейчас мыть руки и за стол. Кормить буду.

Вот как так она умела? Ярский не заметил, как опять попал в зависимость от этой самоуверенной красавицы. Ел вкуснейшее мясо, умело отбитое и такое сочное, что просто ах! На столе стоял большой запотевший бокал пива. Анька умела сделать красиво, уютно и вкусно. Да ладно, сколько той жизни! Когда ещё выдастся возможность шикарно отдохнуть. Если бы это был его выбор, то вряд ли это была бы Италия, пять звёзд. Это были бы, скорее всего, бюджетная Турция либо Египет. Ну, или Крым. Да вообще, какой отдых? Хотелось переехать в Питер, на остатки денег купить какую-нибудь квартиру, уже не пентхауз с видом на набережную, а обычную двушечку в спальном районе. Найти нормальную работу и в конце концов обрести хоть какую-то стабильность. Анька же своей импульсивностью

взрывала все планы. Всё опять шло наперекосяк, и Виктор, соглашаясь, ничего не мог с собой поделать.

На следующий день поехали в туристическую контору «Акварели». Отдали паспорта. Решили сделать не итальянскую визу, а финскую. Говорят, быстрее и проще. Полностью оплатили трёхнедельный тур. Девушка-турагент быстро и профессионально оформила документы и объяснила некоторые нюансы. Картинка вырисовывалась следующая: до Финки — на своём мерсе, потом — самолетом из финской Лаппеенранты до итальянского Бергамо, там — арендованным автомобилем до курортного Лидо. Названия Виктору ни о чём не говорили, но цена — да. Цена говорила. В любом случае, сказано-сделано. Анька просто пищала от восторга. Виктор смотрел на неё и вроде тоже был счастлив.

На следующий день позвонил Левину. Предложил остатки золота по той же цене, и тот сразу же согласился, как будто ждал звонка. Договорились на завтра. Посчитал деньги. После продажи золота будет чуть больше трёх миллионов. Решил поехать в Питер и на месте определиться, что можно взять на эти деньги. А уж потом, продав свою однушку в Черепе, рассчитаться с друзьями Николаса. Анька тоже напросилась в Питер. Виктор был не против.

Питер, 12 июня 2005

Выехали ранним утром в воскресенье. Настроение было отличное. Анька не переставая трещала про Италию. Виктор даже слегка удивился, как много она знает про Милан, про Рим и про древнюю историю. Он слушал в пол-уха, думая в основном о предстоящей покупке квартиры. У него уже было несколько интересных вариантов. Стоило ему позвонить по паре объявлений, и теперь питерские риэлтеры целыми днями предлагали квартиры. Как оказалось, множество квартир было в обмене, и Виктор с оплатой наличными был как раз востребованным звеном в цепочке. Если сильно не копаться, то сделку можно проводить хоть на следующий день. Но торопиться не хотелось. Всё-таки было желание выбрать квартиру по душе. Остановились в гостинице недалеко от центра. Виктор позвонил девушке-риэлтеру, но все просмотры были назначены только на завтра. Что ж, не удивительно. Летний Питер в воскресенье не подразумевал никакой работы.

— Это же здорово, — Анька просто сияла от счастья. — Сейчас же белые ночи. Мы будем гулять всю ночь. Витька, ты такой молодец, что вытащил меня сюда!

Бросили вещи в номере, приняли душ. Даже попытались немного вздремнуть, но не получилось. Решили где-нибудь перекусить. Анька хотела прогуляться пешком, но тут возник вопрос: что с деньгами? Оставлять в номере или в машине не хотелось. Таскать с собой тоже большого желания не было. При том, что Виктор плотно и аккуратно упаковал пачки с тысячными купюрами, всё равно получился достаточно большой свёрток. Поехали на машине. Накатавшись по набережным, приглядели неплохой ресторанчик с прекрасным видом на Неву. На другой стороне красовался шпиль Петропавловской крепости. Парковки, конечно же, не было. Виктор встал под знак, включил аварийку. Ну да, гулять по центру Питера на машине — то ещё удовольствие. Тут же к ним подошёл паренёк в жёлтой светоотражающей жилетке поверх одежды. Появился, как джин из бутылки.

— Уважаемый, — вежливо обратился он, — парковочку ищете?

— Хотелось бы, — Виктор недоверчиво оглядел паренька.

Выглядел тот жуликовато, но на жилетке был приколот большой значок с надписью «Охрана».

— Места платные, сто рублей в час. Минимум двести, — опять вежливо и с улыбкой пояснил тот.

— Да не вопрос, — Виктор показал рукой впереди лобового стекла. — А где?

Парень махнул рукой, и из старенькой «Лады», запаркованной прямо перед окнами ресторана, показалась довольная физиономия.

— Вот он сейчас отъедет, и на его место поставите, а двести рублей мне, пожалуйста, и если будете гулять дольше, то лучше оплатите сразу. — Паренёк написал на бумажке время, протянул Виктору и сказал: — Под стекло положи.

— Два часа хватит, — сказал Виктор.

Прикольно, как в девяностые попал. Каждый зарабатывает, как может. Рассчитался с парковщиком. Мужик на жлыге тут же отъехал, и Виктор занял его место. Прямо под окнами. Удобно. Парковщик, получив деньги, тут же удалился. Пакет с деньгами лежал под водительским сиденьем. Виктор уже потянулся, чтобы вытащить его и

взять с собой, но что-то его остановило. Так не хотелось тащить этот пакет в ресторан. Да пусть лежит, чего ему будет. Всё же на виду. Хватит уже параноить. Кому есть дело до «мерседеса» в центре Питера? Это же не в деревне какой-нибудь. Здесь полгорода ездит на таких иномарках.

— Пойдём? — Анька, подвела губы, глядя в зеркало на солнцезащитном козырьке, довольная и по-летнему неотразимая.

— Пошли. — Виктор нажал на сигналку, мерс грозно пикнул и с мягким приятным звуком закрыл все двери.

Ресторан оказался вовсе не ресторан, а хорошая, дорогая кафешка. Ну и неплохо. Взяли по салатику, два больших капучино и несколько разных пирожных. Сладкое Виктор любил, поэтому был рад такому разнообразию всяких разноцветных бисквитов. У окна столики были заняты, но с их мест машину было прекрасно видно. Он наконец позволил себе расслабиться и наслаждался вкусняшками, потягивая капучино. Ладно, сегодня надо ни о чём не думать, а просто отдыхать. Думать будем завтра. Надо посмотреть несколько квартир, чтобы иметь хоть какое-то представление о ценах и предложениях на рынке. Даже если первая квартира понравится, всё равно будем ходить и выбирать. Торопиться некуда. Будем считать, что это не деловая поездка, а настоящий отпуск, прогулка по Северной столице. Виктор боковым зрением увидел, как на улице прохожий мужчина с любопытством разглядывал его «мерседес». Сначала осмотрел спереди, потом медленно обошёл машину, встал со стороны водительской двери и достал из кармана мобильный телефон.

— Мне нравится Питер, — сказала Анна, маленькой блестящей вилочкой ловко поддевая кусочек десерта, — я бы переехала сюда.

— Ты же за границу хотела, — как-то механически ответил Виктор, не отрывая взгляд от мужика за окном. Тот стоял возле машины, чего-то жестикулировал одной рукой, во второй держал телефон и с кем-то разговаривал. Странный холодок пробежал по телу. Вроде бы ничего особенного, но внутренний голос уже подсказывал ему, что что-то не так. Мужик не смотрел на машину, но стоял так близко, что почти касался водительской дверки. Ярский напрягся, а внутренний голос уже вопил благим матом, что, что-то явно не так.

— Витечка, ну ты меня не слушаешь совсем, — Анька, видимо, задала какой-то вопрос, а он не среагировал и даже не услышал.

— Погоди, Ань, я сейчас, — сказал Виктор, отодвигая стул и не сводя глаз с человека возле машины.

В следующую секунду мужчина поднял голову и через окно, даже с большого расстояния, Виктор увидел, что тот смотрит прямо на него. И не просто смотрит, а уже держится за ручку двери, открывая её.

Добежать до входной двери кафе, огибая столики, у Виктора заняло не больше двух-трех секунд. Чуть не сбив с ног молодую парочку на выходе, он выскочил на улицу, больно ударившись плечом о дверной косяк. До машины — метров двадцать. Ярский как спринтер рванул изо всех сил и преодолел их в несколько прыжков. Он бежал не к водительской двери, а к пассажирской. Подсказала интуиция: так ближе. Парень уже сидел на водительском сиденьи, а значит, и правая дверь была не заперта. В тот момент, когда он уже протянул руку к дверной ручке, мощно рыкнул мотор. Этот знакомый приятный рык спорткаров, который всегда так возбуждающе действовал на нервную систему, на сей раз прозвучал обрёченно и грустно. Дёрнул ручку двери. Заблокировано. Уже замахнулся, чтобы со всей силы ударить по стеклу, но в этот момент, повернув передние колёса почти на сорок пять градусов, «мерседес» резко со свистом рванул влево, и Виктор, ударив кулаком уже по касательной, потерял равновесие и рухнул на асфальт.

Он в кровь разодрал коленку и руку до локтя, но, не чувствуя боли, вскочил на ноги, глядя вслед быстро удаляющемуся «мерседесу», мгновенно набравшему скорость, обгоняя машины, белой птицей летевшему в сторону Дворцовой набережной. Через несколько секунд он скрылся из виду, унося красивую мечту и три миллиона за так и не купленную квартиру. Подошли две молодые женщины, которые всё видели, чего-то говорили про милицию. Выбежала из кафе испуганная Анька, показывала на разодранные джинсы, кровь на руке. Виктор слышал всё как в тумане. Как так-то! Ведь этого не может быть! Такое бывает только в кино. Почему это случилось именно с ним? Через несколько секунд, когда оцепенение прошло, он не заметил, как в кровь прикусил губу, и вдруг громко рассмеялся. Почему-то стало так смешно над своей глупостью. Это был страшный, надрывный смех, почти истеричный. Виктор схватился руками за голову и продолжал хохотать, пугая окружающих и Аньку. Когда в шутку говорят, что кто-то рвёт на себе волосы, это не так уж

далеко от истины. Он правда несколько раз дёрнул себя за волосы, словно стараясь проснуться от кошмарного сна. Это немного помогло. Мозг снова стал работать чётко. Виктор вернулся в кафе, попросив счёт, расплатился.

— Где у вас здесь отделение милиции? — спросил у официантки.

Та покопалась в записях, написала адрес и телефон. Отделение было совсем рядом, на Дворцовой.

— Ань, пошли, — сказал он, выходя на улицу. Анька понуро семенила рядом.

— Мы куда? — грустно спросила она.

— В ментовку, — ответил Виктор как можно бодрее, но голос дрожал. Он взял её за руку и как-то неуверенно добавил: — Всё будет хорошо.

В отделении милиции их встретили буднично. Виктор в двух словах объяснил ситуацию старлею в дежурке. Тот кому-то позвонил, сказал номер кабинета, махнув рукой: мол, вам туда, прямо по коридору, найдёте.

Обычный кабинет госучреждения. Всё уныло и аскетично. Капитан предложил присесть за стол и написать заявление. Написал всё как есть. Особо расписывать не стал. Но изложил всё по чесноку. Про деньги тоже написал.

— Документы на машину с собой? — спросил капитан.

— Да, конечно, — Виктор достал свидетельство о регистрации и страховку.

— КАСКО есть? — спросил капитан, делая копии на старинном ксероксе.

— Нет, не стал делать, я аккуратно езжу, — ответил Виктор.

— На такие дорогие машины КАСКО делается не от повреждений, а от угона. Вы как сегодня родились, — капитан с лёгкой улыбкой посмотрел на Виктора.

Сразу вспомнились слова страховщика в московском автосалоне: «Не боитесь?»

Тогда он не придал этому особого значения. Подумал о каких-нибудь царапинах, вмятинах, но никак не об угоне.

— Ну, теперь ждите звонок. — Капитан снял фуражку, заложил руки за голову и откинулся на спинку кресла. — Угонщики на днях могут позвонить.

— А как? Откуда они номер мой узнают?

Виктор, видимо, выглядел настолько глупо, что капитан, как-то иронично покачав головой, совсем по-отечески, продолжил:

— Эти товарищи угоняют машины по наводке. У них есть доступ к базам страховок. Если бы машина была застрахована, то её вряд ли стали бы угонять, а так вам позвонят и попросят денег за возврат машины. Сколько стоит машина? Два с половиной миллиона?

— Около трёх. — Ярский только сейчас начал понимать схему угонов. Конечно, у них будет его телефон. Найти номер проблемы не составит. Вот он лошара деревенский!

— Значит, попросят примерно полтора. Сразу звоните мне. В любое время. Ну, и с вашими деньгами, что были в машине, думаю, стоит распрощаться, — как-то уж совсем буднично заметил капитан.

— А вы? Вы хоть будете искать? — с надеждой в голосе спросил Виктор.

— Ну конечно, будем, — капитан зевнул. — Сейчас внесём данные в базу. Будем работать.

Взглянул на Аньку, молча стоящую около стены, провёл по ней взглядом сверху донизу, дольше, чем предполагали приличия, потом сказал, разведя руками:

— Сожалею, девушка. — И уже обратившись к обоим: — Ну что, будет информация, позвоню. Не будет — тоже позвоню. — Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Когда вышли на улицу, Анька как-то совсем по-деловому заметила:

— Зря ты ему про деньги сказал. Если они найдут машину и там всё ещё будут деньги, они заберут их себе. А ещё милиция тоже может быть в доле. Я слышала, что в больших городах они так и работают: жулики и милиция.

— Анька, откуда ты всё это знаешь? — Виктор остановился, удивляясь своей деревенской наивности. Но она только молча развела руками.

В Питере прожили почти неделю. Никакие квартиры, конечно же, смотреть не пошли. Каждый день ходили в отделение милиции справляться, как дела. В конце концов капитан сказал, что не надо приходить и мешать работать. Ярский был настолько расстроен и подавлен, что просто не знал, что дальше делать. С Анькой отношения

натянулись как струна. Она вроде сдерживалась, но, похоже, тоже особой радости от дальнейших прогулок по Питеру не испытывала. Ни о каких развлечениях даже речи быть не могло. Из угонщиков так никто и не позвонил. В субботу на вечернем поезде уехали в Череповец. Виктор даже не удивился, что по приезду Анька сказала, что хочет несколько дней пожить у себя. Дело хозяйское, он был не против.

По дороге домой зашёл в магаз, взял две поллитровки первой попавшейся водки, накидал в корзинку разных сосисок, сыра, ещё какой-то снеди, что подвернулась под руку. Дома на скорую руку сварганил закусь, налил грамм сто прямо в кружку, залпом выпил. Физически ощутил, как медленно, но приятно алкоголь горячей жидкостью пробирался в желудок. Почти сразу повторил, чувствуя, как лёгкий хмель разливается по всему телу. Оставшиеся полбутылки убрал в холодильник. Хватит. Алкоголь притупляет проблемы, уменьшая их; вернее, не уменьшая, а создавая иллюзию, что их нет. Но это только кратковременно. На самом же деле проблем не становится меньше, они просто отодвигаются на некоторое время. Виктор это прекрасно знал и не пытался залить их вином. Просто хотелось немного расслабиться, ни о чём не думая, просто побыть одному. Собственно, а что случилось? Ему, как снег на голову, упал подарок. Он неумело им распорядился, но это же не конец света. По большому счёту он ничего не потерял. Да, у него остались неисполненные обязательства перед Николасом, но это всё решаемо. Так что нечего себя жалеть, надо сделать выводы и постараться извлечь урок на будущее. Где-то он слышал, кажется, еврейскую поговорку — когда теряешь деньги, надо говорить: «Господи, спасибо, что взял деньгами, а не здоровьем». Эта поговорка как раз подходила под его случай. Ну вот и славно. Достал из холодильника бутылку, налил ещё соточку.

— Не парься, Зевс, всё будет хорошо, — сказал он сам себе, опять вспомнив своего друга Сиплого.

Уныло перебирая в руке кружку с водкой, задумчиво смотрел на содержимое. Водка маслянистой жидкостью перекатывалась по краю кружки. Пить больше не хотелось. Выплеснул в раковину, поставил кружку на стол. Вот почему всё так? Почему Бог, если он вообще есть, допускает такие вещи? Где та справедливость от Всевышнего, о которой так много говорят верующие? Походу, нет никакого Бога.

Выдумки всё это. Пожалуй, прав был Дарвин со своей теорией эволюции. Выживает сильнейший. Виктор не был сильнейшим, кто-то оказался хитрее и умнее — и вот результат. Он опять сидит в своей однокомнатной квартире в провинциальном городе, а кто-то гоняет на его мерсе и никакой ответственности за кражу, скорее всего, не понесёт. Это несправедливо. Но это жизнь. Конечно, он знал точно, что не пропадёт. Найдёт новую работу, пусть не высокооплачиваемую, но приемлемую, чтобы жить. Вот только мечты о дальних странах, о шикарных курортах и дорогих вещах опять становились только мечтами. Виктор посмотрел в окно на чистое голубое небо, такую редкость для Череповца. Вот как люди могут верить в Бога? Зачем они вообще ходят в церковь? Это какую же слепую веру надо иметь, чтобы, не видя Бога, просто верить, что будто бы Он есть. Виктор улыбнулся и вдруг вслух сказал:

— Ну что, Бог, есть ты где-нибудь? Дай мне простой и понятный знак. Ну, так, чтобы я в тебя поверил. Как можно в тебя верить, если ты никак себя не проявляешь? — Помолчал, выдержав паузу, затем уже с явным сарказмом продолжил: — Ну да, ну да, я так и думал. Если ты и есть, то от тебя одни неприятности. Так что всё мне с тобой ясно. Нет тебя, и никогда не было. Сказки это всё. Если бы ты был, то ты бы точно сейчас сделал какое-нибудь чудо, видя, что я хоть как-то пытаюсь с тобой говорить. Хоть что-нибудь простое. Ну, пусть хоть телефон зазвонит хотя бы.

Виктор посмотрел на лежащий на столе мобильник, слегка ухмыльнулся и покачал головой.

В следующую секунду он вздрогнул и почти подскочил с дивана от внезапного звонка. Нет, это был не мобильный, звонили в дверь. Виктор давно уже хотел поменять звонок на входной двери, так громко и пронзительно он звучал, но всё никак руки не доходили. Открыл. За дверью в чёрной длинной рясе, держа за ручку большой дорожный чемодан на колёсиках, стоял поп и улыбался. На груди у него красовался огромный медный крест на толстой цепочке. Это был сосед по лестничной площадке отец Роман.

Отец Роман принадлежал к тем новомодным священникам, которые жили в духе современного времени. Он был всего на несколько лет старше Виктора. Высокого роста и приятной внешности мужчина, с длинной, но очень аккуратно ухоженной чёрной бородой.

Отец Роман пользовался мобильником, ездил на свеженькой Toyota Corola и, вообще, если бы не ряса, которую он, кажется, никогда не снимал, то скорее походил бы на успешного бизнесмена, чем на священника. Он был женат. Жена, тоже высокая, красивая женщина, интеллигентная и приветливая, всегда вежливо здоровалась с Виктором, но никогда не вступала в разговор. Детей у них, скорее всего, не было, по крайней мере, Ярский не видел. Самое интересное, что каждый год отец Роман поздравлял Виктора с днём рождения. Просто так, без всяких подарков, позвонит в дверь и скажет: «Виктор, с днём рождения, сосед. Здоровья и всех благ». Виктор даже пару раз спрашивал: «Отец Роман, а когда у вас день рождения?» Тот говорил, но Ярский всякий раз тут же забывал и, к своему стыду, даже примерно не помнил.

— Виктор, добрый день, — приятным басом поздоровался отец Роман и протянул руку.

Ярский сделал символический шаг вперёд, чтоб не через порог, и тоже поздоровался, пожав руку. Вдруг вспомнил, что у попов вроде целуют руку, но да пофиг, это не его случай.

— Здрастути, — машинально ответил Виктор, мгновенно забыв о внезапном звонке в дверь сразу после его просьбы к Богу о каком-нибудь знаке.

— Виктор, я извиняюсь, можно у вас оставить чемодан? А то я вернулся из монастыря Кирилловского, а, как оказалось, ключ от квартиры с собой не взял. А матушка Татьяна на машине уехала и вернётся только к вечеру. Не бродить же по городу с вещами.

— Да, конечно, заходите, — Виктор широко распахнул дверь, приглашая войти.

Отец Роман помешкал немного, но всё же вошёл, оглядываясь по сторонам. Виктор был очень рад нежданному гостю.

— А чего только чемодан? И сами заходите. Если никуда не спешите, проходите на кухню, чарку налью да хлеб-соль предложу, — Виктор, неумело, но от души пытался предложить своё гостеприимство.

Отец Роман задумался на секунду, но тут же согласился. Разулся, поклонился невидимому Богу и широко перекрестился. Виктор по-быстрому подогрел уже остывшие сардельки, с горкой накидал попу в тарелку, добавил зелени, что нашёл в холодильнике, и крупно,

размашисто нарезал чёрного хлеба большими неровными кусками. Порезал на дольки два больших апельсина, пару яблок. Затем достал две красивые хрустальные рюмки и налил обоим водки до краёв. Отец Роман присел на табурет и скромно, но с интересом наблюдал, как Виктор суетится, накрывая на стол.

— Ну что, с приехалом, — поднял свою рюмку Виктор.

Отец Роман привстал, кивнул, сел обратно на табурет, перекрестился сам, перекрестил стол, сказав:

— Очи всех уповают на Тя, Господи, и Ты даёшь нам пищу в своё время, открываешь руку Твою и насыщаешь всё живущее по благоволению, — поднял рюмку и, чокнувшись с Виктором, отпил половинку. Затем, аккуратно поставив рюмку на стол, взял вилку в левую руку, а нож в правую. Виктор исподволь наблюдал, как отец Роман с достоинством, интеллигентно вкушает пищу. Отрезая ножом маленькие кусочки от сардельки, он отправлял их в рот и долго, вдумчиво пережёвывал. Виктору даже стало смешно, но, не желая обидеть гостя, он сделал вид, что не обращает на того внимания и налил ещё по рюмке. Себе — целую и попу тоже долил до краёв.

— Ну, с богом, — сказал Виктор, чокаясь.

Отец Роман кивнул, выпил до дна, перевернул стопку и перевёрнутую поставил на стол.

— Благодарствую, достаточно, — пробасил он и взял дольку яблока.

— Виктор, вы очень гостеприимный хозяин, всё было очень вкусно. — Отец Роман положил нож и вилку на тарелку и, оглядываясь по сторонам, сказал: — Хорошо у вас здесь, уютно. Давно уже как соседи, а первый раз к вам зашёл. В какой храм ходите? Я вас у нас на службе ни разу не видел.

— Да я, собственно, ни в какой не хожу, — как будто бы извиняясь, сказал Ярский. — Не совсем я… Ну, типа, не совсем верующий. Да что там, скорее, совсем не верующий.

— Ничего, это нормально, — отец Роман кивнул, соглашаясь. — Значит, ещё не пришло ваше время. Каждый приходит к Богу, кто-то раньше, кто-то позже.

— Где он, этот Бог? — в сердцах сказал Виктор уже изрядно захмелевший. — Посмотрите вокруг. Столько несправедливости. Если

бы этот ваш Бог хотел, он бы всё сделал как надо, а не так, что у кого-то есть всё, а у кого-то ничего.

Отец Роман огладил бороду, улыбнулся, ничуть не смутившись, и спокойно сказал:

— Да, конечно, в мире много боли и страданий, но мы же не знаем, каков замысел Всевышнего. Вот вы, Виктор, молодой, здоровый мужчина, живёте в замечательной квартире, — он обвёл рукой вокруг, — и сетуете, что всё не так, как надо. А кто-то живёт без рук, без ног или ещё Бог знает в каком недуге и радуется жизни. Всё относительно. Приходите в храм на службу, и вы найдете там много ответов. Я вам обещаю.

— Ну не зна-а-аю, — протянул Виктор с лёгкой иронией, — вряд ли соберусь. А вот у меня к вам такой вопрос. Вот как сделать так, чтобы люди жили честно, не воровали, не грабили, не обманывали друг друга? Где тот Бог, который может сделать так, чтобы я поставил машину у дома и был уверен, что ночью её никто не угонит? Да можете не отвечать, нет такого Бога. А вы говорите идти в храм. Да пустое это всё.

Отец Роман выслушал Виктора, кивая и как будто бы соглашаясь, подождал, пока тот выговорится, потом неторопливо и спокойно сказал:

— Да, я вас понимаю, но вы же даже не попробовали. Как вы можете судить о том, чего не ведаете? Насчёт машины я вам так скажу. У меня нет никакой сигнализации, я всегда ставлю машину у дома, порой даже забываю закрывать. А на ваш вопрос, как сделать мир лучше, я вам отвечу так: вы просто сделайте лучше себя, и этого будет достаточно. Никого не обманывайте, желайте людям только добра, не присваивайте чужого, ну и, — он сделал паузу, — в первую очередь, возлюбите Бога и уповайте на него. И обязательно приходите на службу. — Отец Роман встал из-за стола.

— Ещё раз благодарю за угощение, Виктор, — он слегка поклонился, затем неторопливо обулся и, попрощавшись, сказал, что заберёт чемодан вечером.

Через неделю депрессивного валяния на диване к Виктору понемногу начал возвращаться интерес к жизни. Несколько раз набирал Аньке, но та трубку не брала. Решил прогуляться. Купил у старенькой бабушки на автобусной остановке огромный букет полевых

ромашек и поехал к Аньке на работу. В управлении образования, бывшей старой школе на Первомайской, как всегда, было немноголюдно. Несколько человек сидели возле кабинетов, ждали своей очереди на приём. Два риэлтера стояли в сторонке и вполголоса спорили про опеку, обмен и ещё чего-то. Виктор прошёл в конец коридора, где находился Анькин кабинет. Дверь была открыта. Анна с кем-то громко разговаривала по телефону. Он остановился напротив, поднял букет с ромашками и стоял улыбаясь. Анька держала мобильный телефон в согнутой руке на уровне груди и разговаривала со своей подругой по громкой связи. Она любила так говорить, всегда повторяя, что нельзя держать трубку близко к голове. Где-то вычитала, что это очень вредно. Мол страшно вредные излучения влияют на мозг.

— Ну, у меня-то нет мозга, — всё время шутил Виктор, — поэтому мне не вредно.

Анна стояла спиной к Виктору, смотрела в окно и, разговаривая, не видела его появления.

— …да не хочу. Мы с ним совершенно разные, — услышал он конец фразы.

— Но ты же говорила, что любишь его, вместе же собирались в Питер переезжать, — голос Анькиной подруги был знакомым, но, как звать её, Виктор не знал.

— Куда переезжать? У него ни кола ни двора. Он бесперспективный, — совсем обыденно сказала Анька.

— Ой, Анют, где ты сегодня перспективного найдёшь, все уже заняты давно, а Витя твой хоть мужик нормальный, сама же говорила, что вам хорошо вместе.

— Ну, хорошо-нехорошо, это другое, — сказала Анна, протягивая руку, чтобы прикрыть окно. — Всё! Расстались мы, не хочу больше ничего. А знаешь, стоит мне только свистнуть, мужики в очередь станут, так что давай не будем больше об этом.

Виктор сделал два шага назад и на пару секунд задумался. Осознание сказанного Анной пришло не сразу. Полученная информация загружалась медленно. Мозг словно отказывался принимать услышанное. Однако, когда загрузка завершилась, решение пришло мгновенно. Развернулся и медленно пошёл к выходу. Бросив букет в железную урну, стоявшую около входной двери, вышел на улицу. Вдохнул свежий летний воздух, улыбнулся и зашагал по

проспекту Победы в сторону дома. На удивление, всё вокруг стало ярким и радостным. Было такое чувство, как будто он тащил на себе большой тяжёлый мешок и вдруг сбросил его. Сразу стало легко — как физически, так и морально. Даже дышать стало легче. Виктор не злился на Аньку, наоборот, он был ей благодарен. Какое приятное чувство свободы она ему только что подарила! Шёл по улице и широко улыбался. Понемногу созревал новый план. Теперь он постарается сделать всё правильно.

Глава 6

Глава шестая. 15 июля 2005

В этот раз дорога была намного легче. Виктор практически на одном дыхании совершив марш-бросок по тому же направлению, что и три месяца назад, подошёл к знакомому дому в чаще леса. Солнце уже зашло, но было ещё светло, когда он тем же способом, что и в прошлый раз, отпер знакомую дверь. Не мешкая, открыл погреб, спустился со своим скарбом вниз и сноровисто начал копать. Не прошло и получаса, как чёрный пластиковый ящик оказался у него в руках.

Теперь, зная, что нужно делать, Виктор даже не стал поднимать его наверх. Снял крышку, достал оставленные в прошлый раз два килограмма золота и двадцать тысяч долларов. Закрыл ящик, бросил на дно ямы и быстро стал закапывать. Заровнял за собой следы, побросал свои пожитки в вещевой мешок и выбрался из погреба. Вся процедура заняла чуть больше часа. Лихо. Виктор был доволен собой. На улице стемнело, и он совсем по-хозяйски завалился спать на знакомую кровать. Спал он плохо. Снились кошмары. За ним бегали страшные чудики и всё пытались забрать у него деньги. Потом приснился Николас. Он был очень сердит и обижен на Виктора. Говорил, что тот так и не выполнил своего обещания. Виктору правда было стыдно, да так, что, когда проснулся, первое, что решил сделать, это поехать в Пустошку и любым способом всучить деньги Николаю Васильевичу.

Но это был только мимолётный порыв. По пути обратно, пока он шёл козьими тропами, родилась новая идея. Идея была настолько простая и в то же время бредовая, что поначалу Виктор просто усмехался своим фантазиям. Однако к тому времени, когда он вышел на дорогу, начал вырисовываться какой-никакой план и появился даже некий азарт: а сможет ли? Он решил съездить в администрацию Бабаевского района и попробовать порешать с подсыпкой дороги, а если не получится, то сделать, насколько это будет возможно, за свой счёт. Вернее, правильнее сказать, за счёт Николаса. Денег, конечно, оставалось немного, но их почему-то было совсем не жалко.

Как только добрался до Череповца, позвонил Артёму и предложил два килограмма золота. Левин, не скрывая удивления, пошутил: не мог бы тот показать ему, где берут золото килограммами? На что Виктор с абсолютно серьёзным лицом сказал, что нашёл формулу некой алхимии в учебнике восьмого класса. Цена золота за эти три месяца немного выросла, и продать удалось уже по четыреста. Продав доллары, посчитал свой капитал. Чуть меньше полутора миллионов.

По объявлению купил свеженькую «Ниву-Шевроле». Машине меньше года, она была почти как новая. Конечно, после «мерседеса», «Лада» выглядела убого, ехала тупенько, подвеска жёсткая, но это была какая-никакая машина. Виктор, не торгуясь, выложил двести пятьдесят тысяч. Фактически это была цена нового автомобиля, но его всё устраивало. Купил новенький одноосный прицеп марки «Спутник». Дёшево и сердито. Позвонил в администрацию. Там долго не могли понять, чего он от них хочет. Сказали, что грейдер проходит раз в месяц, выравнивая дорогу, на большее средств не выделено. Что и требовалось доказать. Решил, не мудрствуя лукаво, найти в районе самосвал, взять несколько гастарбайтеров с лопатами и просто закидать крупные ямы на дороге, хотя бы на подъезде к деревне. Пока звонил по объявлениям, быстро изучил новый для себя вопрос, чем подсыпать. Вник в новые для него названия подсыпки, такие как: гравий, щебень, бой асфальта, кирпича, бетона. Через пару часов Виктор уже знал примерные цены на материалы, где какие карьеры, сколько стоит аренда самосвала и оплата рабочей силы. Чем дальше он углублялся в вопрос, тем интереснее становилось. Цена не была такой уж запредельной, как он думал вначале. При должном подходе, инвестировав те деньги, которые у него остались, а также потратив своё время и энергию, можно было достаточно много сделать. Виктор выписывал на листок очередной номер телефона, когда зазвонил мобильный. Звонила Анна. Поднял трубку — даже нигде не ёкнуло. Вообще ровно.

— Соскучился? — игривым голосом спросила она.

— Да не особо, — как можно равнодушнее ответил Виктор.

— Ну-у, а как настроение? — Анька, казалось, даже немного растерялась от такого откровенного, не наигранного равнодушия.

— Да нормально всё, ты-то как? — Виктор зажал телефон плечом, а сам листал рекламную газету «Спутник», разглядывая объявления.

— Я хорошо, — Анна, кажется, совсем растерялась, не понимая таких внезапных перемен всегда покладистого и легкоуправляемого Виктора. Помолчала несколько секунд, потом добавила: — Визы готовы, можно ехать в Италию.

Блин, Италия совсем вылетела из головы. Для Аньки это было что-то из ряда вон. Как морковка для ослика, как светящийся огонёк, на который летят мотыльки. Какие они с ней всё-таки разные. Ему же эта предстоящая поездка была даже немного в тягость. У Виктора не было никакой неприязни к своей уже бывшей подруге, никакой обиды или злости после случайно подслушанного разговора. Было полнейшее равнодушие, поэтому, не желая играть ни в какие игры, он просто и честно сказал:

— Анечка, слушай, у меня тут многое поменялось, поэтому, в Италию я с тобой не поеду. Возьми какую-нибудь подругу. Если есть возможность, поменяй мои билеты на её имя. Думаю, вам понравится. Будет весело. А мне надо поработать.

— А как так-то? Ты же вроде… мы же хотели…

Но Виктор перебил её вопросом:

— Ань, скажи честно, мы же расстались?

Она выдержала паузу и невнятно сказала:

— Вроде того. — И потом добавила неуверенно: — Но ты нормально?

— Да я вообще супер, — голос Виктора был неподдельно бодрым. — Ладно, давай, а то мне некогда. И да, если нетрудно, мой паспорт занеси мне. И ключи от квартиры.

— Хорошо, занесу, — тихо ответила Анька.

Но он уже отключился и продолжил смотреть объявления о работе. Предложение и спрос. Сегодня его интересовал спрос. Разнорабочего можно было спокойно найти за сто пятьдесят рублей в час. То есть бригада из пяти человек обходилась около семи тысяч за смену. Это же вообще даром. И это в Череповце. В районе, скорее всего, зарплаты были ещё ниже. Виктор позвонил по нескольким объявлениям. В основном это были товарищи, готовые упорно трудиться в течение дня, затем, получив оплату наличными, тут же отнести её в ларёк. Потом — пара дней беспробудного веселья, и затем, после бутылочки пивка, опять на работу. Такие работники Виктора не интересовали, поэтому он сразу поднял планку, предлагая

за десятичасовой рабочий день две тысячи рублей на человека, плюс еда и проживание. Тут же нашлась уже сформированная бригада из четырёх человек, готовых начать хоть сейчас. Правда, только один из четверых говорил по-русски. Звали его Афшин. Говорил Афшин с сильным южным акцентом, изрядно коверкая слова, но в целом очень даже неплохо. Встретились. Молодые парни, все слегка за тридцать, были из Таджикистана. Они на днях приехали к своему родственнику Афшину, жившему в Череповце уже третий год, и ютились вчетвером в снятой комнате в коммуналке. Виктор объяснил примерную суть их обязанностей, акцентируя внимание на том, что оплата будет только по завершении работы. Ребята громко обсуждали на родном языке по поводу зарплат. Ярский понимал, что оплата по завершению пугала гостей с юга своей неопределённостью. Парни уже были научены недобросовестностью российских работодателей, когда по завершению работы их просто кидали, не платя ни копейки. Виктор был неумолим и не поддался ни на какие предложения платить хотя бы часть каждый день.

— Только так или никак, — сурово сказал Виктор Афшину. — И никакого алкоголя, — добавил он, входя в роль начальника.

Тот кивнул.

На следующий день опять позвонила Анька. Виктор как раз собирался уходить, когда она подъехала к его дому. Встретились во дворе. Анна была со своей подругой. Они сидели в белом «Рено-Логане», обе красивые и жизнерадостные. Анькина подруга сидела за рулём, и из машины через открытые окна сочно голосил Стас Михайлов. Анька, увидев Виктора, направляющегося к своей серенькой «Ниве», тут же выскочила и подбежала к нему.

— Твоя? — заинтересованно глядя на «Ниву», спросила она.

— Да, взял на днях, — Виктор дружелюбно улыбался.

Анька протянула паспорт и ключи.

— Не обижаешься на меня? — спросила она, улыбаясь.

— Нет конечно, вроде не за что. — Виктор открыл машину. — Удалось поменять билеты? — он кивнул на подругу.

— Чего? А, да, на следующей неделе с Алёнкой летим, — в голосе Виктор уловил лёгкие нотки сожаления. Анька как будто бы оправдывалась. — Вить, ты точно не обижаешься?

— Да с чего мне обижаться? — абсолютно искренне, с улыбкой сказал он. — Мы вроде в верности не клялись. Хорошего вам отдыха. — Он сел в машину, открывая с кнопок оба окна.

В машине было жарко.

— Ладно, бывай, — махнул он рукой и плавно начал выезжать.

Перед тем как выехать на дорогу, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Анька продолжала стоять у реношки и смотрела ему вслед.

— Вот и расстались навсегда, — вспомнились слова из песни Боярского. Настроение было отличное. На завтра запланировали выезд.

Выехали, как только забрезжил рассвет. В прицеп побросали лопаты, новенькую тачку и ещё кучу всякого барахла, что могло пригодиться. Машинка на удивление неплохо тянула. Конечно, пять человек в «Ниве» — это что-то! Набились, как шпроты в банку. Парни были невысокого роста, жилистые и худощавые, как и множество южан, но, когда загрузились со своим скарбом, Виктор почувствовал, что один явно лишний. Пока ехали, опять стали появляться сомнения: правильно ли он делает? Зачем принялся городить этот огород добрых дел? Как какие-то тимуровцы они ехали делать то, за что любой здравомыслящий человек просто поднял бы их на смех. И это в лучшем случае. Но внутренний голос, подбадривая Виктора, подсказывал, что надо доделать то, что задумал. Это внушало немного уверенности.

Остановились в гостинице «Уют», что в Бабаево. Виктор дал парням денег, чтобы пообедали и купили какой-нибудь еды на вечер. Сам же не слезал с телефона. Нашёл частную контору, у которой было несколько самосвалов, договорился с хозяином, что тот выделит два КамАЗа. Они по очереди будут возить щебень из карьера, а парни, по-простому, лопатами, будут засыпать ямы. Транспортное плечо от карьера было небольшое, а вот от гостиницы, где они остановились, до места — километров сто, не меньше.

Рано утром следующего дня выехали на место. Когда закончился асфальт и пошла грунтовка, Виктор заметил следы от грейдера. Он, конечно, заровнял кое-какие ямы, и дорога казалась лучше, чем в прошлый раз, но это всё равно был тихий ужас. Чем дальше они ехали, тем больше он понимал, насколько бредовой была его идея с подсыпкой дороги за свой счёт. Здесь нужны большие вложения, много

техники и спецоборудования. Виктор понимал, как убого они будут смотреться со своими лопатами и тачкой, но, по большому счёту, ему было плевать. Его никогда не волновало, как он выглядит в глазах других. Приехав на место, решили начать с конца деревни. Почти сразу подъехал первый КамАЗ. Из него выскочил водитель Генка, деревенского вида усатый мужичок лет сорока. Поздоровался со всеми за руку и спросил, куда высыпать грунт. Когда Виктор объяснил ему, что надо приподнять кузов и парни будут вручную скидывать подсыпку на дорогу, ухмыльнулся: — Вы так полдня машину будете разгружать.

Виктор развёл руками: мол, посмотрим, может, и дольше.

На самом деле всё оказалось не так уж медленно. Генка подъезжал к яме, что побольше, двое парней лопатами скидывали гравий, а один подставлял тачку. Хоть сверху и сыпалось больше мимо, чем в тачку, всё равно получалось продуктивно. Виктор тоже ходил с большой совковой лопатой, закидывая щебень в ямки, что поменьше. Через час, когда подъехала вторая машина, с первой скидали меньше половины. Работали практически без перекуров. Время было утреннее, но вскоре к ним стали подходить люди. Здоровались и с интересом наблюдали за происходящим. На вопросы Виктор отвечал односложно, не вдаваясь в подробности. Пожилой разговорчивый мужичок сетовал, что уж и писали, и звонили в администрацию с просьбами подсыпать дорогу, а воз и ныне там. И тут нате вам — прислали пять мужиков с лопатами. Да разве это дело! Надо трактор, спецтехнику, а не вручную разгребать. Виктор ограничился лишь тем, что сказал:

— Будет вам и трактор. Но позже.

Мужик покачал головой, махнул рукой и пошёл к себе на участок, что-то бормоча под нос. К обеду разгрузили первую машину, и Генка уехал загружаться. Виктор посмотрел на результаты своего труда. Засыпали, конечно, мало, но красиво, ровно. Дорога в корне отличалась. Но надолго ли такая роскошь? Возможно, до первого хорошего дождя, а может, и дольше постоит. Он понятия не имел о технологии дорожных работ. Парни начали работать со вторым самосвалом, когда возле них, подняв облако пыли, резко остановился внедорожник Mitsubishi Pajero. Из него бодро вышел грузный человек лет пятидесяти, опрятно одетый и гладко выбритый. Человек не был похож на кабинетного работника, скорее всего, из бывших братков.

— Кто главный? — не здороваясь, спросил он.

— Главный — в Кремле, — сходу пошутил Виктор, — а мы так, подмастерье.

— Шутник, да? Серьёзно, вы из какой организации? — мужичок немного сбавил тон.

— Мы своими силами, не из какой не организации. Вот, скинулись по сто рублей и, видишь, гребём. — Виктор хотел пошутить, что выиграли тендер или что-то в этом роде, но был не силён в этих делах. Да и зачем наводить тень на плетень? Мужик походил вокруг, посмотрел, попинал ногой щебёнку, потом сказал:

— Ладно, занимайтесь, я подъеду ещё попозже, — сел в машину и уехал.

«Не поверил, — подумал Виктор. — Да и чёрт с ним».

Виктора окликнул знакомый голос. Он обернулся. Это был Николай Васильевич. Тот стоял, улыбаясь, раскинув руки в стороны:

— Виктор, а ты даром времени не теряешь. А мне сосед говорит: там дорогу ремонтируют, а я думаю: дай гляну, кто это. А это ты. Ну, молодец. И бригаду сколотил, — он кивнул парням. — Как тебе удалось-то? Хорошее дело, ай молодцы!

Поздоровались. Сказал Полякову, чтоб тот сильно не радовался, что возможности не такие уж большие. Уж насколько хватит. Но тот, взяв у Виктора лопату, повертел в руках, разглядывая:

— Да-а, раньше таких не делали, лёгкая какая, — вернул лопату Виктору. — Главное ведь начать, народ подтянется, поможем. Дело-то общее. Вы обедали?

— Да мы вроде как без обеда пока. — Виктор и не подумал про обед, но, возможно, парни уже проголодались.

— Давайте все к нам. Я сейчас хозяйке скажу, чтобы стол накрыла. Давайте, давайте. — он заглянул в КамАЗ: — Кто там? Вроде лицо знакомое, Серёга, ты? Давай тоже, пошли, Марья покормит.

Водитель высунулся из окна:

— Не, Василич, я тут подремлю, спасибо.

— Ну, как знаешь, а вы, парни, давайте, через десять минут жду. Витек, дом помнишь?

Виктор кивнул, и дед быстрым шагом почапал прочь.

После обеда работалось уже не так споро. Ребята устали, Виктор тоже. Потом на помощь пришёл Николай Васильевич и привёл с собой

ещё паренька. Вернулся первый самосвал, и Виктор решил ограничиться тремя машинами. Больше было уже не осилить. Отсыпали почти полдеревни. Прицеп с барахлом отцепили у деда, а сами поехали в гостиницу в Бабаево. Парни молчали всю дрогу. Видимо, устали как собаки. Виктор не понимал, о чём они говорили во время работы, но нетрудно было догадаться, что даже они, привыкшие к физическим нагрузкам, не ожидали, что труд будет такой рабский. Вероятно, будут просить больше денег. Ладно, денег не жалко. За машины Виктор заплатил тридцать тысяч. По десятке за рейс. Уж как там они рассчитывались за щебень, он не знал, у них там свои расчёты. А вот парням надо явно было прибавлять. Ну да ладно, это нормально. Не ленились, претензий к ним не было. Виктор угадал. Когда подъехали к гостинице, мужики на заднем сиденье засуетились, запереговаривались, и Афшин сказал:

— Поговорить надо.

Но Виктор его опередил:

— Да, я тоже хотел поговорить. Передай парням, что договаривались по две тысячи за смену. Но я буду платить по четыре. То есть в два раза больше. Завтра начнём не так рано, как сегодня. Будьте готовы к девяти часам. — Виктор сделал паузу, пока Афшин перевёл коллегам, потом добавил: — Скажи парням, что они молодцы. Поработали хорошо сегодня.

Парни радостно зашумели на своём, и Афшин сказал:

— Не обманешь, Виктор?

«Ну что ж логично, — подумал Виктор. — Обещать — не значит жениться», — а вслух произнёс:

— Не обману.

Достал деньги, отсчитал шестнадцать тысяч, протянул Афшину:

— Это за сегодня.

На следующий день желание работать упало до нуля. Ярский еле встал с кровати. Физическая нагрузка была огромная. Виктор улыбнулся, вспомнив занятия спортом в детстве. Тогда было что-то подобное. Когда приехали в деревню, там уже работало пять человек. Один КамАЗ стоял полный, второй почти разгрузили. Виктор непонимающе хлопал глазами, а Николай Васильевич, поздоровавшись со всеми, сказал:

— Долго спите, товарищи. Вишь, я тоже бригаду сколотил.

Голь на выдумку хитра. За день раскидали пять машин и почти закончили деревню. Виктор сгонял в соседний посёлок, где был магазин, и накупил полный багажник продуктов. Набрал колбас, сыров, круп, банок с консервами. Взял целую коробку мороженого. Продавщица даже немного растерялась, когда он скупил полмагазина. Привёз всё это жене Васильича. Она заохала: мол, куда это всё девать. Холодильника не хватит.

— Слопаем, — махнул он рукой.

И действительно, слопали.

На третий день работали на дороге за деревней. Все уже наловчились, и получалось гораздо быстрее. В конце дня опять подъехал товарищ на Pajero. На этот раз с ним были ещё двое: пожилая полная дама и молодой человек. Дама была строгая, скорее даже сердитая, с ярко накрашенными губами, синими тенями на глазах и с высоким шиньоном. На толстых бёдрах, явно не по размеру, натянута чёрная юбка. Блузка с блестящими пуговицами и кружевным воротником была на два размера меньше и плотно стягивала огромную грудь. Несуразно длинный паренёк был одет в голубую «двойку» с клетчатым ярко-красным галстуком. Все трое уверенным шагом направились к работающим.

Виктор пошёл к ним навстречу, поздоровались. Улыбнувшись, он пошутил:

— Вы помогать приехали али как?

— Вы ответственный за мероприятие? — громко и с выражением вопросила дама.

— Да, я здесь главный, — продолжая улыбаться, в тон ей ответил Виктор.

— Меня зовут Елена Сергеевна. Я зам начальника ООО «Доржилстрой». Кто вас авторизовал на ремонт федеральной трассы? — дамочка говорила как по заученному тексту. Голос был чётко поставлен, хоть и выдавало вологодское оканье.

— Да никто не ав-тор-ри-зов-вы-вал, — Виктор нарочито по слогам выговорил слово. — Мы с парнями решили своими силами выровнять дорогу, а то жесть какая задница. Ведь яма на яме.

— Вы не можете заниматься ремонтом федеральной трассы. Это противозаконно, — дама смешно погрозила толстым указательным пальцем. — Вы можете на своём участке хоть всё в асфальт закатать,

но дорога — это не ваша собственность. Даже если вы думаете, что делаете лучше, на самом деле только всё портите. В следующем году область выделит деньги, и трасса будет отремонтирована профессионально, а не кустарно, как вы сейчас. Поэтому сейчас же сворачивайте свою лопатную деятельность — и брысь по участкам садить картошку, или чем вы там занимаетесь! — Тётка, кажется, даже ногой притопнула, или это просто ему показалось.

— Елена Сергеевна, — Виктору реально стало смешно. — Я понимаю, что вы переживаете за свою компанию, которая, вероятно, имеет долю в этой теме. Уверяю вас, что от нашей работы вам не будет никакого убытка, только профит. Мы никем не финансируемся и никаким образом не пытаемся отнять кусок от вашего пирога. Мы просто выровняем несколько километров дороги, заметьте, за свой счёт, и вы нас больше никогда не увидите. Разве это плохо? Если хотите, вы даже можете записать потом всё это в свои расходы.

— Те чо непонятно? — неожиданно резко подал голос молодой парень. Виктор думал, что он интеллигентный офисный молчун, но ошибался. — Сворачивайтесь, и нахер с пляжа! Вроде же ясно сказано. — Парень был лет тридцати, худощавый, длинный. Костюм ему был маловат, рукава пиджака явно короче, чем нужно.

Ярский мельком глянул на руки. Жилистые, крепкие кулаки уж точно не принадлежали работнику умственного труда.

— Погоди, Жека, не кипишись, — вступил в разговор хозяин Pajero и уже обратился к Виктору:

— Нам просто интересно, кто финансирует ремонт дороги. Я понимаю, что, может, гребёте вы и бесплатно, но вы же не сами оплачиваете транспорт.

— Получается, что сами, — Виктор развёл руками, переступая с ноги на ногу.

Даже не заметил, как машинально стоял в стойке, сбалансировав основной вес тела на левую ногу, на всякий случай высвободив правую для удара длинному наглецу, если тот ещё чего-нибудь вякнет.

Тут в разговор опять вступила толстая Елена Сергеевна:

— Не надо самовольничать. Есть проект. Есть смета. На следующий год выделят деньги из бюджета, и дорога будет ремонтироваться профессионалами. Надо соблюсти все допуски и правила дорожного ремонта. Поэтому, если завтра я увижу вас здесь,

то вызову участкового и он составит на вас протокол. Придётся отвечать по всей строгости, — развела она пухлыми ручками.

Подошёл Поляков, поздоровался.

— Лена, ты уже который год обещаешь и ничего не делаешь. Вы там просиживаете штаны в конторе, а вон, Виктор взял и организовал сам. Смотри, за три дня сколько выровняли, пройди и посмотри, чем шуметь здесь.

— В общем, что сделали — хорошо, — немного смягчилась женщина. — Но, как я и сказала, всё, сворачивайтесь — и адьёс. Хотите продолжать, делайте всё по закону: подавайте заявку, участвуйте в тендере, как все делают. Разговор окончен. — И, не прощаясь, строго сказала своим коллегам: — Всё, поехали.

Когда разгрузили последнюю машину, Поляков пригласил к себе на чай.

— Ничего не меняется, — с грустью сказал он. — Как было двадцать лет назад, так и сейчас.

— Не понимаю, им-то какая разница? — спросил Виктор.

— Как какая? — искренне удивился дед. — Они же у кормушки. Проедет сметчик, а дорога ровная. Ну и зачем тогда деньги вкладывать? Отдадут в другой район, а этим мимо кассы. А деньги-то, знаешь, там какие, ого-го! Миллионы и миллионы. Поэтому и злятся. Вы картинку портите. Зря я, наверное, тебя сбаламутил. Закругляйтесь-ка вы, действительно, сворачивайте всё и поезжайте домой. И так много сделали. Вас уж здесь многие хвалят.

Виктор думал. На самом деле, а зачем это ему надо? Как Тимур и его команда, придумали тут балаган добрых дел. Можно было, конечно, продолжить, но зачем? Кому и чего доказывать? Как всегда, решение пришло само собой.

— Уезжаем в Череп, сегодня, — сказал он, вставая из-за стола.

Когда все уже уселись в машину, Виктор подошёл к деду. Мария Ивановна протянула ему большой бумажный пакет:

— Это вам, Виктор, смотрю, уж больно чаёк любите.

— Что это, чай? — улыбаясь, спросил тот, беря пакет.

— Чайный сбор. Там травушки разные. И вкусно, и полезно, пейте на здоровье, — сказала Мария Ивановна.

— Ладно, приезжай, гостем будешь, — улыбаясь, протянул руку дед. Виктор протянул ему свёрток:

— Бери, Василич, это тебе от одного хорошего человека. Только давай договоримся, что откроешь завтра утром.

— Да? А чего там? — заинтересовался Николай Васильевич. — Пряники, что ли? Тяжёлый-то какой.

— Бери, потом узнаешь. Ладно, бывай, — Виктор обнял деда как родного.

«Вот сентиментальный стал», — подумал он. Развернулся и быстро вышел за ворота.

В свёртке, туго перевязанные липкой лентой, лежали десять банковских пачек тысячных купюр. Миллион рублей. Всё. Худо-бедно, он выполнил просьбу Николаса. Кривенько, не на сто процентов, но выполнил. Виктор с чувством выполненного долга нажал на газ. Впереди триста километров дороги к дому. Он опять был почему-то счастлив. Когда остановились на заправке в Бабаево, Виктор рассчитался со своими работниками, дав каждому по десять тысяч.

— По договору было четыре за смену. Я заплатил вам по пять, — пояснил он. — Норм?

Парни на заднем сиденьи довольно перешёптывались.

— Да, всё хорошо, спасибо большое, — сказал Афшин. — Тебе, если надо будет чего, Виктор, ты на нас можешь всегда рассчитывать. С тобой очень приятно работать, — и он, видимо, перевёл свои слова парням, которые тут же закивали.

Виктор тоже кивнул головой: — мол, такая же фигня.

Ехали шумно. Парни громко и эмоционально спорили на родном. Виктор думал о своём. Жили в районе всего четыре дня, а казалось, что прошла целая вечность. Всё это время он почему-то даже не задумывался: а что же делать дальше? Денег осталось тысяч двадцать, не больше. По финансам он опять вернулся к той точке, от которой и началась эта история, когда он познакомился с Николасом. Ах да, зато теперь у него была машина. Он улыбнулся. Ну и прицеп. Найти работу в Череповце можно было без труда. Единственное, чего не хотелось, это быть привязанным к какому-то месту, а также времени. Но он понимал, что по-другому никак. Начиная работать на кого-то, ты теряешь свободу, обретая иллюзию материальной защищённости. Виктор ценил свободу, поэтому и не торопился с выбором. Как же всё-таки бездумно он распорядился упавшими на него деньгами! Не раз слышал истории, как люди, выигравшие в лотерею сотни миллионов,

через какое-то время становились не только нищими, а ещё и по уши в долгах. Да, вот как оно бывает. О чём он не жалел, так это о потраченных деньгах на эту дорогу. Он опять усмехнулся. Казалось бы, получилось всё спонтанно и где-то даже топорно, но было приятное чувство востребованности. Как будто он прикоснулся к чему-то большому и нужному. В некотором смысле это было даже приятнее, чем покупка «мерседеса». Возможно, он мог бы быть неплохим начальником. Каким-то прорабом или мастером. А может, и нет. Слишком мягким он был и слишком легко расставался с деньгами. Плохая черта, как для предпринимателя, так и для руководителя. Вспомнил Аньку. Может, надо было не строить из себя умника, а поехать с ней на море? Всё оплачено. И наплевать, что потом они не будут вместе. Возможно, и надо было. Но теперь уже чего, уже проехали.

Когда Виктор высадил своих пассажиров, было уже за полночь. Подъехал к дому, места не было. Сначала хотел заехать в гараж, отцепить прицеп, но было как-то лениво. Это всё завтра. Проехал вдоль дома и припарковал машину прямо на дороге под окнами. Вышел, потянулся, расправляя затекшие ноги, он опять, уже, наверное, в третий раз за последнее время, словил это непонятное чувство озарения. Глубокий вдох. Потянув носом прохладный ночной воздух с ароматом каких-то цветов или цветущих деревьев, ощутил осознание всего сущего. Всё вокруг на мгновение стало понятным и логичным. Так, наверное, собака, обнюхивая что-либо, получает полную информацию о предмете. Он не мог описать данное чувство, так же и не мог понять, что это. Это длилось не более одной-двух секунд. То ли приходило понятие о прошлых жизнях, то ли становилось всё ясно о смысле этой.

— Невероятно — шёпотом сказал Виктор. — Это что-то невообразимое.

Он постоял ещё немного возле машины, прислушиваясь к себе, но чувство прошло так же мгновенно, как и возникло. Попробовал дать ему оценку. Как будто ты смотришь на мир с заложенным носом, с берушами в ушах, а на глазах у тебя большие матовые очки, через которые не видно предметов, а лишь слабые их очертания. И вдруг ты снимаешь всё это и начинаешь чётко всё видеть, слышать и осязать. Даже в этом случае человек не ощутит такую огромную перемену в

своём восприятии мира. Появилось сильнейшее желание испытать это чувство снова, задержать его и понять природу такого явления. Если бы Виктор был верующим, это можно было бы назвать Божьей Благодатью. Постоял ещё немного и медленным шагом направился к дому.

Наутро решил съездить в гараж, отцепить прицеп и отвезти накопившиеся дома ненужные вещи. Купил он его давно, в начале девяностых. Кирпичный кооперативный двухэтажный гараж находился в северном микрорайоне, в народе называемом Фанерой. Использовался он больше как склад всякого ненужного хлама, который и выбросить было жалко, и «может быть, когда-то пригодится». Виктор любил минимализм, поэтому дома не держал ничего лишнего, только основное. А вот в гараже был настоящий склад. Иногда Виктор наводил там порядок и безжалостно выбрасывал разный хлам, но со временем он как-то копился снова. Вот и сейчас он сложил в коробки ненужную одежду, обувь. Коробка с пустыми стеклянными банками. Зачем? Может, пригодится.

«Варенье буду варить», — подумал он. Взял рюкзак, в котором не так давно лежало целое состояние. Тоже — в гараж, чего будет здесь валяться. Проверил внутри — пусто. Случайно рукой что-то нащупал в кармашке. Отстегнул застёжку. Достал тёмно-зелёный кулон на серебряной цепочке. Он как-то совсем про него забыл. Когда вернулся из леса, всё так стремительно закрутилось, что эта маленькая, приятная на ощупь вещичка совсем вылетела у него из головы. Виктор опять стал разглядывать необычный амулет. На дорогое украшение она не походила, скорее, это был некий религиозный предмет, типа крестика у христиан или полумесяца у мусульман. Виктор не носил никаких украшений: ни цепочек, ни перстней. У него не было даже наручных часов. Кулон, лёгкий на вес, был симпатичный и не выглядел вызывающе. Ярский машинально надел его на шею, взял свои вещи и направился вниз к машине. Спускаясь по ступенькам, держа перед собой две картонные коробки, Виктор заметил соседа, закрывающего дверь в свою квартиру. Костик, шустрый паренёк лет двадцати, жил с родителями на втором этаже, дымил как паровоз. Каждый раз, когда они где-то пересекались, у того в зубах была сигарета. Вот и сейчас он сначала прикурил, щёлкнув зажигалкой, а уж только потом стал закрывать замок на двери.

— Костян, привет, сосед! — кивнул ему Виктор, выглядывая из-за своих коробок.

— О, Витёк, дарова, дружище, погоди, ща подсоблю! — Он сбежал на этаж ниже впереди Виктора и, открыв дверь, придержал её, давая тому пройти.

— Пасиба, — кивнул Виктор.

— А ты в какую сторону направляешься? Может, по пути, так я присоседюсь с тобой.

— На Фанеру. Поехали, если по пути. — Виктор направился вокруг дома, к машине.

— О, чётко, а я на Кирилку. Повезло. Тогда я с тобой.

— Лады, — кивнул Виктор. — Только в машине не курят.

— Замётано. — Костян жадно затянулся пару раз и двумя пальцами стрельнул сигарету далеко на газон.

— Чё мусоришь? — укорил его Виктор.

— Сорян, — сказал Костик на самом деле без малейшего сожаления.

Виктор хотел сказать ещё чего-то нравоучительное. Типа, чисто, не где убирают, а где не мусорят, но понял, что бесполезно, и промолчал. Костик был из тех товарищей, что никогда не закрывают рта. Он болтал без умолку, знал сотни анекдотов и разных историй. Вот и сейчас он оживлённо рассказывал своё очередное приключение, а Виктор молча ехал, изредка поглядывая в зеркала на прицеп.

На пересечении улиц Архангельская и Краснодонцев круговое движение. Перекрёсток оживленный, дорога двухполосная. По правилам, въезжая на круг, ты пропускаешь уже едущих по кольцу и занимаешь правый ряд, если тебе надо на выезд, либо внутренний ряд, если продолжаешь двигаться по кольцу дальше. Но также не запрещено продолжать движение по кольцу и по внешнему ряду, соответственно включив левый поворот. А вот из внутренней полосы на выезд ехать нельзя. Сначала надо перестроиться, а уж потом выезжать. Но кто их соблюдает, эти правила? И уж тем более редко кто включает сигналы поворота. Виктор много раз видел, как особо одарённые выезжали с кольца из внутреннего ряда, и если авто, едущее в этот момент по внешней полосе, продолжало движение по кольцу, то создавалась аварийная ситуация. По правилам, виноват, конечно, тот, кто выруливает с внутрянки. И по правилу правой руки, и

по всем канонам ПДД, но каждая ситуация рассматривалась отдельно, и каждый водитель мог оказаться как виноватым, так и правым. Зависело это и от инспектора, оформляющего протокол, и от осведомлённости и хитрости участников. В общем, так себе перекрёсток.

Ярский, слушая Костяна вполуха, включил сигнал поворота, пропуская едущих по кольцу, собрался уже влиться в поток, и тут произошло нечто. Позже Виктор не раз анализировал эту ситуацию, пытаясь понять, где было начало того необычного эпизода: во время его въезда на кольцо или чуть раньше.

Костик споткнулся на полуслове и замер, уставившись в лобовое стекло. Нет, он не замолчал, просто тембр его голоса изменился до хриплого баса, а слова растягивались в заунывную песню. Как будто запись голоса проматывали на скорости раз в десять медленнее обычного. Виктор оглянулся по сторонам. Всё вокруг стало статичным, как на картинке. Хотя нет, все двигались, но двигались со скоростью медленно ползущего ленивца. Холодный озноб прошиб Виктора от нереальности происходящего.

— А-а-а-а я-а-а-а та-а-а-ако-о-ой…., — Костян медленно растягивал слова.

И тут Виктор увидел самое главное. «Нексия», которую он только что пропустил, по-черепашьи медленно тащилась по внешнему ряду кольца, а с внутреннего на выезд, тоже медленно, но явно раза в два быстрее полз «Джип-Чероки». Тот, даже не утруждая себя включением правого поворота, шёл наперерез «Нексии», направо, в сторону Фанеры. Даже в таком замедленном темпе было понятно, что аварии не избежать. Виктор уже почти выехал на кольцо, когда увидел столкновение. Правым передним крылом тяжёлый «джип» врезался прямо в водительскую дверь «Нексии». Медленно, как в заправском блокбастере, полетели стёкла и куски пластмассы. «Нексию» стало разворачивать направо, и в то же время левые колёса оторвались от земли. Виктор однозначно знал, что сейчас тот перевернётся. Избегая столкновения, машина, двигавшаяся по внешней полосе, резко взяла вправо и стала приближаться к «Ниве» Виктора. Ещё доля секунды — и «Нексия» уже лежала на крыше, а «чиркан», вылетев на встречку, врезался в рейсовый автобус. Отскочив от него, как пружина, «джип» подпрыгнул и остановился прямо посередине полосы. Обычно в

экстренных ситуациях работают интуиция и реакция. Здесь же у Виктора появилось время обдумать ситуацию. Прицеп, конечно, сильно ограничивал маневр. До произошедшей аварии он намеревался сделать правый поворот и выехать вправо на Архангельскую, в сторону Фанеры, но там, на выезде, уже лежала перевёрнутая «Нексия», чуть левее, выпуская клубы пара, уныло стоял сморщенный «джип». Слева на них надвигался внедорожник со знаком «Рено» на решётке радиатора. Тормозить было уже поздно, и Виктор вдавил газ до пола, вывернув руль вправо, уходя от столкновения с реношкой, подождал, пока реноха поравняется с прицепом, и вывернул руль влево, уходя левее на Краснодонцев. Бросил взгляд в левое зеркало. Реношка прошла в сантиметрах от прицепа, чудом не задев его, и со свистом тормозов, со всего маху уткнулась в бордюр около «Нексии».

Правые колеса прицепа уже поднимались, начиная переворачиваться. Тогда Виктор снова крутанул руль вправо, проползая правыми колесами почти по бордюру вдоль Краснодонцев. Прицеп дёрнулся, но не перевернулся. Виктор снял ногу с газа, посмотрел на спидометр — скорость почти восемьдесят, и это на неуклюжей, неповоротливой «Ниве»!

— …и-и-и-иду себе, никого не трогаю… — продолжал фразу Костян, вернувшись на свой прежний темп речи. — Бля-а-а-а, Витёк, чё это было? бля-а-а-а, — он оглянулся назад. Движение остановилось, кто-то сигналил, кто-то бегал около машин.

Виктор остановил «Ниву» метрах в двухста от круга. Вышел посмотреть. Ни царапинки. Обошлось. Костик тоже вышел уже с дымящейся сигаретой в зубах.

— Бля, Витёк, ну ты точно ас, а я такой смотрю, всё, думаю, нам точно пиздец, а ты как-то р-раз, — он показал руками, — и вырулил. Вот, что значит мастерство.

Но это было не мастерство. Виктор точно это знал, но пока не мог поверить. Это было… Да, это было чудо. Две-три секунды для него растянулись на тридцать, а то и сорок секунд. И это не какая-то там иллюзия, это была реальность. На этот раз он был в этом уверен.

Вечером у себя на кухне Виктор опять вспоминал те несколько мгновений, растянувшихся почти на минуту. Время как бы замедлилось, давая шанс на принятие правильного решения, а «Нива» так ускорилась, словно гоночный болид Формулы один. Как такое

могло быть? Ведь он находился в здравом уме, да и Костян — свидетель. Хотя Костян, похоже, ничего не понял. Он был уверен, что их спасло от аварии мастерство Виктора, ну и пусть. Пусть он так думает. А Виктору надо было как-то с этим разобраться. Но как? Мозг как будто бы упирался в неведомую стену, когда он пытался сосредоточиться на ситуации с аварией.

Раздался звонок, заставив Виктора вздрогнуть.

— Надо уже поменять его в конце концов, — огрызнулся он. Посмотрел в глазок. Там стоял довольный Костян с улыбкой шире лица. Лёгок на помине. Открыл. Костик держал в одной руке картонную коробку с шестью бутылками пива, в другой — огромного вяленого леща.

— Витёк, я к тебе, — радостно сообщил он. — Если не сильно занят. Обмоем удачный день?

— Да с удовольствием, — Виктор широко открыл дверь, пропуская соседа.

Надо сказать, он был рад гостю. Интересно послушать версию происшествия, увиденную глазами Костяна. Днём Виктор был в такой растерянности, что когда Костя, поблагодарив его, вышел из машины, они даже словом не обмолвились о происшедшем.

Надо отдать должное: рыбец оказался зачётный. Не пересоленый, не пересушенный, огромный и жирный лещ был то, что надо. Виктор порезал его поперек на ровные дольки и аккуратно сложил на большую тарелку. Поставил два высоких стакана с толстым дном. Словом, накрыл эстетично. Костян тут же откомментировал:

— Блин, Витёк, ну ты прям как в ресторане накрыл. Я бы газету постелил да руками рыбец пополам. Ну вот, сразу видно — интеллигенция, — он поднял вверх два больших пальца.

— Ну а чего, аккуратно же, и есть удобно.

Виктор открыл пол-литровую бутылку светлого Carlsberg и разлил по стаканам. Костян уважительно наблюдал, пока Виктор открыл вторую бутылку и долил в стаканы почти до краёв.

Костик взял свой стакан, зачем-то подул на обильную пену, поднял:

— За благополучную развязку.

— Точно. Будем, — Виктор поднял свой стакан.

Чокнулись. Пиво было прохладное, но не очень холодное. Прямо самое то. Виктор с удовольствием отпил большой глоток и принялся за леща.

— Мы в рубашке родились, конечно, — сказал Костян, отрывая от рёбрышек яркий шмат жирной икры. — Я до сих пор не понимаю, как тебе это удалось. Я такой смотрю: этот дуст на нас летит на «рено». Уже сжался такой, думаю: вот сейчас удар, жду, жду. Смотрю, а он уже сзади. Ты так ускорился, как-то быстро. «Нива» у тебя шустрая, оказывается, я и не думал, что так бывает.

Он говорил, а Виктор вдруг отчётливо увидел всю картинку. Как в кино, кадр за кадром, ярко и чётко. Он попробовал сосредоточиться на странном ощущении. Такое впечатление, что где-то в его голове натянули экран, а глаза — это проектор. И этот проектор, как в кинотеатре, прокручивал фильм, проецируя изображение прямо в мозг. Чёткое, идеально точное изображение. Причём Виктор так же слушал Костяна, нисколько не отвлекаясь на просмотр этого своего внутреннего фильма. Он даже мог участвовать в беседе. В нём как будто присутствовали два человека, параллельно делающих два разных дела. Необычность и в то же время простота и ненавязчивость не только не испугали Виктора, наоборот, он с удовольствием с головой ушёл в новое для себя необычное состояние.

— А я целый день на работе всё думал про эту аварию, — продолжал Костян. — И такой думаю: дай-ка вечером к тебе загляну.

— Да, повезло нам, это уж точно, — кивнул Виктор, отрывая чешую от смачного куска леща. — А ты всё там же, на складе, работаешь?

— Да, второй год уже. — Костян отпил пиво и продолжил жевать икру. — Думал, временно поработаю, пока чего-нибудь лучше не найду, а потом попривык как-то.

И тут Ярский даже вздрогнул от внезапной вспышки на своём внутреннем киноэкране. Там чётко нарисовалась картина большого склада с высокими стеллажами и Костян, который управлял электропогрузчиком. Вернее, Виктор и был этим человеком. Он видел глазами Костяна. Он подъехал к высокому стеллажу, поднял поддон с коробками и, поставив на полку, стал отъезжать задним ходом. Потом Костян разговаривал с опрятно одетым человеком, похоже, с начальником. Тот дал ему конверт, и картинка опять сменилась. Виктор

понял. Он фактически видел то, о чём сейчас думал Костик. Как это могло быть? Он мог читать его мысли. Причём это было так просто и исподволь, что казалось даже обыденным. Виктор сделал небольшое усилие, и внутренний экран погас. Он даже мог этим управлять.

— Похоже, зарплату сегодня дали? — с улыбкой спросил он.

— Точняк, — оторвался от рыбы Костян, — угадал, — улыбнулся он, вроде даже не удивившись такой проницательности Виктора. — Думаю, дай угощу соседа с получки.

Виктор поддерживал разговор, хотя это особо не требовалось. Костян болтал без умолку. Ему, походу, было без разницы, слушают его или нет. Видимо, просто нравилось говорить. Виктор же сосредоточился на этом новом, непонятном для него чувстве. Попробовал опять напрячь сознание и подключиться к этому внутреннему видеоэкрану. Не получилось. Но зато получилось прочитать, вернее, предвидеть то, что говорил Костян. Он знал наперёд, что тот сейчас скажет. Как будто Костя говорил по написанному тексту, а Виктор, как в караоке, уже прочитал его. Невероятно, но, похоже, он даже мог изменить этот текст. Попробовал вставить просто любую первую попавшуюся фразу, к примеру, «корова на лугу». Нажал воображаемый «ввод». Воображаемый текст тут же изменился.

— …и мы, короче, с парнями растянули сеть, сами пока разожгли костёр, корова на лугу, пивасик пьём такие. Думали, на уху как раз вытащим…

Но тут Виктор перебил его:

— Какая корова на лугу?

— Какая корова? — не понял Костян.

— Ну ты только что сказал: корова на лугу. — Виктор чувствовал себя как доктор-мозгоправ с подопытным пациентом, но надо было обязательно с этим разобраться.

— При чём тут корова? — опять не понял Костик и как-то странно посмотрел на соседа. — На берегу сидели, на Рыбинском, откуда там коровы?

— Блин, послышалось, — засмеялся Виктор.

Было понятно, что ничего не понятно. После этого он постарался отключить всё своё видение. Доели вяленого леща, допили пиво, и Костян засобирался домой. Виктор поблагодарил его и, когда тот ушёл,

решил вновь вернуться к своей новой странной возможности то ли гипноза, то ли предвидения. Страха не было, не было и никакого диссонанса, что это невозможно. Только огромный интерес разобраться в том, как этим управлять и что можно было из этого извлечь. Но тут его ждало полнейшее разочарование. Как он ни напрягал мозг, как ни пытался что-то уловить, ничего не ощущал, кроме лёгкого чувства хмеля после выпитого пива. В конце концов после нескольких безуспешных попыток Виктор с разочарованием забрался под одеяло, включил телевизор и почти сразу же заснул, оставив всё идти своим чередом. Ночью опять приснился Николас. На этот раз он был довольным и приветливым. Похвалил Виктора за инициативу с подсыпкой дороги. Звал к себе на острова в гости. Виктор отказывался, ссылался, что надо сначала с работой решить, а уж потом об островах думать.

На следующий день проснулся в отличном расположении духа. Из головы никак не выходили вчерашние опыты с работой мозга и чтением мысли. Наутро это уже не казалось таким реальным, как вчера. Больше смахивало на лёгкое помешательство или даже шизофрению. Сварил кофе. Вспомнил про письмо, которое он нашёл в погребе. Не без труда отыскал послание Николаса, перечитал. Тот упоминал о каком-то даре. Что за дар такой? Сейчас это не казалось таким уж безумным, как тогда, в лесу. Может, и впрямь существуют какие-то ещё не изученные законы природы? Николас явно знал об этом больше Виктора.

«Надо обязательно его увидеть, — пронеслось в голове. — Это же так очевидно. Какая на фиг Италия! Греция — вот куда надо было ехать отдыхать. А заодно и встретиться со своим загадочным знакомым».

Достал паспорт. На страничке разноцветной голограммой блестела финская виза со сроком на год. Нашёл скомканный листок бумаги с адресом Николаса. Адрес был странный: ни улицы, ни дома. Просто написано: Vai,Toplou (Вай, Топлу), Nikolas Kostas. Виктор покопался в интернете и нашёл место. Это был монастырь на самом краю острова Крит. Да уж, этот Николас полон загадок. Но тут на листке он увидел написанное неразборчивым почерком: NewValamo Monastery inaugust. Начал припоминать, и вдруг чётко всплыла перед глазами картинка. Точно, он же сказал, что собирался погостить в этом

монастыре в августе! Ещё сказал, что будет много вопросов, а он там будет паломничать. Типа приезжай, поговорим. Как в воду глядел. Вопросов реально много. Значит, не Греция, а Финляндия. Ну, это намного ближе.

Залез в интернет, открыл Map Quest и не без труда нашёл Ново-Валаамский монастырь. Это место находилось примерно в двухсот семидесяти километрах севернее Выборга, среди озёр и лесов, где-то в глубинке Финляндии. Виктор целый час на листке А4 тщательно рисовал подробную карту дорог и переправ юго-восточной части Финляндии, и когда карта была готова, голова уже кружилась от названий финских городов и деревень.

— Язык сломать можно, — ухмыльнулся он.

Теперь созрел чёткий план, что надо делать. Ехать, конечно же, на машине. Настроение поднялось. Бывает такое, когда сам не осознаёшь почему, но всё вокруг прекрасно. Захотелось сделать что-то хорошее и полезное. Для начала надо свезти машину на ТО, поменять масло, ну и посмотреть, чтобы всё было в норме перед дальней дорогой.

Включил телевизор, который висел на стене в кухне, зажёг газ, привычным движением насыпал в турку две ложки кофе. Взял со стола пульт, стал щёлкать, перебирая каналы. Хотел найти какой-нибудь знакомый фильм, просто чтобы шёл фоном. Ничего путёвого не было. Одна реклама. Остановился на канале РБК. Там опрятный ботан в галстуке тараторил про цены на акции, индексы, валюты. У него получалось складно и даже интересно. «Тимофей Мартынов, финансовый аналитик», — прочитал Виктор на экране. Парень рассказывал грамотно, чётко поставленным голосом. Было видно, что он не просто читает по суфлёру, а выдаёт свои мысли. Виктор не особо понимал в этих биржах, но и не был совсем далёк от этого. Пару лет назад он открыл счт у брокера Финам. Покупал и продавал акции и даже чего-то там умудрился заработать. Потом это всё ему наскучило, и он, продав всё, закрыл счёт. Иногда, правда, интересно было послушать, чего там творится в финансовом мире. На бегущей строке заметил курс евро к рублю — тридцать пять. Надо заехать к Гансу и купить евры. Виктор задумался. Вот как-то неправильно он всё-таки живёт. Все чем-то занимаются. Ганс, вон, валютой барыжит, кто-то просто на заводе работает, кто-то бизнесом занимается. А ему уже за тридцать и ведь ничего в жизни не добился. Ни семьи, ни детей. Ну да,

основное есть. Квартира, гараж, машину вот купил. Но это всё не то, как-то всё течёт мимо него. Вроде ведь и не лентяй он, и не дурак совсем, а место своё найти не может. Вот и сейчас: зачем он собрался в эту Финку? Сиюминутное решение. Час назад даже не думал — и вот. На последнее — без сдачи, как говорится. Глупо как-то всё.

В турке начала подниматься густая пена, и Виктор, выключив газ, принялся за изготовление бутербродов. Употребление кофе — это целый ритуал. Кто-то пьёт с сигаретой, кто-то без сахара, Виктор же любил крепкий, сладкий и либо с молоком, либо со сливками. И обязательно с бутерами. Доставая из холодильника масло и сыр, обнаружил, что нет молока. Обычно всегда стояло на полочке в двери. Забыл купить. Вроде мелочь, но нет, без молока, кто бы что ни говорил, кофе становился просто горьким, хоть и ароматным пойлом. «Ну, тут дело вкуса», — скажете вы.

Появилось желание сходить в магаз, благо, недалеко, в соседнем доме. Но это было уже не то. Недаром придумали поговорку «Дорого яйцо во Христов день».

«Ну вот, а так всё хорошо начиналось», — ухмыльнулся про себя Виктор, представляя перед собой литровую картонную коробку молока «Вологжанка». Даже явно представил бело-голубой фон с рисунком девушки с бидоном, в длинном ярком платье. Ну что поделаешь. Он поднял турку и налил крепкий, ароматный, дымящийся кофе — почти полную чашку. Затем зачем-то ещё раз открыл дверь холодильника (согласитесь, мы часто так делаем, не понимая, зачем), посмотрел внутрь, словно хотел увидеть там что-то новое, чего не заметил три секунды назад, и тут…

И тут взгляд его упал на такую знакомую коробку молока «Вологжанка», которая стояла на полочке в двери, где, собственно, и должна. Виктор взял коробку (или пакет, как мы его иногда называем), привычным движением открыл, налил в свой кофе и поставил обратно. Закрыл холодильник, продолжая держать его за ручку, словно тот мог куда-то убежать, замер.

— Бр-р-р, — он потряс головой и вслух сказал: — Ничё не понял.

Опять открыл холодильник. Коробка молока на месте. Но минуту назад там было пусто. Или не было пусто? Всё получилось так обыденно и непринужденно, что теперь Виктор уже не был уверен, внимательно ли он смотрел в первый раз. Так часто бывает, что мы

долго не можем найти какую-то вещь, и, когда уже теряем всякое терпение её отыскать, оказывается, что всё это время предмет находился прямо у вас перед глазами.

К тому времени паренька на РБК сменила симпатичная брюнетка, которая, судя по всему, глядя на бегущую строку текста перед собой, приятным голосом объясняла, почему вчера Лукойл падал, а Сбер, наоборот, рос. Виктор даже примерного понятия не имел, какая акция сколько стоит, но почему-то в голове пронеслось, что Сбер, по-любому, должен стоить не меньше двадцати пяти рублей.

— …и акции Сбербанка впервые торгуются по двадцать пять рублей и продолжают рост, — вещала меж тем брюнетка.

— Так, стоп, — Виктор уставился на экран. Торги ещё не были открыты, и, по-видимому, это была цена вчерашнего закрытия. Опять угадал. Цифра показывала 25.01.

Как-то машинально он нажал на кнопку выключения телевизора. Попробовал сосредоточиться. Это хоть всё ещё и казалось чередой совпадений, но реально стоило задуматься. С чего всё началось? С чего начались все эти необычности в его жизни? Может быть, с монетки в поезде? Или с аварии? Про согнутую монетку Виктор ни за что бы не поверил, не видя собственными глазами. Ну не было логического объяснения. Потом эта авария. Здесь разум вообще упирался в стену. Может, пора обратиться к психиатру? Но нет, здесь у него был свидетель, Костян.

— Ладно, — опять вслух сказал Виктор, понимая, что уже не в первый раз разговаривает сам с собой, но это сейчас неважно. — Попробуем вспомнить.

Он отбросил все сторонние мысли, чтоб не мешали, и стал вспоминать хронологию.

Утром, когда проснулся, настроение было просто отличное. Умылся, оделся. Кофе, плита, холодильник, бутеры. Ну да, ещё планирование и эйфория от предстоящей поездки. Так, стоп. Где-то в этом месте было лёгкое разочарование, что день так хорошо начинался и не хватает какой-то мелочи. Молока. И когда он открыл холодильник, то оно там уже было. Как? Да просто. Он представил, что хорошо бы вот такую коробку, с таким-то рисунком, такого-то цвета и такого-то веса. Значит, просто надо повторить.

Закрыл глаза, представил то же самое. Белая прямоугольная картонная коробка, вверху большими синими буквами написано «Молоко», чуть ниже — «из Вологды». «Вологжанка». Представил девушку в длинном деревенском платье. В руке она держит бидон с молоком, а где-то на заднем плане пасётся корова. Больше Виктор ничего не помнил, кроме 3,2 % жирности, которую он всегда брал.

— Ну, как-то так, — опять сказал он вслух и добавил с улыбкой: — Надо.

Зачем-то перекрестился, взялся за ручку двери холодильника, поднял глаза кверху, как бы прося помощи у кого-то там могущественного и невидимого, и открыл холодильник.

И ничего нового не увидел. В двери так же, как и в прошлый раз, стоял литр молока. Коробка, открытая несколько минут назад. Виктор закрыл холодильник.

— Ну и хорошо, ну и славно, никаких чудес.

Целый день прокатался по городу, поменял масло в машине. Затем посчитал оставшиеся деньги. Чуть больше пятнадцати тысяч. Не густо для заграничной поездки. Заехал к Гансу. Купил у него триста евро, заплатив около одиннадцати тысяч. Должно хватить.

К поездке всё было готово, за исключением того, что денег оставалось впритык и Виктор понятия не имел, какие затраты ещё могут быть на пути до монастыря, где, по-видимому, сейчас находился Николас.

— Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления, — отмахнулся он от навязчивых мыслей. Вечером, когда вернулся домой, уже изрядно проголодался. Решил что-нибудь сготовить на скорую руку. Яичницу пожарить, да и всё. Открыв холодильник, обомлел. В двери на полочке стояли два литра молока. Один открытый, второй закрытый.

Глава 7

Глава седьмая. 7 августа 2005

Выехал рано утром в воскресенье. Несколько раз всё проверив: паспорт взял, права, деньги. Денег было, конечно, кот наплакал. Заправил полный бак, и осталось чуть больше тысячи. Виктор почему-то вообще не запаривался насчёт такой мелочи, как отсутствие денег. Как бы это самонадеянно нё звучало, но всякий раз, когда они заканчивались, обязательно появлялась новая возможность. То ли это была какая-нибудь работа, то ли бизнес-идея, которую удавалось реализовать, и «пусто» очень быстро превращалось в «густо», как, впрочем, и наоборот. Больше Виктора занимала эта неведомая череда чудес (или не чудес, а неведомых происшествий). Вот что было с этим молоком? После появления второго пакета он целый день пытался представлять то одно, то другое. Представлял и деньги, рисуя в воображении купюру со всеми узорами, завитками и водяными знаками. Пробовал представлять золотые и серебряные слитки, даже простейшие вещи, такие как чистый лист бумаги. Ничего. Полнейшая тишина. Тогда он попробовал объяснить с точки зрения простых законов физики или законов реальности, как это произошло. Предположим, первую коробку он купил и забыл. Потом не увидел. В этом ничего удивительного не было. Простая рассеянность. Но то, что появилась вторая, это объяснить можно только тем, что кто-то решил подшутить и подложил молоко, пока Виктор гонял по городу. Но тогда у этого «кого-то» должны быть ключи, должна быть какая-то мотивация это сделать. Да бред. Слишком много всего должно сойтись, чтобы объяснить банальным стечением обстоятельств. Все эти загадки реально напрягали, и чем дальше, тем всё больше Виктор сомневался в своей адекватности.

Сейчас же он ехал в сторону Питера по пустой трассе. Желание увидеть Николаса было сильнее, чем когда-либо. Главное — это найти его, а то, что у него есть ответы на много вопросов, было очевидно. Остановился на Лукойле недалеко от границы Вологодской области. Долго стоял у кассы, ждал, пока подойдёт кассирша. Наконец она медленно появилась, вытирая руки полотенцем. Он рассчитался и

вышел на улицу. Заправился. Затем походил вокруг машины размять ноги. Случайно взгляд упал на заднее левое колесо. Резина ещё свежая, выработка небольшая, но уже кое-где появлялись потертости. Диски — обыкновенная дешёвая штамповка, ещё заводская. Виктор заметил, что диск слегка помят. Видимо, где-то словил хорошую яму или камень. При помощи молотка эта вмятина легко выровняется, но будет уже не как новое. Ладно, это можно будет сделать после приезда домой. Вообще, потом неплохо будет купить хорошие литые диски с импортной резиной. Ближе к зиме, когда подойдёт время менять резину на зимнюю. Походив ещё немного вокруг машины, помахал руками, изображая зарядку, сделал пару наклонов, поприседал и уже собрался садиться за руль, как мельком через окна в задних дверях разглядел что-то белое. Резко открыл заднюю дверь и увидел, как в чистых белых полиэтиленовых пакетах на заднем сиденьи, лежат два колеса. Самое удивительное было то, что Виктор нисколько не удивился. На этот раз он принял это как должное. Заглянул в пакеты. Новенькие, пахнущие резиной японские Yokohama, размер 205/70/R15, на шикарнейших литых воронёных дисках с глянцевыми чёрными вставками. Правда, летние. Виктор поднял глаза к небу, с улыбкой сказал:

— Я же зимние заказывал.

Деланое спокойствие быстро перешло в неконтролируемую неприятную дрожь. Даже зубы застучали. В голове творилось непонятно что. Мозг работал на форсаже, сердце бешено колотилось, и Виктор даже слегка испугался: а не потеряет ли он сейчас сознание. Присел на корточки. Посидел так с минуту. Отдышался. Стало немного отпускать. Голова теперь работала чётко. Первая мысль: надо убрать колеса в багажник.

Открыл дверцу багажника. Ну что же, теперь всё становилось логичным. Там, в таких же белых пакетах, лежали ещё два колеса. Быстро закрыл дверцу, словно боясь, что кто-то увидит и скажет: «Ай-я-яй, Виктор, как нехорошо».

Огляделся по сторонам. Чисто теоретически, это опять могла быть чья-то шутка. Пока он стоял у кассы, кто-то мог подложить эти колеса. Бредово, но не сказать, что совсем нереально. Вокруг не было никого, только метрах в ста водитель фуры, присев на корточки, копался в боковом палетнике, что под трейлером. Виктор сел в машину, взялся

двумя руками за руль и посидел так несколько минут, приходя в себя. Затем завёл мотор и резко, с пробуксовкой, вырулив с парковки на все ещё пустую трассу, нажал педаль газа в пол. Время от времени он перекидывал назад правую руку и трогал колёса, проверяя, здесь ли они. Они никуда не пропали. Значит, вот как оно работает. Виктор ощущал неприятную дрожь во всём теле. Его словно лихорадило. Получается, эти колеса, эти пакеты молока — всё это появилось из ниоткуда. Но это же противоречит всем законам физики! Это даже более нереально, чем если бы сейчас из леса на дорогу вышел динозавр.

— Нет, нет, — вслух сказал Виктор.

Теперь он уже начал бояться своих мыслей. То есть вещи, вполне себе реальные и осязаемые, могут появляться сами по себе, стоит о них подумать. Но этого же не может быть! Виктор сильно ущипнул себя за руку. Нет, это не сон, это какая-то новая, непонятная для него реальность.

— Хочу термос с горячим сладким кофе и бутерброд с ветчиной, — громко и с выражением сказал он, пытаясь как можно точнее представить всё это, и добавил: — пожалуйста.

Огляделся по сторонам. Нигде ничего не появилось. Проехал мимо памятника-самолёта, что на круге около Тихвина. Машин на дороге стало больше. Посмотрел на часы. Почти восемь утра. Самое время позавтракать. Бутерброды у него были. Правда, не с ветчиной и не призрачно материализовавшиеся, а самые настоящие, сделанные сегодня утром дома, на кухне.

Перед поворотом на Мурманское шоссе, в деревне Иссад, Виктор остановился около небольшого шиномонтажа. Вокруг пусто, но дверь в шиномонтаж была открыта. Он заглянул внутрь. Там на потёртом кожаном диване дремал мужик в грязной спецовке и огромными, в пол-лица усищами. На стенах висели плакаты с голыми красотками, в углу стояли станки для бортировки и балансировки колес.

— Доброе утро, — негромко поздоровался Виктор.

Мужик приоткрыл один глаз, чего-то невнятно буркнул, и усы зашевелились как живые.

— Я тогда подожду у машины, пока вы проснётесь, потом мне бы колёса перекинуть, если не влом, — негромко сказал Виктор, оглядываясь по сторонам.

Мужик открыл оба глаза и уже совсем внятно спросил:

— В смысле перекинуть? Прокол или что?

— Да пойдёмте на улицу, покажу лучше, — как можно дружелюбнее сказал Виктор и направился на выход.

Запах перегара доносился через всё помещение. Заскрипел диван, и через несколько секунд на пороге появился хозяин усов. Высокий худющий дядька лет сорока пяти с длинными жилистыми руками. Грязь прочно въелась в кожу, и, вероятно, отмыть её уже не представлялось возможным.

— Ну, чего у тебя? — неожиданно приветливо спросил мужик.

— Вот, смотрите, — Виктор открыл багажник и заднюю дверь. — Надо просто поставить вот эти четыре колеса, ну там давление проверить на всех и отбалансировать. А эти четыре, что сейчас стоят, я продать хочу, заберёте? — Виктор развёл руками: — И, собственно, всё.

Мужик подошёл к машине, молча осмотрел колёса, покачал головой, потом сказал:

— Мне так-то особо и не нужны твои колёса. Куда мне их девать? Если только совсем дёшево. Вот эти могу взять, — он показал на новенькое литьё.

Виктор прикинул в уме: цена на его старые колёса с дисками не больше восьми тысяч. Ну, может, десятка — в ценах он был не силён. Мужичок возьмёт максимум за полцены, минус работа.

— Давайте так, — сказал он, — ваша работа, плюс мои старые колёса с дисками, вы мне дайте ещё пять тысяч — и в расчёте.

Мужик, видимо, уже всё посчитал быстрее Виктора.

— Две, — он поднял вверх два пальца, большой и указательный.

— Хорошо, давайте четыре, — с улыбкой парировал Виктор и протянул руку.

Рука так и повисла в воздухе.

— Три, — сказал мужик.

— Лучше всё-таки четыре, — снова повторил Виктор и с улыбкой добавил: — И чашку кофе.

— Этого добра — сколько хочешь, растворимый только, — ответил дядька, поднял вверх три пальца и угрюмо зашагал в свою богадельню.

Надо сказать, что сделал он довольно быстро, по-заправски поднял машину мощным домкратом и затрещал пневмопистолетом. Виктор даже опомниться не успел, как на его «Ниве» уже стояли и блестели литыми дисками четыре новеньких колеса. Балансировать не пришлось. Балансировка и давление воздуха были идеальны во всех четырёх. Мужичок сполоснул кипятком две большие кружки и, кивнув Виктору на табурет, поставил на стол банку кофе с торчащей оттуда столовой ложкой, коробку сахара и три тысячи рублей. Виктор притащил пакет с бутерами, развернул и тоже положил на стол. Взял один себе, второй предложил угрюмому мужику. Тот поблагодарил, но есть не стал. По-быстрому перекусив, Виктор, взяв деньги, поблагодарил мастера и вышел на улицу.

В воскресенье утром Мурманка ещё была пустая. Машин немного, и Ярский, уверенно нажав на газ, разогнался до ста шестидесяти. Разница ощущалась. Резина была суперская. Когда едешь 100 км/ч, разницы большой нет, но если скорость большая, то сразу чувствуется. Конечно, «Нива», с такой скоростью бензин жрёт — мама не горюй! Виктор сбавил до ста десяти и двигался так до самого Питера. Выходило, что он вот так просто получил новые колёса и три тысячи в придачу. Теперь его стало меньше волновать, как это работает. Больше хотелось понять, как этим управлять. Появилось знакомое чувство эйфории, как тогда, в лесу, в доме, где он нашёл клад.

Проскочив Питер по КАДу, свернул на Выборгское шоссе. Машин, на удивление, было мало, настроение отличное, не заметил, как долетел до Выборга. Заехал на Лукойл, заправился. Виктор уже собирался отъезжать, как к нему подошли двое. Парень с огромным рюкзаком за плечами и девушка с маленьким чемоданчиком на колесиках.

— Вы на чухляшку едете? — спросил паренёк.

— В Финляндию, — Виктор не сразу сообразил, что «чухляшка» — это Финляндия на каком-то сленге.

— О, круто, до Бруснички подбросите? — обрадовался тот.

— Да не вопрос, если по пути. — Виктор вышел, открыл багажник. — А Брусничка — это деревня?

Парень положил рюкзак и помог своей девушке с чемоданом.

— Граница, КПП типа. Первый раз, видимо, едете?

— Первый, — согласился Виктор.

Паренёк, сел на переднее сиденье, его девушка разместилась сзади.

— Я Фёдор, — сразу представился он и добавил, повернувшись назад: — а это Илона, девушка моя. Она плохо говорит по-русски, но всё понимает.

— Щас получишь, — мягко отреагировала девушка на чистом русском.

Виктор представился, выруливая на трассу. Места были очень красивые. Кругом хвойный лес, чистая, хорошая дорога. Залюбовавшись видами, чуть не проскочил поворот.

— Нам сюда, — показал рукой Фёдор. — Туда дорога на Торфы идёт и на Хельсинки, а нам правее. Сейчас там места вообще шикарные начнутся, когда вдоль канала поедем.

Ярский был рад попутчикам.

— А вы отдыхать в Финляндию или живёте там? — спросил он.

— Живём, — ответил Фёдор. — Учимся в универе, в Хельсинки.

— А чего, так можно, что ли? — удивился Виктор, для которого заграница всегда была чем-то запредельно неизвестным и сказочно далёким. — Ну, в смысле, разве россиянам разрешают?

Он, наверное, глупо выглядел. Фёдор на секунду замолчал, потом стал подробно объяснять:

— Илонка гражданство имеет финское, с предками давно переехала, а у меня ВНЖ. — И, видя, что Виктор не врубается, пояснил: — Виза студенческая, для поступления в универ. А потом получаешь вид на жительство. На третьем курсе мы уже.

— Понял, кажется, — кивнул Виктор.

Столько интересного, оказывается, в мире, а он сидит в своём Череповце и непонятно чем занимается.

— А вы на финском там… ну, это… Учитесь?

— В основном на английском, но и финский изучаем тоже, — Фёдор обернулся назад и подмигнул Илоне.

— Ой, кто бы говорил, изучает он, — подковырнула она. — Двух слов связать не можешь по-фински. Лентяй.

Виктор ехал небыстро. Он не мог налюбоваться, места были просто шикарные. Дорога петляла вдоль узкой речушки. Вроде это и был тот самый канал. Как-то незаметно подъехали к границе. Виктор

немного волновался. За границей он никогда не был и понятия не имел, чего там будут спрашивать. Ребята же, напротив, вели себя, как будто им приходилось бывать здесь чуть ли не каждый день. На удивление всё прошло быстро. Машин в сторону Финки не было. Российскую границу вообще прошли за пару минут. На финской спросили, куда он едет.

— В монастырь, в гости к друзьям, — ответил он.

Отштамповали паспорт и пожелали счастливого пути. Виктор заранее проговорил про себя несколько фраз на своём слабом английском, но это не понадобилось. Финский пограничник прекрасно владел русским языком, хоть и говорил с акцентом.

— Всё что ли? — с явным удивлением на лице спросил Виктор. — Уже Финляндия?

Ребята рассмеялись. Видимо, Виктор выглядел как такой деревенский лопух-недотёпа, попавший в большой город, озирающийся по сторонам.

— Да здесь всё точно так же, как и с той стороны, даже знаки почти такие же, — сказал Фёдор, — только превышать лучше не надо. Штрафы здесь намного больше, чем в России. И это… за телефон здесь дорого заплатите, если с русской симкой. Лучше местную возьмите. А вон, нас уже встречают. Илонка, предки твои. — И оба замахали руками двум пожилым людям, стоящим возле «Фольксваген-Пассат».

Фёдор протянул двадцать евро.

— Спасибо вам.

— Да необязательно, по пути же. — Виктор помог достать вещи из багажника.

Фёдор же, махнув рукой: нормалёк, мол, — зашагал к своим финским родственникам.

Дальше предстояло разбираться самому. Достал свою импровизированную рукописную карту, сориентировался. Недалеко слева был большой по местным меркам город Лапеенранта. Ему же надо было правее и куда-то на север. Достал телефон, вытащил сим-карту, выключил. Теперь без связи. Ну, не привыкать. Вот она какая, заграница! Пока ничего необычного. Впереди было около двухсот километров.

Найти дорогу оказалось на удивление несложно. Везде стояли указатели, и Виктор, глядя на свою самодельную карту, просто ехал до следующего большого населённого пункта, потом искал на указателях следующий. Время было вечернее, и солнце уже клонилось к закату, когда он остановился отдохнуть в небольшом городке с ужасным названием, которое даже не мог выговорить. Супермаркет с большой разноцветной вывеской назывался Lidl. Зашёл внутрь, с опаской разглядывая яркие витрины, заполненные продуктами в незнакомых разноцветных упаковках. Надо было купить что-нибудь перекусить. Всё было такое прикольное, что захотелось попробовать всего понемногу. Взял ветчины, разного сыра, маленькие плошки с салатами, пару йогуртов, ещё каких-то с виду очень вкусных штучек. Потом понял, что не съест и половины того, что набрал, но выкладывать ничего не стал. Уж больно всё выглядело аппетитно. А может, просто проголодался. Тут же на кассе продавались яркие удобные пакеты с эмблемой магазина. Был приятно удивлён, что такая куча продуктов обошлась чуть больше десяти евро.

— Да у них тут всё стоит в два раза дешевле, чем в России, — удивился Виктор, сгребая свои покупки в только что купленный пакет.

Когда вышел на улицу, стало заметно темнее. До места оставалось километров шестьдесят или семьдесят. Решил заночевать на дороге, а приехать в монастырь утром — так показалось правильным.

Нашёл небольшую аккуратную стоянку и съехал с дороги. Кругом красивый хвойный лес, стройные сосны ровными рядами терялись в сгущающихся сумерках. Редкие машины проезжали по трассе, шурша резиной, и снова тишина. Виктора удивили мусорные баки. Чистые, пустые, с вложенными внутрь тёмными пластиковыми мешками. Вокруг идеальная чистота. Ни одной бумажки Виктор не заметил. Уже стало совсем темно, когда он с удовольствием жевал только что приготовленные бутерброды, запивая вкуснейшим газированным напитком с незнакомым названием. Птицы заливались на все голоса.

— Это рай какой-то, — жуя бутер, тихо сказал Виктор. — Мне здесь определённо нравится.

Разложил сиденья и, вытянувшись по диагонали, укрылся тонким байковым одеялом. Ляпота. Странно, что никогда раньше в голову не приходило прокатиться вот так куда-нибудь на машине. Ну да, Аньке бы такое не понравилось. Вот и ответ. Хотя, если бы они поехали

вдвоём, то, конечно, это был бы удобный отель. Да, столько в мире интересного, и столько всего он ещё не видел. Виктор зевнул, вытягивая уставшие ноги. Утро вечера мудренее.

Сон, на удивление, был крепким. Проснулся свежим и отдохнувшим, хоть и пришлось всю ночь ворочаться на неудобном кресле. Было уже светло. Рядом стояла фура. Новый Volvo с чистым и тоже новеньким прицепом на финских номерах. Кабина зашторена. Удивительно, насколько чистая была машина. На ней не было даже дорожной пыли. Диски на колёсах блестели как новые. Как будто только что из автосалона. В России такое редко встретишь. Выехал на дорогу. При свете утреннего солнца Финляндия казалась ещё красивее. Виктор ехал небыстро, наслаждаясь природой. Вдоль дороги стоял хвойный лес. Высокие, стройные сосны тянулись ровными рядами, словно посажены вручную. А может, так оно и было. Выехал на пригорок — лес закончился, и перед ним раскинулось огромное озеро с синей гладью воды. Появилось приятное чувство лёгкости и успокоения. Справа вдали показался мост, и дорога, сделав плавный поворот, как раз вышла на него. Как показывала карта, где-то здесь и располагался монастырь Новый Валаам. Виктор увидел красивые старинные постройки и рядом новые, по-фински аскетичные и в то же время современные белые домики. Остановился на небольшой парковке, разлинованной белыми линиями под парковочные места. Вокруг росли ровные кусты. Подстриженный газон был, как зелёный пушистый ковер. Хоть в гольф играй. Чуть поодаль стояла группа молодых людей в мирской одежде и пожилой батюшка в длинной рясе. Виктор направился к ним.

— Доброе утро и good morning, — поздоровался Виктор, подойдя ближе. — I am Viktor from Russia

— Good morning, Viktor, — вразнобой отозвались местные товарищи.

— I speak English only alittle, — Виктор показал большой и указательный палец, давая понять, что вот только на сантиметр и разговариваю. — Ispeak Russian good, — продолжая улыбаться, закончил фразу.

— That’s all right, my friend, we have someone who speaks Russian, — мягко сказал батюшка. Затем обратился на финском к

одному из парней, и тот сразу стал кому-то звонить. Потом добавил уже Виктору: — Did you come from Russia as a pilgrim?

— Yes, I come from Russia, — сказал Виктор, услышав незнакомое слово.

— I come with this car, — Виктор показал на свою «Ниву».

— It is a really long way, — заметил один из парней.

— Да, — кивнул Виктор, — very long, как его, way.

— All right, here you go, — кивнул батюшка на бежавшего к ним парнишку. — This is Simon, he speaks Russian well enough.

Паренёк поздоровался со всеми, поклонился батюшке. Тот сказал что-то ему по-фински.

— Переводчиком могу быть, — басом сказал он, обращаясь к Виктору. Парень говорил по-русски без малейшего акцента.

— Здесь где-то должен быть мой знакомый, — Виктор повернулся к батюшке, — Николас Костас.

Саймон перевёл, но это было понятно и так. Батюшка сразу закивал и заговорил на смешном финском. Саймон стал синхронно переводить:

— Он на рыбалке с утра был, на озере. Сейчас, наверное, уже вернулся. Вы можете подождать в беседке, вон там, или, если хотите, осмотритесь пока вокруг. У нас здесь места красивые, туристам нравится.

— Да, места очень красивые, — согласился Виктор. — Я просто в отпаде. Второй день уже восхищаюсь. Погуляю тогда здесь пока по берегу.

Батюшка кивнул, что-то сказал.

— Да, конечно, и спрашивайте, если что-нибудь надо, — опять перевёл Саймон.

Виктор кивнул и решил не напрягать больше своих новых доброжелательных финских знакомых. Пошёл по тропинке в сторону озера, думая: «А ведь мне, в основном, по жизни встречаются хорошие, доброжелательные люди. Их так много, что, пожалуй, их на земле подавляющее большинство».

И тут, как назло, в памяти всплыл эпизод с угоном «мерседеса». Этот тип с наглой рожей, уверенный в своей безнаказанности, настолько явно нарисовался перед глазами, что хоть фоторобот рисуй. Виктор остановился и замер, глядя на красивое озеро. Слегка заболел

правый висок, и он явно ощутил, как поднялись волосы на затылке. Опять этот запах необычных цветов и на этот раз очень чёткое прозрение в сознании. Небесные объекты, планеты или звёзды пронеслись перед глазами. Или нет, не небесные, это, скорее всего, микромир. Атомы и летающие вокруг них электроны и что-то ещё. Да, он увидел. Увидел чётко и ясно. Как в текстовом формате, так и в презентации с картинками, аудио и видеофайлами. Он увидел полное досье на человека, который угнал его машину. Звали его Матвей Большаков. Это было настолько просто и доступно, что Виктор даже удивился, как он раньше этого не понимал. Ему не нужен был фоторобот, ему не нужны были блокнот и карандаш, чтобы записать имя, фамилию, адрес и прочие данные на человека. Он видел всё про него. Он видел, где тот сейчас находится, он даже знал, что тот намеревается делать завтра. Если бы Виктор захотел, то мог бы точно сказать такие мелочи, как, например, с каким портфелем тот шёл первый раз в первый класс, вообще любые детали, из любого периода жизни. Это как если бы в компьютере было полное досье на человека по имени Матвей. Открываешь папку, а там сотни других папок и система поиска. По годам, по делам, по местам, по любым параметрам, какие только могут прийти в голову. И любая информация сёрчится мгновенно, выдавая результат на монитор в голове. Виктор попробовал справиться с эмоциями, охватившими его, и, закрыв все воображаемые папки, вернулся в действительность. Если он сможет научиться этим управлять, то возможности откроются просто невероятные. Ровная гладь воды успокаивающе действовала на нервную систему. Сердце ещё продолжало бешено колотиться, но дыхание постепенно выравнивалось, и дрожь проходила.

«Какая же это всё-таки нагрузка на организм», — подумал Виктор, стараясь дышать как можно ровнее. Было чувство как после спринтерского бега. Через несколько минут ему полностью удалось совладать с собой, и он медленно направился к озеру, вниз по тропинке. У берега было пришвартовано множество лодок разных мастей и размеров. Они плавно качались на воде и, отражая лучи солнца глянцевыми бортами, пускали зайчики. Причал был широкий, ровные струганые доски — одна к одной. Виктор присел на деревянную гладкую некрашеную скамейку, разулся и, вытянув ноги, откинулся на спинку. Людей вокруг не было. Августовское солнце

мягко грело, но не жгло, как в июле. Кажется, это называется бархатный сезон. Какое-то умиротворение. Наверное, это рай для пенсионеров. Лучшее место вряд ли можно найти. И не жарко. Чисто и уютно. Все проблемы уходят на второй план, а остается только душевное спокойствие. Интересно, есть ли такие места в России? По-любому должны быть. Вот только выглядеть они будут по-другому. Не будет такой идиллии, как здесь. По крайней мере, в общедоступных местах. А жаль.

Сидел с закрытыми глазами, наслаждаясь тишиной. Слышался только слабый плеск воды о борта лодок. Мысли лениво переходили от одной неразрешенной загадки к другой. Опять вспомнился Сиплый. Виктор попробовал напрячь сознание и поискать воображаемую папку на своего друга. Тщетно. Управлять этим ясновидением он пока не умел. Оно приходило внезапно и так же резко обрывалось, как погасал экран телевизора, стоило выдернуть шнур из розетки. В остальное же время Виктор никакими усилиями не мог добраться до скрытых уголков своего разума. Послышались шаги. Кто-то шёл по деревянным мосткам. Виктор открыл глаза и расплылся в улыбке. К нему неторопливо шагал его старый знакомый Николас. Только теперь он выглядел гораздо старше, чем представлял Виктор. Тогда, в поезде, он казался таким подтянутым интеллигентным мужчиной. Сейчас Николас больше походил на деда. Длинные седые волосы, зачёсанные назад. Седая борода. Улыбка на лице открывала множество морщин. Выглядел он лет на шестьдесят пять, даже, пожалуй, старше. Виктор, сунув босые ноги в кроссовки, встал и, сделав несколько шагов навстречу, протянул руку.

— Здравствуй, мой друг Виктор, — ровным приятным голосом сказал Николас, крепко пожимая руку. Другой рукой он похлопал Виктора по плечу. Такой снисходительно-отеческий жест.

— Вот и встретились. Значит, всё-таки появились вопросы? — Он указал на скамейку, окинул рукой блестевшее на солнце озеро и тихо сказал: — А какая здесь природа!

— Да-а, я смотрю и насмотреться не могу, — поддержал Виктор. — Кажется, здесь бы и остался навсегда.

— Места приятные для отдыха, — согласился Николас. — Но потом привыкаешь, и уже через несколько дней всё это кажется обыденным.

— Вы здесь надолго? — спросил Виктор.

— В четверг самолёт у меня, так что три дня ещё. Я уже две недели здесь, нагостился. Отец Йоханес — мой друг, очень гостеприимный человек, но надо и честь знать.

— Вы говорите на чистом русском, — удивился Виктор, — и почти без акцента. А тогда, в поезде… тогда говорили с ошибками. Как так?

— Так бывает, — уклончиво ответил Николас, улыбаясь в бороду. — Ну а вы, Виктор, как? Есть что рассказать?

— Конечно. Много всего. Не знаю, с чего и начать. — Виктор достал из кармана согнутую пятирублевую монетку, протягивая её Николасу. — Я там был. Ну, в доме.

Тот взял монетку, зажав её в кулак, кивнул.

— Я не сомневался, что ты там побываешь, — сказал он, внезапно переходя на «ты», и с улыбкой добавил: — Ну, рассказывай.

Виктор рассказал, как он сначала не хотел ехать. Потом понял, что так и не успокоится, пока не побывает в этом заброшенном доме. Как ходил по дому, гадая, за что зацепиться в своих поисках. Подробно рассказал про золото, про угнанный «мерседес», про Николая Васильевича с женой Марией и про ремонт дороги. Николас не перебивал, просто слушал, изредка кивая. При упоминании о родителях его бывшей девушки слегка сжал губы, но ничего не сказал и не спросил.

— И что-то со мной происходит, — закончил рассказ Виктор, не зная, рассказывать о своих способностях или сперва подождать каких-то комментариев. — Происходит что-то необычное.

— Да, конечно, оно и должно происходить, — тихо сказал Николас, затем спросил: — Кулон, что был там, у тебя с собой?

Виктор кивнул. Тогда Николас достал из кармана шнурок тёмного цвета из сыромятной кожи. Светлая застёжка была, скорее всего, серебряная. Протянул его Виктору.

— Носи кулон вот на этом, а цепочку отдай, пожалуйста. Мне её Настя подарила, — голос его слегка дрогнул, но он тут же совладал с собой.

Виктор снял кулон и протянул Николасу, но тот не стал брать.

— Старайся, чтобы он всегда был при тебе. Не надо его никому давать.

Расстегнув цепочку, снял кулон. Просунул сквозь тонкое ушко новый кожаный шнурок, застегнул. Цепочку протянул Николасу. Зажав в руке кулон, Виктор опять почувствовал его тепло.

— Почему он тёплый? — спросил он Николаса. — И вообще, может, всё-таки расскажете, что это такое. Столько загадок, что я время от времени думаю, что у меня крыша едет.

— Да, конечно, — спокойно сказал Николас, убирая цепочку во внутренний карман. — Конечно, расскажу. Для этого мы здесь.

— Это Палласит Нуо, — продолжил Николас. — Знаешь, что это такое?

Виктор отрицательно покачал головой. Николас утвердительно кивнул:

— Обычный палласит — это просто кусок от небесного тела, как правило, метеорита, и состоит в основном из металла. Этот же состоит из материала, похожего на кремний. Он неземного происхождения, а тёплый — это потому, что он принимает температуру тела своего хозяина.

— В смысле, хозяина? — перебил Виктор. — Я, типа, Алладин, а этот камушек, он — как джин, который исполняет желания?

— Ну, в некотором роде, — усмехнулся такому сравнению Николас. — Хотя на самом деле всё гораздо сложнее. Чтобы тебе легче было понять, это такой микрочип, карта памяти. Представь развитую цивилизацию, не как наша Земля, а такую, которая в тысячи раз превосходит нас по уровню развития, интеллекту и накопленным знаниям. И вот они помещают все свои знания, собранные за всю историю, в одно место, — он показал пальцем на висящий на груди у Виктора кулон.

— Конечно, это компилировано под особенность нашего земного разума. Для Нуо не нужен компьютер. Как только ты взял его в руки, он тебя либо принимает, либо отвергает. Если он тебя принял, Нуо начинает взаимодействовать с твоим разумом, с твоим организмом. Он как бы становится частью тебя. Ты приобретаешь невероятные возможности, но также с возможностями у тебя появляется громадная ответственность. Ты становишься таким суперчеловеком или полубогом. Но твоя власть, твоя сила настолько хрупки, что лишь один неверный шаг — и ты всё потеряешь, — он замолчал.

— А вы? А-а, так вот как можно было согнуть эту монетку? Тогда, в поезде, — Виктор вопросительно посмотрел на Николаса.

— Да, — ответил тот. — У меня остались кое-какие возможности, но в основном я всё потерял, когда… — он сделал паузу, раздумывая, рассказывать или нет. — Помнишь, я спросил тебя про десять заповедей?

Виктор кивнул, и Николас продолжил:

— Работу Нуо контролируют Высшие силы, поэтому он может отличить добро от зла и, к счастью, готов творить только добро. Как только ты сотворишь что-нибудь злое, он от тебя отвернётся и впадёт в сон. И он будет спать долго, может быть, очень долго. В моём случае это было почти двадцать лет.

Виктор молчал, не перебивая, и Николас продолжил:

— Это долгая история, но ты должен её знать.

Это было в 1986 году. В Советском Союзе тогда началась перестройка, появилось много возможностей для предпринимательства. Я тогда был управляющим на одном заводе, в Англии, в городе Dartford. Слышал про такой?

— Нет, — ответил Виктор.

— Я приехал в СССР заключать договора на поставку леса. Оказался в Вологодской области. Вернее, я приезжал и раньше, ещё в 1984 и 1985 годах. Это была уже моя третья поездка. Мне в России очень понравилось. Я даже задумывался, не переехать ли сюда навсегда. Я тогда был молод, энергичен и горяч. Потом из Англии приехали ещё двое моих коллег. В России тогда было всё кувырком. Уже начинался передел собственности. Задача была поставлена контролировать отгрузку кругляка, контроль качества и транспортировку до порта в Ленинграде. Рентабельность и так была колоссальная, но мы пошли дальше. Я уговорил инвесторов не гнать круглый лес, а пилить его прямо там, на месте, и везти уже готовые пиломатериалы. Так мы сокращали транспортные расходы и ещё увеличивали прибыль. Потом я встретил Настю и сразу же влюбился. Она была такая… Такая необычная, милая и в то же время умная, и с сильным характером. Как луч света среди всего это лесного болота. С Настей мы сошлись сразу. Сначала она была у нас переводчицей. Красавица, с отличием окончила институт иностранных языков в Ленинграде. Очень талантливая девушка. Я никак не мог понять, что

она делает в этой глуши. Мы почти сразу стали жить вместе. Я звал её переехать в Лондон, когда моя командировка закончится, но она отказывалась, говорила, что любит Россию и никуда уезжать не намерена. Недолго думая, я сам собрался переехать к ней. Компромиссное решение было найдено. После окончания работы в этой деревне мы собирались переехать в Ленинград и там обосноваться. Я просто не мог дождаться, когда это свершится. Потом я взял её в долю.

Мы построили распиловочный цех, оснастили самым новым оборудованием и начали отправлять доску, брус, вагонку. Я был так горд собой, мне так нравилось рулить всем этим процессом, что я потерял всякий страх и забыл, что я здесь не хозяин, а всего лишь гость. Как оказалось, мы не только многим перешли дорогу, но и благодаря нам обанкротились несколько местных царьков. На нас стали косо смотреть, потом намекнули, что мы слишком много на себя взяли. Затем началась настоящая война.

В общем, местные лесные олигархи нам дали понять, чтобы мы убирались в свою Англию. Я тогда уже неплохо изучил местные порядки, был сильный физически, и, если я говорил нет, это означало нет. Наши партнёры тогда стали сворачивать свой бизнес. Либо продавали за гроши, либо просто бросали и уезжали. Я решил стоять до конца. Не столько из-за денег, наверное, больше из-за упрямства. Нас постоянно звали на какие-то стрелки. Мы часто дрались, и несколько раз доходило до стрельбы. Один раз местные милиционеры сказали мне, что наша компания настолько чётко себя поставила, что вроде с нами уже никакие бандиты не хотят связываться. Скажу честно, в тридцать лет мне было лестно слышать такое. Мы с Настей решили пожениться. Я сделал ей предложение, она сказала да. Я был самый счастливый человек на свете, — Николас вздохнул, сделав паузу. — На следующий день её застрелили. Потом говорили, что это была случайность, что нас хотели просто припугнуть. Как было на самом деле, уже никто не мог узнать. Позже сам момент убийства я увидел своими глазами, хоть меня там и не было.

— Вы видели?! Но как?! — Виктор в изумлении посмотрел на Николаса.

— Расскажу обязательно, но всё по порядку. Думаю, что убийство Насти — это была просто месть. И они били по самому больному. Для

меня тогда в один миг перевернулось всё. Что в жизни было дорого и ценно, просто потеряло смысл. Похоронили её, где она и родилась, в соседней деревне. Её отец сказал мне, что не винит меня, но я ему не поверил. Я бросил всё как есть: компанию, неисполненные договора. Была полнейшая апатия ко всему на свете. И тогда я ушёл в лес. Там, далеко в глуши, был старый дом лесника. Никто точно не знал, где этот дом и когда был построен. Местные поговаривали, что в нём жили призраки, и поэтому никто туда уже давно не ходил. Боялись. Это был хутор на отшибе. Чтобы до него добраться, надо было идти через лес километров тридцать или больше. Теперь ты и сам его видел. Тогда я взял с собой рюкзак еды и ушёл один. Я не знал, что там буду делать. Я просто ушёл. Меня словно что-то манило туда.

Он замолчал, посмотрел на Виктора, но тот ничего не сказал.

— Каким-то чудесным образом я нашёл это странное место. Когдапришёл в этот лесной дом, то обнаружил там старого корейца. Он жил в этой глуши уже много лет. Было непонятно, на что он существовал, чем питался. Я пришёл туда как зомби, а он был старый и больной. С виду ему было больше ста лет, хотя на самом деле гораздо меньше. Звали его Хан Хюн Ки. Видел, наверное, фотки на стенах?

Виктор кивнул:

— А я подумал, это китайцы на фотках.

— Корейцы, — уточнил Николас, — хотя, да, китайцы там тоже есть. Так вот, этот Хан Хюн Ки родился в корейском Сеуле в 1902 году. Потом его, ещё маленького, увезли в Китай. Там у них были какие-то тёрки, и родители у него погибли. Воспитывался он в одном из монастырей Тибета. Человек он был умный, идеально говорил на нескольких языках, в том числе и на русском. Хан Хюн Ки в совершенстве владел восточными единоборствами. В общем такой супермен, из голливудского боевика. В конце пятидесятых, уже после Корейской войны, он решил съездить на родину. Корея к тому времени была поделена на две, и так получилось, что его родной город Сеул находился в Южной Корее. Его духовный наставник и смотритель монастыря умирал. Перед смертью он позвал Хан Хюн Ки к себе, приказал оставить их одних и отдал ему Нуо. Он рассказал, что это такое и что с ним надо делать. Хотя никто точно не знает, как им управлять и можно ли вообще им управлять.

Хан Хюн Ки не сказал мне имени того человека, но он всегда называл его Лама. Так вот этот Лама ему сказал, что на Земле существует несколько Нуо. Никто не знает, сколько их и где они находятся. Они переходят из рук в руки. Когда ты теряешь связь с Нуо, ты всё равно продолжаешь его хранить, пока он спит. Потом ты получаешь знак, кому его передать. Ты физически не сможешь никому рассказать про него. Думаю, что даже если захочешь, то что-то тебе помешает это сделать. Да и кто в такое поверит.

— Так значит, эта встреча в поезде не была случайной? — спросил Виктор.

— Нет однозначного ответа, — сказал Николас. — Вариантов встретиться с тобой было множество. Поэтому в какой-то степени можно назвать случайной. Пути Господни неисповедимы.

— Ну и что было дальше? Тогда, когда вам отдали этот, как его? Нуо? — спросил Виктор.

— О, это было что-то невообразимое. Хотя на меня он подействовал не сразу. Сначала я что-то почувствовал. Какие-то мелочи, просто изменения в психике. Потом каждый день я стал открывать новые возможности в своём организме. Я совсем не чувствовал усталости. Я бегал быстрее лани, поднимал такие тяжести, что непонятно, как выдерживали мои суставы. Память, зрение, слух — все было идеальное. Целый месяц я жил в лесу, познавая новый для себя мир. Хан Хюн Ки хоть и не подавал вида, держался всегда бодро, но он знал, что жить ему оставалось совсем немного. Видимо, это было как-то связано с Нуо. Он рассказал мне свою историю.

В монастыре в Тибете Лама дал ему камень. Тогда Хан Хюн Ки исполнилось уже пятьдесят пять лет. Нуо не сразу принял своего нового хозяина. Знакомство тянулось больше пяти лет. Медленно, шаг за шагом Хан Хюн Ки познавал свои новые возможности. Его терпение, добрый характер и мудрость в конце концов увенчались успехом. Нуо открылся ему полностью. Хан Хюн Ки переехал в Сеул и начал заниматься благотворительностью. Он знал, что надо действовать осторожно, иначе можно было всё потерять. Работая на пределе своих возможностей, он развивал сразу несколько направлений. Медицину, лёгкую промышленность, машиностроение. Благодаря ему был построен крупнейший в Сеуле медицинский центр, несколько университетов и колледжей. Как он ни старался быть таким

серым кардиналом, но однажды попал в поле зрения Пак Чон Хи, тогдашнего президента Кореи. Они встретились, и Хан Хюн Ки стал негласным экономическим советником президента. Экономика Кореи тогда шла вперёд семимильными шагами. Весь мир смотрел на них и не мог понять как. Никто тогда не знал основной причины небывалого экономического роста. А Хан Хюн Ки знал. Но не всё шло так гладко. Сильные мира сего: президенты, генералы и управляющие крупными корпорациями — во имя глобальных целей часто приносят в жертву простых людей. Хан Хюн Ки не мог такого себе позволить, и в какой-то момент возник конфликт интересов. Через какое-то время он уже не мог контролировать ситуацию. А может, просто расслабился. Я не знаю подробностей, но… — Николас остановился, пытаясь подобрать нужные слова. — Хан Хюн Ки всегда говорил загадками, как будто чего-то недоговаривал. Не всё в его речи можно было разобрать, и приходилось самому домысливать. Он говорил, что на него были покушения и ему не раз приходилось использовать всю силу Нуо, чтобы выжить. В общем, что-то там произошло, и я думаю, не обошлось без убийства. Он не сказал об этом прямо, но я и так понял. Нуо моментально закрылся. А может, он просто посчитал, что и так уже достаточно сделал, и убийство, если оно было, стало просто финальной чертой. Это так и осталось тайной. После он был объявлен в розыск. Я думаю, искали его больше для того, чтобы разобраться в его удивительных способностях, хотя официальная версия была поиск подозреваемого в убийстве человека. Однако ему удалось бежать: сначала на Филлипины, потом, совершенно случайно, в Советский Союз. По иронии судьбы человек, которому надо было поставить памятник ещё при жизни, оказался в изгнании.

— Так сложно во всё это поверить, — тихо сказал Виктор и добавил: — Я полагаю, что догадываюсь, как и вы потеряли свой дар.

Николас кивнул и с грустью продолжил:

— Мой Нуо с каждым днём становился всё доступнее и послушнее. Когда я немного разобрался в своих ощущениях, то заглянул в тот день, когда убили Настю. И всё увидел. Всё в мельчайших подробностях. Это было какое-то умопомрачение. — Он сделал паузу, затем глубоко вздохнул и тихо сказал: — Да, я убил их всех. Всех причастных, — он поднял руки, показывая их Виктору, — вот этими руками. Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы

убить всех пятерых. На каждого по одному удару. Пришлёпнул, как комаров.

Он помолчал немного и уже спокойным голосом сказал:

— Но что сделано, то сделано. Жалею ли я об этом? Да, жалею. Надо было сдержаться. В тот же день Нуо закрылся от меня. К тому времени мои коллеги по бизнесу уже уехали домой, оставив мою долю у Василича. Когда я пришёл к нему, он отдал мне всё, не взяв себе ни цента, как я его ни уговаривал. Он сказал, что это грязные деньги и он не хочет иметь к ним никакого отношения. Когда я вернулся в лесной дом, Хан Хюн Ки уже почти не вставал с кровати. Он показал мне, где у него лежал целый ящик золота. Не знаю, откуда у него было столько слитков, я не спрашивал. А он так и не сказал. Попросил только, чтобы я потратил всё это на добрые дела. Через две недели Хан Хюн Ки умер, и я его похоронил — прямо около его дома. Перед смертью он сказал, что, так как я потерял связь с Нуо, его надо будет спрятать, а потом, через несколько лет, передать другому человеку. Я спросил, как я узнаю кому и когда, он сказал, что мне будет дан знак. Но он уже тогда знал кому. Твоё имя — это было последнее слово, которое он произнёс перед смертью. Я же взял себе денег столько, сколько можно было унести в наличке, остальное ты нашёл в погребе.

Он вздохнул:

— Это, собственно, всё, если вкратце. Потом я уехал из страны. В Советском Союзе меня объявили в розыск, поэтому оставаться дольше я не мог. К слову сказать, какие-то возможности у меня ещё остались. Приятные мелочи, я бы так сказал. И с тех пор я не был в России, — улыбнувшись, добавил Николас.

— Как не был?! — округлил глаза Виктор.

— Так не был, — мягким тоном сказал Николас. — Мы не встречались с тобой в поезде. Это были твои иллюзии. Мираж. Голограмма, если хочешь.

— А как же монетка? — Виктор почувствовал себя обманутым, как ребёнок, которому сказали, что Деда Мороза не существует.

— Вот она, — Николас протянул пятирублёвую монетку, которую всё это время держал в руке.

Виктор взял её в руки, оглядел и, улыбнувшись, спросил:

— Подменили?

Монетка была идеально ровная, без каких-либо изгибов, царапин и неровностей. Она блестела, как будто только что из-под монетного станка.

— Ничуть, — лукаво подмигнул Николас. — Уверяю, та же самая. Это всегда в нашей власти: верить в чудо или нет. Я либо никогда её не сгибал, либо только что разогнул. Но и то и другое невозможно, это тебе любой подтвердит.

— Я, кажется, понял, — сказал Виктор. — Однажды утром, когда всё только начиналось, я, скажем так, материализовал пакет молока. Он появился, словно по щучьему велению, в холодильнике, у меня дома. Но я не видел, как оно там появилось, и даже не уверен, появилось ли.

Николас кивнул:

— Так и бывает. Ты никогда не уверен, случилось ли что-то сверхъестественное или нет. Так оно работает. Помнишь, как Иисус накормил огромную толпу людей, дав им несколько рыбин и краюшек хлеба? Это разве не чудо? А выйди сегодня на улицу и спроси любого, как физически Иисус это сделал, и люди найдут тысячи материалистических обоснований невозможности чуда, либо просто скажут, что это всё выдумки и не было такого.

— Вы хотите сказать, что у Иисуса Христа был Нуо? — Виктор даже прикрыл рот рукой, как будто сказал что-то нелепое.

— Ну-у, я бы не стал так утверждать, — заметил Николас. — Однако и исключать тоже нельзя, хоть это и звучит как богохульство.

— Так, погодите, а как же билеты на поезд? Как же виски? — не унимался Виктор.

— Нет ничего проще, — засмеялся Николас. — Могу обрадовать, виски был самый настоящий, умело клонированный мной из дьютика. Я просто выбрал самый хороший, правда, половину сам выпил, — он заговорщицки подмигнул. — Билеты тоже были настоящие. Но не обошлось и без накладки. Я купил только один билет, второй был у тебя, третье место оказалось пустым, а на четвертое, — Николас озорно ухмыльнулся, — один товарищ бежал, но не успел.

Виктор вспомнил тот вечер. Как мужчина, бежавший на поезд, запнулся и растянулся на перроне и так и остался смотреть с глупым выражением лица на удаляющийся поезд,

— Так это была ваша работа? Этот парень должен был быть нашим соседом?

Николас кивнул и поправил:

— Скорее, не должен быть. Нам не нужны были свидетели. Ну, и если тебе интересна дальнейшая судьба этого товарища, то могу заверить, что он не в накладе. Он работает на «Северстали». В Москву ехал по работе, на встречу, которую всё равно отменили. Он узнал об этом буквально через несколько минут после своего падения на асфальт. На следующий день в магазине ему на сдачу дали лотерейный билет, который выиграл двадцать тысяч рублей. Вот такие вот совпадения бывают, Виктор. Если ты спросишь меня, чудо ли это, я разведу руками. Может да, а может и нет.

— Но как вообще это всё происходит? — Виктор вспомнил школьную программу по физике. — Ведь если где-то что-то появится из ничего, то где-то что-то должно пропасть? Как же закон сохранения массы, или как он там называется?

— Вещи не появляются из ничего, ты прав, — Николас оглянулся. К ним, вниз по тропинке, трусцой бежал Саймон. — Чтобы создать вот эту монетку, что ты держишь в руке, нужен материал, из которого она сделана, и нужно придать этому материалу определенную форму, при этом затратив какую-то энергию. Это как продвинутый 3D-принтер, где программное обеспечение — это ты вкупе с твоим Нуо, а материал можно извлечь откуда угодно, он у нас под ногами валяется, достаточно только изменить молекулярную структуру вещества. А энергетических полей вокруг столько, что можно сделать вечный двигатель. Но давай об этом позже.

— Там обедать накрыли, — сказал Саймон, тяжело дыша и переходя на шаг. — Отец Йоханес спрашивал, вы отобедаете с нами?

— Думаю, да, спасибо, Саймон. — Николас вопросительно посмотрел на Виктора и сказал: — Самое время подкрепиться.

Тот кивнул. Обед сейчас был весьма кстати. Столько информации, что мысли хаотично летали от одного события к другому. Надо было время, чтобы всё разложить по местам. Втроём, не торопясь, стали подниматься вверх по тропинке. Саймон шёл рядом с Николасом, приглашая того в храм на вечернюю службу. Николас согласно кивал. Виктор шёл сзади, держа в руке Нуо. Он был приятно тёплый. Надо было во многом разобраться. Если верить Николасу, то перед ним

теперь открывались безграничные возможности. Возможности сделать что? Что бы он сделал в первую очередь, если бы получил полный контроль над Нуо? Виктор до сих пор не понимал, чего реально он хочет по жизни. У него никогда не было какой-то глобальной долгосрочной цели. Это сейчас в школах и институтах детей учат ставить цели и следовать определённоиу плану в их достижении. Когда Виктор в пятнадцать лет переехал в Череповец на учёбу, ему хотелось своё жильё, машину, хотелось путешествовать. Студенческая жизнь была весёлая. Много друзей, много девчонок. Всё это закрутилось с первого дня учёбы, и его понесло по течению. Потом два года армии, и когда он вернулся, всё в стране изменилось. Кругом была коммерция, и деньги валялись под ногами — только подбирай. Что Виктор и делал. За всей этой сутолокой время пролетело незаметно, и вот ему уже тридцать пять, а цели, к которой хочется идти, так и нет.

В небольшом зале стояло несколько длинных деревянных столов, накрытых белыми скатертями. Здесь было самообслуживание. Так называемый шведский стол. Человек двадцать мужчин ходили с тарелками, накладывая себе еду. Аромат сразу пробудил аппетит, и Виктор, взяв большую тарелку, с удовольствием заполнил её разнокалиберными яствами. Помолясь, принялись есть. Виктор попробовал всего понемногу. Очень понравился суп-пюре из брокколи, потом попробовал отменное мясо на косточке. Судя по жирности — баранина. Затем с наслаждением умял целую тарелку больших тигровых креветок — давно хотел. Как говорится, поел от-пуза. Да, монахи были не такими уж аскетами. Но сейчас вроде не было никакого поста, поэтому почему бы и не порадовать себя. Как оказалось, обед был бесплатный. На выходе из гостеприимной столовой перед иконой Божьей Матери на эстетичной подставке горело несколько лампадок. Тут же стояла большая фарфоровая плошка для пожертвований. Виктор положил туда двадцатку. Почему-то появилось желание перекреститься и отвесить поклон, но он сдержался и вышел на улицу. В голове громко и с выражением пронеслось: «Это, гордыня».

Ярский оглянулся по сторонам, как будто кто-то мог услышать его внутренний голос. После обеда Николас предложил прогуляться вдоль озера и продолжить разговор. Да с удовольствием! Виктор только этого и ждал. Вопросов не уменьшилось. Их стало ещё больше.

— Вот вы говорите, что потеряли связь с Нуо, — начал Виктор, как только они отошли на достаточное расстояние, чтобы их никто не мог услышать. — Что остались только, как вы говорите, приятные мелочи.

Николас кивнул.

— Но это же не мелочи. Организовать всё, — Виктор развёл руками. — Билет на поезд, монетка, виски. Выигрыш в двадцать тысяч, в конце концов. Это же говорит о том, что вы до сих пор можете им управлять.

— Вероятно, это просто приятный бонус. К тому же основную работу проделал Нуо, как бы автономно. Я был больше зритель, чем актёр этого театра. — Николас улыбнулся. — Теперь твой ход. И как ты поступишь, от меня больше не зависит. Ни от кого не зависит. Теперь это твоя война.

— Война? — округлил глаза Виктор.

— Как у вашего певца Виктора Цоя: «Война без особых причин», — Николас сорвал яркий полевой цветок и с удовольствием стал вдыхать его запах. — Война идёт от самого сотворения мира. Война добра со злом. Она незаметная, но постоянная. В людях есть интересный ген. Ген соперничества. С одной стороны, это хорошо. Соперничая, мы идём вперёд. Цивилизация развивается. Но с другой стороны, нам приходится защищаться друг от друга. Защищаться на всех уровнях, начиная от защиты личной собственности и заканчивая глобальным военным соперничеством на уровне государств. Вот приведу простой пример. Человек работает на поле, скажем, управляет комбайном. — Николас посмотрел на Виктора, тот одобрительно кивнул.

Николас продолжил:

— Он, скажем так, производит пшеницу, продукт, который нужен людям для питания. Другая группа людей спроектировала и собрала этот комбайн. Получается, они тоже затратили свой труд и материалы на нужды человека. Все использованные ресурсы и потраченное время этих людей можно отнести к правильной стороне медали. К силам добра. А теперь возьмём пример с обратной стороны. Другой человек приехал ночью и украл этот комбайн. Увёз его за тысячу километров и стал там так же работать, делать то же самое только для других людей. Он думает, что он выиграл, бесплатно получив нужную ему технику.

Хотя на самом деле в долгосрочной перспективе он проиграл так же, как и тот, у кого он украл этот комбайн. Чтобы такого больше не случилось, теперь им обоим нужны дополнительные люди, скажем, органы правопорядка, чтобы те следили и не позволяли незаконное присвоение чужой собственности. С этой минуты для того, чтобы содержать дополнительных людей в этой цепочке, обоим комбайнёрам придётся работать больше, получая ту же заработную плату. И это простейший пример. А возьмём пример в масштабах государства. Сколько нужно затратить средств, чтобы содержать, ну скажем, один атомный авианосец армии США: А на нём, на минуточку, больше шести тысяч военнослужащих. Каждый из них ничего прямо не производит, не выращивает огурцы, не шьёт одежду, не строит жильё — ничего полезного. А сколько ресурсов надо для того, чтобы выплавить металл для этого корабля, собрать всё это новейшее оборудование и поддерживать его в рабочем состоянии? Да, можно сказать: они защищают свою страну. Но если бы тот, второй комбайнёр не украл комбайн у первого, не нужны были бы ни полицейские, ни солдаты. И тогда бы им обоим пришлось работать не пятьдесят часов в неделю, а скажем, двадцать, а то и ещё меньше. Это и есть библейский Рай, мой друг, — он замолчал.

— Но это же нереально, это же просто из области фантастики! — сказал Виктор. — Между людьми всегда были и будут споры и разногласия. А значит, должны быть те, кто будет всё это разруливать. Иначе создастся хаос.

— Всё верно, Виктор, так и есть. Мы не знаем, каков замысел Всевышнего. Ты не можешь что-то изменить глобально, но, если постараться, ты можешь изменить мир вокруг себя. Изменить в лучшую сторону. И Нуо тебе в помощь.

— Если Нуо такой сильный, — задумчиво сказал Виктор, глядя на гладь озера, — если он может вот так просто являть предметы из ниоткуда, нет ничего проще, как всё это сотворить. Ну, к примеру, о комбайнах. Можно сотворить миллионы этих новых комбайнов. Всем хватит, и никто ни у кого не украдёт. Так же можно сделать и всё остальное. Такое великое изобилие во всём мире. Или нет? — он посмотрел на Николаса.

Тот улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Это можно сделать только на местечковом уровне, при этом не ущемив ничьих интересов. Запомни, ты не можешь влиять на ход событий, не можешь мешать жить и работать добропорядочным людям. Смотри, если какое-то предприятие делает эти комбайны, раз уж мы продолжаем брать их как пример, а ты будешь штамповать их тысячами с рентабельностью в плюс бесконечность, ты нарушишь баланс. Тысячи людей останутся без работы. Предприятия обанкротятся. Но, думаю, до этого не дойдет, Нуо просто не даст тебе этого сделать. И кстати, не думай, что ты вот так просто сможешь что-то создать, не понимая всех узлов и механизмов устройства. Я не уверен, но думаю, что можно сделать какую-то запчасть от комбайна, но не сам комбайн. Или ты должен быть как минимум его конструктором. И как я полагаю, основная прерогатива Нуо — это не наводнить мир дополнительными вещами, которых, если надо, Бог и так может сделать в неограниченном количестве, а просто выровнять перекосы. Возможно, помочь социально незащищённым людям материально или поднять их социальный уровень. Конечно, если они этого заслуживают. Я не знаю точно, просто предполагаю, так что всё это только мои домыслы, не более. Думаю, если ты всё будешь делать правильно, то через несколько месяцев будешь знать про Нуо на порядок больше меня. Не так уж хорошо я его и изучил, — он опять грустно вздохнул. — К сожалению, не успел.

— А есть в мире ещё люди? Может, вы слышали ещё о ком-нибудь, у кого был или сейчас есть Нуо? — спросил Виктор.

Николас утвердительно кивнул.

— Одно время я следил за всем экстраординарным, происходящим в мире. Я внимательно читал всё, что обычные люди относили к небылицам. Много случаев про НЛО, про странные находки и аномальности. В основном, это были фейки. Просто кто-то хотел привлечь к себе внимание. Среди прочего меня заинтересовала одна дама. Это была красивая темнокожая девушка. Родилась и выросла она в городе Аккра. Это столица африканской Ганы. В середине девяностых, она засветилась в штате Калифорния, попросив там убежища. Ни полиция, ни иммиграционный сервис не могли добиться от неё, как она приехала. У неё не было ни одного документа, она официально не пересекала границу США, ни даже Канады или Мексики. На вопрос, как она здесь очутилась, она на слабом

английском сказала, что из Ганы прилетела по воздуху, на своих крыльях. Один из официальных языков Ганы — английский, но понять её было не так просто, так как говорила она на местном диалекте. Её терпеливо выслушали — работа такая. Ребята там подкованные, уже вдоволь насмотрелись на разных заморских чудиков, поэтому её отправили прямиком в психушку на экспертизу. Там её обследовали и признали не только полностью нормальной, но грамотной и образованной девушкой. Когда через несколько дней она снова оказалась в иммиграционном офисе, то, к удивлению служащих, говорила уже на идеальном английском без акцента, используя в разговоре словарный запас выпускника Гарварда, не менее. Девушка быстро получила GreenCard, потом гражданство и через три года уже была в середине списка «Форбс». Она преуспела как венчурный инвестор, успешно продавая IT-шные стартапы в Кремниевой долине, так и в шоу-бизнесе, став топ-моделью, постоянно мелькая на обложке то одного журнала, то другого. Странно, что она не скрывала свой Нуо и всегда носила его на своей роскошной груди. Он был не такой, как твой. Её Нуо был розового цвета, меньшего размера и немного другой формы. Но сомнений быть не могло, это точно был он. Если ты слышал о сильнейшем росте доткомов в конце девяностых, то могу заверить, что здесь не обошлось без её участия. Весной двухтысячного года я полетел в Америку. С большим трудом, но всё же мне удалось встретиться с ней. Я заплатил за благотворительный обед около пятидесяти тысяч долларов, чтобы мы с ней смогли оказаться за соседними столиками. Зачем? Мне даже не ответить. Хотелось познакомиться с ней поближе, хотелось ещё раз прикоснуться к этому чуду. Но стоило мне заговорить с этой дамой, она раскусила меня почти сразу, поняв, что я не такой, как все, что знаю её секрет. В её глазах была такая решительность, что я понял: она пойдёт на всё, чтобы, — Николас запнулся, — чтобы сохранить свою тайну. Мы перебросились всего парой фраз, и она, вежливо извинившись, сказала, что отойдёт на минутку. Больше я её не видел. Она пропала отовсюду, как будто бы её никогда не существовало. Я листал журнал «Форбс» — там её тоже не было. Это как… как если бы можно было вернуться назад и поменять историю. Кстати, в тот момент индекс NASDAQ в моменте рухнул процентов на двадцать. Аналитики тогда лили в уши разный бред, придумывая различные версии резкого

падения доткомов, но никто не знал основную причину. Простая девушка из африканской Ганы. Кто бы мог подумать. Где она сейчас, под каким именем и в какой стране живёт, я не знаю. Вот такие чудеса.

***

В день отъезда Виктор вызвался отвезти Николаса в аэропорт. До Хельсинки путь был неблизкий, около четырёхсот километров, но это нисколько не напрягало. Напротив, Виктор радовался возможности побывать в столице Финляндии. Также общение с Николасом доставляло удовольствие и пролило свет на многие вопросы. Поблагодарив отца Йоханеса за гостеприимство, ранним утром двинули в путь. Виктор был на позитиве. Финляндия, с её идеально ровными дорогами, всё больше ему нравилась. Всё было такое чёткое, такое эстетичное, что не могло не радовать глаз. Машин на дорогах было мало, и Виктор уже перестал удивляться тому, что все они идеально чистые, как легковые, так и траки.

Заехали на заправку Neste, залили полный бак. Николас оплатил картой, по пути купив разных шунди-мунди, типа чипсов, печенья и мятных леденцов. Когда выехали на дорогу, Виктор протянул ему деньги:

— Возьмите, у меня же есть, чего это вы будете платить.

Но Николас махнул рукой:

— Успеешь ещё потратить свои деньги. На обратной дороге будешь платить. И кстати, хватит уже мне выкать, давай уже на «ты».

— Хорошо. На «ты» так на «ты», — кивнул Виктор, затем задал вопрос, давно уже вертевшийся в голове: — А как ты их? Ну, ты сказал, прихлопнул? Парней этих. Просто я же с Василичем разговаривал. Он мне рассказывал, что их нашли мёртвыми у себя в офисе, или где там они тусовались. У них не было ни синяков, ни царапин. Не то чтобы мне интересны подробности, просто… разве так бывает?

— Да, бывает. Думаю, тебе надо это знать, — сказал Николас. — Когда я открыл дверь и вошёл к ним в контору, они сидели и пили крепкий чай, как-то они его называли, по-своему. Не помню.

— Чифирь — подсказал Виктор.

— Вот, точно, чифир, вспомнил. Они посмотрели на меня. Все были слегка удивлены, но никто не испугался. А чего меня бояться? Я один, их пятеро. Один даже пошутил, мол: оба-на, вот и иностранец

наш нарисовался. А почему ещё не в тюрьме? Я стоял в дверях и просто смотрел на эти довольные лица, опьянённые своей безнаказанностью. Тогда у меня пропали остатки сомнений, правильно ли я поступаю. Сначала у меня была мысль просто застрелить их всех. Пистолет у меня был, и мне с моей реакцией и скоростью не составило бы ни малейшего труда это сделать. Но потом в памяти всплыли отрывки из того, что я слышал или читал где-то — про смертельный удар в грудную клетку. Это было давно и расплывчато, но при помощи Нуо за долю секунды я вытащил из глубин разума всю информацию. Более того. Я узнал даже то, что, скорее всего, не знает ни один человек на земле. Если ударить точно и сильно в определенное место в момент, когда клапан выплеснул очередную порцию крови в аорту, произойдёт кратковременная остановка сердца. Если ещё вложить в удар Z-энергию, то сердце остановится навсегда. Сердечную мышцу просто парализует.

— Что за Зэт энергия? — перебил Виктор.

— Z-энергия ещё не изучена и даже не открыта на Земле. Примерно через сто лет ею будут пользоваться вместо наркоза. Это станет очередным прорывом в медицине. Тогда, стоя на пороге в дверях, я за долю секунды изучил курс, на который студенты мединститутов будущего потратят годы. Я не стал ничего им говорить, никаких пафосных речей, как в таких случаях делают герои боевиков. Просто подошёл к одному и ударил его открытой ладонью в область сердца. Он тут же упал замертво. Время для них шло примерно в десять раз медленнее, чем для меня. Как в замедленной съёмке я видел сползающие с лиц улыбки. Когда ударил второго и он медленно стал сползать на пол, вместо улыбок было чистое удивление и растерянность. Третий и четвёртый последовали за первыми. Потом меня опять стали одолевать сомнения и даже страх. Я понимал, что делаю что-то ужасное. Для них всё это длилось несколько мгновений, а для меня почти целую минуту. Я уже понимал, что сделал непоправимое, но останавливаться было поздно. Последний, пятый парень оказался самым здоровым из них. Я ударил его и то ли промахнулся, то ли мои сомнения уменьшили количество Z-энергии. Он стоял у стены, медленно сползая, и хватал ртом воздух, как рыба, только что вытащенная из воды. Меня охватил ужас. Ужас и отвращение к самому себе. Я был как маньяк, целенаправленно и

хладнокровно убивающий своих жертв. Время — моё и его — сравнялось и стало течь один к одному. Мы смотрели друг на друга, и я понял, что ещё немного — и я не смогу его убить. Тогда я что есть силы ударил его кулаком в грудь. Что-то хрустнуло, и он упал замертво.

— Меня сейчас стошнит, — тихо сказал Виктор. Его правда слегка мутило от такого рассказа.

— Что есть, то есть, и этого уже не изменить. Мне приходится жить с этим, — сказал Николас и добавил: — Наверное, ты должен был это услышать, чтобы… Чтобы не повторять моих ошибок.

Потом долго ехали молча. Когда до Хельсинки оставалось меньше пятидесяти километров, у Виктора появилось неприятное чувство, что он не успел спросить что-то важное.

— У тебя есть какой-нибудь номер, куда можно позвонить? — спросил он у Николаса.

— Да, конечно. — Николас взял смятый листок, который Виктор использовал как самодельную карту Финляндии, и написал свой номер телефона. — Но я не думаю, что смогу быть тебе ещё чем-то полезен.

— Кто знает, — сказал Виктор, сворачивая с E-75 в сторону International Airport Vantaa, — всё может быть.

Когда Николас помахал ему на прощание рукой и скрылся в здании аэропорта, Виктор опять почувствовал какую-то недосказанность. Но в этот раз добавилось странное чувство тоски и обречённости. Вроде бы всё нормально: встретились, душевно пообщались — но чувство, как на войну проводил. Он потряс головой, стараясь выгнать негативные мысли и прислушался к Нуо. Тот молчал.

Глава 8

Глава восьмая. Домой

Проводив Николаса, решил проехаться по центру Хельсинки. Интуитивно добрался до старого города. С парковкой здесь была просто беда, но в конце концов нашёл. Пешим ходом через какое-то время оказался на набережной. Здесь стояло несколько огромных белых красавцев-паромов. Виктор прочитал на двух из них названия: Stena Line и Finnlines. Почему-то сразу захотелось прокатиться на таком. Эти теплоходы выглядели так могущественно и в то же время изящно, что Виктор не мог оторвать от них взгляд. Побродив бесцельно по набережной, купил пару магнитиков в туристическом бутике. Здесь же купил дорожную карту Финляндии, усмехнувшись про себя: «Вот, уже домой ехать, самое время карту приобрести».

По набережной гуляло множество туристов, и Виктор подумал, что Аньке бы здесь, пожалуй, понравилось. Но Анька сейчас грела зад где-то в Италии, а может, уже вернулась. Счёт дням потерялся. Да и бог с ней, с Анькой, их дорожки теперь разошлись навсегда. Виктор резко развернулся и быстрым шагом направился в сторону своей запаркованной «Нивы».

Уже вечерело, когда он подъехал к супермаркету, сверкавшему яркими рекламными огнями. Это был город Котка. Денег оставалось ещё много, и Виктор набрал целую тележку всякой еды. Десяток различных сыров, копченых колбас, соков и сладостей. Просто ходил по рядам и, как голодная ворона, сгребал разные капиталистические продукты в ярких упаковках. Хоть не с пустыми руками домой ехать. Вышло больше ста евро. Свалив всё это добро в багажник, поехал в сторону перехода в матушку-Россию со смешным названием Торфяновка. Когда он подъехал к границе, его ждало большое разочарование. Очередь была километра на два, если не больше. В основном машины на транзитах. Виктор спросил у парня, который стоял перед ним на свеженькой Toyota RAV-4, что это за столпотворение. Тот сказал, что это обычная очередь, в основном из перегонщиков, и за пять-шесть часов, скорее всего, проскочим. Так и получилось. И когда Виктор через пост в Торфяновке заехал в РФ,

было уже далеко за полночь. Через несколько километров слева появилась заправка Лукойл и довольно симпатичный одноэтажный мотельчик. Посчитал деньги. Хватало только на бензин. После того, как заправил полный бак, оставалась какая-то мелочь в евро-центах и триста рублей отечественными. Остановился под ёлочками на парковке. Опять пришлось ночевать в машине. Что ж, не привыкать. Из багажника доносился ароматный запах буженины, но спать хотелось больше, чем есть, поэтому моментально вырубился и проспал до рассвета.

Утром выехал по пустой трассе. Старался держать не больше девяноста. Бензина было впритык и даже при небыстрой езде вряд ли хватало до Череповца. Было бы неплохо подобрать какого-нибудь попутчика и содрать с него рублей пятьсот, тогда бы получилось точно в ёлочку. Виктор в очередной раз задумался о своей привычке сначала что-то делать, а уж потом думать. Вот почему он не оставил лишний полтинник евро в магазине, где, как голодный, сметал с полок всё, что под руку попадётся? Ведь прекрасно знал, что надо будет как минимум два раза заправиться. Нуо молчал, не подавая никаких признаков жизни. Виктор трогал его время от времени, уже не ощущая знакомого тепла. Камень как камень. Прислушивался к своему сознанию, пытаясь выудить из глубин что-нибудь необычное. Ничего. Когда, проводив Николаса, Виктор отправился в обратный путь, первое желание было добраться до Питера и попробовать поискать угонщика «мерседеса» Матвея Большакова. Очень хотелось с ним пообщаться. Но теперь, подъезжая к кольцевой, он понимал, что при таком игноре со стороны Нуо сделать ничего не сможет. Перед КАДом была пробка. Протолкавшись с полчаса, вырулил на «бабочку» и влился в поток кольцевой автодороги. Справа от КАДа вдалеке виднелся район Парнас. Серые многоэтажки, похожие одна на другую, росли как грибы. Питер строился колоссальными темпами. Чуть подальше слева показались Муринские человейники. Жизнь здесь кипела вовсю, не то что в сонной Финке. Вот и Мурманка. Задумавшись, Виктор чуть не проскочил поворот, резко перестроился и тут же был обруган продолжительным сигналом.

— Ладно, ладно, прости, братан, — вслух сказал он, глядя в зеркало заднего вида на сердитого дядьку в каком-то джипе. — Ишь нетерпеливый какой! — Виктор моргнул аварийкой: типа, сорри.

Мурманское шоссе на выезд из города ещё не было сильно загружено, но Ярский в эконом-режиме, со скоростью девяносто тащился в правой полосе. В посёлке Разметелево, на развилке, стояла машина ДПС. Виктор ещё издалека заметил, как дэпээсник, держа двумя руками радар, перегнувшись через капот, целил в него. Второй, лениво помахивая полосатой палочкой, поглядывал по сторонам в поисках жертвы невнимательности. «Нива», накатом, плавно снижая до восьмидесяти, проехала мимо патрульных. Чуть поодаль на автобусной остановке голосовала девушка. Виктор ещё сбросил скорость, приглядываясь. Блондиночка невысокого роста, милое личико, шикарная фигурка, в голубых джинсах и лёгкой белой ветровке. Не девочка, а мечта. Никаких авосек и чемоданов рядом не было, кроме миниатюрной женской сумочки на тонком ремешке через плечо. Она, скорее, походила на проститутку, чем на пассажирку-автостопера. Виктор уже собрался нажать на газ и проехать мимо, но в последний момент что-то в её взгляде заставило его остановиться. Девушка была явно чем-то напугана, постоянно озиралась по сторонам, вглядываясь в каждую проезжающую машину. Нажал на кнопку стеклоподъёмника. Правое стекло бесшумно опустилось. Девушка подошла, внимательно его разглядывая.

— Подвезёте? — спросила она.

Совсем ещё малышка, лет шестнадцать не больше. Видно было, что ей надо уехать отсюда поскорее и в то же время она боится садиться в машину к незнакомому мужику. Ему почему-то стало смешно.

— Подвезу, — с улыбкой сказал он, нагнувшись и открывая переднюю дверь.

Она помедлила ещё пару секунд, что-то для себя решая, потом, игнорируя приглашение, открыла заднюю и забралась туда. Виктор, ухмыльнувшись, хлопнул дверью и, включив сигнал поворота, вырулил на трассу. Девушка продолжала время от времени оглядываться в заднее стекло, потом, покопавшись в своей сумочке, спросила:

— У вас курят?

— Нет! — резким тоном ответил Виктор, возможно, более резко, чем следовало.

Он уже пожалел, что посадил попутчицу. Эта малолетка, походу, была та ещё заморочка. Из тех, что на постоянной основе умудряются найти проблемы на свою пятую точку, а заодно и втянуть в свои проблемы окружающих.

Она сидела, уставившись в окно, и больше ничего не говорила. Долго ехали молча. Виктор думал о Нуо, о Николасе, о тех необычных вещах, которые случались у всех на виду и в то же время где-то далеко. Странно, что за свои тридцать пять лет он не только ни разу не был свидетелем таких вещей, но даже не слышал и не задумывался об их существовании. И тут судьба его свела с человеком, который и сам был участником сверхъестественных событий, и знал столько, что…

— Вы прямо поедете? — перебила его мысли девушка.

Подъезжали к развилке, направо — А-114 на Вологду, прямо — на Лодейное Поле и дальше на Мурманск. Виктор, витая в своих мыслях, опять чуть не проскочил поворот.

— Не, я направо, на Вологду, а тебе куда?

— Это хорошо, мне тоже в сторону Вологды, — сказала девушка.

Она уже освоилась на заднем сиденьи, успокоилась и, похоже, чувствовала себя достаточно комфортно. Голос был уверенный, спокойный и какой-то знакомый. Вернее, Виктор заметил очень знакомые, давно забытые нотки из детства.

— В Вологду, получается, едешь? — спросил он, бросив беглый взгляд на уже знакомый шиномонтаж, где несколько дней назад менял колёса. Проезжали деревню Иссад. Она промолчала, не ответив, как будто не могла придумать, куда едет, и у Виктора опять зазвенел тревожный колокольчик. «Странная девчонка», — пронеслось в голове. Посмотрел в зеркало заднего вида. Она продолжала безучастно смотреть в окно, потом перевела взгляд на зеркало, и их глаза встретились. Теперь Виктор вблизи увидел, какая красивая она была. Идеально правильные черты лица — хоть картину рисуй.

— В Череповец еду, — сказала она наконец и добавила: — Наверное.

— Наверное? — засмеялся Виктор, повернувшись назад, в упор посмотрел на неё, и вдруг его осенило. Он понял, почему её голос показался таким знакомым. Это не голос, а наречие. Так говорили в Белозерске, на его родине.

— А-а-а-ай, на дорогу смотрите! — она испуганно показала рукой на лобовое стекло.

Виктор повернулся обратно. Навстречу, обдав их ветром, пролетела фура. Затем он спросил:

— А ты случайно не из Белозерска?

— Да, — удивилась она. — Из Нижней Мондомы. А как вы узнали?

— По акценту, — усмехнулся Виктор. — Я сам в Белозерске вырос. В Питере учишься?

— Пока не учусь, — неуверенно сказала она. — Поступаю. Вернее, не поступила. Отстой, в общем.

— Жесть, — согласился Виктор. — А тебя как-нибудь зовут?

— Настя, — сказала она, улыбаясь такой постановке вопроса. — А вас?

— Меня Виктор, — представился он. — На кого поступала, если не секрет?

— Не секрет. Институт иностранных языков, на переводчицу — сказала она. — Но не хватило баллов на бюджет, а платку мне не потянуть.

— Я понял, — кивнул Виктор. — Жалко, конечно. Но не отчаивайся, может, на будущий год повезёт. А чего ты, кстати, налегке? Смотрю, без багажа.

— Да так, — уклончиво ответила Настя, — так получилось, спонтанно собралась. — Помолчала немного, потом сказала: — Так не хочется домой возвращаться.

— Чего возвращаешься тогда? Оставалась бы в Питере, устроилась бы в «Макдоналдс», через год бы ещё раз попробовала.

Она открыла рот ещё чего-то сказать, но только махнула рукой и опять уставилась в окно. Виктор посмотрел на приборы. Стрелка топлива медленно, но верно приближалась к нулевой отметке. С минуты на минуту должен был загореться резерв.

— Анастасия, — сказал он, — неудобно, конечно, но хотел спросить. У тебя рублей пятьсот одолжить можно? Просто надо заправиться, а я почти на нуле.

Она порылась в своей сумочке, достала четыре сотенные:

— Вот четыреста рублей. Это всё, что есть. Извините, нет больше.

Было ужасно стыдно, но Виктор взял протянутые деньги. Появился знак: отворотка на Тихвин. Повернул на заправку, достал все деньги, что были. Басурманской мелочи насобиралось чуть больше десяти евро и отечественными семьсот рублей. По идее, теперь должно хватить до дома. На заправке было несколько легковых машин. Виктор попробовал продать свои десять евро, но все водители как-то настороженно отказывались. Подошёл к дальнобою на фуре, заправлявшему древнюю «Сканию».

— Слушай, братан, не выручишь? Евры купи, а то заправиться не на что, — Виктор протянул горсть мелочи.

— Сколько надо-то? Я в них не понимаю, — водила снял грязные рукавицы и пошёл к кабине.

— Да рублей триста если дашь, будет супер, — обрадовался Виктор.

Мужик протянул Виктору пятьсот рублей:

— Бери, чтоб наверняка, или ещё дать?

— Хватит, хватит, — было страшно неловко, но вопрос надо было решать, так что, как говорится, не до жиру.

Виктор протянул мужику мелочь, но тот отказался:

— Да на фиг они мне. Бери так, будет у меня проблема — ты мне поможешь.

Вот она, шоферская взаимовыручка!

— Погоди-ка минутку, — Виктор, вернувшись к своей «Ниве», открыл багажник, зацепил полные руки первых попавшихся деликатесов и отнёс водиле. — На, братан, вот тебе тут вкусняшки импортные, с чаем полакомишься.

Тот поблагодарил:

— Да нешто бы, но спасибо.

Пока заправлялся, Анастасия стояла в сторонке и дымила свою сигарету. Виктор пригляделся к ней. Нет, ей явно было не шестнадцать, как показалось вначале. Девушка, похоже, уже много чего повидала. Такой взгляд и манера общения была у детдомовских. Виктор сам был такой. Когда выехали, он спросил:

— Анастасия, покушать нет желания?

— Да, я бы перекусила, а то с утра ничего не ела, — обрадовалась она.

— Денег у нас нет, — констатировал Виктор, — но есть полный багажник еды, так что можно посухомятничать, если есть желание.

— Давай… — сказала она и тут же добавила: — …те.

— Да можно и на «ты», — улыбнулся Виктор — Я хоть и пожилой, но ещё не старый. — И неожиданно спросил: — А тебе сколько лет? — Засмеялся и тут же поправился: — Сорри, вырвалось.

— Мне восемнадцать, — сказал она, и добавила: — Будет через месяц.

Съехали на лесную стоянку. Солнце уже клонилось к закату, освещая прекрасный сосновый бор, дул лёгкий ветерок, птицы, перекрикивая друг друга, свистели на все голоса. Виктор взял коробку сока, накидал в пакет импортных пряников с начинкой, плавленых сырков, салями и, кивнув Насте на деревянный столик под деревьями, направился накрывать обед.

— Красиво-то как здесь, как дома! — сказала Настя, намазывая сыр «Виолу» на ароматный бублик. — Люблю на природе кушать.

— Ага, — кивнул Виктор, отпивая ананасовый сок из литрового пакета. — Так чего там случилось-то в Питере, что убежала, сломя голову?

Она сразу перестала жевать и посмотрела на Виктора:

— Ничего не убежала. Просто… — Она перевела дыхание. — Да козёл там один достал. Думала, нормальный парень, а он козлина оказался.

Виктор кивнул. Было ясно, что девчонка, скорее всего, деревенская глупышка, попала на развод в большом городе. Как он и понял с первого взгляда, видимо, заморочка ещё та. Теперь не знает: то ли домой ехать, то ли ещё куда.

— В Череповце у тебя друзья, я так понимаю? — спросил он.

— Да нет никого, — в сердцах сказала она. — Домой просто ехать неохота. Я мамке побоялась сказать, что не поступила, думала, она орать будет. Да и вообще, они там с отчимом бухают постоянно, — она замолчала.

— Ладно, не парься, лучше лопай вон бублики. — Виктор посмотрел на неё. Ребёнок ещё совсем, а хочет казаться взрослой.

Пока Настя уплетала заморские угощения, Виктор откинулся на спинку скамейки и, прикрыв глаза, опять вспоминал рассказы Николаса. В памяти всплывал то один эпизод, то другой. Вдруг на

груди он почувствовал приятное тепло от Нуо. Какое-то радостное спокойствие растекалось по всему телу. Виктор не заметил, как расплылся в улыбке. Открыл глаза и увидел, что Настя с набитым ртом смотрит на него во все глаза и тоже улыбается. И тут в мозгу чётко, как пазлы в тетрисе, встали рядом имя Настя и Институт иностранных языков. Где-то он уже это слышал. Конечно, девушка Николаса, Настя, тоже там училась и даже окончила с отличием! Возможно, совпадение, но в последнее время в совпадения верилось с трудом. Попробовал мысленно поговорить с Нуо, задав вопрос прямо: «Нуо, эта девушка, Настя, у неё, походу, проблемы какие-то?»

Внезапно всё смолкло. Лес затих, перестали петь птицы. Виктор открыл глаза и увидел, что Настя напротив него замерла с пакетом у рта. Тонкая струйка сока из пакета висела в воздухе неподвижно. Время остановилось — Виктор осознал это сразу. В теле появилась необычайная лёгкость, и всё вокруг пропало. Он как будто бы оказался один, сидящий на первом ряду в тёмном кинозале. Вокруг был яркий экран, он был везде: впереди, сзади, с боков и сверху. Он не видел экран глазами, он чувствовал изображение, слышал звук, осязал запахи и прикосновения. Он находился внутри этого экрана. А на экране была его новая знакомая, пассажирка Анастасия.

Она не поступила. Грустно идёт по оживленной питерской улице, рядом с ней идут ещё несколько девчонок. Все разговаривают, что-то обсуждают, а она идёт молча, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься. Потом уже другая улица, она заходит в офис устраиваться на работу. Нет, это не офис. Виктор уже понимает, что это, но не хочет верить своим глазам. А Настя пока не осознала, что она идёт в эскорт-сервис. Салон интим-услуг. В объявлении написано: работа для иногородних, возможно проживание. Интеллигентный человек лет сорока, смугленький, похоже, из южан, объясняет ей, что ничего особенного в этом нет, заработки отличные, работа непыльная, даже чего-то заливает про карьерный рост. Она отрицательно мотает головой и уходит. Но Виктор уже знает, что это не конец. Вот она уже живёт вдвоём с другой девушкой в двушке с шикарным интерьером. Они обе — девочки по вызову. Обе несовершеннолетние. Он проматывает день за днём, мелькают квартиры, загородные дома. Виктор мотает быстрее — и вот оно, сегодняшнее утро. Тот же мужик, но теперь он суровый и сердитый, везёт её на машине. Настя мотает головой и говорит:

— Нет, мы так не договаривались, я не пойду туда.

— Пойдёшь, без вариантов, они уже заплатили.

— Мы не договаривались, что я пойду на субботник, нет-нет-нет! — она отрицательно мотает головой.

Мужик, не отрывая взгляда от дороги, правой рукой наотмашь бьёт её по лицу.

— Ты мне должна, и ты пойдёшь туда, куда я скажу. Скажу на субботник, значит, пойдёшь на субботник.

Она закрывает лицо руками и больше ничего не говорит. Виктор трясёт головой, и экран пропадает. Он открывает глаза и видит перед собой Настю. Он чувствует у себя на груди обжигающе горячий Нуо. Сердце бешено колотится, дыхание как после марафона. Виктор молча смотрит на Настю, а она, удивлёнными глазами на него.

— У тебя такой вид, как будто ты привидение только что увидел, — улыбаясь, говорит она. — Фу-у, я, кажется, объелась, всё такое вкусное. А ты чего не ешь?

— Не хочется. — Виктор наконец совладал с собой, взял пакет с остатками сока, допил.

— Микробами обменялись, — улыбнулась Настя, показывая на коробку сока.

Виктор кивнул.

— Точно. Ну чего, поехали?

— Поехали, — беззаботно ответила Настя. — Собирай тогда пока всё, а я пойду пописаю, — и направилась в лес.

Виктор только головой покачал. Такая она была непосредственная и в то же время настоящая, неподдельная. Он смахнул крошки со стола и стал собирать остатки еды в пластиковый пакет.

Когда выехали, Нуо уже принял температуру его тела, но то место, где он касался кожи, слегка жгло, как после горчичника. Настя теперь сидела на переднем пассажирском сиденьи и щёлкала каналы на FM-радио.

— Настя, пристегнись, — сказал Виктор, и она послушно защёлкнула ремень.

Только что увиденное не выходило из головы. Получается, что она успела поработать проституткой чуть меньше двух месяцев. Возможно, месяц. Но неужели эти парни ничего не боятся? Это же

стопудовая уголовка, не говоря уже о нравственной стороне. С этим миром определённо что-то не так.

Солнце почти скрылось за деревьями, и Виктор подумал, что, когда приедут в Череповец, будет уже совсем поздно. Настя нашла иностранную музыку и тихонько подпевала. Судя по всему, идти ей было некуда, но, похоже, она вообще не парилась по этому поводу.

— Тебя куда в Череповце отвезти? — как бы между делом спросил он. Настя слегка сжала губы, Виктор заметил, как она напряглась. — Да я даже не знаю. Может… Я как-то об этом не подумала. Очень быстро собралась.

Виктор кивнул:

— Ладно, что-нибудь придумаем. Слушай, а может, тебя домой в Мондому отвезти?

Она отрицательно замотала головой:

— Только не это. Туда я не поеду, нет-нет-нет! Лучше обратно в Питер уеду, чем в деревню.

— Я в Белозерске вырос, — спокойно сказал Виктор, — в Череповец переехал, когда мне ещё шестнадцати не исполнилось. Тоже не было здесь ни друзей, ни знакомых. Как-то потихоньку обосновался. Главное — на правильный путь встать. А если будешь постоянно косячить, лезть во всякие непристойности, то, поверь, хорошо это не закончится.

Виктор бросил взгляд на девушку, и она на удивление слушала и, походу, даже соглашалась.

— У тебя семья есть? — вдруг спросила она.

— Нет, один я живу, даже ни кота и ни собаки. А у тебя? — Виктор сначала хотел сказать, что да, мол, жена и четверо детей, но сообразил, что сейчас не время так шутить.

— А у меня собак есть, но старый очень, Джеком зовут, — сказала она. — Папа умер три года назад. Мать и при нём-то выпивала частенько, а после его смерти снюхалась с дядей Толей. Не просыхают неделями. Я сначала думала в Череповец в ЧГУ поступать, а папа хотел, чтобы я на переводчика выучилась. Он учителем английского языка работал. Говорил: Наська, будешь иностранные языки знать, нигде не пропадёшь.

Виктор вздрогнул при слове «Наська». Значит, не случайность. Кивнул, но перебивать не стал.

— А я приехала в Питер, документы подала, а там конкурс такой, что сразу было ясно, что не поступлю. Да и платно тоже не так просто. А ещё за аренду комнаты платить. Я только из-за папы и поехала. Обещала ему, что поступлю. Но не получилось.

— На будущий год поступишь, — заверил Виктор.

— Думаешь? — она посмотрела на него. — Не знаю, я уж думала, если высокооплачиваемую работу найти, денег накопить и потом поступить на платку.

— Где ж её найдёшь, высокооплачиваемую? — ухмыльнулся Виктор.

Она сжала губы и ничего не сказала. Повернули на Череповец. Виктор сбросил скорость на знаке сорок в Тоншалово.

— Ну что? — сказал он. — Вот и дотянули. Вишь, как хорошо. Бензина хватило, даже, вон, осталось ещё. Выручила ты меня, — подмигнул он.

— Это вы меня выручили, спасибо, — снова переходя на «вы», сказала Настя.

Видно было, что у неё на языке вертится попросить как-нибудь где-нибудь заночевать, но не решалась. Виктор решил разрядить обстановку:

— Слушай, Настя, я в однокомнатной квартире живу, места там не особо много, поэтому, если хочешь, можешь у меня в машине поспать. Я во дворе поставлю, а ты спи хоть до самого утра, — и он, сделав серьёзное выражение лица, притормозил на перекрёстке, держа руль двумя руками.

Настя в упор посмотрела на него, не понимая, шутит или нет. Насупив брови, он включил левый поворот, с Кирилловского поворачивая на Северное шоссе, в сторону заречья. Настя продолжала не отрываясь смотреть на него и неуверенно сказала:

— Спасибо… это здорово. В машине я никогда ещё не ночевала. Хорошо.

Тут он не выдержал и, хлопнув обеими руками по рулю, громко рассмеялся. Она тоже заулыбалась, потом ладошкой легко ткнула его в плечо.

— А я ведь, наивная, поверила. Ты такой строгий был. Представила даже, как я в машине сплю, кругом люди ходят. Ну а чего, всё лучше, чем на улице. Ну, правда-то?

— Так чего правда-то? — Виктор перестал улыбаться. — Можешь заночевать у меня. Завтра будем чего-нибудь придумывать. Сегодня чего, ночь уже. А маме всё равно придется говорить, что не поступила. По-другому никак. Враньё, оно никогда до добра не доводит.

— Спасибо тебе, — тихо произнесла она. — Правда, спасибо большое.

— Как говорил один мой друг, «должен будешь», — сказал Виктор и подмигнул.

Повернул во двор своего дома на Юбилейной и аккуратно втиснулся на единственное пустое место.

— Вот и приехали, — констатировал он.

Распихав упаковки с продуктами по пакетам, пошли наверх.

— Я дома бываю набегами, поэтому не пугайся моей берлоге, — сказал Виктор, открывая дверь.

— Ничего себе берлога! — Настя разулась и по-хозяйски пошла осматривать квартиру. — Да тут у тебя места — можно впятером жить. Здорово! Мне нравится, — она села на диван и откинулась на спинку.

— Вот не надо мне тут впятером, — нарочито строго сказал Виктор. — Короче, выбирай, где будешь спать: диван, кровать. Бельё в комоде, там же полотенца. В кухне разберёшься, не маленькая. Туалет, ванную найдёшь. Дома не курить, на балконе тоже. А лучше вообще нигде не курить.

— Бу бу бу, — сказала она и высунула язык.

Виктор покачал головой и в очередной раз понял, что проблемы у него с ней ещё будут. Оставив Настю одну, пошёл на кухню раскладывать привезённые продукты.

— Я в душ пошла, — крикнула Настя из комнаты. — Может, халат какой есть, а то у меня ведь ничего с собой.

— Там же в комоде поройся, — ответил Виктор. — Вроде в нижнем ящике.

Пока Настя плескалась в ванной, Виктор пытался набросать какой-никакой план на завтра. Денег нет. Работы нет. Идей тоже никаких нет. Ещё малолетку заморочную в дом притащил. Вот куда её девать? Попробовал мысленно обратиться за советом к Нуо, но тот, хоть и был тёплый, пока помалкивал. Виктор закрыл глаза, представил, как в сейфе лежат деньги. Плотно перевязанная банковской лентой пачка тысячных купюр. Сто тысяч рублей. Для верности опять

обратился к Нуо, мысленно сказав: «Слушай, если мы с тобой теперь друзья, то должны помогать друг другу. Видишь, я приволок домой эту девку. Я просто иду по пути наименьшего сопротивления и обращаюсь к тебе, не кривя душой. Сейчас я открою сейф, и там лежит пачка денег».

Виктор открыл глаза, и добавил шёпотом:

— Спасибо.

Открыл сейф. Хренушки, там ничего не появилось. Неудивительно, не особо-то и надеялся. Николас говорил, создать что-либо можно лишь в том случае, если это принесёт пользу и при этом не нарушит баланса. По идее, дополнительные деньги создают инфляцию, но несколько тысяч рублей — это же капля в море, никто даже и не заметит. Хотя и пользы, в общем, тоже никакой. Правильно, никакой, не говоря уже о нарушении закона. Ладно, от чего может быть польза? Да вот Настя только что халат просила. Погоди-ка… Взгляд упал на коробку за холодильником. Виктор складывал туда разную бумагу, газеты и журналы. Поставил коробку на стол, начал рыться в журналах. Несколько глянцевых автомобильных, парочка цветных реклам из продуктового. Вот он! Виктор достал каталог какой-то сетевой компании. Поставив коробку на место, стал его листать. Парфюм, косметика, опять парфюм. Столько ненужного хлама. Что-то для дома, для дачи. Дальше пошла одежда, и вот Виктор увидел халаты, яркие, разных цветов. Он выбрал розовый махровый с большими карманами. На нём было написано «цвет коралловый».

«Назовут же! «Коралловый», никогда бы не подумал», — Виктор опять закрыл глаза, представил халат, который видел на картинке, представил примерный размер. Представил, как он открывает ящик комода. Мысли его прервала открывшаяся дверь ванны. Настя в халате до пят, в его старом зелёном халате, с полотенцем на голове, босиком прошлёпала на кухню.

— Чай будет перед сном? — спросила она.

Виктор зажёг газ, налил воды в чайник и поставил на плиту. Затем пошёл в комнату, проверил все ящики. Ничего. Похоже, Нуо не собирался вот так просто раздавать свои дары направо и налево. Ладно, как говорится, утро вечера мудренее. Надо было уже смыть с себя дорожную пыль и ложиться спать. Залез в душ. На змеевике батареи сохли Настины шмотки. Трусики, носки, маечка из тонкого

прозрачного материала. На зеркале стояли пузырёк с чем-то розовым, помада и ещё какая-то хрень, скорее всего, тушь. Он покачал головой, вспомнив, как при Аньке вся ванная комната была занята женскими аксессуарами. Вот умеют же они завладеть пространством! Она всего полчаса здесь, а вещей уже больше, чем у Виктора.

После лёгкого ужина Настя забралась на кровать и сразу защёлкала пультом от телевизора, Виктор лёг на диване весь в своих мыслях. В решении всяких квестов он был не силён. И он это знал. Повернулся на бок, стараясь не смотреть в сторону своей гостьи. Настя уже нацепила его футболку, которая была ей на три размера больше, и, полулёжа, поджав ноги, смотрела какое-то дурацкое ток-шоу. Звук был сделан негромко и не мешал думать. Виктор, сосредоточившись на Нуо, пытался с ним разговаривать, ловил малейшие отклики в своём разуме. Представлял различные вещи — то в гараже, то у себя дома на балконе, то в багажнике машины. В конце концов он незаметно провалился в сон.

Приснилось, что он идёт по скошенному полю. Вокруг пасутся коровы, пахнет сеном и парным молоком. Рядом прыгает небольшой зверёк: то ли собака, то ли лиса.

— Шарик, Шарик! — громко зовёт его Виктор.

Тот отзывается и подбегает ближе. Это не собака, это енот. Где-то он его уже видел, когда-то давно, в далёком детстве. Виктор тогда тренировался на лесной поляне, а зверёк наблюдал за ним. Сейчас же во сне енот сидит на задних лапках и из-под белых ободков бровей смотрит на Виктора умными тёмными глазками.

— Ты кто? — спрашивает его Виктор.

— Как кто? — искренне удивляется енот. — Я Нуо, разве не видишь?

— Ты Нуо? — Виктор не верит своим ушам. — Разве бывают Нуо в виде животных?

Енот пожимает плечами:

— А разве ты других видел? — разворачивается и собирается убегать прочь.

— Погоди, — останавливает его Виктор. — Если ты Нуо, научи меня, как мне с тобой взаимодействовать.

Виктор понимает, что спрашивает какую-то чушь, но не может подобрать нужных слов.

К удивлению, зверёк его понимает с полуслова.

— Что тебя интересует? — спрашивает он.

— Я же могу материализовать вещи? Ну, как те колёса, как молоко?

— Конечно, можешь, ты всё можешь. Если это не нарушит никаких законов природы и не создаст хаос. — Зверек опять собирается убежать.

— Ещё один вопрос, — Виктор пытается остановить енота. — Я пробовал что-нибудь создать, но у меня не получается, может, надо делать что-то конкретное?

Енотик улыбается, скаля зубы, и говорит:

— А ты у девушки у своей новой спроси, может, она подскажет.

— У какой девушки? — удивленно переспрашивает Виктор, — У Насти? Так она не моя девушка.

Но зверёк больше ничего не говорит, просто опять пожимает плечами и, виляя большим пушистым хвостом, быстрыми шагами уходит прочь. Виктору вдруг становится невообразимо грустно. Он уже не видит ни коров, ни яркого солнечного луга. Небо застилают тёмно-синие тучи, такая предгрозовая мгла. Бесконечная тоска захватывает его, что хочется выть. Он потерял что-то очень дорогое, возможно, любимую девушку. Но у него же не было девушки! Или была? Он ничего не может с собой поделать, садится на грязную пожухлую траву и начинает рыдать. Его трясёт от необъяснимого горя и безысходности, от всхлипов трудно дышать, вокруг всё так мерзко и до тошноты противно.

Вдруг кто-то трогает его за плечо и тихо спрашивает:

— Эй, ты чего раскис? Зевс?

Виктор поворачивается и видит Сиплого в зелёной армейской форме. Тот тихим голосом твердит ему:

— Виктор, эй, Виктор, ты чего?

Он открывает глаза и видит перед собой испуганную Настю, трясущую его за плечо, а он продолжает всхлипывать. Грудь болит от судорог, всё лицо мокрое от слёз.

— Фу-у, как ты меня напугал! Я думала, приступ у тебя, эпилепсия какая-нибудь или чего.

Настя стоит прямо перед ним. Худенькая такая, красивая фигурка в его футболке, длинной, почти до колен, через которую даже в

сумраке ночи отчётливо видны выразительные бугорки маленькой, но прелестной груди.

— Сон приснился. — Он пытается не смотреть не неё. — Всё уже, отошёл вроде. Ты ложись, всё нормально будет.

— Точно? Смотри не пугай меня так. А то, блин, я не знаю, чего делать, если что.

— Иди спи, ничего не надо делать. — Он демонстративно закрывает глаза.

Настя идёт к себе и еле слышно шуршит подушками.

Виктор лежит на спине с открытыми глазами и смотрит в потолок. Сна уже нет. «Сколько, интересно, времени? — думает он. — Вероятно, часа четыре». За окном еле заметно начинает расцветать. Конец августа, ночи становятся длиннее. Зверёк из сна сказал, что Виктор может всё. Что значит всё? Возможно, это просто сон, не более. А ему надо жить наяву. Надо чем-то платить за квартиру, за еду. Всё так перемешалось, непонятно, где реальность, а где иллюзии. Николас говорил, что тот кореец пять лет не мог совладать со своим Нуо. Пять лет — это много. Надо что-то делать, надо реально устраиваться на работу. Да хоть таксовать идти. Конечно, на «Ниве» это не будет таким уж прибыльным, но на хлеб он точно заработает. Надо завтра и начать. Поехать в любой таксопарк, благо их развелось как грязи, взять рацию и поработать. И чего делать с этой Настей? Она, походу, тут жить собралась. Виктор представил только что увиденное. И он же не монах в конце концов, чтобы так игнорировать практически голую девушку в своей квартире. Причём девчонка-то симпатичная, и вообще, она начинала ему нравиться своей открытостью и непосредственностью. Но она же несовершеннолетняя, в дочки ему годится. Замути он с ней, и он опустится до уровня этого пидора, который ударил её по лицу. Виктор поморщился, вспоминая увиденный эпизод из Питера.

— Спишь? — шёпотом чуть слышно спросила Настя.

Виктор помолчал несколько секунд, потом сказал:

— Нет, выспался, похоже.

Он закинул руки за голову, разглядывая на потолке отражение света от уличного фонаря.

— Я не знаю, что мне делать, — тихо и как-то обречённо сказала она. Виктор молчал. Если девушка решила выговориться, то лучше её

не перебивать. По потолку плавно поехало отражение света фар проезжающего за окном автомобиля. — Когда я поехала в Питер, думала, что поступлю в универ, но сейчас понимаю, что шансов у меня вообще не было. Можно было подать документы здесь в Череповце, к примеру, в ЧГУ или хотя бы в ИМИТ, я бы, скорее всего, поступила. А теперь время упущено, и я вообще не представляю, что мне делать. И… — она запнулась, но всё-таки договорила: — и у меня все документы остались в Питере, надо всё восстанавливать, — она замолчала.

— Почему так? — спросил Виктор.

До этого момента он даже не задумывался об этом. Действительно, она же была совсем налегке. Настя вздохнула, видимо, собираясь с духом, потом всё-таки решила рассказать:

— Когда я искала работу в Питере, познакомилась с парнем. Он такой… ну… южанин типа, его зовут Мовлад. Такой обходительный был сначала, в кафе пригласил. Он сказал, что это салон, типа отдых для мужчин. Массаж там и всё такое, — она сделала паузу, вздохнула. — В общем, это обычный бордель с интим-услугами, сауной и прочим. Не знаю, как я повелась. Он был такой убедительный, сказал, что я за несколько месяцев столько денег заработаю, что хватит и за учёбу в универе заплатить, и квартиру снять. А то, что ты несовершеннолетняя, даже лучше — будешь получать в два раза больше. Нас поселили в двухкомнатную квартиру с другой девочкой — и началось. На второй день я сказала, что ухожу, даже денег не надо, но он заявил, что я должна за квартиру и так нельзя уходить, надо ему заранее сказать и отработать месяц, пока на моё место кого-нибудь найдут. Этот Мовлад документы все у нас забрал, фотки сделал… такие, без всего, понимаешь? Сказал, что, если чего не так, всё в интернет выложит. Я ответила, что доработаю месяц и ухожу. Противно вспоминать даже. А вчера утром он меня забрал, объявил, что люди важные приехали, иностранцы, и типа надо им настроение поднять, — она опять запнулась, подбирая слова. — Поехали за город, там у них вроде встреча важная была. А Мовлад такой ещё говорит: мол, из девчонок только ты по-английски разговариваешь. Ну, ты, мол, не парься, сейчас начало дня, все трезвые, отработаешь быстро, и через пару часов я тебя заберу. А я

говорю, в смысле все? Их там что, много? А он такой: ну трое или четверо, зато денег кучу заработаешь.

Она замолчала.

Виктор тоже молчал. Было удивительно, но как-то у девчонки хватило пороху вот так запросто рассказать про то дерьмо, в которое ей пришлось окунуться. Это стоило многого.

— Скажи что-нибудь, чего молчишь, — она приподнялась на локте, чтобы убедиться, слушает её Виктор или уже спит.

— Слушаю тебя, — Виктор тоже повернул голову и в блеклом свете увидел силуэт Насти. — И чем история закончилась?

— А ничем. Этот козёл меня высадил, денег с них взял, а как только уехал, я и убежала. Типа в туалет пошла, там окно открыла и выпрыгнула. Телефон пришлось там оставить, на стол положила, чтоб подозрений не было.

— Ты прямо как Джеймс Бонд, — усмехнулся Виктор. — Этаж хоть пятый?

— Первый, — сказала она. — Да, тебе смешно, а я, знаешь, как боялась! Эти же извращенцы сразу Мовладу позвонили, видимо, сказали, что я свинтила. Этот козёл мне попался по дороге, обратно на своём джипе гнал. Я успела в кусты спрятаться, а когда он проехал мимо, сразу бегом на трассу, а там ты как раз. Ну, я и запрыгнула к тебе. Думала, отъеду подальше и выйду. А потом как-то само решилось. Назад всё равно нельзя возвращаться. Этот козёл меня просто убьёт.

— Прямо так и убьёт?

— Да они там все отмороженные. Всё повязано: и с милицией, и с такими же козлами, как они. Денег у них вагон и маленькая тележка, если что, запросто откупятся. Съездила я, короче, пожила в большом городе.

— Ладно, Настя, — сказал Виктор как можно дружелюбнее. — Не боись, что-нибудь обязательно придумаем. А кстати, что такое субботник?

— Ну, это когда несколько мужиков… да блин, зачем тебе? Фу, ужас какой-то!

— Слушай, Настя, — Виктор пытался сменить тему, — а что если тебе, правда, здесь поступить, в Черепе, в какой-нибудь инстик? До начала учебного года ещё две недели. Время есть.

— Наверное, уже поздно, скорее всего, списки сформированы, да и документов у меня нет. У этого урода всё. Он же всё забрал, не только паспорт. Говорит, у меня лучше сохранится. Я, как дура, поверила тогда.

Виктор слушал эту запутавшуюся по жизни девчонку и всё больше проникался. Он понимал, что самой ей из этой истории не выпутаться. Захотелось ей помочь, но пока не знал, как и чем.

— Попробовать можно, я думаю, — неуверенно произнёс Виктор, держа в руке тёплый Нуо. — Ты напиши мне всё, что знаешь про этого товарища, адрес там, ну вообще всё. Я не обещаю, но попробую. Может, и удастся вернуть твои документы. А ты на кого бы хотела учиться, если не на иняз?

— Да я и не думала, всё равно так-то.

Виктор встал с дивана, натянул шорты. Был уже рассвет. Он посмотрел на часы — почти пять.

— Ну что, Анастасия, по кофеёчку?

— Можно, — она с улыбкой смотрела на него, сидя на кровати и укутавшись в одеяло до подбородка.

Виктор, бросив на неё взгляд, опять увидел, что она, в сущности, ещё совсем ребёнок. Ребёнок, который быстро повзрослел, так же быстро, как и Виктор в своё время. «Вот пидоры, — подумал он. — Ну ладно, с вас ещё станется».

Виктор сидел на мягком диванчике за кухонным столом и с удовольствием потягивал ароматный кофе. Настя беззаботно грызла хрустящие хлебцы с ветчиной и плавленым сыром. Казалось, она вообще не заморачивается о завтрашнем дне: сегодня хорошо — и ладно.

— Тебе надо чего-нибудь? — спросил Виктор. — В смысле, щётку зубную или ещё чего?

— Щётку надо, — она тут же подняла глаза на Виктора, — ещё сигареты закончились.

— Обойдёшься, — негрубо сказал Виктор, положил на стол ключи от квартиры и пододвинул к ней.

— Я отъеду на пару дней. Можешь здесь хозяйничать. Еда у тебя есть, связь с миром есть, имею в виду интернет. Комп можешь мой использовать. Поищи пока, куда можно поступить. Денег постараюсь раздобыть немного, сам сейчас на мели. Пока не знаю как, но

попробую тебе помочь. Только, Настюха, прошу тебя, не косячь больше, потому что, если я вернусь и увижу то, что мне не понравится, Христом-богом клянусь, выгоню нахрен — и всё.

Настя молча встала, обошла вокруг стола, обняла его за шею двумя руками.

— Спасибо, мой рыцарь, — сказала она и поцеловала его в губы.

Виктор не мог предположить, что всё произойдёт так стремительно, и лишь в последний момент попытался увернуться от поцелуя, но не успел. Почти не успел. Отстранив Настю от себя, он отрицательно покачал головой, подняв указательный палец: мол, нет, этого не надо — но Настя истолковала этот жест по-своему:

— Ты не бойся, я ничем не болею. Я слежу за своим здоровьем, так что даже после того, что тебе рассказала, я не какая-то шлюха подзаборная.

— Да я про то, что ты же мелкая ещё. Я тебе в отцы гожусь. — Виктор встал из-за стола. — Я поеду поработаю, вернусь через несколько часов. Постарайся пока побыть дома.

— Хо-ро-шо, — отчётливо и по слогам сказала она и добавила: — Хорошо, папа.

В таксопарк не поехал. Поехал в гараж. Появилось импульсивное желание продать прицеп, купленный месяц назад. Это было всего лишь кратковременное решение проблемы, но зато быстрое. Поворачивая ключ в замке гаражной двери, Виктор чуть не вскрикнул, как резко Нуо вдруг стал горячим. Взяв его за шнурок, отодвинул от кожи на груди:

— Ты чего? Что случилось?

Но Нуо так же быстро принял температуру тела, и Виктор, заправив его под рубаху, открыл дверь. Открыл и обомлел. В таких случаях часто с выражением говорят: «Не понял!»

Прицеп стоял в дальнем углу гаража, там же, где он его и поставил. Перед ним возвышались два поддона с высокой пачкой листового металла на каждом. Виктор включил свет и подошёл ближе. Листы блестящего металла, похожего на нержавейку, размером примерно шестьдесят сантиметров на метр. Листы были ничем не закреплены и просто лежали аккуратной стопкой. Виктор выдвинул один, не без труда приподнял. Толщина на глаз — примерно два миллиметра, достаточно тяжёлый. Пачка была высотой метра полтора,

значит, листов семьдесят не меньше. На втором поддоне лежала точно такая же пачка. Идеально ровно сложенные друг на друга листы, выровненные аж до миллиметра — этакий рай для перфекциониста. Виктор обошёл вокруг и расплылся в широкой улыбке. Его тентованный прицеп, новенький, слегка запылённый грязью деревенских дорог, стоял, дышлом упираясь на деревянный брусок, подставленный Виктором в прошлый раз. Сверху лежал в пластиковой прозрачной упаковке кораллового цвета женский халат, а на нём — пачка тысячных купюр, перевязанная банковской бумажной лентой, как он вчера и представлял. Сто тысяч рублей.

— Всё получилось, ай да Нуо, ай да красавчик! — тихо с улыбкой произнёс Виктор, и как бы в ответ ему Нуо ответил мгновенной слабой вибрацией, как телефон на беззвучке.

— Но что это за листы такие? — Вчера он пытался представлять визуально и золото, и серебро, и даже платину. — Может, это платина? Или серебро? — Виктор платину не видел ни разу в жизни, а серебро — только в виде изделий. Надо было просто взять с собой один лист и всё разузнать. Подогнал машину поближе к гаражной двери, ворота открывать не стал. Лист как раз вошёл на заднее сиденье. Набрал Гансу

— Встретиться надо, — поздоровавшись, сказал Виктор.

— В «Славянском дворике» сидим, — ответил тот. — Подтягивайся.

Через десять минут Виктор уже припарковал свою «Ниву» около «Славянского дворика» на Краснодонцев. Ганс стоял с двумя девушками и чего-то оживленно рассказывал в своём репертуаре, широко жестикулируя руками. Увидев Виктора, он расцеловался с обеими и, помахав им рукой, направился к нему. Поздоровались, Виктор открыл заднюю дверь, показав рукой на светлый лист металла.

— Чего это? — спросил он без предисловий.

— Похоже на никель, — ответил Ганс.

— Заберёшь? У меня примерно сто пятьдесят листов этой хрени.

— Не боишься? Присесть можно за него надолго, — сказал Ганс.

— Это ещё почему? Он чистый, не ворованный, — парировал Виктор и тут же понял, что звучит это как минимум неубедительно.

— Ага, эти сказки потом в ОБЭПе будешь рассказывать. Его тащат с «Северстали» пачками, потом садятся через одного.

— Ну, так чего, заберёшь? — спросил Виктор, не обращая внимания на то, что говорил Ганс.

— Конечно, заберу, — ответил Ганс и тут же принялся кому-то звонить.

— Нагреешь с ценой, в следующий раз не предложу, — наивно пригрозил Виктор.

Прицеп пригодился. Продавать его, конечно, уже смысла не имело. За два захода отвёз весь никель на базу, в Ясную поляну, получив тридцать тысяч рублей. Показалось маловато, но мониторить цены времени не было.

Когда поднимался к себе домой, была лёгкая нервозность, что Настя там чего-нибудь уже учудила. Но всё оказалось в порядке. Открыв дверь, увидел, что она сидит в комнате на диване и тыкает в клавиши ноутбука. Она тут же отложила ноут и подошла к нему с явным порывом обнять. Но не стала.

Виктор протянул ей халат:

— Тебе. Подарок.

— О, прикольно! — обрадовалась она и тут же, развернув обновку, принялась мерить.

Естественно, размер подошёл идеально, в чём Виктор не сомневался. Нуо был в ударе.

— А я профессию себе выбрала, — сказала она, завязывая пояс на халате. — Да ты прямо по размеру купил. Классный какой, мягкий.

— Какую профессию? — спросил Виктор.

— А, там написано «архитектура дизайна» или «дизайн архитектуры», что-то такое. Я позвонила, сказали, что ещё не поздно документы подать. Но только платка, и там ещё комиссия будет решать.

— Я понял, подавай тогда, — сказал Виктор. — Когда я вернусь из Питера, тогда и подашь, — поправился он. — А пока сходи туда, поговори с ними. Узнай всё как следует.

Она улыбнулась:

— Здесь я написала тебе адрес этого…

— Козла? — подсказал Виктор.

Она кивнула.

— Ну и мой адрес, где я жила, и вот телефон Оксаны, с которой мы вместе снимали квартиру. Только я боюсь за тебя, как вообще ты

сможешь?..

— Попробую, — успокоил её Виктор. — Курить бросила?

— Так нечего курить, зря напомнил только. Хочется, — она посмотрела на него.

— Пару дней потерпи — расхочется, — сказал Виктор.

— Иди сюда, садись, — она показала рукой на диван.

Он сел, не понимая, чего она хочет. Настя тут же забралась к нему на колени, сильно обняла за шею, прижалась и зашептала:

— Ты не езди туда. Наплевать на этот универ. Ты не вернёшься. Я знаю, тебе не справиться с ними. Ты хороший, но ты слабее их, я же вижу.

Он попытался от неё отодвинуться, но не смог.

— Настюха, ты меня сейчас задушишь, отпусти.

Но она ещё сильнее прижалась, шепча:

— Тебя там просто убьют, я же знаю. Эти люди, у них ничего человеческого нет. Я поеду домой и восстановлю все документы.

— Хорошо, — согласился Виктор. — Мне же по своим делам надо отлучиться, не только из-за твоего паспорта. Ну всё, садись рядом, поговорить надо.

Она ослабила хватку, но продолжала сидеть на коленях, не слезая.

— Так говори.

— Ладно, — сказал Виктор.

Такой порыв нежности спутал все карты. Он немного не так представлял их разговор.

— Анастасия, слушай, давай сразу поставим точки над «i», я буду честным с тобой. В моих планах нет крутить с тобой романов, я просто хочу тебе помочь. Ты можешь жить здесь, пока что-то у тебя не поменяется. Я даже помогу тебе деньгами, но запомни: мы с тобой не пара. Я тебе ничего не обещал и ничего не требую взамен. Только попрошу: не води сюда никого, в квартире не кури и… — он сделал паузу, подбирая нужное слово, но так и не нашёл, — и будь умницей, ну просто не косячь. А я вернусь через пару дней. Если получится, привезу твои документы, если нет… ну что ж, поедешь домой восстанавливать. И ещё: если поступишь, возможно, я помогу тебе с оплатой учёбы. Не обещаю, но если будет возможность, то помогу.

— Спасибо, я всё поняла, — сказала она. — У тебя кто-то есть.

— Настя, у меня нет никого, но не в этом сейчас дело. — Он попытался снять её с себя, но она опять вцепилась мёртвой хваткой, и он сдался. — Да Настя, блин! Хорошо, давай так посидим. Ты ела чего-нибудь?

Она отрицательно покачала головой:

— Я не хочу.

— Ладно. — Он откинулся на спинку дивана и, расслабив руки, шутливо сказал: — Всё, ты победила, я сдаюсь.

— Я знаю. — Она ослабила хватку, прижалась к нему и тихо сказала: — Когда я была маленькая, больше всего не любила, когда папа с мамой ссорятся. Папа вообще никогда не пил, а мама частенько. И когда они начинали ругаться, я залезала под стол и просила Иисуса, чтобы он их помирил. И потом они переставали ругаться. Я думала, что, когда я вырасту и выйду замуж, мы никогда не будем ругаться. Будем с мужем вместе лепить пельмени, я ему буду помогать колоть дрова, а он мне помогать мыть посуду. Потом родители развелись. Я переехала к папе в Белозерск, а к маме ездила на выходные. Там до Мондомы недалеко, километров двадцать всего. С папой мы дома говорили по-английски. Он меня сначала заставлял, а потом мне самой понравилось. Потом папа заболел, чего-то с лёгкими. Потом сказал, что мне придётся переехать к маме. Я была уже в восьмом классе. И папа очень быстро умер. А перед смертью я ему пообещала, что получу высшее образование. Он даже денег мне дал. Ну как, не мне, а маме на книжку положил. Но они с дядей Толей потом быстро пропили всё. Он так-то добрый, дядя Толя, когда трезвый. А потом мне подруга сказала, что можно в Питер попробовать поступить. Мы вместе с ней и хотели, но она забеременела и замуж вышла, а я одна поехала.

Она замолчала, положила голову ему на грудь.

Появилось желание погладить её по этой голове, но Виктор сдержался. Нельзя телячьих нежностей. Мы в ответе за тех, кого приручили. А он не хотел быть в ответе за Настю.

— Ладно, Настюха, у меня поезд через час, давай так: вернусь, обо всём и поговорим. — Тихонько выполз из-под неё, посадил на диван, сам пошёл в прихожую, взял деньги. Отсчитал двадцать тысяч, положил на диван перед Настей: — Купи себе, если чего-нибудь надо. Одежду какую или ещё что.

— Здесь очень много, — округлила глаза она. — Зачем мне столько?

— Нормально, — сказал Виктор. — Смотри, я вот здесь на полке ещё сорок тысяч оставлю на случай форс мажора. Их необязательно тратить, но вдруг чего.

— Хорошо, — кивнула она. — А тебе позвонить можно, если что?

— Да, вот мой номер, — Виктор записал свой мобильный. — Можешь звонить с городского, если понадобится. Потом тебе мобильный новый купим.

Глава 9

Глава девятая.

Взял плацкарт, верхнюю полку. Сразу завалился спать. В вагоне было многолюдно и шумно, но это не мешало. Виктор попытался сосредоточиться на завтрашнем дне. Нуо сполз куда-то подмышку и приятно грел, то набирая температуру, то слегка остывая. Расслабившись под монотонный стук колёс, Виктор на удивление быстро вошёл с ним в контакт и буквально через десять минут знал про Настиного, так называемого, работодателя, Мовлада, пожалуй, больше, чем тот сам про себя знал. Принадлежал он к группировке кудровских, имел презентабельный офис на улице Дыбенко. Владел конторой, которая называлась ООО «Южные врата». Виктору сразу захотелось добавить к названию слово «ада», которое полностью бы отразило вид деятельности. Официально фирма занималась трудоустройством на работу гастарбайтеров из Средней Азии. Но основной доход был от бизнеса интим-услуг. Фирме принадлежало несколько саун и хамамов, а также с десяток так называемых массажных салонов. Параллельно Мовлад с командой сотрудников крышевали три десятка индивидуалок, которые только так назывались, а на самом деле забирали себе с клиентов гораздо меньше половины с того, что получали. Девочки постоянно менялись, кто-то уходил, но тут же приезжали новые. В основном они были либо из ближнего зарубежья, либо с периферии — как Настя. Чётко отлаженная схема работы кормила не только крепких парней на «мерседесах», но и правоохранительные органы, начиная от молодых старлеев и далее по вертикали до седых, видавших виды дядечек в штанах с лампасами.

Виктор, лёжа на верхней полке поезда Вологда — Санкт-Петербург, не мог поверить своим глазам, точнее своему внутреннему глазу, насколько широко раскинул спрут свои щупальца. Наказать, а уж тем более победить такого криминального монстра было непросто. Он уже видел, где лежали документы Насти и других бедолаг, попавшихся в сети коварного сутенёра. К удивлению Виктора, у этого Мовлада была и другая жизнь. Он оказался отличным семьянином, имел жену и двоих маленьких детей. Сам лично он не считал, что делает что-то

неприличное, объясняя, что зарабатывает сам, давая зарабатывать и другим. А девушек никто силком не тащит. Они сами такие тупые, что ведутся на достаточно большие, даже по питерским меркам, заработки. Но это их проблемы, а не его. Его работа заключается в том, чтобы был порядок. Чтобы клиенты платили, а девочки работали. И чтобы не расслаблялись, а лучше — чтобы боялись. Тогда колесо продолжало крутиться, деньги текли рекой, а бизнес расширялся. Сначала Виктор хотел пробраться в офис ночью, забрать Настины документы и тихо, не привлекая внимания, свалить. Сделать это было несложно, видеонаблюдения там не было, а коды сигнализации при помощи Нуо он уже знал. Но потом, поразмыслив немного, решил нанести криминальной организации финансовый ущерб, хоть небольшой, но, скажем так, имиджевый. В офисе на Дыбенко по местным меркам налички было немного, не больше двух миллионов, а вот у владельца фирмы дома, в сейфе, Виктор насчитал больше тридцати миллионов рублей, и если завтра всё сработает как надо, то он сможет унести весь этот налик.

Мовлад с семьёй жили в большой двухуровневой квартире шикарной высотки недалеко от Октябрьской набережной, там видеонаблюдение было, но, если Нуо в очередной раз не заупрямится, Виктор сможет его дистанционно отключить. Возникал также вопрос: надо ли пообщаться с самим Мовладом и что делать с другими девушками. Виктор решил, как говорится, не бежать впереди паровоза, а действовать по обстоятельствам. Заглянул также к своему старому знакомому Матвею. Здесь Нуо почему-то пожадничал с деталями о машине, но зато дал полную картинку на угонщика. Уж чем он там руководствовался при фильтре информации, Виктору пока было неведомо. Видел он, что парень сидит у себя дома в районе метро Автово. Нога в гипсе, видимо, перелом. Матвей был профессиональным угонщиком по заказу. Причём угонял не только легковые авто, но и фуры. Словом, за ваши деньги — любой каприз. Виктор попытался поискать в предоставленной Нуо информации местоположение его «мерседеса», но туда доступ был ограничен. Виктор был удивлён, когда увидел, что Большаков заработал меньше трёх тысяч долларов на угоне. Странно, что при таком риске оплата была непропорционально мала. Угонщик засветил лицо, вероятно, где-то по дороге попал на камеры — и всего три тысячи. Виктор видел, что

уже через пятнадцать минут Матвей поставил машину в кооперативный гараж и, заперев дверь, сунул ключи под козырёк гаражных ворот. На этом его работа была закончена, и Большаков, посвистывая что-то себе под нос, неторопливо направился прочь. Дальше судьба машины была покрыта туманом. Виктор видел пустой гараж уже на следующий день, но сколько он ни напрягал сознание: кто забрал, куда отвезли — везде была пустота. Вернулся обратно к Большакову. Что ж, с одной стороны — неплохой заработок за полчаса риска. Виктор открыл финансовые возможности своего угонщика. Матвей жил в однокомнатной квартире, доставшейся от родителей. Бывшая жена подала на алименты, но так как официальной работы у того не было, то она с маленькой дочкой скромно курила бамбук где-то на съёмной квартире в Купчино. Денег у Большакова тоже почти не было. Несколько тысяч на карте, какая-то мелочь дома и потребительский кредит на миллион рублей. Стало понятно, почему он, рискуя присесть, берётся за такую работу.

Виктор решил пока не встречаться с Матвеем. Похоже, чувака и так уже неплохо наказал Бог, а читать ему морали о заповеди «не укради» ни смысла, ни тем более желания не было.

«Придёт время, ещё пересечемся», — подумал Виктор, мысленно сворачивая папку Большакова и убирая её в архив.

Утром решил сразу прокатиться до офиса на Дыбенко. От Ладожского вокзала оказалось совсем недалеко — две остановки на метро. Офис находился в цокольном этаже небольшого торгового центра. Тонированные окна с красивыми резными решётками были почти у самой земли. Виктор прошёл мимо, мельком заглядывая внутрь. Но там он увидел только своё отражение. На входе в центр стояли две видеокамеры, но их можно было избежать, если зайти с другой стороны. Так он и сделал. Обойдя вокруг здания, зашёл в небольшую арку и остановился недалеко от скромной вывески «Южные врата. Бюро по трудоустройству». Виктор подумал: «Было бы здорово при помощи Нуо менять внешность», — и сам усмехнулся такой мысли. Около входа стояли несколько южан. Либо узбеки, либо таджики, Виктор никогда их не различал. Дождался, когда они стали входить, и пристроился сзади. Парни громко, оживлённо беседовали на своём и уже открывали дверь в офис. Виктор собрал всю свою энергию, задержал дыхание, чтобы, как в боксе, на выдохе всю её

направить в удар. Только вместо удара он должен был замедлить, а лучше остановить время для окружающих и за это мгновение выгадать себе несколько десятков секунд, нужных для осуществления своего неприхотливого плана. Он уже был уверен, что ребята, шагающие впереди него, — это таджики, он даже знал их по именам. Виктор тут же откинул ненужную информацию, нажав воображаемый Del, сосредоточив всё внимание на секундной стрелке, мысленно разделив секунду на сто, потом каждое из одной сотой — ещё на сто. Ему нужно было это мгновение. Парни, постепенно понижая тембр голоса, уже переходили на одну низкую ноту. Делая шаг, замедляли движение, замирая в неподдающихся описанию позах, невозможных с точки зрения законов гравитации. Виктор приподнялся на цыпочки и посмотрел поверх голов. В офисе было немноголюдно. Две симпатичные женщины средних лет стояли с открытыми ртами. Одна передавала другой пачку бумаг, что-то при этом говоря. Нижняя губа у неё смешно оттопырилась, один глаз смотрел немного в сторону, обнаруживая лёгкое косоглазие. Другая женщина видимо кивала, соглашаясь. А получалось, что она смотрит вниз на грудь своей собеседницы. Чуть дальше за столами сидело несколько мужчин. Всего Виктор увидел шесть человек, но, вероятно, были и другие. Дверь в кабинет, где находился сейф, была закрыта, но Виктор точно знал, что она незаперта. Ключ от сейфа лежал там же, в кабинете, но он был и не нужен. Виктор уже знал, что он откроет замок просто усилием воли. Оставалось только чуть ускорить время, чтобы парни сделали ещё насколько шагов, освободив Виктору дверной проём, и доделать начатое. Он так и сделал и, дав ребятам ещё полторы секунды, снова замедлил течение времени в несколько тысяч раз.

Виктор полностью контролировал своё сознание, отбрасывая всю ненужную информацию, которая прямо не имела отношения к самому главному — движению времени, а вернее к почти полной его остановке. Он сжал в кулак всю свою волю и уже собрался сделать шаг вперёд, как вдруг у него в кармане зазвонил телефон. Он звонил в обычном тембре установленного рингтона, мелодично, ненавязчиво, но настойчиво. Больно зарябило в глазах, и всё вокруг стало осыпаться вниз мелкими разноцветными пикселями. Виктор перестал чувствовать своё тело. Вдруг и руки, и ноги стали как чужие. На секунду ему показалось, что он сейчас потеряет сознание. Как будто

кто-то невидимый нанёс ему снизу сильнейший удар в подбородок. Это не нокаут, но это сильнейший нокдаун. Последнее, что он успевает сделать, это шаг назад на чужих ватных ногах, ещё один шаг, он теряет равновесие и падает на колени перед закрывшейся дверью. Время, сжимаясь, больно ударяет в виски. Тик-так, тик-так, — кровью по сосудам тикают секунды. Голова кружится, а телефон меж тем продолжает звонить. Виктор встаёт и, пытаясь дышать ровно, нажимает кнопку приёма звонка.

— Алло, — хрипловато говорит он.

— Алё, Витя, доброе утро, как у тебя дела? Не отвлекаю?

Это Настя. Она звонит с городского. Виктор относит трубку подальше и старается дышать ровно и глубоко.

— Нормально всё, — говорит он хриплым, не своим голосом. — Занимаюсь тут делами, ты как? Позавтракала?

— Да, всё хорошо, покушала, собираюсь вот в универ съездить.

— Хорошо, молодца, давай тогда дуй в универ, потом созвонимся, а то я занят немного, — дыхание выровнялось, голос вроде тоже стал нормальным.

— Ну ладно, хорошо. Ты там аккуратнее, пожалуйста. Со всем этим, — в её голосе слышалась неподдельная тревога.

— Хорошо, — тихо сказал он и нажал сброс.

Вот тебе и Витя, блин.

Виктор огляделся по сторонам. Всё шло своим чередом, никто не обращал на него никакого внимания. Коленки болели, особенно правая. Посмотрел. Джинсы не порвал, но испачкал знатно, как будто на коленках ползал. О том, чтобы пробовать зайти в офис ещё раз, даже речи быть не могло. Он чувствовал себя как после долгого гриппа, будто, пролежав неделю с температурой в постели, наконец встал на ноги. Всё тело болело, мозг работал с задержкой и вполсилы. Виктор медленным шагом пошёл в сторону небольшого зелёного сквера, где виднелись детская площадка и несколько пустых скамеек. Присел на одну из них. Вытянул ноги и закрыл глаза. Вот Настя, блин. Хорошо ещё, что она позвонила сейчас, а не минутой позже, тогда был бы полный абзац. Да, ворваться в оживлённый офис в середине рабочего дня, конечно, это было очень самонадеянно. Вернуться сюда всё равно придется, так как Настины документы были здесь. Виктор решил попробовать повторить попытку вечером после закрытия

конторы. Посидев ещё немного в тени под деверьями, окончательно успокоился и пришёл в себя. Подумал про остальных девчонок. Решил не бороться с ветряными мельницами и не оставлять за собой хвостов. Если разворошить это осиное гнездо, то придётся воевать с ними до конца. К этому Виктор был не готов. Возможно, пока не готов. Он заберёт все документы, которые там будут, потом разошлёт их остальным девушкам по почте или курьером. В этом случае он не подставит Настю, даже если дело дойдёт до какого-то расследования. Также, надо будет удалить все упоминания о ней, сохранённые в цифре. Сделать это будет несложно.

Виктор встал и, слегка прихрамывая, пошёл в сторону проспекта Большевиков. Пока шёл, мысленно заглянул к Мовладу, узнать, что он сейчас делает. В данный момент тот на своём «крузаке» в районе Шушар летел куда-то по КАДу. В другой части города его жена, интеллигентного вида дама лет тридцати пяти разговаривала по мобильному телефону. Вокруг бегали дети. Похоже, это была школа. Виктор перенёс взгляд в квартиру. Никого. Мимолётом заглянул в сейф. Сегодня там было уже меньше денег. Около двадцати миллионов. Виктор ухмыльнулся: десятка — туда, десятка — сюда. Простому работяге полжизни надо пахать, и то не заработает столько. Но сейчас не об этом речь.

Недалеко от перекрёстка стояло несколько такси. Виктор подошёл к одному из них и сел на заднее сиденье. Назвал адрес невзрачной хрущёвки, что была метрах в трёхстах от дома Мовлада. Водитель кивнул, резко вырулив на дорогу, чтоб успеть под зелёный, свистнул резиной и, повернув на Дыбенко, нажал газ в пол. Домчали быстро, и Виктор рассчитался, оставив щедрые чаевые. Оглядевшись по сторонам, он приметил небольшой торговый центр и пошёл в его сторону. Основную площадь ТЦ занимал продовольственный магазин, рядом ютился мини-рынок с рядами овощей и фруктов. Виктор прошёл чуть дальше, где были убогие небольшие частные магазинчики: джинсы, одежда, товары для дома. Наконец нашёл то, что искал. Выбрал средних размеров пёструю невзрачную сумку неопределённого цвета, купил и пошёл в сторону высотки. Отключить видеонаблюдение оказалось задачей не из лёгких. Виктор видел, как она подключена, знал админский пароль на входе, но внизу, в будке из тонированного стекла, сидели два мужика, по совместительству

исполнявшие обязанности как сторожей-охранников, так и созерцателей мониторов. Отключение камер, скорее всего, тут же было бы замечено. Также здесь велась запись видеонаблюдения со всех восьми камер и оставалась в памяти на компьютере примерно на трое суток. Новая запись шла по кругу, автоматически удаляя старую. Виктор присел на старенькую скамейку около древней пятиэтажки. Здесь он был всё ещё вне зоны видимости. У него уже не было той уверенности, как пару часов назад перед неудачным входом в офис. Теперь его охватывали сомнения. Нет, страха не было, просто неприятная неуверенность в своих действиях. Виктор сомневался, поможет ли ему Нуо в таком спорном, с точки зрения порядочности, деле. Если залезть в сейф в офисе казалось делом правильным и в какой-то мере даже богоугодным, то здесь попахивало банальным воровством. В любом случае надо было пробовать — как говорится: «взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Виктор прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Своим внутренним зрением увидел экран компьютера. Через админку зашёл на пульт. Здесь всё было просто. Система неновая, камеры механически не управляемые. Можно только включить или выключить. Нашёл папку с бакапами. Здесь было много всего. Судя по названиям файлов, их сохраняли, когда были автомобильные аварии в зоне доступа камер, вандализм и прочая бытовуха. Выбрал старый файл, удалил. Удалился сразу навсегда, мимо корзины. Хорошо, с этим понятно. В худшем варианте можно будет потом за собой всё подчистить. На двух мониторах было изображение со всех камер, по четыре на каждом. Виктор раньше видел, как компьютерные гении, герои боевиков, замыкали короткое видео по кругу, обманывая наблюдателя. Тот смотрел на видео, думая, что видит реальную картинку. В реале же, даже при помощи всемогущего Нуо, Виктор понимал, что на своём дилетантском уровне не осилит эту задачу. Делать было нечего, приходилось использовать вариант с удалением контента. Виктор встал и направился в сторону элегантной современной высотки.

— Ну, с Богом, — тихо сказал он, пересекая сквер в направлении главного входа. Он уже почти вошёл в зону доступа камер, как Нуо вдруг стал нагреваться. Виктор увидел, как оба охранника вышли на улицу, смотря в сторону, на газон. Приглядевшись, он увидел

огромного белого кролика, который мирно щипал зелёную траву, не обращая внимания на двух человек буквально в десяти метрах от него. Вероятно, это была самодеятельность Нуо, чтобы выманить охранников на улицу. Если так, то это вселяло надежду — значит, Нуо с ним заодно. Виктор тут же выключил видеонаблюдение. Экраны погасли. Он слышал, как один из охранников сказал другому:

— Откуда здесь кролик? И какой он большущий, я такого раньше никогда не видел.

Действительно, и Виктор тоже не видел. В нём было килограммов двадцать не меньше.

— Поймать бы, — сказал второй, — и в суп.

Виктор не стал больше терять времени и уже привычно нажал на свой таймер. Всё вокруг замерло. Воцарилась тишина. Он прошёл в просторный холл и стал подниматься по лестнице. Хорошо, что Мовлад жил на четвёртом этаже, а не выше. Виктор почувствовал, как у него греются подошвы его спортивных полуботинок. Видимо, силу трения никто не отменял, и стремительная скорость его движения была тому причиной. Вот она, дорогая тяжёлая дверь квартиры. Представил внутреннюю часть замка, мысленно освободил поворотный механизм, крутанул рычаг. Ригель мягко щёлкнул и двинулся в положение «открыто». Виктор рукавом, чтобы не оставлять пальцев, открыл дверь. Обстановка поразила с первого взгляда. Как в музее. Картины на стенах, даже в прихожей. Дорогая деревянная мебель. Комнат много — шесть, не меньше. Широкая деревянная лестница полукругом вела на второй этаж. Не разуваясь, сразу прошёл в кабинет. Большой тяжёлый стол из тёмного дерева, кожаное кресло, полки с книгами. На стене висит старинное ружье. Ну что, хозяин ценит красоту. Это всегда приятно. Виктор вытащил салфетку из салфетницы, что стояла на столе, поднял висящее на стене панно из бамбуковых веточек. За ним был врезанный в стену несгораемый шкаф. Обычный сейф с цифровым замком. Виктор повернул вентиль замка, остановившись на нужных цифрах: вперёд, назад, опять вперёд. Дёрнул ручку — дверца с приятным механическим щелчком открылась. На полочке аккуратными рядами лежали деньги. Виктор не стал терять время, расстегнул свой баул, поставив его прямо перед сейфом, и стал складывать туда перевязанные тонкой бечёвкой пачки денег. Десять пачек по сто тысяч. В каждой упаковке — миллион.

Сначала считал, потом сбился со счёту. На другой полке были деньги уже россыпью. Просто банковские пачки тысячных и пятисоток, несколько пачек стодолларовыми купюрами. Накидал почти полную сумку. Реально около двадцати миллионов. Поднял. Тяжеловато. Так и вспомнил свой поход в лесной дом, как тащил тяжеленный рюкзак с золотом. Здесь было гораздо больше. Виктор старался держать эмоции под контролем. Откуда-то из глубин его сознания прорывались возгласы: «Я Зе-е-евс!» — но он жёстко пресёк эти порывы, сосредоточившись на деле. А делу было ещё далеко до завершения. Посмотрел на верхнюю полку сейфа — там лежал жёлтый конверт формата А5. Виктор взял его, открыл. В нём были два загранпаспорта. Развернул: один — на Мовлада, второй — на жену с детьми. Сначала хотел забрать, но не стал, положил обратно.

Всё, теперь можно уходить. Закрыл дверь сейфа, оставив прежние цифры, щёлкнул замок. Вытер салфеткой всё, к чему прикасался. Почему-то захотелось оставить после себя какое-нибудь послание. Такую своеобразную чёрную метку. Виктор закрыл глаза, вспомнив, как стрелял в армии из АК-47, представил патрон от калаша, мысленно поместив его в сейф. Получилось или нет, проверять не стал. Задёрнул бамбуковую шторку, на которой была нарисована симпатичная китаянка — топлес и в национальной панамке. Вроде пока всё. Перекинул сумку через плечо и вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь. Щёлкнул замок, включилась сигнализация, и Виктор неторопливо зашагал вниз по ступенькам лестницы, где мало кто ходит. А зачем? Лифт же есть.

Вышел на улицу, мельком посмотрел на двух охранников, созерцавших кролика, и, только когда повернул за угол, включив видеонаблюдение, ослабил хватку, державшую его сознание. Уже знакомое «тук-тук-тук» в висках, лёгкое головокружение, и всё вокруг заиграло прежними красками. Захотелось обернуться и посмотреть, что там с кроликом, но не стал. Пусть теперь всё идёт, как идёт. Закинул сумку на плечо. Весила она, походу, больше двадцати килограммов. Теперь оставалось проникнуть в офис, забрать Настины документы и потом на вечернем поезде — домой. Получалось, что всё могло пройти как надо. Тут его осенило: можно же теперь машину купить! Виктор поднял руку, тут же остановилась серебристая «Камри», открылось окно, и водитель с лёгким акцентом, спросил:

— Куда, уважаемый?

— Покажу. — Виктор открыл заднюю дверь и плюхнулся на заднее сиденье.

— Што значит, покажу? Может, не по пути, — южный друг немного ошалел от такой безапелляционной самодеятельности.

Виктор сунул руку в карман, выудил оттуда тысячу, протянул водителю.

— Поехали в автосалон.

Тот взял деньги.

— В какой надо, уважаемый?

— В хороший какой-нибудь, где иномарки.

Виктору стало почему-то весело. Весь напряг как-то рассосался, и необычайная лёгкость охватила тело.

— Так везде иномарки, дорогой, — водитель показал золотые зубы, топнул по газам и буквально через десять минут остановился возле большого автосалона, где за стёклами виднелись различные автомобили. — Этот пойдёт? — показал рукой доброжелательный кавказец.

— Вполне, — Виктор вышел из машины

— Удачки, брат.

— И тебе, уважаемый, — ответил мужик и уехал.

Зайдя внутрь, огляделся по сторонам. Машины разные, но в основном «форды». Тут же, как по мановению волшебной палочки, к Виктору подошёл консультант.

— Чем могу помочь? — спросил он вежливо.

— Машинку купить хочу, — сказал Виктор.

Паренёк кивнул. Такую банальщину он слышал по сто раз на дню, но Виктор добавил:

— Чтоб не ждать, а сразу уехать.

Парень опять кивнул:

— Есть. Вот смотрите, белый «Форд-Мондео», полная комплектация, ПТС, можно хоть сейчас оформлять, — консультант говорил на автомате, примерно понимая, что дальше последует.

Виктор — с огромной сумкой, в своих видавших виды джинсах с грязными от падения коленками и недорогой стоптанной обуви — походил на такого провинциального лошка, который зашёл посмотреть на иномарки или просто убить время. При средней цене на такую

модель около семиста тысяч на табличке бессовестно красовался ценник «миллион триста». Здесь было всё. Как говорят, полный фарш по кругу. Кожаный салон, самая дорогая музыка, импортные колёса на титановых литых дисках, всё, что можно туда добавить, было добавлено. Даже коврики были с кастомными вставками в виде синего овала фордовского логотипа. Как правило, такие экземпляры долго стоят как реклама и продаются в исключительных случаях.

— А мотор какой? — спросил Виктор.

— Три литра, — скучно сказал продавец, будучи уверен, что или этот, или следующий вопрос будет последним и он пойдёт по своим делам.

Как бы то ни было, а клиент всегда прав, какой бы он ни был. Приходилось терпеть.

— Коробка-автомат, конечно же? — не унимался Виктор, подходя к машине и открывая водительскую дверцу.

— Конечно, — сказал продавец и съязвил: — Ну чего, берёте?

— Да, пожалуй, — спокойно ответил Виктор, — мне нравится. Покупаю.

Парень приоткрыл рот, понимая, что это шутка, но где-то в мозгах профессионального торгаша, заточенных на продажу любой ценой, мелькнула искра сомнения.

— Хорошо, — неуверенно сказал он и глуповато добавил: — Оформлять, что ли?

— Да, оформляйте. Если у вас есть возможность сразу сделать ОСАГО и КАСКО, было бы здорово. Ну и временные номера дадите?

— Да, всё можно сделать, — всё ещё с сомнением произнёс консультант.

— Тогда оформляйте, — опять повторил Виктор и добавил: — Если через полчаса я отсюда уеду на машине, дам десять тысяч на чай.

— Я постараюсь, — обрадовался парень и, теряя остатки сомнений, быстрым шагом помчался за свой стол распечатывать договор купли-продажи.

Оформили быстро. Конечно, в тридцать минут не уложились, но Виктор всё равно дал пареньку десятку, как и обещал, оставив того в лёгком недоумении. Что же, это новый опыт. В жизни всякое бывает.

После «Нивы», «Форд-Мондео» казался просто самолётом. Ускорение от трёхлитрового двигателя приятно вдавливало в сиденье,

стоило посильнее притопить. Время было уже около пяти часов, и Виктор направился сразу к офису «Южных врат». Запарковался в полукилометре, закинул сумку с деньгами в багажник и пешком потихоньку двинулся в сторону своей цели. Когда подошёл к двери, то увидел табличку с часами работы. Как он и предполагал, работают до шести. Надо было где-то погулять с полчасика. Чуть поодаль находилась кебабная. На улице под лёгким навесом стояло несколько высоких столиков. Виктор взял поллитровку колы и заказал большой шашлык из баранины. Только сейчас, чувствуя ароматный запах жареного мяса, он почувствовал, как голоден. Шашлык принесли почти сразу. Весёлый и доброжелательный грузин в большой прикольной кепке пожелал приятного аппетита и удалился. Виктор принялся есть вкуснейшую, хоть и жирную баранину. Но только он испачкал руки жирным мясом, зазвонил телефон. «Стопудово Настя, — пронеслось в голове. — Походу, у неё дар звонить в самые неподходящие моменты».

Вытер жирные руки салфеткой, достал телефон:

— Алло.

— Алё, Витя, привет, — это была Настя.

Она почему-то начала называть его Витей. В прошлый раз не обратил внимания, было не до того, а сейчас смешно резануло по ушам.

— Слышишь меня, Витя?

— Слышу хорошо, — ответил он, прожевывая кусок баранины, и ему показалось, что она вроде плачет.

— Я в универ ходила, — сказала она дрожащим голосом. — Они по телефону сказали, что можно документы подать, а когда я пришла, сказали, что уже поздно, что надо было в июле, а сейчас уже не примут.

— Я понял, — спокойно произнёс Виктор. — Я приеду и всё решу. Борщ варить умеешь?

— Умею, — сказала она, опять всхлипнув. — Я рассольник сварила, и рыбка жареная на второе. А как ты решишь, если они сказали, что уже всё и списки сформированы? Ты когда приедешь?

— Не знаю, на что сначала отвечать. — Виктор подцепил пластиковой вилкой кусок шашлыка и, отправив в рот, сказал, жуя: — Я буду, вероятно, под утро. А с универом что-нибудь будем решать,

пока не знаю. Приеду — подумаем. А рассольник хорошо, даже лучше, чем борщ.

— Чего кушаешь? — спросила она.

— Шашлычок из баранины. Вкуснятина.

Виктор зацепил ещё кусок, обмакнул его в острый соус и с удовольствием откусил. Вот умеют же! Недаром хвалят грузинскую кухню. Ел бы и ел.

— Тоже хочу шашлычок. Потом приедешь, можно будет самим замариновать, я здоровский рецепт знаю, с киви, и на природу поехать, давай? — сказала Настя.

Она, похоже, уже была на позитиве, минуту назад только горевала. Да уж! И было такое впечатление, что она собралась провести с ним всю оставшуюся жизнь.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Виктор. — Ладно, наберу позже.

— Хорошо, пока. Приезжай скорее, я буду ждать, — она отключилась.

— Буду ждать. Блин, ну вот что с ней делать… — Он доел шашлык, убрал за собой одноразовую тарелку, всё свернул и бросил в мусорник. Посмотрел время на телефоне — седьмой час. «Всё, можно пробовать совершать следующую кражу», — подумал Виктор и уже в третий раз направился в сторону «Южных врат».

Остановившись недалеко от входной двери, опёрся спиной о стену и сделал вид, что копается в телефоне. На самом деле мысленно заглянул внутрь помещения. Там никого не было. Входная дверь заперта, но на охрану офис не был сдан. Вероятно, кто-то вышел либо в магазин, либо ещё куда. Тогда, по всей вероятности, этот кто-то может вернуться в любой момент. Ладно, ждать смысла не было, надо заходить. Виктор, затаив дыхание, мысленно увеличил механизм дверного замка. Заглянул в личинку — там всё было просто. Усилием воли поставил все цилиндрики на свои места, освободив поворотный механизм, и уже собирался повернуть свой воображаемый ключ на открытие, как краем глаза заметил движение. Одна из женщин, которых он видел утром, шла к двери, держа в руке ключ. Виктор вернул всё на место и боковым зрением наблюдал за ней. Она подошла к двери, держа в одной руке сумку с продуктами, в другой ключ, открыла дверь и вошла. Виктор ждал. Не хотел рисковать. Опять он

видел, вернее, каждой клеткой своего сознания чувствовал, что происходило в офисе. Женщина поставила на стол сумку и прошлась по офису, потом остановилась и стала смотреть в окно. Виктор понял: она кого-то ждет. Почти всё его сознание было внутри офиса, и только малая часть контролировала, что происходит рядом с его биологическим телом. Чтобы не рисковать, он вернулся и снова стал единым целым. Теперь он не знал, что происходит внутри, но зато увидел, как к нему приближался мужчина. Это был тот самый Мовлад. Наяву он выглядел гораздо крупнее, чем показывал его Нуо. Намного выше Виктора, килограммов под сто веса, он смотрелся очень внушительно. Уверенной походкой победителя мира Мовлад шёл к двери своей конторы, ни на кого не обращая внимания. В руке он нёс большой стильный портфель из коричневой кожи. Виктор положил телефон в карман и не спеша направился в сторону, держа дверь в поле бокового зрения. Когда Мовлад жестом хозяина широко открыл дверь, Виктор сделал первый ход, замедлив время вокруг один к десяти. Повисла гробовая тишина, слышался только звонкий сигнал машины на одной длинной высокой ноте. Виктор оглянулся и увидел, что дверь открыта достаточно, чтобы можно было в неё пройти, он замедлил время ещё и ещё. Всё остановилось. В ушах зазвенело от тишины. Он подошёл к двери и мимо замершего Мовлада прошел внутрь. Женщина, улыбаясь, держала в руке бокал, на столе стояла бутылка боржоми. Виктор прошёл мимо дамы, открыл дверь в кабинет, зашёл, моментально прикрыв её за собой. Не надо было им видеть никаких лишних движений. Открыл сейф. Этот сейф был раза в два больше, чем тот, который он обчистил днём. Здесь было много всего. Документы, бумаги, деньги. Виктор судорожно стал перебирать одну папку за другой. Это были договора, счета за оплату, квитанции. Ничего похожего на паспорта не было. Его охватило волнение, и Нуо на груди сразу стал неприятно вибрировать. Виктор остановился, глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки. Попробовал, как в детской игре, холодно, теплее, ещё теплее. Помогло. Он почти на ощупь вытащил несколько папок, подписанных по именам и фамилиям. Одна из них была на Анастасию Вересову, 1987 г.р. Открыл. В офисном пластиковом файлике лежал паспорт. Далее — скреплённые большой канцелярской скрепкой свидетельство о рождении, загранпаспорт, аттестат об образовании и какие-то справки.

Достал паспорт, открыл. На фотке Настя, совсем ещё мелкая, четырнадцатилетняя. Сунул паспорт обратно. Открыл загранник — получен совсем недавно. Здесь она была уже постарше, вся такая серьёзная. Настя говорила про фотки. Отогнул файлик. Вот они: крупные, цветные, формата А4. Настя в белом кружевном белье. На другой — совсем голая, пытается прикрываться руками, но тщетно, видимо, фотограф знал, что делает. Она почти вся на виду.

Виктор закрыл файл. На полке таких файлов много, штук двадцать, может больше. Открыл шкаф, стоящий рядом. На нижней полке — коробки с офисной бумагой. Взял одну, выложил бумагу. В пустую коробку сложил все деньги, которые были в сейфе, сверху положил все папки с именами девочек. Затем прикрыл всё это несколькими чистыми листами бумаги из принтера. Всё, захлопнул сейф. В азарте или просто от злости забыл даже про отпечатки, стирать не стал. Да пофиг. Вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь. Подходя к выходу, задержался на пару секунд и посмотрел на Мовлада, их глаза встретились. Тот стоял, подняв ногу, делая уверенный, широкий шаг из дверного проёма в свой офис. Появилось острое желание пнуть того по яйцам или хорошенько вломить по печени, но сдержался. «Я не прощаюсь», — подумал он и быстро вышел из конторы. Сделал несколько шагов, чтобы оказаться на том же месте, где он замедлил время. Держа двумя руками коробку, отвернулся от людей, замерших около двери в супермаркет, остановился. Затем мысленно сравнял своё время с окружающим и почти моментально оглох от шума. Никто не обратил на него никакого внимания. Город жил своей жизнью, все куда-то торопились, разговаривали меж собой, и этот шум был обыденным. Мы просто в суете его не замечаем. Забыв даже про камеры наблюдения, Виктор быстрым шагом пошёл к своей новой машине и уже через двадцать минут сворачивал с проспекта Большевиков на Мурманку. Заправив на Лукойле полный бак бензина, Виктор поставил круиз на сто двадцать, чтобы сильно не выделяться. Если менты остановят и захотят осмотреть, что у него в машине, тогда даже Нуо вряд ли ему поможет. Не хотелось думать ни об ограбленных «Южных вратах», ни о проститутках, документы которых лежали у него в машине. Обо всём этом он подумает завтра. Плевать даже на слабое угрызение совести, что, по сути, машина, на которой он едет, заработана этими же девочками. Просто лёгкая эйфория от того, что

всё так гладко получилось. Нет, это не был триумф победителя, да Виктор в этой ситуации и не был победителем, он это осознавал. Проще сказать, он был обыкновенным вором, таким своеобразным Робин Гудом, и это не делало ему чести. Скорее наоборот. Но всё это его волновало меньше всего. Больше напрягало, что по какой-то непонятной причине ужасно хотелось позвонить Насте. Удивительно, но было такое чувство, что успел соскучиться. Как-то давно, ещё в старших классах, он был без памяти влюблён в Машку из соседнего класса, и когда Машка разбила ему сердце, он долго и тяжело страдал. Потом, когда переболело, Виктор поклялся себе, что больше никогда ни в кого не влюбится. Может, потому и не женился до сих пор, что близко к сердцу не подпускал ни одну девушку. Дольше всех прожил с Анной, но и то больше по её инициативе, хотя и расстались тоже с её подачи. Но Анна была другая, её не надо было опекать. Она самодостаточная, знающая себе цену женщина. С такими, наверное, хорошо жить по расчёту. Если обоих всё устраивает, то это будет самый крепкий брак. Возможно, он будет крепким до поры до времени, пока она не найдёт что-то более подходящее.

Настя же оказалась не похожей ни на одну из его предыдущих подруг. Может, в силу возраста, а может, из-за характера она была такая непосредственная, такая открытая и настоящая, что обезоруживала. Виктор бросил взгляд на коробку, лежащую на полу перед пассажирским сиденьем. Потянулся, достал Настин файл, вытащил паспорт. Посмотрел на фотку. Прикольная такая была, смешная и несуразная. Но сейчас из девочки подростка она превращалась в настоящую красавицу. День рождения третьего сентября, через пару недель всего. Убрал паспорт во внутренний карман. Обрадуется. Да ещё эти фотки. Девчонка, конечно, в свои неполные восемнадцать повидала многое. Ну да ладно, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Зазвонил мобильный, Виктор улыбнулся: ну вот, легка на помине! Но это была не Настя.

— Виктор? — спросил незнакомый голос.

— Я, — согласился Виктор и с тревогой подумал: «Ну, начинается».

— Меня зовут Андрей, мне твой номер дал Ганс. Я листы ваши купил, понимаешь, о чём речь?

— Да, вроде. — Виктор понимал, но говорить об этом, тем более по телефону, сильно не хотелось.

— Давай завтра пересечёмся. Я свободен в любое время и подъеду, куда скажешь, если у тебя есть возможность.

— Возможность есть, давай только во второй половине. Набирай — договоримся.

— Отлично, тогда до звонка, — сказал мужик и отключился.

Чего там могло быть, даже предполагать не хотелось. Да всё что угодно. Кто его знает, как эти чудеса работают. Может, оно из никеля превратилось в конский навоз, а может, наоборот, в какую-нибудь платину. Жизнь начинала набирать обороты, и это было неплохо, гораздо лучше, чем сонная рутина с восьмичасовой сменой на какой-нибудь фабрике. Ехать стало скучно, и Виктор прибавил скорости. Машинка летела просто сказочно, не хуже угнанного мерса. Разогнался до ста пятидесяти, и километры замелькали значительно быстрее. Когда заехал в Вологодскую область, было чуть больше девяти вечера. Заправился опять до полного бака и порулил дальше. Здесь дорога пошла чуть хуже. Бетонка — еще с советских времён, кое-где в тёмных неровных заплатах асфальта, но, в целом, неплохая. На скорости сто пятьдесят «форд» уверенно держал дорогу. Подвеска неплохо отрабатывала все неровности. Опять зазвонил телефон. На этот раз это была Настя. Он поднял трубку.

— Алло, — сурово сказал Виктор, хотя сам улыбался шире плеч.

— Витя, привет, — она радостно поздоровалась. — Ну чего, как ты? Всё нормально?

— Угу, всё по плану, — бодро отрапортовал Виктор. — Рассольник не хочу, а вот рыбки жареной — с удовольствием. Чего за рыба, кстати?

— Ну, такая. Я форелек купила несколько на рынке. Они некрупные, так я их вдоль порезала и филейки пожарила. А из голов потом рыбный суп сделаю, — Настя провела полный экскурс в свои кулинарные рецепты. — Так, а ты где, и тебя когда ждать? — спохватилась она.

— Я ночью приеду. — Виктор посмотрел на часы. — Ну где-то к двенадцати, может, если всё нормально.

— О, классно, я думала, ты на утреннем поезде. Тогда я спать не ложусь, буду ждать.

— Да ложись, чего ты будешь ждать.

Было странно, что она ни разу не спросила ни про свои аттестаты, ни про паспорт. Как будто это не имело большого значения.

Долетел на одном дыхании. В Коште тормознул на остановке. Тьма была кромешная. Встал так, чтобы было видно всё вокруг, если кто подойдёт или подъедет. Достал из багажника сумку с деньгами. Посчитал. Получалось примерно двадцать три миллиона. Аккуратно сложил все пачки обратно. Около полутора миллиона было россыпью. Их сложил на дно коробки. Из Настиных документов вытащил фотки. Еле удержался от соблазна ещё раз посмотреть. Подоставал такие же фотки из других файлов. Где-то они были, где-то нет. Убрал сумку обратно в багажник. Жалко, что не было с собой ключей от гаража. Там стояла печь-буржуйка. По-хорошему бы это всё сжечь с глаз долой. Сумку тоже неплохо было бы оставить в гараже, а не тащить домой. Вообще было непонятно, что говорить Насте, а о чём лучше умолчать. Вроде он нигде не наследил, но при определённых обстоятельствах вычислить его всё же было можно. Легче всего вычислить Настю. Наверняка у них есть её адрес по прописке. Не будет же она сидеть вечно у него в квартире, по-любому где-то засветится. А если она будет что-то знать про деньги, то расколоть её труда не составит. В общем, всё было не так уж безоблачно. Виктор, не переставая просчитывать варианты, подъехал на платную стоянку на Командарма Белова. Была уже полночь, но места на стоянке оставались. Он заплатил сразу за месяц, чтоб больше не думалось. Сумку оставил в машине, а коробку потащил домой. Переходя через Юбилейную и неся перед собой в руках коробку с компроматом, пропустил ментовский уазик, медленно ползущий в сторону проспекта Победы. Было бы прикольно, если бы у них появилось желание просто рандомно проверить документы у человека, идущего куда-то ночью. Типа:

— Эй, товарищ, а в коробке-то чего тащишь?

— Да ничего особенного, лимона полтора рублей и примерно тысяч двадцать долларов. Да, кстати, ещё паспорта девчонок из эскорт-сервиса. Ну и полсотни фоток этих самых девок в чём мать родила. А так ничего, всё нормально.

Но парни из уазика, мельком глянув на Виктора, поехали дальше по своим делам, выискивая настоящих жуликов, а не какого-то мелкого

воришку миллионов во главе с Нуо. Виктор только сейчас сообразил, что с тех пор, как он вышел из «Южных врат», Нуо больше никак себя не проявлял. Больше того, сейчас он был абсолютно холодным. Потрогал рукой — такой неживой, холодный камень. Возможно, просто совпадение.

Поднялся на пятый этаж, поставил коробку на коврик перед дверью, полез за ключом, но дверь тут же открылась и Настя, выскочив за порог, повисла у него на шее.

— Ура-а, приехал! — обрадованно закричала она.

— Тихо ты, весь подъезд разбудишь, ночь же. — Виктор, подхватив Настю за талию, вошёл в квартиру и поставил на ноги, слегка пригнувшись. Настя была в белом цветастом сарафане. Волосы забраны в красивую причёску. На открытой груди на тоненьком круглом шнурке висела иконка.

— А я видела тебя, как ты через дорогу шёл, я уж полчаса тебя на балконе дожидаюсь.

— Курила, небось, на балконе? — Виктор взял коробку, поставил под вешалку и закрыл дверь.

— Ага, днём ещё. Но только две сигареты за весь день. — Она показала пачку тонких «Мальборо лайт», в которой не хватало двух сигарет.

Виктор кивнул, окинув Настю взглядом с ног до головы. Так хотелось сделать ей комплимент, сказать, какая красивая и нарядная она была, но промолчал.

— Ужин греть, или ты в душ сначала? — Настя так деловито изображала хозяйку, что Виктору стало весело.

Его холостяцкая берлога незаметно наполнялась положительными эмоциями этой беззаботной пацанки.

— Пойду в душ, — сказал он неуверенно.

— Правильно, — одобрила она. — Я на кухне буду.

Когда Виктор вышел из ванной, его уже ждала огромная тарелка с двумя большими кусками красной рыбы. Рядом лежали нож и вилка. На другой тарелке было несколько отварных картофелин, порезанных напополам, дольки лимона, пучок петрушки и порезанный тонкими слайсами толстый солёный огурец.

— Соус хочешь? — спросила Настя.

Виктор кивнул, и она достала из холодильника маленькую плошку с чем-то белым.

— Чего-то похожее на майонез? — спросил Виктор, зачерпнув ложкой это «чего-то похожее» и помазал рыбу.

— Не-а, — отрицательно покачала головой Настя. — Это сливочный соус, специально для рыбы. Я сама сделала. Ну, там немного майонеза тоже есть. Вкусно?

— Угу, — кивнул Виктор, жуя кусок форелины.

Вспомнил, как всего пару месяцев назад на этом же самом месте сидела Анька и кормила его тоже чем-то вкусным, а он уплетал за обе щёки и хвалил. И вот теперь здесь сидит девочка, которая в два раза младше его, кормит вкуснятиной и, похоже, даже счастлива. А он не знает, что ему с ней делать.

— Ну как съездил? — спросила Настя, подкладывая ещё дымящейся картошки.

— Нет, Настя, не надо больше, и так много. Наелся, хватит, — запротестовал Виктор. — А съездил нормально. Всё твоё привез: и паспорт, и аттестаты все.

— Правда?! А как тебе удалось? Так прямо и отдали, что ли? Не может быть.

Настя удивлённо смотрела на Виктора, не веря своим ушам. Он положил на стол бумажную папку, подписанную её именем и фамилией, сказав:

— Здесь всё. — И тихо добавил: — Ну, почти всё.

Настя открыла папку, достала документы, полистала.

— Да, здорово, можно поступать теперь, но в универе сказали… ну я тебе говорила… что поздно уже.

— Думаю, порешаем. Попробуем порешать. Если не получится, поступишь на следующий год. Как раз подготовишься как следует.

— Витя, спасибо тебе, — со слезами на глазах сказала она. — Я всё думаю: если бы я тогда не села к тебе в машину, мне даже страшно подумать, чтобы было, если бы… — она посмотрела ему прямо в глаза, — если бы мы не встретились.

Было приятно на душе, приятно такое слышать, но Виктор только кивнул.

— Я как раз об этом хотел поговорить. — Он отодвинул тарелку, похлопал себя по животу. — Ты прям самый настоящий шеф-повар.

Очень вкусно, Настя, правда. Спасибо большое.

— Я рада, — сказала она, вставая и убирая тарелки со стола. — Говори, не отвлекайся, я пока посуду помою.

— Ты лучше садись напротив. Поговорим — потом помоешь.

Настя поставила тарелки на стол, подошла, взяла его за руку и потащила в комнату.

— Настюха, ну опять ты начинаешь, — заупрямился Виктор.

— Пошли, пошли. — Она, продолжая с силой тянуть за руку, посадила его на диван. — Так удобно?

— Да, удобно, — сказал Виктор, откидываясь на спинку.

Настя прямо в своём сарафане прыгнула на кровать, легла на живот, подложила обе ладошки под подбородок, положила на них голову.

— Теперь говори. Удобно, когда я так?

— Более чем, — улыбнулся Виктор.

Она умела удивлять своей непосредственностью. Он до сих пор не определился, что скажет Насте, а о чём пока умолчит. По сути, он ведь её совсем не знал, и как она отреагирует на ту или иную ситуацию, понятия не имел. Но в любом случае, если он её ещё не приручил, чтобы быть за неё ответственным, то она как раз наоборот — сама того не ведая, приручала Виктора всё больше и больше.

— Уф, даже не знаю, с чего начать. Всё так непросто. Ладно, — Виктор понизил голос почти до шёпота, показав рукой вокруг комнаты, — у стен тоже есть уши. В общем, я забрал в офисе этих грёбаных «Южных врат» не только твои документы, а ещё документы двух десятков других девчонок.

— Что значит забрал? — перебила Настя. — Без спросу, что ли?

— Блин, солнце, не будь наивной! Ты думаешь, мне бы их кто-нибудь отдал?

— Ты назвал меня солнцем, это так приятно, — она улыбнулась, указывая на него пальцем. — Я думала, может, как-то за деньги; я не знаю, как это делается.

— За деньги и забрал, — ухмыльнулся Виктор. — Точнее, забрал и документы, и деньги. Пробрался в офис, когда там никого не было, вытащил всё, что было в сейфе, покидал в коробку, — Виктор показал рукой на коробку. — Ну, ещё кое-что забрал и свалил оттуда. Я сделал всё чисто, и вряд ли они меня вычислят, но ты должна быть осторожна.

Во-первых, не звони никому из твоих знакомых девочек оттуда. Во-вторых, если тебя вычислят эти бандосы (а у них наверняка есть твой Белозерский адрес), то ты знать ничего не знаешь. На самом деле это маловероятно, но всё же ты должна быть к этому готова, — Виктор сделал паузу, ожидая, как Настя отреагирует, но ни капли испуга или озабоченности в её глазах не увидел. Напротив, она подняла обе руки, держа в них воображаемый пистолет.

— Мы с тобой как Бони и Клайд.

— Ну, тип того, — чуть не рассмеялся Виктор. — Но ты, наверное, не до конца понимаешь степень опасности. Если они что-нибудь пронюхают, то нам несладко придётся.

— А можно заглянуть в коробку? — спросила она с азартом, вскочив с кровати.

— Валяй, — согласился Виктор. — Но имей в виду, там только малая часть.

Настя с усилием подняла коробку:

— Ух, тяжёлая какая! — притащила в комнату, двумя руками вытащила все папки и положила стопкой на пол. Увидев кучу денег на дне коробки, поднесла руки ко рту, прошептала: — Витя, я никогда не видела столько денег сразу. Сколько здесь?

— Может, миллиона два — два с половиной, не знаю, почём сейчас доллары.

Настя перевернула коробку, высыпав деньги на ламинат, и стала раскладывать пачками.

— Долларов столько много, можно на море съездить, например, в Италию, — она подняла на него глаза.

— Где-то я это уже слышал! — рассмеялся Виктор и добавил: — Там евры, в Италии.

Настя разложила деньги аккуратными стопками.

— Один миллион семьсот тысяч вроде и ещё двадцать тысяч долларов. Можно даже в МГУ попробовать поступить.

— Да хоть в Гарвард, — сказал Виктор и добавил тихо: — Если нас не грохнут раньше.

— А как тебе мой новый сарафанчик? — спросила Настя, ловко крутанувшись, как танцовщица на сцене.

— Чётко, — Виктор одобрительно кивнул. — Ещё чего-нибудь купила?

— Да, смотри, полусапожки на осень. — Она сбегала в прихожую и вышла в ярких красных сапожках на низком каблуке. — Нравятся? — спросила она, вставая на носочки.

— Прям модница, — похвалил Виктор. — Красивые. Правда, я в этом не очень понимаю. Ладно, Настюха, чего делать-то будем?

— Ну, давай приют откроем, — сказала она, сняв свои сапожки, и села рядом на диван.

— В смысле приют? — не понял Виктор.

— Для животных такой. Я видела объявления в газете, часто люди, подбирают собак бездомных, а потом им хозяев новых ищут. А в приюте они бы жить могли.

— Я кошек больше люблю, — сказал Виктор.

— Да всё равно, можно и для кошек, я не об этом. Просто ты вот деньги эти если украл, тебе может потом плохо быть. Заболеешь или под машину попадёшь. А так, если на доброе дело пустить, то, может, и обойдётся.

Виктор в изумлении уставился на Настю. Чего-чего, но таких речей он явно от неё не ожидал. Вот уж точно загадочная душа! Она порой выдавала такое, что хоть стой, хоть падай, и этим не переставала раз за разом его удивлять.

— А чего, думаешь, я неправильно сделал, что деньги у них спёр?

— Ну а если бы кто-нибудь у тебя спёр, Витя, тебе бы понравилось? — Она расправила ему закатавшийся на футболке рукав, погладила по руке. — Да ты не расстраивайся, у них там денег, я думаю, много. Ты же не последнее взял, но всё равно, это как-то… не знаю, — она задумалась, взяла его за руку двумя руками, — это не по-христиански.

— Ой, кто бы говорил! — вырвалось у Виктора.

Он тут же пожалел о сказанном, но было поздно. Она сразу убрала руки и как-то вся сжалась. Потом сказала:

— Ладно, поздно уже, ты, наверное, спать хочешь. Я тоже пойду лягу.

Извиняться смысла не было. Виктор встал с дивана, собрал деньги и бумаги обратно в коробку и поставил её в угол комнаты.

Пошёл на кухню, вымыл тарелки и сел за стол. Вот кто за язык тянул? Девочка так старалась, как родного накормила, напоила, а он её носом — в грязь. Словно припомнил, где она недавно была. Жестоко

получилось. Не по-людски. Сидел молча, думал: может, показалось и придёт сейчас девочка. Но не пришла. Обиделась. За стенкой было тихо. Через полчаса зашёл в комнату. Настя лежала на кровати, закрывшись одеялом, телевизор не включала. Её сарафан аккуратно висел на спинке кресла. Вероятно, спала. Виктор, не раздеваясь, лёг на диван, укрылся пледом. Нуо был холодный как лёд. Он долго лежал молча, размышлял обо всём, потом незаметно уснул.

Глава 10

Глава десятая. Август 2005, Санкт Петербург

Поздно вечером Мовлад Мержоев, развалившись, сидел в удобном кожаном кресле в комнате отдыха VIP-сауны. Заведение находилось в районе Кудрово на юго-востоке Питера. На низеньком столике перед ним стоял стеклянный прозрачный чайник с чаем. Рядом на блюдечке в пиале из тонкого фарфора дымился ароматный чай. В руке, перебирая пальцами, он вертел патрон от АК-47. Два его партнёра по бизнесу, Вован и Тимур, только что разъехались по домам, а он решил остаться. Хотелось ещё немного посидеть и подумать.

День был долгий и нервный. Произошло сразу несколько событий, которые вывели Мовлада из ритма привычной размеренной жизни. Началось всё с того, что не срослась сделка по покупке караоке-бара, за который он должен был внести задаток десять миллионов рублей. Приехал на встречу честь по чести, привёз наличку, а продавец включил заднюю. В принципе, ничего экстраординарного в этом не было, да и предварительный договор был всего лишь устным договором о намерениях. Так что здесь без претензий, но сама форма отказа была немного не по понятиям. Продавец не приехал, не извинился за отмену сделки, а просто послал молодого лошковатого представителя, который двух слов связать не мог. Потом позвонила его исполнительный директор, а по-простому — мамка София и сказала, что сразу несколько девочек, которые оказывали интим-услуги, съехали со своих квартир в неизвестном направлении. Про двух из них он уже знал точно. Одна была деревенская малолетка Настя, убежавшая от VIP-клиентов, причём прямо у него из-под носа. Вторая — матёрая проститутка Лана, давно работавшая под крышей «Южных врат». Документы и той, и другой лежали в сейфе на Дыбенко. Про других девок он пока не знал, но когда приехал в офис, то обнаружил, что из сейфа пропало много чего ценного, включая почти два миллиона рублей. Пропажа налички волновала меньше всего, но вот кому понадобились паспорта проституток? Кому-то из них самих, как вариант. И если Настя была просто малолетняя дура, то Лана, эта хитрожопая стерва, частенько

обманывала его, обслуживая клиентов мимо кассы. Она могла обворовать либо сама, либо кого-то попросить. Давно хотел поставить видеонаблюдение в офисе — вот и результат самонадеянности. Случилось также нечто необычное. Когда Мовлад заходил в офис, ему явно показалось, что прямо перед ним стоит мужик и в упор смотрит на него взглядом, полным ненависти. Это длилось всего мгновение. Словно мимолётная вспышка, но она так чётко отразилась и запомнилась в мозгу, что он бы однозначно узнал этого человека, если бы встретил где-нибудь на улице. Можно было, конечно, отнести это к кокаиновому глюку, но Мовлад в этот день не нюхал. Что это были за игры разума, он не знал, но, отметив для себя, что это, очевидно, что-то нездоровое, решил пока повременить с наркотиками. Оставив Софию разбираться в конторе одну, Мовлад созвонился с двумя своими партнёрами по фирме и назначил встречу. Надо было ввести их в курс дела и порешать, в каком направлении копать. Сам же поехал домой — деньги в офисе оставлять было не комильфо. Принял решение переодеться и после уже поехать в баню поговорить, а заодно и снять усталость. Машину в подземный гараж ставить не стал, бросил прямо у входа на тротуаре. Парковаться здесь нельзя, но кто же осмелится сделать ему замечание? Тем более он всего-то на полчасика.

— Здравствуйте, Мовлад Ахмедович, — охранник привстал из-за своей стойки.

Мержоев молча кивнул.

— Меня заругать могут за машину на тротуаре, — охранник смотрел вслед Мержоеву, направляющемуся к лифтам.

— Я быстро, — сказал тот, нажимая на кнопку вызова, — пять минут.

Дома никого не было. Жена с детьми поехала по кружкам и тренировкам. Ключ странно повернулся в замке. Как будто там что-то слегка заклинило, но потом отпустило. «Надо будет смазать», — подумал Мовлад и сразу направился в свой кабинет. Привычным движением отдёрнул бамбуковую шторку, набрал код, повернул ручку сейфа. И замер. Сейф был пуст. На средней полке ровно посередине блестел патрон от автомата Калашникова. Причём именно блестел. Такой до зеркального блеска начищенный патрон. Взяв его в руки, Мержоев почувствовал неприятную дрожь. Нет, он не испугался. Он давно перестал бояться за свою жизнь. Здесь было что-то другое.

Скорее, злость, и если кто-то пытался завладеть его вниманием, то у него это получилось. И этот кто-то явно начал против него направленную и продуманную войну. Это не была череда совпадений, а строго выверенные ходы. И они зашли в святая святых, в его жилище, где могли быть его жена и дети. Мовлад был в прострации всего несколько секунд. Потом мозг заработал на-полную, и он начал действовать чётко и без промедления.

Сначала позвонил жене. Узнав, что она в порядке, набрал своему компьютерщику и партнёру в одном лице, Тимуру, и быстро спустился вниз, к охране. Тимур приехал почти сразу. Прогнав охранника из-за стойки, скопировали себе всё, что было на видео за последние три дня. Тот пытался сопротивляться, что, мол, так нельзя, надо делать официальный запрос, но Мержоев бросив на стол несколько тысячных, показал ему кулак, и тот, успокоившись, согласился. До бани было недалеко, но уже собирались вечерние пробки, и пришлось потолкаться. Мержоев не нервничал. К пробкам он давно привык, в них он думал. Думал о своём бизнесе, планировал свои ходы наперёд и анализировал уже сделанные.

Мовлад родился в конце шестидесятых в небольшом посёлке в долине реки Терек. Потом родители переехали, и в первый класс он пошёл уже в Грозном, а в пятнадцать лет стал чемпионом Чечни по греко-римской борьбе среди юношей. Затем, по настоянию отца, он поехал в Питер и поступил в Лесгафта. Пока учился, параллельно увлекся боями ММА, на чём и заработал свои первые деньги. Тогда уже вовсю шла горбачёвская перестройка, и Мовлад понял, что надо зарабатывать не кулаками, а головой. Учиться было уже неинтересно, и институт он окончил только из уважения к родителям. Но не обошлось и без накладок — Мержоев только чудом не сел за изнасилование. Он потратил на отмаз почти все свои деньги, но остался на свободе. Каким-то удивительным образом не хватило улик. Потом дела пошли резко в гору. Дисциплина, взятая из спорта, природная самоуверенность и беспринципность, а также незаурядный ум и хитрость дали свои плоды. Мержоев теперь решал вопросы не только с помощью силы, а стал договариваться, подкупать, брать в долю, а также уважать границы чужих зон влияния. В начале девяностых он открыл фирму «Южные врата». Почти сразу подтянул в бизнес Вована, своего если не друга, то давнего хорошего знакомого.

Вован был на год младше Мовлада. Он повоевал в Афганистане. После дембеля поработал пару лет в ОМОНе, но не прижился. Вован был не дурак, быстро сколотил команду и стал в конторе кем-то вроде начальника службы безопасности. Его парни в основном были из обыкновенных быков и без труда решали все силовые задачи. Мовлад был не против переложить всю грязную работу на Вована, а сам полностью занялся развитием легальной части бизнеса.

Третий дольщик, Тимур, был в фирме с самого открытия, но работал по найму, хоть и получал просто баснословную зарплату. Потом он заработал кучу денег, взломав несколько крупных инфо-блогов и запустив левую инсайдерскую информацию от имени одной крупной компании. Сам же, купив фьючерсов и дальних опционов за копейки, сыграл против толпы. Вложенные деньги были Мовлада, но прибыль составила тысячи процентов. Мержоев в этом ничего не понимал, однако быстро смекнул выгоду и предложил Тимуру долю, понимая, что либо тот будет зарабатывать деньги конторе и будет под присмотром, либо всё равно уйдёт на вольные хлеба. Деля компанию, Мержоев по номиналу продал своим партнерам две равные доли по двадцать пять процентов, оставив себе пятьдесят.

В последнее время их бизнес устаканился, и всё закрутилось более-менее гладко. Территории давно были поделены, конфликты случались крайне редко и решались быстро. Всем, кому надо, платилось, но эти расходы были каплей в море по сравнению с прибылью. Работа превратилась в накатанную рутину, и стало даже немного скучновато. Порой за бутылочкой вискаря нет-нет да и вспоминались с ностальгией старые времена, когда вопросы решались жёстко: с помощью кулаков, бейсбольных бит, а то и АК-47. И вот внезапно случилось наглое, дерзкое ограбление. Сразу в двух местах в один день. На такое мог пойти только кто-то, очень хорошо знающий конторский распорядок и владеющий внутренней информацией.

Трое сидели на белых осиновых лавках в парной и решали, что делать дальше. Говорил больше Мовлад.

— Тимур, ты должен прошерстить всё, что только можно. Просмотри каждого человека, кто входил и выходил. Посмотри другие камеры. Может, ещё где есть, на соседних домах. Проверь компы в офисе. Словом, собери всю информацию. Ты, Вован, пробей всех девок, кто от нас ушёл. У кого были проблемы, может, кого-то из них

больше штрафовали. Особенно проверь тех, чьи паспорта унесли. Поговори жёстко со всеми, кто был сегодня в офисе. Ну, ты знаешь. Я пока пробью этого мудилу, который отказался от продажи бара. Может, он как-то замешан.

На том и порешили. И вот все уже разъехались, а Мовлад продолжал сидеть, пить ароматный чай и думать. Почему-то захотелось дать оценку своему бизнесу. Правильно ли всё это? Мержоев не соблюдал все законы шариата, хоть и считал себя мусульманином. Он выпивал спиртное. Не часто, но бывало. В последнее время даже жене не изменял. Намазы делал крайне редко, только в исключительных случаях. Бизнес интим-услуг хоть и классифицировался как харам, но уже так приелся, что Мовлад не считал это направление греховным и смотрел на проституток не как на людей, а как на инструмент, приносящий доход. Как доярка смотрит на корову. Это просто животное, которое даёт молоко. А не то, что у животного есть какие-то переживания, личные потребности или душа. Вспомнилась эта деревенская Настя откуда-то с Вологодской области. Эту дуру он лично затащил в бизнес, наобещав кучу всего несбыточного. Она, походу, даже не сразу и поняла, куда вляпалась, а когда открыла рот, чтобы уйти, он выставил ей огромный штраф, чтоб не расслаблялась. Может, больше, чем того следовало, но с ними иначе нельзя. Иначе они берега попутают, а должны бояться и уважать. Он вспомнил этот её злой взгляд, когда вез её к голландцам на субботник и несильно ударил по лицу. Так, для общего воспитания. Она так посмотрела на него, как будто намеревалась дать ему сдачи. У этой девки однозначно был характер. Сбежала с голой жопой. Все вещи, документы оставила — и пропала. Где-то трётся, по любому, в Питере. А может, к себе в деревню укатила. Да и хрен с ними, с убогими. Надо найти, кто всё это сделал. Найти и наказать. Наказать жестоко, чтобы впредь знали, что с Мержоевым лучше не связываться. Опять где-то в голове цветной картинкой промелькнул тот парень, которого он мельком увидел при входе в офис. Мовлад потряс головой, стараясь избавиться от навязчивого видения. Он допил чай и не торопясь стал собираться домой.

***

Череповец

Виктор проснулся пораньше и, чтобы не будить Настю, вышел, тихо закрыв за собой дверь. Завтракать не стал. Быстро умылся, взял ключи от гаража и выскользнул из квартиры. Около подъезда стояла припаркованная «Нива». «Надо что-то с ней делать», — подумал он. Две машины вроде как ни к чему. Поздоровавшись со сторожем на стоянке, прыгнул в свой новый «форд». Опять ощутил приятное чувство обладания чем-то прекрасным. Поехал сразу в гараж. Первым делом разложил деньги. Положил в пакет пять миллионов, потом, подумав, добавил ещё три. Пакет завернул в старое одеяло, плотно завязал бечёвкой и, спустившись в кессон, положил в самый неприметный угол, сверху бросил грязный холщовый мешок из-под картошки. Остальное разложил по коробкам. Если кто-то будет искать целенаправленно, то найдёт однозначно, а если так, случайный воришка, то вряд ли. Пять миллионов положил в сумку на ремне. Это домой. Затем достал пачку питерских порнофоток, что утащил из «Южных врат», скомкал их, положил в буржуйку и поджёг. Печку не топил давно, и она сразу же наполнила дымом весь гараж. Видимо, в трубе скопился конденсат. Пришлось открыть ворота и долго шевелить не желавшие гореть улики. В конце концов в печке ничего не осталось, кроме кучки чёрного пепла.

Потом поехал получать номера. В ГИБДД очередь была аж на улице, но при помощи дополнительных пяти тысяч и предприимчивого товарища поставил на учёт меньше чем за час. Затем поехал в ЧГУ, предварительно купив целый пакет самых разных шоколадок. В приёмной комиссии сидели две девушки, как оказалось, просто студентки третьего курса. Виктор стал методично раскладывать шоколадки перед ними, задавая интересующие его вопросы. В конце концов добился, чего хотел. Теперь он знал, что решает всё здесь некая Тамара Ильинична. Но дама она неприступная, хотя если правильно подойти, то кто знает…

Вот про это «хотя» как раз и нужно было с ней поговорить. Выяснил, что дама будет только после обеда. Затем позвонил своему знакомому Павлу. Тот несколько лет назад окончил ЧГУ, был старостой группы и вообще активным участником общественной жизни. Павел взял трубку с первого гудка, как будто ждал звонка, сказав громко:

— Слушаю внимательно.

— Паша, привет. Узнал? — спросил Виктор.

— Э-э, Ярский вроде? Привет, как сам? Говори скорее, а то важный звонок жду.

— Я нормально. Ты знаком с такой Тамарой Ильиничной из ЧГУ?

— Конечно, знаком. Подкатывал к ней в своё время, но она меня бессовестно отшила. Хотя по глазам было видно, что хочет.

— Паша, да я не об этом. Как она вообще? Можешь её кратко описать? Что любит, чем дышит? Встречаюсь с ней сегодня. Мне человечка надо в ЧГУ пристроить.

— Да нормальная баба, только принципиальная очень. Немного стерва, но ей и положено на её должности. Будешь договариваться, лучше прямо говори, чего хочешь, а то не любит, когда врут. А чего в ЧГУ? Универ-то отстойный.

— Понял, спасибо. А в чём у института есть потребность, как думаешь? Я сам тоже принципиальный, взятки давать не очень люблю. Может, им купить чего-нибудь? Шторы какие-то или чего там обычно в таких случаях покупают.

— Ярский, ну ты деревня! — рассмеялся Паша. — Какие на хер шторы, это же не первый класс школы. Не знаю чего но у них никогда не было нормальных компов на информатике. Предложи, может, заинтересуешь. Штуки три купишь хороших тысяч по сорок — вот тебе и взятка. Только смысл? Как я и сказал, институт-то говённый. Так только, чтобы вышку получить, а знаний ноль.

— А по тебе не скажешь, что ноль, вон, какой умный стал после ЧГУ, — сказал Виктор.

— Так я всегда умный был, при чём тут ЧГУ? Всё, Ярский, Тамаре привет от меня передавай и поцеловать не забудь. Ладно, бывай, мне, правда, некогда, боюсь звонок пропустить. Покедова, — и Паша отключился.

Виктор нашёл в принятых звонках номер вчерашнего Андрея, набрал. Тот был в индустриальном районе и тут же предложил подъехать в любое место.

— Могу я подъехать, — сказал Виктор.

Андрей назвал адрес — это было старое деревянное офисное здание на Луначарского всего в десяти минутах езды. Ровно через десять минут Виктор уже поднимался по скрипучей лестнице, гадая, что за интерес такой к нему у этого Андрея.

— Добрый день, Виктор, — радостно улыбаясь, протянул руку высокий мужчина в дорогом светло-сером костюме и блестящих лаковых полуботинках.

— Добрый, — Виктор пожал руку.

Лицо было знакомое. Где-то он этого Андрея точно видел, но где — ни малейшего представления. Андрей показал рукой на мягкое офисное кресло около стола. Сам сел в своё.

— Кофе, может? Или чай? — спросил он.

— Нет, спасибо, не надо.

— Тогда сразу к делу, — Андрей говорил таким радостным, уверенным тоном. Чувствовалась выучка то ли руководителя, то ли комсомольского вожака. Он продолжил: — Я забрал весь никель у перекупов в Поляне. Ганс так-то сначала мне позвонил, но меня в городе не было, и вы перекупам отвезли, а так бы я дороже забрал, но не в этом суть. Виктор, а ты где этот никель брал? — прямо спросил он.

Виктор ожидал такого вопроса.

— У меня он давно лежит. Просто деньги понадобились. А в чём проблема?

— Нет никаких проблем, — опять жизнерадостно заговорил Андрей. — Просто обычно продают то, что с «Севки» тащат. Он идёт стандартного размера и определённого качества. Этот твой — тоже размер стандартный, хоть и редкий, но вот качество… — он поднял ладони кверху. — Честно скажу, я такой первый раз в жизни вижу, хоть и занимаюсь цветняком давно. Я для интереса сдал в лабораторию. Там чистота — несколько девяток после запятой. Это что-то нереальное. Вот я и хотел спросить, может, там ещё есть, где ты брал?

— К сожалению, больше нет, — ответил Виктор, вставая. — Это старые запасы.

— Я понял, — сказал Андрей, похоже, не веря ни одному слову. — Но если вдруг ещё запасы появятся, — он подмигнул, — звони мне напрямую. Я заберу намного дороже.

— Хорошо, — сказал Виктор, выходя из кабинета, — обязательно.

Неудивительно, что никель был высшего качества. Видимо, всё, чего хоть как-то касался Нуо, было идеально. Вспомнив про Нуо, Виктор опять машинально потрогал его. Холодный. Когда через пару часов он снова зашёл в приёмную комиссию ЧГУ, девушки встретили

его уже как хорошего знакомого. Вот что шоколад животворящий делает!

— Тамара Ильинична здесь? — спросил Виктор, заглядывая кабинет.

— Была, но вся вышла, — улыбнулась одна из девушек и добавила: — Вы посмотрите у методистов в соседнем кабинете, вероятно, там.

Постучал к методистам. Тишина. Нажал на ручку — дверь открылась. Виктор сделал шаг в кабинет. Невысокая дама в изящном деловом костюме стояла у окна и из лейки с длинным носиком поливала огромную пальму.

— Тамара Ильинична, позвольте войти, — вежливо осведомился Виктор.

— Вы уже вошли, — не поднимая глаз, ответила она, продолжая лить воду в большую деревянную кадку.

Виктор представлял даму гораздо старше. Этакую заведующую старой советской закалки с огромным шиньоном на голове, в платье с рюшками и в туфлях сорокового размера фабрики «Большевичка». Но Тамара Ильинична была интеллигентной женщиной, на вид моложе сорока, одета с иголочки, и с первого взгляда производила впечатление умной и современной руководительницы.

— Если у вас найдётся минутка, я бы хотел поговорить об одной очень смышлёной абитуриентке, — Виктор решил не ходить вокруг да около.

— Я вас внимательно слушаю, — сказала она, поставив лейку на пластиковый поднос и вытирая руки бумажным полотенцем.

— Моя родственница, прямо скажу, не поступила в престижный питерский вуз, и я порекомендовал ей подать документы в престижный череповецкий вуз, то есть в ваш. Так как приём документов закончен, я бы хотел попросить вас рассмотреть…

— Как вы сказали, вас зовут? — перебила его Тамара Ильинична.

— Виноват, не представился, Виктор Ярский.

— Вы, Виктор, только что сами сказали, что приём документов закончен. Я порекомендую вашей родственнице на следующий год подать документы сразу в несколько вузов, а потом из тех, куда возьмут, выбрать лучший.

— Очень хороший совет, — сказал Виктор. — Если нет других вариантов, то так и придётся сделать. Я подумал, может, у вас оставались свободные места или кто-то, как вы только что сказали, подавал документы в несколько вузов и выбрал другой, — он посмотрел выразительно в глаза даме, но увидел там только лёгкую иронию. Да, сейчас, конечно, очень не хватало Нуо.

— К сожалению, мы не принимаем документы за две недели до начала учебного года.

— Я вас услышал, — сказал Виктор, вставая. — Ну не взятку же вам предлагать. Похоже, я тогда не смею вас задерживать.

— Почему? Попробуйте, — снова с иронией заметила дама. — Статья 291 УК РФ.

— Даже не пытался, — улыбнулся Виктор. — Но вот для университета могу кое-чем пожертвовать.

— Например, чем? — Спросила Тамара Ильинична, подняв на него проницательный взгляд.

— Например, могу закупить компьютеры для класса информатики. Стационарные или ноутбуки. — Виктор выдержал её взгляд и добавил: — Самые лучшие. Вы сами можете выбрать. Это же не подпадает под статью 291?

— Ещё как попадает, — Тамара Ильинична уже с интересом смотрела на Виктора. — Так что, как я и сказала, на следующий год. Ещё есть вопросы?

— Больше нет, Тамара Ильинична, было приятно с вами пообщаться. Правда, приятно.

Виктор говорил честно и открыто, своих намерений не скрывая, и она это заметила. Он положил листок с написанным на нём своим телефоном.

— Визитки у меня нет, но если вдруг что-то поменяется, то, пожалуйста, позвоните. А я выделю миллион рублей на покупку двадцати ноутбуков по пятьдесят тысяч каждый. Думаю, для института это будет неплохая инвестиция. Но не это главное. Просто девочке немного не повезло, и хотелось бы ей помочь. Если это, конечно, в ваших силах. — Он направился к выходу, затем обернулся и добавил: — Это не взятка. И кстати, вам большой привет передавал Павел Найдёнов. Всего доброго.

Виктор заметил мгновенную перемену в лице, как будто она хотела ещё чего-то сказать, но он уже закрыл за собой дверь.

Вышел на улицу и сразу позвонил Пашке:

— Паша, привет ещё раз. У этой Тамары есть твой номер?

— Конечно, есть. Постоянно поздравляемся с праздниками. Ты же знаешь, меня все женщины хотят.

— Да, да, несомненно. Паш, если она тебе позвонит и спросит про меня, ты там скажи, как надо. Ну, что я не подстава, и всё такое.

— Ярский, хватит загадками говорить. Предложил чего-нибудь?

— Да. Миллион. Компами.

— Пипец, ну ты сумасшедший, Витёк. Зачем так много-то? Это же не грёбаное МГИМО. Лучше бы мне дал, я бы за три рубля всё решил. Ладно, скажу, давай, у меня вторая линия, — и он отключился.

Не прошло и трёх минут, как Паша перезвонил:

— Ярский, ты там не далеко отъехал от чегэушки?

— Нет, гуляю рядом.

— Поднимись к ней, она тебя ждёт. Вот ты придурок. Миллион просрал, как с куста, — удручённо сказал Паша.

— Спасибо, Паш, — на придурка Виктор не обиделся.

Поднялся наверх. Тамара Ильинична сидела за столом и указывала рукой на стул напротив.

— Вы, Виктор, видимо, обеспеченный человек, раз можете себе позволить делать такие щедрые «пожертвования», — она сделала ударение на слове пожертвования. — Я не буду считать это взяткой, поскольку такая большая сумма абсолютно нелогична, и я с удовольствием приму её, как действительно пожертвование для ЧГУ. Но вы должны перевести деньги так, чтобы всё было официально.

— Давайте так. Пусть ваш человек пойдёт в любой магазин, выберет компов на миллион, а я оплачу по квитанции. Так будет проще.

— Хорошо, я проконсультируюсь с бухгалтерией. Теперь к вашей родственнице. Прежде чем мы начнём что-либо делать, пусть принесёт документы завтра ровно к девяти утра в соседний кабинет к девочкам. Потом пусть зайдёт ко мне. Хочу с ней пообщаться. Надеюсь, она не в курсе, про?.. Про, компьютеры.

— Не в курсе.

— На какой факультет хотите?

— Архитектура дизайна чего-то там, — сказал Виктор.

— Дизайн архитектурной среды, — поправила Тамара Ильинична. — Точно нет. Там большой конкурс. Все места распределены. Могу предложить только «Информационная безопасность» либо «Прикладная математика и информатика».

— Я спрошу у неё. — Вероятно, надо было с этого начинать.

Виктор только сейчас подумал о Насте. Может, ей это всё на фиг не надо, а он тут всех на уши поднял.

— Тамара Ильинична, спасибо заранее. Номер мой у вас есть. Завтра ровно в девять Настя у вас. Анастасия Вересова, — поправился он.

Прежде чем ехать домой, заскочил в «Банзай» купить Насте мобильник. Не стал слушать консультанта, просто ткнул пальцем в самый дорогой SonyEricsson и купил сразу два. Вспомнил про еду, которую вчера наготовила Настя, и почувствовал сильный голод. Целый день пробегал, а во рту ни маковой росинки. Даже не позавтракал. Был соблазн поставить машину у дома, но во дворе мест не было, а на дороге что-то побоялся. Пришлось топать пешком от стоянки. Открывая дверь квартиры, сразу почувствовал приятный запах чего-то вкусного, как в кондитерской. Настя со скалкой в руке выглянула из кухни. Она была в его шортах, не по размеру больших, и футболке. Вся в муке, видимо, что-то стряпала.

— Бить будешь? — улыбаясь, он показал на скалку.

— А следовало? — Настя подошла ближе и, обняв Виктора одной рукой, поцеловала в щёку.

В этот раз он не отстранился. Напротив, он даже хотел ответить. Но она уже зашагала на кухню, приговаривая:

— Вообще, ты мог бы хоть позвонить. Умотал куда-то на целый день, а я не знаю, чего и думать. Нашла в журнале рецепт меренгового рулета. Решила попробовать испечь.

— Здорово, люблю рулеты всякие, — сказал Виктор, открывая воду и намыливая руки. Настиных вещей в ванной ещё прибавилось. — Я голодный как волк.

— Сейчас покормлю. Подогреваю уже, — донеслось из кухни.

— Это тебе, — сказал Виктор, вытирая руки, положив на стол коробку с телефоном. — Сим-карта МТС новая, номер на моё имя.

— Здорово! — Настя взяла в руки коробку и радостно воскликнула: — О-о, Сонька! Прикольно. Это же последняя модель! Я видела в рекламе, спасибо Витя. — Она опять обняла его, испачкав мукой. — Ладно, потом с телефоном. Давай садись за стол, кормить тебя буду, и как раз, пока ешь, рулетик поспеет.

Она двумя прихватками вытащила из духовки дымящийся блин чего-то вкусного. По кухне тут же распространился аромат выпечки. Пока ел рассольник, вкратце рассказал про универ, умолчав про договор о ноутбуках.

— Пойдёшь? — спросил Виктор. — Или неинтересно?

— Почему, очень интересно. Информационная безопасность — востребованная профессия. Мне нравится. А как тебе удалось?

Виктор пожал плечами:

— Ну, пока ещё не совсем удалось. Завтра сходишь на собеседование, может, ещё и не возьмут тебя.

Вечером Настя забралась на кровать, как всегда, прошлась по каналам, остановившись на какой-то комедии. Виктор терпеливо, один за другим, запаковывал паспорта и документы девушек по конвертам.

— Думаешь по почте отправлять? — спросила Настя.

— Ну а как? Я, честно говоря, не уверен, что правильно сделал, забрав эти паспорта. Куда их девать, ума не приложу, отправлять по прописке тоже не факт, что правильно. Похоже на такую медвежью услугу. Но если бы я забрал только твой паспорт, всё подозрение было бы на тебя.

— А ты в милицию отправь, — посоветовала Настя. — А вообще лучше бы в Питере это сделать, чтобы адрес отправителя тоже там был.

— А ведь это идея! Настя, ты прямо как настоящий шпион.

— Обращайтесь, — улыбнулась она. — Не решил пока, чего с деньгами делать?

— Ты же приют хотела открывать, — ухмыльнулся он.

— Так это я хотела, ты же ничего не сказал.

— Ладно, давай подождём пока с приютом. Надо сначала со своими делами разобраться. Кстати, ты маме своей будешь сообщать, где ты вообще?

— Уже сообщила. Сегодня позвонила, сказала, что не поступила и что в Череповце живу пока. Но ей, походу, пофиг. Даже не спросила,

где, чего? На какие шиши я существую?

— Я понял, — Виктор задумался.

Настя позвонила домой. Значит, если питерские будут копать, то по звонку можно будет и его вычислить. Это, конечно, пока домыслы, похожие на паранойю, но совсем со счетов скидывать нельзя. И Нуо продолжал висеть на груди мертвецки холодный. Пожалуй, надо позвонить Николасу, хотя откуда он может знать, чего там на уме у этого Нуо?

— Чего задумался? Хмурый такой.

— Да так, всё пытаюсь сложить А и Б: могут ли твои друзья на нас выйти, если захотят.

— Ой, да как они могут? Они дальше своего носа ничего не видят. У них там девчонки каждый день деньги воруют, и ничего, никто даже не замечает.

— Я видел там у тебя загранпаспорт в документах. Даже не знал, что его несовершеннолетним выдают.

— Да, от родителей заявление — и можно получить. Не проблема. Я и получила, чтобы домой потом не возвращаться. Думала же в Питере навсегда остаться.

— Надо шенген тебе сделать, — зевнув, сказал Виктор.

— Да, и поедем на острова? — приподнявшись на локте, обрадовалась Настя.

— Поедем обязательно, вот на каникулы выйдешь, и сразу поедем.

— Звучит многообещающе, — сказала Настя.

На диване спать стало уже привычно. Настя перестала щёлкать по каналам и вроде уже спала. Виктор закрыл глаза, но сон не шёл. Вот чего он из себя строит такого правильного? Девчонка, которая ему нравится, да собственно, понравилась с первой минуты, лежит на соседней кровати у него дома, а он изображает из себя такого папочку-недотрогу. Настя приняла эту игру, и если вчера она была нежна с ним, то сегодня вела себя как со старшим братом. А может, это и к лучшему. Да пусть оно идёт как идёт. Время разрулит, оно всегда так делает. Незаметно он задремал, а может, уже заснул, когда услышал шевеление где-то рядом. Проснулся мгновенно, как всегда в таких случаях. Виктор ещё с детского дома спал чутко. Приоткрыв один глаз, увидел силуэт Насти. Она, на цыпочках, стараясь не шуметь,

пробиралась в его сторону. В его старой футболке, прикрывавшей её стройные ноги почти до колен, она была чертовски соблазнительна. Бесшумно села на диван, потом, как Натали Портман в старом фильме с Жаном Рено, тихо легла рядом, повернулась спиной к Виктору и, взяв его руку, обняла ею себя. Он лежал с открытыми глазами, вдыхая аромат её волос, и счастье переполняло его. Виктор не испытывал такого чувства много лет. Это было намного сильнее обычного желания секса, это было то давно забытое чувство чистой любви и нежности. Как тогда, в детском доме, когда он первый раз поцеловал Машку. Он лежал, не шевелясь, боясь, чтобы эта идиллия недосказанности не превратилась в банальный секс. Так и уснули. Потом, уже под утро, он машинально покрепче прижал Настю к себе. Она сквозь сон тут же отреагировала, прижав его руку к губам. Если может быть рай на земле, то, вероятно, он должен выглядеть именно так. Проснулся Виктор от яркого солнечного света. Моментально сел на диване, протирая глаза. Тут же вспомнил, что спал не один. Это был не сон. Пошёл умываться. Настя суетилась на кухне. Она была в своём сарафане, вся нарядная, накрашенная и с причёской. Когда они это всё успевают? На столе на большой тарелке лежало что-то красивое и, походу, очень вкусное.

— О, засоня пришёл! — Она подошла к нему, обняла двумя руками и поцеловала в губы. Причём поцеловала не просто дежурно, а сочно так, с язычком. Виктора как молнией прошибло. Все нейроны побежали в мозг и дальше, отдавая приказы организму, бессовестно ставя на первое место инстинкт продолжения рода.

— Я — в душ, — сказал он, улыбаясь и отстраняясь от Насти.

— Давай скорее, я чай заварила, завтракать будем.

— Пять минут, — крикнул Виктор уже из ванной.

Сидели друг напротив друга, пили чай с бергамотом и молча смотрели друг другу в глаза. К слову сказать, рулет получился вкусный. Виктор не знал, какой он должен быть, ни разу раньше такой не пробовал. Он просто таял во рту.

— Кажется, мы сегодня с тобой переспали, — наконец сказал он, улыбаясь.

— Ага, хотя только в буквальном смысле слова, — ответила Настя. — Мне понравилось с тобой спать, ты такой тёпленький.

— Тесно, наверное, на диване, — Виктор, сам того не осознавая, развивал опасную тему. Потом опомнился: — Тебе же в универ к девяти!

— Так ты жуй быстрее, и поедем, ещё сорок минут. Как раз успеем.

Выйдя на улицу, Настя направилась к «Ниве», но Виктор остановил её, взяв под руку, и повёл в сторону стоянки.

— Давай лучше я вот так, — она взяла его за локоть, и они пошли вместе, как самая настоящая пара.

Настя сказала:

— Не знаю, куда мы идём, но почему-то я думаю, что мне это понравится.

— Понравится, — сказал Виктор, когда они подходили к стоянке. — Я машину купил.

— Да ты полон сюрпризов, мой принц, — она засмеялась. — Ничего себе, какой красавчик! Беленький, как я люблю.

Домчали быстро. Счастливая Настя, поцеловав Виктора, летящей походкой побежала в универ. Он не мог налюбоваться, глядя на её удаляющуюся фигурку. Насти не было долго, и Виктор опять вспомнил про Николаса. Нашёл его в записной книжке, набрал номер. Кто-то говорил, что международные звонки стоят невероятных денег, но выбора особо не было. Долго слушал гудки, потом ответил женский голос, сказав что-то непонятное, скорее всего, на греческом.

— Good morning, — вежливо поздоровался Виктор. — May I speak with Nicolas Kostas?

Повисла тишина, и Виктор уже подумал, что Николас сейчас ответит, но потом услышал дыхание в трубке.

— Алло, — снова сказал он. — Are you there?

— Who are youto Nicolas? — женщина говорила на английском с сильным акцентом, с таким, как говорят русские. — What is yourname?

— I am Victor, his Russian friend.

— Oh, I see. Victor, Nicolas died week ago.

— What? but Isaw him… — Виктор не мог поверить своим ушам. Как умер? Только пару недель назад они виделись. Это невероятно.

— I regret to tell you such horrible news. He came from Finland, and… — Женщина начала плакать, затем сказала: — I can’t talk now, please accept my apology, — и она отключилась.

«Как так-то», — подумал Виктор. Это не укладывалось в голове. Он же был абсолютно здоров, это же не должно было случиться! Человек, который открыл ему дверь в этот загадочный мир чудес, мёртв. Как будто он выполнил свою функцию на земле и спокойно ушёл в мир иной. По сути, Виктор даже не знал, чем он жил, была ли у него семья. Эта женщина вполне могла оказаться его супругой. Да, Николас пришёл в жизнь Виктора как одна большая загадка, так и покинул её, оставив столько всего неразгаданного. Вспомнил, как при первой их встрече в поезде Николас задал ему вопрос: что можно сделать, чтобы жизнь в его стране стала лучше? Виктор тогда чего-то наплёл про то, что надо хорошо работать — из серии «как завещал великий Ленин». Возможно, это было где-то недалеко от истины. Но вот взять Виктора. Много он работает? Уже второй раз судьба ему посылает кучу денег, а он палец о палец ни колонул, чтобы сделать жизнь окружающих его людей чуточку лучше. Ну да, он попробовал тогда в деревне у Васильича, но это было так по-детски, что даже вспоминать не хотелось. Сейчас, сидя в машине, купленной за деньги, которые он фактически украл, Виктор держал в руке холодный Нуо, который ему подарил Николас. Человек, которого больше нет в живых. Ему захотелось сделать что-то на самом деле значимое. Что-то великое — не столько для себя, а больше для близких ему людей или не обязательно близких. Он ещё не знал, что, но сама идея зародилась в голове именно в этот момент. Может быть, как память о русскоговорящем греке, а может быть, именно сейчас он окончательно повзрослел.

— Спасибо тебе, Николас, — сказал Виктор вслух. — Спасибо за всё. Я тебя не подведу. Где бы ты сейчас ни был, пусть там тебе будет хорошо, брат.

Анастасия, летящая как на крыльях, радостно бежала вниз по ступенькам универа.

«Какая же она всё-таки классная», — подумал Виктор.

— Меня приняли, — радостно сообщила она, садясь в машину.

— Я и не сомневался, солнце, — сказал он, уже привычно подставляя щёку под её поцелуй.

— Ты опять назвал меня солнцем, — она направила на него указательный палец, — и это так приятно.

— Поехали, пообедаем где-нибудь. Хочешь кушать? — спросил он.

— Хочу, мой рыцарь, — сказала она, погладив его по плечу. — Поехали.

Через полчаса они сидели в ресторане на Советском, и Виктор с удовольствием слушал, как Настя рассказывает ему про своё детство. Слушал и понимал, что никуда уже не хочет отпускать эту девочку, чувствовал, как он всё больше и больше влюбляется в неё. Из неё прямо лилась позитивная энергия. Наговорившись вдоволь, она взяла его за руки и сказала:

— Спасибо тебе, Вить, что остановился тогда.

— Ты мне это уже говорила, — кивнул он, глядя в её блестевшие глаза.

— Нет, правда, мне страшно, что это всё может быть сном. Я боюсь проснуться где-нибудь в другом месте, и это всё пропадет. Я так счастлива ещё никогда не была.

— Это не сон, — заверил Виктор. — Мне с тобой тоже хорошо.

На выходе из ресторана, когда они подошли к своему «форду», Виктор заметил уже знакомый «Рено-Логан», около которого стояли Анька и её подружка с каким-то мужиком. Они их тоже заметили. Виктор кивнул и сухо сказал:

— Привет, Ань.

Но Анна, заметив около Виктора новую девушку, остановилась, желая продолжить разговор, неуверенным голосом с интересом спросила:

— О, я вижу, ты машину новую купил. И не только машину.

— Да, вот фордика взял, а ты как? Понравилась Италия?

— Очень, там мы ходили в такой…

Но тут Настя её перебила — держа Виктора за локоть, посмотрела ему прямо в глаза, сказав:

— Поехали, любимый, а то мы опоздаем.

— Конечно, солнце, поехали. — И добавил Аньке: — Рад за тебя, Ань. Ариведерчи.

Когда отъехали, Виктор посмотрел на сияющую Настю:

— Любимый?

— Ну а чего она? Я же правильно всё сделала?

— Несомненно, — подтвердил Виктор.

Глава 11

Глава одиннадцатая. 3 сентября 2005, суббота

В ресторан идти не хотелось. Ярский с самого утра, как только Настя ушла в универ, начал готовить ужин. Сделал мясо в фольге по собственному рецепту, нафаршировал утку яблоками, нарезал салатов, словом, топтался на кухне как самый настоящий шеф-повар. Когда окинул взглядом приготовленное, понял, что здесь человек на десять, не меньше. По своему обыкновению, купил самого дорогого вина, какое только нашёл в магазине. Бутылку красного и бутылку белого. Хотелось сделать красиво и вроде пока получалось.

В подарок Насте на совершеннолетие решил купить загородный дом. Предлагали много всего, но выбор пал на небольшой деревянный домик в деревне Кривец на Кадуйском направлении. На большом, огороженном забором из профнастила участке стоял аккуратный коттеджик из бруса. Снаружи он был красиво зашит серо-голубым сайдингом, внутри отделка была деревом. В доме имелись все удобства: туалет, душ, электрическое отопление. Больше всего Виктору понравился камин. Такой, как в старых замках, настоящий камин, где можно в холодный зимний вечер сидеть в мягком кресле и смотреть на огонь. На участке также были баня и хозблок. Всё новое, только что построенное. На вопрос, почему продают, риэлтереша сказала, что люди обеспеченные, делали для себя, но уезжают на ПМЖ за границу, иначе бы ни-ни. Цена была четыре миллиона пятьсот тысяч, и Виктор уже почти открыл рот, чтобы сказать: «Беру!» — но в последний момент, просто ради шутки, возьми да и скажи:

— А давайте за три с половиной?

На следующий день женщина позвонила и сказала, что продавцы готовы отдать за четыре миллиона. Договор был уже готов и подписан продавцом, вместо задатка Виктор оплатил дом и услуги риэлтера полностью, сделку назначили на послезавтра, на понедельник. Осталось только подписать договор Насте и, собственно, торжественно озвучить ей сам подарок.

С Настей уже вторую неделю спали в одной кровати. Секса не было. Сначала это было настолько необычно и где-то даже крипово.

Этакий паноптикум — два молодых, здоровых человека, безумно желающих друг друга физически, осознанно отказывали друг другу в близости. Потом стало даже прикольно, и Настя, которая с самого начала отнеслась к желанию Виктора дождаться её совершеннолетия с пониманием и уважением, тоже подыгрывала с юмором, говоря:

— Вот потом мне понравятся эти наши платонические отношения — и всё, так и будем под разными одеялами спать.

На что он парировал фразой из какого-то глупого анекдота:

— Ну и будешь тогда сидеть без подарка.

— Блин, Витька, ты такой молодец! Таких, как ты, наверное, больше нет на земле, я самая счастливая, — и она крепко его обнимала, а он в ответ говорил:

— Может, уже наплевать на этот день рождения?

Тогда Настя показывала фигу:

— Дал себе слово — держи.

Так и жили. Виктор предложил Насте съездить к маме. Вдруг она захочет поприсутствовать на днюхе — всё-таки совершеннолетие, но та наотрез отказалась:

— Я живу у тебя уже больше двух недель, у неё есть мой мобильный телефон и твой домашний, и она ни разу даже не позвонила спросить, жива ли я, всё ли у меня хорошо. Нет, не хочу. Может, позже съездим как-нибудь.

И вот он — Настин день рождения. Виктор попытался вспомнить, как он отметил своё совершеннолетие, но так и не смог. Настя попросила не забирать её из универа, сказала, что сама доберётся. Всё было готово, поэтому он просто сидел и ждал. Когда наконец раздался звонок в дверь, Виктор подскочил как ошпаренный. Как малолетний влюблённый подросток, он за два прыжка подскочил к двери и широко распахнул. Там стоял отец Роман.

— Виктор, доброго здоровья. Можно, я ключ оставлю у вас? Матушка Татьяна забыла дома. Она только завтра приедет и заберёт, а то я уезжаю на несколько дней.

— Конечно, отец Роман. — Виктор взял ключи от квартиры и тут увидел поднимающуюся по лестнице Настю.

Она была в ярко-синем платье, в туфлях на высоком каблуке, на шее у нее красиво висела нить жемчуга, конечно же, ненатурального, но какая разница! Вот почему она сказала не забирать её. Такой

женский сюрприз. Она была просто неотразима. Счастливая и повзрослевшая. И Виктор, и отец Роман молча смотрели, как Настя, вся такая «ах», неторопливо поднимается по лестнице.

— С днём рождения, Настёна, — только и смог выговорить Виктор, когда Настя, поднявшись на последнюю ступеньку, обняла его и поцеловала в губы.

— Спасибо, любимый, вот и дождались. — Потом она обратила внимание на отца Романа, смущённо сказав: — Здравствуйте.

— Моя невеста Настя, — сказал Виктор, повернувшись к отцу Роману. Тот поклонился:

— Совет да любовь.

Зашли домой. Виктор закрыл дверь на ключ. Настя опять повисла у него на шее.

— Ну что, кормить тебя, красавица, или?.. — спросил Виктор, оглядывая её с ног до головы. — Настюха, я в жизни никого не видел соблазнительнее тебя.

— А давай поедим, — сказала она озорно, глядя на кухонный стол, заставленный тарелками. — Да я и от бокала вина не окажусь. Мне сегодня уже можно. А этот поп — твой друг? — спросила она, снимая туфли.

— Ну как друг, сто лет уже знакомы. Он хороший человек по жизни. И жена у него, Татьяна, тоже хорошая. Он, кстати, меня каждый год с днём рождения поздравляет, а я его ни разу ещё.

— Можно их пригласить, — предложила Настя. — Вон, сколько всего.

— Думаешь? — неуверенно сказал Виктор. — По идее, было бы здорово. И обязательно позвони маме прямо сейчас. Это будет правильно.

Настя неуверенно колебалась:

— Думаешь, стоит?

— Уверен, — сказал Виктор. — Людям всегда надо давать второй шанс.

— Хорошо, — она согласно кивнула и набрала номер.

— Аллё, — почти сразу ответил женский голос.

Настя покачала головой, посмотрев на Виктора, прошептала:

— Пьяная. …Мам, привет, это я, — сказала Настя тихо, ставя телефон на громкую связь, чтобы Виктор слышал.

— О-о, Настёна, привет, как дела, дочка? — мама еле ворочала языком.

— Мама, у меня сегодня день рождения, — Настя говорила тихо, но Виктор видел, что она изо всех сил сдерживается, чтобы не разреветься.

— Ой, доча, я тебя поздравляю, а мы уже отметили с дядей Толей твой день рождения. Ты в Череповце ещё или уехала?

— Да, — просто сказала Настя. На глазах у неё были слёзы и Виктор уже пожалел, что настоял на звонке, но мать вдруг как будто протрезвела и строгим голосом сказала:

— У тебя там проблемы с законом, дочка? Приходили тут к тебе два мужчины, сказали, что из милиции, спрашивали, где ты.

— Как из милиции? — опешила Настя. — Они, что ли, были в форме милицейской?

— Ну, в такой чёрной, как омоновцы, серьёзные такие. Я сказала, что ты здесь больше не живёшь и дала им твой номер телефона. Ну, вот с которого ты звонила. Чего там натворила уже, а? — мать сделала такой серьёзный тон, как в детстве, когда ругала за сломанную игрушку или порванные колготки.

— А когда они приходили? — вырвалось у Виктора.

— Да вот сегодня и приходили, — сказала женщина. — А кто это у тебя там говорит? Чё за мужик?

— Всё, мама, пока, — Настя повесила трубку и, уткнувшись в плечо Виктора, разрыдалась.

— Всё нормально, солнце, давай не будем переживать, — Виктор погладил её по голове. — Я тебе обещаю, что всё будет хорошо. Мы подумаем об этом завтра, а сегодня давай отмечать твой день рождения. Давай позовём соседей, как ты хотела. Всё будет хорошо, — снова повторил он.

Раздался короткий звонок в дверь.

— А вот и отец Роман, — сказал Виктор.

— Посмотри в глазок, — испуганно прошептала Настя.

Виктор стал одной рукой отодвигать заслонку глазка, другой взялся за задвижку замка, и тут вдруг почувствовал на груди долгожданный звук от Нуо. Такую лёгкую вибрацию, как от телефона на беззвучке. Такая радость овладела им, что не передать словами. Наконец-то Нуо проснулся! Значит, он не уснул навсегда. Последние

недели Виктор всё больше и больше уверялся в том, что его питерская кража не прошла для Нуо бесследно. Он не проявлял себя никак с того самого дня, как Виктор вышел из офиса «Южных врат». И вот он дал о себе знать лёгкой секундной вибрацией. Что это было? Какой-то знак? Предупреждение? Виктор посмотрел в глазок. За дверью стоял не отец Роман — с чего бы ему вообще там стоять? Там был незнакомый мужчина. Виктор понимал, что не надо открывать, но его мозг, наполовину занятый непонятным знаком от Нуо, совсем растерялся. Почему-то всплыл в памяти Сиплый, совсем некстати сейчас. Виктор подумал, что дверь открыта и надо её срочно закрыть, отрешённо оглянулся на Настю, но повернул вертушок замка по часовой стрелке, наоборот, на открытие. Он увидел Настины испуганные глаза, она отрицательно качала головой, крича: — Не-е-ет, не надо!

Дверь распахнулась, и последнее, что увидел Виктор, это второго человека, появившегося из-за дверного косяка. Виктор его узнал сразу. Это был Мовлад. Среагировать он не успел. Сильнейший удар пришёлся прямо в середину подбородка, откинув его назад. Он не успел ни сгруппироваться, ни сделать страховку и, падая, сильно ударился затылком о противоположную стену. Он не потерял сознание, просто лежал неподвижно на спине, вдыхая воздух короткими частыми движениями. Настя молчала, не кричала. Виктор скосил глаза и увидел, как второй человек держит её на прицеле. Пистолет был с глушителем. Второй рукой он держал палец у губ: мол, тихо.

Постепенно дыхание нормализовалось. Пришло чёткое осознание происходящего. Скорее всего, их сейчас убьют. Он посмотрел в угол, за вешалку. Там стояла бейсбольная бита — подарок Сиплого на день рождения ещё в юности. До неё не дотянуться, да и что она сейчас даст? Дверь открылась, и зашли ещё двое. Все крепкие, здоровые, спортивного вида быки. Это был полный крах. Виктор взмолился: «Нуо, ты мне сейчас нужен как никогда прежде! Миленький, выручай, или нам пиздец».

Нуо молчал. Никаких знаков, никакого тепла — просто холодный камень. Двое парней подняли его и посадили на диван, один сел рядом, второй, переминаясь с ноги на ногу, наблюдал со стороны. Мовлад взял стул, поставив напротив, сел. Он, не торопясь, разглядывал Виктора, потом с завидным спокойствием достал из кармана маленькую деревянную коробочку, взял оттуда щепотку порошка,

посыпал на запястье и резко вдохнул носом. Потом повторил то же самое второй ноздрёй. Закончив со своей процедурой, Мовлад спокойно сказал:

— Я всё про тебя знаю, чувак. Ты думал, что ты самый умный. Но видишь, оказалось, не самый.

Он обернулся на Настю, стоявшую напротив. Один из быков держал её за волосы. Другой, опустив пистолет, стоял рядом и молча спокойно наблюдал за происходящим.

— Давай сразу ускоримся и не будем тратить время, ни моё, ни твоё. Ты всё равно умрёшь, но умрёшь достойно, как джигит. Если, конечно, скажешь, где мои деньги. Или мы сейчас все вместе поедем ко мне, и ты будешь смотреть кино, как твоя девушка, — он кивнул через плечо, — будет доставлять удовольствие моим парням. Итог один — вы оба умрёте. Но если ты проявишь немного смекалки и прямо сейчас отдашь мне мои деньги, то я тебе даю слово: она будет жить. — Он рассмеялся и добавил: — У меня.

Виктор слушал, но мозг отказывался принимать всё это как действительность. Такой сценарий он уже видел в фильмах — может, не в точности так, сюжеты были разные, но сути это не меняло. Здесь же это всё происходило с ним. И это была реальность.

«Нуо, ну пожалуйста. Будь со мной сейчас. Дай мне силы противостоять этим ублюдкам», — взмолился Виктор.

Нуо молчал. Мовлад истолковал молчание Виктора по-своему.

— Ладно, — сказал он, и один из парней достал небольшой свёрток, положил его на компьютерный стол и стал разворачивать. — Не хочешь по-хорошему, поедем к нам в гости.

Виктор увидел несколько одноразовых шприцов и всё понял. Надо было идти ва-банк, потому что если они сейчас вколют ему какую-то дрянь, то всё уже точно пойдёт по их сценарию.

— Хорошо, — наконец сказал он, кивнув на коробку в углу, — забирайте.

Человек, сидящий слева от Виктора, встал, взял коробку, вытряхнул на пол. Посыпались документы, паспорта, деньги. Мовлад посмотрел на Виктора:

— Здесь только мелочь, где остальное?

— Спрятано, надо ехать, — сказал Виктор и добавил: — Слушай, Мовлад, будь мужиком, отпусти девчонку, она здесь ни при чём. Это

теперь между мной и тобой. Поступи по понятиям, не беспредель. Твои парни — свидетели. Если ты отпустишь её сейчас, это будет достойный поступок, а если нет… — он замолчал, пытаясь найти нужные слова, потом добавил: — Ну тогда Аллах тебе судья.

На мгновение Виктору даже показалось, что он достучался до этого жёсткого во всех отношениях человека, но это только показалось. Как с акулой поговорил, которая плывёт к тебе, чтобы, сожрать, а ты её уговариваешь, чтобы проплыла мимо.

— Поехали за деньгами, — сказал Мовлад и, кивнув своему напарнику, указал на Настю.

Виктор опомниться не успел, как мужик со скоростью рыси всадил Насте укол в плечо прямо через её нарядное синее платье. Настя тут же обмякла, даже не успев вскрикнуть. Виктор вскочил на ноги, но тут же получил удар в челюсть и опять рухнул на диван.

— Далеко ехать? — спокойно спросил Мовлад.

— Минут пятнадцать, — ответил Виктор, отрешённо смотря на лежащую на полу Настю.

— Тогда бери свою подругу на руки и пошли в машину, — уже дружелюбно сказал Мовлад.

Виктор поднял Настю, такую беспомощную и маленькую. Она, лёгкая как пушинка, опять стала выглядеть как беззащитный ребёнок, которого он подобрал на трассе. Захотелось поцеловать её, может, уже в последний раз. Взял ключи от гаража, бросил взгляд на кухню, на нетронутый ужин, и вышел из квартиры. Мовлад предупредил, что оба получат по пуле, если он учудит что-нибудь ненужное. В подъезде никто не встретился. Вышли на улицу, прямо у подъезда стоял минивэн с открытой дверью. Виктор чуть не упал, когда сзади один из парней подтолкнул его внутрь. Он сидел посередине между двух здоровых быков, Настю держал на руках.

— Куда ехать? — спросил водитель.

Виктор показал направление.

— Чего вы ей вкололи? — спросил он.

— Тебе важно? — засмеялся кто-то спереди. — Фенобарбитал, если тебе это что-то говорит. Выспится хорошо, — и он снова заржал.

Виктор не знал, что это такое, но судя по комментарию, похоже на снотворное или какой-то наркотик. Опять обратился к Нуо — тот молчал. Потом вдруг сообразил: — а при чём тут Нуо? Если главный

— Бог, и Он всё создал, включая Нуо, значит, Его и надо просить, а не Нуо. — И он попросил у Бога.

«Бог, я никогда у тебя особо ничего не просил, я вообще понятия не имею, есть ты или нет. Но если есть, дай мне какой-нибудь шанс вытащить из этой блядской ситуации эту девчонку. Она ведь ни в чём, собственно, не виновата. Это я накосячил, меня и накажи как-нибудь. Так-то тоже жить охота, только всё вроде наладилось. Но если нет шанса мне в живых остаться, то пусть хоть Настя не пострадает. А вообще, лучше скажи этому Нуо, пусть не упрямится, а даст мне силы, и я бы сам всё разрулил. — Виктор усмехнулся своей наивности, потом подумал и добавил: — Спасибо, Бог».

И в этот момент Нуо опять прошёл лёгкой дрожью, уже сильнее, чем в прошлый раз, но всё равно, как неживой. Будто батарейки сели.

— Чего улыбаешься? — человек справа больно ткнул Виктора в бок, потом добавил: — Сидит, рот на огород. Крыша, что ли, едет?

Виктор даже не заметил, что, пока говорил с Богом, расплылся в широкой улыбке.

— Куда дальше? — спросил водитель.

Виктор показал, куда заехать, сказал номер гаража. Тут у водителя зазвонил телефон. Он взял трубку, поговорил, потом сказал Мовладу:

— Круассанские звонят, они подъехали, спрашивают, чего делать.

— Да они задолбали, завтра бы ещё приехали! Пусть к гаражу подъезжают, — зло сказал тот.

— Так они рядом, на отворотке стоят.

— Этим грёбаным наёмникам сколько ни плати, а всё равно работать не хотят! — в сердцах воскликнул Мовлад. — Хрен им, а не деньги, половину заплачу, или вообще пошли они на хер.

— Ну, так-то им ехать далеко пришлось, они же из района подтянулись, — заметил водила.

— Можно было и не вызывать. Сами бы справились, — бурчал Мовлад.

— Мы же не знали, что этот утырок один, — не обращая внимания на Виктора, сказал водила. — Думали, тут у них банда.

— Ладно, скажи, пусть подъезжают, — сказал Мовлад. — Номер кооператива скажи. А, вон они.

Виктор заметил справа чёрный, вусмерть затонированный внедорожник «Шевроле-Блэйзер», с огромным никелированным

кенгурятником спереди. Водитель махнул им: мол, давайте за нами — и свернул к боксам.

Пока ехали по городу, Виктор немного поуспокоился, но сейчас, когда подъехали к его гаражу, он опять осознал, что это где-то начало конца. Из блейзера вышли трое здоровенных молодцов в чёрном камуфляже. Водитель остался в машине.

— Оставь девку здесь и иди открывай, — сказал Мовлад Виктору.

Виктор положил спящую Настю на сиденье, вышел, потянулся. «Ну что, Бог, — подумал он. — Не хочешь мне помочь. Ну ладно, попробую как-нибудь сам».

Открыл гараж. Что делать? В углу стоит метровая монтировка. Этакий кусок арматуры, которым Виктор иногда подпирал ворота. Парни вроде уже расслабились, и если повезёт, то двоих он, может, и завалит. Главное, срубить того, который с пистолетом, а там уж как Бог даст. Но это всё равно лучше, чем просто так сдохнуть. Настю они всё равно не отпустят. Это теперь ясно, она свидетель. Блин, вот шакалы! Виктор остановился, оценивая ситуацию. Ему надо где-то три-четыре секунды. Но на улице ещё эти, как он сказал, наёмники. Там, походу, народ обученный. В общем, затея бредовая, но альтернативы всё равно нет.

Виктор сделал ещё шаг в ту сторону, где стояла арматурина, но этот шаг не укрылся из вида одного из быков. Он бросил взгляд в угол и тут же направился туда. Взял её в руку и, показав Виктору, сказал:

— Это тебе надо?

Ну, вот и всё. Виктор слышал, как здороваются и разговаривают на улице только что приехавшие парни с его новыми «гостями». Кто-то громко засмеялся, и Виктор невольно вздрогнул. Да что же это с нервами! Лажа какая-то, каждый громкий звук заставляет вздрагивать! Снова смех — и он опять вздрогнул. Странное приятное воспоминание из детства мгновенно посетило его и тут же улетучилось. Виктор не мог понять, откуда это. Дежавюшное чувство кольнуло память. Словно это уже было, только давным-давно, в детдомовском детстве.

— Ну чего, долго стоять будем? — Мовлад зашёл в гараж, показывая руками: типа где?

Виктор достал две коробки с полок, бросил на пол.

— Остальное — в кессоне, — сказал он

— Так лезь, чё стоишь! — крикнул со злостью Мовлад.

— Пусть он лезет, — громко сказал Виктор, показывая на одного из парней.

Мовлад подошёл, размахнулся, чтобы ударить Виктора по лицу наотмашь, но не успел. Тут Виктор был готов. Понимая, что терять уже нечего, он видел, как Мовлад приближается к нему полностью открытый, тот ещё и замахнулся, перенеся вес на одну ногу. Виктор легко уклонился от оплеухи и со всей силы, по-боксёрски врезал Мовладу правой в челюсть. Получилось на опережение хлёстко, от бедра, с оттяжкой — коронный его удар. Когда-то давным-давно точно так же он нокаутировал своего обидчика, потом ставшего ему лучшим другом, Сиплого. Мовлад даже удивиться не успел, рухнул, наклонившись вперёд, мордой в пол.

— Я Зе-евс! — заорал что было силы Виктор, подняв обе руки, сжатые в кулаки, вверх.

Но радовался он недолго. В свете, падающем от открытой двери, Виктор увидел, как мужик, который был за рулем, когда ехали, держит пистолет, целя воронёным глушителем прямо ему в лицо.

«Теперь точно всё, — подумал Виктор, глядя прямо в дуло пистолета и улыбнулся. — Что ж, жизнь была не такая уж плохая».

Как всегда в какие-то экстремальные моменты, Виктору вспомнился Саня. Его друг Сиплый, как будто тот стоит в дверях, прямо здесь, в гараже. Стоит, заслоняя солнечный свет, потом заходит и удивлённо говорит:

— Зевс? Это ты? Витька.

— Я умер? — сказал вслух Виктор. — Сиплый, ты чего здесь?

Но он не умер. Саня, реальный и живой, стоял перед ним в чёрном камуфляже. Крепкий, подтянутый и пышущий здоровьем.

Дальше всё произошло как в быстром боевике, но без всякого Нуо.

— Вован, — позвал Сиплый.

Парень с пистолетом только начал поворачивать голову на оклик, как Саня невероятно сноровисто выхватил откуда-то из-под ремня огромный армейский нож и молниеносно вонзил тому в шею. Удар пришёлся сбоку, и казалось, что нож прошёл насквозь. Виктор услышал чавкающий звук, словно от глухой оплеухи. Голова дёрнулась, и чувак умер мгновенно, но мозг, видимо, успел отдать свой последний приказ, и Вован машинально нажал на спусковой крючок.

Послышался глухой щелчок, и что-то резко обожгло Виктора в левое плечо.

«Как шилом проткнули», — мелькнуло в голове.

Виктор посмотрел на руку. Разорванная куртка прямо на плече, откуда торчал кусок розовой плоти. Вниз по руке потекла кровь, он чувствовал, как быстро намокает рукав рубашки.

Сиплый к тому времени уже подскочил ко второму парню, стоявшему рядом, и с разворота воткнул тому нож прямо в сердце. Длинное лезвие вошло в грудь по самую рукоятку. Человек, с удивлённым взглядом открыл рот и медленно осел на пол. Третий кинулся бежать на выход, но стоявший в дверях военный зарядил ему армейским берцем прямо в нос. Тот влетел, как пуля, обратно в гараж и со всего маху упал на спину. Виктор не успел и глазом моргнуть, как Сиплый, падая, ударил парня ножом в грудь. Тот издал звук выключающегося компьютера и затих.

Всё случилось очень быстро. За какие-то три секунды Сиплый успел ударить три раза, и только теперь Виктор начинал осознавать, что произошло. Саня незаметным движением мгновенно вогнал нож обратно в ножны на ремне и подошёл к Виктору.

— Зевс, братуха, это ты!

Они обнялись.

— А-а, Санёк, погоди, братан, плечо. Меня зацепило, походу. — После шока плечо начало ужасно болеть.

— Братишка, до свадьбы заживёт, — Сиплый своим неунывающим раздолбайством, как всегда, действовал успокаивающе. Они снова обнялись.

Мовлад зашевелился. Открыл глаза и непонимающим взором уставился на Виктора и Сиплого. Потом быстро сообразил, что произошло, прикинул и с ненавистью в голосе сказал:

— Вот сука, шайтан! — потом как-то уже обречённо добавил: — Семью не трогайте только.

— Не тронем, — сказал Саня, взял у убитого Вована из руки пистолет, обыденно подошёл к Мержоеву и три раза глухо выстрелил в область сердца.

Виктор вздрогнул — ему показалось, что он сейчас потеряет сознание. Его мутило. То ли от увиденного и невероятности всего происходящего, то ли от потери крови.

— Вот и всё, Витёк. Вишь, как бывает, — сказал меж тем Сиплый. — Или они нас, или мы их. Давай мы тебя подлатаем немного, а то ты бледненький какой-то, на Зевса ни хера не похож.

— Сиплый, спасибо тебе, брат. Правда, спасибо.

— Ничего, Зевс, сам же знаешь, — улыбнулся тот.

— Должен буду? — сказал Виктор.

— Будешь, конечно, — засмеялся Сиплый. — Давай присядь вот сюда.

— Жека, аптечку тащи, трёхсотого чинить будем.

Виктор снял куртку, рубаху. На плече висел большой ошмёток мяса, из-под которого тонкими струйками сочилась кровь.

— Ща срыгну, — пообещал Виктор.

Саня зубами разорвал обёртку широкого бинта и пальцем прижал кусок кожи на плече. Затем смазал большой тампон какой-то сиреневой шнягой, приложил и быстро и сноровисто стал туго завязывать, приговаривая:

— Зевс, ты как красна девица! Тут — царапина, а он сопли распустил.

Саня измотал весь бинт до конца, завязал на узел, затем через руку надел резиновую обтягивающую сеточку. Потом достал одноразовый шприц и без всякой обработки вколол Виктору в запястье.

— Ну вот, как в аптеке, теперь будешь жить, — подытожил он.

Виктор посмотрел на профессионально наложенную повязку, сказал с ухмылкой:

— Тигра подпортили, косорылый теперь будет.

— На другое плечо набьёшь, — улыбнувшись, сказал Саня, грубо обнял Виктора за шею, прижался с ним лбами. — Я так рад тебя видеть, Зевс, на самом деле рад!

— Я-то как рад, — сказал Виктор, затем огляделся вокруг. — Чего с ними? — он кивнул на парней, лежавших в несуразных позах посреди гаража.

— Двухсотые, — сказал обыденно Сиплый. — За них не волнуйся, ребята здесь всё приберут. А мы давай по-быстрому поехали отсюда.

Что-то сказал своему другу, тот кивнул. Затем поднял с пола коробку с деньгами, окинул взглядом, потом передал коробку одному

из парней:

— Зевс, не пойми меня неправильно, но парни это заберут. Им ещё двухсотых утилизировать, ну и они же не альтруисты, в конце концов.

Виктор кивнул:

— Конечно, Сань, пусть и вторую забирают. Там по три ляма в каждой.

— Трёх хватит, — сказал Сиплый и, подмигнув, добавил: — Ну и с тебя простава, сам понимаешь.

— Там у них была коробка с паспортами девчонок, — Виктор кивнул на минивэн. — Я хотел по почте послать, но не успел.

— Димон, слышал, там коробку глянь в бусике.

— Есть, — сказал один из бойцов.

— Всё, тогда прибери с собой. Ладно, парни, давай быстро зачищаем и разъехались.

Вышли на улицу, солнце уже садилось, но было ещё светло. Виктор подошёл к минивэну, посмотрел на мирно спящую Настю и снова ощутил прилив небывалой нежности. Саня подошёл, взял её на руки, перенёс в ChevroletBlazer и аккуратно положил на заднее сиденье.

— Заберём, думаю, красавицу твою, пригодится.

— Мы тогда здесь приберём, а этих — в зелёнку, — тихо сказал подошедший к Сиплому Жека. — С бусиком чего?

— Завтра порешаем, — сказал Сиплый. — Поедешь, глушилку включи на всякий случай, машину оставьте пока на базе у Круасана. Я завтра подтянусь. И да, мобилы там посмотрите у этих, проверьте, чтоб всё чисто было.

Жека кивнул, не обращая внимания на Виктора, как будто его здесь и не было. Парни тем временем перетащили всех четверых убитых в минивэн. Виктор зашёл в гараж, огляделся. Паренёк в камуфляже сидел на корточках и прыскал какой-то жидкостью на лужи крови на полу. Кровь кипела розовой пеной, и шёл дымок.

«Кислота, — догадался Виктор. — Какие всё-таки это опасные люди!» Они только что спасли ему жизнь. Ему и Насте. Но как буднично это всё происходило и продолжает происходить! Ни одного лишнего движения. Они только что завалили четверых человек и ведут себя как ни в чём ни бывало, как будто штабель досок переложили с

места на место. С такими ребятами не хотелось бы оказаться по разные стороны баррикады.

Парень меж тем закончил со своей уборкой и молча вышел на улицу.

— Всё, Зевс, давай скорее закрывай свою халабуду, и поехали, — Саня стоял у дверей.

Виктор закрыл замок и направился к «Блэйзеру». Минивен буксанул резиной и скрылся за поворотом.

— Вот и всё, чисто сработали, — Сиплый вырулил на дорогу. — Давай, Зевсик, командуй, в гости к тебе поедем. Есть о чём поговорить, — он, счастливый, расплылся в довольной улыбке.

Поговорить было о чём. Оба это знали.

Места у подъезда не было, и Виктор перегнал на улицу «Ниву», уже давно занимавшую место прямо перед входом. Саня поставил свой броский внедорожник на его место. Виктор, закрывая рукой красный от крови, рваный рукав куртки, сразу прошёл в подъезд — не хватало ещё, чтобы кто-нибудь из окон заметил. Потом Саня, как спящего ребёнка, принёс на руках Настю. Та где-то уже потеряла свои новые туфли: может, в минивэне, а может, их и не было вовсе. Виктор был тогда в таком шоке, что вряд ли мог припомнить детально, что там происходило. Саня почти бегом поднялся на пятый этаж, догоняя Виктора, и даже дыхание не сбил. Вот что значит хорошее физо!

К счастью, и в этот раз им никто не встретился из соседей. Саня, не разуваясь, протопал в комнату и, положив Настю на кровать, огляделся:

— Зевс, да ты стареешь, брат! Как-то у тебя тут слишком уютно. — Потом он заметил в углу турник и красный боксёрский мешок. — А, вот хоть так. Боксируешь, значит? Ну, поправляйся тогда скорее, я хоть тебя отлуплю.

Виктор в первый раз за всё это время снял с себя холодный Нуо и повесил его над компьютерным столом. Затем переоделся в чистое, с трудом натянул белую футболку, стараясь не задеть ноющее плечо. На кухне ломился стол с закусками и уже холодным мясом.

— Есть будешь? — спросил Виктор.

— Закусывать буду, — поправил его Сиплый. — Плечо болит?

— Ну так, терпимо, — сказал Виктор.

— По-хорошему, зашить бы надо, но там вроде и так хорошо прилипло. Завтра глянем. Я тебе обезбол поставил, но это ненадолго. У меня в машине много всего, если чё — добавим. Тебе сегодня, пожалуй, лучше не пить. Я тебе кое-что другое дам, — он подмигнул.

— Наркотическое если, то не надо, — сказал Виктор.

— Зевс, не учи учёного. Я знаю, как надо. Всё будет зашибись. Я же знаю, что ты у нас интеллигент, но поверь моему опыту.

— А чего они там Насте вкололи? — спросил Виктор, — Фено чего-то бурбидон вроде, он сказал.

— Фенобарбитал, — поправил Саня. — Нормально, выспится хорошо, хотя смотря сколько вкололи.

— Может, её того, в скорую надо? — запереживал Виктор.

Сиплый подошёл к Насте, мирно спящей, поднял веко, посмотрел зрачок. Потом легонько похлопал по щеке. Она слегка поморщилась. Сиплый шлёпнул ладонью посильнее. Она открыла глаза и испуганно уставилась на Саню. Тот уже снял свою чёрную камуфляжную куртку и был в обтягивающей тёмно-зелёной футболке. Она полусонными глазами смотрела непонимающе, потом увидела Виктора, и взгляд сразу прояснился. Она улыбнулась уголками губ. Виктор присел рядом, обнял Настю. Та слабо погладила его по руке, тихо спросила:

— Где все?

— Все ушли, — сказал Виктор. — Ты полежи ещё, мы здесь будем, рядом. Тебе надо чего-нибудь?

Она кивнула, потом тихо, почти неразборчиво сказала:

— Платье новое помнётся.

Виктор чуть не прослезился от такой милоты. Тут всё вокруг рушилось, мир висел на волоске, а она переживает за платье. Поцеловал в лоб:

— Не волнуйся за платье, отдыхай.

Она кивнула и закрыла глаза. Виктор достал из холодильника бутылку водки.

— Пойдёт? — спросил он.

— Вполне, — сказал Саня, налил себе полную стопку, Виктору — половинку. Чокнулись,

— За встречу, — сказал Виктор. Выпили. — Рассказывай. Как же так получилось, что ты, хохляцкая морда, мне ни разу не позвонил за

все эти годы. Я ведь здесь постоянно, найти можно было, если бы захотел.

— Ждал удобного случая. — Саня налил ещё по стопке: опять себе — целую, Виктору — половину. — Вишь, как только случай представился, я тут как тут. Давай, вздрогнули.

Потом выпили по третьей, не чокаясь, Саня перевернул стопку Виктору, сказал:

— Всё, тебе не надо больше, — налил себе и, оторвав ногу от утки, с удовольствием начал есть.

Виктор смотрел на пышущего здоровьем и энергией друга и пытался разглядеть в нём того детдомовского сорванца, который его постоянно задирал. Саня возмужал. На лице появились морщины, взгляд был ясный, пронзительный, но всё равно, зная его, можно было увидеть черты того Сиплого, которого Виктор помнил.

— А с Машкой ты тогда целовался всё-таки, я знаю, — громко сказал он и заржал.

— Было дело, — улыбаясь, подтвердил Виктор.

— Ладно, было и было, а отнекивался тогда! Ой, Зевс, ну ты тихарь! Слушай, вкусная утка, зараза, я ещё, пожалуй, кусок утащу, — Саня выпил ещё стопку и оторвал у утки вторую ногу. — Короче, я же Машку видел, когда ещё в Москве работал. Она такая королева стала. О, ты бы охуел Зевс! Но она птица другого полёта, вышла замуж за импортного миллионера, и последнее, что я слышал, осела в Швейцарии. Хотя, если у тебя, может, и был шанс с ней замутить, у меня его точно не было. Я всегда это знал, может, поэтому и злился.

— А как твоя мечта о Французском легионе? — спросил Виктор.

— Воевать вместе с этими педиками? Нет, спасибо. Глупая детская мечта. Знаешь, Витёк, некоторые мечты, наверное, так и должны оставаться мечтами. После армии я долго не мог найти себе места. Видимо, в Афгане крышу мне прилично снесло. Никто со мной сработаться не мог. Чуть что — башню клинило, и всё, тормоза срывало. Потом сошёлся с одной тёлочкой. Тоже, кстати, Машкой звали. Я тогда в Подмосковье комнату снимал, в коммуналке. Район говённый, пьянь кругом. А эта Машка у соседа моего жила, смазливая такая коза. Лупил он её почем зря. Сам вот такой, — Сиплый показал мизинец. — А как напьётся, и вот орут за стеной. Эта дура верещит — типа убивают. Я слушал, слушал, потом как-то днём подошёл к нему и

вежливо говорю: зачем, мол, уважаемый, дамочку обижаешь? Ещё раз услышу, зайду и нос тебе внутрь заправлю. Вообще, не моё, конечно, дело, вы там можете хоть поубивать друг друга, но чтоб тихонько, а то спать мешаете. Понимаешь, я ему так внятно всё разжевал, что и дурак бы понял, что, ну, не надо. И прикинь, в этот же вечер опять шум, грохот, крики. Я постучал, а этот поц открывает, как ни в чём не бывало. Я ему опять вежливо: ты, говорю, чего, бессмертный, что ли? А он, прикинь, с ножом на меня. Зевс, не поверишь, я его даже не ударил ни разу. Нож, конечно, отобрал, а самого взял за ухо, выволок на улицу, протащил через весь двор и бросил в мусорный бак.

— А чего с ухом? — поинтересовался Виктор.

— А чего, оторвалось в конце уже. Ну не совсем, а так, наполовину. Вернулся, а Машка эта уже у меня в комнате с вещами, ну не гнать же? Он потом мне угрожать пытался, корешей позвал, блатных каких-то. Пришли, все на понтах, пальцы не сгибаются. А мы как раз с приятелем пиво пили. Он большой такой, с два меня.

— Представляю, чем закончилось, — ухмыльнулся Виктор.

— Не угадал ни разу. Даже не подрались. Я сказал, что ещё раз у двери своей увижу, у каждого по уху оторву, чесноком намажу и съем. Так, прикинь, даже извинились.

А эта Машка меня всё по мозгоправам водила. Я-то не верю в это, а она настаивала. Не знаю, то ли совпадение, то ли правда помогло. Как-то вот отпустило — и всё. Спокойнее стал.

— Ну и чего потом? С этой Машкой.

— Да хрен их разберет, баб этих. Этот Ван Гог еёйный такой весь правильный стал, на работу устроился, она взяла, да и обратно к нему переехала. Чего, вещи таскать недалеко. А у меня дела в гору как раз пошли, и я в Москву перебрался. Потом первая чеченская. Я пошёл почти сразу.

— Ну и как там было? — перебил Виктор.

— А, не спрашивай, — махнул рукой Саня. — Вот как сегодня, только каждый день. Вернулся опять в Москву, но работать, как раньше, уже не мог. Всё обрыдло. А! Я ведь чуть не женился, — засмеялся он, — но Бог миловал. Свободным быть лучше. Потом перебрался в Питер. Собственно, невеста моя была питерская. По работе так, на подхвате был, потом командир мой подтянул меня к себе.

— Круассан? — спросил Виктор.

— Да, — искренне удивился Сиплый. — Ты мысли, что ли, читаешь?

— Слышал сегодня разговор ваш, — тоже засмеялся Виктор.

— Да, подполковник Крусанов. Там. Ну, в общем, детали тебе незачем знать. Контора вроде как государственная, официально занимаемся охраной режимного объекта, а по сути, выполняем грязную работу.

— То есть, получается, Мержоев — ваш клиент? Он же гандон конченый.

— Придержи коней, Зевс, Мержа мы пасли, чтобы быть в курсе его дел. Это он думал, что мы просто наёмники, жадные до денег. На самом деле он вообще неинтересен. Интересна его крыша. Там задействованы такие силы, что тебе лучше не знать. Вован, который тебя подстрелил, это его партнёр по бизнесу. Мы с ним знакомы по Афгану. Он, конечно, полный отморозок, но это единственное, о чём я жалею за сегодняшний день. Мне никак не хотелось его убивать. Однако, времени думать не было, если бы не его, то задвухсотили бы тебя. Мы специально пустили слух, что вас здесь целая банда, и они позвали нас на подмогу. Если бы я знал, что ты здесь замешан, можно было бы сделать всё тихо и без лишних жертв. Я вообще думал, что в ограблении Мержа завязаны ваши местные спецслужбы. Ну, так пасьянс складывался. Питерские не могли, никому это не выгодно. Взяли, по сути, копейки, но сработано чисто, не подкопаешься. Кстати, а как тебе удалось? Удивляешь ты меня, Зевс.

— Случайно повезло, — махнул рукой Виктор. — Об этом потом, а как вообще на меня вышли?

— Так Вованчик. Он вычислил телефон матушки твоей Насти, а он у нас давно на прослушке. Ну, я ему позвонил, говорю: так и так, мы из Вологды в Череп едем. Он прикинул, типа чтоб самому не ехать, и говорит мне: раз вы всё равно в тех краях, пробейте адрес. Я говорю: сделаем. Он обрадовался, что лишних телодвижений делать не надо. Заехали мы к тётке этой, а они там с мужиками на стакане сидят. Всё разузнали, и тут получилось, что я был за рулём, а Жека пока твой номер пробивал. Говорит, у какого-то мужика в Череповце Настя эта живёт. Блин, хоть бы фамилию твою вслух сказал, ан нет. А Мержоев со своими уже в Череповец подтянулся, ну и прямо к вам. Уж как он

узнал, что именно ты деньги взял, не знаю. Наследил ты где-то, видимо. А с нами тонко всё, знаешь, мы и светиться не хотели, и надо было в теме быть. Я, когда понял, что они гражданских валить собрались, напрягся. А уж когда ты свою любимую шарманку завёл: «Я Зе-е-евс!» — тут всё сразу по полкам и стало.

— А если бы не я? — спросил Виктор. — Если бы там кто-то другой был? Саня, неужели бы ты не вмешался и позволил им убить двух людей? Блин, Саня, ей только сегодня восемнадцать исполнилось.

— Зевс, я столько дерьма повидал, ты даже в страшном кошмаре такое представить не сможешь. Конечно, я бы не стал вмешиваться. У меня была другая цель. Мы не грёбаная милиция. Мы, блять наёмники, Витя, мы убиваем людей. Знаешь, иногда приходится совершать ужасные вещи, чтобы глобально всем жилось лучше.

— И чем же смерть Насти могла помочь, чтобы всем стало жить лучше? — со злобой в голосе спросил Виктор.

— Лес рубят, Витя, щепки летят, слышал такое выражение? Я плохой человек, Зевс, и я это знаю. Ты другой. Может, это основная причина, почему я и не выходил с тобой на связь. Все мы родом из детства. Но мы выросли. И никто, Витя, никто не будет вытирать тебе сопли. Либо ты дерись, либо сдохни. Жестокий мир, но не мы его выбирали. — Он долил остатки водки себе в стопку, поставил пустую бутылку на пол, поднял: — Зевс, я хочу выпить за тебя. Я тебе никогда этого не говорил. Никто не любит проигрывать, но тогда, в детстве, когда ты меня положил, — он еле заметно усмехнулся, — это был мой самый любимый проигрыш в жизни. Он мне дороже всех остальных побед, потому что я приобрёл тогда самого лучшего друга на всю жизнь. Я уверен, что если бы ты был сегодня на моём месте, то ты бы тоже сделал правильный выбор. Даже если бы тебе пришлось выбирать между мной и всем остальным миром. Давай, брат, за тебя.

Он выпил, и в первый раз в жизни Виктор увидел у Сиплого на глазах слёзы.

— Как у вас здесь душевно, — еле слышно сказала Настя, и оба, повернув головы, посмотрели на неё.

Она стояла в дверях, облокотившись на косяк, и сонными глазами смотрела то на одного, то на другого.

— Анастасия, — сказал Сиплый, вставая и беря её за руку, — присаживайся, детка, — он пододвинул ногой стул, помог ей сесть.

— Пить хочется, — тихо сказала она. — Всё в горле пересохло.

— Сейчас сделаем, — засуетился Сиплый, не давая Виктору открыть рот. Быстро отвинтил пробку с бутылки красного вина, налил ей полный бокал, приговаривая: — Ты где, детка, такого скрягу откопала, вином тебя дешёвским поит. Даже пробка ненастоящая, вот жидяра! — он посмотрел на Виктора.

Тот молча развёл руками. Сиплый налил полный бокал себе, затем перевернул стопку Виктора и плеснул туда совсем чуть-чуть.

— Так, Зевсу не наливаем, а то он буянить будет. — Он подал бокал Насте в руку, поднял свой: — Ну что, выйдешь за меня замуж?

Она отрицательно покачала головой и тихо сказала:

— Нет, я лучше за него, — и посмотрела на Виктора.

Сиплый громко, от души заржал:

— Вот почему самые лучшие девчонки всё время достаются Зевсу, а?

Настя поставила бокал на стол, посмотрела на Виктора и тихо спросила:

— Вить, а это кто?

— Солнце, это мой лучший друг детства, Александр. Прошу любить и жаловать. Вряд ли у меня есть кто-то ближе, чем он. Может, тебе водички налить?

Она кивнула. Виктор налил стакан воды, и Настя с жадностью выпила.

— Кажется, я кушать хочу, — сказала она с лёгкой улыбкой.

Сиплый опять бросился ухаживать за девушкой, приговаривая, что она точно не прогадает, если бросит этого унылого Зевса и будет жить с ним. Они переедут в роскошный особняк с фонтанами и прислугой. Она нарожает ему кучу детей, а он будет по выходным стрелять фазанов и готовить ей вкуснейшее жаркое, а не то что эта безногая утка, приготовленная Зевсом. Виктор, улыбаясь, смотрел на эту комедию и чувствовал такой домашний уют, такую неподдельную дружескую любовь, что забыл и про ноющее плечо, и про мёртвого Мовлада.

Слово за слово уговорили бутылку красного. Собственно, уговорил большую часть Сиплый. Настя выпила целый бокал, сидела раскрасневшаяся и медленно ковырялась вилкой в салате. Сиплый не унимался, предлагая Насте всё новые и новые ништяки, если та

согласится пойти за него замуж. В конце концов она улыбнулась, отложила вилку:

— Хорошо, Александр, я подумаю.

Сиплый, громко хлопнув себя по коленкам, всплеснув руками и сверкая улыбкой, вскочил на ноги. Тут же ласково обнял Настю и довольный сказал:

— Всё, Витёк, уговорил я твою Настеньку. Забираю себе.

— Да ты уже просто достал её, — засмеялся Виктор.

— Я просто джентыльмент, — еле выговорил слово Сиплый. — Настойчивый, — он поднял указательный палец вверх. — Ладно, ребята, с вами хорошо. Куда мне дрова бросить?

— Пойдём, Сань, покажу диван, — Виктор обнял подвыпившего друга.

Сиплый не стал раздеваться, бухнулся прямо в одежде, сказав:

— Не буду раздеваться, я стесняюсь. — Потом добавил: — Настенька, иди, ложись со мной, детка, бросай этого Зевса, — зевнул и почти сразу же захрапел.

— Прикольный он, — сказала Настя. — Смешной, даже жалко его немного.

— Да, — кивнул Виктор. — Мы выросли вместе. Нас многое связывает. И он надёжный.

— Это видно, — Настя положила голову Виктору на плечо, и он от неожиданной резкой боли чуть не вскрикнул.

— Ой, чего у тебя? — только заметила Настя повязку под футболкой.

— Подстрелили немного, но это нестрашно, Саня сказал, что до свадьбы заживёт. Жалко только татушку. Не меня, а тигра подстрелили, — пошутил Виктор.

— Бедный, — Настя взяла его за руку. — А где эти все? Ну, которые тут бесновались.

— Больше не побеспокоят, — сказал Виктор, не вдаваясь в подробности, и кивнул на Сиплого, который, смешно выпятив губу, невероятно звонко храпел. — Сегодня он нас спас от верной смерти.

Настя подошла к Сиплому, укрыла его тонким пледом и слегка погладила по голове.

Виктор лёг на спину, плечо ужасно ныло, и он пожалел, что не попросил Саню принести из машины какое-то там снадобье. Настя

примостилась рядом, и они молча лежали, обнявшись. Виктор в мыслях благодарил Бога. Может быть, в этот день он окончательно поверил в Него. Бросил взгляд на Нуо, висевший над компьютерным столом. Ну и пусть там висит до лучших времен. Уже почти засыпая, он тихо сказал:

— Настюха, с днём рождения, солнце. Я тебе подарок завтра подарю, хорошо?

— Ты мой подарок, — она поцеловала его и прижалась, ласковая и мягкая, как котёнок. — А почему ты Зевс? — спросила она.

— А, долгая история, — улыбнулся Виктор, — Потом как-нибудь расскажу.

* * *

Виктор проснулся от того, что Настя своими ноготками щекотала его здоровое плечо. Тихонько, но настойчиво. Он открыл глаза, и она пальцем указала на Сиплого.

Саня, в семейных трусах, обтягивающих мускулистые ноги, с голым торсом, вышагивал взад и вперёд по коридору. Одной рукой он держал полотенце, вытирая мокрую после душа голову, другой прижимал мобильник. Сиплый говорил тихо, слов было почти не разобрать, но по интонации было слышно, что он как будто в чём-то оправдывается. Виктор уловил обрывки фраз: — …а там без вариантов было, Семёныч. Там всё из-под контроля вышло. Да. Да, парни всё прибрали. Отвечаю. Да, я за него ручаюсь, как за себя. Понял. Хорошо. Да. Буду. Всё, отбой.

Виктор понял, что речь шла о вчерашней стычке. Саня зашёл в комнату и увидел смотрящие на него четыре глаза. Остановился, расплылся в улыбке. У него на лице не было даже тени похмелья — просто атлет перед забегом. Виктор только сейчас разглядел — на Сиплом живого места не было. Весь в шрамах и порезах, но мощный и мускулистый.

— Ну чего уставились, подъём, на зарядку становись! — Он бросил полотенце на диван и стал натягивать на себя свои тёмные солдатские штаны.

Виктор встал, стараясь не тревожить руку. Боль в плече поутихла, но каждое движение всё равно давалось с трудом.

— Давай посмотрим, — сказал Саня и, когда Виктор сел на стул, стал разматывать бинт.

— Ну, тут всё ништяк, братан, — сказал он. — Ничего шить уже не надо, на тебе как на собаке зарастает, но антибиотик, думаю, проколоть стоит. Я тебе напишу список, какие лучше.

Саня поменял повязку, замотал бинт обратно, потом посмотрел на Настю, сказал:

— Ну что, детка, выспалась?

Настя счастливая кивнула.

Собрались на кухне. Виктор поставил вариться кофе. Настя убрала со стола вчерашние тарелки и принялась их мыть.

Саня посмотрел на две пустые бутылки под столом, спросил:

— Как я вчера себя вёл?

— Замуж звал, — Настя обернулась и с улыбкой посмотрела на Сиплого.

— Да? А ты? — оскалился тот.

— Сказала, что подумаю, — ответила Настя, вытирая тарелку полотенцем.

— Чего там думать, сейчас позавтракаем и сбежим от Зевса. Пусть он тут одной рукой посуду моет, — засмеялся Сиплый.

Но тут у него зазвонил телефон, он сделался серьёзным и вышел разговаривать в другую комнату. Через три минуты Саня вернулся.

— Всё, ребята, мне надо бежать, начальство зовёт, срочно.

— Выпейте хоть кофе с бутербродом, — Настя пододвинула Сане бокал с дымящимся кофе.

Сиплый по-армейски быстро сжевал бутерброд и почти залпом выпил горячий кофе. Затем поцеловал Настю, обнялся с Виктором.

— Братишка, не провожай. Не люблю. Увидимся, если увидимся. Номер мой теперь у тебя есть. Если что, звони. Не надо ведь предупреждать тебя, что вчера ничего не произошло?

Виктор кивнул.

— А ты как? Проблем не будет?

— Конечно, не будет, Зевс. Береги себя, братуха. — Он посмотрел на Настю: — И красавицу береги.

Когда Саня вышел и закрыл за собой дверь, Виктор вспомнил, как Машка тогда ему сказала: «Когда Саня уходил, он хотел казаться таким бравым, но на самом деле был потерянный и грустный». Возможно,

что-то похожее и сегодня читалось на лице у Сани, хоть он и хорошо это скрывал. Что ж, каждый сам выбирает свою дорогу. У Виктора теперь была Настя, и это был его выбор. Проблемы, большой снежной лавиной нависавшие вчера, сошли на нет благодаря Сане Сипелко. А жизнь продолжалась. И надо было двигаться вперёд.

Он стоял у входной двери, за которой только что скрылся его друг детства. Настя подошла вплотную к Виктору, засунула руки ему под футболку, обняла и прижалась. Мягкая, соблазнительная и желанная.

— Мы так и не отметили моё совершеннолетие, — шёпотом сказала она, смотря вверх, прямо в глаза Виктору.

Он кивнул, гладя её по спине. Потом провёл рукой до талии, чуть задержался, затем ниже. Взялся ладонью за упругую Настину попу и прижал к себе. Она выдохнула со звуком, и оба одновременно посмотрели в сторону, где стояла кровать. В этот момент раздался звонок в дверь. Громкий, пронзительный. Они переглянулись, и Виктор в этот момент дал себе слово, что обязательно его поменяет. Если не сегодня, то точно завтра.

— Не будем открывать, — шепнула Настя.

Виктор посмотрел в глазок — там стояла жена отца Романа, матушка Татьяна.

— Точно, ключи же, — вслух сказал Виктор.

Он совсем забыл про просьбу соседа передать ключи. Открыл дверь.

— Виктор, добрый день, а отец Роман вам ключи оставлял? — быстро заговорила она.

— Да, конечно, — Виктор протянул ей связку ключей, собираясь тут же закрыть дверь.

— Благодарю вас, Виктор — сказала она и, увидев Настю, кивнула ей. — Доброго здоровья.

— Здравствуйте, — ответила Настя.

— Всего доброго, матушка Татьяна, — сказал Виктор, закрывая дверь немного быстрее, чем того позволяли приличия.

— Вроде она ещё чего-то хотела сказать, — засмеялась Настя.

Оба понимали, что момент близости был немного сбит. Стояли, смотрели друг на друга, глупо улыбаясь. Виктор чуть было не подхватил Настю на руки, но вспомнил про плечо. Она угадала его жест, поцеловала в щёку, взяла за руку и сказала:

— Пошли в кровать. — Потом добавила: — Вить, давай не будем торопиться, мы столько этого ждали. Нам ведь не обязательно заниматься сексом прямо сейчас, у нас уйма времени. Давай просто полежим, я хочу тебе чего-то рассказать. Что-то очень важное.

Виктор согласно кивнул, а сам подумал: «Настюха — такая молодец, как она всё-таки сечёт ситуацию! Такое впечатление, что наоборот, ему восемнадцать, а ей тридцать пять».

Они лежали на расправленной кровати. Виктор — в трусах, с голым торсом, по пояс укрытый одеялом. Настя лежала поверх одеяла, была в его футболке и сверкала очаровательными голыми ногами. Она была без лифчика, и в лучах солнца её прекрасная двоечка просвечивала сквозь тонкий хлопок белой футболки так, как если бы она была больше, чем голая.

— Я знаю, у тебя есть какой-то секрет, который ты не хочешь мне говорить, — она положила голову ему на грудь и обняла.

— Это ещё почему? — искренне удивился такой проницательности Виктор.

— Не могу объяснить, просто чувствую. — Настя провела указательным пальцем Виктору от подбородка по шее, потом по груди и стала рисовать рёбра, медленно, по очереди, одно за другим. — Я просто вижу: ты необычный, не такой, как все. Ты так относишься ко всему, что тебя окружает, как будто тебя не волнует ничто материальное, — Она закончила рисовать ребра, обвела пальцем вокруг пупка, ущипнула за волосок и повела обратно к шее, подбородок, щёки, брови.

— Даже когда ты меня ещё совсем не знал, буквально в первый день, ты был готов отдать мне всё. Всё, что у тебя было. — Опять подбородок, грудь, живот, и она снова принялась чертить рёбра.

— Картину рисуешь? — улыбнулся Виктор.

— Не хочешь, не говори, я не прошу. Просто хочу, чтобы ты знал, что я догадываюсь.

— Может, тебе просто так кажется? — сказал Виктор, погладив её по руке.

Он даже не думал, что ему когда-нибудь придётся говорить про Нуо, прямо или косвенно. Николас же сказал, что никто не должен знать. Никто и никогда. Настя просто застала его врасплох. Неужели он ведёт себя так, что?..

— Знаешь, когда я была маленькая, — Настя перебила его мысли, — тогда, когда ещё родители были вместе… У меня тоже был секрет. Я никому не говорила, но я точно знала, что я не такая, как все. Вот ты, Вить, веришь в Бога?

— Больше да, чем нет, — сказал Виктор. — А раньше не верил совсем.

— Да, многие так, — кивнула Настя. — У меня отец был учителем, он был атеист, мама мне тоже про Бога никогда ничего не рассказывала. А мне как-то само пришло, даже не столько про Бога, сколько про… — Настя запнулась, подбирая слова. — В общем, мне всегда казалось, что я уже жила раньше. Меня так же звали Настей, и я… — Она подняла руку вверх, разглядывая красивые длинные пальцы. Виктор заинтересованно ждал продолжения истории, не перебивая. — И я тогда тоже жила в деревне, как и в этой жизни. Когда мне было лет пять, я даже помнила некоторые подробности из прошлой жизни. Потом многое стало забываться. Один раз я рассказала маме, и она меня даже наругала. Сказала, чтобы я перестала фантазировать такие глупости, а если не перестану, то мне выпишут больнючие уколы, потому что здоровый человек такое не говорит. И после я больше никому про это не говорила.

— А что ты ещё помнишь из прошлой жизни? — Виктор старался говорить ненавязчиво, без особого интереса, чтобы не спугнуть. Ему очень не терпелось услышать детали.

— Теперь уже мало помню. Теперь мне даже кажется, что я это всё просто придумала и сама в это поверила.

— Но всё же, — Виктор осторожно подтолкнул её к продолжению. — Даже если и выдумала, всё равно интересно.

— Ладно, скажу. Тебе вообще первому это рассказываю, — она вздохнула глубоко. — Я была очень сильно влюблена в одного человека. Он был очень хороший, очень-очень. Вот как ты, — она мягко ткнула подушечкой пальца Виктору прямо в нос. — И, наверное, мы были женаты. Не помню точно. Ну или собирались пожениться. Вот если бы я умела писать тогда, когда была маленькая, я бы могла всё это подробно записать, а теперь деталей не помню. А потом… — вдруг она замолчала, уткнулась своими мягкими губами прямо в ухо Виктору и еле слышно прошептала: — …и потом меня застрелили. Смотри.

Она села на кровати, взялась двумя руками за низ футболки и сняла её через голову, оставшись в одних трусиках. Увидев, как удивлённый Виктор ошалело смотрит на неё огромными глазами, Настя заулыбалась и, взяв его руку, поднесла к своему левому розовому слегка выпуклому соску. Он, неверно истолковав её жест, провёл по очаровательной груди и нежно сжал.

— Смотри сюда, — она взяла его руку, отодвинула, и Виктор увидел чуть выше соска след от пули.

Это был реальный шрам, такой же реальный, как те, что остаются на всю жизнь после прививок от оспы, или как шрам, зашитый после вырезанного аппендицита.

— Это от чего? — спросил Виктор.

— Это было у меня с рождения. Сначала он был совсем маленький, потом, когда она стала расти… Ну, в общем, потом стал больше. Думаешь, я это всё нафантазировала?

— Это невероятно, — сказал Виктор.

Настя, слегка пожав плечами, тихо продолжила:

— И самое главное. Я знаю, как звали того парня.

— Я, кажется, тоже знаю, — глядя прямо ей в глаза, сказал Виктор.

— Глупый, — засмеялась она. — Откуда тебе знать? Его звали Николас. — Затем она, нырнув под одеяло, прижалась к нему всем телом и шепнула: — Теперь я готова.

Когда двоим хорошо вместе, все называют это по-разному. Можно назвать громким словом «любовь», а можно чуть тише, например: привлекательность, привязанность или сексуальное влечение. Учёные вообще придумали, что это химия, мол, какой-то гормон: то ли дофамин, эндорфин, окситоцин или еще с десяток «финов» и «цинов» влияет на наше самочувствие, вызывая эмоции. Что на самом деле происходит с двумя людьми, когда они хотят быть вместе, можно только гадать. Может быть, магнетизм. Две родственные души хотят быть близко, насколько это возможно.

Виктор лежал на спине с широко раскрытыми глазами и наслаждался приятной негой после долгожданной, невероятно трепетной близости с любимой девушкой. Настя голая лежала на боку, подперев голову рукой, и, улыбаясь, внимательно смотрела на Виктора. Потом прикрыла рот рукой, сдерживая смех.

— Ты чего? — спросил он с улыбкой.

— Да ничего, — махнула она рукой. — Вспомнила что-то.

— Ну, говори уж, — Виктор провёл рукой по её плечу, спине, красивому овалу бедра. — Чего вспомнила?

— Да ты мне напомнил одного персонажа, ну помнишь, фильм такой был со Шварценеггером и Де Вито? Как он?.. «Близнецы» вроде называется. Там, когда он с девушкой переспал первый раз в жизни… Вот ты сейчас примерно так же выглядел, — и она, рассмеявшись, спрятала лицо в подушку.

Точно, Виктор помнил этот эпизод из комедии — вот, блин, Настюха, подколола! Он смотрел на неё, лежащую на животе, уткнувшуюся в подушки, и переполнялся радостью и нежностью к этому, теперь такому родному, человечку. Потом до самого вечера только и делали, что ели, пили и валялись в постели. Уже под вечер Настя, натянув его футболку на голое тело, сказала:

— Всё, Зевс, пошли чего-нибудь скушаем и спать, а то ты как кот мартовский.

— Не называй меня Зевсом, — засмеялся Виктор. — Тебе не идёт. Кстати, у меня для тебя кое-что есть.

— Витя, оставь сил на завтра. Или ты решил сегодня на год вперёд нарадоваться?

— Я про другое. — Виктор взял файл с документами. — Пошли на кухню.

— Чего это? — Настя, держа в руке ручку, смотрела на договор купли-продажи.

— Это мой подарок тебе на день рождения. Придётся тебе завтра немного прогулять универ, потому что мы покупаем загородный дом. Вернее, ты покупаешь. Это твой собственный дом. Съездим завтра, посмотрим. Думаю, тебе понравится, там есть… — но договорить он не успел.

Настя подпрыгнула, повиснув у него на шее, чудом не сорвав повязку с плеча.

— Ой, прости-прости, я забыла! Витька, спасибо, — и она заплакала.

— Да хватит тебе, чего реветь-то. Там есть камин, — договорил он фразу. — Давай подписывай бумаги, чудо, — он поцеловал её, и

Настя, вытирая глаза, красивым почерком подписала договор на покупку первой в своей жизни недвижимости.

— Витя, давай не будем кушать, пошли в комнату, я хочу тебя обнять.

— Ты же сказала, хватит на сегодня, — засмеялся он.

— Я передумала, — сквозь слезы сказала она.

Затем они опять любили друг друга, пока наконец не заснули, уставшие и удовлетворённые. А время неумолимо шло вперёд, сгущая за окном сумерки. Всё в этой жизни проходит, прошёл и этот долгий и счастливый день, самый лучший день для двух людей, совершенно случайно оказавшихся в нужное время в нужном месте и сумевших разглядеть друг друга в толпе чужих незнакомцев.

***

Пока Настя была в универе, Виктор решил съездить в Кривец. Тогда, на день рождения Насти, он по своему обыкновению принял молниеносное решение покупать дом, особо не вглядываясь в детали. Теперь же, когда всё более-менее успокоилось, жизнь потекла размеренно, и времени стало много, захотелось лучше рассмотреть, чего же они всё-таки купили. Все эти дни Нуо продолжал висеть у него на полочке. Сегодня утром появилось желание его снова надеть. Виктор уже собирался, но пока ходил в душ, пока завтракали с Настей, так и забыл. А сейчас вспомнилось. Похоже, он всё-таки потерял связь с Нуо. Возможно, из-за этой кражи, возможно, были ещё какие-то причины, но тот превратился в обычный камень, никак себя не проявляя. Виктору даже стало казаться, что так жить легче. Никаких игр разума, всё предельно понятно и объяснимо. Оставшихся денег им с Настей должно хватить надолго. Виктор рассматривал варианты покупки какого-нибудь бизнеса. Может, просто офисное помещение для сдачи в аренду, а может, какой магазинчик. Каждый день просматривал объявления в рекламе. Продавалось всего очень много, цены на недвижимость заметно росли, но это не пугало. Вероятно, рост продолжится и дальше.

Витая в своих мыслях, Виктор остановился на большом оживлённом перекрёстке. Когда загорелась зелёная стрелка направо, он уже начал движение, но заметил слева на пересекавшей улице резко тормозящую «Ладу». Водитель, вероятно, хотел успеть проскочить, но,

когда загорелся красный, всё-таки сумел затормозить, хоть и выехал немного на перекрёсток. Но следующий за ним «мерседес», видимо, думал, что тот не собирается останавливаться, и оттормозиться уже не успевал. Чтобы не въехать «Ладе» в зад, он, не сбавляя скорости, вильнул влево, обогнул её, чудом не задев, и на огромной скорости вылетел на перекрёсток. Когда Виктор его заметил, было уже поздно что-либо делать. Единственное, что удалось, это сгруппироваться, хотя это немногим помогло. Удар пришёлся в левую переднюю стойку, как раз между передним крылом и водительской дверью. Машину сильно откинуло вправо и почти развернуло. Взорвалась левая подушка. Стекло передней двери и лобовое разбились в мелкую сеточку. Виктор оглядел себя в зеркало. Повезло, на лице ни царапины. Руки-ноги целы, ну и слава богу. Посмотрел на виновника аварии — тоже вроде норм. Водитель выскочил из машины и почти бегом подбежал к Виктору.

— Парень, у тебя всё нормально?

Виктор кивнул:

— Да, живой, походу, — и стал вылезать из машины.

Дверь открылась с трудом, но вышел. Чудеса, но после такого удара, он был в полном порядке. Вызвали дорожников. На удивление, те приехали почти сразу и оформили довольно быстро. Зачем-то приехала даже скорая. Парень сразу признал вину и расписался в протоколе. Виктор тоже всё подписал и вызвал эвакуатор. Глядя на место удара, он реально понимал, что родился в рубашке. Если бы не подушка безопасности, тяжело бы ему пришлось. Вмятина была в пол-салона. Похоже, что страховая выплата будет чуть ли не в полную стоимость машины. Неразговорчивый водитель эвакуатора сказал, что отвезёт машину на стоянку в ГИБДД, и Виктор только рукой махнул: — мол, везите куда угодно.

Почему-то захотелось пройтись пешком, а мысли о машине, страховой компании и прочих делах, связанных с аварией, оставить на потом. Пошёл в церковь на Соборку. Первый раз в жизни поставил свечку, даже постоял и попытался молиться. Возле церкви сидели попрошайки. Они навязчиво показывали свои плошки и баночки для мелочи, но Виктор демонстративно прошёл мимо. Он даже не отворачивал от них взгляд, наоборот, старался смотреть им прямо в глаза. Почему-то все они казались проходимцами, а спонсировать

жуликов не хотелось. Прошёл мимо здания ЧГУ на Советском. Насте ещё долго, пары только начались. Не доходя до улицы Ленина, Виктор заметил грязного бомжа с собакой. Возможно, это даже был не бомж. Дед непонятного возраста, лет семидесяти, а может, и больше. Одет он был в лохмотья сомнительной чистоты, через плечо висела сумка из старой облезлой кожи. Дед что-то негромко объяснял своему псу, а тот смотрел ему прямо в глаза и внимательно слушал. Виктор остановился, прислушиваясь. Вот этому деду захотелось дать денег, просто так, дать пару тысяч и пойти дальше. Он остановился. И дед, и собака тут же посмотрели на него.

— Здрасте, — сказал Виктор.

— Здравствуйте, — отозвался дед и уставился на Виктора.

От него не было никакого запаха, свойственного людям, живущим на улице, и вообще, если бы не грязная одежда и ветхая обувь, тот выглядел бы вполне интеллигентно. Виктор даже усомнился: а не обидит ли он деда, предложив ему денег?

— Можно, я вашей собачке куплю что-нибудь поесть? — спросил он, посчитав, что так будет более-менее нейтрально.

— Благодарствую, добрый человек, — сказал дед приятным и на удивление вежливым голосом. — А то мы с Найдой не ели сегодня.

Виктор огляделся:

— А где тут магазин? — Наверное, проще было просто дать денег, но почему-то захотелось самому накупить какой-нибудь вкуснятины и угостить бедолагу. Ведь сегодня у него счастливый день. Жив остался.

— Зачем магазин? — дед показал на кафешку в соседнем здании. — Вон, пойдёмте в «Три рубля», там и поедим.

Виктор немного опешил от такой нескромности, но потом подумал: а почему бы и нет? Так даже прикольнее. Кафешка с удивительным названием «Три рубля» была через дорогу. Красиво оформленная вывеска и удачно подобранный цвет фасада исторического здания сразу бросались в глаза. Странно, что Виктор на это кафе ни разу не обратил внимания, почти каждый день проезжая мимо. Надо будет как-нибудь сходить сюда с Настей, посмотреть, чего там интересного. Сейчас же идти туда с дедом, который был реально похож на лешего, да ещё и с собакой, вызвало лёгкую ухмылку. Ладно, стоило попробовать. Было даже интересно посмотреть на реакцию персонала.

— А пойдёмте, — сказал он, как всегда, внезапно принимая решение, и направился к входу в заведение.

Дед что-то сказал псу, и они засеменили следом.

Кафешка больше походила на небольшой уютный ресторанчик. Штук семь или восемь столиков, стойка с напитками, вешалка прямо в зале. Их встретила девушка и вежливо поздоровалась. Затем она с ног до головы осмотрела деда и неуверенно сказала:

— А с собачкой нельзя… — и добавила: — наверное.

— Наверное? — улыбнулся Виктор, но, включив всё своё обаяние, сказал: — Да мы тихонько посидим, поедим вон там, в уголке, и уйдём.

Тут дедова Жучка, ну та, которая Найда, выдала номер. Она встала на задние лапы, подняла передние и, тихонько поскулив, даже чего-то попыталась сказать. Девушка в нерешительности оглянулась:

— Ой, да она у вас дрессированная! Попадёт мне, кажется. — Затем указала на дальний столик: — Туда садитесь.

— Спасибо, — поблагодарил её Виктор.

Он сам был порядком удивлён. Это было что-то из ряда вон, но последнее время происходило много всего гораздо более удивительного, так что он просто взял меню, а второе пододвинул деду. Посмотрел мельком: много сладостей, два вида супов, разные холодные и горячие закуски, салатики, несколько видов пиццы. Неплохо, скромно, но пообедать можно. Есть особо не хотелось, но тут его внимание привлекло название «Нуо пицца». «Да ладно, — подумал Виктор. — Опять вроде как совпадение».

Заказал, чисто ради интереса, маленькую «Нуо пиццу» и бокал пива. Дед взял полный обед: суп, второе. Собаке попросили каких-нибудь мясных обрезков. Виктор смотрел на всё это представление и не знал, чему больше удивляться: тому, что он спонтанно принял такое необычное решение отобедать с незнакомым нищим, или тому, как обыденно это всё воспринимается персоналом заведения. Появилось желание рассчитаться за обед, пожелать деду приятного, а самому двинуть куда подальше отсюда. Но тут дед задал ему нелепый вопрос, не вписывающийся в разговор двух незнакомцев. Он вдруг спросил ни с того ни с сего:

— Всё тебя устраивает сейчас, или есть какие-то вопросы?

— В смысле? — уставился на него Виктор, но тут принесли еду. Девушка расставила тарелки, поставила большую миску собаке, и та моментально принялась есть. Виктор смотрел на деда, внимательно его разглядывая. Он явно не походил на уличного бродягу. Ясный, проницательный взгляд выдавал все признаки незаурядного ума. Дед заметил, что Виктор его разглядывает, пододвинул к себе тарелку супа, взял ложку.

— Меня зовут Михей. Спасибо тебе, добрый человек, что решил покормить нас с Найдой. Если хочешь, можешь задавать любые вопросы, я отвечу.

— А-а вы кто? — спросил Виктор, не отводя от деда Михея глаз.

Тот улыбнулся, видя, как Виктор не может прийти в себя, и принялся есть свой суп.

— Ух, вкуснятина какая! — похвалил он. — Привет тебе, кстати, от твоего друга Николаса.

Вот теперь всё встало на свои места. Виктор перестал удивляться. Он теперь точно понимал, что это не простая встреча, и дед, прикидываясь нищим, на самом деле здесь совсем по другим причинам.

— Он умер? — просто спросил Виктор.

Дед кивнул:

— Да, он выполнил свою функцию в этом мире. Но у него всё хорошо, если тебе интересно.

— Что вы имеете в виду под «всё хорошо»? — спросил Виктор.

Но дед только махнул рукой, уплетая суп, откусил хлеба и, жуя, сказал:

— Давай не будем про Николаса, давай про тебя. Тебе же, вероятно, интересно, что будет дальше?

Виктор кивнул, затем отрезал маленький кусок от пиццы и тоже стал есть. Пицца Нуо была вкусная, но не так чтобы что-то особенное. Пицца как пицца. А дед Михей тем временем, быстро дохлебав свой суп, произнёс:

— Вот ты не носишь свой Нуо с собой. А знаешь, возможно, если бы он у тебя сегодня был, то ты мог бы избежать аварии. Да и вообще, чем дальше он от тебя, тем больше вы отдаляетесь друг от друга.

— Но он никак не проявляет себя. Я пробовал с ним и разговаривать, и общался мысленно. Камень и камень. Сначала

получилось что-то сделать, потом…

— Что сделать? — перебил его Михей. — Ты вообще не сделал ничего полезного. Всё, что ты сделал, ты сделал для себя любимого.

— Но мне никто толком не объяснил, что я должен делать, — попробовал возразить Виктор, но дед строго поднял руку, останавливая его.

— Слушай и не перебивай. Тебе Бог дал разум и право выбора. Вот и пользуйся. А Нуо — это просто как собака, которую надо учить и дрессировать. Если ты не будешь свою собаку учить, она будет глупая и бестолковая. То, что ты получил несколько вещей от Нуо, это не твоя заслуга. Ты должен стать его хозяином, а не он твоим. Ты уже полгода нигде не работаешь, не делаешь ничего полезного, а только потребляешь. У тебя такие возможности, что можно только позавидовать, а ты их никак не используешь. Я не ведаю, какими критериями меряет Всевышний, одаряя того или иного человека возможностями, но раз тебе дан этот дар, значит, так надо. Я не могу давать тебе советов, но я могу ответить на твои вопросы. Для этого я здесь.

— Какая тогда основная цель всего этого, зачем мне вообще этот Нуо? — спросил Виктор.

— Следующий вопрос, — сказал дед Михей.

— Хорошо, тогда задам вопрос так, — не унимался Виктор: — Вы лично верите в Бога? Даже нет, вы лично видели его?

— На этот отвечу, — улыбнулся дед. — Возможно, кто-то видел Бога, но я нет. В тонком мире существует чёткая иерархия, по-земному это называется вертикаль власти. Я общаюсь с тем, кто на ступень выше меня. С тем, кто отдаёт мне приказы, хотя слово «приказы» здесь неуместно, больше подойдёт слово, «просьбы» или «предложения». В любом случае, у меня ни разу и мысли не возникало, чтобы ослушаться.

— Но разве вам не интересно узнать, что дальше? Ну, что там выше по этой иерархии? — спросил Виктор.

— Посмотри на Найду, — сказал Михей. — Думаешь, у неё возникает желание узнать, кто приготовил еду, которую она ест? — Найда оторвала морду от миски и посмотрела на деда. Он сказал ей спокойно: — Ешь, ешь, не отвлекайся. И вот, даже если у неё возникнет такое желание, в чём я сомневаюсь, она вряд ли сможет

сложить А и Б. А как же ей понять, из чего приготовлена эта еда и по какому рецепту? Она только понимает, что это вкусно или невкусно. Понимаешь, о чём я? Мы все ограничены потолком нашего разума: и Найда, и ты, и я. Возможно, ты никогда не увидишь Бога, а возможно, ты видишь его каждый день. Не это главный вопрос, но вопрос в том, как ты с этим живёшь.

— А как тогда? — Виктор запнулся. — То есть что тогда делать? С тем же Нуо. Если я не знаю глобального замысла Бога, как я могу знать, в каком направлении вообще мне двигаться.

— Вот сегодня, видишь, это был твой выбор — покормить бездомного. А прошёл бы ты мимо и не получил бы ответы.

— Это да. А вот чисто технический вопрос про Нуо. У меня несколько раз получалось материализовать вещи. Но получалось убого и не совсем то, что я хотел. Как-то рандомно. Можно это упорядочить, что ли?

— Вообще, Нуо с неохотой материализует вещи. Это не основная его функция. Но он может помочь тебе с информацией, владея которой, ты сам сможешь сделать любую вещь. В основном, это новые технологии. По большому счёту, большинство научных открытий на Земле произошли не сами по себе, а благодаря Нуо. Как я и сказал, он с тобой играет. Играет как глупый пёс, но, если ты покажешь ему, что ты в доме хозяин, тогда он будет тебя слушать с полуслова.

— Опять ребусы, — Виктор развёл руками — Николас говорил мне совсем другое. Вы бы дали мне хоть один чёткий совет, а не так расплывчато. Всё вокруг да около.

— Хорошо. Но это не совет, а замечание. Нуо — это просто мощный компьютер. Такой продвинутый искусственный интеллект. Если попробовать поставить между вами посредника в виде обыкновенного компьютера, возможно, тогда ты сможешь более точно формулировать свои задачи. И главное, владея силой Нуо, ты не можешь постоянно эксплуатировать его для своей выгоды. Он с удовольствием исполнит твоё желание, если оно направлено на помощь другим людям. Если же ты постоянно будешь просить у него что-нибудь только для себя, то рано или поздно он совсем перестанет тебя слушаться. Возможно, это уже происходит. Так что не злоупотребляй дружбой с Нуо. Ладно, давай последний вопрос, и нам пора.

— У меня есть девушка, с которой… В общем, я бы не хотел, чтобы у меня от неё были хоть какие-то секреты. Могу я ей рассказать про Нуо? Ну и вообще про всё это.

— Однозначно, нет, — сказал дед Михей. — Ты не сможешь этого сделать. Вариантов остановить тебя множество: ты либо физически не сможешь, либо она услышит и не справится с информацией. К примеру, если бы сегодня все вдруг увидели Бога и на сто процентов осознали, что Он есть, как бы всё поменялось! Всё мироустройство перевернулось бы с ног на голову. А так всё идёт своим чередом. Верующие идут своим путём, атеисты — своим. И каждому будет дано по вере его. Это ты уж по любому должен был где-то слышать. Так и с Нуо. Ты пользуешься его силой, пока ты идёшь в нужном направлении: как только свернул — всё, передаёшь эстафетную палочку другому. Тому, кто достоин, а сам сходишь с дистанции.

— Значит, я достоин? — улыбнулся Виктор.

— По-видимому, да, — сказал дед Михей. — Но, как я и сказал, грань очень тонкая. Переступишь — и всё потеряешь.

Он допил сок и вытер рот салфеткой.

— Спасибо за обед, друг мой. Ты доедай свою пиццу, а мы с Найдой пойдём, — и он встал.

Когда дед с собакой вышли, подошла девушка, принесла счёт. Виктор оплатил, оставив на чай. Посидел ещё немного, думая о разговоре. Если он правильно понял деда Михея, то Нуо делал его таким ангелом во плоти. Добрым самаритянином. Немудрено, что Нуо проигнорировал многие из его запросов. Ведь все они были направлены на личное обогащение. Это была ценная информация. Когда Виктор допил пиво, он почувствовал странное головокружение. Как будто стакан водки замахнул, а не пива. Комната стала неприятно переворачиваться, его слегка замутило, и Виктор, оглядевшись по сторонам, приметил небольшой диванчик около барной стойки. Пошатываясь и держась за столы, он подошёл к этому диванчику и сел на край. Что происходит? Мысли опять роем закрутились в голове, создавая неконтролируемый водоворот. Виктор прилёг, понимая, что он сейчас потеряет сознание. Девушка-официант подошла к нему и спросила:

— У тебя всё нормально? Виктор, ты слышишь меня?

Он отрицательно покачал головой: — мол, нет, у меня не всё нормально.

Но девушка поднесла лицо совсем близко и тихо сказала:

— Витя, родной мой, ты меня слышишь? Если да, то закрой глаза.

Он закрыл глаза. Потом с трудом открыл и увидел перед собой испуганное лицо. Это была Настя. Она махала руками, что-то громко говорила. Тут же подбежали люди в белых халатах. Один из них чётким, спокойным голосом сказал:

— Очнулся. Молодцом. Лежи теперь и не двигайся. Рукой постарайся больше не шевелить, а то чуть капельницу не оторвал.

Виктор постепенно приходил в себя. Огляделся вокруг. Настя в белом халате сидела возле кровати. Вид у неё был, мягко говоря, не очень. Красные заплаканные глаза, растрёпанные волосы, наскоро уложенные и забранные в пучок. Виктор посмотрел на неё и постарался улыбнуться. Он хотел сказать чего-нибудь доброе, ласковое, но не смог. Потом собрал все силы и чуть слышно произнёс:

— Что случилось? — Всё тело болело.

— Ты в аварию попал, — тихо сказала Настя. — Сильно очень.

— Да? А я думал, обошлось, — прошептал Виктор. — И давно я здесь?

— Три дня лежал без сознания, — сказала Настя, но тут подошёл доктор, сказав ей, чтобы пока вышла.

Медсестра покрутила капельницу, видимо, добавив какое-то лекарство. Боль тут же прошла, и Виктор погрузился в сон. Вместо больничной палаты перед ним снова был тот же ресторанчик. Он встал с дивана. Ничего не болело, голова не кружилась. Вышел на улицу из «Трёх рублей». Народу вокруг не было. Посмотрел вдоль Советского проспекта. Ни машин, ни людей, только мрачно стоящие небоскрёбы с обеих сторон поблёскивали тонированными стёклами. Высокие. Вероятно, этажей под семьдесят.

«Странно, — подумал Виктор, — когда их успели понастроить?» Небоскрёбы стояли ровными рядами, вдаль, насколько хватало глаз. Пошёл вдоль проспекта, то и дело оглядываясь по сторонам. Сбоку от него пристроился уже знакомый енот, которого он как-то видел во сне.

— А, Нуо, привет, — буднично поздоровался Виктор. — Ты чего здесь?

— А я всегда около тебя, — сказал енот Нуо и подошёл ближе. — Ты просто меня не замечаешь.

— Сидеть, — строго приказал ему Виктор, вспомнив, что говорил дед Михей и протянул руку ладонью вперёд. Где-то он видел, как дрессируют собак. Зверёк тут же послушно сел, вопросительно глядя на руку, типа: — ну сижу, и что дальше?

Виктор поднял с земли хворостину и зашвырнул её, насколько хватило сил.

— Нуо, принеси! — опять строго сказал он.

Енот нехотя, вразвалочку пошёл, виляя бёдрами, взял ветку лапками, принёс и положил около Виктора.

— Молодец, — похвалил Виктор, и тот завилял хвостом.

Виктор осмотрелся, представил, что это не дорога, а река, большая, глубокая река. Вода чистая и прозрачная, глубина — десятки метров.

— Нуо, — громко и властно сказал он, — давай корабль. Большой пассажирский корабль.

Виктор представил океанский лайнер, который он видел только на картинках. Енот в изумлении посмотрел на Виктора, но у того в глазах было столько решимости, что перечить Нуо не мог. И вот они уже стояли на капитанском мостике белого двенадцатипалубного лайнера, который медленно проплывал между огромными многоэтажками. Теперь бóльшая часть их была под водой, и Виктор видел перед собой только несколько верхних этажей. Лайнер плавно двигался от Соборной горки в сторону Красноармейской. Виктор посмотрел вниз. Вода была морского зеленовато-голубого цвета и настолько прозрачной, что было видно, как гигантские здания уходят вглубь до самого дна. Виктор увидел косяк разноцветных морских рыб. Навстречу медленно проплыла маленькая деревянная лодка. В ней сидел пожилой мужчина и ловил рыбу. Он поднял голову на Виктора и кивнул в приветствии. Блаженное спокойствие всего этого так грело душу, что почему-то в голове несколько раз пронеслось слово «Рай». Виктора охватило чувство нескончаемой эйфории и в то же время беспокойства. Беспокойство он погасил и сказал еноту:

— Всё, Нуо, ты молодец, теперь верни всё, как было.

Пропала вода, пропал корабль, исчезли небоскрёбы. Виктор сидел на деревянной скамеечке недалеко от того места, где он недавно

разговаривал с дедом Михеем. Перед ним дорогу разделял газон с кустами шиповника, как тогда, в детстве, когда он только приехал в Череповец. Мимо, шумно тарахтя, проехал старый грузовик ГАЗ-51, затем, моргнув сигналом, скрылся за поворотом. Таких машин уже давно не выпускали. По тротуару проехал мальчик на старинном трёхколёсном велосипеде.

— Мы попали в прошлое? — спросил он у енотика.

— Здесь всегда и прошлое, и настоящее, и даже будущее. Здесь нет времени, — зверёк запрыгнул на колени к Виктору и уткнулся мокрым носом ему в руку.

Он погладил енота.

— Ладно, Нуо, — сказал Виктор, — пора возвращаться домой. Ты можешь это устроить?

— Конечно, — ответил енот. — Нет ничего проще, только ты больше не бросай меня, носи всегда с собой.

— Хорошо, — пообещал Виктор. — Замётано. — И он почесал еноту за ухом. Тот громко заурчал.

После того, как Виктор пришёл в себя, он пролежал в больнице ещё несколько дней. У него был вывих плеча, сильное сотрясение мозга и множественные порезы от разбитого стекла. Настя не отходила ни на шаг, и Виктору пришлось долго уговаривать её, чтобы та шла в универ. Теперь он и сам справится, чего тут зря сидеть. Настя в конце концов согласилась, но после занятий сразу возвращалась. Выписали через неделю. Состояние было нормальное. Оказывается, сразу после удара он потерял сознание, приехали пожарные, и им пришлось вырезать дверь, чтобы достать его изнутри. Машина восстановлению не подлежала. Второму водителю повезло больше, его спасли подушки безопасности, да и при фронтальном столкновении, как правило, менее страдает тот, у кого скорость больше. Но, слава богу, все живы и то хорошо. Страховая компания с неохотой согласилась выплачивать полную сумму. Цена покупки «форда» была намного выше, чем цена по каталогу. На самом деле Виктор согласился бы на любую сумму. Сейчас в его голове был Нуо. Он стоял, наверное, на первом месте. Надо было как-то сопоставить всю информацию, пришедшую во время его блуждания по лабиринтам сознания, отделить её от его грёз и фантазий и только потом принять как руководство к действию.

Дома было уютно. Настя добавила в его холостяцкую берлогу лёгкого женского шарма и домашнего тепла. Виктор никогда бы не положил на стол красивые льняные полотенца как подставки под тарелки, а это давало такой уют. Настя поменяла старый тюль на новые занавески — вроде мелочь, но смотрелось совсем по-другому. В такой квартире было приятно находиться. Настя, как всегда, суетилась на кухне, готовя ужин. Виктор смотрел на неё и наслаждался своим счастьем.

— Настюха, — наконец сказал он. — Я знаю, чем я займусь. Я хочу открыть компанию. Строительную компанию. Как думаешь?

— Здорово, — ответила она, раскладывая котлеты по тарелкам: себе — одну, Виктору — аж четыре.

— Блин, ты с ума сошла, куда столько? — замахал он руками.

— А чего строить? — не обращая внимания на него, сказала Настя. — Я у тебя доем, если не справишься.

— Думаю начать с простых ремонтов. Может, квартирных или офисных. А когда я въеду в тему, у меня планы очень амбициозные.

— Какие? — с неподдельным интересом спросила Настя.

— Хочу собрать команду. Реально крутую команду. Самых лучших специалистов. И мы будем строить дороги, мосты, словом, всё, в чём есть потребность. А главное, я хочу построить… — он запнулся. — Расскажу чуть позже, как только полностью сформирую всю идею.

— Я уверена, что ты справишься, — сказала она, обняв Виктора. — А теперь ешь, тебе надо поправляться. Только, наверное, это очень сложно — строить дороги. Надо много всего знать. Если ты не учился этому, то как? И к тому же тебе нужны хорошие специалисты и… — она посмотрела на Виктора, — и, наверное, много денег.

— Мы найдём денег, — уверенно сказал Виктор. — Специалистов найдём. И тебе там место будет. Ты, главное, учись сейчас.

— Ты мой герой, — улыбнулась Настя. — Я в тебе не сомневаюсь. Главное, выздоравливай скорее. Ты даже не представляешь, как я испугалась. Позвонила тебе, а там сказали, что ты в реанимации. Я чуть с ума не сошла. Побежала в больницу, а к тебе не пускают. Просидела там сутки, наверное. Потом пустили. Ты такой бедненький лежишь, весь в бинтах, в трубках этих. Вообще, страшно, знаешь, как!

Доктор этот… всё подойдет, посмотрит на меня, головой покачает, опять уходит. Строгий такой. Но не выгонял больше. Я теперь вообще не представляю свою жизнь без тебя. А уж когда ты глаза открыл, я прямо от радости запрыгала.

— Насть, я же потом состарюсь, совсем дедом стану. А ты молодая будешь ещё. И на фиг я тебе нужен буду такой, — сказал Виктор, отрезая кусочек котлеты.

— Так когда ещё это будет! — махнула рукой Настя. — Когда состаришься, тогда и поговорим. Я тогда тебя на металлолом сдам, а себе молодого найду. Такой ответ тебя устроит?

— Вполне, — засмеялся Виктор.

— Ну, тогда и не начинай больше.

И он больше не начинал. Действительно, чего думать, что там будет через десять или двадцать лет, когда вон как жизнь непредсказуема, и всё может закончиться так внезапно. Уже вечером Виктор взял в руки Нуо и тут же почувствовал знакомое тепло. Ну вот, так бы сразу. Поднёс к губам, поцеловал и повесил на шею. Всё, пусть здесь будет.

На следующий день, когда Настя ушла дерзать науки, Виктор положил перед собой газету с объявлениями, включил компьютер и стал мониторить рынок услуг. Предложений было много. Чего только не было: электрики, сантехники, отделочники, плиточники. Голова кругом шла, но, посидев несколько часов, сделав два десятка звонков, он уже примерно представлял среднюю цену на те или иные услуги. Особенно заинтересовал Виктора поголовный выкуп первых этажей. Практически по всему городу первые этажи вдоль дорог выводили из жилого фонда под магазины, офисы, кафешки и прочую бизнес-недвижимость. Здесь рентабельность была просто запредельная. Надо бы глубже изучить этот вопрос и, скорее всего, присмотреть себе что-то подобное.

Целую неделю Виктор ходил по агентствам недвижимости и в конце концов нашёл неплохой вариант. В старом фонде, в центре города, продавались две смежные квартиры: двух и трёхкомнатная. Общей площадью около ста тридцати квадратов. Особенно Виктору понравились высокие потолки и мощные кирпичные стены сталинских построек. Разговорчивая девушка-риэлтер неустанно твердила, что лучше варианта на сегодня вряд ли можно найти. Центр города, есть

парковка, и за всё про всё только пять миллионов. В эту цену так же входила вся работа по переводу имущества в нежилой фонд. Обе квартиры, конечно же, были, если не убиты в хлам, но для жилья вряд ли пригодны. Это не пугало. В любом случае всё это надо было убирать, вскрывать полы, переделывать стены, менять всю электрику, сантехнику и прочее. Виктор по своему обыкновению думал недолго. Решение принял почти сразу.

— Хорошо, — сказал он, — я забираю обе квартиры. Торговаться не буду. Пять так пять. Но четыре пятьсот — сразу при покупке, а пятьсот тысяч — после перевода.

Девушка для вида сказала, что надо подумать, кому-то позвонила, но было видно, что она согласна. Походу, прибыль была ощутимая, потому как она сразу предложила всё оформить.

— У вас наличные? — спросила она, держа кого-то на линии.

— Да, — кивнул Виктор. — Готов хоть сегодня купить.

Она перекинулась со своими коллегами по телефону парой фраз и сказала Виктору:

— На послезавтра сделку готовим? Сможете?

— Сможем, — сказал Виктор и протянул копию Настиного паспорта. — Вот на эту девушку оформим.

— Хорошо, — сказала риэлтер.

На том и порешили.

Настя обрадовалась покупке, но тут же, спросила:

— А чего ты всё на меня оформляешь? Не думаешь, что со мной что-нибудь тоже может случиться?

— Перестань, Настюха, не заморачивайся с этим. Это такие же твои деньги, как и мои. Нас чуть обоих не грохнули из-за них, так что теперь ты не начинай.

Сделка прошла, как и договорились. Чётко, без сучка, без задоринки. В УФРС, где было оформление, народу толпилось — не продохнуть. Но, видимо, на той стороне всё было схвачено, и сделку провели буквально за десять минут. Виктор рассчитался, а Настя получила на руки две официальные расписки. Свидетельства о регистрации должны быть готовы только через месяц. Странно, деньги уже отданы, а квартиры ещё месяц будут принадлежать старым хозяевам. Схема была непонятна Виктору, но все как один утверждали, что так все работают. Позвонил своим знакомым. Сказали, что

действительно, всё это не совсем правильно, но в Череповце почти все сделки проходят именно по этому порядку. Решили пока не начинать ремонт, подождать окончательной регистрации. Виктор же потихоньку приходил в себя. Стала заживать рана от пули, шрамы на лице и шее понемногу рубцевались. Нуо время от времени менял температуру, но чаще был дружелюбно тёплый. Как-то вечером, перед сном, Настя, обняв Виктора, взялась рукой за Нуо. Виктор невольно напрягся, ласково взял её за руку, хотел убрать, но она спросила, нагнувшись ближе к Нуо и разглядывая его:

— А что это у тебя за медальончик такой интересный? Давно хотела спросить.

— Это у меня с детства, — соврал Виктор, потом добавил: — Ну не совсем с детства. В общем, он приносит удачу.

— Такой приятный, как будто бархатный, — заметила Настя, но ничего не сказала про теплоту Нуо. Либо не почувствовала, либо просто проигнорировала.

Виктор ничего не стал говорить: врать не хотелось, а из правды больше и говорить было нечего. К счастью, Настя больше ничего и не спросила. Умела она это. Виктор уже не раз замечал: она никогда не лезла в расспросы о его прошлой личной жизни, хотя часто рассказывала про свою. Эх, если бы не такая разница в возрасте, у них могла бы сложиться неплохая семейная пара, а так… Да и так всё было более, чем славно. Виктор уже почти перестал корить себя за то, что, возможно, их отношения выходят за рамки приличия. В конце концов, они оба взрослые люди, и, если по какой-то причине Настя захочет от него уйти, он не будет её держать. Более того, он отдаст ей всё, что она захочет. С его стороны это будет по-мужски, а с её… Да без разницы. А пока пусть всё идет, как идёт.

Глава 12

Глава двенадцатая. Конец октября 2005

— Ну что, поздравляю, солнце! — Виктор обнял улыбающуюся Настю и поцеловал в губы.

Она, вытянувшись во весь рост, молодая, красивая и отчаянно счастливая, в одной руке держала пластиковый файл с документами на свои две квартиры, другой обнимала Виктора за шею.

— Я тебя люблю, — сказала она громко, так что люди, стоящие рядом, оглянулись на них.

Народу, как всегда около УФРС, была толпа: живая очередь — внутри, активисты со списком — у входа. Но теперь всё позади, они получили свои свидетельства о регистрации права. Теперь можно было начинать грандиозную перепланировку. Виктор к этому был полностью готов. У него уже имелся договор с двумя бригадами. Оставалось только закупить материалы — и в путь. На сегодня было ещё одно дело, а потом можно будет отдохнуть от всего, отметить получение документов.

— Вечером приглашаю тебя в ресторан, детка, — сказал Виктор, придерживая Настю за талию.

— О, ты говоришь, как твой друг Александр, — засмеялась Настя. — Только тот сразу замуж звал.

— Точно, звал, — усмехнулся Виктор, вспоминая тот вечер, когда они последний раз виделись с Сиплым. — Так чего, идём?

— Вить, а давай лучше дома отметим, я чего-нибудь приготовлю, а потом поваляемся, кино посмотрим. Мне так больше нравится.

— Хорошо, солнце, мне так тоже нравится, — сказал Виктор, открывая Насте пассажирскую дверь своей «Нивы». — Я сейчас тебя домой отвезу, и мне надо ещё в одно место сгонять. Я недолго, пару часов всего. А ты пока чего-нибудь вкусненькое придумаешь.

— Хорошо, — согласилась Настя. — А может, я с тобой?

— Думаю, не стоит, там ты ничего интересного не увидишь, я быстро, — и он завёл мотор.

Когда подъехали к дому, и Настя открыла дверь, чтобы выйти, Нуо истошно завибрировал. Не так, как обычно, когда хотел о чём-то

предупредить, а долго, около трёх секунд, потом замолчал и вдруг стал холодным.

— Настя, погоди, милая, — сказал Виктор. — Давай я тебя провожу, солнце.

Он закрыл машину и взял Настю под руку.

— Чего случилось? — она тут же уловила перемену настроения Виктора.

— Да ничего особенного, думаю проводить тебя до квартиры.

Виктор огляделся по сторонам, но ничего необычного не увидел. Проводил до дверей, поцеловал. Настя с тревогой заглянула ему в глаза:

— Точно всё нормально, Вить? Я же вижу, что ты чем-то обеспокоен.

— Да показалось, не бери в голову, — он махнул рукой, ещё раз окинул взглядом Настю, восхищаясь ею. — Я мигом, в район скатаюсь, хочу там объект один посмотреть. Это быстро.

Поехал в Шекснинский район. Хотелось глянуть на старую заброшенную базу, которую предлагали практически за бесценок. Виктор был удивлён такому щедрому предложению. Лишь сегодня утром он позвонил по старому объявлению. Выкопал газету, наверное, несколько месяцев давности. Продавец сказал, что объект уже снят с продажи, но если Виктор рассматривает быструю покупку, то он согласен. Человек уезжал за границу работать по контракту. Вернуться собирался не раньше, чем через пять лет, поэтому если интересует покупка, то всё надо было сделать буквально за несколько дней, поэтому и цена такая низкая. Виктор согласился, решив прокатиться и оценить, стоит ли рассматривать эту инвестицию. Предлагалось несколько гектаров земли, бетонные сооружения, построенные ещё в советские времена, старый нежилой дом и ещё много всего, оставшегося от давно развалившегося совхоза. Хотелось на всё это взглянуть своими глазами, и если было всё так, как рисовал продавец, то можно было забирать не глядя и дальше делать там чего угодно: хоть производство, хоть делить на участки и продавать частями. Конечно, лучше было бы съездить завтра поутру, но откладывать не хотелось.

Долетел минут за сорок. Сразу стало понятно, почему так дёшево. Участок находился намного дальше от дороги, чем говорил продавец.

Фактически на отшибе, около самого леса. В распутицу можно проехать только на тракторе. Ну что же, съездил не зря, по крайней мере узнал, что это пустышка. Раз уж приехал, решил прогуляться по территории. Машину поставил, наверное, в километре от строений, ближе подъехать побоялся, чтобы не завязнуть в глубоких колеях. Время было ещё непозднее, но уже изрядно стемнело. Октябрьские сумерки быстро сгущались, покрывая всё вокруг осенним мороком. Виктор заглушил машину, взял с собой маленький карманный фонарик, пошёл пешком. Строение на самом деле огромное. То ли это был коровник, то ли хранилище сена. Многое уже развалилось, что-то растащили местные, но всё равно это стоило немалых денег. Обошёл с другой стороны — ну так, ничего интересного. Рядом ещё несколько построек. Пока ходил вокруг, уже реально стало темно и как-то немного жутковато. Ладно, пора возвращаться. Пока доедет, Настя уже будет его ждать, нарядная и родная. Пошёл к машине, но внезапно остановился. Он увидел… Да это же… Два ярких глаза отражались от его фонаря. Неужели волк? Или большая собака? Он стоял прямо на пути к «Ниве» и смотрел на Виктора. В темноте Ярский видел только силуэт. Кто бы это ни был, он не двигался и просто стоял. Нуо вдруг начал теплеть и наконец стал таким горячим, что Виктор его еле терпел. Он не сводил глаз с животного и тут увидел в стороне ещё двоих. Три волка. Теперь правда стало страшно. Надо же было так нелепо вляпаться! На ровном месте. Чего его понесло сюда в эту темень? Все трое животных медленно стали двигаться в сторону Виктора. Теперь у него уже не было сомнений, что это волки. Большие, грозные. Даже в темноте Ярский видел, какая густая у них шерсть. Все трое как по команде оскалили зубы. Виктор в сердцах сказал, обращаясь к Нуо:

— Ну что брат, выручай!

Тот тут же немного поостыл и принял температуру тела. Что делать, Виктор не знал, не знал так же, чего просить у Нуо. А тот сам инициативы не проявлял. Волки, уже не скрывая своих намерений, заходили с трёх сторон. Вдали, у леса, показались фигуры ещё трёх или четырёх волков. Виктор сам себе удивился, насколько спокойным он был. Стоял и чего-то ждал. Только когда один из волков присел, готовясь к прыжку, Виктор замер, остановив дыхание, и услышал стук своего сердца, ровный, размеренный. Представил своего друга енота,

улыбнулся, взял мысленный циферблат часов и, не сводя взгляда со всех трёх волков, согнул его напополам. В этот момент один из волков прыгнул, но прыжок был уже управляемый. Волк в зверином оскале острых зубов прыгал в замедленном действии. Виктор согнул циферблат ещё раз и ещё. В этот момент второй волк тоже оторвался от земли. Всё происходило не так, как в том офисе, в Питере, когда всё замерло статично. В этот раз все хищники двигались, и при любом неосторожном движении острые, как бритва, клыки вмиг порвут его на куски. Волки прыгнули с двух сторон, и траектории их пересекались. Когда первый волк в прыжке почти достиг Виктора, он слега присел, сделал шаг в сторону и со всей силы толкнул волка вбок, в направлении его второго собрата. Пальцы увязли в тепле косматой густой шерсти. Виктор продолжал с силой нажимать на волка, как на что-то тяжёлое и неподатливое. Но у него всё же получилось — два собрата столкнулись в прыжке, и Виктор даже услышал лязг зубов и длинную тонкую ноту волчьего визга. Фонарик выпал из руки и затерялся в траве. Ярский почти проглядел нападение третьего волка. В последний момент он успел отступить ещё на шаг, отклонился, и волк медленно лязгнул зубами прямо возле его ноги чуть выше колена. Виктор хотел махнуть к «Ниве», но с той стороны трусцой бежало ещё несколько волков. Не медля ни секунды, он развернулся и побежал в сторону строения. Бежать было очень трудно, ноги словно налились свинцом, как будто он нёс за плечами груз килограммов под сорок. Все трое волков медленно, но верно преследовали его по пятам. За ними, в нескольких метрах, рысью бежало, наверное, ещё с десяток. Оглядываться времени не было, и он продолжал бежать в замедленном темпе, слыша дыхание прямо за собой. Только бы Настя не позвонила, подумал он, и тут же заставил себя отбросить эту мысль. Сосредоточился на своём согнутом циферблате часов, попробовал согнуть его ещё напополам, но силы не хватило. Вот она, эта постройка, куда дальше? Запрыгнул на бетонную перекладину, побежал по настилу, мельком оглянулся. Двое волков запрыгнули за ним, третий побежал по земле параллельно, но там был откос вниз, запрыгнуть он уже не мог, поэтому развернулся и побежал обратно. Широкая бетонная лестница на второй этаж, там — открытая дверь. Что за ней — непонятно, но выбора особо нет. Виктор что есть силы взбежал по лестнице, понимая, что при таком темпе силы хватит

максимум ещё на минуту, а то и меньше. Судя по дыханию, волки всё же немного отстали. Пробегая через дверь, Виктор заметил мощные железные петли, сама дверь вроде тоже была из железа. Стоило попробовать. Он схватился за край двери и, разворачиваясь, с силой попытался её закрыть. Дверь подалась и медленно стала закрываться. Слишком медленно.

— Нуо, давай, енот, помогай, сдохнем же сейчас! — в сердцах заорал Виктор.

Дверь с лязгом закрылась. Оба волка с силой ударились в неё с другой стороны, но Виктор навалился всем весом и смог сдержать удар. Он услышал сначала ноту визга, потом суету за дверью, потом — тишина. Волки не ушли. Стояли с той стороны. Он отчётливо слышал их дыхание, всех троих. Вокруг была кромешная тьма, ни проблеска света. Продолжая держать дверь изо всей силы, пошарил вокруг ногой. Наткнулся на что-то твёрдое. Потрогал — вроде бочка. Попробовал сдвинуть с места — с трудом, но подалась. Бочка была в чём-то склизком, в мазуте или смазке. Медленно, но всё же получилось дотянуть до двери. Прижал. Но это не выход. Если у них хватит ума подпрыгнуть на дверь и толкнуть передними лапами, то, без сомнения, откроют. Но хватит ли? Каков уровень разума у этих животных, Виктор не знал. Глаза понемногу стали привыкать к темноте. Комната — метров сорок или больше, небольшое окно, в котором угадывался кусок тёмного неба. С другой стороны комнаты ещё одна дверь. Закрыта. Но заперта ли, пока не проверить. Это, походу, было что-то типа офиса на ферме либо небольшой склад. Пригляделся и увидел большой деревянный письменный стол. Вряд ли он сможет быстро его придвинуть к двери, но если сможет, то вопрос с укрытием будет временно решён. Прислушался — за дверью тихо. Сделал шаг в сторону стола, отпустил дверь. Тишина. Делать нечего, придётся рисковать. Боясь за что-нибудь запнуться, Виктор медленно дошёл, взялся двумя руками за стол. Ну, с Богом. Стол оказался не такой уж тяжёлый и сразу подался. Виктор что было силы стал толкать его к двери. С хрустом отломилась ножка, стол накренился, но устоял, потом отломилась вторая, и в конце концов стол с грохотом ударился о железную дверь прямо около бочки.

— Фу-у, слава богу, теперь им точно не сдвинуть.

Глаза уже полностью привыкли к темноте, и Виктор забегал по комнате, собирая всякий хлам, таская его в свою баррикаду. Положил несколько досок, нашёл даже старую ржавую двухпудовую гирю. Поставил её прямо к углу двери. Всё. Сунул руку в карман, но нащупал только пустоту — телефон остался в машине. Всегда носил с собой, а тут почему-то не взял или где-то выронил. Выглянул в окно. Машина далеко, с километр, не меньше. Недалеко от неё в траве виднелся крошечный огонёк фонарика. Да уж, надо же так влипнуть! Дёрнул вторую дверь — открылась. Здесь был маленький кабинет, метров восемь, не больше. Тоже стоял старый полусгнивший стол и такой же дряхлый диван. Чтобы спать на нём даже не могло быть и речи. Закрыл дверь, пододвинул диван. Всё, теперь двойная защита. Осталось дождаться утра. Тут Виктор вспомнил про внешнее время. Оно идёт раз в десять медленнее обычного, так до утра будет очень долго. Закрыл глаза, хотел представить свой согнутый циферблат, чтобы разогнуть обратно, но не смог найти его в своём воображении. Да что же это такое! Видимо, переволновался и, пока бегал с этими дверями, совсем потерял его из виду.

— Нуо, — сказал он громко, — где моё время? — вопрос был задан неоднозначно, но Нуо должен был понять.

В ответ — тишина. Ладно. Виктор снял Нуо с шеи, поднёс к губам и прошептал: — Давай миленький, ускоряй время, как было.

В ответ — опять тишина. Вот непослушный зверёк! Виктор представил на циферблате деление в пять секунд, мысленно сжал его до одной — ничего не произошло.

— Да что же такое! — в сердцах сказал он.

Взял циферблат, весь круг в шестьдесят секунд, и сложил его, как веер. Затем сжал что есть силы в кулак. Что-то щёлкнуло, послышался лёгкий писк, потом — слабая вибрация, и у Виктора закружилась голова и зарябило в глазах. Он посмотрел в окно и увидел там Настю. Мельком, буквально на какое-то мгновение, потом она пропала. Озноб прошёл по всему телу. Он почувствовал гусиную кожу от макушки до пят. Сверкание в глазах усилилось до нестерпимой боли. От неожиданности он закрыл глаза рукой, забыв про Нуо. Тот вылетел из руки и провалился в щель между окном и старинной чугунной батареей. Открыл глаза и тут же снова закрыл от яркого света. Как будто кто-то включал и выключал яркий фонарь прямо у него перед

лицом и делал это раз по десять в секунду. Виктор упал на колени и с закрытыми глазами стал шарить по полу в поисках Нуо. Тщетно, его нигде не было.

— Да япона мать! — выругался он.

Попробовал чуть-чуть приоткрыть глаза. Получилось. Через маленькие щёлки можно было хоть что-то разглядеть. Посмотрел на батарею сверху и увидел Нуо. Он лежал внизу, и достать рукой его, невозможно. Надо было придумать какой-нибудь крючок из проволоки. Огляделся вокруг. В комнате стало светлее, и глаза начали привыкать к этой ряби. Виктор случайно бросил взгляд в окно и обалдел. Всё вокруг было зелёное: трава, деревья, кусты. Он не мог оторвать взгляд и прошептал: «Да что же такое происходит, в конце концов?!». Потом зелень постепенно посерела, и всё стало каким-то чёрно-белым. А затем совсем белым. Рябить в глазах почти перестало, и Виктор вдруг понял: — Да это же снег! Это же настоящая зима! Его «Нивы» не было там, где он её оставил. Только ровные белые сугробы. Да ёшкин кот! Он, кажется, начинал понимать, что происходит. Боясь поверить в свою догадку, Виктор забегал по комнате в поисках из чего бы сделать крючок. Глянул в окно — там опять всё зеленело яркими красками. Опять лето. В конце концов он нашёл, что искал. Дёрнул что есть силы за пружину от ветхого дивана. Она подалась, но не оторвалась. Собрал всю силу и дёрнул ещё раз. Есть! Пружина лопнула и оказалась у него в руке. Выпрямил как смог, сделал крючок из кривой ржавой проволоки. Глянул за окно — опять всё белым-бело.

Долго мучился с крючком, но всё-таки подцепил и аккуратно, чтобы не уронить, вытащил.

— Здравствуй, дорогой, — улыбнулся Виктор, прижал Нуо к губам, потом поднял его вверх на вытянутой руке и громко и властно крикнул: — Нуо, ты знаешь, что делать. Я приказываю тебе. Верни всё на место. Дай мне реальное время.

Опять тот же, уже знакомый, щелчок, и Виктор услышал, как звонко, на разные голоса запели птицы. Вроде получилось. Он увидел маленьких птичек, летающих стайками. Было нехолодно. Это походило на раннее летнее утро. Трава только начинала зеленеть. Осмотрелся вокруг. Странно, диван, которым он подпирал дверь, стоял в стороне, дверь была полуоткрыта. В другой комнате всё было разбросано, дверь полностью открыта. Кто-то раскидал весь хлам и

открыл дверь. Виктор уже понимал, что произошло, но не хотел в это верить. Видимо, за те несколько секунд, пока он доставал Нуо, здесь прошло гораздо больше времени. Сколько, даже страшно было предположить. Выглянул наружу — волков, конечно же, уже не было. Вышел на улицу. Прохладно, но не холодно. Этак середина мая. Потихоньку потопал по утренней росе в сторону, где оставил «Ниву». Естественно, там не было ни «Нивы», ни следов от неё. Долго брёл, пока не вышел на дорогу. Накатанная, ровная грунтовка, вокруг ни машин и никаких домов. Виктор смутно помнил, когда сегодня ехал, что до Вологодской трассы не так далеко, не больше пяти километров. Повернул наугад направо и пошёл быстрым шагом. Осеннюю куртку пришлось снять, так как почти сразу же вспотел. Шёл около получаса, дорога стала шире и слева вдалеке появилась деревенька. Всё, это место он уже помнил, где-то здесь за поворотом уже бетонка. Оставалось не больше километра. Метрах в трёхстах впереди заметил машину, выезжавшую из деревни на дорогу. Она подняла столб пыли и начала ускоряться. Виктор побежал, замахав курткой над головой, и закричал. Машина, не останавливаясь, набрала скорость и скрылась за поворотом, но, когда Виктор прошёл ещё метров пятьсот, он снова её увидел. Два мужика стояли около машины и разговаривали. На поле возле дороги мерно тарахтел трактор, старенький МТЗ-82. Виктор посмотрел на машину. Похоже, иномарка, но написано «Лада». Странно, он такой ещё не видел. Подошёл поближе, поздоровался. Мужики кивнули.

— До города подбросите? — спросил Виктор.

— Да, конечно, подвезу, садись, — показал на машину один из них. Потом сказал своему приятелю: — Ладно, Андюх, давай, погнал я.

Виктор подождал, пока парень сядет на водительское сиденье, затем сел рядом. Внутри всё достойно, неплохой дизайн салона, модные приборы. Неужели наши тоже научились машины делать? Виктор достал деньги, положил пятьсот рублей.

— Спасибо, щедро. Тебе куда в городе? — спросил водитель.

— Юбилейная, — ответил Виктор.

— Не вопрос, довезу. — Парень включил передачу и плавно тронулся с места.

— Благодарю, — кивнул Виктор.

Машинка тем временем вырулила на трассу и резво набрала скорость, сразу что-то под сто сорок, мягко и непринуждённо.

— Чего-то я не видел этой модели, новая, походу? — поинтересовался Виктор. — Вроде «Лада» написано, а выглядит, как иномарка.

— Да брось ты, — засмеялся водитель. — Их с 2007-го года уже выпускают. Ведро и ведро. Но вроде бегает, пока свежая.

— Да она у тебя вроде новая совсем? — опять спросил Виктор.

— Да, эта новая, 2009-го. Вообще, неплохая машина, мне нравится, ну, если нашу рассматривать.

— В смысле 2009-го? — округлил глаза Виктор.

— Я зимой брал, новую, — пояснил парень.

Виктор замолчал. Сердце бешено колотилось, как будто хотело выпрыгнуть наружу. Значит, не зря рябило в глазах — это мелькали дни, и то, что он видел за окном, было не просто картинкой. Это менялись времена года. То, что он понимал, но во что не хотел верить, случилось. Он промотал несколько лет. Кстати, а чего сегодня, интересно?

— Слушай, а я что-то потерялся, — он посмотрел на водителя, — какое сегодня число?

— Сегодня тридцать первое мая, завтра лето, — бодро сказал тот.

Виктор кивнул. Для него прошло не больше двух часов, а здесь — почти четыре года. И тут Виктор вспомнил про Настю. Его охватил ужас. Она ждала его домой вот сейчас, но это «сейчас» было четыре года назад. Он закрыл глаза и откинулся на спинку. Мозг отказывался в это верить. Нуо, что же ты со мной сделал? За что мне всё это?

Тем временем подъезжали к городу. Виктор безучастно смотрел в окно. Город заметно изменился. Стало больше рекламных плакатов. Больше машин, в основном, всё иномарки. Не заметил, как приехали в заречье.

— Дом какой? — спросил паренёк.

— А, чего? — Виктор отрешённо посмотрел на него, не сразу понимая, что тот спрашивает. — А, да, шестнадцатый номер, вот здесь направо, да, можешь тут и остановиться, в любом месте.

Он поблагодарил водителя, и тот сразу уехал, вероятно, подумав, что пассажир немного того, чокнутый. Виктор побрёл по улице, безразлично смотря по сторонам. Везде были запаркованы машины.

Пустого места не было. В другой раз всё это его, конечно, заинтересовало бы, но не сегодня. Сейчас ему было страшно. Возможно, так страшно не было ещё никогда в жизни. Подошёл к своему подъезду. Новая железная дверь с кнопочным замком. А, это не замок — это домофон. Виктор помедлил немного и дрожащей рукой набрал номер своей квартиры. Что-то щёлкнуло, и послышались гудки. Слушал долго, но так никто и не ответил. Постоял немного, собрался с духом и набрал номер квартиры отца Романа. Опять гудки. Наверное, с десяток длинных гудков и потом отключилось. Немудрено, они редко когда бывают дома, всё время в разъездах. Набрал ещё насколько квартир, в конце концов взяли трубку.

— Кто там? — раздался женский голос.

— Это сосед, я ключ не взял с собой, откройте, пожалуйста, — каким-то не своим голосом сказал Виктор.

Женщина помедлила несколько секунд, но потом зазвучал зуммер, и Виктор открыл дверь. На третьем этаже навстречу ему попалась молодая девушка. Она с большим усилием одной рукой пыталась спустить вниз коляску. В другой руке был ребёнок, и получалось у неё, мягко говоря, не очень.

— Здравствуйте, — приятным голосом сказала она. — Не поможете спустить вниз коляску?

— Конечно, — сказал Виктор, подхватил двумя руками коляску и быстрым шагом сбежал до первого этажа.

Девушка поблагодарила его, сказав:

— Так неудобно, что лифта нет, спасибо вам огромное!

— Не за что, — отрешённо промолвил он и снова стал подниматься вверх по лестнице.

Пятый этаж, знакомая дверь. Виктор прожил здесь без малого пятнадцать лет. Сейчас было чувство, что он идёт не домой, а к кому-то в гости. Повернул ключ, открыл дверь — дома никого. Огляделся. На него тут же пахнуло нежилым помещением. Вроде всё на своих местах, всё убрано, но такая унылая, мёртвая атмосфера, как в склепе. Тут Виктор понял, что это всё он уже видел. Видел в том заброшенном доме, куда его послал Николас. Такой легкий налёт пыли на всём, полнейшее забвение. Тут взгляд его упал на Настины зелёные тапочки. Он купил их на рынке. Прикольные такие тапочки-лягушки, с лапками и глазами. Они ещё оба смеялись тогда, как смешно они смотрелись.

Как луч света в тёмном царстве. Сильно защемило в груди, и Виктор даже ощутил боль в слёзных мешках, где-то под бровями. Не разуваясь, прошёл на кухню. Всё так же чисто прибрано, только кругом налёт пыли. Настины занавески были задёрнуты и выглядели теперь не радужно, как раньше, а с какой-то бабушкинской грустью. На столе, в жёлтом латунном подсвечнике — огарок свечи. Лужа воска расплылась по столу и была покрыта пылью. Холодильник выключен, дверца слегка приоткрыта. В пустом холодильнике, на дверной полочке — бутылка водки «Абсолют». Закрыл дверь, включил холодильник в розетку, он тут же тихо зашуршал. Прошёл в комнату. Всё на месте. Телевизор с лёгким налётом пыли. На столе — его ноутбук. Ровной стопочкой лежат листы с его записями, прижатые пластиковым органайзером. Открыл ящик, где хранились документы. В толстом прозрачном файлике — два паспорта: гражданский и загран, здесь же военник и документы на «Ниву».

Так, стоп. Документы были в машине, значит, машину они нашли. Получается, Виктора тоже искали. Почему тогда не зашли туда, где он прятался, там было не больше километра? Или зашли, но не увидели? Конечно, зашли, ведь обе двери были открыты. Возможно, с этими изменениями во времени он вообще находился в какой-нибудь другой реальности. Ладно, об этом потом. Покопался в документах: вот на квартиру, на гараж. Настиных нет. Настиного ничего нет, кроме тапочек-лягушек.

— Нуо, — вслух сказал Виктор, — открой мне доступ к информации на Настю Вересову. Давай, не упрямься, мне сейчас не до шуток.

Он точно знал, что Нуо его услышал. Он слегка завибрировал… даже нет, просто на мгновение как бы вздрогнул и слегка потеплел. Виктор смутно, но что-то увидел. Это было как сквозь дымку тумана, неявно и неразборчиво. Словно сквозь пелену он почувствовал, как Настя мечется от одной инстанции к другой. Вот она в милиции. Разговаривает со следователем. У неё на глазах слёзы, а капитан доброжелательно что-то ей говорит. Вот она дома, сидит за кухонным столом, подперши руками голову и молчит. О, а вот это интересно! Настя едет на пассажирском сиденьи, за рулём сидит Сиплый. Он чего-то оживлённо объясняет и жестикулирует. Настя кивает и тоже чего-то говорит. Потом всё обрывается, как лента закончилась.

Нуо в этот раз пожадничал. Виктор попробовал попросить ещё раз, но тот больше не отреагировал. Пришлось пока с этим смириться. Включил телевизор — только рябь. Понятно, за кабельное не заплачено. Ладно, хоть свет не отключили. Тут Виктор заметил на верхней полочке свой мобильник и зарядку к нему. Провод от зарядки ровно скручен и перетянут резинкой. Сразу было видно Настину руку. Что бы она ни делала, у неё всегда получалось аккуратно. Включил в розетку, на телефоне загорелась лампочка зарядки. Ух ты, даже так! Живой. Непонятно было, что делать дальше. Позвонить Сиплому или Насте? И что он скажет, где он был почти четыре года? Даже царапины от аварии ещё не зажили. Рана на плече почти зарубцевалась, но на четыре года по-любому не тянет. На все эти вопросы у Виктора не было ни одного правдоподобного ответа. Появился соблазн найти Настю и рассказать ей всё, как есть. Начиная с того самого дня, когда он в первый раз повстречал Николаса. Ну и что дальше? А вдруг, правда, как и сказал дед Михей, случится что-нибудь страшное? Уж кого-кого, а Настю подвергать риску не хотелось. Кстати, сколько ей сейчас? Через три месяца должно исполниться двадцать два. Виктор закрыл лицо руками. Четыре года — это же так много, всё что угодно могло случиться.

В прихожей около вешалки — трубка от домофона. Значит, ставили ещё при Насте. И ключ от гаража висел на своём месте. В гараже, в кессоне, оставался пакет с деньгами, там должно быть восемь миллионов. Сейчас это казалось таким пустым и ненужным. На улице меж тем начинался день. Часы, видимо, давно остановились, батарейка села. Судя по всему, времени было около полудня, может, чуть меньше. Виктор не знал ни сколько времени, ни даже какой сегодня день недели. Выйти на улицу и спросить? Да бред. Захотелось завыть волком от всех этих непоняток. Да пошло оно всё! И Нуо, и Николас, и дед Михей со своей Найдой! Виктор сунул руку в карман, достал деньги: тысяч десять есть. Захлопнул дверь, бегом спустился на первый этаж и со всех ног бросился по улице. Он бежал в сторону проспекта Победы, туда, где остановки автобусов, трамваев. Если бы кто-нибудь его спросил, зачем, он бы не ответил. Он не знал, куда бежит. Просто не мог оставаться на месте, в этой мертвенно-опустевшей квартире. Оглянулся, увидел несколько машин. Одна — с

шашечками, видимо, такси. Поднял руку, машина, резко затормозив, остановилась.

— Свободен? — спросил Виктор молодого паренька водителя.

Тот кивнул.

— Дружище, давай до ЧГУ прокатимся, — Виктор забрался на заднее сиденье и откинулся назад.

Пока ехали, начал понемногу успокаиваться. Озираясь по сторонам, то тут, то там замечал что-то незнакомое. Очень много новых магазинов, цветных рекламных вывесок. Кое-где подремонтировали дороги. Полным ходом шла реконструкция моста через реку Ягорбу.

— Давно мост делают? — спросил Виктор у парня.

— Да года два уж поди, — бросил тот через плечо. — Заколебали они этим ремонтом, каждый день пробки. Когда уж и закончат. А сам не местный? Или давно не был?

— Давно не был, — сказал Виктор. — Давно не был.

Подъехали к ЧГУ, паренёк развернулся и остановился.

— Восемьдесят, — сказал он.

Виктор кивнул. За четыре года цены особо не выросли.

— Подождёшь? — спросил Виктор, протягивая сотку. — Может, ещё куда прокатимся.

— Подожду, недолго если.

— Недолго, — сказал Виктор, выходя и озираясь на пустынное здание. — Слушай, а сегодня хоть какой день недели?

— Воскресенье было с утра, — удивился парень.

Виктор прошёлся около института. Воскресенье, можно было и сразу спросить. И чего он сюда приперся? Всё закрыто. Настя, по идее, должна быть на четвёртом курсе. Значит, у них в это время выпускные экзамены, сессия, или как там это называется. Если она всё же решила доучиться. Здесь делать было больше нечего, и он поплёлся обратно к машине.

— Парень, у тебя всё нормально? — спросил его таксист, когда Виктор подошёл к машине.

— Не знаю пока, — Виктор забрался обратно за заднее сиденье, протянул пятьсот рублей.

Водитель взял деньги и уставился на Виктора с немым вопросом: мол, куда?

— Давай немного здесь постоим. Я подумаю, — Виктор отрешённо смотрел в окно, прикидывая, что же дальше.

Вдруг сообразил: квартиры. Квартиры, которые они только сегодня оформили. Сегодня было четыре года назад.

— А поехали на площадь Металлургов, там покажу, — сказал он, явно оживившись.

Проехали по Ленина. Здесь тоже было много нового. Виктор показал, где остановиться.

— Подождёшь? Как со временем? — спросил он водителя.

— Нормально, — сказал тот, доставая газету. — За ваши деньги. Хоть почитаю пока.

Виктор издалека увидел красиво оформленный фасад здания. Значит, получилось всё-таки у девочки. Ай да Настя! Крыльцо с широкими ступенями и коваными поручнями смотрелось дорого и эстетично. Ярко-зелёный газон был коротко и ровно подстрижен. Над крыльцом красовалась неоновая надпись «Продукты из Финляндии». Зашел внутрь. Просторный зал — на глаз определил: метров пятьдесят, не больше. На полочках и стеллажах яркими разноцветными обёртками пестрели продукты. Всё то, что Виктор уже видел, находясь в Финке. За прилавком, наклонившись, стояла женщина и что-то записывала в журнале. Увидев Виктора, отложила журнал и поздоровалась.

— А вы давно здесь? — спросил Виктор. — Магазин вроде новый.

— Почти два года, — сказала женщина. — Вам помочь?

— Да, пожалуй, — Виктор набрал целую гору продуктов — просто брал, что под руку попадётся.

Свалил всё это на прилавок перед женщиной, спросил:

— У вас пакет найдётся?

— Конечно, — оживилась дама, пробивая товар и складывая в яркий полиэтиленовый пакет.

— А вы арендуете здесь? — Виктор показал рукой на стены. — Насколько я знаю, здесь сто тридцать квадратов было. А у вас гораздо меньше.

— Да, мы в аренде, — ответила женщина. — Там офисы сдаются ещё, за стеной, а магазин только один.

— Хозяйка девушка, по-моему? — спросил Виктор как бы между делом. — Анастасия зовут.

— Нет, — сказала продавец. — Я не знаю никакой Анастасии. С вас две тысячи.

Виктор рассчитался и, поблагодарив, направился к такси. Значит, не Настя. Ну ладно, он это выяснит.

— Можно обратно туда же? Где я сел, — спросил он таксиста.

— На Юбилейную, значит? — тот отложил газету и, круто взяв с места, повёз Виктора домой.

Почтовый ящик был забит корреспонденцией, но не так чтобы вплотную. Виктор сгрёб всю бумагу и медленно пошагал по лестнице. Домой идти не хотелось, но встретиться с кем-то из малознакомых соседей желания было ещё меньше. Бросил всю пачку на кухонный стол. В основном реклама, но было и несколько счетов за коммуналку. Ожидал увидеть огромные тысячи, но нет, счета были всего за несколько месяцев. Даже за домофон заплачено. Кто-то исправно платил за квартиру, и кроме Насти, было некому. Хотел включить мобильный, но, подумав, решил повременить. Возможно, Насте сразу придёт СМС, а к встрече с ней он пока не готов.

— Нуо, ты здесь? — Виктор взял амулет в руку.

Чуть тёпленький. Никакой реакции. В сердцах снял его и бросил на стол. Тут решение пришло мгновенно. Отец Роман — вот кто сейчас нужен. Он не такой дотошный и не будет задавать лишних вопросов, а про Настю по-любому расскажет. Виктор вышел на площадку и нажал на звонок. Кто-то закопошился, послышались шаги, щёлкнул замок. Когда дверь открылась, Виктор удивлённо уставился на свою новую знакомую, которой нёс коляску. Затем неуверенно сказал:

— Здравствуйте ещё раз! — И добавил больше утвердительно, чем вопросом: — Вы, получается, здесь живёте.

— Получается, живу, — улыбаясь, ответила девушка, кивнула на открытую дверь, — соседи, значит?

— Получается, соседи, а вы давно здесь? — спросил Виктор. — Отец Роман здесь жил раньше. Священник.

— Да, я знаю, у них и купила квартиру. Полгода назад. Они в другой город переехали с женой. А вы где-то в отъезде были?

— Да, в командировке был, — соврал Виктор. — А может, вы видели? Может, заходил кто ко мне?

— Да, видела, девушка заходила, зимой ещё или весной, точно не помню когда. Я по лестнице поднималась, а она меня обогнала, и смотрю, зашла в квартиру. Я ещё подумала: значит, живут соседи, а то никого не видела ни разу.

— Спасибо, — сказал Виктор.

— Да не за что, — улыбнулась девушка и повторила: — Значит, соседи. Я Светлана, а вас как?

— Очень приятно, я Виктор, — он кивнул своей соседке и вернулся к себе, закрыв дверь.

Значит, Настюха была совсем недавно. Сердце опять начало бешено тарабанить. Значит… Да это ничего не значит. Он пошёл на кухню, налил себе стакан водки, выпил. Это, конечно же, не выход, но спиртное тут же приятно провалилось, и вроде даже стало чуточку легче. Виктор понимал, что это самообман, да и хрен с ним. Грыз чипсы, макая их в плавленый сыр «Виола», и тупо запивал водкой.

Проснулся утром. Добрался до кухни, попил воды из-под крана. На столе был полный беспредел, посреди недоеденных пряников и печенюшек стояла почти пустая «абсолютка». Накушался вчера знатно, до сих пор кружило. Недолго думая, вылил остатки водки в стакан и залпом выпил.

— Вот так мы её, — вслух сказал Виктор, поставил пустую бутылку под стол и улыбнулся.

Спиртное тут же растеклось по сосудам, создав иллюзию прекрасного утра. Сразу показалось, что всё не так уж и плохо. Непонятно только было, сколько сейчас времени. Хоть батарейки для часов надо, что ли, купить. Решил прогуляться до магазина. Этажом ниже опять повстречался с соседкой Светланой. Та, держа в одной руке своего карапуза, медленно, ступенька за ступенькой, спускала коляску. Увидев Виктора, обрадовалась:

— А, сосед! Поможете?

— Давайте, — сказал Виктор и на серьёзных щах протянул руки и попытался взять у Светланы малыша.

Вид у него был до того сосредоточенный, что девушке даже пришлось уточнять свою просьбу:

— Да нет, Виктор, с коляской помогите, — сначала не поняла шутку, потом засмеялась она.

Виктор вынес коляску на улицу и собрался в магазин, но Светлана, продолжая разговор, пошла рядом. Она явно желала поболтать:

— Каждый день вверх-вниз лазаю по лестнице, не понимаю, зачем на пятом этаже купила квартиру.

— Ну, ничего, скоро подрастёт ваш джигит, сам будет свою коляску таскать. — Виктор сбавил шаг, идя рядом. — Зато дом неплохой, я давно здесь живу, мне нравится.

Нога за ногу дотащились до магазина, Виктор показал на дверь:

— Я туда.

— Хорошо, мы вас здесь подождём, — сказала Светлана.

Девушка явно проявляла интерес, это было видно невооруженным глазом. Ну что же, у неё есть право. Виктор взял три бутылки «Абсолюта» по 0,7, чтобы два раза не ходить, по своей привычке купил, что первое под руку попалось: хлеба, колбасы, молока. Тут же взял батареек для часов. Когда вышел, Светлана прогуливалась по тротуару взад и вперёд. Увидев Виктора, тут же подошла.

— Быстро вы.

— А, я только бухла взял да закуси, и теперь обратно. Вас проводить? — Виктор говорил нарочито развязно, и это сработало.

Девушка, похоже, потеряла к нему всякий интерес.

— Нет, мы просто погуляем.

— Ну, тогда я пошёл, — кивнул Виктор. — Если помощь нужна будет, в домофон звоните.

Отшил дамочку одной фразой. Сработало на ура. Может, получилось не совсем корректно, но Виктора это не беспокоило. Сейчас было никак не до флирта с навязчивой соседкой. Уже подходил к своему подъезду, как кто-то окликнул его по имени:

— Виктор, это ты?

Он обернулся. На него с широкой добродушной улыбкой смотрел парень лет двадцати пяти.

— Я вроде, — сказал он.

Лёгкий хмель делал всё вокруг прикольным и радостным. Чё за чел, он понятия не имел, но тот вроде как его знал.

— Чего, не узнал, что ли? Я Николай, Борисовский, помнишь? Я тебя тогда подвозил ещё.

— А, Колян, здорово! — обрадовался Виктор, протягивая руку. — Теперь узнал. Ты повзрослел так. Какими судьбами здесь?

— Так я живу здесь, вон, через дорогу, в пятнадцатом доме. Третий год уже. А я смотрю в магазине: ты — не ты? Потом думаю: дай догоню. Подъезд-то твой помню.

— Ну, красавчик, чё, — сказал Виктор, оглядываясь по сторонам.

Надо было как-то открыть долбаный домофон. Но тут, как по мановению волшебной палочки, дверь открылась и из подъезда вышла девочка с собакой. Виктор подставил ногу, придерживая дверь:

— Колян, а ты водку пьёшь?

— Анисовую, — тут же подхватил Колька фразу из культового фильма и засмеялся.

— Наш человек, — похвалил Виктор, — пошли тогда.

Пока поднимались, Виктор спросил:

— На «Северсталь» устроился? Хотел вроде.

— Да, там и работаю. Хату в ипотеку взял, так что пашу, как папа Карло.

— А как беда твоя? Жива ещё? — спросил Виктор.

— Нет, что ты, давно уже продал, взял «Логан» в кредит. Почти выплатил, год осталось.

Виктор открыл дверь:

— Заходи, бро, только не пугайся, не убрано у меня.

По лицу Коляна было видно лёгкое изумление. Так всегда бывает, когда имеешь представление о человеке, как о самодостаточном и успешном. Потом, когда видишь его опустившимся и спившимся, поначалу глаза отказываются верить. Виктор смёл объедки в мусорное ведро, вытер стол. Поставил бутылку, достал закусь, рюмки. Выпили по стопке.

— Ну, рассказывай, — сказал Виктор, откусывая от сардельки прямо с кожурой.

Колян недоумённо на него уставился. Виктор, видимо, производил впечатление спивающегося человека.

— А чего рассказывать? Подтянул меня кореш на «Северсталь». Зарплата хорошая, но и работаю, как лошадь ломовая. Пашу по сменам. Два кредита, за квартиру и за машину, да мамке ещё помогаю. Она в деревне живёт, там же. А как по-другому? По-другому никак. А

ты чего? Как я помню, у тебя здесь уютненько было. А сейчас, смотрю, в понедельник с утра — и уже на кочерге.

— А, — махнул рукой Виктор, наливая ещё по стопке. — Я сейчас немного того, на перепутье. Но всё разрулится, думаю.

Колян показал на царапины, что у Виктора на лице, и спросил с улыбкой:

— Покусали?

— А, это мелочи, до свадьбы заживёт. Давай, дружище!

Выпили. Виктор, уже изрядно захмелевший, спросил:

— Колян, платить много за хату?

— Больше миллиона ещё. Я двуху взял сразу; сначала однушку хотел, а потом думаю: вот женюсь, ребёнок родится, чего в одной комнате ютиться? А сейчас цены упали, можно было бы дешевле взять.

— А чего, цены упали, что ли? — спросил Виктор.

— Ты как с луны свалился, — удивлённо уставился на него Колян. — В прошлом году как кризис начался, всё упало почти в два раза.

— Да ладно? Не знал, — Виктор налил ещё по стопке.

— Может, хватит тебе уже? — сказал Колян, отодвигая бутылку.

— Мне надо, — Виктор выпил ещё, откусил смачный кусок сыра прямо от полукилограммового ломтя.

— Я, пожалуй, пойду, — вставая, сказал Колян.

— Хорошо, братишка, ты не обижайся, я не буду тебя провожать, — еле выговорил Виктор, потом всё-таки встал и, шатаясь, подошёл к двери. Колян молча зашнуровывал ботинки.

— Я тебе помогу, — сказал Виктор. — Я тебе тему подгоню, братан, и ты денег заработаешь. Много. И ипотеку свою загасишь в один день. Я отвечаю.

— Хорошо, — произнёс Колян, открывая замок. — Себе сначала помоги. Давай, пока.

Когда он ушёл, Виктор выпил ещё стопку, взял Настины зелёные тапочки-лягушки, положил их под голову и завалился на диван.

Виктор бухал неделю. Такого запоя у него не было никогда в жизни. Как-то вечером включил мобильный телефон. Он тут же запикал всякими эсэмэсками и уведомлениями. Сначала хотел набрать Сиплому, но не стал, потом уже почти позвонил Насте, но в последний

момент передумал — разум возобладал над алкоголем. Время от времени кто-то звонил в домофон, но Виктор не подходил, никого не хотелось видеть. В свой очередной поход в магаз на последние деньги купил бутылку какой-то дешёвой водки и, видимо, траванулся. Его всю ночь карало. Проснулся утром от звука телефона. Телефон противно вибрировал на беззвучке.

— Да кто, блядь, звонит в такую рань?! — на полусогнутых он дополз до стола. Это был не телефон, это трезвонил Нуо.

— Чего тебе надо? — зло сказал Виктор, с размаху швырнул его в угол за кровать и опять завалился на диван.

Голова раскалывалась, во рту всё пересохло, а Нуо не унимался и продолжал нудно трезвонить. Тут у Виктора в очередной раз подступила тошнота, и он помчался в туалет.

На кухне под столом толпилась батарея пустых бутылок. На столе стояла бутылка, наполовину с какой-то хренью на берёзовых бруньках. Налил себе пол стакана, но пить не стал.

— Нуо, да ты заебал там трындеть! — повернувшись, через плечо заорал он.

Вдруг Нуо замолк.

— Так-то, — с победными нотками в голосе сказал Виктор и поднял стакан. Но выпить он не успел.

— Мне тоже налей, — услышал он голос откуда-то снизу, из коридора. Крупные мурашки побежали хаотично по всему телу. Виктор повернул голову и увидел на полу знакомого енота. Енот стоял, облокотившись локтем о дверной косяк, и красивыми глазками смотрел на Виктора. Виктор затряс головой. Закрыл глаза, открыл.

— Хоть заморгайся, — сказал енот. — Я всё равно здесь. Так чего, нальёшь?

— Да, — только и смог промолвить Виктор.

Енот запрыгнул прямо на стол и пододвинул ближе пустую стопку. Виктор налил до краёв.

— А чё с ногами на стол? — прохрипел он.

— Посмотри вокруг, у тебя здесь всё равно помойка, — сказал енот. Виктор огляделся. Помойка — это было точно сказано. Гора грязной посуды в раковине, ведро, полное мусора. Мусор валялся везде, не только на кухне — он был по всей квартире. Это был самый настоящий гадюшник.

— Да, ты прав, — опять прохрипел Виктор.

Енот взял стопку своей маленькой лапкой с тёмными миниатюрными пальчиками и поднял, чтобы чокнуться. Виктор поднял свой стакан.

— Почему-то сдохнуть хочется.

— Слабак, — сказал енот, ставя стопку на стол. — У меня даже пить с тобой нет желания.

— Ты во всём виноват, — огрызнулся Виктор и тоже поставил свой стакан.

— В чем же я виноват? — енот сложил лапки на груди. — Скажи, если ты такой умный.

Виктор молчал.

— Не можешь, тогда я скажу. Ты косячишь с первого дня, как получил Нуо. Тебе дед Михей разжевал всё и по полочкам разложил. Ты мне пообещал, что не будешь снимать Нуо, и чего? Подумаешь, Настю он потерял! Да ты три месяца назад знать её не знал. А что ты сделал, чтобы её вернуть? Сидит он тут, неделю жрёт водку и жалеет себя. Тьфу! Ты мне противен. Всё, я ухожу от тебя, прощай! — енот спрыгнул со стола и вразвалочку зашагал вон из кухни.

— Эй, животное, тормозни! — окликнул его Виктор. — Мне-то чего делать?

— Чего хочешь, то и делай, мне пофиг, — с выражением сказал енот и, не оборачиваясь, скрылся в комнате.

— Ну и вали, — громко сказал Виктор. — Все валите, — он сложил руки на стол, положил на них голову и закрыл глаза.

Почему-то вспомнился бабушкин Бог на деревянной дощечке. Потом сама бабушка с блестевшим стеклянным глазом. Потом родители: мама и отец — совсем молодые, наверное, не больше тридцати. Они смотрели на Виктора по-доброму. Они его не осуждали. Мама улыбалась, а отец просто стоял, обняв её за плечи, потом кивнул Виктору: мол, всё путём, сын, ты справишься. Стало стыдно. Хотел подойти к родителям, рассмотреть их получше, обнять, но не получилось. Он не мог сделать и шагу, ноги не слушались. Проснулся от мелодичного звука. Поднял голову, озираясь. Звонили в дверь, но это был не тот противный резкий звонок, который Виктор всё никак не мог поменять, это звонил домофон. Он с трудом встал и, пошатываясь, пошёл к двери.

— Да, слушаю.

— Виктор, можете помочь занести коляску? — это была Светлана.

— Минутку, сейчас спущусь, — сказал он и сунул босые ноги в полуботинки, смяв задники.

Голова болела нестерпимо. Каждый шаг давался с трудом. Добравшись до первого этажа, увидел Светлану с малышом на руках. Она смотрела на Виктора большими удивлёнными глазищами, как будто привидение увидела.

— Привет, Свет, — сказал он, беря коляску. — Не обращай на меня внимания.

Светлана ничего не сказала, и Виктор потащил тяжеленную ношу наверх. Сил хватило только до третьего этажа. Остановился, тяжело дыша. Передохнул и, поднявшись на пятый, поставил коляску у двери.

— Света, у тебя от головы есть чего-нибудь? — спросил Виктор. — Блин, как ты её таскаешь?

— Конечно, есть, сейчас дам. Спасибо, что помог.

Глянул на себя в зеркало. Страх божий! Глаза опухшие, щетина по всей морде, запёкшиеся губы. Виктор выглядел реально, как бичара. Зашла Светлана, с интересом оглядела квартиру, протянув упаковку цитрамона, сказала:

— Прибраться бы тебе надо, сосед.

— Спасибо, Свет, сейчас займусь. Слушай, а какой сегодня день недели?

— Воскресенье, — она покачала головой и ушла, закрыв за собой дверь.

После двух таблеток цитрамона боль слегка утихла. Виктор взял большой мусорный пакет и стал потихоньку убираться. Превозмогая ужасное похмелье, прокопался целый день. Вынес на мусорку три полных мешка всякого хлама. Всё намыл, начистил, пропылесосил. К вечеру стало чуть легче. Нашёл Нуо — он валялся в углу, за кроватью — надел на шею. Голова была как большой мешок, набитый соломой. Взял в руки телефон, в котором была куча старых, неотвеченных звонков. Когда четыре года назад Виктор пропал, был октябрь, примерно, двадцать восьмое число. Да, вот точно: двадцать восьмого начинались неотвеченные. Около полусотни звонков от Насти, потом, на следующий день, ещё целая куча, несколько незнакомых номеров, потом опять всё Настя. Виктор представил, как она металась, не

понимая, что происходит. Телефон работал; проверил баланс — на счету больше трёх тысяч рублей. Столько никогда и не было. Вероятно, Настя зачем-то пополнила на такую сумму. Телефон был включён, но никто ему так и не позвонил, ну да ладно. Решил завтра опять прокатиться до ЧГУ и выяснить, чего там с Настей. Хоть издалека увидеть, удостовериться, что у неё всё нормально. А там посмотрим, там посмотрим…

Глава 13

Глава тринадцатая. Четыре года назад, Санкт Петербург

Сиплый включил сигнал поворота и перестроился на выезд с КАДа на Шафировский. Влившись в поток, нажал на газ и новенький четырёхлитровый Volkswagen Touareg послушно подхватился и с хорошим ускорением набрал скорость. Зазвонил телефон, это был его близкий друг и сослуживец Евгений:

— Сань, ну ты где? Выдвигаться пора.

— Всё, Жека, я на Шафире уже, минут через десять буду.

— Мы выходим тогда и у парадной будем ждать, — сказал Женька и отключился.

Новую машину Сиплый купил всего пару недель назад. Как и хотел, чёрный «фольксваген» с объёмом мотора в четыре литра, мощностью за триста лошадей, и теперь с удовольствием наслаждался немецким качеством. Жека уже несколько раз недвусмысленно намекал, что надо бы обмыть колёса, иначе ходу не будет. Да собственно, почему бы и нет? Как раз выдались свободные выходные, и Жека пригласил всех к себе на дачу в Сестрорецк. Неделю назад они познакомились с двумя очаровательными близняшками, и те были не против съездить на шашлыки. На даче решили собраться всей бригадой, а то давно уже никуда не выбирались, а тут и повод как раз. Жека позвал несколько человек бывших сослуживцев: кто с женами, а кто-то с подругами. И вот Сиплый в предвкушении веселых выходных подъехал к дому, где жил Евгений. Багажник был доверху набит всякой провизией. Саня завернул во двор и сразу увидел стоящих возле парадной Жеку с двумя сестричками.

— А вот и наш герой! — сказал Евгений, открывая заднюю дверь. — Девочки, запрыгивайте сюда, а я вперёд.

— Знакомьтесь, это Александр, — сказал Жека. Сиплый кивнул. — А это Алиса и Кристина, кто из них кто, я, честно говоря, и сам не знаю.

— Так знакомились уже, — повернулся к девочкам Саня. — Привет, девчонки, вы такие неотразимые, прям куколки. Замуж за меня пойдёте?

— Обе, что ли? — засмеялась Кристина. А может быть, Алиса, они были как две капли воды.

— Ай, да он всем предлагает, — заржал Жека и ткнул Сиплого в плечо. — А как согласятся, Сань, чего будешь делать? Придётся слово держать.

— Да запросто, — сказал Сиплый, выруливая из двора на дорогу. — Ты Круассана позвал хоть?

— Конечно, позвал, в первую очередь. Но ему же после операции пить нельзя, мясо нельзя. Чего, говорит, я там делать буду. Отказался, короче.

— Ладно, в другой раз, — Сиплый, посмотрел в зеркало заднего вида на близняшек. — Ну чего, замуж согласны?

— Конечно, — сказали они почти хором.

Сиплый довольный кивнул и нажал газ.

Собралось человек пятнадцать. Все парни свои, проверенные, и были знакомы уже тысячу лет. Затопили баню. Погода выдалась на редкость тёплая, поэтому расположились прямо возле летней беседки. Парни кружком стояли возле мангала, обсуждая десятки различных способов мариновать мясо. Каждый считал, что его рецепт — самый лучший.

— Редко собираемся вот так, — сказал Сиплый. — Хорошо, когда можно просто отдохнуть, ни о чём думая.

— Ой, Сань, накаркаешь сейчас! — засмеялся Серёга, рослый двухметровый детина, открывая бутылку «Старого мельника».

И тут как раз у Сиплого зазвонил телефон.

— Ну вот, говорил же, — Серёга указал рукой на Саню, — накаркал.

Сиплый посмотрел на экран телефона — номер незнакомый.

— Слушаю, — громко сказал он.

— Алло, Александр, здравствуйте, это Настя, — голос на том конце было еле слышно.

— Какая Настя? — Сиплый поднял руку, сморщившись, чтоб вокруг не галдели.

— Какая ещё Настя? — с улыбкой и опять почти хором спросили близняшки.

Сиплый отошёл в сторону, чтобы не мешал шум разговоров, и зажал второе ухо рукой.

— Александр, «Зевс» пропал. Виктор пропал. Его уже неделю нет.

Услышав слово Зевс, Сиплый мгновенно всё понял. Это звонила девушка Витька.

— Да, я понял, говори, Настя.

— Он поехал смотреть загородный дом или участок и не вернулся. А сегодня нашли его машину. Там был его телефон. Я нашла вас в записной книжке и сразу позвонила.

— Я понял всё, — сказал Сиплый, мгновенно просчитывая разные варианты. — Настя, ты в ментовку заявляла? Звонила ещё кому-нибудь?

— Конечно, заявляла. Я в тот же вечер позвонила, но они сказали, что через три дня только можно заявить о пропаже человека. Потом я заявление написала, а сегодня они машину нашли в тридцати километрах от города на дороге. Я не знаю, что мне делать.

Сиплый посмотрел на часы. Три часа. До Черепа ехать часов шесть. Будет только вечером. Есть ли смысл, или лучше ночью выехать?

— Настя, не звони пока никому. Будь дома и никому дверь не открывай. Я выезжаю. Буду часам к девяти. Подъеду — позвоню.

— Я поняла, — сказала она.

Вроде хотела ещё чего-то сказать, но он уже машинально нажал на сброс. Вернулся к людям.

— Ну как там Настя? — спросила одна из близняшек.

— Нормально, — с натянутой улыбкой сказал Сиплый. — Жека, Серый, Димон, — он махнул рукой, мол, отойдём.

Отошли в сторону. В двух словах объяснил ситуацию.

— Думаешь, Мержоевские всё-таки нарисовались? — спросил Димон.

— Не знаю, всё может быть. Из них только Тимур остался, хотя вряд ли этот ботан кого-то пальцем тронет. Возможно, их крыша, да вообще кто угодно мог. Я сейчас в Череп выдвинусь, посмотрю там на месте. Что-то выясню — дам знать.

— Может, с тобой поехать? — спросил Жека.

— Пока не надо, завтра отзвонюсь, на связи будьте, — сказал Сиплый, посмотрел на Жеку и добавил с лёгкой улыбкой: — Надо полагать, близняшки твои.

Тот кивнул, но шутка не прокатила. Из богатого опыта все знали, что всё это просто так не пройдёт. Опять придётся воевать. Вернулись к мангалу, и все вопросительно посмотрели на Сиплого.

— Мне отъехать придётся. Там порешать кое-что надо, — сказал Саня и добавил: — с родственницей.

— Товарищ капитан, может, шашлычок дождёшься, потом поедешь? — предложил самый молодой из их компании Лёха.

— Не получится, — Сиплый попрощался со всеми за руку, чмокнул обеих близняшек в румяные щёчки. — Ещё соберёмся.

— Ну вот, то замуж звал, а какая-то Настя позвонила, и сразу хвостом вильнул, — делано обиделась, кажется, Алиса.

Саня помахал всем рукой. Женька вызвался проводить. Уже у машины Сиплый спросил:

— Жека, у тебя здесь наверняка ствол есть? А то я не брал с собой ничего. На всякий случай.

— Ну, естественно, есть, тебе чего надо? — ухмыльнулся тот.

— Да без разницы, чистый только чтоб был. Макар подойдёт.

Через три минуты Жека принёс свёрток.

— Макаров, к нему пять магазинов. Ты же пострелять любишь, — улыбнулся Жека.

— Да куда столько? Ладно, верну. Бывай. Близняшек не обижай, — подмигнул Сиплый.

Дорога от Сестрорецка до Череповца заняла чуть больше пяти часов. В Вологодской области было холоднее, но температура держалась выше нуля. Долетел пулей. Поставил машину прямо у Виктора под балконом. Во дворе места не было. Набрал Настю, та мгновенно ответила, сказал, чтобы открывала, и стал подниматься по лестнице.

— Здравствуйте, — сказала она, открыв дверь.

— Привет, Настя, хватит уже меня выкать, — сказал Сиплый, обняв Настю и проходя в квартиру.

— Хорошо, — согласилась она. — Спасибо, что сразу приехал. Могу покормить с дороги.

— Не откажусь, — сказал Сиплый. — Расскажи подробно. Всё с самого начала.

— Мы хотели отметить покупку, — начала Настя, ставя тарелки на стол. — Витя купил две квартиры, ну там чтобы потом в аренду

сдавать. Мы как раз свидетельства получили, и он меня до дома довёз, а сам сказал, что отъедет на пару часов. Сказал, что какой-то объект посмотрит. Я ещё предложила, что, может, вместе прокатимся. А он сказал, нет там ничего интересного. Я наготовила всего, жду его, жду. Время уже девять, потом десять. Раз двадцать ему позвонила — не отвечает. Потом, уже за полночь, позвонила в милицию. Они посмеялись, сказали, может, загулял, если через пару дней не вернётся, то ещё позвонить.

— Погоди, ты сказала, что хотела с ним поехать, а он не захотел, так? — перебил Сиплый.

Она утвердительно кивнула.

— А что-нибудь необычное было, может, он звонил кому или ему кто-то звонил, может, нервничал?

— Да, точно. Вспомнила. Мы когда к подъезду подъехали, я вышла, а Витя уже хотел уезжать, но потом вдруг разволновался, машину заглушил и до квартиры меня проводил.

— И всё? — спросил Сиплый.

Это предполагало, что Зевс мог чего-то знать или чувствовать. Только сейчас эта информация никак не была полезна.

— Ладно, давай дальше, — сказал он.

— Потом я ещё несколько раз звонила в милицию. Затем через три дня заявление написала. Они ещё брать не хотели, спрашивали, кем я ему прихожусь. А сегодня позвонил следователь и вызвал меня к себе. Я пришла в милицию, а он сказал, что машину нашли. Попросил опознать. Я сказала, что да, это его машина. Задавал вопросы всякие, как давно мы вместе. Не было ли конфликтов с кем-нибудь. А потом, когда выходила уже, снова набрала Вите. Я ему каждые полчаса звонила. Слышу, где-то его телефон играет, музыка знакомая. У меня чуть сердечный приступ не случился. Подошла к машине, а она стоит прямо на стоянке во дворе милиции, а из машины телефон играет. Я ручку дёрнула, а она не заперта. Телефон завалился между сидением и… как его?.. ну, сбоку здесь. Я его и забрала. Хотела сразу следователю отдать, а потом подумала: вдруг там чего-нибудь важное, что говорить никому нельзя? Позвонила сначала тебе.

— Ты всё правильно сделала, — похвалил Сиплый. — Давай телефон, мне он понадобится.

Настя принесла телефон, и Саня забрал его, сказав, что отдаст потом, когда всё проверит.

— Мне, наверное, придётся у тебя сегодня остановиться, дашь мне номер и имя следака. Завтра воскресенье, но я попробую встретиться с ним. И спасибо за ужин, — Сиплый заметил у Насти на глазах слёзы. — Да не плачь ты, найдётся твой Витька. Никуда он не денется, — он хотел казаться убедительным, но сомнение в голосе было сложно скрыть.

— Только всё в жизни наладилось, я уж думала, за что мне такое счастье привалило? — сквозь слёзы сказала Настя. — Всё боялась: только бы ничего с ним не случилось. Наплевать и на эти деньги, без них бы лучше было, и зачем он только их взял! Столько проблем от этого. Думаешь, это они Витю нашли?

— Не знаю, Настя, — вздохнул Сиплый. — Но обещаю, что узнаю. — И чтобы хоть как-то отвлечь Настю от хмурых мыслей, спросил: — А расскажи, как вы вообще с Витькой познакомились, вы ведь такие… — он осёкся, подбирая нужное слово, но Настя его опередила:

— Разные? Имеешь в виду возраст?

Настя посмотрела Сиплому прямо в глаза, и он, пожалуй, понял, почему Зевс так влюбился в эту девчонку. Он просто утонул в этом взгляде. Она была невероятно настоящая, открытая, и в то же время в ней была какая-то загадка, какая-то скрытая от стороннего взгляда порочность. Как будто в ней сочетались две диаметрально разные Насти. Безгрешная добродетель и такая желанная порочность. Сиплый, кажется, слишком долго разглядывал Настю в упор, но она перебила его мысли:

— Витя помог мне выпутаться из неприятной ситуации, где я по глупости оказалась. Мне совершенно некуда было идти. У меня не было ни денег, ни места, а когда он позвал меня к себе домой, я подумала, что парень просто хочет воспользоваться ситуацией и переспать со мной. Да я, собственно, была и не против. Витя мне сразу понравился, знаешь, он покорил меня своей… даже не знаю. Он как ребёнок, большой, добрый ребёнок, — она усмехнулась сквозь слёзы. — Мы, как дураки, две недели спали на разных кроватях. Оба безумно хотели друг друга, но ждали, пока мне исполнится восемнадцать. — Она закрыла лицо руками. — И это было так мило.

— Узнаю Зевса, — сказал Сиплый с улыбкой. — Всегда был немного не от мира сего.

Настя встала, убрала тарелки.

— Я тебе чаю налью, будешь?

— Наливай, — сказал Сиплый, вспоминая Витька ещё мелким детдомовским подростком.

Настя как будто прочитала его мысли.

— Вы же с детдома вместе. Расскажи мне немного про вас. Вы всегда дружили, с детства?

— Ничуть, — усмехнулся Сиплый. — Наоборот, мы с ним постоянно враждовали. Витька был таким… ну не то чтобы ботаном, а интеллигентом, что ли. Всё у него как-то легко получалось, и девчонкам он всегда нравился, и оценки хорошие получал. Я его за это всегда цеплял. То по шее дам, то по печени. Я всё думал, когда же он мне сдачи даст, но он всё терпел и терпел. Потом нам обоим понравилась одна и та же девчонка. А Зевс тогда окреп, спортом заниматься стал, прям, так изменился. И как-то мы с ним схлестнулись не по-детски. Даже не из-за Машки, хотя все думали, что из-за неё. Просто, видимо, борьба характеров. Все, от мала до велика, смотрели на нашу драку, даже трудовик видел, но не вмешивался.

— И кто победил? — с интересом спросила Настя.

Сиплый улыбнулся:

— Это ты потом у него спроси, когда найдётся. Пусть сам расскажет, я не стану.

— Ну хотя бы скажи, почему он Зевс? — опять спросила Настя.

Сиплый отпил чай, с удовольствием откинулся на спинку дивана и, с улыбкой что-то вспоминая, сказал:

— Когда в конце концов ему удалось меня уронить, он заорал во всё горло: «Я Зе-е-евс, Я Зе-е-евс!» И долго так кричал. А я не стал ему мешать наслаждаться триумфом. Полежал побеждённый, пока он не успокоится. А потом как-то прилипло. В детдоме клички быстро прилипают. Ладно, ты сильно не переживай, — закончил свой рассказ Сиплый, хотя на душе у самого было ой как неспокойно. Зевс отсутствовал неделю — слишком долго, чтобы просто так вернуться целым и невредимым. Опыт подсказывал: что-то точно случилось.

На следующий день Сиплый дозвонился до следака и уговорил его встретиться. Мент был, как и Сиплый, в звании капитана, оказался

адекватным человеком и даже согласился в свой выходной съездить на место, где нашли машину. Настя наотрез отказалась сидеть дома, и пришлось взять её с собой. Пока ехали, познакомились. Сиплый показал следователю своё удостоверение, мол, почти коллеги, тот представился по-простому: Иван. Без отчества и без фамилии.

— А ключи в зажигании были? — уточнил Сиплый. — Значит, далеко уходить не собирался. Правильно? Иначе бы закрыл и с собой взял.

— Так мы здесь всё просмотрели вдоль и поперек, — сказал Иван, когда они въехали на пригорок, за которым виднелись развалины старых колхозных построек. — Там дом пустой и ангар, дальше лес. А вот здесь машина стояла, даже, вон, видно ещё — трава примята.

Сиплый остановил машину. Все вышли. Он медленно, по спирали стал ходить вокруг места, где недавно стояла машина. Внимательно всё оглядел, потом пошли в сторону заброшенного строения. Идти было метров восемьсот не меньше.

— Настя, оставайся здесь. Смотри какие колеи, вся перепачкаешься только, — сказал Сиплый, но она проигнорировала и пошла с ними. Прошли уже почти полпути, как в траве что-то слегка блеснуло. Сиплый нагнулся и поднял небольшой фонарик. Пощёлкал выключателем — не работает. Показал Ивану, тот пожал плечами: мол, кто угодно мог уронить.

Подошли к строению. Сиплый огляделся. Мощная бетонная постройка в духе советских времён, когда не особо придавали значение себестоимости объекта. Строили на века. Чуть дальше была кирпичная пристройка и несколько окон сверху на втором этаже. Иван слегка тронул Сиплого за рукав и показал на Настю. Та стояла в трёх метрах от них, внимательно глядя на одно из окон и тихо повторяла: — Витя, Витя!

— Настя, — громко сказал Саня. — Ты чего?

Она тут же обернулась, по щекам у неё текли слёзы.

— Показалось, что там Витя, в окне, — прошептала она.

Сиплый подошёл к ней, обнял за плечи и тихо сказал:

— Пойдём посмотрим.

Все трое пошли наверх по широкой пологой лестнице.

— Мы здесь вчера каждый метр проползали, — сказал Иван. — Там двери закрыты были, всякого хламу навалено, еле пролезли. Но,

видимо, лет двадцать как никто туда не заходил.

Действительно, всё было настолько ветхим и старинным, что, кажется, тронь — и рассыплется. Сиплый оглядел обе комнаты. Сначала ему даже показалось, что пыльные следы на полу все были в сторону двери, как будто кто-то таскал весь это хлам взад и вперёд. Вокруг было много следов, но натоптать могла и команда, которая была здесь во главе с Иваном.

— А вы, когда пришли, — спросил Сиплый, — может, следы здесь были? — он указал на пол.

— Да нет, это мы наследили, нас тут пять человек было. Да никого здесь со времён Брежнева не было, видно же.

Ну да, похоже на то. Хотя сейчас бы Сиплый дорого заплатил, если бы у него появилась возможность оказаться здесь раньше других.

Побродив ещё, вернулись в город. Саня поблагодарил следователя, подарив тому бутылку «Хеннесси». Иван вежливо отказывался, но потом с удовольствием принял подарок. В последний момент Сиплый, оставив Настю в машине, догнал Ивана и негромко спросил:

— Видел, сколько там волчьих следов?

— Конечно, видел, вчера ещё говорили об этом, — ответил тот. — Но пока ничего не доказано, не стали ей говорить, — он кивнул на Настю. — Нападения волков в этих местах случались, но в наше время это большая редкость.

Вечером Сиплый уехал в Питер, оставив Насте свой номер, взяв с неё обещание, что она позвонит хоть днём, хоть ночью, если в этом возникнет необходимость. В Питере пробили все входящие и исходящие звонки с телефона Зевса. Нигде и никаким образом Виктор не пересекался с Мержоевским кланом. После гибели основных участников: Мовлада и Вована — к «Южным вратам» быстро слетелось вороньё. Тимуру, оставшемуся у руля, ничего не оставалось, как согласиться на условия конкурентов и продать им за бесценок доли своих партнеров. Новые владельцы быстро подмяли под себя всю компанию. Для работников бань, салонов, а также для девочек по вызову практически ничего не изменилось. Новые собственники, если бы узнали, кто убил прежних хозяев, с удовольствием поблагодарили бы Сиплого и его коллег за проделанную работу. Всё крутилось, как и раньше, только прибыль оседала теперь в других карманах.

А у Сиплого над конторой нависла туча. Их непосредственный начальник, подполковник Круссанов, после болезни начал сдавать позиции. В их работе было слишком много противозаконного. Парни хоть и выполняли приказы своего командира, но не могли не знать, что своими действиями они постоянно переходят дорогу другим, не менее влиятельным, структурам. Словом, все ходили по острию наточенного ножа голыми пятками. Все это понимали, понимал и Круассан. Когда Сиплый вернулся в Питер, на всю их полулегальную контору стали одна за другой обрушиваться неприятности. Может быть, именно поэтому в какой-то момент он, хоть и не желал смириться с гибелью лучшего друга, отодвинул эту проблему на второй план. Настя позвонила через несколько дней, но ему совершенно нечего было ей сказать. Потом всё закрутилось с бешеной скоростью, и он на время забыл и про Настю, и про Зевса.

Перед Новым годом всех вызвал к себе Круассан и объявил, что их расформировывают, а его отправляют на пенсию.

— Хорошо, что не на тот свет, — грустно пошутил он.

Все как один подписали бумаги о неразглашении.

— Любая утечка информации будет считаться, изменой Родине, — предупредил Круассан. — И караться по всей строгости. И это не шутка. У кого есть желание продолжить службу под руководством полковника Зимина, я могу написать на вас ходатайство.

Все демонстративно сделали жест, как будто их сейчас стошнит.

— Я так и думал, — сказал Круассан и добавил: — Было честью с вами работать, парни.

Тогда все хорошо нарезались, даже Круассан замахнул почти полный стакан водки, закинув туда свои новые звёзды. Всё-таки на пенсию мужику дали полкана. Что ж, он несомненно заслужил. Женька собирался жениться на одной из близняшек, на той, которая Кристина. Сиплый пару раз переспал с её сестричкой Алисой, но не покатило. Уж больно с ней было скучно. Новый год собирались отмечать вчетвером, но вечером тридцатого декабря, поговорив с Алисой, Сиплый сказал, что они расстаются. Все были немного в шоке, но он никому ничего не обещал, поэтому — не маленькие, сами разберутся.

И тут он вспомнил про Настю. Вспомнил тридцать первого декабря, когда до нового года оставалось около семи часов. Решение

пришло молниеносно. А почему бы не прокатиться до Череповца? Планов всё равно никаких. Накупил закусок, шампанского, водки и топнул по газам. Представляя, как он сейчас заявится в компанию, где будет отмечать Настя. Не будет же она одна дома сидеть. Появилось огромное желание зависнуть в её окружении. Даже если она уже встречается с кем-то, ничего. Он просто побудет рядом как брат. Настя была связующим звеном с потерянным Зевсом, и, находясь рядом с ней, он как бы немного находился и рядом с Зевсом. Звонить не стал, чтобы не испортить сюрприз. В Череповце заметил открытый магазин цветов, остановился.

— Вы чего, всю ночь работаете, что ли? — поздоровался он с симпатичной продавщицей букетов.

— Всё, закрываемся уже. До одиннадцати сегодня. Так что давайте, покупайте быстрее, если думно, — девушка завязывала ленточку на скромном букете из каких-то темно-красных цветов.

— А давайте розы самые хорошие. Штук двадцать. Или нет, тридцать лучше.

— Тридцать одну, сделаю, — улыбнулась девушка. — Вот эти длинные подойдут?

— Вполне, — улыбнулся Сиплый, представляя Настю. — Только завяжите красиво как-нибудь.

Букет получился просто огромный и такой очаровательный, что Сиплый чуть не предложил продавщице пойти за него замуж. Но флиртовать было некогда. Поблагодарив, положил на стол пять тысяч, поздравил с Новым годом и поехал к Насте.

На дороге места были. Сиплый поставил машину прямо под балконом, как и в прошлый свой приезд. Посмотрел вверх — свет горит, но какой-то тусклый, совсем не праздничный. Сгрёб все свои пакеты в охапку, взял неподъемный букет и пошёл к подъезду. Было немного нервно. Непонятно, правильно ли он сделал, что вот так нагрянул, как снег на голову, не предупредив. Но Сиплый успокаивал себя тем, что если не в масть, то он просто оставит пакеты в прихожей, подарит цветы и поедет обратно в Питер. Делов-то!

Поднялся на пятый, прислушался — за дверью тишина. Посмотрел на часы: 23:20, до нового года ещё сорок минут. Как скромный тинэйджер потоптался у двери минут пять, не решаясь позвонить. Приложил ухо к замочной скважине. В квартире кто-то

тихо разговаривал. Слышался Настин голос. Слов было не разобрать, но она явно чего-то рассказывала вполголоса. Вот придумал приехать! А ну-ка она там вдвоём с кавалером каким-нибудь, а он тут нагрянет и всё испортит? Постоял ещё, послушал. Настя замолчала. Вообще тишина.

— Да ладно, чего уж, — Сиплый ещё раз глянул на часы. До нового года полчаса. И он нажал на кнопку звонка. Раздался громкий, неприятный звук — как ножом по краю стекла.

«Ну и звонок противный у Зевса», — подумал он, и в этот момент дверь открылась. Настя в ярком, нарядном голубом платье, вся праздничная и обворожительная, в туфлях на высоком каблуке, стояла перед ним, открыв рот от изумления. Они так молча и смотрели друг на друга. От неё просто было не отвести взгляд. Сиплый уже в который раз по-доброму позавидовал своему другу. Зевсу везло на девчонок. Настя первая пришла в себя от шока, открыла широко дверь и просто сказала:

— Заходи, Саша.

Как она его назвала? Саша? Захотелось поднять её на руки и расцеловать. Сиплый зашёл в прихожую, поставил пакеты на пол и протянул Насте букет роз:

— С Новым годом, Настюха, — сказал он и потянулся, чтобы поцеловать.

Она подставила щёку, взяла букет, улыбнулась.

— Ничего себе, какие красивые. Да так много! Спасибо, Александр.

— Саша, — поправил он, разуваясь. — А я подумал, почему бы нам вместе Новый год не отметить. Погоди, а ты чего, одна, что ли? — только сейчас Сиплый заметил, что в квартире полумрак.

Свет горел только в коридоре. В комнате на табурете стояла небольшая ёлка, украшенная гирляндой, и мерно моргала разноцветными огоньками. На кухне на столе блёкло горели две свечи в подсвечниках. Настя, казалось бы, немного стушевалась, вроде как он застал её врасплох за чем-то неприличным. Но деваться было некуда, и она сказала:

— Проходи, конечно, раз приехал. Меня звали подруги из универа. Они с ребятами квартиру сняли специально на праздник,

чтобы вместе отметить. А я сказала, что дома побуду, а потом подойду к ним. Может быть, подойду, — она прошла на кухню, включая свет.

Сиплый с пакетами шёл сзади.

— А ты вроде с кем-то разговаривала, как мне показалось, — сказал он, заходя на кухню.

— Вон, с ним, — Настя показала рукой на портрет Зевса, стоявший на столе.

Стол был красиво сервирован на двоих. Тарелки на льняных полотенцах, приборы: вилки и ножи. В двух изящных бокалах пузырилось шампанское. Сиплому стало не по себе. Ему стало стыдно за себя. Он как-то быстро смирился с потерей друга, успокаивая себя, типа: а что я могу сделать? А Настя продолжала бороться. Она не хотела мириться с потерей любимого человека. Они были знакомы всего несколько месяцев, а она продолжает любить его и ждать. Молодая, красивая девчонка. Она сидит здесь одна в новогоднюю ночь, нарядная и обворожительная, и разговаривает с фотографией Зевса. В это невозможно поверить. Сиплый присел на край дивана, что стоял у стола.

— Наверное, не стоило приезжать.

— Почему? Молодец, что приехал. Я рада тебя видеть. Ты как какое-то приятное звено, связывающее меня и Витьку. Глядя на тебя, я как будто немножко вижу его.

— Прикинь, я чувствую то же самое, — сказал он, удивляясь, как Настя в точности повторила его мысли.

— Давай уже встречать новый нод, раз не успели проводить старый, — она нажала кнопку на пульте, и в телевизоре появился Путин. Он как раз начал свою новогоднюю речь. Пробили куранты, где-то на улице загрохотали петарды, кто-то из соседей громко закричал: «С Новым годом!» Чокнулись, выпили шампанского.

— Ладно, я такая голодная, давай есть, хватит горевать! — сказала Настя с деланым задором. — Давай, Саня, говори, чего тебе положить, у меня много всего. Я хочу за тобой поухаживать. Может, тебе водки налить? У меня есть какая-то. Я её не пью, но купила, пусть будет.

— А я тоже привёз, — оживился Сиплый.

Достал две бутылки «Абсолюта», одну поставил в холодильник, вторую на стол.

— Куда хоть столько! — удивилась Настя.

— Нормалёк, я одну выпью, а ту, что в холодильнике, не трогай. Зевс вернётся, вместе выпьем, — бравым голосом сказал Сиплый.

— Хорошо, — сказала Настя. — Даст Бог, так и будет.

И они принялись за еду. У Сиплого после трёх рюмок развязался язык, и он много рассказывал и про детдом, и про учёбу Витьки в Череповце. Как они гуляли направо и налево, умалчивая о пикантных подробностях. Рассказал даже про Машку, которая, зараза, не пошла за него замуж, а укатила в Швейцарию. Болтали почти до утра. В конце концов Настя сказала:

— Знаешь Саня, я полюбила тебя как брата, поэтому нам с тобой так легко. Мы с тобой никогда не сможем быть вместе, я хочу, чтобы ты это понимал и не питал никаких иллюзий. Но ты всегда будешь желанным гостем в моём доме. Запомни это, брат Саня.

Сиплый в изумлении открыл рот. Потом закрыл. Сказать было нечего. Эта молоденькая девочка Настя в нескольких предложениях легко расставила все точки над «i». Мужику, который в два раза старше её, который столько всего повидал на своём веку. Вот так всё просто и без лишних недомолвок. Он, пожалуй, тоже уже полюбил эту девчонку. Теперь он понимал, почему Зевс так быстро к ней привязался. Она, правда, была необыкновенная, не такая, как все. Что ж, пусть он будет любить её как сестру. Хоть так. По телевизору фоном шла музыкальная программа, и как раз включили медляк. Саня взял пульт, сделал погромче и сказал:

— А потанцевать с сестричкой хоть можно?

— Конечно, братик, — улыбнулась она, — с удовольствием.

И они танцевали, плавно кружась под музыку. Настя давно уже сняла свои праздничные туфли, оба были босиком. Когда танец закончился и кавалер проводил даму обратно за стол, Настя вдруг сказала:

— Я понимаю, что Витя уже не вернётся. Что-то ужасное случилось. Скорее всего, это волки, а может, ещё какая беда. Я понимаю, но всё равно верю, а вдруг какое-то чудо. Вдруг Бог даст нам ещё один шанс быть вместе. Я не знаю, как, но ведь случаются же чудеса?

— Случаются, — подтвердил Сиплый. Может быть, без особого энтузиазма, потому что вряд ли он сам верил в чудеса.

— Я молюсь Богу, чтобы Он каким-то, ведомым только ему одному, способом, всё вернул, как было. Вернул тот день, когда мы расстались. Я бы тогда его не отпустила или бы поехала с ним. Понимаешь?

Он кивнул. На улице время от времени проходили шумные компании, где-то продолжали хлопать петарды, а здесь, на маленькой кухне, медленно догорали две свечи, по телевизору о чём-то шутили юмористы. И эта девочка из деревни, судьба которой каким-то чудесным образом пересеклась с судьбами двух друзей, Зевса и Сиплого, сидела за новогодним столом и продолжала верить в своё личное чудо.

Глава 14

Глава четырнадцатая. 8 июня 2009

Виктор сидел на заднем сиденьи «Киа-Рио» и через тонированное стекло поглядывал на спускающихся по ступенькам студентов ЧГУ. Водитель оживлённо рассказывал, как его, успешного бизнесмена, подкосил кризис и, чтобы оплатить взятую в кредит машину, приходится таксовать, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Виктор слушал, кивал и иногда соглашался, поддерживая разговор.

— А почему кризис-то случился? — нехотя спросил он, вдохновив водителя на новый монолог,

— Как почему? Это всё американцы виноваты, — в сердцах сказал тот. — Они там деньги печатают миллиардами, а потом кризис во всём мире. Вот и к нам пришёл от этих пиндосов. Козлы, блин. Я купил квартиру за три миллиона, хорошо хоть на свои деньги, в ипотеку не залез. А теперь она, прикинь, миллион восемьсот стоит! Ну как такое возможно? Всё подорожало: и продукты, и бензин — а хата стала почти в два раза дешевле. А коммунальщики, чтоб они сдохли все, эти жадные твари, в два раза квартплату подняли, гандоны. Я всё время говорю: Сталина пора откапывать…

Виктору надоело слушать это нытьё, и он переключил внимание на прохожих, всматриваясь в каждую девушку, ожидая увидеть Настю. Стояли они под деревьями на проспекте Либкнехта лицом в сторону Советского. Обзор прекрасный, было видно всех, кто заходил и выходил из института. Тут с Советского в их сторону повернул белый кроссовер или паркетник (Виктор никогда не разбирался в этих терминах). Водитель неторопливо сделал аккуратный разворот по большому радиусу и припарковался прямо в трёх метрах перед ними.

«Ну вот, закрыл весь обзор, — подумал Виктор. — Судя по стилю езды, вероятно, дед какой-то».

Водитель тем временем заглушил машину и разговаривал по мобильному. На машине был логотип «Форда»: — Ford Kuga, — прочитал Виктор, опять увидев новую модель. Раньше такую не встречал. Вот они их наштамповали за четыре года! Так ничего, симпатичная игрушка. Виктору машина понравилась. Тем временем

дверь открылась, и из Форда вышел молодой парень, по-летнему опрятно одетый. Он был в светлых брюках и белой рубашке поло. Паренёк с аккуратной стрижкой был похож на такого успешного игрока в гольф. В руках у него была большая салфетка. Он тщательно протёр зеркало заднего вида, затем — левое стекло, потом — подняв дворники, не торопясь, долго и нудно вытирал лобовое, потом, правое стекло. Закончив с чисткой стёкол, он аккуратно свернул салфетку пополам, скатал в тонкую трубочку и убрал в салон. Сам же, скрестив руки на груди, стал возле машины, смотря в сторону выхода из универа.

«Тоже кого-то ждёт», — подумал Виктор.

Молодой человек, с виду лет двадцати пяти, стоял у нового приятного автомобиля и, скорее всего, ждал свою подругу. Виктор даже слегка позавидовал ему. Вот умеют же люди жить! Устраивают свои дела. У них есть стабильность и размеренность, не то что у него. Его всю жизнь кидало из одной крайности в другую. Только появлялась уверенность в завтрашнем дне — обязательно что-то случалось и всё опять шло наперекосяк. Почему так, Виктор не знал и не понимал, что он делает не так, как другие. А может, это просто видимость, и у других тоже хватает гемора.

Парень меж тем кого-то увидел и с радостью на лице шагнул вперёд, разводя руки в стороны, готовясь обнять. Виктор бросил взгляд левее, на ступеньки ЧГУ, и сердце у него перестало биться. Это была Настя. Виктор, затаив дыхание, смотрел, как она со счастливой улыбкой быстрым шагом спускалась навстречу парню. Настя была одета в светлое летнее платье, лёгкие босоножки, в руке держала изящную сумочку. Она повзрослела, вроде даже стала чуточку выше. Те же детские изящные черты лица, но теперь она распустилась, как созревший цветок. Появилась неотразимая женственность. Как будто художник в свою картину, которая и без того уже была прекрасна, добавил несколько незначительных штрихов, сделав её мировым шедевром.

— Ничего себе чикса, — прервал его мысли таксист. — Везёт же кому-то.

Виктор, не осознавая, что делает, взялся за ручку двери, дёрнул. Замок щёлкнул, и дверь приоткрылась. Настя тем временем подошла к парню, и привычно поцеловала его в губы. Он обнял её, чего-то сказал

и, держа одной рукой за талию, повёл к пассажирской двери. У Виктора всё сжалось в комок. Настя, счастливая, по-летнему лёгкая, изящно забралась на переднее сиденье. Парень прикрыл дверь — не захлопнул, а именно аккуратно прикрыл — и поспешил за руль. Рыкнул мотор, и машина, плавно тронувшись с места, сделав правый поворот на Советский проспект, скрылась из виду. Вот и всё. Вот и конец всем его иллюзиям. Это была точка. Потом обрыв, и следующая его глава начиналась с красной строки.

— Я дальше не поеду, — сказал он водителю. — Должен ещё чего-нибудь?

— Нет, и так нормально заплатил, — ответил тот.

Виктор вышел. Куда идти? Кругом безликая пустота и никчемность. Жить было не для чего. В глубине души он понимал, что всё это пройдёт, переболит. Он начнёт новую жизнь, и будет у него другая Настя, а эту страницу надо просто перевернуть. Нельзя объять необъятное. Но сейчас… сейчас было просто трудно дышать от чего-то непоправимого, чего-то безвозвратно потерянного. Потом, когда гормоны успокоились, когда разум снова возобладал над чувствами, он пытался трезво оценить ситуацию. Правильно ли он поступил, что не вышел из машины? Может, стоило подойти? Но каждый раз Виктор приходил к выводу, что правильно. Они были знакомы очень мало времени, хоть и узнали друг друга достаточно хорошо. Прошло уже четыре года, Настя прожила их полностью, и что произошло за это время, одному Богу известно. В конце концов, он же хотел, чтобы она была счастлива. И похоже, она счастлива со сверстником, а не с человеком, который старше её на много лет.

На следующий день Виктор поехал в гараж. Свет был отключён, скорее всего, за неуплату. Огляделся. Второй этаж он так и не сделал, а столько лет собирался. В углу на том же месте стоял прицеп. Во многих местах сквозь краску проступила ржавчина. Залез в кессон. Пакет лежал на том же месте. Развернул — всё чётко, восемь миллионов, ничего не сгнило и не пропало. Ну, хоть что-то. Будет с чего начать. Надо также наведаться в милицию, наверняка он до сих пор числится как без вести пропавший. К тому же стоило прояснить ситуацию, что там с «Нивой». По большому счёту, на «Ниву» было плевать, машину новую он себе купит, но про своё отсутствие какую-

то историю рассказать всё же придется. Но это всё позже, это всё не сейчас.

Дома от нечего делать включил ноутбук. Тот мягко зашуршал, пытаясь подсоединиться к сети, но сети не было. Выскочило несколько уведомлений, что, мол, надо обновить и то и это. Виктор почувствовал лёгкую чуть слышную вибрацию Нуо. Он наклонился поближе к ноуту, и Нуо завибрировал громче и отчетливее. Виктор понял: они взаимодействуют меж собой. Снял Нуо с шеи и положил на клавиатуру. Монитор тут же заморгал, потом на экране появился новый ярлычок. Виктор уже собирался дабл-кликнуть на него, как он самооткрылся, и во весь экран появился знакомый енот.

— Привет, — сказал Виктор, — думал, уже не увижу тебя.

— Привет, — поздоровался енот, игнорируя ремарку Виктора. — Я тебе обновлю здесь всё, если ты не против?

— Конечно, не против, — Виктор обрадовался такому дружелюбию со стороны енота. — Только интернета нет, но тебе, пожалуй, это неважно.

— Конечно, неважно, — ухмыльнулся зверёк. — У меня свой интернет, — и он отвернулся от Виктора, смотря куда-то в сторону.

Комп усиленно работал, моргая всеми своими индикаторами, и буквально через минуту енот сказал:

— Всё, Ярский, я тебе всё обновил, будет работать как часы. Надо ещё чего-нибудь?

— Мне надо подумать, — ответил Виктор. — Ты же не уйдёшь далеко?

— Я всегда здесь, — сказал енот и ехидно добавил: — в отличие от некоторых.

Виктор стал разбираться с новой программой, которую только что установил Нуо. Похоже, что его информационные возможности теперь были безграничны. В отличие от запросов на информацию, которые он неоднократно пытался делать, медитируя со своим разумом, компьютер выдавал чёткие ответы на любые вопросы. Он не упрямился, как Нуо, он был просто машиной, а значит, для него не было полутонов: либо единица, либо ноль. Вопросы можно было задавать как с голоса, так и печатая прямо во встроенном текстовом окне. Для начала Виктор попробовал поупражняться в статистике, спросив, сколько сейчас людей на Земле, сколько в России, сколько в

Череповце. Затем спросил, сколько кубометров воды в Чёрном море. Нуо отвечал мгновенно, внятно и точно. Виктор мог, к примеру, выглянуть в окно и спросить, каков доход за прошлый год вон у той женщины, что переходит дорогу. Ответ был не только с точностью до копейки, он был развёрнутым и чётко сформулированным в таблицу. Столько-то — зарплата, столько-то — пенсия, столько-то — проценты от вклада. Наигравшись в эти глупости, он пошёл дальше, набрав:

— Где сейчас Настя и что делает?

Нуо не стал игнорировать, ответил и на этот вопрос. Но ответил односложно:

— На этот вопрос ответ невозможен.

Виктор повторил то же самое с Сиплым. Формулировка ответа слегка отличалась, но смысл был тот же. Попробовал немного схитрить, написав:

— Счастлива ли сейчас Настя?

— Счастье — понятие относительное, — написал енот.

— Нуо, ответь по десятибальной шкале, где «один» — это совсем плохо, а «десять», очень хорошо, — не унимался Виктор.

Ответ пришёл разочаровывающий:

— Счастье не измеряется цифрами.

Спорить с Нуо было непросто. Он легко уходил от ответов на личные вопросы, но мгновенно давал исчерпывающие ответы на любые другие. Решил пойти ва-банк, спросив:

— Сколько сегодня стоят акции «Северстали»?

Нуо тут же ответил:

— Сто семьдесят рублей.

— А сколько они будут стоить примерно через год? — не унимался Виктор, подозревая, что сейчас что-то пойдёт не так и Нуо не ответит.

Но тот, к удивлению, сказал:

— Триста шестьдесят рублей.

Наигравшись в викторину вопросов и ответов, Виктор задумался, как можно использовать новые открывшиеся для него возможности. По идее, можно было использовать информацию для обогащения. Если так, то вопрос денег отпадал от слова «совсем». Но что-то подсказывало, что не всё так просто, и он задал ещё один вопрос, уже более провокационный:

— А могу я купить, к примеру, сейчас эти акции и продать их через год в два раза дороже?

— Не можешь, — ответ Нуо был предсказуемым. — Потому что ты нарушишь баланс спроса и предложения, изменив историю.

— Хорошо, — Виктор продолжал искушать своего собеседника. — А могу я купить просто одну акцию сейчас по сто семьдесят и продать её через год в два раза дороже.

— Одну можешь, — просто ответил Нуо. — Но ты меня опять разочаровываешь.

Всё было так неоднозначно, что Виктор решил закончить с этим исследованием и немного вникнуть, что же произошло за эти четыре года. А произошло многое. По крайней мере, в экономическом плане в стране, да и вообще в мире случилось много событий. При кажущемся спокойствии во многих странах происходил финансовый коллапс. За последние два года в Америке прошёл сильнейший ипотечный кризис, обанкротилось несколько крупных банков и инвестиционных компаний. Миллионы людей лишились своих домов и сбережений, многие потеряли работу. Россию тоже этот кризис не обошёл стороной. Видимо, пузырь роста цен на недвижимость дошёл и сюда, а когда он лопнул, повалилось всё. Виктор проверял цены на акции крупнейших российских компаний. Некоторые потеряли в цене до девяноста процентов своей стоимости. Правда, сейчас цены были уже намного выше, чем полгода назад, но всё равно оставались дешёвыми. Появилось искушение часть денег вложить во всё ещё недооценённые бумаги, но Виктор тут же отбросил эту мысль. При помощи информации, которой он теперь владел, это всё казалось как-то неспортивно и вовсе не интересно.

Виктор уже несколько дней бесцельно бродил по городу. Домой приходил только спать. Не думал, что будет настолько тяжело забыть Настю. Любые мысли, даже самые отвлечённые, всё равно рано или поздно приносили воспоминания, и это было как пытка. Особенно становилось тяжело, когда приходил домой в пустую квартиру. Вот и сейчас он шёл, особо не разбирая дороги, наткнулся на детскую площадку. Правда, от детской там осталось только название. Она была построена очень давно, пожалуй, лет тридцать назад. Здесь были старинные качели из толстых металлических труб. Краска давно облезла, детские сиденья сломаны, а под качелями блестела огромная

грязная лужа. Тут же стояли убогие детские деревянные парусник и грузовик, тоже давно сломанные. На одной из лавочек сидела дама и, слегка покачивая коляску, читала книгу. Возле сломанного деревянного грузовика молодая мамочка пыталась отговорить своего трёхлетнего ребёнка, чтоб не лез туда, а то не дай бог поранится. Мелкий не особо слушался и усердно пытался забраться в кабину через сломанную торчащую доску. Вокруг них резво бегал маленький чёрный котёнок. Он то носился с большим сухим кленовым листом, то садился и внимательно смотрел на женщину. Вторая скамейка была наполовину сломана, и возле неё красовалась большая ржавая урна с горкой мусора сверху и вокруг неё. Виктор присел на сломанную скамейку, безучастно глядя на все эти остатки советского прошлого. Вспомнилась почти такая же игровая площадка в детском доме. Там было всё новое и всегда ярко покрашенное. Постоянно что-то ломалось, но приходил какой-нибудь угрюмый мужик и всё быстро чинил. Здесь ведь тоже можно починить.

Виктор смерил взглядом площадь: примерно метров десять на пятнадцать. Площадка небольшая, но при должном усердии и небольших денежных вложениях здесь можно соорудить настоящую конфетку. Но кому это надо? В этот момент мелкий, видимо, не справился с координацией и кувырнулся прямо в грязную кабину грузовика, так что наружу торчали только ботинки. Он тут же взвыл, как сирена пожарной машины, а мамочка, вытащив его, взвалила на руки и, приговаривая что-то из серии «надо маму слушаться», поволокла своё чадо прочь от травмоопасной площадки.

Вторая женщина отложила книгу и, подняв глаза на Виктора, поздоровалась.

— Здравствуйте, — сказал Виктор. — Ваш питомец? — он указал на котёнка, который опять принялся носиться с листком.

— Нет, что вы, это подвальный, здесь их много. Кошки плодятся, надо бы переловить их да стерилизовать, — она встала, собираясь уходить. Котёнок посмотрел не неё, потом на Виктора и сел по стойке смирно, вытянув лапки. Он не выглядел диким. Посидев несколько секунд, ловко запрыгнул на скамейку и сел в полуметре от Виктора.

— Эй, иди сюда, — Виктор протянул руку. — Ты чей?

Котёнок бесстрашно подошел, хвост трубой, и тут же стал играть замком, что висел на кармане ветровки. Ему было не больше трёх

месяцев. Гладкошёрстный, весь чёрный, как гудрон, ни одного белого пятнышка. Виктор попробовал погладить его, и котёнок тут же запрыгнул на колени.

— Вот те раз, — сказал он. — Ну здравствуй, чертёнок!

Тот сразу заурчал, как трактор. Виктор гладил котёнка, а сам думал: может, заморочиться с этой площадкой? Как раз хотел занятие себе найти.

— Ладно, чертёнок, иди бегай.

Виктор поднялся на ноги, поставил котёнка на землю и потихоньку пошёл в сторону своего дома. Пройдя метров сорок, заметил, что мелкий бежит за ним, по дороге играя со всем, что движется.

— Эй, ты чего, кыш отсюда! — сказал он.

Но котёнок не собирался уходить, так и семенил рядом. «Вот заморочка-то», — подумал Виктор. Так и дошли вместе до самого подъезда. Котёнок смотрел вверх, на Виктора, и беззвучно, но широко открывал рот, чего-то требуя то ли на руки, то ли пожрать.

— Ладно, чертёнок, уговорил. Пошли, покормлю, — сказал Виктор, беря котёнка.

Тот сразу успокоился и замурлыкал.

Котёнок оказался девочкой и быстро разведал квартиру, заглядывая во все углы. Урча, чтобы никто не отобрал, слопал целую сардельку, напился воды и забрался на кровать вылизываться. Имя пришло само собой — назвал Настей.

— Настя, — сказал Виктор.

Котёнок тут же перестал лизаться и посмотрел на него маленькими черными глазками. Виктору стало смешно:

— Только попробуй мне тут обоссысь, получишь!

«Хоть лоток, что ли, надо ему купить», — подумал он.

Включил ноут, поискал производителей детских площадок и был приятно удивлён. Этого добра выпускалось столько, что можно выбирать и выбирать. Больше, конечно, было импортного, но и отечественный производитель тоже предлагал много чего. В основном, конечно, использовался яркий разноцветный пластик или дерево, прорезиненные, металлические детали, всякие канаты для лазания. Цены тоже отличались в сотни и даже тысячи раз. Домики, горки, различные машины, самолёты, корабли. Словом, на любой вкус, только

плати. Виктору приглянулась одна шикарная модель немецкого производителя Eibe. Грунт бетонировался, затем поверхность полностью покрывалась спрессованной мягкой резиновой крошкой. Падение на такой пол не было настолько травматичным, чем просто на землю. На площадке были удобные лазалки для самых маленьких, два больших домика с перегородками. Всё это закрыто от падения паутиной тросов. Тут же имелись качели, как висячие, так и на пружинах. На резиновой поверхности были дорожки с переходами, разлинованными зеброй, дорожными знаками и виртуальными рисованными светофорами. Мостики с разноцветными перилами над рисованным ручьём. Сверху весь этот городок закрывался тентованным шатром, частично защищая от снега и дождя. По всем углам стояли четыре цветные двухметровые фигуры из диснеевских мультиков. Правда, Виктор узнал из них только Микки Мауса. Разноцветные лампы, умело спрятанные тут и там, подразумевали, что и в тёмное время суток это чудо будет выглядеть великолепно. Вокруг площадки был ярко-зелёный невысокий антивандальный заборчик из пластика, а за ним по всему периметру — ровный стриженый газон. Конечно, газон вряд ли прилагался ко всему этому, да и заборчик тоже, но всё это давало такое эстетическое чувство законченности проекта, что хотелось сделать по умолчанию точно так же, как и на картинке. Если бы когда-то в детстве Виктор увидел такую игровую площадку, вряд ли какая-то сила смогла бы его оттуда утащить. Стоило это сокровище, конечно, баснословных денег. С доставкой и установкой почти два миллиона рублей. Виктор тут же задал вопрос Нуо, можно ли это всё скопировать или склонировать, в точности как на картинке. Нуо дал развёрнутый ответ, что, конечно, можно, только в разобранном виде, как конструктор. Также там не будет логотипа Eibe, и обязательно нужно закрытое помещение, куда это всё доставить.

— Гараж мой подойдёт? — спросил Виктор.

— Подойдёт, — ответил Нуо, — только будет всё очень плотно, места маловато. Делаем?

— В смысле, делаем? — не сразу сообразил Виктор. — А да, конечно, делаем.

— Уже там, — сказал Нуо.

— Так просто, что ли? — улыбнулся Виктор, реально чувствуя себя Алладином.

Это было настолько захватывающе и в то же время удивительно, что не верилось, будто такое возможно.

— Слушай, Нуо, мне бы какую-нибудь инструкцию, как это всё собирать. Пошагово, что и за чем.

— В верхнем ящике твоего стола, — сказал Нуо, и вдруг на экране компьютера появился енот.

— О, привет! — обрадовался Виктор.

Енот показал на обеих своих лапках два пальца вверх, что типа круто, и сказал:

— Ну, наконец-то, Ярский, придумал сделать хоть что-то ценное! Я уже совсем в тебе разочаровался, а ты, видимо, ещё не совсем пропащий. Если так пойдёт, я даже, может, тебя зауважаю. Ладно, давай трудись, — и он, махнув лапой, превратился в точку, закрыв программу.

Виктор открыл верхний ящик. Там лежала толстая книга в мягком переплёте. На матовой обложке была нарисована площадка во весь рост. На второй странице было написано «Инструкция». Дальше всё по порядку: список предметов с названиями, каждый под своим номером, и пошаговая схема с детальным описанием, что и с чем крепится. Полистал, тут же захотелось начать сборку, так всё прикольно выглядело. Такой детский конструктор для взрослых. В самом конце было описано благоустройство места с установкой забора и укладкой газона. К немалому удивлению Виктора, даже газон был в наличии. Видимо, он был выращен, аккуратно срезан и скручен в рулоны шириной около метра. Были даже мешки с удобрением, которое рассыпается снизу, под этот газон. Как в сказке, только разматывай и клади. Нуо был в ударе, в очередной раз показывая свою любовь к перфекционизму. Так захотелось скорее всё это увидеть своими глазами, что через полчаса Виктор уже открывал гараж, попросив таксиста подождать пару минут. Открыл и расплылся в изумлённой улыбке. Снизу доверху весь гараж был забит деталями. Всё было так плотно упаковано, что Виктор даже пожалел, что поторопился с ответом на вопрос Нуо. Помещение для такого объема надо явно побольше. Конечно, всё это можно вытащить и частями перевезти, но, похоже, он создал абсолютно ненужные трудности себе и своим потенциальным помощникам. Каждая деталь, каждая упаковка имели маркировку, что упрощало задачу. В принципе, по инструкции

всё здесь легко можно было найти, частями перевезти и установить. Но, как говорится, первый блин комом, и надо было учесть эту ошибку на будущее. Виктор, зная, откуда у него растут руки, решил поискать кого-то более умелого в таких делах. Нужны были хорошие помощники.

На следующий день Виктор пошёл в домоуправление. Положил на стол извещения на оплату по квартире, чем вызвал немалый интерес у кассирши.

— О, опять должник пришёл. — Полненькая дама с ярко накрашенными губами подняла глаза на Виктора, крикнув кому-то в другую комнату: — Галя, по твоей части!

Тут же появилась ещё одна дама, комплекцией и внешним видом очень похожа на первую.

— А, пришли, а я уже в суд бумаги готовлю. Чего же вы такие долги копите?

— Так вроде оплачено было, — попытался оправдываться Виктор.

— Да, было. Последний раз в феврале платили, а уже июнь. Так нельзя, молодой человек, — с укоризной заметила дама.

— Я в командировке был, сейчас всё оплачу, — с улыбкой сказал Виктор, доставая деньги.

— Уж постарайтесь, — смягчилась кассирша. — Галя, тогда судебное отложи пока, если молодой человек готов всё оплатить.

Сумма всех платежек была чуть больше двадцати тысяч. Виктор положил тридцать.

— Пусть с запасом будет, — сказал он.

Оплатив счета, Виктор спросил у кассирши, которая сразу стала намного приветливее:

— У нас в соседнем дворе детская площадка в аварийном состоянии. Кто вообще за неё отвечает, с кем можно на эту тему пообщаться?

Приветливость тут же слетела с лица дамочки, и она по привычке заняла оборонительную позицию:

— Деньги выделят — будем ремонтировать, не из своего же кармана мне выкладывать.

— Да это понятно, — как можно дружелюбнее сказал Виктор. — А кто должен выделить?

— Кто-кто, город. Будет распределение средств в следующем году. Получим — сделаем.

— Всё понятно, — сказал Виктор. — А с директором управляющей компании можно поговорить?

— Она вам ничего нового не скажет, — строго ответила дама, протягивая маленький листок с именем директора и напечатанными часами работы.

Виктор снова становился персоной нон грата. Такой назойливый, требовательный товарищ.

— Зовут её Тамара Львовна, только после обеда приём у неё.

Поблагодарив дамочку, Виктор вышел. Вернулся после обеда, ожидая увидеть очередь из посетителей, но, к счастью, никого не было. Дверь начальницы была приоткрыта.

— Тамара Львовна, доброго здоровья, можно к вам? — вежливо спросил Виктор.

— Заходите, — не отрываясь от монитора, сказала опрятно одетая женщина лет пятидесяти.

Виктор сел в кресло напротив, подождал, пока та поднимет на него глаза, положив на стол листок с видом детской площадки. Он сделал на ксероксе чёрно-белую копию с обложки инструкции. Цветного ксерокса не нашёл, а всю книгу почему-то показывать не хотелось, хоть и притащил с собой на всякий случай.

— Тамара Львовна, у меня к вам есть предложение, — сказал он.

— Что это? — спросила она, взяв листок в руку.

— Это детская площадка, аналог немецкого производителя Eibe. По качеству не уступает, а по цене на порядок ниже. Можем установить взамен вашей аварийной старой, что в соседнем дворе, — он указал рукой на окно.

— Оставьте коммерческое предложение, — сказала директор, с интересом разглядывая рисунок. — Вероятно, это сооружение неплохо бы смотрелось где-нибудь на центральной площади или в парке, а уж никак не в спальном районе.

— Это ещё почему? — искренне удивился Виктор. — На мой взгляд, как раз во дворе самое то. Дети гуляют, а поиграть негде.

— За чей счёт вы собираетесь устанавливать этот… — она сделала паузу, — этот городок?

— Я думал, за ваш, — улыбнулся Виктор. — И разве город не выделяет средства?

— Выделяет, — обречённо сказала директор. — Хорошо, скажите мне проектную стоимость объекта. Полностью, с установкой и всеми гарантиями, — и она вопросительно посмотрела на Виктора.

— Четыреста тысяч рублей, — ответил Виктор и добавил: — Предоплата не нужна. Можно оплатить после полной установки.

Тамара Львовна продолжала внимательно разглядывать рисунок.

— Я думала, это стоит гораздо дороже. А есть у вас ещё какие-то проспекты, желательно, в цвете? Описание: что входит в объект и из какого материала сделано.

— Да, есть, — Виктор достал из пакета толстую цветную инструкцию. — Вот, посмотрите. Оставить, к сожалению, не могу, это у меня единственный экземпляр.

Женщина долго рассматривала картинки, листая страницы.

— Да, интересно. Было бы неплохо такое сделать. А что, вот это всё стоит всего четыреста тысяч? И газон входит в цену? — удивлённо спросила она.

— Всё, как вы видите на рисунке: и газон, и шатёр сверху, и подсветка, — Виктор протянул руку и, взяв книгу, встал. — Скоро это будет намного дороже, так что долго не думайте.

— Хорошо, а вам несложно завтра подойти в это же время? — сказала она, опять беря в руки картинку. — Я сегодня порешаю вопросы с оплатой, и если всё нормально, то можно будет заключить договор. У вас какая организация? ИП или ООО?

— Тамара Львовна, вы решайте вопрос с оплатой, мне всё равно, куда деньги принимать, хоть на ИП, хоть на ООО, как вам удобнее. Если вас НДС волнует или ещё какие нюансы, не волнуйтесь, как решите, так и будет. Мне, правда, без разницы. Вот мой номер, звоните, как будете готовы, — и он, кивнув, вышел из кабинета, оставив начальницу в глубоком раздумье.

Перезвонила она уже через час и попросила по возможности занести проект для согласования и реквизиты организации для составления договора. Виктор сказал, что всё будет, но сам к этому был не готов. Поискал в телефоне номер Афшина, с которым четыре года назад подсыпали дорогу в районе. Вспомнив про дорогу, Виктор

невольно усмехнулся: сейчас это казалось таким глупым занятием. Афшин поднял трубку моментально:

— Алльё, слушаю, — мягко сказал он.

Виктор улыбнулся, вспомнив парней, четырёх трудолюбивых таджиков, что помогали ремонтировать дорогу.

— Афшин, привет, дружище, это Виктор. Мы с тобой работали…

Но тот перебил его радостным возгласом:

— А, Виктор, здравствуй, дорогой! Конечно, помню, как ты, как дела? Мы с парнями не раз тебя вспоминали.

Из разговора Виктор узнал, что Афшин продолжал жить в Череповце, женился, открыл свою фирму и всё так же занимался ремонтами и строительством, остальные ребята были кто где, один вернулся домой в Душанбе, двое работали в Москве.

— Бригада есть, если что, — сказал он.

— Ты даже не спрашиваешь, что делать? — засмеялся Виктор.

— Без разницы, Виктор, ты платишь исправно. С тобой приятно работать, — сказал Афшин. — А кстати, чего делать, опять дорогу?

— Нет, в этот раз работа во дворе. Надо собрать детскую площадку. Ну, такой большой конструктор. Справитесь?

— Конечно, думаю, разберёмся, — утвердительно пообещал Афшин.

— Ну и славно, а ты деньги по безналу принимаешь? Есть у тебя контора какая?

— Конечно есть, индивидуальный предприниматель я, — с гордостью еле выговорил слова Афшин.

— Ну и славно, а то там оплата по безналу, — сказал Виктор.

Договорились встретиться завтра, обговорить условия и заключить договор. Было не совсем понятно, сможет ли Афшин всё сделать по уму, но тогда, в Бабаево, он уж больно усердно трудился. Надо было дать мужику шанс.

Номера Коляна Виктор не нашёл, а так хотелось задействовать его тоже. Почему-то этот парень нравился ему. Просто захотелось помочь деньгами, а там, глядишь, может быть, и сработались бы. Ещё одна причина была в том, что у Афшина всё ещё были трудности с русским языком, а Колян хотя бы инструкцию мог прочитать. Виктору пришлось долго уговаривать Нуо. Упрямый енот никак не хотел давать номер Коляна, просто игнорировал, и всё. Виктор даже подумал:

неплохо бы, чтобы вместо енота в компьютере показывался осёл, это больше соответствовало бы из-за упрямства. То ли Нуо прочитал его мысли, то ли просто надоело упрямиться, но вдруг ни с того ни с сего в текстовом окне появился длинный мегафоновский номер.

— Так-то лучше, — сказал Виктор, тут же позвонил, но только послушал гудки. Никто не ответил. Неплохо было бы сходить пешком, благо, Колян сказал, что живёт в соседнем доме через дорогу, но просить ещё и адрес у Нуо не стал. Не хотелось опять спорить с упёртым зверьком.

Около пяти вечера Колян перезвонил сам.

— Алло, вы звонили, — сказал он.

— Николай, привет! Это Виктор, помощь твоя нужна, — поздоровался Ярский.

— А, привет, — неуверенно ответил Колян. Помолчал, потом добавил: — Чего за помощь? Я только из проходной вышел, смену отработал. Устал как собака, — чувствовалось, что разговаривает он с неохотой, помня алкаша Виктора. — Ты не бухаешь больше?

— А, нет, конечно, — Виктору стало даже смешно.

Видимо, он в глазах Коляна был именно тем, кем он его увидел всего пару недель назад.

— Слушай, ты не мог бы зайти сейчас ко мне? Поговорить надо, тема есть интересная. Или я могу к тебе, если адрес дашь.

— Давай лучше я зайду, — неуверенно сказал Колян. — Ненадолго только.

Через полчаса Колян был уже на пороге. Виктор открыл.

— Здорово, друг, быстро ты! — сказал Виктор, протягивая руку.

— Привет, — поздоровался Колька, оглядываясь по сторонам.

Увидев в комнате идеальную чистоту, он даже повеселел и расслабился.

— О, ты бороду отрастил?

— Да, решил не бриться, — сказал Виктор, трогая двухнедельную щетину.

— Тебе идет, — сказал Колян, разуваясь. — Рассказывай, чё за дело? О, ты и котейку завёл.

— Ну так, в двух словах, если… — начал Виктор, беря на руки Настю и приглашая Николая на кухню. — Есть работа. Надо собрать детскую площадку, здесь, в соседнем дворе. — Он положил перед

Коляном цветную книжку-инструкцию. — Есть бригада, готовы сделать. Хотя они ещё ни проект не видели, ни о цене никакого договора не было. Всё сыро, только намерения. Если хочешь, можешь поучаствовать, оплата шикарная, есть перспективы. — И он добавил: — Возможно, будут.

Колька придвинул книгу, полистал, разглядывая картинки.

— Прикольно, только я таким никогда не занимался, да и времени особо нет. Только в выходной если.

— Ну, смотри, здесь всё написано. По инструкции собрать легко. Если откажешься — не проблема, но сам же говорил: деньги нужны. Кредиты и всё такое. Сколько, кстати, платят сейчас на Севке?

— Обещают до шестидесяти тысяч поднять в этом году, — уклончиво ответил Колян.

— Я понял, — Виктор прикидывал что-то в уме. — Здесь я заплачу десять тысяч за полный рабочий день. Если желание есть, то ты первый в списке. Может, покормить тебя, Колян? Правда, у меня тут по-холостяцки, пельмени могу сварить.

— От пельменей не откажусь, — оживился Колян. — Десять тысяч за день? А чего, так бывает? Ну, хотя ты же геолог щедрый. А сколько дней работать?

Виктор зажёг газ, поставил воду, доставая из морозилки пакет с пельменями.

— Колян, пока не сделаете. Я сам не знаю, сколько там дней понадобится. У меня первый такой объект, но чем быстрее сделаем, тем быстрее появится чего-нибудь другое. Я не знаю, что будет дальше по зарплате, но однозначно больше, чем ты сейчас получаешь. Но давай не будем пока так далеко заглядывать, может, ещё и не сработаемся. Пока вот такое предложение. За неделю если сделаете — хорошо, если дольше — значит, дольше, я торопить не буду. Главное, чтобы всё было качественно.

Колян кивнул, чего-то подумал, потом спросил:

— А вдруг ты, того, опять на стакан присядешь?

— Насчёт этого не волнуйся, это было разовое явление. Я так стресс снимал. Отвечаю, на тебе это никак не отразится.

— Это хорошо, — расслабился Колян. — А то я как тебя тогда увидел таким… ну, пропитым… У меня чуть у самого стресс не случился. Вроде нормальный чел был, а тут полный отстой.

— Машина ещё будет нужна, — продолжил Виктор. — Газель длинная или ещё чего побольше. Вся эта лабуда лежит в гараже на фанере, возить придётся частями. Кого-то бы знакомого лучше, чтоб всегда на подхвате был. Подумай, если есть кто. И бригада будет — ещё три или четыре человека. Таджики, я тебя с ними познакомлю. Ты завтра как?

— Выходной, а послезавтра — с трёх, — сказал Колян, уплетая пельмени.

Когда Колян ушёл, Виктор завалился на диван, обдумывая новую для него ситуацию. Было интересно. Немного непонятно, как всё разрулить, в плане если возникнут ненужные вопросы. Больше всего нравилось то, что на душе реально стало полегче. Он, конечно, продолжал ежесекундно думать о Насте, но уже более отвлечённо — боль поутихла, а мозг по большей части был занят организационными вопросами.

На следующий день встретились с Афшином. Колян тоже подъехал. Оба были на машинах, поэтому сразу решили прокатиться в гараж, чтобы посмотреть на месте. Ещё раз объяснил обоим суть дела, показав свой талмуд. На удивление Афшин прекрасно владел русским, хоть и говорил с сильным акцентом. По деньгам Виктор предложил ему получить все четыреста тысяч и заплатить налог шесть процентов. Афшин сначала не поверил своим ушам от такой щедрости, потом немного расстроился, узнав, что ему придётся заплатить Коляну по десятке за день работы. Виктор специально говорил, чтобы оба слышали, о чём речь, и потом не было никаких недомолвок.

— Ну, или тогда бери себе двести тысяч, — сказал Виктор — а Коляну я сам заплачу.

— Нет-нет, четыреста лучше, — тут же согласился Афшин. — Сам буду всем платить, но тогда будем работать с утра до вечера, чтобы быстрее сделать.

— Пойдёт, — сказал Виктор. — Ну и парням тоже с этих денег заплатишь. Там уж как договоритесь, я этого пока не касаюсь.

Афшин кивнул, что-то подсчитывая в уме. Потом проехали к Тамаре Львовне. Виктор предусмотрительно зашёл один, оставив парней ждать в машине.

У начальницы в кабинете был посетитель. Лощёный мужчина невысокого роста, лет этак сорока. Он был в идеально покроенном

дорогом костюме, из которого торчали рукава не менее дорогой рубахи с запонками на манжетах, а широкий галстук держался на жёлтой блестящей заколке. На ногах блестели лакированные полуботинки.

— Егор Львович, — представила его начальница. — Он будет решать финансовые вопросы.

Поручкались. Мужичок оказался приветливым, быстро расположив к себе парочкой ненавязчивых шуток, потом уже серьёзно спросил:

— Можно визиточку вашу, Виктор?

— А у меня и нет визитки, — улыбнулся Виктор. — Я же человек маленький, не обзавёлся как-то.

— Хорошо, — не расстроился лощёный товарищ. — У меня для вас хорошая новость. Я вам ситуацию обрисую, чтобы понятно было. Вы сделаете работу и получите свои четыреста тысяч наличными. Вам даже налог платить не надо, мы за вас всё заплатим.

— А почему так? — не сразу понял Виктор.

— Потому что, — Егор Львович положил руку с идеальным маникюром Виктору на плечо. — Потому что с вами город договор не заключит, а у нас есть проверенная компания. Она получит деньги и рассчитается с вами, как с субподрядчиком. Всё просто.

— А, теперь понял, — улыбнулся Виктор, борясь с желанием снять руку лощёного со своего плеча.

Но тот уже сам убрал руку и, взяв со стола бумаги, протянул их Виктору:

— Вот ознакомьтесь, типовой договор субподрядчика, заключим — и вперёд, можете начинать. Как только закончите, в тот же день получите оплату полностью.

Виктор взял договор.

— Схема примерно понятна: вы заключаете договор с городом, к примеру, на два миллиона, нам платите четыреста, остальное себе. Так?

Егор Львович развёл руками: мол, шаришь. Посмотрел на Виктора и, взяв в руки лист с картинкой детской площадки, сказал:

— Вы вчера предложили услугу Тамаре Львовне. Она согласилась. Вы озвучили цену, она так же согласилась. В конце концов вы озвучили, что готовы принять оплату по факту окончания работы. Мы согласны на все три условия. Какие-то проблемы?

— Нет никаких проблем, — сказал Виктор.

Действительно, товарищ как-то всё грамотно аргументировал. Коротко, но доходчиво.

— Мы можем хоть сегодня приступить, — спокойно сказал Виктор.

— Вот и славно, — Егор Львович протянул руку. — Договор можете заполнить позже — и на стол Тамаре Львовне.

Когда Виктор, попрощавшись, вышел, начальница закрыла дверь и посмотрела на Егора:

— Ну, что скажешь, братик? Как тебе предложение? Продолжает казаться нереальным?

— Мы посмотрим, Томочка. Персонаж непонятный этот Виктор. С виду — лошковатый чудак, но ведёт себя уверенно, как будто реально собрался сделать всё это, — он ткнул пальцем в рисунок. — Себестоимость одного только изделия, думаю, больше миллиона. Демонтаж старой рухляди, работа по установке. Потом всё облагородить. Как-то очень уж фантастично. Мне непонятно, на чём товарищ зарабатывает, мне очень интересно это понять. Возможно, это просто реклама новой компании. По крайней мере, чего мы теряем? Пусть попробует.

— Не знаю, мне он понравился, — сказала начальница, садясь в своё кресло. — Не похож на обычного коммерсанта. Да, пожалуй, ты прав, время покажет.

Тем временем на детской площадке Афшин с Коляном уже мерили площадь рулеткой. Афшин записывал в блокнот, чего-то про себя приговаривая. Виктор подошёл к качелям, пошатал. Стояли мёртво, раньше делали крепко.

— Это всё в металлолом сдам, — больше утвердительно, чем вопросом озвучил Афшин.

Виктор кивнул:

— Как хочешь. А сколько людей у тебя будет?

— Может, пять-шесть человек. Все свои, проверенные, — сказал Афшин. — И ещё, Виктор, может, ты нам аванс какой дашь, раз форма оплаты поменялась?

— Да, конечно, завтра дам чего-нибудь. — Виктор протянул ключи от гаража Афшину. — Я на связи, если что, звоните. Думаете, справитесь?

— Конечно, справимся, — уверенно сказал Афшин. — Даже не сомневайся.

Пришёл домой в приподнятом настроении. Разделся и плюхнулся на диван. Настя тут же запрыгнула на колени и принялась урчать, требуя ласки.

— Вот ты, блин, громкая какая, как трактор! — сказал Виктор, гладя котёнка.

Вроде всё сделал, как хотел, но было лёгкое чувство досады, что невольно оказался замешан в коррупционной схеме. Ничего, первый блин комом, всё это притрётся. В голове уже начинал зреть план гораздо более грандиозный, чем этот. Но ему нужна была команда, нужны грамотные, юридически подкованные люди. Нужны были профессионалы, чтобы каждый на своём месте был лучшим. А самое главное, чтобы деньги не стояли на первом месте. Такую команду собрать было ой как непросто, но не у каждого есть Нуо.

Виктор включил программу и задал нужный фильтр отбора персонала. Нуо отобрал десятки тысяч людей со всей России. Тогда Виктор усложнил задачу, добавляя новые и новые фильтры, в конце концов у него оказался список около сотни человек. С ними можно начинать работать, но было одно но. С одной стороны, он не хотел привлекать к своему проекту никого из даже малознакомых, тем более близких друзей; с другой, так хотелось, чтобы, к примеру, Сиплый был рядом, возможно, занял одну из руководящих должностей. Было бы здорово опять быть вместе. Виктор тут же вспомнил про Настю и погрустнел. Уж она, с её порядочностью, могла занять достойное место в компании. Посмотрел на себя в зеркало. Остатки царапин зажили, плечо зарубцевалось. Конечно, при опытном взгляде доктора было бы понятно, что после аварии не прошло четырёх лет, но простому обывателю это было бы уже незаметно. Борода начинала принимать достойный вид и, в принципе, добавляла лет пять к возрасту. Как раз то, что сейчас было нужно. Опять появилось огромное желание увидеть Настю. В конце концов, как минимум надо обозначить, что он живой, — это было бы, по крайней мере, честно по отношению к ней. Также неплохо бы съездить в Питер и встретиться с Сиплым. Виктор был почти уверен, что уж Саня не будет допытываться до подробностей, и удастся ограничиться какими-то недомолвками и, возможно, небольшим и безобидным враньём. В

милицию решил пока не ходить. Судя по всему, про него особо никто и не вспоминал — никто не перезвонил, когда он подключил мобильный. Также он заплатил за квартиру от своего имени, и, если бы кому-то было интересно, это несложно было бы отследить. Виктор сидел на диване, размышлял о ближайших перспективах, Настя мирно спала у него на коленях и тихонько урчала. Идея пришла мгновенно и как-то исподволь. Надо поехать в Питер, заодно купить машину и, если повезёт, встретиться с Сиплым.

Был уже вечер, и в автосалоне Toyota не брали трубку. Оставил сообщение и не успел отключиться, как тут же перезвонили. Спросил, есть ли LandCruiser Prado. Не удивительно, что машин не было в наличии. Это нестрашно. Виктор оставил данные и сказал, что приедет через пару дней оставить задаток и заключить договор. Было понятно, что, как и в прошлый раз с «мерседесом», с помощью дополнительных денег можно будет всё быстро решить. На месте решать проще, чем по телефону.

На следующее утро позвонил Афшину. Тот был уже на площадке. Вот что значит ответственность и желание заработать! Когда Виктор часам к десяти подошёл на место, он слегка удивился. На площадке было уже всё демонтировано, а шесть человек бодро таскали весь хлам в стоящий на дороге МАЗ-самосвал. Колян тоже трудился вместе со всеми. Заметив Виктора, он кивнул, поздоровавшись. Чуть поодаль стоял небольшой вагончик на колёсах, откуда тянулись провода. Внутри тихонько тарахтел генератор. Похвалив Афшина за неплохую организацию и быстрый старт, Виктор дал ему сто тысяч и спросил:

— Надо ли ещё какую-нибудь помощь?

— Нет, но… — Афшин отвёл Виктора в сторонку, — Виктор, ты, конечно, главный, но ты очень много пообещал своему другу. Если кто из ребят узнает, что я ему плачу десять тысяч в день, нехорошо будет. Обидятся парни, они все вместе меньше получают.

— Хорошо, Афшин, давай так: я сам ему заплачу. Пусть это будет тебе бонусом. Вы точно сможете всё сделать? А то я на пару дней хочу отъехать.

— Конечно, даже не сомневайся. Мы всё сделаем, — обрадовался Афшин.

Видимо, этот вопрос не давал ему покоя. Виктор ещё раз глянул на вагончик. Он даже не задумывался о таких тонкостях, что им

понадобятся электричество и помещение, где можно будет закрыть хотя бы инструменты, чтобы не таскать с собой каждый день.

— Да, ещё, Афшин, если у кого-то возникнут вопросы, кто мы, от какой организации работаем, особо не распространяйся. Ну, ты понял? Мы ничего не скрываем, но особо и не рекламируем.

— Виктор, я не понимайт, щто ты сичас гаварит, — подмигнув, сказал Афшин, разведя руки и сильно коверкая слова.

— Вот и славно, — Виктор похлопал его по плечу. — Звони, если что, я всегда на связи.

***

Сначала хотел ехать поездом, но потом решил заночевать дома и утром полететь на самолёте. Было жалко оставлять котейку одну, а так хоть ночь дома. Настя спала исключительно на подушке в головах у Виктора. Первое время было шумно от постоянного урчания, потом привык. Конечно, приобрёл себе лишнюю заботу, но с котёнком дома стало не так одиноко. Света соседка с удовольствием согласилась посидеть с Настей пару дней. Виктор предложил ей ключи от квартиры, но она отказалась, сказала, что заберёт к себе. Узнав, что котейку зовут Настя, Светлана покачала головой:

— А поумней ничего не мог придумать?

Видимо, не мог. Да он особо и не думал. Всё само собой получилось, а теперь уже чего — не выгонять же. Ладно, что ни делается — всё к лучшему. Утром приехал в аэропорт почти к самому вылету. Виктор взял себе билет у иллюминатора, чтоб было не скучно лететь. Людей у выхода немного, видимо, самолёт будет полупустой. В толпе бросался в глаза чёрный колоритный мужчина в яркой одежде. Виктор вспомнил негров в Белозерске. Тогда это было из ряда вон, сейчас даже в Череповце этим никого не удивить. Мужчина постарше Виктора был одет модно и красиво. «Бизнесмен, видимо», — подумал он. Когда стали заходить в салон, негр шёл прямо впереди Виктора и смотрел на номера сидений. Оказался соседом.

— Вы у окна? — оглядываясь, спросил он по-русски без малейшего акцента.

— Да, точно, — подтвердил Виктор.

Он посмотрел на темнокожего. Тот, не отводя взгляда, широко улыбнулся и потом вдруг спросил:

— Не узнал, что ли?

— Нет, — Виктор удивлённо посмотрел на мужчину, но потом какие-то черты лица, чего-то знакомое промелькнуло в памяти.

Да они все на одно лицо. Но нет, не может быть! Негр, отойдя на шаг назад, встал в боксёрскую стойку:

— А теперь? — и он сделал вид, что хочет ударить правой.

— Дэвид, чувак, ты, что ли? — обрадовался Виктор.

Тот кивнул. Обнялись. Пассажиры терпеливо ждали, пока два мужика обнимались, радуясь встрече. Расселись. По странной необъяснимой случайности их места оказались рядом.

— Ты какими судьбами здесь, Дэвид? Я думал, ты у себя в Гватемале давно пароходы водишь, — Виктор был безумно рад встретить товарища из детства.

— Я не из Гватемалы, а из Нигерии, — засмеялся Дэвид. — Я же тогда получил диплом и уехал в Ленинград. Там и остался.

— Капитан небось? — спросил Виктор.

— Нет, что ты, — засмеялся Дэвид. — Я окончил институт журналистики. Теперь это модно называется «блогер». А ты как? Кем работаешь? Боксируешь ещё?

— Ну, так, — неопределённо махнул рукой Виктор. — Всего понемногу. Слушай, я рад за тебя. Так неожиданно. Сколько же мы с тобой не виделись? Лет пятнадцать где-то.

— Да, пожалуй, побольше, — улыбнулся Дэвид. — Мне всё-таки очень интересно, как ты живёшь? Чем занимаешься? Женился на этой девушке? Как её звали? Мария вроде.

— Нет, Дэвид, не женился, — Виктор решил не ходить вокруг да около, а сказать, как есть. — С Марией у меня не получилось. Да и вообще ни с кем не получилось. Живу один, нигде не работаю. Хотя есть планы, но пока только планы. Так что гораздо интереснее послушать, как у тебя.

— У меня жена, трое детей. Два сына и дочка, — с гордостью сказал Дэвид, потом добавил: — Но, видимо, у тебя ещё всё впереди, Виктор. А как твой друг? Этот, Синий. Или нет, как-то по-другому, не помню.

— Сиплый, — поправил Виктор. — Нормально всё, живёт и вроде счастлив.

— Замечательно, передавай большой привет от меня, — обрадовался Дэвид.

Проболтали весь полёт. Дэвид, видимо, был прекрасным журналистом. Ему было интересно всё. Даже самые незначительные детали. Было сложно что-либо рассказывать, избегая упоминаний о Нуо, поэтому говорили в основном про молодость и студенческие годы. В конце концов Дэвид поведал, что хочет написать книгу про их белозерскую жизнь. Поэтому они обязательно должны ещё раз встретиться и повспоминать, как всё-таки там здорово жилось. Виктор был не против. Когда самолёт приземлился в Пулково, Дэвид взял номер телефона Виктора и дал ему свою визитку. На красивой, дорого оформленной карточке было написано «Дэвид Мартин. Блогер, писатель, сценарист».

Появился соблазн взять такси, благо их тёрлось в аэропорту столько, что яблоку некуда упасть. Подумав, Виктор сел в автобус и с удовольствием рассматривал в окно великолепные виды Северной столицы. Автобус остановился у станции метро. Всё, конечная, куда дальше? Виктор поймал себя на мысли, что боится звонить Сиплому. Он намеренно оттягивал этот момент. Не позвонил из Череповца перед вылетом, не позвонил из Пулково, и теперь, казалось бы, дальше тянуть некуда. Позвонить и просто сказать: привет, меня не было четыре года, и потом я вдруг ожил. А, да, ещё я занимался всякой хернёй почти месяц, а сейчас приехал в Питер и как бы между делом решил позвонить. Как раз так всё и выглядело. Не факт, что Саня вообще был в Питере. Он мог быть где угодно, хоть за несколько тысяч километров. Ну, значит, не судьба.

Виктор набрал номер. Гудки, много гудков. Он уже собирался отключиться, когда вдруг услышал голос Сиплого:

— Алло, алло, Настя, ты? Алло? — голос был Сани, но в нём слышались неуверенные, незнакомые нотки.

Виктор помолчал несколько секунд, собираясь с духом, потом сказал:

— Привет, Саня, это я.

Повисла мёртвая тишина, и Виктор уже подумал, что Сиплый отключился — так долго длилась пауза, но потом Саня тихо и неуверенно спросил:

— Зевс?

— Да, мать его, это я! Сань, привет, братан, я здесь, в Питере! Давай говори, где ты, я подъеду.

Виктора словно прорвало. Всю неуверенность как рукой сняло, стоило ему услышать голос Сиплого.

— Зевс, как? Это ведь ты, я тебя узнал. А как? — Сиплый был настолько не похож на себя, что Виктор, пожалуй, никогда не слышал его таким растерянным. Потом он мгновенно пришёл в себя и уже более уверенным голосом спросил: — А ты где?

— В Питере. Метро «Московская».

— Я понял, — быстро сказал Сиплый. — Сейчас соображу. Так, чтоб быстрее было, садись на метро и вали до станции «Черная речка», выход на Савушкина. Подождёшь меня там, я мигом. Всё понял?

— Да, конечно. «Черная речка». Савушкина.

Такой Сиплый ему больше нравился, быстрый и уверенный.

— Зевс, красава! Живой, просто не верится! Витька, выйдешь из метро, сразу позвони. Охренеть! — и он отключился.

Виктор спустился в метро. Надо было проехать, наверное, с десяток остановок. Поезд ехал так медленно, что хотелось его подтолкнуть. Виктор смотрел на схему над дверями и не мог понять, почему раньше расстояния между остановками были короткими, а сейчас тянулись вечность. Хотелось скорее выйти из этого подземелья наверх на этой станции «Черная речка» и встретиться с Сиплым. Внутренний голос подсказывал, что все неразрешённые вопросы сами собой отпадут и начнётся другая, счастливая жизнь. Поезд, мерно качаясь, нёс его по тёмным тоннелям на другую сторону города, куда-то в беззаботное детство. Вот и нужная остановка. Вышел, осмотрелся. Да, вот указатель — Савушкина. Почти бегом добрался до эскалатора. Народу было много, поэтому пришлось стоять и ждать, пока медленная лестница, ползущая как черепаха, подняла его наверх. Позвонить он не успел — выйдя на улицу, сразу увидел Сиплого. Тот стоял на тротуаре, вглядываясь в каждого выходящего из метро, и похоже он не сразу узнал Виктора.

— Саня, — крикнул он, направляясь в его сторону.

— Зевс, блин, борода! — Обнялись. — Как ты? Гад, живой! Слава богу. Давай в машину скорее!

Виктор заметил чёрный внедорожник на аварийке прямо на перекрёстке. Сиплый заехал двумя колёсами на тротуар, и машина

бессовестно мешала движению. Сели в машину, и Саня, соскочив с бордюра, резво влился в поток.

— Давай рассказывай, Зевс. Живой, зараза, я так рад! А мы уже тебя похоронили.

— Как похоронили? — удивился Виктор.

— Ну, не в прямом смысле. Ты же как в воду канул. Никаких следов. А где ты был? — Сиплый нашёл небольшой карман и, завернув, остановился, в упор глядя на Виктора.

— Это долгая история, Саня. Давай мы не будем к ней возвращаться. Я живой, и хорошо.

— Будем, ещё как будем! — Сиплый хлопнул друга по плечу, сильно сжал. — Постой, а как Настя? Как она отреагировала? В обморок не упала?

— Сань, я с ней не встречался ещё. Вернее, я видел её, но не подошёл.

— В смысле? Ты ненормальный, Зевс? Девка чуть с ума не сошла, когда ты пропал, а ты вернулся и не подошёл? Я сейчас тебе в нос дам, кажется. Ладно, давай-ка по порядку. Сейчас едем ко мне, сядем за стол, и ты мне всё расскажешь. Всё, Зевс, с начала до конца, даже не думай, что тебе удастся увильнуть от разговора.

— Хорошо, — кивнул Виктор. — Расскажу.

Ехали недолго. Эту часть города Виктор знал плохо. Остановились около свежего четырёхэтажного дома. Сиплый, привычно свернув на свободное парковочное место, показал на балкон на втором этаже.

— Вон там живу. Недавно купил квартиру, а то всё по съёмным ошивался.

— Поздравляю, — сказал Виктор. — Домик ничего вроде, новенький.

— Да, три года как сдан. Новьё. Пошли давай, борода, — Сиплый опять обнял друга. — Глазам своим не могу поверить.

Поднялись на второй этаж по широкой лестнице. Сиплый жил в большой двухкомнатной квартире. Всё по-спартански аскетично, минимум мебели, но просторно и в то же время уютно. В огромной прихожей, наверное, мог бы уместиться автомобиль.

— Один живёшь или женился? — спросил Виктор, разуваясь.

— Собираюсь всё, — уклончиво ответил Сиплый. — То вместе живём, то порознь. Давай проходи, теперь моя очередь тебя кормить.

Виктор прошёл на огромную кухню, огляделся. Всё здесь было таким просторным. Вдоль стены — кухонные шкафы, моечная машина, газовая панель со встроенным духовым шкафом, холодильник — всё было в одном световом тоне. Виктор даже побоялся бы назвать этот цвет. Может, салатовый, а может, просто бледно-зелёный. Посреди кухни стоял небольшой обеденный стол из светлого дерева. Возле противоположной стены даже присутствовала некая барная стойка с круглыми сиденьями на изящных блестящих ножках.

— Неплохо здесь у тебя, — похвалил Виктор, присаживаясь на один из мягких стульев, что были возле стола.

— Это подруга моя, Варя, всё здесь обустраивала. Она дизайнер, а я только башлял. Классно сделала, мне нравится. Ладно, Зевс, я чего-нибудь приготовлю, а ты давай рассказывай, всё равно не отстану.

— Саня, я не смогу тебе всего рассказать. Так получилось, что я не вправе, — Виктор пристально посмотрел на друга. — Я не хочу придумывать историй, врать и надеяться, что ты мне поверишь. Но я также понимаю, что какую-то часть рассказать всё равно придется. Поэтому давай так: я расскажу, чего смогу, а ты не будешь тянуть из меня большего.

— Пойдёт, — согласился Сиплый.

— Хорошо, — вздохнул Виктор. — Представь, Саня, человека, которому отшибли память. Он очнулся, не помня, кто он и зачем. Потом он жил четыре года совсем чужой жизнью, не осознавая себя и никого не помня. А через какое-то время к нему всё вернулось: и память, и осознание происходящего. Как тебе такая версия?

— Но этого же с тобой не случилось? — Сиплый включил кофемашину. Она приятно зажужжала, заваривая кофе.

— Нет, не случилось. Но если бы я хотел придумать историю, то я бы мог пойти этим путём. А я не хочу врать. Ты последний человек, которому я хотел бы вешать лапшу на уши. Просто поверь мне, что я не могу ничего сказать. Это как если бы я заснул вечером, а проснулся через четыре года. Кто-то бы поверил в это? Так вот, я вернулся из своей комы, так назовем моё отсутствие, и первое, что сделал — это пошёл к Насте.

— И?

— И я не смог к ней подойти. Я не знал, как ей объяснить своё отсутствие. Прошло слишком много времени. Она, видимо, уже с кем-то живёт. Всё так непросто, Саня, — Виктор закрыл лицо руками и замолчал.

Сиплый разлил кофе по бокалам, поставил на стол блюдце с ароматными восточными сладостями, затем сел напротив.

— Зевс, ты мне тут заворачиваешь сюжет из какой-то левой мыльной оперы. Не хочешь говорить, тогда я скажу. Когда ты пропал, вернее, через неделю, когда нашли твою машину, мне позвонила Настя. Она была просто в шоке. Через двадцать минут я уже ехал в Череповец. Я был там, где ты оставил свою «Ниву», я понимаю, что какая-то хрень там случилась, понимаю, что ты хранишь чей-то секрет, но если бы ты видел, как она переживала… — Сиплый замолчал, потом сказал: — Это дороже, Зевс. Ты был не вправе так пропадать. Но что сделано, то сделано. Сейчас гораздо важнее то, что ты живой. Чего будешь делать дальше?

Виктор пожал плечами:

— За этим я и приехал к тебе — чтобы вместе подумать. Надо начинать новую жизнь. Машину вот хочу купить. Бизнесом займусь.

— Ты должен с ней встретиться и всё рассказать. — Сиплый заметил, что Виктор хочет возразить, и, подняв руку, повысил голос: — Соври ей тогда, если не можешь сказать правду. Расскажи вот эту байку про потерю памяти. Ты должен, мужик.

— Она живёт с парнем, — сказал Виктор. — Мы были знакомы всего несколько месяцев. Может, они вообще женаты, я не знаю. Слишком много времени прошло.

— Зевс, я был с твоей Настей, ну, в смысле, я ночевал у неё. Я был уверен, что тебя уже нет в живых. Я приехал к ней тридцать первого декабря, за полчаса до Нового года. Знаешь, чего она делала? Она сидела одна в твоей квартире и разговаривала с твоей фоткой. Ты можешь себе это представить, Зевс? Она была одна в новогоднюю ночь, а стол был накрыт на двоих. Мы провели с ней всю ночь. Честно скажу, я запал на неё, запал по-взрослому. Я реально готов был быть с ней, если бы она позволила. Но она меня отшила. Отшила чётко и безапелляционно, — Сиплый усмехнулся. — Она сказала, что мы как брат и сестра. Витька, она должна знать, что ты жив.

— Ты прав, брат, ты прав. Но всё так непросто.

— Да ты сам, блядь всё усложняешь. Всё просто: ты дашь ей выбор, и это будет правильно.

— Новый год говоришь, вместе встречали? И как она? — Виктор поднял глаза на Саню.

— Она удивительный человек, — улыбнулся Сиплый. — Везёт тебе на баб, Зевс, я всегда это говорил. А ты, говоришь, видел её сейчас? Не сомневаюсь, что такая же славная птичка.

— Стала ещё лучше, — кивнул Виктор, улыбнувшись. — Превратилась в белого лебедя.

— Уверен, что так и есть. Ладно, Зевс, хорош нюни распускать. Я дал тебе совет, прислушайся. Давай теперь по делу. Чем заняться надумал?

— Хочу кое-что создать. Это будет такой загородный коттеджный посёлок, полностью автономный. Зелёная электроэнергия, чистый воздух и ещё много всего. Короче, есть идея, есть деньги. Можно вместе, если ты не против. Или всё воюешь?

— Нет, я давно на гражданке. Нас же расформировали, как раз как ты пропал. Потом предложения были, конечно. Спрос на нашего брата всегда есть, но я отказался. Не знаю, может, старею, захотелось уже спокойной, мирной жизни. Поработал начальником службы безопасности, ушёл. Слишком скучно. Иногда предлагают по мелочи, если кому надо спорную ситуацию разрулить. Нечасто, но берусь, чтоб хоть на хлеб с маслом. Сейчас сижу без дела, так что ты как раз вовремя. Можно и замутить чего-нибудь, только я, сам знаешь, коммерцией никогда не занимался. Возможно, помощник из меня будет не такой уж хороший.

— Знаешь, кого я сегодня видел? В самолёте рядом сидели. Бывают же совпадения! Помнишь Дэвида из речников этих африканских?

— Мавры? А, да, конечно, помню, — сказал Сиплый, потрогав челюсть.

— Так вот он писатель. Ну, или журналист. Весь обрусел такой, по-русски говорит вообще без акцента. Книгу про нас написать планирует. Привет тебе, кстати, передавал, — улыбнулся Виктор.

Сиплый кивнул. Послышался звук отпирающейся двери.

— О, Варвара пришла! — сказал Саня. — Сейчас познакомлю вас.

Санина подруга Варя оказалась скромной, интеллигентной девушкой слегка за тридцать, невысокого роста, стройной и симпатичной. Она быстро и умело приготовила что-то мясное и очень вкусное. После обеда решили съездить в автосалон посмотреть машины, поэтому обошлись без спиртного. Саня позвонил знакомому, и тот заверил, что уже сегодня постарается найти машину в наличии, что, собственно, ему и удалось. В дилерском центре «Тойоты» их ждал серебристого цвета Land Cruiser Prado. Пришлось немного переплатить, но Виктор к этому был готов. К большому удивлению, в этот раз не было той эйфории, что ощущалась при покупке «мерседеса». Вся покупка и оформление прошли обыденно, словно купил не дорогущую машину, а какой-то ежедневный ширпотреб. Видимо, человек ко всему привыкает. И ладно.

Выехал на следующий день. Череповец встретил Виктора ясным, безоблачным летним небом. Вообще, в этом городе солнечные дни можно по пальцам пересчитать. Даже летом зачастую над городом пасмурно и уныло, поэтому, когда выдавался такой вот солнечный денёк, настроение было петь и плясать. Время уже подходило к шести вечера, когда Виктор, запарковав своего нового прадика недалеко от дома, направился к своему детищу — детской площадке. Ещё издали он заметил группу людей, стоявших возле места, где велись работы. Виктор подошёл ближе и обомлел. Это реально было восхитительно. Всё уже собрано. В натуральном виде вся конструкция смотрелась даже более шикарно, чем на картинке. С первого взгляда все изделия не выглядели реальными. Яркость цвета и чёткие линии всех элементов придавали вид необыкновенной мультяшности. Всё казалось как нарисованное. Взгляд не оторвать. Парни, ползая на коленках, трудились по укладке поверхности из резиновой крошки. Афшин с обеспокоенным выражением лица держал в руках лист бумаги и что-то показывал своим коллегам. Рядом стояло с десяток людей, с интересом наблюдавших за происходящим. Заметив Виктора, Афшин радостно махнул рукой и направился в его сторону.

— Привет, Афшин! — Виктор протянул руку. — Какие вы молодцы, просто глаз радуется, как ярко всё смотрится.

— Привет, Виктор! — Афшин поздоровался. — Да собрать-то не проблема была. Всё подошло как родное. Очень качественное изделие. Всё продумано и идеально подогнано. Проблема в другом, — он

показал рукой на людей, стоящих рядом. — Не успеешь отойти, а они уже все здесь. Мы пол второй раз перекладываем. Ему же надо день выстоять, а лучше два. А эти сразу бегать начинают и следы оставляют. Хоть ночевать оставайся здесь. И ещё ровные линии не получаются, как на картинке. Всё равно выходит размыто. Посмотри сам.

Виктор подошёл поближе, но никакой размытости не обнаружил. Вроде всё ровно.

— Не знаю, мне нравится, Афшин, всё замечательно, — сказал Виктор.

— Хорошо, что нравится, тогда сегодня будем ночь дежурить, чтоб высохло. Завтра газон раскатаем — и всё, можешь принимать объект. И это… Ещё… Денег бы аванс добавить, а то пришлось миксер специальный покупать. Без него крошку никак не смешать.

Виктор отсчитал ещё сто тысяч, протянул Афшину. Тот кивнул и убрал деньги в карман.

— А чего Колян? Как вы? Сработались?

— Да он помогал в первый день и потом второй день до обеда. На работу ушёл. И всё, больше не приходил.

— Ладно, я понял, работайте. Звони, если что

Попрощались, и Виктор направился домой, ещё раз оглянувшись на удивительное произведение искусства. Оно смотрелось как яркое разноцветное чудо среди серой обыденности. Можно же сделать, если есть желание и немного денег! Что интересно, это можно было сделать и без всякого Нуо. Ведь средства оказались выделены из бюджета по полной стоимости. Получается, при помощи Нуо Виктор помог заработать одному лишь лощёному господину, Егору Львовичу. Всё как-то неправильно устроено в этом мире — ведь, даже имея такие возможности, Виктор не смог исключить из финансовой цепочки это бесполезное, но самое прожорливое звено.

Но, ничего, успокаивал он себя. Он еще над этим поработает. Главное на сегодня, что есть результат. Он сделал что-то полезное и при этом помог заработать нормальным людям.

Соседка Света была у подъезда. Она, держа за руку своего сына, что-то ему приговаривала, а тот неуверенными шагами ходил по тротуару.

— О, привет, сосед! — радостно поздоровалась она. — Смотри, а мы уже бегаем.

— Вижу-вижу, растёте не по дням, а по часам, — Виктор остановился рядом, с улыбкой наблюдая за довольным малышом. — Как там Настя моя?

— Шумная Настя твоя, мне бы столько энергии. А так умная кошечка. Коляску поднимешь наверх?

— Конечно.

Виктор собрался было взять коляску, но Света сказала:

— Подожди, я сейчас заберу бутылочки, чтобы не выронил. Подержи пока Макса, — и показала на своего улыбающегося карапуза.

Виктор подошёл, протянул руку, думая, что тот сейчас, как обычно в таких случаях, заверещит, но мелкий тут же цепко схватил его за палец и потянул прочь. Как пассатижами. «Ничего себе силища у него», — подумал Виктор, идя рядом. Никогда не думал, что это так прикольно — водиться с ребенком. В этом что-то есть. Почему он всегда считал, что дети — это где-то там, у других? А ему оно вроде как и не надо. Сразу опять вспомнилась Настя. У них бы мог получиться вот такой карапуз. Ходили бы вместе и выгуливали его, радовались бы, как он начал ходить, потом разговаривать. Виктор, глядя себе под ноги, внимательно наблюдая, чтобы тянущий его за руку Макс не чебурахнулся на асфальт, не заметил, как почти наткнулся на прохожего. Вернее, на прохожую. Поднял глаза, и сердце, стукнув в очередной раз, остановилось и проскользнуло прямо в желудок. Перед ним стояла Настя. Такая же неотразимая, как и тогда, возле ЧГУ. Он даже уловил аромат её духов, так близко к нему она оказалась.

— Виктор, шагайте сюда. Всё, можешь нести коляску, мы сейчас подойдём, — меж тем громко сказала Света.

Он замер, забыв и про соседку, и про малыша, что держался за руку. Предательская дрожь прошла по телу.

— Настя, — тихо прошептал Виктор.

Настя тоже, кажется, попала в какое-то оцепенение. Она смотрела на него широко открытыми глазами, потом пришла в себя. Посмотрела вниз на ребёнка, затем на Свету, потом снова на Виктора.

— Виктор, ты идёшь? — тем временем опять позвала соседка.

— Иди, тебя зовут, — каким-то чужим, холодным голосом сказала Настя. Потом подняла руки, как бы защищаясь, стала быстро повторять: — Нет, нет, нет, я не хочу в этом участвовать! — развернулась и быстрым шагом пошла прочь.

— Настя, стой! — крикнул ей вслед Виктор, но она уже побежала. Виктор поднял малыша на руки и, сделав несколько шагов, аккуратно поставил рядом с соседкой. Затем быстрым шагом пошёл в сторону, где за углом дома только что скрылась Настя. Когда он завернул за угол, Настя уже садилась на водительское сиденье белого Ford Kuga.

— Настя, подожди! — крикнул он, но было уже поздно. «Форд», с пробуксовкой, свистнув резиной, оставил серое облако дыма от дрифта и, быстро набирая скорость, помчался по Юбилейной.

— Это просто пиздец какой-то, — тихо вслух сказал Виктор, глядя вслед удаляющейся машине.

Из всех дней, из всех мест надо же было встретиться именно в эту минуту! Виктор думал, что такое бывает только в грёбаных мелодрамах. Да ещё эта Света со своей коляской! А ведь день так хорошо начинался.

Глава 15

Глава пятнадцатая.

Артур Лебедев наконец-то получил работу своей мечты. Его взяли в отдел инвестиций банка ВТБ. Работать надо будет с состоятельными клиентами, а значит, и зарплата соответствующая. Можно было, конечно, поступить проще. Попросить мать, и она устроила бы его без всякого собеседования, но хотелось всё сделать самому. Было огромное желание доказать родителям, что он не просто сын Эльвиры Марковны, а сам чего-то стоит. Надо было уже выходить из-под опеки влиятельных родителей и становиться независимым и самостоятельным. И это получилось. Сегодня на собеседовании он был просто в ударе. Отвечал без запинки на любые вопросы, чем порадовал своего будущего начальника. Готовился он к этому собеседованию долго и ответственно. Записывал возможные вопросы, тут же отвечал на них, записывая правильные ответы. Потом в последний день всё перечитал, и как результат — из нескольких кандидатов взяли именно его. Артур привык добиваться всего в жизни усердием и правильной постановкой целей и приоритетов. Так учили и в институте и на многих дополнительных курсах, которые он постоянно брал. Родители с детства повторяли, что только упорный труд и правильные знакомства помогут ему выйти в люди. И, совершенствуя себя, он старался как мог. К сожалению, получить красный диплом ЧГУ не получилось, в зачётке было несколько четвёрок. Отец был немного расстроен, но потом сказал:

— Ничего, сын, не переживай. Теперь — главное найти хорошую работу с достойной зарплатой и жениться на девушке из хорошей семьи, а про диплом потом никто и не вспомнит.

Красавицу Настю он заметил сразу, как только она появилась в универе. Она была на два года младше его и только поступила, когда он уже учился на третьем курсе. Первый год Артур долго приглядывался к ней, отметив для себя, что в универе девушка быстро завоевала популярность и была на виду. Настя выступала за команду ЧГУ по волейболу, и Артур даже сам записался в секцию, чтобы быть поближе. Только через год, набравшись смелости, он пригласил её в

кафе на чашку чая. Она согласилась, но дальше дело не пошло. Долго и тщательно он продумывал, как бы завоевать доверие первой красавицы универа, и в конце концов это ему удалось. Тогда он уже получил диплом и работал в страховой компании, когда дождливым осенним днём подъехал на своём «Рено-Мегане» к ЧГУ. Артур увидел Настю, стоящую под крышей, пережидающую дождь. Подойдя, предложил подвезти. Она согласилась. Потом несколько раз специально подъезжал к универу, зная, когда у Насти закончатся пары, и как бы между прочим предлагал подвезти. В конце концов его настойчивость увенчалась успехом. Они наконец стали встречаться. Артур рассказал родителям о своей новой девушке, умолчав про её происхождение. Настя не была из хорошей семьи. Он специально наводил справки. Отец давно умер, а мать потихоньку спивалась где-то в деревне. Артур пробил через знакомых, есть ли у Насти какая-нибудь недвижимость. Оказалось, что есть шикарный загородный дом в живописном месте под Кадуем. Также были две квартиры на первом этаже, которые она не так давно продала. Девушка, видимо, была ещё и при деньгах, что немало удивило Артура. Это было хорошим козырем, если бы пришлось спрашивать у родителей одобрения на их дальнейшую совместную жизнь. Жила Настя в заречье в квартире какого-то родственника. Он знал адрес, но никогда там не был. Настя упорно избегала говорить об этом и никогда не приглашала к себе домой. В 2008 году цены на недвижимость упали в два раза. Родители дали Артуру беспроцентный займ в три миллиона рублей, и он купил на эти деньги хорошую трёшку в кирпичной новостройке на Шекснинском проспекте. Тогда он и осмелился первый раз пригласить Настю в гости. На праздник Восьмого марта он сделал ей предложение. Всё как положено: встал на одно колено и преподнёс красную бархатную коробочку с красивым колечком. Долго репетировал перед зеркалом, но всё равно ужасно волновался, и когда делал предложение, голос предательски дрожал. Настя, к его удивлению, не сказала сразу да, а поцеловала его в щёку и сказала, что подумает. Тогда это показалось какой-то игрой, мол, так надо, чтобы девушке соблюсти рамки приличия, но Настя думала слишком долго. Прошло уже больше трёх месяцев, а она не носила его колечко и не давала согласия. Артур переживал по этому поводу, но, с другой стороны, он так и не сказал родителям про своё намерение жениться.

Как они воспримут его союз с девушкой, у которой мать деревенская пьяница, было непредсказуемо.

Сегодня же Артур сделал ещё один большой шаг в своей карьере. Он был уверен, что это только дело времени, когда он займёт место начальника отдела инвестиций. Нынешний начальник был предпенсионного возраста, и Артур уже просчитал, что примерно через пару лет он успеет себя зарекомендовать, чтобы получить это кресло. Потом — дело техники: при помощи связей родственников можно расти и расти. Сегодня он хотел пригласить Настю в ресторан. Надо было отпраздновать назначение и в конце концов спросить у неё, готова ли она выйти за него замуж. С Настей хотелось прожить всю жизнь. Она была классная девушка, за исключением этой своей дурацкой импульсивности. У неё была отвратительная привычка постоянно оставлять машину с пустым баком. Артур негодовал: неужели трудно посмотреть на стрелку уровня топлива и по пути заехать на заправку?! Сколько раз он, собираясь куда-то, рассчитывал время, но почти опаздывал, потому что приходилось по пути заправляться. Ветреная и непредсказуемая Настя была прямой противоположностью прагматичному и расчётливому Артуру, но со временем он думал отправить её на хорошие курсы по самосознанию — это поможет ей стать более продуманной. А так для совместной жизни лучшего партнёра было не найти. Да и карьеру делать гораздо легче женатому, чем холостому.

Артур ходил по квартире в идеально отглаженных брюках и белой рубашке с галстуком, когда входная дверь открылась и как вихрь ворвалась Настя. Он даже не успел сказать ей, что его взяли на новую работу, как она без предупреждения выпалила:

— Я согласна!

— Что согласна? — не сразу сообразил Артур.

— Замуж за тебя согласна, — как-то резко сказала Настя.

Артур был неплохим психологом и сразу сообразил, что что-то здесь нечисто. Он пригласил Настю на кухню.

— Я очень рад, Настенька. Даже не представляешь, как много это для меня значит. А чего случилось, что ты такая возбуждённая?

Было видно, что её просто трясёт. Артур налил ей стакан свежевыжатого апельсинового сока, бросил туда два кубика льда и поставил перед Настей. Сам сел напротив.

— Рассказывай, дорогая, что случилось.

Глаза у неё были полны слёз. Настя тщательно боролась, чтобы скрыть это, но у неё ничего не получилось. Чаша переполнилась, и слезы полились рекой. Душа рыдала. Она положила руки на стол и, упав на них лицом, чуть слышно, шёпотом плакала. Артур понимал, что что-то очень важное случилось в её жизни. Может, кто-то умер, может, ещё какая напасть, но сейчас он услышал только одно: «я согласна».

И это было первостепенно. С остальным он разберётся. Он возьмёт на себя ответственность за эту девушку и не даст её никому в обиду. Он будет её оберегать от всего. Он сделает её счастливой. Но сейчас надо было брать быка за рога.

— Ты когда хочешь свадьбу? — ласково спросил он.

Настя подняла заплаканное лицо:

— Я не хочу свадьбу, просто распишемся — и всё.

— Как, совсем не хочешь? — удивился Артур, но решил не перечить. — Ну да, конечно. Тогда позовём самых близких. Подадим заявление в ЗАГС и распишемся в первый возможный день. Надо только родителям сказать. Съездим к ним?

— Съездим, — кивнула Настя.

Поход в ресторан как-то сам собой отменился. Артур решил сначала сам съездить к родителям, подготовить их морально и уже потом представить Настю. Так будет, пожалуй, лучше. Он подошёл к девушке, положил ей руку на плечо.

— Не волнуйся, что бы ни случилось, я буду рядом.

Настя молча кивнула и снова, положив голову на руки, чуть слышно всхлипнула.

***

Вечером Света принесла котёнка. Виктор взял его на руки, и Настя тут же заурчала.

— Похоже, что я была свидетельницей какой-то ссоры, — сказала соседка. — Я сожалею.

— Всё нормально, — ответил Виктор. — Ты не виновата. И спасибо, что взяла котёнка.

— Это было несложно, если что — обращайся, — сказала она. — Ну и так заходи, если скучно будет.

Виктор кивнул. Это было недвусмысленное приглашение. Света явно намекала на развитие каких-то отношений. Вот тебе и соседка! Виктор держал в руке телефон с набранным Настиным номером и никак не решался нажать на вызов. В конце концов он так и заснул, сидя на диване с кошкой на руках.

На следующий день Виктор встретился с Афшином и рассчитался с ним, отдав остальные двести тысяч. Парни сделали всё меньше, чем за неделю. Сделали профессионально и качественно. Надо сказать, что Виктор был даже приятно удивлён трудолюбию и ответственности Афшина. Заплатил он, конечно, совсем по-царски, но это не так важно. Радовало то, что в лице Афшина он прибрёл работника, которому можно ставить задачи и не волноваться за результат. Тест был пройден на отлично. Виктор постоял возле детской площадки, по которой уже вовсю ползали детишки, а мамочки сидели на чистых разноцветных скамейках. Что ж, хоть одно дело получилось довести до конца.

После обеда зашёл к Тамаре Львовне, спросил, как насчёт оплаты. Она попросила подождать день или два, пока Егор Львович примет работу. Не вопрос, он, конечно же, подождёт, это сейчас не главное. Затем сел в прадика и поехал в Кривец. Дом выглядел так же, как и четыре года назад, когда он приезжал сюда с риэлтером. Ничего не изменилось, только всё вокруг заросло травой. Побродил по участку. Всё было в забытьи. Видно, что никто давно не приезжал. Дверь в дом заперта. Больше здесь делать было нечего. Зачем приезжал — непонятно. Вероятно, думал встретить там Настю. Так почему бы просто не позвонить? Когда ехал обратно в город, позвонил Сиплый. Виктор взял трубку:

— Алло, привет, Саня.

— Привет, Борода, ну как, видел свою Настюху?

— Видел.

— Поговорили? Как, нормально всё?

— Да ничего не нормально, не поговорили. Всё стало ещё больше запутанно.

— Зевс, ты чего как маленький? Я сейчас сам ей позвоню.

— Даже не вздумай, Саня. Повторяю, не вздумай! — закричал в трубку Виктор.

— Ладно, не кипятись, брат, я понял, не глупый, разберёшься. Чего там с работой?

— Сань, дай мне ещё недельку-другую. Всё будет.

— Ладно, звони, как инфа появится, — Сиплый отключился.

Виктор был зол на себя, зол на всю эту историю. Как-то всё шло кривыми закоулками и никак не хотело выйти на прямую.

***

Настя со своей подругой Ольгой сидела в летнем кафе в старом городе. Ольга была на год старше Насти и, соответственно, окончила ЧГУ раньше. Во время учёбы обе выступали за универ в волейбольной команде. Сейчас это всё было уже в прошлом. Надо было вступать во взрослую жизнь и определяться с работой. Ростом Ольга была выше Насти, по-спортивному крепкая и тренированная, даже немного тяжеловатая. Настя, более женственная и изящная, никак не походила на спортсменку, скорее, на танцовщицу. Знакомы они были около трёх лет. Подружились почти сразу, как только Настя пришла в команду. Сразу сошлись характерами, и вместе им было комфортно. Ольга даже однажды сказала:

— Эх, Настюха, была бы я мужиком, прожила бы с тобой всю жизнь!

Ольга, наверное, единственная из подруг Насти знала о существовании Виктора. Сейчас, в кафе, Настя сидела молчаливая и задумчивая, и Ольге было реально жалко подругу. Всегда такая жизнерадостная зажигалочка, Настя молча ковырялась ложкой в своём тирамису и была безразлично-потерянная.

— Не пойму, как ты вообще там оказалась?

— Я по заречью ехала. Смотрю, парень идёт, так на Витьку похож, бородатый только. Далеко было, не разглядела. Меня как током прошибло: не может же быть такого! Я сразу по тормозам, постояла немного, успокоилась. Потом всё-таки решила съездить туда, на квартиру. А они у подъезда стоят.

— Погоди, давай ещё раз, Настюх. Ты не видела его четыре года, думала, что его волки сожрали, и теперь он оказался живой?

— Три года, восемь месяцев, — глядя в одну точку, сказала Настя.

— Неважно. Но сейчас он живёт с какой-то тёлкой, и у них ребёнок? Это значит, что он просто куда-то свалил от тебя, а теперь преспокойно живёт с другой бабой? Как-то не вяжется, не находишь,

подруга? Из всего того, что ты мне про него рассказывала, вообще не вяжется.

— Вот и мне не вяжется, Оль. Я не могу в это поверить, но это факт. Я же своими глазами видела.

— Ну так поговори с ним, всё же можно выяснить. Может, это вообще не его ребёнок. Разве тебе самой не интересно, что там у него произошло? Ты же вроде говорила, что квартира эта пустая стоит, никто там не живёт. Может, он неделю назад приехал откуда-нибудь и просто не мог тебе позвонить.

— Последний раз я там была зимой, — задумчиво сказала Настя. — Долги по коммуналке оплатила. Не знаю, я какая-то наивная. Всё надеялась на чудо. Думала, вот он появится как из сказки и скажет: «Извини, солнце, задержался немного». И всё станет как раньше. Я же долго ждала, Оль, ты видела. Потом Артур предложил жить у него, и как-то само так получилось, что я переехала.

— И теперь ты согласна выйти за него замуж, только чтобы отомстить этому своему Виктору? Глупо же. Ты ведь не любишь Артура.

— Не знаю я, Оль.

— Ой, не надо ля-ля! Я тебя знаю как облупленную. Подруга, ты должна поговорить с этим своим Виктором. Поверь мне, это всё небо, — Ольга указала пальцем вверх. — Когда небо даёт нам такой шанс, его надо брать и держаться зубами. Уж у меня этих мужиков было столько, что я в них хорошо разбираюсь. Если ты с ним не поговоришь, то я сама найду его и поговорю. И если он женат на этой сучке, я просто дам ему в морду.

— Оль, не вздумай даже, — Настя уставилась на подругу горящими глазами. — Даже не вздумай. И потом у меня завтра роспись, так что потрудись быть в ЗАГСе в одиннадцать тридцать.

— Не знаю, подруга, по-моему, ты торопишься. Я, конечно, приду завтра и буду с тобой, но как по мне, ты совершаешь большую ошибку.

— Я знаю. Я уже совершила. Но обещания надо выполнять. Виктор бы выполнил.

***

Виктор завтракал, когда раздался звонок в домофон. Не противный скрежет звонка в дверь, а мягкий, мелодичный. В глубине

души надеялся, что это Настя, но это, скорее всего, была Света со своей коляской. Блин, вот она набегается по этажам, пока малой не вырастет! Чем думала, когда покупала квартиру на пятом этаже? Надо будет спросить у неё, где вообще этот отец Макса, который, по идее, должен таскать эту грёбаную коляску. Но это была не Света, это был Колян. Виктор открыл.

— Привет, зайду на минутку, — сказал запыхавшийся Колька, протягивая руку.

— Заходи, как раз на завтрак.

— Не, спасибо, завтракать не буду, хотя от кофе не откажусь. Больно он у тебя вкусный получается.

Виктор поставил турку на газ. Колян присел за стол, на край диванчика.

— Витёк, ты не обижайся, я не стал там работать с парнями. Один день только помог, ну и утром потом немного совсем. Я смотрю, у них всё так слаженно получается, а я там больше мешал, чем помогал. Да и смены у меня на заводе, так что всё равно бы не получилось. А денег не надо никаких, вот, собственно, это и хотел сказать.

— Колян, нормально всё, заплачу, как договаривались. Афшин сказал, что ты полтора дня отработал. Вот деньги. — Виктор отсчитал пятнадцать тысячных и положил на стол перед Коляном. — Уговор есть уговор. Будет что-то интересное, обязательно позвоню.

Зазвонил телефон. Виктор посмотрел на экран в надежде, что это Настя, ловя себя на мысли, что подсознательно ждёт от неё каких-то действий, а сам даже палец о палец не ударил, чтобы сделать шаг навстречу. Это была Тамара Львовна.

— Виктор, доброе утро. Мы можем встретиться на детской площадке через пятнадцать минут?

— Да, конечно, я буду, — Виктор посмотрел на часы.

Показывали пол-одиннадцатого.

— Так, Колян, давай допивай свой кофе, пошли площадку сдавать. Если хочешь. Посмотришь хоть, чего получилось.

— Пошли, конечно. Да я вчера подходил, посмотрел уже. Вышло вообще огонь.

Виктор улыбнулся, услышав новое для себя словечко из молодежного слэнга. Через десять минут были уже на месте. На площадке копошилась толпа детей. Они ползали повсюду, как муравьи.

Рядом тихо прогуливались несколько дамочек с колясками. Тамара Львовна со своим коллегой, Егором Львовичем, стояли в сторонке. Рядом с ними был ещё жизнерадостный, невысокого роста толстенький мужичок лет пятидесяти пяти. Все о чём-то разговаривали вполголоса. Поздоровались.

— Вот деньги, как и договаривались, — Егор Львович протянул Виктору плотный картонный конверт. — Скажу честно, вы, Виктор, меня приятно удивили. Я немного сомневался в том, что вы так быстро и так качественно всё сделаете.

— Смотрю, нравится людям, — сказал Виктор, кивнув головой в сторону шумно играющих детишек разного возраста. — Главное, что теперь здесь много народу.

— Вот об этом я и хотел поговорить, — сказал Егор Львович. — Есть регламент по безопасности. Он ограничивает количество детей на игровой площадке. Так как здесь такая красота в единственном экземпляре, то сюда идут играть со всех дворов. Даже с других районов приезжают. Мы готовы заключить с вами договор ещё на десять таких же объектов. Наша УК, в свою очередь, окажет вам поддержку, если такая потребуется. Даже готовы немного поднять цену, но оплата будет уже по безналу.

Виктор задумался. Заниматься детскими площадками не входило в его планы, тем более на таком беспрофитном уровне, но Львович говорил дело. Пожалуй, придётся создать пусть не десять, но хотя бы ещё парочку таких чудес.

— Егор Львович, я не осилю такой большой объём работы, но мы можем попробовать собрать ещё одну или две площадки, такие же или немного другие, но цена однозначно изменится. Я думаю, по одному миллиону рублей за проект будет выглядеть более обоснованно.

Виктор заметил, как переглянулись Львовичи. Уж не родственники ли они? Есть небольшое сходство в чертах лиц. Что ж, неудивительно. Ему даже показалось, что Тамара Львовна посмотрела на лощёного с победным видом: мол, а я тебе что говорила?

— Даже не сомневался, что вы примерно что-то такое скажете, — ничуть не удивился Егор Львович. — Я должен это согласовать, и Тамара Львовна с вами свяжется. И кстати, вы так и не предоставили нам договор услуг субподрядчика, так что теперь это надо будет сделать обязательно.

Точно, Виктор совсем забыл про договор. Да и чёрт с ним, теперь он, походу, не нужен. Всё уже сдано, все друг с другом рассчитались. Тут у Виктора зазвонил телефон — даже не зазвонил, а прошла лёгкая вибрация. Как Нуо, когда хотел о чём-то предупредить. Вероятно, уведомление или эсэмэска. Их Виктор особо не читал, больше игнорировал. Почти всегда приходили якобы одобренные кредиты от банков, завлекухи от сотовых операторов или вообще глупые предложения посмотреть мультфильм типа «Маша и медведь» за пару сотен рублей. Виктор достал телефон, мельком глянул и обомлел. Настин номер, до боли знакомый. Открыл СМС. Там было сообщение: «Настя выходит замуж. Регистрация в 11:30, поступай, как знаешь».

В этот момент о чём-то заговорил толстенький мужичок. Он задавал Виктору какой-то вопрос. Вопросительную интонацию Виктор слышал, но слова пронеслись мимо, даже краем не задев уха. Виктор посмотрел на часы: 11:20, оставалось десять минут. До машины — четыреста метров и до ЗАГСа — километров пять. Не успеть, но мозг уже принял решение.

— Извините меня, — сказал он и со всех ног ринулся в сторону своего дома, где у подъезда был припаркован его новенький, всё ещё без номеров, Land CruiserPrado.

— Странный человек этот ваш Виктор, — сказал мужчина, глядя вслед бежавшему со всех ног Виктору.

— Утюг, скорее всего, не выключил, — улыбнулся Егор Львович. — Семён Исакович, как вы думаете? Миллион — это ведь хорошо?

— Да, Егор, хорошо, но восемьсот тысяч будет ещё лучше. Работайте, — сказал полненький и направился к своему автомобилю.

***

Настя не покупала белого платья с фатой, не ходила с утра к стилисту делать свадебную причёску. Оделась в лёгкий сарафан, летние белые туфельки и, как всегда, была по-простому неотразима. Артур в светло-голубой тройке и идеально накрахмаленной белоснежной рубашке с бабочкой выглядел идеально. Запланированная накануне встреча с родителями не получилась. Артур просто поставил их в известность о дне и времени свадьбы. Мама была категорически против такого поспешного решения. Она много

спрашивала о Насте, о её родителях, где живёт, кем собирается работать. Сокрушалась, что обычно свадьба готовится заранее, оповещаются родственники, близкие и знакомые. Так скоропалительно не делается. Как потом всем в глаза смотреть, если они даже не приглашены на такое важное событие? Отец был согласен с женой, но стоически молчал. Чувствовалось, что Артуру крайне неловко перечить родителям, но он проявил необычную твёрдость, сказав, что всё уже решено, и родителям ничего не оставалось, как согласиться. Настя вначале хотела позвать мать, но потом передумала. Артур тоже был не против такого решения. Договорились потом вдвоём съездить в Мондому и постфактум озвучить, что уже поженились. Со стороны Артура пригласили только родителей и дядю с тётей. Свидетелями были Ольга, лучшая подруга Насти, и Олег, друг и бывший сокурсник Артура. Дома перед поездкой в ЗАГС Ольга взяла за руку подругу, и тихо почти шёпотом спросила:

— Настя, может, ты, всё-таки торопишься?

Настя только рукой махнула — мол, всё уже решено. Тогда Ольга, пока ехали в машине, проявив немалое мастерство, выудила из сумочки Настин телефон, незаметно положив туда свой. Когда остановились на площади у ЗАГСа, она открыла в телефоне записную книжку и стала искать номер Виктора. На букву В его не было. Ольга поискала на букву Л, думала, может, «любимый». Тоже нет. Потом вспомнила. Как-то Настя случайно назвала своего Виктора по кличке: Зевс. Ольга тогда ещё заинтересовалась, почему Зевс, но подруга только рукой махнула и не стала ничего объяснять. Стала листать конткакты, и вот — бинго! — она нашла номер Зевса. Ошибки быть не могло. Звонить нереально, Настя была рядом, и Ольга, кратко набрав несколько слов, отправила СМС. Особого смысла в этой эсэмэске не было, надо было отправлять её гораздо раньше. Но теперь будь что будет, она сделала всё, что смогла. Уж правильно или нет, время рассудит. Ей даже удалось добраться до Настиной сумочки и опять поменять телефоны местами. Теперь Ольга, чувствуя себя такой мисс Джеймс Бонд, радостно улыбалась.

— Чего улыбаешься? — заметила такую смену настроения Настя.

— Радуюсь за подругу, — Ольга обняла её за плечи.

Артур поздоровался с родителями, которые тоже уже подъехали на своей Toyota Camry

— Пойдёмте, уже пора, — сказал Артур, беря Настю под руку.

— Погоди, — остановилась Настя, у которой сжалось всё внутри, — Артур, я не уверена, что мы всё правильно делаем. Может быть, мы торопимся? У меня тревожное чувство.

— Настя, поздно, — уверенно сказал Артур, крепко сжав её локоть. — На переправе коней не меняют. Решение принято, шагай вперёд. Да не волнуйся ты так, это же просто формальность.

Поднимаясь по лестнице, Настя перестала волноваться и наконец приняла всё как должное. Задавала себе вопрос: хочет ли она замуж или это просто дань уважения парню, который при всей своей занудности и чересчур продуманной правильности был всегда мил с ней и ласков? Ответа не было. Да, не раз она злилась на него за эту неспособность внезапных импульсивных решений, за это «семь раз отмерь, один раз отрежь». Они были с Артуром абсолютно разные, но при всём при этом он всегда был добр к ней. Он был надёжно предсказуем, не то что Виктор, который, позволив ей безумно влюбиться в себя, потом пропал без объяснения причин. Виктор, в отличие от Артура, никогда ничего не планировал, просто делал — и всё. Вспомнилась самая первая встреча с Виктором, когда она забралась к нему в машину. Потом — как они подъезжали к Череповцу, и Виктор хотел казаться таким строгим и суровым папочкой. А на самом деле она тогда уже ему понравилась, Настя это точно знала. Она видела, как он на неё смотрел. А теперь он там, а она выходит замуж за другого. Почему, почему он так поступил? Настя не заметила, как грустно улыбается, вспоминая приятные моменты.

— Подруга, ты не выглядишь счастливой, — тихо сказала Ольга, глядя на Настю. — Ещё не поздно передумать.

Она ничего не ответила. Подошли к двери.

— Все готовы? — спросила нарядно одетая девушка-регистратор. — Тогда заходим.

Как-то слащаво и даже немного приторно заиграл марш Мендельсона. Открылась дверь, и все вошли в зал регистраций. В этот момент во дворе кто-то подъехал на машине, жёстко свистнув резиной. Громко хлопнула дверь. Настя даже подумала: сейчас, как это обычно банально бывает в мелодрамах, на пороге появится Виктор, а регистраторша скажет: — «Кто против этой свадьбы, говорите сейчас или молчите вечно». И он скажет: — «Я против». Поднимет Настю на

руки, и они убегут подальше отсюда, туда, на берег реки, в дом, который он подарил ей на восемнадцатилетие. Но так бывает только в мыльных операх, а наяву они сейчас оба скажут «да» и обменяются кольцами. И всё. А что всё? Что-то изменится? Как сказал Артур, это же всего только формальность. Они встречаются уже несколько месяцев, и эта свадьба — просто штамп в паспорте.

Артур слегка толкнул её локтем. Думая о своей сказке, Настя всё прослушала. Видимо, девушка-регистратор уже задавала ей вопрос, хочет ли она выйти замуж за Артура Лебедева. Тут внезапно открыла рот Ольга и громким голосом сказала:

— Настя, погоди минутку, тут с тобой кто-то поздороваться хочет.

Все одновременно повернули головы к свидетельнице, а Настя, оглянувшись, смотрела дальше. Туда, где возле дверей стоял он. Бородатый и совсем не праздничный, в синих джинсах, в своих видавших виды сношенных полуботинках и серой в широкую клетку рубахе с расстёгнутым воротником, где на шее висел такой знакомый амулет. Виктор никак не подходил этой праздничной компании, такой нелепый чёрный лебедь. Но такой родной и свой. Он держал в руках букет из лютиков, ромашек и незабудок, которые, видимо, только что нарвал где-то на клумбе по дороге сюда, и просто улыбался. На сорванных цветах торчали несколько корней с кусочками земли.

— Мужчина, подходите ближе, если опоздали, — сурово сказала девушка-регистратор и снова обратилась к Насте.

Но она уже не слушала и медленными шагами направилась в сторону Виктора. Он тоже сделал несколько шагов, протягивая букет:

— Поздравляю, солнце, — сказал он таким знакомым, родным голосом.

— Почему ты так долго? — тихо спросила Настя, обняв его двумя руками за талию и прижимаясь к нему всем телом.

Виктор тоже обнял Настю и погладил её по голове:

— Извини, солнце, это долгая история, но если ты дашь мне шанс, то я попробую тебе её рассказать.

— Я думала, что ты умер, — прошептала она. — Я не знала, что мне делать. Ты так внезапно пропал — и всё.

— Я знаю, солнце, прости. Всё так запуталось, но я пришёл не для того, чтобы испортить тебе свадьбу. Я попрошу только несколько минут. Ведь мы можем просто поговорить?

Она кивнула:

— Конечно, можем, Вить.

— Это что ещё за маскарад?! — громко сказала мама Артура. — Могли бы и без нас этот цирк устроить. Пойдем, Роберт. Стыд и срам, — она взяла мужа под руку и, высоко подняв голову, они направились к двери.

— Настенька, а это кто? — спросил подошедший Артур.

— Это мой Витька, — сказала она, обняв Виктора одной рукой за талию, другой взяла букет и поднесла к лицу, испачкав нос жёлтой пыльцой.

— Ты же сказала, что он умер.

— Молодые люди, я так понимаю, регистрация у вас отменяется. Попрошу освободить помещение, — грозно сказала девушка-регистратор, открывая двери. — Идите на улицу и там разбирайтесь, кто умер, а кто женится.

Настя подняла глаза на Артура:

— Прости, Артурчик, если сможешь, я не хотела тебя никак обидеть, но видимо, это не наш союз. Сам Бог против нашего брака, если в последний момент не дал нам расписаться.

— Настенька, но он же какой-то… — Артур посмотрел на Виктора. — Он же старый. Это твоё импульсивное решение. Тебе надо успокоиться и всё обдумать. Я тебя прошу, не надо рубить с плеча. Взвесь всё, подумай как следует.

— Хорошо, я подумаю, — сказала Настя, прижимаясь к Виктору. Она слышала, как у него бьётся сердце.

— Это немыслимо, — сказал Артур. Было видно, что он в замешательстве, не зная как поступить. Потом сказал с выражением: — Ты опозорила меня и родителей, мы ещё поговорим об этом. — Он развернулся, и вместе со свидетелем Олегом они пошли вниз по ступенькам догонять родителей. За ними, качая головами, спускалась семейная пара родственников Артура.

— А где твоя мама? — вдруг спросил Виктор.

— Мы её не позвали, — произнесла Настя, и почему-то ей вдруг стало ужасно стыдно.

— Но это же неправильно, — сказал Виктор, заглядывая ей в глаза.

— Я знаю, — Настя ещё сильнее прижалась к нему.

Теперь всё становилось на свои места. Конечно же, это было неправильно. Настя, видя, что присутствие мамы не очень приветствовалось, как-то сразу согласилась не приглашать её. А Артур тут же мотивировал её тем, что лучше будет потом отдельно съездить в гости и торжественно объявить, что они поженились. Умел он это — сделать так, что и не подкопаешься.

— Как у неё здоровье? — спросил Виктор.

— Как обычно, — пожала плечами Настя. — Ничего не изменилось.

— Молодые люди, у нас сейчас следующая церемония. Попрошу вас выйти, — сказала девушка-регистратор, и Виктор с Настей, взявшись за руки, стали спускаться вниз по ступенькам.

На первом этаже собралось много народу. У кого-то была настоящая свадьба. Вышли на улицу. Настя оглядела площадь, выглядывая белый FordKuga, но его нигде не было. Видимо, Артур уже уехал. Посреди парковки, занимая сразу несколько мест, по диагонали стоял серебристый прадик без номеров. Настя повернулась к Виктору, опять обняла его двумя руками и посмотрела на него снизу:

— Чего теперь будем делать?

— Всё, что пожелаешь, солнце, — лучезарно светясь от счастья, сказал Виктор.

— Тогда посади их обратно, — сказала Настя, протягивая ему цветы. Он понял буквально и действительно, взяв букет, подошёл к клумбе и воткнул цветы в землю.

— Я думаю, подруга, что я больше сегодня не нужна, — сказала Ольга.

Настя обернулась. Она совсем забыла про свидетельницу, свою любимую подругу. Та стояла чуть поодаль и улыбалась. Настя пожала плечами, затем подошла, обняла Ольгу.

— Видишь, ты была права, я, кажется, немного поторопилась. — Настя взяла Виктора под руку. — Познакомьтесь, это моя лучшая подруга Ольга, а это, — она запнулась, — это мой Зевс. — Потом посмотрела на Виктора и тихо спросила: — Ведь мой?

— Конечно, твой, чей же ещё! — Он ласково обнял Настю, потом обратился к Ольге: — Это вы послали СМС?

Она, победно улыбаясь, кивнула.

— Какую ещё СМС? — округлила глаза Настя. — А, так вот в чём дело! Это всё ты подстроила, подруга?

— Можешь не благодарить, — сказала Ольга. — Ладно, думаю, вам есть, о чём поговорить, а я, такая нарядная, пожалуй, пойду в кафешку и сниму какого-нибудь губастенького мальчишку.

Настя подошла к Ольге и обняла её:

— Люблю тебя, подруга.

— Ольга, давайте мы вас отвезём, куда пожелаете, — предложил Виктор.

— Та-ак, куда бы пожелать?.. — Ольга задумчиво подняла глаза к небу. — А давайте отвезите меня на Мальдивы.

— Идёт, — ответил Виктор. — На Мальдивы так на Мальдивы.

— Думаешь, он шутит? — засмеялась Настя. — Нисколько.

— Не шутит? Слушай, подруга, а отдай его мне! — сказала Ольга.

— Фигушки! — Настя опять повисла на руке Виктора, заглядывая ему в глаза.

— Ладно, дети мои, плодитесь и размножайтесь. — Ольга, как священник, делано перекрестила парочку и, помахивая сумочкой, лёгкой походкой пошла в сторону летнего кафе на Советском.

Настя, проводила подругу взглядом:

— Надо бы их с Александром познакомить, получилась бы сладкая парочка.

— Ну что, солнце, куда? — Виктор протянул Насте ключи от прадика.

— А это наша, что ли? — Настя провела рукой по блестящей краске «крузака». — Я за руль?

— Права есть? — улыбнулся Виктор.

Она молча кивнула и вдруг расплакалась. Слёзы потекли ручьями, и Настя даже не пыталась их остановить. Она прижалась к Виктору, и они долго молча стояли, обнявшись, пока Настя не успокоилась и только всхлипывала, как ребёнок.

— Может, я поеду? — ласково спросил Виктор.

— Нет, я сама, — капризно сказала она, вытирая нос и размазывая по лицу тушь. — Поехали домой.

— Домой так домой, — согласился Виктор.

Настя ехала аккуратно, привыкая к машине. Смотрелась она просто великолепно. Такая миниатюрная, по-летнему красивая, на

большой машине. Виктор любовался, не отводя глаз.

— Так непривычно на этом джипе, — сказала она, — он такой огромный — не то, что мой фордик.

— Давно водишь? — спросил Виктор, а сам смотрел на неё, не отрывая взгляда.

— С полгода примерно, — сказала Настя, держась двумя руками за руль. — Как машину купила, так и катаюсь.

Когда подъехали к дому, Виктор нисколько не удивился, увидев у подъезда Свету с коляской. Как всегда, вовремя. Настя поставила машину чуть кривенько, видимо, не привыкла к габаритам. Ну ничего, это дело времени.

— Привет, Света! — поздоровался Виктор и, улыбаясь, добавил: — Помочь с коляской?

— Да, помоги, если не трудно, — неуверенно сказала Света, потом кивнула Насте: — Здравствуйте!

Настя поздоровалась.

— Привет, Макс! — сказал Виктор малышу, нарезающему круги возле подъезда.

Тот посмотрел на Виктора, заулыбался и тут же протянул ему руку. Виктор взял его за руку, опять почувствовав жёсткую хватку.

— Нравишься ты ему, — сказала Света.

— Пацан растёт, ничего не боится. — Виктор посмотрел на Настю и пожал плечами.

Она счастливо улыбалась. Привычно затащив коляску на пятый этаж, сказал Насте, кивнув на дверь:

— Открывай.

— Я ключи не взяла.

Виктор открыл дверь. Зашли. Котёнок тут же подбежал и начал тереться об ноги.

— Ой, какой у тебя черныш тут живёт! — Настя тут же схватила тёзку на руки.

— Знакомься, это Настя, — сказал Виктор.

— А как его зовут? — не сразу поняла Настюха.

— Как и тебя — Настя.

Она рассмеялась, потом серьёзно посмотрела на Виктора:

— Прости меня, Вить. Я ничего не поняла сначала и на эмоциях чуть не натворила глупостей.

— Всё теперь позади. — Виктор обнял её. — Кушать хочешь чего-нибудь?

Она отрицательно покачала головой, огляделась, поставила кошку на пол и снова крепко обняла Виктора.

— Сейчас точно кто-нибудь позвонит, дежавю, — смотря в глаза Виктору, сказала Настя.

— Нас сегодня нет, — прошептал он ей на ухо.

***

В большой квартире старших Лебедевых в элитном доме на Коммунистов Эльвира Марковна уже почти час читала сыну нотацию:

— А я тебе говорила, что эта девка тебе не пара. Я её как увидела, сразу поняла, что она проходимка. Мордашка смазливая, а совести ни на грош. Это ещё хорошо, что ребёнка не успела нагулять, а то платил бы потом.

— Мам, ну перестань, не говори того, чего не знаешь, — слабо отбивался Артур.

— Мать дело говорит, — подал голос Роберт Сергеевич. — Слушай лучше, чтобы больше в такой срам не попадать.

— А что это за Виктор такой объявился? Откуда он вообще взялся? — мама посмотрела на Артура.

— Они встречались раньше, — неуверенно сказал Артур. — Потом он, видимо, уехал куда-то, теперь вот вернулся. Настя думала, что он погиб.

— В тюрьме, поди, сидел, вот и не погиб, — глаза Эльвиры Марковны сверкнули недобрым блеском — Ты, Роберт, позвони Афанасьеву, пусть посмотрит, может, чего есть у него на этого прощелыгу. Одет как бомж, а прикатил на новой «тойоте». По-любому рыло в пуху. Надо бы наказать вообще-то его за такое хамство.

Роберт молча кивнул.

— Не надо никого наказывать, вы чего, с ума сошли, что ли? — громко заговорил Артур. — Мы сами разберёмся. Это, вообще-то, девушка моя.

— Не повышай голос на мать! — оборвала его Эльвира Марковна. — Нашёлся тут разбиральщик. Никто не смеет так поступать с Лебедевыми. Посадить его вообще-то надо, пусть подумает. Там много времени будет подумать.

— И невеста снова освободится, — подал голос Роберт Сергеевич и посмотрел на сына.

— Не надо нам такую невесту, — подняла руку Эльвира Марковна. — Одного раза хватило. Ты, Артур, можешь забавляться с ней, сколько и как хочешь, но чтоб ни о какой свадьбе даже речи не было. Ясно? А то огорчусь сильно.

Артур молчал. Соображал он быстро, и идея закрыть Виктора, сначала показавшаяся такой жутко бредовой, при выстраивании логической цепочки не казалась лишённой смысла. Действительно, как же ему самому такое в голову не пришло?! Двоюродный брат отца, полковник Афанасьев, вот-вот должен был получить чин генерала и мог решить множество вопросов. А кто ему этот Виктор? Просто ненужный конкурент. Да плевать он на него хотел. Вот с Настей надо быть аккуратнее. Она, конечно, неглупая девушка, но и Артур не лыком шит. Надо избрать хитрую тактику, оставаться таким… лучшим другом. Показать Насте, что он сильно любит её, быть, как и раньше, внимательным и ласковым. Если родителям действительно удастся устранить этого наглеца, то Насте ничего не останется, как вернуться к нему. А уж он будет в нужное время в нужном месте. Это он сможет. Да, всё-таки не умел он ещё быстро просчитывать правильные варианты. А вот мать умела. Надо прислушиваться к ней, как бы то ни было. Сегодня, после ЗАГСа, у Артура даже возникло желание сказать Насте, что хрен она теперь получит своего «форда», оформлен-то он на него. Хотелось побольнее ущипнуть. Но теперь он поступит хитрее. Он отдаст ей машину и скажет: типа, конечно, забирай, ты же покупала. Надо будет…

— Ну, чего задумался? — перебила ход его мыслей мать.

— А ты права, мама, как и всегда. — Артур положил руку маме на плечо и слегка погладил. — Действительно, они нас сегодня опозорили. Никто не может так поступать с Лебедевыми. Его, пожалуй, стоит наказать. Только, чтобы Настя ничего не знала.

— Я рада, что ты умеешь признавать свою неправоту. — Эльвира Марковна положила свою руку на руку сына. — И я рада, что ты умеешь расставлять приоритеты.

— Позвони Афанасьеву, договорись о встрече. Сама хочу с ним поговорить. — Эльвира посмотрела на мужа и вздохнула: — Эх, когда

был жив отец, такого бы ни за что не произошло. Все у него вот здесь были, — и она сильно сжала кулак.

***

— А помнишь, всё было в точности так же, когда Александр уехал, — Настя, прижавшись к Виктору, подложила руку под голову. В другой руке держала Нуо, что был у него на шее, и с интересом разглядывала. — Мы с тобой так же целый день провалялись после того ужасного дня. Мне всегда страшно в такие моменты, что это счастье может так внезапно оборваться.

— Всё будет хорошо, солнце, теперь уже точно будет.

— Вить, всё и так хорошо, но… — Она погладила его по груди. — Я всё ещё жду твою историю.

— Конечно, солнце, я знаю, что ждёшь, но рассказывать мне почти нечего. Время пролетело как один день. А давай лучше сначала ты мне расскажи. Столько всего на тебя свалилось! Ты же получила диплом?

Она кивнула:

— Да, получила, конечно. Знаешь, когда нашли твою машину, я позвонила твоему другу Александру, и мы туда поехали. Ещё этот милиционер тоже был, который расследовал всё. Там были такие, ну, развалины старые. Когда мы ближе подошли, я в окно посмотрела — а там ты стоишь. У меня даже дыхание остановилось. Теперь я знаю, что такое настоящий мираж. Это как на самом деле, прямо как живой. Потом, конечно, мы всё посмотрели. Там сто лет никого не было. Видимо, такая вот игра воображения.

Виктор кивнул, поправляя у Насти растрёпанные волосы, и тихо сказал:

— Но ты ведь справилась.

— Александр потом уехал, и я осталась совсем одна. Самым тяжёлым была неизвестность. Тебя нет, и никаких известий. Я сначала ходила в милицию, спрашивала, потом поняла, что никто тебя не ищет, всем было пофиг. Да и где искать? Потом тебе на карточку пришли деньги, больше миллиона. Это от страховой, за машину. — Виктор кивнул. — Я на них и жила всё это время. Потом в универе с Ольгой познакомилась. Она меня пригласила на тренировку, сказала, что я хоть и маленькая, но шустрая. Потом в команду взяли. Мне

понравилось. Вить, я тебя долго ждала, но так получилось, — она замолчала.

— Солнце, не думай об этом, ты ни в чём не виновата. А чего вдруг замуж собралась? На меня обиделась? Из-за Светы, что ли? — усмехнулся он.

Настя утвердительно кивнула:

— Я с Артуром жила вместе месяца три всего, как раз как он квартиру купил в сточике.

— Где? — переспросил Виктор.

— Да Зашекснинский так стали называть — от слова «сто четвёртый». А мы встречались с ним до этого полгода, может, чуть больше. Он же за мной сразу ухаживать начал, ещё на втором курсе. Я игнорировала его долго. Потом пригляделась, вроде парень хороший, обходительный. Он такой правильный всегда был, интеллигентный. Если у меня какая-то проблема, он тут как тут. Иногда, правда, выбешивал меня своей нерасторопностью, просто ужас как. А с росписью… не знаю, чего на меня нашло в тот день. Как тебя увидела с этой женщиной… Думаю: ну я и дура! Я тут ждала его столько времени, как ненормальная, а он с другой живёт. Потом, когда успокоилась, даже страшно стало. Чего я наделала? А Артур… он как-то всегда умеет всё поставить так, что и не подкопаешься. И маму не позвала, потому что неудобно перед ним было, — она замолчала, потом сказала: — Вить, ну прости меня.

— Солнце, я же говорю: что было — то было. Даже не думай об этом.

— А ты как? У тебя кто-нибудь был? Всё-таки почти четыре года, — и она в упор посмотрела на Виктора, застав его врасплох таким вопросом.

— Нет, конечно, — ответил он и, чтоб перевести тему, спросил: — Ты не голодная?

Но Настю было не провести.

— Давай суши закажем, если ты не против, — она смотрела на него, не отрываясь. — Никого не было?

— Я же сказал нет, — более сурово, чем следовало, вырвалось у него.

Это была чистая правда, но Настя кивнула, поняв по-своему. Потом сказала:

— Машину неудобно забирать у Артурчика, оставлю ему в подарок?

— Белая «куга» — это твоя, что ли? — спросил Виктор.

Настя кивнула:

— Но она по документам на Артура оформлена, просто так получилось. У него там знакомые были в автосалоне. А на машину очередь на год вперёд. Я деньги дала, а он на себя оформил. Мне сначала это странно показалось, но потом думаю: да какая разница! У тебя научилась, наверное, — Настя улыбнулась. — А, да, я же квартиры продала. Обе, что ты покупал на первом этаже. Эти риэлтеры, что оформляли, сказали, что дом в нежилое не переводится, но они могут те же деньги вернуть, что ты и платил. Не обманули. Перевели мне на счёт четыре с половиной миллиона. Даже налог не пришлось платить, они как-то всё по-хитрому сделали. Я им только заплатила сто тысяч за сделку — и всё. А потом я оттуда миллион взяла на машину, остальные деньги лежат на вкладе. Я их не трачу.

Виктор обнял Настю, понимая, как легко её облапошили со всех сторон. Но хоть так, по крайней мере, у неё не было недостатка в деньгах.

— А чего в доме не бываешь, на природе? — спросил он.

— Сначала бывала. Но там грустно. Он вроде как твой подарок, но как чужой. Мы же там с тобой даже и не обжились. Нет никаких воспоминаний. А Артура туда приглашать не хотелось, как и в эту квартиру. Это было бы нечестно по отношению к тебе.

— Люблю тебя, солнце.

— Я тоже тебя люблю, Витька. Очень, очень. Только, пожалуйста, не оставляй меня больше одну. Я этого не переживу. Давай звони в суши, я проголодалась.

— А ты хочешь ребёночка? — неожиданно спросил он.

— Сначала покушать, — засмеялась Настя.

***

Уже было далеко за полночь, когда они сидели за кухонным столом и пили чай. Настя, как всегда, в его футболке, счастливая и соблазнительная. Виктор воодушевлённо рассказывал о своих планах:

— Вот смотри, Настя, мы можем создать абсолютно новое поселение. Я бы сказал, эко-посёлок. Такого ещё нигде и ни у кого не

было. Там будет всё необходимое для жилья. Будет автономная подача электричества — не знаю пока, может, ветряки или солнечные батареи. Будут свои поля, где вырастет всё необходимое, будут фермы с коровами и курицами. Потом, в перспективе, мы сделаем свои садики и школы. Даже будет какая-нибудь футбольная команда. И самое главное, люди там будут только наши. Все те, кого мы сами захотим пригласить. Представь, такой рай на земле.

— Фантазёр ты мой, — улыбнулась Настя. — Это же целый город надо построить. Тут никаких миллиардов не хватит. Или ты за это время успел ещё кого-то обворовать? Ой, прости, вырвалось.

— Ты права, Настя, это не быстро и это не так просто. Помнишь, ты говорила про приют для животных? Это тоже самое, только гораздо более глобальное. А ресурсы… Да, ты права, надо много денег, но у меня, — он сделал паузу, — у меня есть кое-какие возможности. Это не совсем деньги. У меня есть информация, которая может дать нам… В общем, деньги — это не главный вопрос. Я сейчас думаю, как сделать так, чтобы всё это было законно и никто нам не помешал реализовать этот проект.

Виктор говорил возбуждённо, как с трибуны. Настя смотрела на него и вдруг спросила:

— А это как-то связано с твоим долгим отсутствием?

— Да, солнце, это напрямую связано. Но, чтобы ты знала, это был не мой выбор. Если бы от меня зависело, я бы никогда так не поступил, веришь мне?

Она кивнула:

— Верю. Но всё равно ничего не понимаю. Ты в плену, что ли, был в каком-то?

Ну вот как ей сказать? Появился опять соблазн рассказать всё, начиная с поезда, монетки, Николаса и Нуо.

— Да, я был в плену. Но это не такой плен, как на войне. Просто… как бы это… я был не здесь. Блин, Настя, солнце, не мучай меня. Я не знаю, как это объяснить.

— Хорошо, найдёшь слова — расскажешь. Я больше не буду тебя спрашивать. — Потом неожиданно спросила: — А ты кого хочешь: мальчика, или девочку?

— Мальчика. Наверное, — сказал Виктор, потом добавил: — или девочку.

— Пошли тогда, — Настя встала, взяла его за руку и, как и тогда, четыре года назад, потянула за собой в комнату.

Глава 16

Глава шестнадцатая

Афанасьев Павел Ильич сидел напротив родителей Артура и с удовольствием поглощал аппетитные кусочки сёмги, умело приготовленные на заказ шеф-поваром ресторана «Шексна». На столе стояла полупустая бутылка «Хеннесси». Просьба закрыть неугодного товарища была не такая уж необычная. В старые добрые времена заказуха была сплошь и рядом, но сейчас… Сейчас при неудачном раскладе можно было получить по шапке, а то и вовсе лишиться должности. Роберт налил ещё по рюмке себе и брату, жене Эльвире — половинку.

— Так что, Паша? Сделаешь? Несложно ведь.

Павел Ильич залихватски влил в себя залпом ещё рюмку, подцепил большой кусок сёмги и отправил в рот, затем, жуя, сказал:

— Конечно, сделаю, Роберт, если очень надо. Но вы меня тоже поймите, сейчас не девяностые. Времена поменялись. Закрыть человека или там на лечение отправить — никогда проблемой не было, но а вдруг кто за ним стоит? Поэтому, пока не узнаю, что за пассажир, ничего обещать не буду. А что, у вас здесь других баб мало? Давно говорю, отправляйте Артура в столицу. Я ему и невесту найду хорошую, и место тёпленькое подыщем.

— Всему своё время, Павел Ильич, — сказала Эльвира Марковна. — Артур привыкает к самостоятельности, и мы это приветствуем. В банк он, кстати, сам устроился, мы вообще никак не помогали. Пусть пооботрётся, наберётся опыта, потом и над твоим предложением подумаем. А пока пусть будет здесь, под присмотром.

— Как знаешь, Элечка, как знаешь. А чего, надолго хотите закрыть пациента этого? Что ему нарисовать?

— Да без разницы, — сказала Эльвира Марковна, сделав маленький глоток коньяка, и, отломив небольшой кусок шоколадки, отправила его в рот. — Хоть наркотики, хоть оружие. Не мне же тебя учить. Пусть лет на пять чего-нибудь приклеят, года три-четыре отсидит. Что мы, не люди, что ли?

— Хорошо, Элечка, пять так пять, но это будет денег стоить, немного, — он развёл руками. — Время такое, у меня тоже лишних нет.

— Всё никак дом в Барвихе не достроишь, — подковырнула Эльвира родственника. — Ладно, дам денег, конечно. Сколько скажешь. Только давай, Паша, не тяни с этим.

— Сделаем в лучшем виде, Элечка! А рыбка как хорошо заходит под коньячок. Давай, брат, не держи паузу, наливай ещё! — и Афанасьев, довольный жизнью и собой, подцепил смачный кусок сёмги.

***

— Телефон какой у тебя интересный, — сказал Виктор, глядя через стол на яркое цветное изображение.

— Это айфон, — ответила Настя, чего-то печатая прямо на сенсорном экране.

— Я такого не видел ещё, — удивился Виктор. — Новинка, видимо?

— Ну не такая уж новинка. У меня айфон первый, а есть уже и второй, и даже третий в этом году вышел. А, кстати, ты «ВКонтакте» есть?

— Это чего такое? — не понял Виктор, и Настя, подняв на него глаза, вдруг звонко рассмеялась:

— Дедушка Витя, ты где был всё это время? Ладно, я тебя научу. Сейчас много всего меняется, каждый год придумывают что-то новое. А «ВКонтакте» — это социальная сеть, ну как «Одноклассники». Знаешь ведь «Одноклассники»?

Он где-то слышал про сайт, на котором можно переписываться — кажется, это было как почта, только с фотографиями.

— Конечно, знаю, — соврал Виктор, чтоб не выглядеть совсем уж диким.

— Вить, давай купим тебе телефон нормальный, а то кнопочные уже устарели. Интернет тебе подключим. Давай становись в ногу со временем, — Настя села рядом с ним, положила голову на плечо. — Ты не обижайся, это же удобно.

— Да я и не обижаюсь, просто привык к этому, — Виктор вертел в руках свой новый Sony Ericsson, который купил четыре года назад, а

распаковал только на прошлой неделе.

— И надо вещи мои забрать у Артура, думаю, мне стоит съездить к нему.

— Конечно, солнце, съезди. Или, если хочешь, давай вместе съездим.

***

Артур позвонил сам. Настя взяла трубку.

— Настенька, привет, ну как ты? — спросил он как ни в чём ни бывало.

— Привет, Артур, я хорошо, а ты как? Мама с папой, наверное, немного в шоке, — Настя была удивлена такому добродушию и дружелюбию теперь уже бывшего своего молодого человека.

— Ничего страшного, главное, что у тебя всё хорошо. Я позвонил, чтобы договориться. Ты же, наверное, вещи хочешь свои забрать и машину. Я тебе доверенность с правом продажи выпишу, чтобы всё законно было. Так что смотри, можешь в любое время заехать за вещами, только позвони, чтоб я дома был.

— Спасибо, Артурчик, ты настоящий друг! Может, я сейчас сразу и заеду, — сказала Настя, вопросительно посмотрев на Виктора.

Тот одобрительно кивнул.

Решили поехать вместе, но Настя сказала, что зайдёт одна. Так будет лучше. Виктор остался в машине. Вещей было не так уж и много, основное можно было унести за раз. Настя решила так и сделать. Артур встретил её в домашнем. Как всегда, опрятный, аккуратный и чисто выбритый. Он потянулся поцеловать её, но она по-дружески подставила щёку. Было понятно, что между ними всё кончено.

— Настенька, ты хорошо подумала? Не пожалеешь потом? — спросил он как-то снисходительно, немного свысока.

— Артурчик, мы с тобой и так поторопились с этой свадьбой. Это всё я виновата, что в порыве эмоций дала тебе своё согласие. Прости меня за это. Я всегда Витьку любила, и ты это тоже знал. Когда он вернулся, всё поменялось. Я надеюсь, ты не держишь на меня зла.

— Конечно, Настенька. Я же всё понимаю. Я хочу, чтобы ты была счастлива, и если это так, то я тоже счастлив.

— Спасибо тебе за понимание. — Настя положила на стол перед Артуром обручальное кольцо, что он ей дарил. — И, пожалуйста, передай от меня слова извинения маме и папе. Мне стыдно перед ними, но я ничего не могла с собой поделать. Я люблю Витьку безумно. Я так счастлива, что он вернулся!

— Настенька, оставила бы кольцо себе на память. А откуда он, кстати, вернулся, просто интересно? Ведь можно же было тебя уведомить за это время.

Настя только пожала плечами:

— Это даже теперь неважно, главное, что мы вместе.

Она собрала свои вещи в большую сумку, затем посмотрела на Артура:

— Артурчик, ты был хорошим другом, извини, что так получилось. И я не хочу забирать у тебя «форда». Он же тебе нравится. Катайся на здоровье, — она улыбнулась. — Это тебе мой подарок.

— Спасибо, — удивился Артур. — Но мы же можем остаться друзьями? Если тебе понадобится любая помощь, всё что угодно, у тебя есть мой номер. Звони в любое время.

Он был такой добрый и в то же время растерянный, что Насте стало жалко Артура. Она подошла, обняла его.

— Конечно, Артурчик, мы друзья. Не провожай меня, — она взяла две сумки в руки и вышла за дверь.

Эту жизненную страницу она перевернула. На душе было спокойно и радостно. В машине её ждал любимый человек, самый лучший мужчина на свете. А Артуру Настя от всей души пожелала найти свою половинку.

Артур закрыл дверь и долго смотрел на Настю в дверной глазок. Когда она скрылась в лифте, сказал сквозь зубы:

— Ничего, приползёшь ещё, Настенька, и умолять будешь, чтобы взял тебя обратно. Никто не может так поступать с Лебедевыми!

Потом Артур долго сидел, думал и никак не мог понять, почему Настя выбрала какого-то старого бородача, а не его, молодого и перспективного красавчика.

***

— Всё нормально? — Виктор внимательно посмотрел на неё.

— Договорились остаться друзьями. Машину решила не забирать. Правильно же?

— Конечно, правильно, солнце, купим тебе другую.

— Ты у меня самый лучший, Витька, Самый-самый! Куда поедем теперь? — спросила счастливая Настя.

— Ко мне на работу, — сказал Виктор, заводя мотор.

— Ой, у тебя есть работа? — засмеялась Настя. — Не знала.

— Представь, — подмигнул Виктор. — Позвонили только что. Хотят контракт заключить. Ты со мной?

— Конечно, с тобой, любимый, мне же интересно. Даже представить не могу, что у тебя за работа.

— Сейчас увидишь, — сказал Виктор.

С Егором Львовичем договорились встретиться там же, у детской площадки. Машину поставили у своего дома, пошли пешком.

— Так что за работа? — не унималась Настя, держа Виктора под руку.

— Смотри вон туда, — Виктор указал рукой на детскую площадку. — Это мы сделали.

— Ничего себе, красотища какая! — воскликнула Настя. — Первый раз такое вижу. Прямо как в рисованном мультике.

Егор Львович уже был на месте. Когда подошли, он оглядел Настю с ног до головы. Поздоровались. Виктор начинал привыкать, что все задерживали взгляд на ней дольше, чем того требовало приличие. Что ж, было на что посмотреть.

Разговор получился короткий. Егор Львович предложил по восемьсот тысяч, Виктор стоял на миллионе.

— Егор Львович, если хотите работать дальше, то давайте не будем торговаться. Я могу сделать за восемьсот тысяч ещё одну такую же площадку, и на этом мы расстанемся, потому что нерентабельно. Вы заработали достаточно на этой, — Виктор показал рукой на яркий городок. — Давайте, я буду зарабатывать на следующих.

— Удивительный у вас подход к бизнесу. Необычный. Могу я узнать хотя бы себестоимость такой площадки? — Егор Львович посмотрел на Настю, потом на Виктора.

— Я не знаю, — честно сказал Виктор. — Так чего, договорились? В течение месяца сделаем две за два миллиона. Половина — сразу, половина — после завершения работ.

— Похоже, вы не оставляете мне выбора, — развёл руками Егор Львович.

— Вот и славно! — протянул ему руку Виктор. — Мой человек, Афшин, подойдёт к Тамаре Львовне подписать договор, когда скажете. Все договора и расчёты с ним.

— А у вас есть другие проекты? — спросил Львович. — Чтобы они отличались друг от друга.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказал Виктор. — Всё будет у Афшина.

На том и распрощались. Настя, улыбаясь, заглянула в глаза Виктору.

— Узнаю в тебе что-то новое, Вить. Так интересно это всё! Я тоже хочу участвовать в этом мероприятии. Можно ведь?

— Настя, мы с тобой займёмся другими делами, гораздо более интересными. Здесь пусть Афшин рулит. У него неплохо получается. А нам надо будет открыть свою компанию. Правда, я ещё не совсем понял, какую: либо ООО, либо ЗАО. Возможно, что-то другое. Нам нужен хороший юрист, хороший бухгалтер, нужен генеральный, да много кто ещё нужен. Этим мы с тобой и займёмся, если хочешь участвовать. Не обещаю, что будет легко, но точно будет интересно.

— Конечно, я в теме, — сказала Настя.

Вечером, пока Настя плескалась в душе, Виктор включил комп. Вызвал енота.

— Привет, Нуо, хочу ещё две площадки сделать. Как думаешь, стоит?

— Ты меня спрашиваешь? — удивился тот, потом сказал: — Я могу только выполнять твои указания, но решения за тобой. Так что если надо, могу продублировать комплект, как и в прошлый раз.

— Хорошо, давай один комплект так же в гараж. Инструкцию не надо.

— Уже там, — тут же ответил зверёк. — Что-нибудь ещё?

— Машину можешь? — пошутил Виктор, проверяя енота.

— Могу, но не хочу, — вяло зевнув, сказал енот.

— Это что еще за новости? Не хочет он! — Нуо реально отжигал. Виктор удивился — он думал, что не может быть полутонов. Либо да, либо нет, но енот в очередной раз выдал новую загадку.

— Времени нет объяснять, — сказал Нуо и пропал.

Позвонил Афшину, и тот мгновенно поднял трубку. «Вот что значит быть ответственным, — подумал Виктор. — Всегда на связи».

Предложил ему поработать дальше. Естественно, Афшин был счастлив, надо думать. Но сегодня Виктор решил проверить его на жадность, предложив в этот раз гораздо меньшую оплату. Было видно, что тот расстроен, но всё равно согласился. Договорились, что Афшин примет на себя все деньги, как полагается, заплатит налог и возьмёт себе уже не по четыреста тысяч, как в прошлый раз, а по двести.

— А почему стало в два раза меньше? — всё-таки спросил он у Виктора.

— Нет, Афшин, это не в два раза меньше, это в прошлый раз было в два раза больше, — объяснил Виктор. — И ещё можешь мне сказать, сколько ты платишь своим работникам?

— Около тысячи за смену, — ответил Афшин. — А зачем тебе?

— Я хочу, чтобы ты увеличил им оплату в два раза, — сказал Виктор. — Все должны зарабатывать, не только мы с тобой.

— Так у меня же много расходов, — попытался аргументировать Афшин, но Виктор перебил его:

— Афшин, работы для тебя и твоих людей будет много. Я хочу, чтобы вы делали всё идеально. А чтобы ты мог спрашивать со своих ребят, ты должен платить им соответственно, так что не жадничай и поднимай оплату в два раза. Это моё условие. Я проверю.

— Интересные у тебя условия, Виктор. Ты мне урезаешь оплату в два раза, а мои расходы увеличиваешь. Может, ты всё-таки не будешь лезть в мои внутренние дела?

— Афшин, я уверен, что если мы продолжим сотрудничать, то ты заработаешь кучу денег. Сколько у тебя сейчас человек?

— Около десяти постоянных, есть ещё, наверное, человек пятнадцать, кого можно привлечь, если срочно надо.

— Ну и здорово, подъедешь ко мне, заберёшь ключи от гаража. Там такой же комплект, как вы только что собрали. Потом будет ещё один. Сам всё посчитай и дай мне ответ, будешь заниматься или нет.

— У меня уже всё подсчитано. Буду, — заверил Афшин.

— Тогда завтра встретимся, — сказал Виктор и отключился.

Теперь оплата была недалеко от реальной, но всё равно выше, чем предложил бы любой другой подрядчик, поэтому Афшин и согласился на его условия. На этих двух площадках хотя бы вырисовывался какой-

никакой заработок и себе. Денег скоро понадобится много, Виктор это понимал.

***

Настя, обнявши его, уже крепко спала. Во сне она всегда выглядела как такой беззащитный ребёнок, что всегда умиляло Виктора. Где-то в ногах примостилась Настя-котёнок. Виктор лежал с открытыми глазами и размышлял. Сон не шёл. Вдруг он услышал голос енота. Нуо говорил у него в голове.

— Хотел тебя предупредить, — сказал енот необычно дружелюбно. — Будь осторожен. Там против тебя козни строят некие товарищи.

— А поконкретнее можно? — напрягся Виктор. — Что за товарищи?

— Да ты их не знаешь, — неопределённо сказал енот. — Просто будь готов, что могут начаться проблемы. Большего пока сказать не могу.

— Ладно, Нуо, и на том спасибо, — Виктор задумался.

Врагов пока вроде не нажил. Мержоевские если только, так времени сколько прошло. Вряд ли. Может, у бывшего Настиного бойфренда обида какая? Тоже вряд ли. Человек вроде адекватный, хоть и выглядел в ЗАГСе расстроенным. Нуо, конечно, вёл себя как упрямый ослик, но Виктор уже к этому привык. Решил не загоняться раньше времени. Пусть всё идёт своим чередом.

***

Самойлов Станислав Юрьевич жил в подмосковном городе Королёве. Родом он был из Казани. В Москву приехал ещё в юношеские годы. Отучился в престижном вузе, получив диплом юриста. В девяностых поработал адвокатом и даже выиграл несколько сложных процессов. У Самойлова была мечта: получить в Москве кресло нотариуса и спокойно заниматься своим делом — заверять документы, выписывать доверенности — а не бегать по судам, защищая жуликов. К началу нулевых он скопил достаточно денег и купил неплохую квартиру в пределах Садового кольца. Работы было много, довольные клиенты рекомендовали успешного, набирающего популярность адвоката своим друзьям и знакомым. Всё перевернулось

в одночасье, когда Станислав попал в аварию и чудом остался жив. Он долго был без сознания, перенёс несколько сложных операций и, когда пришёл в себя, задумался о реальном смысле жизни. Пока Самойлов, находясь между жизнью и смертью, блуждал по цветным лабиринтам других измерений, что-то щёлкнуло в его сознании, в корне поменяв приоритеты. Почти два года он восстанавливался как физически, так и морально. Оказывается, в больнице, во время его полунаркотического отходняка, он подписал подсунутые ему бумаги, где признавал всю вину за аварию. Как адвокат и как водитель с уже достаточно большим опытом, Стас был уверен, что он невиновен, но его уверенность разбивалась в пух и прах об официальные документы, подписанные его же рукой. Адвокат его оппонента, фактического виновника аварии, недвусмысленно намекнул, что они выдвинут против него иск, если он не успокоится и не примет всё как есть. В таком случае при худшем раскладе ему могли дать даже реальный срок, так как в другой машине были жертвы. Ни физических сил, ни желания бороться не было. Самойлов понимал, что выиграть такой процесс очень непросто. И он со всем согласился. До аварии Станислав был полнейшим атеистом, не признававшим ни существование Бога, ни каких-либо высших сил — только чистейший материализм и подтверждённые наукой факты. Находясь в бессознательном забытьи, он беседовал с ангелами, видел другие миры, общался с давно умершими знакомыми. Всё это можно было отнести просто к играм разума, но по выздоровлении Станислав первым делом пошёл в церковь и поставил свечку. Потом, поговорив с местным священником, исповедовался и принял решение покреститься.

Через пару лет, когда он почти полностью восстановился физически, Самойлов, к своему удивлению, не смог работать в прежнем режиме. Видя ежедневную ложь, которую никак нельзя обойти в адвокатской практике, он уже не мог с ней мириться. Проиграв несколько дел, Станислав получил резонанс антиславы. Его репутация стремительно катилась под откос. Тогда он и принял решение переехать из Москвы в область. Цены на недвижку в Москве росли намного быстрее, чем в регионах, и Стасу удалось очень выгодно продать свою огромную двушку в сталинке. Он купил в Королёве неплохое жильё в новостройке, а оставшиеся деньги просто положил в банк. Самойлов дал себе слово больше никогда и никому не

врать. В Королёве он устроился юристом в крупную транспортную компанию. Уже через несколько месяцев его попросили написать заявление по собственному желанию. Как оказалось, честный юрист — беда для нанимателя. Такая же история повторилась и в двух других компаниях, но он не сдавался. Потом ему всё-таки улыбнулась удача. Уж помог ему Бог или это была чистая случайность, но цены на недвижку в две тысячи восьмом рухнули. Самойлов на свой оставшийся кеш купил в Королёве две бюджетные двушки и тут же сдал их в аренду. Вопрос хлеба с маслом был решён, но оставалась нереализованность амбиций. Так он просуществовал около года, беря мелкие дела, решая разные бытовые проблемы своих клиентов. Это были споры с ЖКХ, сделки с недвижимостью, автомобильные аварии. Как-то раз к Самойлову обратился клиент, который попался на дороге профессиональным жуликам. Случай был распространённый. Видя, что у водителя нет видеорегистратора, ему подставили зад дорогой иномарки. Купленный дэпээсник как надо оформил аварию, и колесо правосудия было уже не остановить. Клиент не мог доказать свою невиновность и со слезами на глазах просил Самойлова помочь. Сумма, выставленная ему, была гигантской. Станислав, понимая, что дело проигрышное, всё равно взялся помочь. Копнув в эту тему глубже, он был шокирован масштабом проблемы. Это был гигантский спрут, который держал своими щупальцами полгорода. Бизнес был поставлен на широкие рельсы. Воевать с таким синдикатом и не свернуть себе шею было просто нереально. Станислав быстро проиграл дело и впал в уныние. Клиенту пришлось выставить свою машину на продажу, чтобы заплатить долг.

«С этим миром явно что-то не так», — сидя в одиночестве у себя в квартире, думал Самойлов, когда у него зазвонил телефон.

— Слушаю, — ровным голосом безразлично сказал Стас.

— Станислав Юрьевич? — спросили на линии.

— Это он, — согласился Стас.

— Меня зовут Виктор Ярский. Я хотел бы предложить вам работу юристом в новой компании. Также есть вакансия директора. Интересно?

— Продолжайте, — неуверенно произнёс Стас.

— Приглашаю вас в Череповец. Поговорим, предложу условия. Командировочные и билет на самолёт оплачу.

Предложение было необычное, но рассмотреть стоило. Тем более когда в тебя готовы вложиться ещё до начала собеседования.

— Возможно, мне это интересно, — сказал Стас.

— Тогда я вам скину авиабилеты на электронную почту. Завтра вас устроит?

— Да, устроит, — ответил Стас. — Имэйл мой запишите тогда.

— Не надо, у меня есть ваш имэйл.

— Хорошо, — сказал Стас и задумался.

У кого-то был интерес к нему настолько, что имелись его паспортные данные и электронная почта. Хотя чего в этом удивительного? В наш информационный век, вероятно, найти такую инфу проблем не составляло. И он решил не бежать впереди паровоза, а понаблюдать за развитием событий.

***

В Череповце Самойлов никогда не был, хотя про экологию этого региона, конечно, был наслышан. Крупнейшим предприятием в городе являлась «Северсталь». Это был фактически город в городе. Комбинат занимал огромную площадь и давал работу многим тысячам горожан. Даже самолёт, на котором сейчас летел Стас, принадлежал господину Мордашову, главному акционеру «Северстали».

Небольшой скромный аэропорт, ничем не отличающийся он других региональных, встретил Самойлова пасмурным, не по-летнему унылым небом. Когда самолёт пошёл на посадку, снижаясь, он долго болтался в густых тёмных тучах. В конце концов тучи рассеялись, и уже почти у самой земли Стас увидел ничем не примечательные строения дач и извилистую речку Ягорбу. «Та ещё дыра», — подумал он.

Пройдя через турникет аэропорта, Самойлов вышел на небольшую парковку. Огляделся. Из серебристого «крузака» вышел бородатый мужчина лет тридцати пяти и с улыбкой направился к нему, протягивая руку в приветствии. Одет он был по-простому, небогато, если не сказать небрежно. Потёртые, видавшие виды джинсы, стоптанная обувь, ветровка. Если это был его новый работодатель Виктор, то он явно не вызывал доверия и не походил на успешного бизнесмена. Возможно, это просто был его водитель. Поздоровались. Это и оказался Виктор, пригласивший его. Он открыл заднюю правую

дверь, приглашая Стаса, сам тоже сел на заднее сиденье позади водителя. Всё это вызвало у Самойлова лёгкую внутреннюю усмешку. Ему казалось, будто этот Виктор — такой провинциальный лошок — пытается играть в бизнес по-взрослому, но получается у него смешно и совсем по-детски. С другой стороны, он вроде бы и не пытался произвести на гостя впечатление, напротив, как будто бы хотел подчеркнуть свою лошковатость. Стас забрался на удобное заднее сиденье прадика, и тут его ждал такой сюрприз, что он сразу забыл, зачем сюда прилетел. С водительского сиденья, обернувшись, с ним поздоровалась молодая девушка. Даже ради того, чтобы взглянуть на эту красавицу, стоило сюда прилететь. Всё — от её красивого лица с умело подобранной косметикой, лёгкого аромата парфюма до интонации голоса — было прекрасно. Стас поздоровался, не отводя от неё взгляда, потом совладал с собой и посмотрел на Виктора: мол, вот он я, прилетел.

— Это Анастасия, — представил девушку Виктор, потом обратился к красавице: — Поехали, Настюш, давай в какую-нибудь спокойную кафешку, чтоб поговорить.

Настя кивнула и плавно выехала на дорогу.

— Мы пока даже не открылись, — Виктор без прелюдий обратился к гостю. — У нас нет офиса, нет фирмы, вообще пока ничего нет. Мы только собираем команду. Если вам будет интересно, то придётся работать в этом районе. Переезд ведь не проблема?

Станислав пожал плечами: мол, я пока вас послушаю.

— Мы хотим создать эко-посёлок, — продолжил Виктор. — Это будет такое автономное поселение. Я не силён в юридических вопросах, могу ошибаться, но хотелось бы не зависеть ни от кого. Ни от каких коммунальных услуг, ни от государства. В качестве формы собственности я предполагаю ЗАО с возможной реорганизацией.

— Что вы имеете в виду под реорганизацией? — спросил Стас.

— Я бы хотел со временем размыть свою долю в акциях, отдав, вернее, продав часть людям, работающим на меня. Я говорю простым языком, так что поправляйте меня по ходу, если не так выражаюсь.

Самойлов кивнул, отметив про себя: «размыть долю в акциях» подразумевало, что Виктор и есть собственник будущей компании.

— Предположительно, мы купим несколько сотен гектаров сельхозугодий, — продолжил Виктор. — Надо будет решить вопрос с

возможностью разрешения на строительство там жилья. Инвестируем в бюджетные, но хорошие, добротные дома — возможно отдельные, возможно, малосемейные. Это пока под вопросом. Сделаем своеобразный колхоз, такой современный кибуц. Люди будут жить и работать на себя, получая в разы больше средней зарплаты. Установим там свои порядки, чтобы всем было комфортно. Это всё будет далеко от населённых пунктов, кругом природа, чистота, и в то же время всё удобное для жилья. От техники до дорог с асфальтовым покрытием.

— И какова моя роль в этом проекте? — спросил Станислав с лёгкой иронией в голосе.

— Все юридические вопросы. Возможно, что-то большее, я пока не знаю. Мы находимся у истоков.

— Очень грандиозный замысел, — сказал Самойлов, борясь с огромным желанием смотреть не на собеседника, а на красавицу Анастасию, которая небыстро и спокойно вела машину, изредка оглядываясь, и кивала, соглашаясь со словами Виктора. — Можно для начала предложение по моей зарплате и конкретным функциям.

— Можно, — сказал Виктор. — Вы можете назначить себе сами и сегодняшние командировочные, и устраивающую вас ежемесячную зарплату. А функции? Нужны профессиональные советы, ведение всех дел. Могу также предложить должность генерального. У меня есть сведения, что в этом вы как раз очень даже большой молодец.

Стас опять кивнул, задумавшись. Либо этот Виктор — полный кретин, играющий роль такого Остапа Бендера, либо за ним реально стоит кто-то очень весомый, раз он так уверенно рассуждает о вещах, которые требуют огромных инвестиций и немалого административного ресурса.

Виктор перебил его мысли:

— И самое главное, Станислав. Мы всё будем делать по закону. Никаких левых схем, никаких уходов от налогов, никаких взяток. Всё по-белому, хотя, возможно, исключение сделаем с заработной платой. Но и это постараемся по возможности обелить, чтобы ни при каких обстоятельствах к нам было не придраться. Я подозреваю, что у нас будет много недоброжелателей. Возможно, нам придётся защищать свою собственность, поэтому, ещё раз повторяю, всё должно быть на сто процентов законно.

— Это очень интересно, — сказал Самойлов. — Но нереально. Думаю, что нереально. Нас сожрут конкуренты, если мы не будем оптимизировать налогообложение. И нам не дадут никаких разрешений регулирующие органы, если мы не заплатим положенную им мзду. Ну, или будем ждать каждую бумажку месяцами.

— Этот вопрос я возьму на себя, — уверенно сказал Виктор, и от такой уверенности в голосе чаша весов у Станислава качнулась в сторону, чтобы согласиться.

Настя припарковалась около красиво оформленного фасада дома на Советском.

— Здесь новое кафе открылось. Говорят, очень уютное. Давайте там позавтракаем?

Когда все вышли из машины, и Виктор поднял голову на вывеску, он сначала вздрогнул, потом расплылся в улыбке. Над входом висела надпись «Три рубля». Внутри всё было точно так же, как Виктор видел в своём полусне, когда его сюда пригласил бездомный дед Михей. Сели за тот же столик, где он и сидел в прошлый раз. Когда стали заказывать, Виктор попросил принести пиццу Нуо. Девушка-официант сказала, что такого названия пиццы у них нет. Значит, во сне были свои перегибы. Посетителей не было, поэтому говорили почти свободно. Станислав больше слушал, изредка задавая прямые вопросы, на которые у Виктора не всегда были ответы. Настя тоже по полной участвовала в разговоре. Виктор с удовольствием отметил, что она тоже загорелась этим проектом, хоть многого и не понимала.

— Что с электричеством? — спросил Самойлов — Придется тянуть линии, ставить подстанцию.

— Я работаю над этим, — сказал Виктор. — Возможно, мы сможем приобрести несколько ветрогенераторов, если, конечно, получим разрешение на использование. Тогда мы будем независимы от поставщика электроэнергии.

— Насколько я знаю, это совсем нерентабельно, — заметил Станислав. — Окупаемость турбины исчисляется годами, если не десятилетиями.

— Мы посчитаем, хорошо? — улыбнулся Виктор.

— По поводу сельхозземель, — продолжил Станислав. — Нам разрешат строительство домов при межевании по одному гектару. То

есть на один частный дом — гектар земли. И то при условии создания фермерских хозяйств. Или потребуется перевод в ИЖС.

— Значит, будем переводить, — согласился Виктор. — Либо будем межевать по гектару, почему бы и нет.

— Не понимаю, на чём тогда компания собирается зарабатывать? Если это коммерческий проект, должна быть прибыль, я правильно понимаю? — задал вопрос Станислав.

— Предположительно, мы выпустим миллион акций, — пояснил Виктор. — Скажем, по сто рублей за акцию. Наш капитал будет сто миллионов рублей. На эти деньги мы построим как жильё, так и много всего подсобного. Отапливаемые теплицы, коровники, курятники, производственные мощности. Мы будем практически автономны. Через несколько лет наша компания будет стоить миллиарды. Мы продадим часть своих акций, заработаем тысячи процентов, но не это главное.

И Самойлов, и Настя молча смотрели на Виктора, ожидая продолжения, но он, улыбаясь, долго держал паузу, потом сказал:

— Главное, что мы сами будем хозяевами своей жизни. А у людей будет выбор: принимать наши условия или нет. Условия будем создавать такие, чтобы людям было просто невыгодно отсюда уезжать. Лучшего места на земле будет просто не найти.

— И всё это мы построим на сто миллионов рублей? — с нескрываемой иронией спросил Самойлов.

— Да, — кивнул Виктор. — Причём с вероятностью в сто процентов.

Наступила тишина, которую прервал Самойлов, видимо, приняв решение:

— Готов поучаствовать в этом удивительном эксперименте. Двести тысяч с первого месяца — на старт, потом — повышение.

Виктор понял, о чём речь, и, не медля ни секунды, сказал:

— Согласен.

Говорили долго. Спорили, аргументировали свои мнения. Станислав постоянно что-то записывал в блокнот. Потом заказали полноценный обед. Настя сказала, что ей надо отъехать, а Виктор со Станиславом продолжали сидеть и разговаривать. Самойлов Виктору понравился безоговорочно, недаром поисковик Нуо выдал его в первой десятке по всем параметрам. У них с Виктором были почти

одинаковые взгляды и на мироустройство, и на понятия «хорошо-плохо». У Станислава был практически полный конспект сегодняшнего разговора. Похоже, Самойлов ко всему подходил основательно. Оставалось принять решение по типу предприятия и придумать название.

***

Позвонил Афшин и вкратце доложил ситуацию. Сказал, что был у Тамары Львовны, заключил два договора — по миллиону каждый. Одна площадка должна быть собрана в Зашекснинском микрорайоне, вторая — на Фанере. Львовичи никак не хотели давать предоплату, и в обоих договорах была указана оплата по факту. Это очень расстроило Афшина, и он сетовал на то, что совсем нет оборотных средств и, как всегда, просил у Виктора аванс. Делать было нечего, Виктор согласился дать немного денег. Самойлову купили билет на вечерний поезд и, так как он изъявил желание прогуляться по Череповцу, оставили его провести остаток дня по своему усмотрению.

— Я название придумала, — сказала Настя, когда они остались одни, решив прогуляться по старому городу. — Аруба. И звучит классно, и начинается на букву А.

— А что это такое? — Виктор шёл рядом и тоже думал о названии.

— Это остров такой, — сказала она, беря его под руку, — там всегда лето.

— Нормально, мне нравится, — улыбнулся Виктор. — Слушай Настя, мы сейчас лезем в такое дело, что почти с вероятностью в сто процентов у нас будут неприятности. Мы их, конечно, решим, но… Ты как? Может, ты хотела чего-то более спокойного в своей жизни, а я тяну тебя за собой в эту авантюру.

— Вить, я готова к любым приколам, — Настя сильнее сжала его руку. — Ты даже не представляешь, как мне всегда хотелось чего-нибудь вот такого, необычного. Я, последнее время жила очень отутюженно, даже скучно, а тут что-то новое, неизведанное. Не беспокойся за меня, я уже не маленькая. Только, знаешь, я ни малейшего представления не имею, как мы всё это будем строить, где возьмём денег, как всё организуем. Так что если у тебя есть план, то ты просто говори, что я должна делать.

— Хорошо, солнце, я думаю, вместе мы справимся.

— И ещё. Мне Артур звонил, сказал, что хочет встретиться. С нами обоими. Сказал, неудобно ему фордика забирать. Решил отдать мне.

— Хочет — значит, давай встретимся, — Виктор выглядел удивлённым. — Когда?

— А вот прямо сейчас и подъедет, сказал, на Набережной будет, — Настя посмотрела на часы. — Думаю, уже там. Да вон, машина стоит, ниже смотри, у реки, — и она показала рукой на припаркованный белый «форд».

— Пойдём тогда, — сказал Виктор, — пообщаемся.

Спустились на набережную. Артур стоял возле машины и счастливо улыбался. Когда поравнялись, он первым протянул руку Виктору.

— Решил с вами встретиться, раз уж так всё пошло. — Он сдержанно кивнул Насте, протягивая ключи от машины. — Во-первых, решил вернуть «форда». Как-то неправильно будет, если я его заберу. Доверенность не успел написать, но сделаю на днях.

— Оставил бы себе, — сказала Настя и, беря ключи, посмотрела на Виктора. Тот пожал плечами.

— Даже речи быть не может, — сказал Артур. — Я себе куплю, а вам, думаю, вторая машина не помешает. Настенька, я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Я долго думал и решил сделать первый шаг. Ты всё правильно сделала, что остановила свадьбу. Если вам вместе хорошо, пусть так и будет, — и Артур ещё раз протянул руку Виктору, затем подошёл к Насте и скромно обнял.

— Может, всё-таки оставишь машину себе? — ещё раз попробовала возразить Настя.

— Нет, я всё решил. Желаю вам счастья, — сказал Артур и, развернувшись, пошёл прочь.

Насте опять стало его жалко, таким грустным и потерянным он выглядел. Она так и стояла с ключами в руке, глядя на удаляющуюся фигуру Артура, потом вопросительно посмотрела на Виктора.

— Достойно, — сказал тот. — Мне понравилось.

***

Собрать досье на Виктора Ярского Афанасьев поручил своему заместителю капитану ФСБ Фёдору Рощину. Прошла неделя, и вот Федя принёс и положил на стол тоненькую папку и, разведя руками, сказал:

— Нарыл совсем немного. Парень почти чистый. За исключением парочки непонятных эпизодов, никаких зацепок.

Вообще, Виктор заинтересовал Афанасьева. Даже не из-за поручения Эльвиры, а из-за странной хронологии событий в его жизни. Уж как-то необычно резво парня кидало из нищеты в роскошь и обратно. Детдомовский пацан, на восемнадцатилетие получил от государства комнату в коммуналке. Отучился в металлургическом техникуме, отслужил в армии — всё как положено. Потом он, видимо, занимался мелкой коммерцией, нигде не засветившись. Затем, несколько лет — работа на «Северстали», никаких особенных событий. Продал комнату, купил однокомнатную квартиру. Денег на счетах никогда не было, только мелочь. И вдруг, в две тысячи пятом году Ярский покупает «мерседес» топовой модели и через месяц у него его угоняют. Потом ещё недешёвый «форд». Затем — авария, выплата по страховке. Далее по заявлению Насти, несостоявшейся невесты Артура, его объявляют без вести пропавшим. Затем он выпадает из поля зрения на четыре года. С его карточки постоянно уходят деньги. Вероятно, это Настя их снимает. Потом Ярский появляется словно из ниоткуда и покупает новенький «крузак», самой дорогой комплектации. Вопросов больше, чем ответов. Зацепиться не за что: ни влиятельных знакомых, ни партнёров по бизнесу, ни самого бизнеса.

— Фёдор, а давай ты копнёшь так же на эту девочку, Настю. Думаю, там мы тоже можем чего-нибудь интересное обнаружить.

— Уже копнул, — сказал Фёдор, положив на стол вторую папку. Афанасьев, одобрительно кивнув, стал читать.

Про Настю было ещё меньше. Выросла в деревне, отучилась в ЧГУ. Спортсменка, три года играла в волейбол за институт. Есть дорогой дом в Кадуйском районе. Были куплены и проданы две квартиры, которые на сегодня стоили бы немалых денег. Скорее всего, и квартиры, и дом Насте покупал всё тот же Виктор Ярский. А значит, деньги у него были. Откуда? Вот это как раз надо было выяснить. Ярский… какая-то знакомая фамилия. Где-то раньше всплывала, но

где, он вспомнить не мог. Поблагодарив Фёдора, Афанасьев решил повременить с посадкой клиента и ещё немного понаблюдать. Просьба просьбой, а заработать лишний рубль никогда не помешает. В рейдерских захватах Афанасьев толк знал. Если у клиента есть чего взять, то он совместит полезное с приятным. Эльвира также обещала заплатить, так что куш может быть достаточно большим. Последнее время Павел Ильич всё чаще задумывался о переезде за границу на ПМЖ. Денег уже было достаточно. Можно прикупить неплохую виллу где-нибудь на Средиземноморье: либо в Испании, либо на островах Италии или Греции. Но деньги имеют особенность заканчиваться, поэтому лишних их никогда не бывает. К тому же, скорее всего, на следующий год ему дадут генерала. Тогда можно будет подумать и о пенсии. Афанасьев улыбнулся, думая, как всё-таки он угадал с выбором профессии.

***

В этот раз Виктор увидел своими глазами, как появляется конструктор для третьей детской площадки. Подождав, пока Афшин с помощниками загрузят в машину последние детали, Виктор остался в гараже и попросил Нуо создать третий комплект. Енот немного помедлил, но не стал упрямиться. Виктор, стоя в дверях, наблюдал, как слой за слоем, материализуясь, словно из воздуха, появлялись реальные объёмные объекты. Это выглядело завораживающе. Виктор и раньше уже видел, как работает примитивный 3D-принтер, но здесь было что-то фантастическое. Ряд за рядом, миллиметр за миллиметром быстро поднимались вверх ровные ряды абсолютно разных как по размеру, так и по структуре объектов. Меньше чем через минуту весь гараж был опять доверху забит плотно уложенными рядами деталей из пластика, металла и дерева. Виктор ещё раз с удовольствием оглядел только что напечатанный миллион рублей в виде деталей, запер дверь, прикидывая, что бы подумал Афшин, если бы вдруг решил минут через пять вернуться в гараж. Он уже сел в машину, когда в голове опять появился енот.

— Чего-нибудь не так? — спросил его Виктор, думая, что Нуо будет его каким-то образом укорять за то, что осмелился быть свидетелем того, чего вроде как не должен был видеть, но енот сказал совсем про другое:

— Ярский, я тебе уже говорил, что против тебя замышляют нехорошее?

— Я весь во внимании, — насторожился Виктор.

— Это история, — сказал енот. — Я думаю, тебе стоит посетить одного твоего старого друга. Очень старого.

— Как я устал от твоих ребусов! — рассердился Виктор. — Неужели нельзя сказать нормальным языком?

— Я и так уже много сказал, включай свою голову, — опять заупрямился енот, и Виктор почувствовал, как связь с ним прекратилась.

Енот сказал, что это история. Что за история? Какой старый друг? Чем дольше он общался с Нуо, тем меньше понимал логику их отношений. С одной стороны, енот помогал, безоговорочно выполнял желаемое, даже предупреждал об опасности, с другой — был абсолютно неуправляемым и непредсказуемым. Виктор никогда не мог надеяться на Нуо на сто процентов. Он не помог ни на йоту, когда к ним в дом ворвались мержоевские громилы. Не захотел выдать никакой информации о Насте, но в то же время помог отобрать десятки реально классных людей, с которыми можно было работать. Виктор понимал, что если все остальные будут примерно такой же характеристики, как его новый знакомый Стас Самойлов, то можно без страха открывать любой бизнес. Возможно, им для общения с Нуо просто нужно больше времени. Тогда и Виктор научится читать между строк, и енот станет меньше игнорировать его желания. Сказанное только что не выходило из головы. Кто бы это ни был, надо держать руку на пульсе. Хотя что они могли ему сделать? Если каким-то образом вскроется кража денег четыре года назад, это, конечно, жесть, но это было давно. Также были убиты четыре человека — это вообще ни в какие ворота не лезло. Хоть Виктор к этому убийству напрямую не имел никакого отношения, но кто там будет разбирать? Впредь надо вести себя более осмотрительно. Зачем он полез тогда в этот криминал. Забрал бы Настины документы — и всё. Сейчас бы не думалось. С другой стороны, вероятно, все получили по заслугам, поэтому что сделано, то сделано. Жалеть было не о чём.

***

Вскоре Афшин завёз фотки второго объекта и деньги. Строго семьсот сорок тысяч, как и договаривались. Взял двести себе и оставил шестьдесят на налог. Виктор посмотрел фотографии, в очередной раз убеждаясь в ответственности Афшина. Немногословный, трудолюбивый, он всё больше вызывал у Виктора уважение.

— Молодцы, — похвалил Виктор, убирая деньги. — Афшин, когда закончите третий объект, я выпишу тебе бонус. Но не деньгами. Напиши мне список, какой инструмент тебе нужен, я тебе его подарю. Только напиши подробно: названия, маркировки — словом, всё.

— О, это хорошо! — обрадовался Афшин, немного замялся, но потом всё-таки спросил: — А на какую сумму писать?

— На ту, что я вам урезал, — сказал Виктор. — На четыреста тысяч.

— Вот почему с тобой приятно иметь дело, Виктор! — протянул руку Афшин.

— Взаимно, братан! — пожал ему руку Ярский. — Взаимно.

Глава 17

Глава семнадцатая. Конец августа 2009

Виктор выбрал ещё несколько человек из списка, предоставленного Нуо. Встретиться с потенциальными руководителями решил поручить Станиславу. Для начала дал телефон и адрес будущего бухгалтера и попросил провести собеседование. Сам тем временем искал место для осуществления своего проекта. Нуо выдавал тысячи вариантов. Земли было настолько много, что Виктор добавлял и добавлял новые фильтры, чтобы хоть как-то сузить поиск. Бесхозной земли по всей России были миллионы гектаров. Когда во время приватизации колхозникам раздали земельные паи, начался передел земельной собственности. Лакомые куски около больших городов быстро прибрали к рукам те, кто был поближе к власти и пошустрее. Основная же масса земли находилась в российской глубинке. Как в песне, «от больших дорог и линий вдалеке». Цена на такую землю была дешевле некуда. Вот такие участки и выбирал Виктор. В конце концов он остановил свой выбор недалеко от своей родины, всего в нескольких километрах от Белого озера. Там можно было купить кусок около трёхсот гектаров всего за десять миллионов рублей. Вообще-то, земли надо было раза в три больше, но решил остальное добрать в аренду, если понадобится. А там видно будет.

Через несколько дней зарегистрировали ООО «Аруба». Станислав настоятельно рекомендовал не заморачиваться с акционеркой, говорил, что общество с ограниченной ответственностью вполне подойдёт для их деятельности. Уставной капитал в десять миллионов внёс Виктор — единственный участник предприятия. Это были почти все деньги, которые оставались у них с Настей. Самойлов был назначен директором компании и имел все полномочия, связанные с управлением.

Когда первые участки земли были оформлены, Виктор поехал на место. От Череповца — около ста сорока километров, из которых сто — неплохой бетонки, остальное, как обычно, — пыльная деревенская щебёнка. Настю по понятным причинам брать не стал, хоть и боролся с соблазном показать ей, как работает Нуо. Виктор долго копался в

интернете, перебрал много производителей строительных вагончиков, различных бытовок, контейнеров с условиями для проживания, наконец выбрал. На то, что понравилось, цены были просто атомные. Только очень богатая организация могла себе позволить размещать своих работников в таких комфортных условиях. Конечно, основное предложение было в бюджетном экономварианте, но так как вопрос денег не стоял, Виктор выбирал самое лучшее. В вагончиках имелось всё для жилья: обогрев и кондиционер, спальные места, кухня, душ и туалет. Пока не был решён вопрос с электричеством, присмотрел неплохие импортные дизельные генераторы. Виктор так же взял с собой список всего инструмента, который ему вручил Афшин, добавив туда некоторые вещи по своему усмотрению.

Когда выехал на трассу, взял в руку Нуо и мысленно позвал енота. Надо было поговорить. Енот упрямо молчал, не подавая признаков жизни. Виктор не расстроился, продолжая спокойно мысленно с ним разговаривать. Проезжая очередной населённый пункт, не сбросил скорость и, немного превышая, заметил, как с поднятой полосатой палочкой в его сторону неторопливо идёт дэпээсник. Виктор включил правый поворот и, приняв вправо, остановился, открыв левое окно. К его удивлению, гаишник подошёл с пассажирской стороны и по-хозяйски открыл правую дверь. Сначала Виктор не совсем понял, что вообще происходит. Дэпээсником оказался бородатый дед. Он как к себе домой забрался на пассажирское сиденье и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Давай, поехали.

Виктор ещё несколько секунд с нескрываемым удивлением разглядывал необычного блюстителя порядка, затем что-то знакомое промелькнуло в его лице. Они точно раньше где-то пересекались! И тут до Виктора наконец дошло. Этого деда он видел во сне! Вернее, даже не во сне — это была его отключка, кома после аварии. Виктор расплылся в широкой улыбке:

— Дед Михей, ты, что ли?

— Узнал наконец, — серьёзно сказал дед Михей. — Давай-давай, нажимай на педальку, или так и будешь меня глазами поедать?

Виктор, продолжая молча смотреть на деда Михея, всё ещё не веря своим глазам, наконец пришёл в себя, щёлкнул левым сигналом и

вырулил на трассу. Поставив соточку на круиз-контроль, вопросительно посмотрел на деда и по-дружески сказал:

— Я рад тебя видеть, дед Михей, и внимательно слушаю.

— Это я тебя внимательно слушаю, — с показной суровостью сказал дед, держа двумя руками полосатую палочку. — Ты же Нуо звал — я за него.

— Хорошо, — неопределённо произнёс Виктор. — Просто я думал, там у вас енот всем рулит. А как так получилось, что ты здесь? Ведь ты… как бы это… Я думал, что ты ненастоящий.

— Хочу тебе пару советов дать по пути, — сказал дед, игнорируя упоминание о еноте и о своей «ненастоящести». — Вижу, ты задумал большое дело. Честно говоря, я удивлён. Не думал, что ты вот так сразу, с места — в карьер. Но это твоя воля, я не вправе за тебя решать, что делать, поэтому слушай. Ты помнишь главную заповедь Нуо? Никто не должен видеть процесс его действий. Одно дело, когда ты впихнул в свой гараж детскую лего-площадку, другое дело, когда ты собираешься под открытым небом создать тысячи тонн стройматериалов и оборудования. Вообще, это неприемлемо, но по какой-то причине тебе позволяют это сделать. Возможно, это есть в планах Всевышнего, а возможно, это просто тест твоих способностей.

— А что в этом особенного? — спросил Виктор. — Там кругом лес и поля, ни души. Там даже грибники, походу, нечасто бывают. Глушь.

— Сверху видно всё, — показал палочкой в потолок дед Михей. — Не будь наивным, в двадцать первом веке живём. Но да ладно, как я и сказал, раз тебе позволили, значит, этот вопрос не стоит на повестке. Просто тебе лишнее напоминание, что, если ты идёшь один по лесу и вокруг никого нет, не думай, что тебя никто не видит. Тысячи спутников двадцать четыре часа в сутки приглядывают за тобой в реальном времени. И ещё: если ты не получаешь всего, чего ты хочешь, это не енот упрямый, а вероятно, ты не то просишь или не в то время. Подумай над этим. Вопросы есть ещё?

— Да, есть, конечно. Я хотел поставить турбины. Такие большие ветрогенераторы, которые электричество вырабатывают. Они производят столько энергии, что нам будет всю не съесть, можно продавать даже. Хоть я и сомневаюсь, что нам позволят на этом зарабатывать, но всё же хочу попробовать. Их строительство по-

любому будет не скрыть, кто-то точно заинтересуется. Как думаешь, позволит мне Нуо реализовать такой проект?

— Думаю, есть путь, при котором ты сможешь поставить ветряки, даже самые большие, — сказал дед Михей. — Но есть другие, ещё не открытые способы добывать электричество, почему бы тебе не воспользоваться ими?

— А разве так можно? — Виктор удивлённо посмотрел на деда.

— Не вижу причин не попробовать, — ухмыльнулся тот в бороду. — Ты организуй, а Нуо решит, стоит ли тебе помогать. Чтоб ты знал, в следующие две сотни лет люди изобретут десятки новых способов добывать электроэнергию.

— Например? Можешь мне сказать хоть парочку?

— Например, те же солнечные батареи. Но фотоэлементы в них будут изготовлены не из кремния, а из гальванированного фотония. Он как магнитом притягивает свет. На Земле его немного, а на некоторых планетах ближнего космоса под ногами валяется. Если обычная батарея с квадратного метра даёт примерно сто пятьдесят ватт в час, то фотониевая вырабатывает около пяти киловатт и служит в разы дольше. Это даже больше, чем солнце выдаёт в небе выше атмосферы, как если бы мы использовали увеличительное стекло. Вот тебе и решение.

— А Нуо позволит мне их… — оживился Виктор, — позволит их использовать? Ведь если вдруг кто-то заинтересуется или просто украдёт такой элемент, он же всё увидит.

— Думаю, Нуо позволит, почему нет? — сказал дед Михей. — Я также полагаю, что даже если у кого-то возникнет желание исследовать эти элементы, у него вряд ли это получится. С виду они могут выглядеть в точности так же, как и те, которые используются сегодня. Если же кто-то осмелится изучить глубже, то он увидит только то, что должен, не волнуйся об этом. Хотя со временем об этом в любом случае все узнают. Всё, останови здесь, я выйду.

— Последний вопрос, — сказал Виктор, принимая вправо к автобусной остановке. — Я уже спрашивал, но всё-таки, ещё раз спрошу: почему умер Николас? Это как-то связано с Нуо?

— Напрямую, — ответил дед Михей. — Когда ты теряешь связь с Нуо и передаёшь его другому, твоё биологическое время идёт в разы быстрее, чем у остальных людей. За год ты можешь постареть лет на

двадцать, хоть это необязательно будет заметно со стороны. Получается, что ты уже выполнил свою миссию, и больше тебе здесь делать нечего.

— Жестоко, — сказал Виктор, останавливаясь.

— Согласен. — Открывая дверь, дед Михей добродушно улыбнулся в бороду: — Всё в твоих руках, просто делай всё правильно, и твой Нуо будет служить тебе долго.

Остаток пути Виктор проехал, думая: ведь он не просил никого давать ему силу Нуо, его просто выбрали по непонятным критериям. Теперь, открыв новую для себя информацию, он не был уверен, хотел бы он получить этот дар, если бы его кто-то спросил. Ответа не было. Его жизнь теперь не принадлежала только ему. Теперь он выполнял какую-то неведомую миссию. Никому, даже самому близкому человеку он не сможет открыть эту тайну. Это было грустно. Смогут ли их с Настей отношения пережить этот постоянный прессинг недосказанности и тайн? А если у них родятся дети, что тогда? Как тащить весь этот груз постоянного одиночества? Как бы то ни было, выбор теперь был не так велик. Надо было выбирать не из двух зол, как обычно, а только из одного.

Приехав на место, Виктор уже обыденно и без особого вдохновения наблюдал, как на его глазах ровными слоями растут строительные вагончики для жилья. Нуо сделал всё быстро и чётко. Не прошло и двадцати секунд, как перед Виктором словно по линеечке стояли пять разных бытовок, примерно по сорок квадратных метров каждая. Четыре — для жилья и один — как хозблок. Его Виктор доверху забил инструментом. В нём было практически всё, что только могло пригодиться для строительства. Утром дома, когда Виктор стал зачитывать для Нуо список, состоящий как минимум из десяти листов, енот перебил его, сказав, что всё, что там написано, он знает и уже одобрил. Виктору оставалось только ухмыльнуться, задав себе вопрос: а зачем, собственно, он здесь вообще нужен, если всё делалось исподволь, практически без его участия? В одном Нуо всё-таки его ослушался. Виктор хотел поставить вагончики подальше друг от друга, а оказались они практически на расстоянии вытянутой руки. Это, конечно, было не так уж важно, но для людей, которые будут в них жить какое-то продолжительное время, больше приватности не помешало бы.

Закончив с вагончиками, Нуо с такой же скоростью «напечатал» двести тысяч кирпичей. Виктор схватился за голову, когда увидел ровные ряды поддонов. Их было настолько много, что он реально испугался своего размаха. На бумаге всё выглядело просто и компактно, здесь же это смотрелось так грандиозно, что он не поленился и посчитал. Четыреста новых деревянных поддонов стояли в четыре ряда как по линеечке. Сто штук в ряд. Если бы какой-нибудь грибник прошёл здесь вчера и затем сегодня, у него возникло бы много вопросов. Гораздо больше было бы вопросов у главы поселения Ивана Великанова, если бы у того вдруг появилось желание заглянуть на владения, только что перешедшие в собственность ООО «Аруба». Дальше Нуо, продолжив по списку, напечатал бетонные блоки для фундамента, два десятка септиков, пластиковые трубы для воды и канализации, пиломатериалы разного размера. Сетка из нержавейки высилась большими ровными штабелями и занимала огромную площадь. Виктор никогда не занимался строительством, поэтому список составлял Афшин, в резюме которого был уже не один построенный дом. В любом случае, много стройматериалов придётся доставлять обычным способом, без всякого Нуо. Конечно, благодаря уникальной возможности, себестоимость объекта сокращалась значительно, но она не была равна нулю. И это входило в планы. Надо было хотя бы создать видимость транспортировки. У Виктора был на этот счёт свой план, немного сырой, но при удачном раскладе он должен был сработать. Не обошлось и без казусов. Вредный енот наотрез отказался создавать всё сыпучее. Никаких цементных смесей, ни песка, ни клея. Виктор не мог поверить, что это невозможно, поэтому, отнёс такое нежелание Нуо просто к обычному упрямству. Единственное, что удалось выпросить у енота, это огромную кучу белого щебня для отсыпки дороги. Что ж, хоть так. Совсем скоро начнётся осень — время дождей, и, если не успеть сделать подсыпку, здесь будет просто тихий ужас.

Виктор посмотрел на часы. Через несколько часов должны были подъехать Афшин с бригадой, и на этом первая часть немудреного плана Виктора была завершена. Теперь основная задача по строительству ложилась на плечи трудолюбивых азиатов. Перед тем как отправиться в обратный путь, Ярский попытался объяснить Нуо про новые высокотехнологичные солнечные батареи, о которых ему

поведал дед Михей. Видно было, что енот не упрямится, как обычно, а просто силится понять, чего от него хотят. Виктор не знал ни названия, ни маркировки батарей, как и фирмы производителя. Конечно, как он мог знать то, что будет в производстве через добрую сотню лет? В конце концов Нуо смог сделать один из запрашиваемых чудесных девайсов, поместив его в один из жилых вагончиков. Виктор долго читал руководство по эксплуатации, пока наконец не удостоверился, что это именно то, что ему нужно. Как и говорил дед Михей, один квадратный метр батареи в ясный солнечный день выдавал до пяти киловат энергии в час. Что интересно, к нему не нужны были даже аккумуляторные батареи, которые сглаживают перепады вырабатываемой энергии. Здесь были реализованы стационарно встроенные конденсаторы из серии Plagand Play, донельзя упрощая эксплуатацию. Пользоваться такой батареей мог любой дилетант. Стоило только закрепить рефлекторы на раме и подсоединить провода. Не мудрствуя лукаво, сделал двести штук.

Прикинул, что только что созданная Нуо электростанция мощностью в мегаватт-час бесплатной чистой энергии стоила баснословных денег. Более того, чтобы завладеть этой технологией, любая страна в мире готова была бы развязать войну, а он оставляет это богатство среди леса, в незапертом строительном вагончике. Оглядев ещё раз своё детище, Виктор ощутил нескрываемое наслаждение, как будто он опять прикоснулся к чему-то великому и нужному. Впереди было много неразрешённых вопросов, но они не пугали. Напротив, составить воедино все эти пазлы организационной работы казалось таким возбуждающим занятием, что всё остальное отодвинулось на второй план.

Ещё оставалось решить вопрос с техникой. Афшин говорил, что нужны как минимум два трактора, экскаватор, автокран и какой-нибудь грузовой автомобиль, а лучше два. Он предлагал взять всё это в аренду у своего знакомого. Тогда всё можно было бы решить деньгами, не заморачиваясь ни с водителями, ни с обслуживанием. У Виктора же были свои планы на этот счёт, хоть он и не был уверен, сможет ли Нуо реализовать всё так, чтобы не возникло в дальнейшем проблем с законом. Виктор понятия не имел, сможет ли этот всемогущий зверёк сделать, чтобы все транспортные средства, каждое из которых имело свой VIN-номер, были зарегистрированы в ГАИ и как-то проведены по

всем нужным инстанциям. Сможет ли Самойлов оприходовать всю, скажем так, с неба упавшую технику по внутренним бухгалтерским документам, не вызывая подозрения у регулирующих органов? В любом случае, надо было пробовать. Виктор мысленно обратился к еноту:

— Нуо, есть ещё кое-что, что бы мне хотелось от тебя получить, — и он, перечислив всё, что требовалось, спросил, сможет ли тот помочь в этом вопросе.

Виктор ожидал, как часто бывало, раздражённого или снисходительного ответа, но Нуо удивил его, подробно объяснив суть дела.

— Понимаешь, Виктор, — сказал енот мягко и дружелюбно, наверное, в первый раз назвав его по имени. — Это вообще не проблема — занести номера во все реестры как государственной регистрации, так и таможни. Всё отлично пройдёт по балансам, как если бы вся техника была привезена, растаможена и поставлена на учёт. Проблема в другом. Ты и так уже много всего получил на своё имя. Вернее, в данном случае на имя своей компании. Если помнишь, дед Михей упоминал, что ты не можешь злоупотреблять возможностями, данными тебе, для личного обогащения. А ты, получается, уже превысил свой лимит. Я бы с радостью помог тебе получить то, что ты просишь, но мне только что дали запрет свыше. Так что, парень, видимо, придётся тебе дальше обойтись без волшебства.

— Но я же не для личного обогащения, — попробовал возразить Виктор. — У меня в планах всё это продать людям, любому, кто изъявит желание здесь жить. Возможно, тем же строителям. Я не решил ещё. И это будет далеко не рыночная цена.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но ничем не могу помочь, — так же дружелюбно ответил енот. — Если тебе понадобится какая-нибудь мелочь, скажем, коробок спичек, молоток или лопата, ты только свистни — сделаю мгновенно. С техникой же стоимостью под сотню миллионов рублей ищи другие варианты.

«Вот как, оказывается, оно работает», — думал Виктор по дороге домой. Видимо, он был ограничен в своих возможностях, и получалось, что на сегодня он уже выбрал свой кредитный лимит. Это ставило под большой вопрос его план на всё строительство. Ну да

ладно. Если енот сказал, что он не может сделать это для себя, то придётся сделать для кого-то другого. Собственно, это и так было в планах. Просто хотелось по завершении строительства распределить всю эту материальную собственность между людьми, кто будет принимать непосредственное участие. Распределить в виде бонусов, раздав им доли в компании, либо, реорганизовав в закрытую акционерку, продать акции по номиналу. Теперь же приходилось менять коней на переправе. Первое, что он сделает, это разделит компанию с Сиплым, если, конечно, Саня захочет. Это надо было выяснить.

2 сентября 2009

Сиплый приехал на утреннем поезде. Виктор встретил друга на вокзале, и сразу решили прокатиться до места. По пути было достаточно времени, чтобы поговорить. Маршрут проходил по Белозерской дороге, не доезжая до города — налево, и километров сорок — вдоль озера на северо-запад. Рассказать о своих планах, не затрагивая темы Нуо, оказалось труднее, чем предполагал Виктор. Саня задавал прямые, чёткие вопросы, на которые не было ответов. Он слушал, не перебивая, пока Виктор с азартом рассказывал ему о своих планах на первых порах отсыпать дорогу за свой счёт, провести электричество, построить первый десяток домов, параллельно подтягивая новых людей и трудоустраивая их на места по обслуживанию нового поселения. Время от времени Виктор останавливался, замолкал на несколько секунд и потом продолжал. У Сани даже возникло впечатление, что его друг не просто рассказывает ему свои мысли, а делает доклад, пересказывая информацию, читая её на каком-то невидимом экране.

— И потом, когда мы закончим со всеми юридическими вопросами, мы подумаем, как можно сделать, чтобы каждый житель нашей деревни, — Виктор на мгновение отпустил руль, показывая воображаемые кавычки, — был защищён нашим внутренним законом или уставом. Чтобы ни у кого не возникало желания переехать в другое место. Люди будут работать с полной отдачей, потому что это всё своё. Каждый будет радеть за качество производимых товаров и услуг. Это будет такой, как бы местечковый, коммунизм, который не смогли

построить ни в одной стране. Всё будет чисто, вкусно, экологично и, в конце концов, честно.

— А кто за все эти твои мультики заплатит? — с нескрываемой иронией спросил Саня. — Ты сказал, что у тебя всего десять миллионов. Это то же самое, что и ноль. Здесь понадобятся, не знаю, миллиарды, если не десятки миллиардов. И самый главный вопрос, — Сиплый посмотрел в упор на Виктора, — а нафига тебе это всё надо? Тебе чего, больше некуда свою энергию девать?

— Сань, у нас есть ресурсы, — Виктор решил немного схитрить, придумав несуществующих влиятельных друзей. — Через неполных три года — выборы. Медведев по-любому уйдёт, и мы с тобой можем предположить, кто опять займёт президентское кресло. Если мы всё сделаем правильно, мы сможем стать частью предвыборной кампании. Думаю, не надо объяснять, что вовремя сказанные правильные слова могут быть щедро оплачены.

— Надо объяснять, Зевс! — сказал Саня. — Я ни хера не понял из того, что ты сейчас сказал. Нам типа Путин зашлёт пару ярдов за то, что мы местным пьяницам будем впаривать, что он типа молодец?

— Если совсем кратко, то да, — улыбнулся Виктор. — Но оставь эту часть мне. Твоей заботой будет безопасность. У нас будет херова туча недругов, я в этом уверен. Сань, я всегда хотел, чтобы у нас с тобой было что-то общее, а здесь как раз прекрасная возможность поработать в одном направлении. В конце концов, тебя никто силой держать не станет. Не покатит — уедешь. Да не ссы, брат, тебе понравится! — Виктор посмотрел на задумчивого друга, засмеялся. — Сейчас с человечком побеседуем, он здесь глава местной администрации. Надо познакомиться.

Свернули с бетонки, и «крузак», поднимая пыль, мягко помчался вдоль нескошенного поля в сторону их новой обители. Поля, перелески, редкие деревни с множеством покосившихся от времени, заброшенных домиков — словом, депрессивная российская глубинка. Остановились у добротного дома управления, возле которого стоял грязный, но свеженький «Уаз-Патриот». Виктор усмехнулся, заметив, что слово Patriot написано по-английски. Такой вот отечественный каламбурчик. С головой Буровского поселения Великановым Иваном Ивановичем Виктор говорил только по телефону. Мужчина предпенсионного возраста, прямой и суровый, был из списка Нуо, и

Виктору он понравился с первой фразы разговора. Ни слова лишнего, всё по делу, вдумчиво и лаконично. Согласился встретиться и поговорить, обозначил время и попросил не опаздывать. Виктор с Сиплым приехали чуть раньше, но глава был у себя в кабинете. Грузный мужик со здоровыми ручищами, взгляд исподлобья. Виктору сразу вспомнился Собакевич, персонаж из Мертвых душ. Поздоровались.

— Слушаю вас, молодые люди, — без предисловий пробасил Иван Иванович, сев за большой деревянный стол, вероятно, стоявший здесь не одно десятилетие.

Парни уселись на стульях напротив, и Виктор в двух словах изложил, что они в процессе покупки трёхсот гектаров сельхозугодий с дальнейшими намерениями заняться сельским хозяйством. Один из кусков земли, предположительно, участок в двадцать пять гектаров, планировали перевести в ИЖС с дальнейшим использованием под строительство жилья. Остальная земля будет обрабатываться по назначению. Великанов молча выслушал Виктора, говорившего чётко, внятно, как по писаному, что-то записал в блокнот и сказал:

— Я двумя руками за подобные проекты, но есть одна проблема, — он выдержал короткую паузу, затем спокойно добавил: — К сожалению, я вам не верю. Я прекрасно понимаю, что никаким сельским хозяйством заниматься вы не намерены. Основная ваша цель — поменять назначение земли из сельхозугодий в ИЖС, нарезать на участки и продать дачникам. Одного я понять не могу, зачем вы скупаете триста гектаров, если собираетесь перевести только двадцать пять?

— Даже если так, — согласился Виктор, — вам с этого прямая выгода. В район подтянутся люди, получите больше налогов. Отсыплем дорогу за свой счёт, проведём ЛЭПы. Это как минимум, но я вас уверяю, Иван Иванович, мы будем заниматься сельским хозяйством, — Виктор сделал ударение на слове «будем».

— Ладно, посмотрим, — сказал Великанов, вставая. — Препятствовать не буду, подавайте документы, я подпишу.

Когда сели в машину и Виктор плавно поехал дальше по песчаной дороге, Саня сказал:

— Слушай, Зевс, ты меня приятно удивляешь. Ты так изменился, что мне кажется, я тебя совсем не знаю. Твоя манера говорить и

уверенность в реализации этого своего проекта космического масштаба вселяют оптимизм.

— Сейчас я тебя познакомлю с нашими строителями, уверенности ещё прибавится, — сказал Виктор. — Впрочем, сам увидишь.

Дорога, петляя между редкими перелесками, вышла на большое поле. С одной стороны виднелась небольшая речушка, с другой в нескольких сотнях метров ровной стеной зеленел хвойный строевой лес. Виктор сбавил скорость и исподволь наблюдал, как Саня, вглядываясь в ряды стройматериалов, изумлённо молчал. Слева от дороги копошилась группа людей. На солнце тёмными тонированными поверхностями поблёскивали новые солнечные батареи. Виктор с удовольствием отметил, что работа по установке электростанции продвигалась семимильными шагами. Установочная рама была собрана полностью, и сейчас строители укрепляли ряды солнечных панелей. Бегло посчитав количество установленных элементов, с удовольствием отметил, что добрая половина уже стояла на своих местах.

— Это чьё всё? — в конце концов спросил Саня.

— А это всё наше, Саня, — Виктор сделал ударение на слове «наше». — Конечно, нам потребуются твои сбережения. Я вложил десять миллионов, столько же жду и от тебя. Ведь у тебя есть деньги?

— Деньги есть, — задумчиво сказал Сиплый. — Но здесь даже с первого взгляда на порядок больше.

— Сань, не думай об этом. Вложишь десятку, и мы с тобой поделим компанию пополам, каждому по пятьдесят процентов. Если хочешь, конечно. Только у меня есть одно условие. Это очень важно. Я бы сказал, крайне важно.

— Говори своё условие, — сказал Сиплый, грызя травинку.

— Ты больше не будешь никого убивать, — Виктор посмотрел в упор на Саню и, не отрывая взгляда, добавил: — никогда и ни при каких обстоятельствах. Это табу.

Сиплый усмехнулся, похлопал Виктора по плечу и отвернулся, глядя на полоску леса. Помолчал немного, потом, не поворачиваясь, сказал:

— Посмотрим.

— Нет, Саня, не посмотрим, — отрезал Виктор. — Договоримся на берегу. Или так, или никак. Это моё условие.

Один из вагончиков определили под офис. Подошёл Афшин, Самойлов тоже был на месте. Виктор представил Сиплого, первый раз в жизни назвав его по имени-отчеству:

— Александр Яковлевич, мой друг и партнёр по бизнесу, — сказал он, заметив, как Саня слегка кивнул, стараясь держаться непринуждённо.

Афшин подал список того, что нужно было доставить в первую очередь. Виктор не знал и половины названий и тут же передал список Самойлову — мол, разбирайся. Тот в свою очередь сделал жест пальцами, обозначающий шелест денег.

— Виктор, нам нужна оборотка. Мне кажется, мы слишком многое хотим охватить. Мало того, что мы начали строиться практически нелегально и нас могут в любой момент прикрыть, так у нас совсем нет оборотных денег. Экскаватор в аренде, ещё техника нужна. За всё надо платить, — он показал рукой в окно.

— Стас, всё будет. Подготовь документы на продажу пятидесяти процентов компании Александру, — Виктор указал на Сиплого. — Он официально переведёт пять миллионов и пять отдаст наличными. Пока на оборотку хватит.

— Ненадолго, — покачал головой Станислав. — При том темпе, который вы задаёте, нужно больше денег, или мы уйдём в зиму, заморозив большую часть строительства, а надо сделать всю нулёвку до морозов.

— Хорошо, Стас, — сказал Виктор. — Рисуй смету, деньги будут.

Когда всё обсудили и Сиплый с Виктором уже собирались уезжать, к машине подошёл Афшин.

— Виктор, есть проблема. У нас начали воровать. Надо огораживать забором и ставить сторожа, иначе не уследить. Сейчас людей много, парни остаются на ночь, но на выходные почти все разъедутся. Местные тащат всё, что не приколочено, — он развёл руками.

— Хорошо, Афшин, — сказал Виктор. — Не волнуйся, я это решу. А по материалам всё, что надо, говори Станиславу Юрьевичу. Если он не справится, звони мне.

Пока Сиплый ходил вокруг, с интересом разглядывая солнечные батареи, Виктор закрыл глаза и отчётливо представил енота. Тот, как

по команде, почти сразу отозвался, вопросительно глядя, мол, чего надо?

— Нуо, можно мне информацию на людей, которые тащат у нас стройматериалы? Желательно с именами-фамилиями, и вообще, чтобы конкретика была.

— Если в электронном виде подойдёт, флешка у тебя в правом кармане, — сказал енот без каких-либо эмоций.

— Вот спасибо! — сказал Виктор и, помня про свой использованный лимит, уже почти в шутку добавил: — Компьютер бы ещё, куда эту флешку вставить.

Видимо, Нуо шутку не словил, а компьютер не считался таким уж дорогим приобретением. Виктор увидел новенький ноутбук Acer прямо на пассажирском сиденьи. Он лежал без какой-либо упаковки, а сверху, смотанный тугой восьмёрочкой, провод к нему. Сел за руль, включил комп, он тут же загрузился. На экране появился WindowsXP Home, и Виктор с ухмылкой на лице подумал: «Интересно, лицензионная ли операционка?»

На флешке обнаружилось несколько файлов. Открыл первый. Там было чётко изложено, что украли кое-какой инструмент, крепёжное железо для панелей, пару поддонов кирпичей и так, кое-чего по мелочи. В общем, немного. Воришек было четверо, возвращались несколько раз, и, по всей вероятности, на достигнутом они останавливаться не собирались. Что интересно, персонажи все были из дачников. Здесь же была подробная информация на каждого. Номера телефонов, адреса и даже места работы. Были также и видеофайлы с подтверждением каждой кражи. Всё в таком идеальном качестве, что позавидовал бы любой следователь, а адвокат преступников, видя заведомо проигрышное дело, только бы обречённо вздохнул. Нуо, как всегда, был в ударе. Виктор скопировал на компьютер всю информацию, которая была в текстовом формате. Для разговора с предприимчивыми жуликами этого было достаточно. Видео оставил только на флешке.

— Чего разглядываешь? — открыв пассажирскую дверь, спросил Сиплый.

— Сань, вот и работа тебе есть, присаживайся, — сказал Виктор, убрал флешку в карман и передал ноутбук другу. — Коллеги оперативно сработали. Уже знаем, кто здесь у нас хулиганит. Ты, когда

будешь готов, побеседуй с ребятами. Только не как ты умеешь, а очень вежливо.

— Я всегда очень дипломатичный, — улыбнулся Сиплый, беря в руки ноутбук.

— Я знаю, поэтому и напоминаю. Я бы хотел, чтобы, по возможности, мы просто наказали их рублём — так будет и нам лучше, и у них охоту отобьёт продолжать своё предпринимательство. Видишь, здесь всё есть, что каждый из них стащил. Бери рыночную цену, умножай на десять и объявляй им, что они это купили. Вернут деньги — пусть живут своей жизнью, а если кто будет против, мы подадим в суд. Всё есть на видео, поэтому у товарищей будет выбор: посидеть или заплатить.

— Как-то ты всё усложняешь, Зевс, — поморщился Сиплый, ни грамма не удивившись такому объёму информации на компе. — Может, проще сделать? По старинке — как следует дать в скворечник да в кессон посадить. Всё, что есть, отдадут.

— Нет, нет и ещё раз нет. Саня, прекращай, пожалуйста, с этими средневековыми методами. Это нисколько не сложнее — просто поговорить. Я знаю, ты можешь быть убедительным. Спокойно позвони, вежливо назначь встречу, обрисуй перспективу, и пусть товарищи думают. Не надо никому бить морду. У нас есть юристы, которые запустят делопроизводство, а дальше — дело техники. Потом они нас будут искать и упрашивать, чтобы мы взяли деньги. Но тогда уже будет дороже, это ты им объясни сразу. Кстати, комп тебе. Подарок от меня.

— Спасибо. Вообще, я хотел домой сегодня уехать, — задумчиво сказал Сиплый. — Варьке пообещал, что одним днём.

— Не вопрос, брат, вернёшься, когда будешь готов. Не горит.

— А откуда инфа, кстати? — наконец задал щекотливый вопрос Саня, и Виктор решил перевести в шутку, показав пальцем вверх: — Большой брат смотрит.

Саня покачал головой. Было видно, что такой ответ его не устраивает, но он больше ничего не сказал.

Вечером, провожая Сиплого на поезд, Виктор спросил:

— Ну что, Александр Яковлевич, как тебе наш проект? Не боишься?

— Боюсь, что не смогу быть таким же шустрым, как ты, — усмехнулся Саня. — А так чего мне бояться? И мне очень не нравятся твои секреты, Зевс. Если ты будешь продолжать держать меня в неведении, вряд ли я захочу быть твоим партнёром.

— Сань, без претензий. Можешь просто назначить себе достойную зарплату, и поработаем таким образом. А кстати, как твоя Варвара? Захочет переехать в лесную глушь из шумного Питера?

— Я очень сильно сомневаюсь, — сказал Саня, потом добавил: — Скорее всего, мы разбежимся с Варей. Не получается у нас, разные мы. Она хочет, чтобы я изменился, стал отутюженным. Таким принцем на белом коне. А я не такой, Зевс, зачем мне притворяться? Лучше я буду один, но буду самим собой, чем всю жизнь под кого-то подстраиваться. — Он посмотрел на часы. — Ладно, Зевс, я подумаю над твоим предложением. Вернусь через пару дней, будем решать, чего дальше. Всё, погнал я, бывай!

Когда поезд, быстро набирая скорость, скрылся из виду, Виктор сел в машину и привычно окликнул Нуо.

— Слушаю тебя, мой друг Виктор, — необычно дружелюбно отозвался енот.

— У Насти завтра день рождения, хочу ей колечко подарить. Можно ведь, чтобы ты?.. Вот так, из ничего, как всегда… И пусть оно появится здесь и прямо сейчас… — Виктору даже самому смешно стало от оборотов своей речи. Он лепетал чего-то, как пьяный подросток.

— Ярский, ты издеваешься, или чего? — после небольшой паузы спросил Нуо.

— Сейчас сформулирую, извини. — Виктор задумался, представив в уме кольца, какие ему приходилось видеть. — Давай так: золотое колечко её размера, нетолстое, и чтобы там бриллиантик такой был. Красивый.

— Какой формы?

— Блин, даже не знаю. Круглый, наверное. И чтобы блестел.

— Сколько карат? — спросил енот без малейших эмоций.

— Да фиг его знает. А сколько обычно бывает? Я же не разбираюсь в этом. Ну, пусть десять карат. Нормально же? Красиво будет.

— Десять карат? Уверен? — ещё раз переспросил Нуо.

— Нет, не уверен, но пусть десять. Да. Давай десять.

— Имеешь, — ответил енот. — Всё?

— Да, вроде, — неуверенно сказал Виктор.

Кольцо он увидел прямо перед собой на торпеде. Заметил, как блеснул алмаз одной из своих граней. Удивительно! Нуо не захотел сотворить технику, такую нужную для дела, и безропотно в миг исполнил желание о дорогой безделушке. Может быть, потому что не себе, а Насте? Виктор взял кольцо в руки, повертел. Вечерние фонари тут же отразились в огромном камне. Не такое он представлял колечко, совсем не такое. Хотелось маленькое, изящное, с миниатюрным блестящим камушком. Само кольцо, конечно, классное, но вот камень… Он был в диаметре около полутора сантиметров. Алмаз выглядел шикарно, переливаясь множеством своих граней, но он был такой огромный, что Виктор никак не мог понять, подойдёт он к Настиным миниатюрным пальчикам или будет крипово. Может, надо было сказать пять карат или вообще два? Фиг знает, как они там классифицируются. Виктор даже близко не был знаком с этими ювелирными тонкостями.

— Нуо, ты здесь? — снова спросил он.

— Да, говори, чего хотел? — уже не так дружелюбно ответил енот, как будто куда-то торопился.

— Я, кажется, чего-то не то у тебя попросил. А можно камень на другой поменять?

— Ярский, иди на фиг, — сказал енот и поймал тишину.

«Вот, блин, упертый зверёк», — подумал Виктор. Он надел колечко себе на мизинец и продолжал его разглядывать. Выглядело шикарно, богато. Сколько же оно, интересно, стоит? Надо было спросить у Нуо хоть примерную стоимость. Ладно, что есть, то есть. Важен же не сам подарок, а чтобы он был от души. Пусть будет так. Насте понравится.

***

Полковник Афанасьев ходил взад и вперёд по своему кабинету, поглядывал в окно на машины, потоком двигающиеся по Большой Лубянке. На столе лежал очередной доклад, принесённый капитаном Рощиным. На этот раз Фёдор накопал много, даже слишком много. В какой-то момент Павел Ильич даже пожалел, что вообще попросил

своего заместителя собрать информацию на Виктора Ярского. То-то фамилия Ярский сразу бросилась в глаза, как только он её услышал. Что-то сразу кольнуло на задворках памяти, но вначале Афанасьев не придал этому значения. Теперь, когда он прочитал полное досье на Виктора, он всё вспомнил. Давно похороненные в памяти грехи молодости всплывали и неприятно смердели.

Это было давно, ему только исполнилось восемнадцать. В банде он был одним из самых молодых. Главный принцип был не воровать там, где живёшь, то есть в Белозерске. Сначала выезжали на гастроли в Вологду, Ярославль. Потом добрались до Москвы и в конце концов до Черноморских курортов. Обносили зевак в поездах, полоротых командировочных, а также богатеньких туристов. Жить на широкую ногу Павел привык быстро. Денег были полные карманы, и утекали они так же легко, как и приходили. Зимой, как правило, возвращались домой и ложились на дно, чтобы всё поутихло. Воровать в Белозерске не разрешалось ни под каким соусом. Главным в банде был Фима Лебедев по кличке Хрящ. Официально он работал сторожем на транспортной базе и был неприметным гражданином. Хрящ никогда не ездил на гастроли, но знал всё про каждый налёт, про каждого члена банды и имел феноменальную память. Родной брат Хряща, Лебедев Марк, был на службе в Комитете госбезопасности и поднимался по карьерной лестнице, в прямом смысле перепрыгивая через ступеньки. Но сколь верёвочка не вейся, а где-то они всё-таки засветились, и каким-то образом следы привели следствие домой, прямо в Белозерск. Тучи сгущались. Дёргая за всевозможные ниточки, Марку Натановичу, брату Хряща, почти удалось замять дело. Закулисно договорились, что для виду пару человек посадят, и на этом всё затихнет. Но не всё шло так, как хотели братья Лебедевы. Молодой следак Юрий Ярский, для которого это было первое серьёзное дело, никак не хотел понимать, что надо придержать коней. Они со своим коллегой Юрием Русановым, несмотря ни на что, продолжали поиски, и в скором времени у них были имена почти всех членов банды Хряща. Теперь им всем светили реальные сроки. Решили валить обоих ментов. Служебный «москвич» поджидали в засаде прямо у дома Русанова. Что уж там пошло не так, но по чистой случайности в машине, вместо Русанова, с Ярским оказалась его жена. Когда началась стрельба, разбираться было уже поздно, и Афанасьев в тот вечер первый раз в

жизни убил человека. Он отчётливо помнил, как открылась пассажирская дверь «москвича», но вместо грузного Русанова из машины вышла девушка. Паша поднял карабин и прицелился. Когда она сделала шаг на свет фонаря, он увидел её широко открытые глаза. Она смотрела прямо на него. Было темно, и вряд ли девушка могла разглядеть кого-либо из спрятавшихся, но у Афанасьева было такое чувство, что она видит его и не отводит взгляд. Паша нажал на спусковой крючок и увидел, как на груди у неё появилось большое красное пятно. Падала она медленно, даже слишком медленно и всё время смотрела на него. Он выстрелил ещё и ещё, уже просто по инерции, даже не целясь. Потом он долго блевал, его всего трясло, а широко открытые глаза женщины, в которую он стрелял, Паша не раз видел в кошмарных снах. Дома в почтовом ящике его ждала повестка в армию, и о том, что почти все его подельники сели, он узнал только через два года, когда вернулся со службы. Хрящ каким-то чудесным образом вышел из воды сухим, но потерялся, и с тех пор про него больше никто ничего не слышал. Потом Паша узнал, что его двоюродный брат Роберт женился на племяннице Хряща, Эльвире, и, даже взял её фамилию. Через какое-то время её отец, Марк Натанович, тогда уже влиятельный человек, устроил Пашу на Лубянку. В семейном кругу упоминать, а уж тем более спрашивать про Лебедева Ефима было не принято. После смерти Марка Натановича эта семейная тайна так и осталась тайной.

Сейчас, медленными шагами прогуливаясь по своему кабинету, Павел Ильич вспоминал всё больше деталей тех давно минувших дней и никак не мог поверить, что всё это — случайность. Фактически, ему заказали человека, одного из родителей которого, а возможно и обоих, он убил тридцать шесть лет назад. Свидетелей того происшествия не осталось, кто-то ушёл из жизни сам, а кому-то помог Афанасьев. Прямо или косвенно. Единственный человек, который всё знал, это был старик Русанов. Но у него на Афанасьева прямых улик не было, возможно, поэтому он и дожил до старости. Конечно, он что-то подозревал, но прошло уже столько лет, что опасности он давно не представлял. Афанасьев сам не знал, почему он тогда обошёл этого боксёра стороной, когда чистил хвосты.

А этот Виктор оказался не таким уж простачком. Каким-то невероятным образом он начал строить коттеджный посёлок в

живописном месте недалеко от Белого озера. Афанасьев отправил своего самого лучшего агента в Белозерск, чтобы тот приглядывал, как продвигается строительство. Похоже, здесь пахло большими деньгами, и торопиться не следовало. При том темпе, какой они задали, возможно, уже к следующему лету этот дачный посёлок будет стоить сотни миллионов. Непонятно только, откуда у Ярского деньги. Уставной капитал предприятия, единственным учредителем которого являлся Виктор, был десять миллионов. Внушительно, но не критично. Движение денег по счёту минимальное. Такое впечатление, что за всё они рассчитываются наличными. Это походило на обычный отмыв денег. Но вот чьих? Это надо было выяснить. Афанасьев решил не делать никаких движений, а понаблюдать, что за человек такой этот Виктор и кто за ним стоит. И пусть он пообрастёт жирком, больше будет сливок. Вот ведь сделала ему Элечка подарок, сама того не осознавая! Как всегда, в такие моменты Афанасьев задумывался о своей семье. Его жена никогда не интересовалась, откуда у них деньги. Понимала ли она, как он зарабатывает, и закрывала на это глаза, либо была настолько наивна, что не задумывалась. А может, просто смирилась, и её всё устраивало. Детей им Бог не дал, возможно, как раз как расплата за грехи, а может… Да нет никакого Бога! — прервал свои бессмысленные гонки Афанасьев. Есть вопрос, который надо решить. Решить любой ценой. Закон Дарвина — выживает сильнейший. А он как раз сильнейшим и был. Подумав, он спрятал папку, которую принёс Фёдор, в портфель. Вечером сгорит в камине. Больше это не нужно никому видеть. А Федю надо ненавязчиво притормозить, сделав вид, что потерял к Ярскому интерес. Хватит ворошить прошлое. Надо будет выждать момент и поставить жирную точку. Придётся подчистить то, что он не доделал тридцать шесть лет назад.

***

3 сентября 2009

Виктор проснулся рано. Похоже, ночь плавно начинала переходить в утро. Тёмное фиолетовое небо только начинало слегка сереть на востоке. Обе Насти ещё спали. Он тихонько выполз из-под одеяла и пробрался на кухню. Приснился странный сон. Хотя не страннее, чем обычно. Никаких чудес, никаких енотов. Просто во сне

Виктор видел давно забытый детский дом, деревенские улочки Белозерска и своего тренера Юрия Русанова. Во сне Юрий Иванович выглядел ужасно пьяным и побитым жизнью. Он, как вокзальный забулдыга, не имел никакой цели в жизни, кроме как добраться до очередной рюмки алкоголя. Виктор пытался поговорить с ним, но тот продолжал уходить прочь, игнорируя любые попытки завести с ним беседу. Сон уже отступал, теряя краски и очертания персонажей. Мозг полностью пробудился, и Виктор всерьёз задумался, вспомнив, что уже давно собирался съездить в Белозерск, навестить своего тренера. Последний раз они виделись с Русановым больше пятнадцати лет назад. Виктор тогда только пришёл из армии и уже через полгода купил свою первую машину, старенькую шестёрку. Ему так хотелось повидаться с тренером, рассказать про армейку, а заодно и похвастаться машиной. По Русанову Виктор скучал. Он был, наверное, единственным, из-за кого хотелось съездить в родной город. Виктор представлял их встречу как-то торжественно. Всё-таки со временем Юрий Иванович стал если не родным, то очень близким человеком. Но так получилось, что вместе с Виктором поехал Сиплый, да ещё позвал с собой двух девчонок, с которыми только что познакомился. В итоге поездка превратилась в очередную гулянку — с выпивкой на всю ночь, весельем и всем вытекающим. Когда на следующий день они гурьбой завалились к Русанову, довольные и счастливые, он принял их не очень радушно. Поговорили совсем немного, как-то натянуто попрощались и уехали в Череповец. Не так себе Виктор представлял эту встречу. Потом было ужасно стыдно, и он корил себя, что не поехал один. Позже он хотел ещё раз прокатиться в Белозерск, но рутина захлестнула с головой, и стало не до Русанова.

Сейчас у Виктора странно тянуло душу, как будто бы он чего-то упустил, ни разу не съездив повидаться с человеком, который в своё время так много ему дал. Русанову сейчас должно быть что-то около семидесяти. Виктор вспомнил тот день, когда он пришёл к тренеру, гордый, счастливый, и начал рассказывать, как он в драке победил Сиплого. Думал, что тот его похвалит, но Русанов, проигнорировав рассказ, спокойно сказал: «Ты опоздал на тренировку. Переодевайся и в зал, тысяча отжиманий за опоздание».

То, ради чего он упорно тренировался, вообще не интересовало Русанова. Тренер хотел от Виктора чего-то гораздо большего.

Возможно, каких-то побед на ринге, медалей и титулов. Виктор же, добившись своего, потерял интерес к боксу, стал часто пропускать и в скором времени вовсе перестал ходить на тренировки. Через какое-то время желание тренироваться снова появилось, но идти к Русанову после такого перерыва было уже просто стыдно, и Виктор навсегда забыл про бокс. Юрия Ивановича он видел ещё раз, когда окончил восьмой класс и собирался переезжать в Череповец. Виделись они около школы, куда Русанов был в очередной раз приглашён рассказать малолеткам, что такое хорошо и что такое плохо. Время от времени руководство детдома проводило такие встречи, дабы хоть как-то напугать подрастающих сорвиголов от дерзких поступков, караемых законом. Виктор тогда хотел подойти, поздороваться, сказать что-нибудь Русанову, но постеснялся и только молча смотрел из строя на своего любимого тренера. Когда Юрий Иванович закончил свою речь, он посмотрел в упор на Виктора, улыбнулся и кивнул головой в знак приветствия. На душе тогда потеплело, стало радостно, что Русанов помнит и не сердится на него. Но возможно, Виктору это только показалось, а Иваныч в толпе его даже не заметил. Столько воды утекло с тех пор!

Виктор услышал шорох и резко обернулся. В дверях стояла Настя.

— Доброе утро, медвежонок, — сказала она, зевая.

В последнее время она начала звать его всякими ласкательными звериными именами: медвежонок, тигрёнок, котик, зайчик. Не сказать что это Виктору не нравилось, но привыкнуть никак не мог. Всё-таки время от времени он вспоминал о такой большой разнице в их возрасте. Хоть после его четырёхлетнего отсутствия она и сократилась до тринадцати лет, но всё равно была внушительной.

— Привет, Настёна! — улыбнулся он в ответ. — С днём рождения, девочка моя.

— Ой, точно! — сказала она, присаживаясь рядом. — А я и забыла. Вить, давай не будем отмечать мой день рождения.

— Давай не будем, — обнимая её за плечи, согласился Виктор. — Но, у меня есть предложение. Поехали в Белозерск съездим. Хочу встретиться с одним своим старым другом. И к маме твоей заедем, хоть познакомишь нас.

— Хорошо, поехали. А когда ты мне покажешь наш новый дом? Там ведь рядом, — Настя откинула с глаз чёлку и посмотрела на

Виктора.

— На обратном пути обязательно покажу. Только там пока ничего интересного, одни кирпичи. Даже фундамент ещё не установлен.

— Всё равно интересно, я же ещё ни разу там не была.

— Побриться надо, — улыбнулся Виктор, трогая свою бороду. — А то мама твоя меня увидит, скажет, что я совсем старикан.

— Я уж привыкла к тебе бородатому, — Настя погладила его по мохнатой щеке.

Через двадцать минут, когда Виктор вышел из ванной, гладкий и блестящий, Настя всплеснула руками и в голос засмеялась:

— Витька, да ты нисколько не изменился! Вот такого я тебя помню, когда мы только познакомились. Офигеть! Тебе на следующий год сорок, а ты и на тридцать не выглядишь. А можешь мне дать твоего эликсира молодости?

— Ты же и так ещё мелкая, — подмигнул Виктор, — но если надо, то дам.

— Вить, и ещё… давай сначала заедем в одно место, я давно хотела. Подарок мне сделаем на день рождения.

— Давай. А что за место?

— Сюрприз, — она обняла Виктора и загадочно улыбнулась.

Через пару часов, когда они подъехали к магазину элитной мужской одежды «Эгоист», он всё ещё не сообразил, в чём суть сюрприза.

— Пойдём, оденем тебя. — Настя взялась за ручку двери и, видя, что Виктор не двигается, а лишь смотрит на неё удивлённым взглядом, добавила: — Ви-ить, пошли, ты должен выглядеть как настоящий бизнесмен, если решил заниматься серьёзными делами.

— Мне и в этом всегда удобно было, — заупрямился он. — Думал, что внешний вид — не главное. И потом это же не мой день рождения!

— Медвежонок, по уму лишь провожают, а встречают по одёжке, — улыбнулась Настя. — Пойдём, не упрямься. Мне будет очень приятно.

Выбирали долго. Настя оказалась придирчивой, но хорошо разбирающейся в моде покупательницей. Для Виктора множество костюмов рубашек и галстуков были как одно большое серое пятно. Настя же без труда выискивала что-то, на её взгляд достойное

внимания, и как-то сразу умудрялась угадать с размером. Девушка-продавец снимала с полок всё новые рубахи, брюки и галстуки. Виктор в какой-то момент почувствовал себя героем фильма «Красотка», только в мужском обличии.

— Деньги хоть есть? — Настя со счастливой улыбкой посмотрела на Виктора, выглядевшего как жених на свадьбе.

Он кивнул. Вероятно, откуда-то из своей норки за всем этим подглядывал енот и снисходительно ухмылялся.

Когда они вышли из магазина с кучей покупок, довольная Настя поцеловала Виктора и заглянула в глаза:

— Ты у меня теперь выглядишь как принц. Я довольна.

Белозерск за последние два десятка лет, конечно, изменился, но не так сильно, как тот же Череповец. Здесь время как будто замедлилось, и, если бы не сетевые магазины, всякие «Магниты» и «Пятерочки», с цветными яркими вывесками, можно было бы с лёгкостью представить, что город всё ещё живёт где-нибудь в начале девяностых. Те же узкие раздолбанные улочки с множеством заплат из тёмного асфальта, покосившиеся деревянные дома с облупленной краской и люди в бесцветной, серой одежде, неторопливо бредущие по своим делам. Такое вялотекущее уныние останков Советского Союза. Настя молча смотрела в окно и, видимо, думала примерно о том же, что и Виктор. Она не застала советских времён и выросла уже в годы страшных железных палаток, круглосуточно продававших спирт «Рояль», кожаных курток, тонированных отечественных девяток и невнятных перспектив на будущее. Её детство пришлось на девяностые. Виктор же захватил тот небольшой отрезок времени, когда всё вокруг было немного добрее и проще. Когда мамы не боялись отправлять своих первоклассников в школу или в магазин за продуктами, даже если им приходилось топать через полгорода без сопровождения взрослых.

Виктор притормозил недалеко от древнего здания детского дома. Строение было каменное и после недавнего ремонта выглядело не так уж плохо. Фасад, окрашенный в светло-салатовый цвет, выглядел почти по-современному. Старые рамы заменены на стеклопакеты. Забор тот же, старый, деревянный. Похоже, стоять ему осталось совсем недолго, так угрюмо он выглядел. Виктор заметил группу подростков в тени под деревьями. Даже издалека было видно облачко

серого дыма над их компанией. Все дружно курили. Слегка защемило в груди. Он как будто увидел среди них себя в десяти-одиннадцатилетнем возрасте.

— Ты здесь вырос? — спросила Настя, сразу всё поняв.

Виктор молча кивнул. На глаза наворачивались слёзы.

— Хочешь зайти? — она дотронулась до его руки.

— Не сегодня, — он сильно стиснул зубы, борясь с эмоциями, и, включив левый сигнал поворота, плавно выехал на дорогу. — Настя, сейчас мы заедем к человеку, которому я многим обязан в своей жизни, — сказал Виктор, поворачивая на улицу, где жил Русанов.

— Думаешь, мне лучше подождать в машине? — спросила Настя.

Он пожал плечами:

— Как хочешь, можно вместе зайти.

Виктор не был уверен, стоит ли ещё дом Русанова и жив ли сам Юрий Иванович. Уже тогда, четверть века назад, жилище тренера казалось ему таким ветхим, что стены готовы были рухнуть со дня на день, однако, к его удивлению, дом никуда не делся. Более того, он ничуть не изменился. Казалось, эти довоенные постройки начала прошлого века были неподвластны времени. Дом давно не красился, доски непонятного серого цвета, покосившиеся ворота с такой знакомой калиткой также были на месте. Железная ручка та же, которую Виктор помнил с детства. Она блестела, отполированная множеством рук, открывавших эту дверь за долгие годы. Виктор нажал на ручку, калитка со скрипом открылась. Оглянулся на стоявшую рядом Настю, та кивнула, мол, заходи. Опять эта приятная боль где-то в грудной клетке. Виктор отчётливо вспомнил свой первый раз, как он вошёл в эту дверь, будучи маленьким, несуразным, неуверенным в себе тинэйджером. Спустя всего несколько месяцев, благодаря усилиям Юрия Ивановича, он настолько изменился, что это заметили все без исключения. Виктор был очень благодарен Русанову, но так ни разу его и не поблагодарил. Более того, прекратив ходить на тренировки, он в какой-то степени даже предал своего тренера, хоть тогда этого ещё не понимал. Зашли во двор. Вокруг — высокая нескошенная трава, но протоптанная тропинка к входной двери намекала, что в доме кто-то живёт. Бросил взгляд на заднюю часть двора, где раньше стоял трофейный «Днепр». Мотоцикл был на том же месте. Виктор улыбнулся. Насквозь ржавый, весь заросший бурьяном,

но до сих пор живой. Старый конь, как его называл Русанов. Упираясь белым стволом в бок коляски, выросла большая берёза. Она была, пожалуй, выше дома, и, если бы кто-то решил выкатить мотоцикл, сначала ему пришлось бы спилить эту берёзу. Дверь в дом подпёрта деревянной, так же как и ручка калитки до блеска отшлифованной палкой, давая понять, что хозяев нет дома. Виктор в лёгкой прострации посмотрел на Настю, потом осмотрелся вокруг, не зная, что дальше делать, взялся рукой за холодный, как лёд Нуо. Хотел мысленно задать ему вопрос, что с Юрием Ивановичем. Зная, что Нуо раньше не особо жаловал информацией о близких людях, но всё же решил попробовать. Увидев, что этот его жест не укрылся от глаз Насти, он машинально опустил руку вниз, возможно, слишком быстро. Она удивлённо, с интересом продолжала смотреть на него, но тут открылась калитка, и с улицы во двор вперевалочку зашёл старый дед. Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это Русанов. Те же черты лица, что и раньше, только глубокие морщины вдоль и поперёк выдавали почтенный возраст. Он как будто бы уменьшился вдвое. Если при его сравнительно небольшом росте раньше он весил килограммов под сто, то сейчас это был сухонький старичок, лёгкий и сморщенный. В руке Русанов держал сетку с продуктами. Не сумку, не пакет, а настоящую верёвочную сетку-авоську, которые были так распространены в те давние советские времена. Он сделал несколько шагов, остановился и уставился на Виктора с Настей, как будто в замедленном действии загружая в свой мозг увиденную картинку. Виктор предполагал, что если и увидит тренера, то тот будет явно в преклонном возрасте, но всё равно был шокирован.

— Вы чего здесь делаете? — громко спросил Русанов на удивление бодрым голосом.

— Юрий Иванович, здравствуйте, — сказал он, делая шаг навстречу. — Это я, Виктор Ярский, а это Настя, девушка моя.

Русанов долго смотрел на него, затем улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Здравствуй, Виктор Юрьевич. Приехал всё-таки. А я уж думал, не увижу тебя больше.

Он повесил свою сетку на большой гвоздь, что торчал из стены возле крыльца, и протянул Виктору руку. Рука была маленькой, сухой как пергаментная бумага, но рукопожатие — сильным, как и в старые

добрые времена. Виктор обнял тренера, который теперь был на голову ниже его. В детстве он никогда не замечал, что Юрий Иванович был такого маленького роста. Русанов похлопал его по спине, мол, хватит телячьих нежностей.

— Ну чего, заходите, раз приехали, — сказал он, отставляя в сторону свой замок в виде палки, и, открыв дверь, первым зашёл в дом.

У Виктора приятно потеплело на душе. Русанов не только помнил его, но даже знал по имени-отчеству. Это было настолько удивительно, что захотелось спросить тренера, как он мог спустя почти тридцать лет помнить такие нюансы. Виктор, проходя по тёмному коридору, ощутил приятный запах детства. Всё было таким же, как и тогда. Низкий дверной проём, что приходилось нагибаться даже Русанову с его ростом. Знакомая с детства комната стала как будто меньше, чем раньше. Или в своих каменных джунглях они привыкли к квартирам большей площади, а раньше и здесь казалось просторно. Разулись. Настя выложила на стол привезённые сладости. Пряники, несколько пирожных к чаю, красную рыбку в вакууме — на случай, если будет желание сделать бутерброды. Русанов поставил старинный эмалированный чайник на двухкомфорочную газовую плиту, открыл вентиль на большом красном баллоне и, чиркнув спичкой, зажёг газ. Виктор присел на лавку возле стола и с интересом осматривался вокруг. За четверть века здесь ничего не изменилось. Сюда не пришли ни новые компьютеры с быстрым интернетом, ни «мерседесы» со встроенными экранами навигаторов — никаких новшеств. Те же коробки спичек вместо зажигалок, те же обычные лампочки вместо энергосберегающих. Даже старинный обтекаемый холодильник «Юрюзань», который открывался ручкой с защёлкой, на удивление мерно урчал. Если бы в 1983 Виктор, сидя на этой же самой лавке, с помощью Нуо перенесся бы в сегодня, то вряд ли заметил бы какие-то перемены.

Юрий Иванович придвинул стул, надел очки в большой роговой оправе, сел напротив и внимательно посмотрел на Виктора, словно хотел лучше его рассмотреть.

— Боксируешь? — внезапно спросил он.

— Да, иногда, — соврал Виктор.

Честнее было бы сказать «от случая к случаю» или «очень редко». Виктор совершенно не знал, что ещё сказать Юрию Ивановичу, а сам тот больше ничего не спрашивал.

— Можно мне глянуть на спортзал? — спросил Виктор.

— Пойдём, — Русанов встал и направился к выходу.

Здесь тоже ничего не изменилось. Виктор зашёл в большую комнату, где в детстве провёл столько времени, что помнил каждую трещинку на полу, каждый сучок на деревянных стенах. Ларь с инвентарём стоял на том же месте, что и раньше. Старый боксёрский мешок висел посреди комнаты, те же несколько пар старых перчаток — на стене. Ёкнуло, когда он увидел, что к ним добавилась его пара. Он с трепетом снял перчатки из синей кожи, такие родные. Попробовал надеть. Нет, теперь они были ему малы.

— Забирай, это твои, — сказал Юрий Иванович.

Стало ужасно стыдно. Виктор подошёл к тренеру, обнял и тихо произнёс:

— Спасибо вам, Юрий Иванович. Спасибо, что помогли мне стать мужчиной. Спасибо за всё. Простите, что тогда не оправдал ваших надежд.

— Из тебя можно было сделать неплохого бойца, — сказал Русанов. Было видно, что он тронут, хоть и старался не показывать этого. — Но ты выбрал другой путь. Витя, не всем быть спортсменами. Ты добился, чего хотел, это тоже важно. Вы же потом подружились с этим парнем, который тебя задирал?

— Да, мы до сих пор дружим, — ответил Виктор, чуть не сказав, что Сиплый даже спас ему жизнь.

— Это хорошо, — кивнул Русанов. — Дружба — это главное в жизни. К сожалению, нечасто люди дружат всю жизнь. Дружбу надо беречь, всегда ставя на первое место.

— Юрий Иванович, я удивлён, что вы помните меня даже по имени-отчеству. Так приятно.

— Да, я расскажу тебе кое-что, давно надо было, — сказал Русанов, потом посмотрел на Настю, молча стоящую около двери, как будто не решался при ней сказать что-то важное.

— У меня от Насти секретов нет, — сказал Виктор, верно истолковав мысли Русанова.

— Пойдём в комнату тогда, — предложил тот. — Чайник, поди, вскипел. А перчатки забирай. На память.

Настя немного похозяйничала. Разложила угощение на большой тарелке, сделала бутерброды с лососем. Чай заваривать Русанов ей не позволил, заварил сам. Потом принёс и положил на стол большой фотоальбом в твёрдой бархатной обложке. Полистал его и, открыв, положил перед Виктором. Ткнул пальцем в старую, выцветшую чёрно-белую фотографию.

Виктор узнал сразу. На фотке стояли в обнимку его отец и Русанов. Они были совсем молодые, оба в милицейской форме. Потом ещё несколько знакомых фоток, видимо, сделанных примерно в одно время. Что-то похожее он видел дома у бабушки. Тогда он любил рассматривать фотографии родителей. У бабушки их было много, а когда он попал в детдом, у него оказалось всего несколько фоток. Все они до сих пор хранились у Виктора дома, но были настолько низкого качества, что лиц на них было почти не разобрать.

— Вы знали моего отца? — Виктор удивлённо поднял глаза на Русанова.

— Мы были друзьями и много времени проводили вместе, — произнёс он.

— Я знаю, что мой отец расследовал какое-то преступление и его застрелили, — сказал Виктор, — и маму тоже.

— Мы с ним вместе работали по этому делу. Твой отец был очень принципиальный. Его невозможно было купить. Твоих родителей застрелили прямо около моего дома. На этом месте, где сейчас стоит твоя машина. Я поклялся на могиле твоего отца, что пересажаю их всех.

— Да, я слышал, что всех потом посадили, — сказал Виктор. — Юрий Иванович, но почему вы не рассказали мне раньше? Если всё знали.

— Я хотел тебе рассказать, но когда ты вырастешь. Сначала ты был ещё ребёнком, а потом, когда отсюда уехал, я подумал, может, тебе не очень-то это и надо. Не все же хотят копаться в прошлом.

— А вы знаете, где похоронены мои родители?

— Как не знать, конечно, знаю.

— А мы можем съездить туда прямо сейчас?

На столе в фарфоровых чашках дымился нетронутый крепкий чай. Русанов встал и даже стал казаться моложе.

— Поехали, — сказал он.

Виктор стоял на могиле своих родителей в первый раз в жизни. Чувство стыда вперемешку с палитрой всевозможных других ощущений и эмоций переполняло его. Как так, что за столько лет он не соизволил ни разу сюда прийти?! Как так получилось, что кто-то другой ухаживал за могилкой?! Всё здесь было очень скромно, но сделано хорошо. Два металлических конусообразных памятника, железные овальные фотографии родителей выцвели, но всё равно обоих можно было узнать. Повсюду заросли высокой травы, но было видно, что могилка не заброшенная.

— Я весной был здесь, траву выдергал, — сказал Русанов, — но видишь, снова наросла.

— Юрий Иванович, я здесь всё сделаю, — словно оправдываясь, пообещал Виктор. — Всё облагорожу и памятники поставлю каменные. Я даже не знаю, как мне вас благодарить.

— Витя, памятник — это ведь не главное, — развёл руками Русанов. — Главное — хранить память.

Постояли, помолчали каждый о своём. Когда пришло время уезжать, Русанов сказал:

— Пусть девочка твоя в машине посидит пару минут. Нам надо по-мужски потолковать.

Настя кивнула и пошла к машине. Виктор вопросительно посмотрел на тренера.

— Витя, не знаю, стоит ли это говорить, но, пожалуй, скажу. Я сказал, что посадил всех, кто причастен к смерти твоих родителей, но это не так. От меня тогда ускользнул один молодой пацанчик. Сначала в армию ушёл, потом в Москву сбежал. У меня не было ничего на него, и на тот момент я его не тронул. Дело было уже закрыто, и я просто махнул на него рукой. Звали его Афанасьев Паша. Когда я уже был на пенсии, один человек перед смертью сказал мне, что именно Афанасьев застрелил твою мать. Никаких подтверждений, кроме его слов, у меня нет, но он был из тех людей, которые слов на ветер не бросают. Я навёл справки и узнал, что Афанасьев служит в КГБ, на Лубянке. Сейчас он, скорее всего, уже в генералах, и его не достать, но

земля круглая. Каждому воздастся. Я подумал, что лучше тебе всё-таки это знать.

— Спасибо вам за правду, Юрий Иванович, — Виктор ещё раз посмотрел на могилку родителей, и они стали пробираться к машине.

Виктор подумал, как в жизни всё переплетено. Разве тогда, в тринадцатилетнем возрасте, можно было предположить, что спустя двадцать шесть лет он в первый раз побывает на могиле родителей и его тренер откроет ему ещё одну тайну?

Назад ехали молча. Настя отказалась заезжать к маме, сказала, что в следующий раз. Эмоций на сегодня уже хватило, и Виктор было согласился, но потом остановил машину на обочине, посмотрел на Настю.

— Настюха, мы должны поехать к твоей маме сейчас, как и договаривались. Не повторяй моих ошибок. Я сегодня многое понял. Как бы ни сложилась жизнь, в какие бы условия она тебя ни поставила, семья — это главное. Какая бы она ни была, это твоя мама. Она дала тебе жизнь, и она по-своему тебя любит, а тем, кто тебя любит, надо всегда давать второй шанс.

Настя молча кивнула. Виктор развернул машину и, подняв облако пыли, поехал туда, где она родилась и выросла, к её маме, в Нижнюю Мондому. Через полчаса они уже стояли возле такого же древнего деревянного дома, как и множество построек со времён Советского Союза. Зашли. По двору бродило десятка два разноцветных куриц, которые что-то постоянно клевали. В центре на пеньке сидел деревенский мужичок и курил. На вид ему было около пятидесяти лет. Фланелевая рубаха в большую клетку, засученные по локоть рукава. На голове кепка. Возле него была навалена внушительных размеров гора только что расколотых дров. Он повернул голову и, увидев Настю, сразу заулыбался, вставая.

— Дядя Толя, привет, — сказала Настя. — А мама дома?

— Ой, Настюша, привет, дочка! Ты приехала. Да, мама дома, приболела правда немного, — он по-отечески обнял Настю.

Обнял аккуратно, еле касаясь, будто бы она была из тончайшего стекла.

— Это Виктор, мой мужчина, — представила она Виктора, и тот протянул руку.

— А, здравствуй, Виктор, а я — дядя Толя, — продолжая улыбаться, смущённо представился он, пожимая руку.

Рукопожатие было слабым и каким-то безвольным. Рука тонкая и шершавая, как наждачная бумага, видимо, от постоянной деревенской работы.

— А где Джек? — спросила Настя, глядя на пустую собачью конуру.

— Настюша, а Джек умер, дочка. Уже несколько месяцев как умер. Старый ведь был совсем, — сказал дядя Толя и перестал улыбаться. — Да пойдёмте в дом, пойдёмте. Ну-ка, кыш, кыш! — зашикал он на куриц, которые отовсюду лезли прямо под ноги.

Когда утром Виктор спросил у Насти, сколько лет её маме, она со смехом сказала, что мама всего на пять лет старше него. Ну что поделать, приходилось всё принимать как есть, раз уж так сложилось. Хотя на самом деле разница была больше ещё на четыре года, но Настя этого не знала. Знали только Виктор и Нуо.

Зашли в дом, Виктор огляделся. Обычный деревенский интерьер. Всё небогато, но чисто. На деревянном полу — дорожки, на стенах — ковры, которые, вероятно, висели здесь ещё до рождения Насти. Мама лежала на узком старинном диване с деревянными лакированными ножками. На груди у неё расположился огромный рыжий котяра с наглой мордой и неистово громко урчал. Когда мама увидела вошедшую Настю, её безучастное лицо расплылось в улыбке, она тут же зашевелилась и сказала хрипловатым басом:

— Ой, Настя приехала! — И тут же добавила, сгоняя котяру: — Ну-ка, брысь, Пудинг!

Кот не торопясь спрыгнул на пол и, вальяжно потянувшись, зевнул, открыв пасть так, что туда без труда влезла бы средних размеров курица, причём целиком. Мама Насти меж тем, нащупав ногами большие, обрезанные до щиколоток валенки, обулась, встала и обняла Настю, приговаривая:

— Как хорошо, что приехала, доча, а я как раз собиралась позвонить тебе, с днём рождения поздравить. Дай-ка я хоть посмотрю на тебя, какая ты у меня красавица! А я прилегла, чего-то давление скакнуло. Но сейчас вроде хорошо уже.

Виктор стоял у порога и молча наблюдал, как радовалась мама внезапному приезду дочки. Ольге Павловне, маме Насти, было всего

сорок пять, но выглядела она лет на десять старше. Обычная деревенская женщина, похоже, в молодости была красавицей, но, вероятно, алкоголь в больших количествах сделал своё дело. Серый цвет лица, мешки под глазами, но взгляд добрый, открытый. Котяра меж тем подошёл к Виктору, поднял голову и внятно посмотрел прямо в глаза: типа чего стоишь? Гладь давай.

Зашёл дядя Толя.

— Пудинг, иди на фиг на улицу! — сказал он и легонько подтолкнул того ногой из комнаты.

Кот сделал вид, что и сам собирался уйти, без всякой помощи. Посмотрел ещё раз на Виктора и не торопясь, с достоинством вышел вон.

Ольга Павловна суетилась, накрывая на стол и приговаривая, что, если бы Настя позвонила и предупредила, то она бы хоть пирогов напекла. Виктор поставил на стол огромный торт, который они с Настей купили в магазине «Каравай» на выезде из Череповца. Пожалел, что не додумался купить праздничных свечей, чтобы Настя их задула на своё двадцатидвухлетие. Просить о таком у Нуо сейчас казалось каким-то кощунством. Он смотрел на Настину маму и на её сожителя Анатолия, и картинка никак не вписывалась в Настин рассказ об их беспробудном пьянстве. Всё здесь было ухожено, прибрано. Выдвинули на середину комнаты стол. Тут же появилась большая белая скатерть, Ольга Павловна поставила на середину кастрюлю с дымящимися зелёными щами. Уселись, Виктор сидел, как на именинах. Настя налила ему огромную тарелку щей, от которых шёл вкуснейший аромат.

— Вы кушайте, Виктор, — сказала Настина мама. — Это щечки из своего мяса. Свои курочки — это не то, что магазинные.

Потом посмотрела на дядю Толю, который размашисто пахал огурцы и помидоры в большущее салатное блюдо.

— Толя, принеси, там есть ведь у тебя, надо налить гостю.

— Мама! — громко сказала Настя. — Не надо!

— Оленька, не надо, у тебя ведь давление с утра было, давай я лучше квасу сейчас принесу, — сказал Анатолий.

— Я же не себе, а гостю, — оправдываясь, махнула рукой Ольга Павловна.

— Он за рулём, мама, — строгим голосом сказала Настя.

— Хорошо, хорошо, вы кушайте, Виктор. Настя, накладывай гостю ещё щей.

Сидели долго, болтали в основном о деревенской жизни, о хозяйстве. Виктор в двух словах, не вдаваясь в подробности, рассказал, что, вероятно, они с Настей переедут в новый посёлок около Белозерска. Дядя Толя похвалил, мол, правильное решение. Чего в городе делать, только дымом дышать. Предложил помощь: если чего надо, то может и печь сложить, и крышу покрыть. Словом, на все руки мастер. Зашёл Пудинг, осмотрелся и, выбрав Виктора, бесцеремонно запрыгнул к нему на колени.

— Вот, хороший человек, значит, ты, Витя, — засмеялся Анатолий. — Кот сразу видит.

Пудинг урчал так, что даже весь вибрировал. Виктор гладил его, чувствуя, какой он упругий. Вся голова в шрамах. Под густой шерстью была одна сплошная мышца.

— Такой он огромный! — восторженно сказал Виктор. — Наверное, гоняет всех котов здесь?

— Не только котов, — уточнила Ольга Павловна. — Он когда по деревне идёт, собаки и то на другую сторону переходят.

— Настюша, доча, с днём рождения тебя! — сказал дядя Толя, протягивая небольшой конверт. — Это от нас с мамой. Мы не знали, что ты приедешь. Там денежка, — пояснил он.

— Спасибо, дядя Толя. Спасибо, мама. — Настя взяла конверт, открывать не стала, положила рядом.

Виктор несколько раз порывался подарить кольцо, но почему-то сейчас это показалось неуместным. Так и не подарил. Возникла даже шальная мысль встать и торжественно попросить у Ольги Павловны руки её дочери. Но тоже, как малолетний подросток, не отважился. Видимо, в нём до сих пор продолжал жить этот комплекс неуверенности в себе. В милой беседе время пролетело незаметно, и Виктор так ничего торжественного Насте и не сказал.

***

— Ну чего, Настюх, заедем в наш будущий дом, или устала? — спросил Виктор, выезжая на трассу.

— Конечно, заедем, хочу посмотреть, — Настя счастливо улыбалась.

— Настюш, мне понравилась твоя семья. Душевно так посидели. Хорошие люди, добрые. А Пудинг вообще красавчик. Такой шкодный котяра.

— Да, они хорошие. Но стоит выпить рюмку, и всё было бы по-другому. Тебе лучше этого не видеть. Там такое начинается, что не остановить. И это на две или три недели, пока здоровья хватит. Потом отходняк, несколько дней передышки — и опять всё по кругу.

Виктор кивнул. А сам подумал: сколько всё-таки хороших людей сгубили алкоголь и наркотики! Увязнуть легко, даже не заметишь, а вот выбраться из зависимости сможет не каждый.

Когда подъехали к уже знакомой стройке, заметил, что людей ещё прибавилось. Афшин, как всегда, был на виду, отчаянно жестикулируя, объяснял что-то двум азиатам. Виктор заметил, что солнечные панели были полностью установлены и теперь в общей картинке смотрелись очень внушительно. Чуть поодаль экскаватор копал яму, методично складывая песчаный грунт в большую кучу. Подошёл Афшин энергичный и торопливый.

— Виктор, добрый день, — начал он. — Я написал список материалов, которые нужны были ещё вчера. Станислав уехал в город, но от него ни слуху ни духу. Экскаватор взят фактически под моё честное слово. Хозяин волнуется. Станислав оплатил только доставку и первую неделю работы. Надо оплатить всё, как по договору. Ещё нам срочно нужен трактор, автокран, грузовик тоже нужен. Виктор, так дела не делаются. Мы или работаем, или надо сворачиваться. Всё, что от меня требуется, я выполнил. Вы тоже, будьте добры, выполняйте свои обязанности, — было видно, что Афшин сердит не на шутку, но сдерживается, как может.

Что ж, он имел право. Это был косяк Виктора. Взявшись за незнакомое для него дело, он явно переоценил свои возможности.

Отошёл в сторонку, набрал Самойлова. Тот взял трубу почти сразу.

— Стас, привет, чего там у нас? — неопределённо спросил Виктор, ожидая тоже услышать какое-нибудь нытьё, типа из серии «всё пропало».

— Всё нормально, — бодро отрапортовал тот. — Я в Череповце. Документы на продажу половины компании на Сипелко готовы. Всё остальное тоже в рабочем режиме. Перевод в ИЖС займёт чуть

дольше, чем мы думали, но всё под контролем. Деньги нужны — чем быстрее, тем лучше. Но ты и сам это знаешь, чего напоминать.

— Замечательно, — сказал Виктор. — Думаю, завтра всё будет.

Подошла Настя:

— Вить, а где будет наш дом? Я бы хотела вон там, ближе к лесу.

— Солнце, у нас прям мысли сходятся! — улыбнулся Виктор. — Смотри туда. Видишь, вторая линия отмечена колышками? Я там наш дом запланировал, если ты не против. Там и огород можно сделать, если пожелаешь.

— Не, я не хочу огород, — Настя взяла Виктора под руку, заглядывая ему в глаза. — Хочу красивый, ровный газон, а в самом центре — беседку и гамак.

— И мангал, — добавил Виктор.

— И мангал, — согласилась Настя и прижалась к нему. — Скорее бы уж!

— Здорово здесь, правда? Это наша с тобой малая Родина, — он пристально посмотрел ей в глаза, — а ведь это, пожалуй, самое главное в жизни.

— Ты же сказал, что семья — самое главное?

— Да, так и есть, солнце, семья — самое главное. — Виктор прижал Настю к себе — Но в смутные времена, когда Родина в опасности, в приоритетах она должна ставиться на первое место. Думаю, это правильно.

***

Вечером Виктор сидел за столом и продолжал изучать список потенциальных работников. И тут его осенило. Енот сказал, что мог бы сделать технику для кого-либо стороннего, не аффилированного с компанией. Это можно было устроить. Он забил нужный фильтр в своём поисковике и получил список нуждающихся в материальной поддержке. Выбрал пять человек из Череповца и распечатал их данные. Все были так или иначе обижены судьбой. Здесь была неработающая женщина, ухаживающая за мужем-инвалидом, малоимущая семья с ребёнком у которого были сильные отклонения в развитии, одинокая мамаша, работающая на низкооплачиваемой работе и в одиночку поднимавшая сына, и ещё пара человек примерно с такими же социальными и финансовыми проблемами. План был

прост. Нуо создаёт что-нибудь, например, автомобиль, он оформляется на нуждающееся физлицо, и человек тут же сдаёт технику в аренду ООО «Аруба» за относительно небольшие деньги, а сам получает ежемесячный дополнительный доход. Платит налоги и, вероятно, будет более свободен финансово. Конечно, у налоговой может возникнуть вопрос, откуда у человека с зарплатой десять тысяч в месяц деньги на покупку транспортного средства стоимостью в десять миллионов. Но этот вопрос придётся решать по мере его поступления. Виктор обратился к Нуо и, не скрывая ничего, рассказал всё как есть. А смысл скрывать от того, кто так или иначе читает твои мысли?

— Ну, как тебе схема? — мысленно спросил Виктор.

— Вполне рабочая, — тут же согласился енот. — Давай мне данные людей и получишь свою технику со всеми документами и государственными номерами.

Это было замечательное решение. Оставалось поговорить с людьми и убедить их просто взять деньги. Сначала это показалось лёгким занятием, но, поразмыслив и поставив себя на их место, Виктор усомнился, что он бы позволил вот так безропотно что-то оформить на себя. Скорее всего, подумал бы, что это какой-то скрытый развод. В любом случае, надо было пробовать.

На следующее утро за завтраком Виктор сказал:

— Настя, ты ведь хотела работать в нашей компании. Нам надо провести пять необычных собеседований. Если есть желание, можешь себя проявить.

— Здорово, я давно готова, так надоело бездельничать, — обрадовалась Настя.

— Тогда первую встречу проведём вместе, и потом каждый возьмёт ещё по два человека, если ты не против. За сегодня вполне управимся.

И Виктор вкратце рассказал суть дела, естественно, обходя в рассказе острые углы.

Позвонив по первому номеру, он, представившись социальным работником, назначил встречу. Девушка на том конце была не особо дотошная и, услышав, что им полагается небольшая надбавка тут же согласилась встретиться. Скромный офис, который был арендован для Самойлова, состоял из одной небольшой комнаты и находился в четырёхэтажном административном здании в индустриальном районе.

Когда Виктор с Настей подъехали к зданию, девушка уже ждала их около входа. Она выглядела лет на тридцать пять с хвостиком. Была одета скромно и ничем не отличалась от обычной женщины, которой уже слегка «перевалило за», но она ещё даже близко не подошла к тому возрасту, о котором говорят, что он почему-то прекрасный. Самойлова в офисе пока не было, и все удобно расположились за единственным большим столом. Виктор глянул в свой список. Девушку звали Игнатьева Александра, 1970 года рождения. По документам она была ровесница Виктора, но выглядела, пожалуй, моложе.

— Я не совсем понимаю, зачем я здесь, — сказала она, отказавшись от предложенной чашки растворимого кофе.

— Александра, — приветливо произнёс Виктор самым своим дружелюбным тоном. — Я буду с вами откровенен. Мы не совсем социальные работники, а коммерческая организация. И в рамках благотворительности помогаем людям с ограниченными финансовыми возможностями.

Он сделал паузу, улыбнулся, наблюдая, как отреагирует на его слова их гостья. Она слегка кивнула, но никаких особых эмоций не проявила и продолжала настороженно слушать.

— У нас есть возможность каждый месяц переводить вам энную сумму. Конечно, она будет налогооблагаемая, но Анастасия, — Виктор указал рукой на Настю, — научит вас, как всё правильно оформить и заплатить, так что больших хлопот вам это не доставит.

— А с чего вы будете мне просто так платить деньги? — абсолютно логично насторожилась Александра.

— У нас в этом тоже есть небольшой интерес, — улыбнулся Виктор. — Мы сейчас покупаем несколько единиц строительной техники и можем оформить одну на вас. В этом нет ничего удивительного, это обычная практика, — соврал Виктор, потом спросил: — Александра, какой у вас сейчас месячный доход, если не секрет?

— Я работаю сейчас только на подмене, поэтому зарплата небольшая, — ответила Александра. — Тысяч восемь в месяц примерно. Ну и сейчас мужу должны дать пенсию, если инвалидность получит. А почему вы хотите на меня оформить эту технику, а не на себя?

— Есть нюансы, — уклончиво сказал Виктор. — Но уверяю вас, вы не несёте никакого риска. Максимум, что может быть, это вас вызовут в налоговую и спросят, откуда у вас деньги на покупку дорогостоящей техники. В этом случае мы будем сами с ними решать, и вас это коснётся лишь косвенно. Поверьте мне, это просто жест доброй воли.

Александра замолчала, обдумывая. Было видно, что она в замешательстве.

— А если я соглашусь, сколько вы будете мне платить в месяц за эту вашу псевдоаренду? — спросила Александра, переводя взгляд с Виктора на Настю и обратно.

— Мы хотели платить вам пятьсот тысяч рублей в год, — сказал Виктор спокойным голосом, глядя на неё с лёгкой улыбкой.

— Сколько?! — округлила глаза гостья. — Пятьсот тысяч?

— Да, но это будут не только ваши деньги. Вам придется открыть ИП и как предпринимателю заплатить налог шесть процентов, также с этих денег вы будете оплачивать транспортный налог, ну и ещё кое-какую мелочь, связанную с банковскими операциями. Как я и сказал, Анастасия вас всему научит. Она в этом деле как раз специалист.

— А сколько же я тогда получу в чистом виде? — слегка озадачилась Александра.

— Я предполагаю, около тридцати тысяч в месяц. — Сказал Виктор, и добавил: — Примерно. Может, чуть меньше или чуть больше.

— Но так же не бывает! Это же большие деньги, — Александра, не веря своим ушам, опять стала смотреть то на одного, то на другого. — Я не могу в это поверить.

— Нам это несложно. Мы бы всё равно заплатили эти деньги государству, так что не волнуйтесь за это.

Виктор встал и, достав из папки лист бумаги, положил перед Александрой.

— Здесь ваши паспортные данные, проверьте, чтобы всё было правильно. Если вы дадите своё согласие, то мы можем уже сегодня оформить все договора, и как только вы зарегистрируетесь как предприниматель и откроете счёт в банке, мы сразу переведём вам деньги за первые три месяца. Платить будем поквартально, по сто двадцать пять тысяч.

— Вы имеете в виду, что я смогу получить сто двадцать пять тысяч рублей уже через несколько дней? — всё ещё не веря своим ушам, спросила Александра.

— Да, всё правильно, — сказал Виктор и посмотрел на Настю.

Видно было, что она тоже пребывает в лёгком недоумении от происходящего, хоть Виктор предварительно всё это с ней уже и проговаривал. Чтобы разрядить повисшую в воздухе немую неловкость, он бодро сказал:

— А теперь давайте все дружно выпьем по чашечке кофе.

Александра опять отказалась от кофе, встала и как-то обречённо произнесла:

— Вы извините, но я не смогу принять ваше предложение. Оно очень заманчивое, но я привыкла, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Я в налогах ничего не понимаю, а в этих ваших тракторах и подавно. А если мне потом придётся заплатить в два раза больше, чем вы мне предлагаете? Поэтому, извините, но я пойду.

— Хорошо, — вздохнул Виктор, протягивая ей визитку, — вот мой номер телефона. Если что-то поменяется, просто позвоните и встретимся ещё раз.

— Спасибо, — она взяла визитку, постояла несколько секунд в раздумье и вышла из кабинета.

— Я вообще не понимаю смысла в этой аренде с подставными физиками, — сказала Настя, как только дверь закрылась. — А её я хорошо понимаю, эту женщину. Если бы я была на её месте, я бы тоже на всякий случай отказалась. Это же выглядит какой-то махинацией в чистом виде. Вить, можешь ты хоть раз без своих секретов прямо сказать экономический смысл вот этого? — она указала рукой на только что закрывшуюся дверь.

Виктор ещё раз обречённо вздохнул, помолчал, раздумывая, говорить или нет, потом всё-таки тихо сказал:

— Хорошо, Настюш, слушай. Муж этой Александры несколько месяцев назад получил травму на предприятии. Он работал в какой-то конторке, которая, видимо, субподрядчик «Северстали». По иронии судьбы, за день до происшествия у него была днюха. Чувак не пьющий, а тут, как назло, выпил. А на следующий день его там, в цеху, чем-то сильно зацепило. Естественно, в крови — остатки алкоголя. Под травму на производстве случай не классифицируется. Страховая

компания с удовольствием умыла руки. А травма у него очень серьёзная. Он сейчас не может ходить и не факт, что когда-нибудь сможет. Возможно, ему потребуется какое-то дорогостоящее лечение. Эта дамочка только что сказала, какая у неё зарплата. Скажи мне, солнце, ты бы смогла прожить на восемь тысяч в месяц? И смотри, как достойно она себя ведёт! Она не просит подачек, она не собирает деньги эсэмэсками, просто живёт, как может. У нас с тобой есть шикарная возможность ей помочь. Именно нам с тобой почему-то Бог дал эту возможность. Было бы преступлением этого не сделать. Я готов был предложить ей и миллион в год, и полтора. Просто это сделало бы предложение ещё менее реальным. Девочка моя, это благотворительность в чистом виде, больше никакого экономического смысла в этом нет. И если с тобой я могу говорить открыто, представь, как мне трудно будет объяснить это Самойлову. И как доказать ей, — он тоже указал на дверь, — что это никакая не махинация, а просто материальная помощь. Настюш, пожалуйста, не проси меня сказать больше, чем я могу. Я и так уже наговорил на статью, если оценивать мерками УК.

— Витька, спасибо, — она подошла к нему и ласково обняла. — Зевс, как же я тебя всё-таки люблю! Расскажи мне, пожалуйста, про следующую встречу. Что там за люди? Теперь я хочу сама попробовать, без твоей помощи. Там ведь тоже будет чистая благотворительность? — Настя вопросительно посмотрела прямо в глаза, и он молча кивнул.

Настя обошла стол, села на место Самойлова и сделала серьёзный вид, изображая бизнес-леди. Виктор улыбнулся. Приятно было осознавать, что девочка учится достаточно быстро. Он не раз уже замечал, что Настя в своей разговорной речи свободно оперирует экономическими терминами, которыми он никогда не пользовался. Сказывалось какое-никакое экономическое образование. Решил дать ей шанс. Пусть разговаривает, пусть почувствует себя самостоятельной. Это ей надо даже больше, чем результат самой встречи. Пододвинув к ней папку со всей информацией на остальных четырёх претендентов, Виктор положил сверху ключи от машины:

— Поезжай, Настюш, поработай. Там в папке всё есть. Все четверо твои. Я пока встречусь со Стасом и объясню ему суть дела. Если нужна будет помощь, звони.

Она не позвонила. Но справилась на сто процентов. Все четверо согласились принять деньги. Это звучало даже немного странно. Людей приходилось уговаривать, чтобы они приняли материальную помощь. Пятым человеком вместо Александры Игнатьевой случайно оказалась соседка Светлана. Сегодня она была единственной, кого не пришлось уговаривать. Он поднимался по лестнице, когда Света уже заходила к себе в квартиру. Виктор окликнул её:

— Свет, минутку подожди.

— А, Виктор, привет! — поздоровалась она.

— Тебе деньги нужны? — спросил он без предисловий.

— Так, дай подумать… — Она подняла глаза кверху, похоже, не удивившись такому вопросу, потом сказала: — Да, нужны. Но я только в следующем месяце смогу отдать.

Виктор усмехнулся:

— Я тебе хочу работу предложить.

— Так я в декрете. А что за работа?

— Будешь номинально владельцем парочки грузовых автомобилей и получишь за это примерно тысяч пятьдесят в месяц, — одним предложением сказал Виктор всё то, о чём полчаса говорили в офисе с Александрой.

— Хорошо, я согласна.

Света согласилась так, словно это была рутина и такое ей предлагали по три раза на дню.

— Ну и славно, — кивнул Виктор. — Тогда зайду через полчаса.

***

На следующий день оформили договора с пятью разными людьми, включая соседку Свету. У Самойлова, благодаря Насте, вообще не возникло никаких вопросов. Она с загадочным видом положила перед ним на стол все документы, демонстративно приложила палец к губам, мол, тихо, и сказала:

— Станислав Юрьевич, ни в коем случае нельзя задерживать платежи по аренде оборудования. Реквизиты проведём дополнительным соглашением после открытия клиентами ИП, и сразу надо будет сделать первый платёж.

Самойлов посмотрел на Виктора, но тот тоже только улыбнулся и развёл руками. Стас оказался сообразительным руководителем и не

стал лезть туда, куда его лезть не просили. Он изучил законность договоров и больше вопросов не задавал. После того как бумажная работа была завершена, оставалось только найти безлюдное место недалеко от стройки и дальше Нуо должен сделать всё по списку: колёсный трактор фирмы John Deere с телегой и навесным оборудованием, колёсный экскаватор Caterpillar, бульдозер Caterpillar, два трёхосных самосвала марки Scania, автокран немецкой фирмы Liebher, трёхосный тентованный тягач Volvo и прицеп к нему. Весь этот парк новой импортной техники даже по самым скромным подсчётам тянул миллионов под сто. По договорам аренды надо было платить за всё чуть больше двухсот тысяч в месяц. Со временем Виктор планировал поднять аренду, а пока это было практически даром. То, что в скором времени у налоговой к нему появятся вопросы, Виктор не сомневался ни на йоту. Это было ясно как божий день, но пока было лёгкое радостное чувство эйфории. Дело сделано. Теперь нужна была наличка. Оставалось только дождаться решения Сиплого.

На следующее утро Виктор ни свет ни заря отправился в свой посёлок. Найдя место между двумя поворотами дороги, буквально в двух километрах от стройки, он остановился. Приглядев ровную возвышенность, уже хотел воззвать к Нуо, но енот объявился сам,

— Привет, — поздоровался он. — Я так понимаю, что ты хочешь всю технику поставить здесь?

— Да, Нуо, так и есть, — внутренне улыбнулся Виктор.

— Хорошо, но имей в виду, что после первого дождя все твои машины так и останутся здесь стоять. Тракторам нипочем, а вот грузовики никуда уже не уедут. Ты понимаешь, что дорогу отсыпать надо?

— Понимаю, конечно, — развёл руками Виктор.

Хотел добавить, что, мол, взял бы и помог, чем просто подсказки давать. Но не успел. Как из тумана появилось всё, что было запланировано. В этот раз Нуо не лепил слоями, как на 3D-принтере. Сначала появились слабые очертания, как марево, потом стали медленно проявляться, как изображение на фотобумаге. Секунд через двадцать все семь единиц техники стояли в ряд друг за другом. По идее, самосвалы и тягач надо было ставить где-нибудь на нормальной дороге, а не здесь, но, как всегда, Нуо проявил чудеса самостоятельности, хоть и заострил внимание.

— Нуо, надеюсь, баки полные? — спросил Виктор с явно читающейся иронией.

— Конечно, — без каких-либо эмоций ответил тот.

Целый час проболтали с Афшином. Тот никак не мог взять в толк, почему не доехали до места, а бросили всю технику в поле. Затем сказал то же самое, что и Нуо, по поводу дороги, что надо срочно отсыпать. Но, в общем, всё прошло достаточно гладко. Виктор скормил ему байку про то, что перегонщики заблудились, плюнули и, побросав всё, просто свалили. Попросил приглядеть за техникой пару дней, пока не приедут водители, но Афшин сказал, что сами всё перегонят ближе, тогда уж точно целее будет. В общем, всё оказалось не так уж плохо и относительно реалистично.

Виктор довольный уже подъезжал к городу, когда позвонил Сиплый и отказался участвовать в строительстве.

— Сань, ты хоть можешь мне сказать, почему? — спросил Виктор.

Он был настолько удивлен, что сначала думал, что ослышался. Даже в мыслях не было, что Сиплый откажется от такой возможности работать вместе. Невооружённым взглядом было видно, что финансово это выгодно. Не просто выгодно, а мегавыгодно. А возможность развивать бизнес рука об руку вообще никакими деньгами было не оценить.

— Зевс, давай мы не будем портить нашу дружбу деньгами. Если тебе нужна помощь, я приеду и помогу бесплатно, если нужны деньги, только скажи, я переведу или привезу. Заниматься же строительством этих дач мне совсем неинтересно. Ты ведь справишься там без меня?

— Справлюсь ли я без тебя? — задумчиво повторил вопрос Виктор. — Думаю, что справлюсь, но вместе бы мы справились лучше.

— Ну, вот такой мой ответ, Витёк. И ещё, возможно, это тоже причина, почему мне сложно было бы сейчас уехать из Питера. Варя беременна.

— Саня, это же круто, брат! Ты станешь папой. Поздравляю!

Виктор от души был рад за друга. Эти простые слова имели такой вес, что его отказ как-то сразу стал выглядеть обоснованным.

— Спасибо, — просто сказал Сиплый, но он был каким-то озадаченным.

***

Виктор сидел в машине около супермаркета «Лента» и уже несколько минут пытался достучаться до Нуо. Тот молчал. Вот-вот из магазина должна была выйти Настя. Наконец енот ответил:

— Говори быстрей, чего хотел?

— Почему ты всё время куда-то торопишься? — спросил Виктор. — Почему мы не можем просто спокойно поговорить?

— Потому что ты у меня не один, Ярский, поэтому говори скорее, — Нуо был в своём репертуаре.

— Мне нужны оборотные деньги, — Виктор не стал ходить вокруг да около. — Мне в ближайшие два месяца понадобятся миллионов двадцать или даже больше. Я бы хотел…

— Ничем не могу помочь, Виктор, мы уже с тобой об этом говорили, — енот перешёл на более дружелюбный тон. — Думай сам, включай голову, я тебе здесь не помощник.

— Жаль, конечно, но спасибо за прямоту, Нуо. Слушай, хотел ещё в прошлый раз спросить, а сколько это колечко стоит примерно, которое ты мне для Насти сделал?

— Не думаешь ли ты продать кольцо, которое подарил своей девушке? — спросил Нуо. — Это же фу-у, Ярский, опять ты меня разочаровываешь.

— Ещё не подарил. Просто я не был уверен, что оно ей подойдёт. Этот камень, он такой огромный. Ты же не захотел мне тогда поменять его на меньший размер. — Виктор заметил Настю.

Она с двумя большими бумажными пакетами вышла из «Ленты» и направилась к машине.

— Ярский, мне порой кажется, что у тебя не все дома. Вроде умный мужик, но ты бываешь такой наивный, что я тебе поражаюсь, — сказал Нуо дружелюбным тоном. — Хочешь узнать, сколько стоит твоё кольцо? Я скажу. Цены на алмазы могут очень варьироваться в зависимости от ситуации и от желания покупателя. Твой камень — это точная копия бриллианта, проданного месяц назад в Дубае. Он ушёл с аукциона за два миллиона долларов.

Настя стояла возле машины с пакетами в двух руках, с немым вопросом на лице: «Может, хотя бы дверь откроешь?»

А Виктор продолжал сидеть в машине с открытым ртом и смотрел на неё, даже не врубаясь, чего от него хотят. Наконец Настя, прижав

пакет коленкой, открыла заднюю дверь прадика и поставила продукты на заднее сиденье. Открыв переднюю дверь, она сказала:

— Э-эй? Ау, медвежонок, проснись и пой! У тебя чего с лицом? — улыбнулась она.

— Два миллиона долларов, — не заметил, как вслух сказал Виктор. — А я думал, может, тысяч пять или десять.

— Витя, ты о чём? — уже взволнованно спросила Настя. — Всё нормально?

Наконец он пришёл в себя:

— Да, всё нормально. Просто это же уму непостижимо!

— Что уму непостижимо? Хватит говорить загадками. Ты меня пугаешь.

— Настюш, — окончательно овладев собой, сказал Виктор, — я хотел поделить компанию с Саней, хотел продать ему половину. Сегодня он сказал, что не будет покупать. Нам срочно нужны деньги. Много денег. Как думаешь, есть смысл привлекать какого-нибудь инвестора со стороны?

— Я понятия не имею, — пожала плечами Настя.

— Вот и я не имею, — задумчиво сказал Виктор.

— Вить, ты просил не спрашивать тебя, откуда вообще все эти деньги, на которые мы всё закрутили. Я и не спрашивала. Но я же не дура совсем, чтобы не понимать, что там вложено, наверное, уже около ста пятидесяти миллионов. Это такие деньжищи, которые мне даже не снились. Ты спрашиваешь моё мнение. Я тебе скажу: у меня нет никакого мнения по этому поводу. Вчера ты мне дал информацию про эту свою благотворительность. Исходя из неё, я легко решила вопрос со всеми этими людьми. Дай мне информацию, откуда ты берёшь деньги, тогда я смогу проанализировать и сказать, нужны нам инвесторы или нет. И если ты хотел продать Александру половину, значит, я могу предположить, что у него тоже есть около семидесяти пяти миллионов рублей. Ребята, вы чего, графа Монте-Кристо ограбили?

Виктор в изумлении уставился на Настю. На красивом фотогеничном личике появились черты взрослой и умной бизнес-леди. Несомненно, она выросла. Это была уже далеко не та девочка, которую он подобрал на трассе четыре года назад. Она мыслила логически, легко могла считать и сопоставлять факты. Она к тому же умела

держать язык за зубами. Создавалась иллюзия, что она не понимает масштаба всего, происходящего в ООО «Аруба». А она прекрасно понимала. Более того, теперь Виктору даже показалось, что она понимала больше, чем он сам. И если бы Нуо появился не у него, а у Насти, вероятно, она распорядилась бы им гораздо лучше, чем распоряжался он. Но Виктор также понимал, что самый главный его козырь — это честность перед ней. Он ничего не скрывал от Насти, всегда старался говорить прямо, насколько это было возможно. И тогда он пошёл с козырей.

— Настя, — сказал он таким же тоном, как и вчера в офисе. — Я не знаю, сколько денег есть у Сани. Думаю, что гораздо меньше, чем ты сказала. Но это уже неважно. Он не хочет входить в долю. И ты права, капитализация ООО «Аруба» на сегодняшний день действительно около ста пятидесяти миллионов, может, даже больше. Так как я единственный учредитель, то получается, все эти деньги — наши с тобой. Но больше у меня денег нет и пока не предвидится. Чтобы мы доделали первый этап моего плана, нам нужны оборотные средства, не знаю, может, миллионов десять в месяц или даже больше. Причём часть из них нужна была ещё вчера. Если мы это разрулим, то к весне большая часть будет уже построена. Что дальше, я и сам не знаю. Но не будем заглядывать так далеко. Надо решить, что мы будем делать сегодня. И ты, солнце, можешь мне в этом помочь, — с улыбкой закончил Виктор.

— Каким образом я могу помочь, медвежонок? Только скажи.

— Для начала советом. — Виктор взял Настю за руку. — Я приобрёл колечко и хотел подарить тебе его на день рождения. Но потом почему-то мне показалось, что это будет не к месту. Сначала не хотелось шокировать твою маму с дядей Толей, а затем я просто не смог найти подходящего момента. Сам не знаю почему. И вот сейчас я всё-таки хочу подарить его тебе.

И он надел кольцо Насте на безымянный палец. Надо ли говорить, что оно пришлось ровно по размеру. На руке оно смотрелось идеально, если не считать слишком большого камня.

— Витька! — воскликнула Настя. — Ведь это же не может быть настоящий бриллиант? Не может, правда? — она с таким трепетом смотрела на этот камень, что Виктор понял, что не сможет сказать ей то, что только что хотел. Вспомнилась фраза «Лучшие друзья девушек

— это бриллианты». Ему уже не нужен был совет. Её глаза говорили лучше всяких слов. Какую же глупость он только что чуть не сморозил! Минуту назад продать это кольцо казалось логичным, теперь об этом не могло быть и речи.

— Я бы мог сказать, что это простая стекляшка, но нет, Настюш, это настоящий брюль.

— Витька, он же должен стоить каких-то бешеных денег! А как ты? Зачем ты? Ведь сам же сказал, что у нас нет денег на развитие.

— Да нормально всё, солнце, — сказал Виктор, наслаждаясь её радостью.

Ну не говорить же, что он украл это кольцо или что его волшебным образом из ничего явил Нуо? Единственное, что он мог, это молча закатить глаза и создать интригу. Виктор на миг задумался. Когда он начал эту стройку, он так загорелся идеей, что сам не заметил, как отодвинул Настю куда-то на второй план. Сейчас для решения первостепенных задач он почти превратил что-то интимное и родное в обычную коммерческую сделку. Слава Богу, не успел открыть рот! Только сейчас он начал понимать, что бы он натворил, сказав такую ересь. Подарить кольцо, тут же забрать его и продать. А пять минут назад это казалось обыденным и единственно правильным решением.

— Какая красотища, я просто не могу на него налюбоваться! — продолжала восхищаться Настя. — Вить, спасибо, медвежонок! — и она крепко его обняла. — Скажешь всё-таки, сколько оно стоит?

— Оставим это за кадром, — улыбнулся Виктор, завёл мотор и стал выруливать со стоянки. — Солнце, пристегнись.

— Никогда даже представить не могла, что буду держать в руках такое. — Настя защелкнула ремень безопасности и опять уставилась на кольцо.

— Бывает, — невозмутимо сказал он.

— Я живу с удивительным человеком, — закрыв лицо руками, Настя сквозь пальцы посмотрела на Виктора.

Он видел, как Настя светится от счастья. «Да, какими всё-таки разными нас создал Бог, мужчин и женщин», — подумал он.

Глава 18

Глава восемнадцатая.

Афанасьев свернул с Ярославского шоссе на узкую раздолбанную дорогу, и новенький БМВ Х5, мягко отрабатывая ямки и ухабы, плавно покатил в сторону старой заброшенной базы. Предстояло встретиться с Глебом. Можно было, конечно, вызвать его к себе, а не катить в эту замкадную срань через всю Москву. Но дело деликатное, и хотелось исключить любые случайные встречи. Это место Афанасьев любил и часто использовал для подобных рандеву. Людей мало, машины вообще редкость, настоящее захолустье в ближнем замкадье.

Морозов Глеб, сорокалетний молчаливый тип, невысокого роста, худощавый, с нейтральным выражением лица, невзрачный и весь угрюмо серый. Про таких обычно говорят, что вид у него незапоминающийся. Если в толпе мимо тебя пройдёт такой мужчина, то вряд ли уже через пару минут вспомнишь, во что он был одет и как выглядел. Лет десять назад Морозов служил в органах, в отделе наркоконтроля в подмосковном городе Долгопрудный. Поработав немного, он быстро сообразил, что бороться с этим наркотическим змеем, который, как раковая опухоль, опутал всю округу, просто нет смысла. Тогда он начал извлекать из этого выгоду. Со своим сослуживцем, Владимиром Силиным, он создал надёжную крышу местному клану цыганских наркоторговцев. Деньги потекли рекой. Глеб даже не мог представить, что можно так легко и так много зарабатывать, почти ничего не делая. Всё шло относительно гладко, и бдительность Морозова притупилась. Через какое-то время они попали под надзор Московского отделения ФСБ. Павел Афанасьев, тогда ещё в чине подполковника, сразу приметил Морозова и уже прикидывал, как его можно использовать в своих целях. Собрав достаточно улик, чтобы упрятать Глеба за решётку на долгие годы, Афанасьев уже готов был произвести задержание, но потом решил поиграть в кошки-мышки. С Глебом тогда поговорили жёстко. Отвезли в лесополосу и устроили своеобразный допрос, выложив ему неопровержимые доказательства его вины. К слову сказать, Морозов вёл себя достойно. Отвечал на вопросы спокойно, как будто присесть лет на десять для него было

делом обыденным. Тогда Павел Ильич и сделал Морозову своё предложение. Он отмажет Глеба от тюрьмы за недостаточностью улик. Всё свалят на его сослуживца и подельника Силина, но, чтобы тот не наговорил на суде лишнего, его надо будет убрать, а расследование прекратить. Афанасьев, уже не одну собаку съевший на таких делах, не просчитался. Глеб, не думая ни секунды, согласился сотрудничать. Всё прошло как нельзя лучше, не подкопаешься. Силина застрелил Морозов, а у Афанасьева появилась видеозапись убийства, которая до лучших времён легла на дно сейфа рядом с другими подобными уликами. Из органов Морозову пришлось уволиться, но обошлось без судимости. С тех пор он делал для Афанасьева разную грязную работу. Глеб как никто другой подходил для дела, которое Афанасьев хотел ему поручить. Он был умный, сообразительный, способный быстро принимать решения и, самое главное, безотказный. Афанасьев платил неплохо, и Глеба это устраивало. С другой стороны, Морозов понимал, что откажись хоть раз, и он тут же получит пожизненное либо пойдёт на корм рыбам в каком-нибудь заброшенном лесном озере.

Афанасьев притормозил около покосившегося старого деревенского дома, явно давно нежилого. Глеб возник как из ниоткуда и, открыв пассажирскую дверь, мгновенно оказался в салоне.

— Привет, Глебушка, — ласково приветствовал его Афанасьев, с широкой улыбкой протягивая руку. — Как дела, дорогой? Ты как Летучий Голландец. Появляешься как призрак.

— Здравствуйте, Павел Ильич, — сухо сказал Глеб. — Чего хотели?

— А что такой суровый, Глебушка? Жизнь ведь прекрасна, — всё так же жизнерадостно спросил Афанасьев, лучезарно улыбаясь.

— Кому как, товарищ полковник, давайте к делу, — ответил Морозов с каменным лицом.

— К делу так к делу, — Афанасьев стал серьёзным.

Он протянул Глебу папку и сурово сказал:

— Здесь всё. Сначала хорошо припугнуть. Потом предложение сделать. Всё как обычно. Пассажир непонятный, будь осторожен с ним. И не вздумай его валить, пока я команду не дам. Если в отказ пойдёт, ничего не предпринимай. Запомни, основная цель — просто прощупать, посмотреть, как пойдёт на контакт. Обязательно маячки поставь на обе машины, ему и девке. И по возможности, прослушку.

По приезду доложишь. На трубу не звони, только если что срочное, или на электронку пиши. У меня всё. Вопросы есть?

— Никак нет, — без малейшей эмоции на лице сказал Глеб и, не прощаясь, вышел из машины.

Афанасьев бросил взгляд в зеркало заднего вида на Морозова, скрывшегося в переулке, и подумал: «Пожалуй, пора уже расставаться с Глебушкой, пожалуй, пора». Не нравился ему Морозов в последнее время. Афанасьев понимал, что такого исполнителя, как Глеб, быстро найти практически невозможно. У него была своя команда, новейшее оборудование, они всегда чётко и без лишних вопросов выполняли любое дело. В то же время Морозов явно выходил из-под контроля и слишком много знал про Афанасьева. Надо завершить это дело с Ярским и получить свои деньги. Затем он поручит своему тайному агенту Жуку разобраться с Глебом, и когда тот зачистит хвосты, можно будет ускорить процесс переезда на ПМЖ за границу. На его должность уже очередь стоит, и стоит ему только намекнуть, что хочет уволиться, все будут рады. Проблем не возникнет. На работе давно уже всё не так безоблачно, и надо было приготовить запасной парашют, пока совсем не запахло жареным.

***

Утром Виктор встретился с Самойловым, дав ему очередной список новых работников. Они получали в распоряжение семь единиц абсолютно новой техники. Стас был явно не в восторге.

— Виктор, если на этой неделе у нас на счету не будет хотя бы пяти миллионов рублей, мы не только остановим строительство, мы даже зарплату не сможем выдать. Афшин звонит мне по десять раз за день. А ты хочешь, чтобы я ещё людей принимал.

— Стас, я работаю над этим, — Виктор старался держаться уверенно, но, скорее всего, со стороны выглядел как минимум неубедительно. — Людей принимай, они все идут по рекомендациям. Работники хорошие, все проверенные. Проведи собеседование разом со всеми, объясни, что зарплата белая, никаких конвертов. Условия у нас хорошие, сам знаешь, не думаю, что кто-то ещё платит, как мы. Сразу начнём отсыпать дорогу. Думаю, день-два и я найду деньги.

— Я надеюсь, — покачал головой Стас.

***

Виктор сидел в машине, припаркованной около старого речного вокзала и смотрел на рябь воды в реке Ягорбе. За рекой стояли портовые краны, блики заходящего солнца отражались от стеклянных строений, и он невольно залюбовался этой картиной. Мысли блуждали около строительства. Возможности, которые открывались перед ним, ещё несколько дней назад казались безграничными. Теперь же, когда Нуо урезал их, добавив ограничения, Виктор осознал, насколько слаб он был в организационных и финансовых вопросах. Вероятно, надо было начинать с малого, а не хвататься за всё сразу, не зная броду. Правильно тогда сказал Сиплый: «А на фига тебе это всё надо?» И действительно, на фига? Ведь можно было просто купить участок в живописном месте, построить там себе хороший дом и переехать туда с Настей. Никаких хлопот и лишних вопросов. А что дальше? Ведь переехать в новый дом на берегу какого-нибудь озера — это не то, что он хотел. Нет, Виктор хотел совсем другого. Он хотел создать что-то, чего ещё нигде и никогда не было. Возможно, он не с того начал, возможно, не так начал, но основной вектор идеи был правильный. Чем дольше Виктор думал об этом, тем больше появлялось уверенности, что он всё делает правильно, а значит, надо не останавливаться, а искать пути. Он положил голову на руль. Всё будет нормально. Спокойная обстановка, плеск воды о причал и этот красивый закат дали силы не отчаиваться. Надо было ехать домой, Настя уже звонила, спрашивала, где он.

Погружённый в свои мысли, пребывая в расслабленном состоянии, Виктор не заметил, как к машине подошли трое. Он резко поднял голову, когда все три двери одновременно открылись и в машину резво забрались трое мужчин.

— Виктор Юрьевич, — спокойно сказал тот, что оказался на переднем пассажирском сиденьи, — поговорить надо.

Виктор с удивлением посмотрел на мужика. Он был среднего телосложения, весь серый и невзрачный. У Виктора даже появилась ассоциация, что парень этот чёрно-белый. Жилистые руки с крепкими кулаками сразу выдавали в нём человека явно не умственного труда. В затылок жёстко уткнулось что-то твёрдое. Скорее всего, это был ствол. Виктор бросил взгляд в зеркало заднего вида. Обычные парни, лет тридцати пяти или чуть больше. Оба плотные, спортивного

телосложения, вид угрюмый, безразличный. Они не скрывали лиц, а спокойно смотрели на него. Сразу вспомнились сослуживцы Сиплого. Стало немного не по себе, но, к удивлению, ни страха, ни растерянности не было. Скорее любопытство.

— Давайте поговорим, — сказал Виктор как можно спокойнее.

— Ты владелец предприятия «Аруба», которое ведёт строительство на сельхозке? — больше утвердительно, чем вопросом сказал человек.

По-хозяйски расположившись вполоборота к Виктору, он смотрел на него уверенным взглядом.

— Всё так, — сказал Виктор.

Если бы не ствол, который всё ещё упирался в затылок, то можно было бы принять этих товарищей за чиновников либо с земельного, либо с налоговой, а так всё было совершенно непонятно.

— Нельзя строиться на земле сельхозназначения, — с укоризной сказал чёрно-белый.

— Мы в процессе перевода, — сказал Виктор, гадая, что же последует дальше.

— Да, у нас есть вся информация о каждом твоём шаге, — ровным голосом, безэмоционально сказал мужчина. — И чтобы продолжать свою деятельность, тебе придётся поделиться. Тогда мы поможем и с административным ресурсом, и, естественно, больше никто к тебе не подойдёт с такими же вопросами.

— Другими словами, вы мне крышу предлагаете? — спросил Виктор, всячески стараясь подавить начинающую неприятную дрожь в грудной клетке.

— Сотрудничество, — поправил серый товарищ. — Крыша — это понятие давно кануло в Лету. Сейчас я предлагаю тебе партнёрство.

— И какие же условия? — как можно спокойнее спросил Виктор, но голос всё-таки предательски дрогнул.

— Продашь половину компании нашему человеку. Всё официально, за пять миллионов. Это половина от уставного капитала. Так ведь?

Виктор кивнул, затем сказал:

— И потом вы захотите поменять директора? Верно?

— Конечно, — на лице его гостя даже мелькнуло что-то наподобие улыбки. — Но только номинально. Твой Станислав

Самойлов всё также сможет управлять компанией, только у него не будет возможности подписывать бумаги. Кстати, предложение действует тридцать секунд, так что можешь подумать.

Ствол сильнее упёрся в затылок, и Виктор даже немного подал голову вперёд. Мысленно позвал Нуо. Тот ответил мгновенно, сказав: «Я давно здесь, — и добавил: — Ты чего-нибудь хотел?»

«Вот ведь непробиваемый зверёк! — подумал Виктор. — А сам-то как думаешь, хотел ли я чего-нибудь? Если мне к затылку волыну приставили. Там ведь пистолет? Не так ли?»

«Да. Австрийский Глок с глушителем, — мысленно сказал Нуо, — 15-ти зарядный, 9-ти миллиметровый пистолет…»

«Блин, Нуо, мне не нужны сейчас эти подробности, — перебил енота Виктор. Возможно, излишне эмоционально — даже головой кивнул и чуть вслух не сказал. — Скажи лучше, он готов выстрелить или просто блефует?»

«Стрелять он пока не собирается, но побить тебя в планах есть, если не согласишься», — сказал енот.

«Как Настя? Самойлов?» — спросил Виктор.

«Нормально, — ответил Нуо, — Настя дома, Самойлов в гостинице. Твоих гостей всего трое. Сегодня приехали из Московской области. Есть ещё один. Жук тот ещё. Но он не здесь, а в Белозерске».

«Спасибо, Нуо, — он опять перебил енота. — Инфы пока достаточно».

Виктор посмотрел на чёрно-белого, как бы намереваясь что-то сказать. Для начала надо было как-то правдоподобно изобразить испуг и выиграть немного времени. Теперь, когда Виктор чувствовал поддержку Нуо, уверенность, что всё будет нормально, зашкаливала. Эти ребята сейчас казались ему словно пятилетние детки, которые вышли из песочницы с игрушечными совочками и на серьёзных щах пытаются угрожать взрослому дядьке. Теперь главное было не рассмеяться, не выдать себя и доиграть этот спектакль по их правилам.

— А как мне можно к вам обращаться? — спросил Виктор, изображая испуг.

Он уже знал, что парня зовут Глеб Морозов, тридцати девяти лет от роду. Знал, что у того за плечами около двух десятков мокрух и в его планах добавить в своё резюме также и Виктора, но чуть позже.

— Зови просто Гога, — сказал Глеб своим безразличным голосом.

— Хорошо, Гога, — кивнул Виктор, стараясь говорить более высоким тембром, чем обычно. — Предложение такое внезапное и необычное, что сразу хочется отказаться. Но вы ведь не просто так приехали, и мужчина сзади меня держит, скорее всего, не игрушечный пистолет. Похоже, что выбор у меня невелик, но хотелось бы сделать вам более выгодное предложение. Может, мы спокойно сядем за стол и поговорим без приставленного к голове пистолета?

Скорее всего, испуг у Виктора получился не очень. Плохой он был всё-таки актёр. Гога как-то странно посмотрел на Виктора, словно робот, в алгоритме которого произошёл сбой. Он молчал, наверное, секунд пять, потом спросил:

— Ты хочешь продать всю компанию? Это ты хотел сказать?

— Нет-нет, что вы! — опять попытался играть Виктор. — Наоборот, я думал, может, её вообще не продавать, а платить вам как бы зарплату. Не будем называть это рэкетом. А скажем так, вы будете выполнять функцию охраны, чтобы, как вы сказали, больше никто к нам не подходил с подобными вопросами. Это фактически то же самое. Только не надо ничего переоформлять.

Опять то же чувство задержки, словно у робота-собеседника компьютер завис. Несколько секунд молчания. Парни на заднем сиденьи нервно зашевелились. Пистолет то упирался в голову, то не касался затылка.

— И сколько же ты готов платить за свою охрану? — наконец спросил Гога. В голосе чувствовалась смесь иронии с любопытством.

— Миллион в месяц, — сказал Виктор первую пришедшую на ум цифру. — Но надо сделать всё официально. Заключим договор, пропишем обязанности сторон. Я как раз искал подобную компанию, даже хотел обратиться в Питер. Есть там у меня хорошие знакомые в силовых структурах, а тут вы как раз как нельзя кстати.

Виктор с улыбкой протянул Гоге свою визитку и, уже не играя, уверенным голосом произнёс:

— Давайте завтра часов в девять утра встретимся у нас в офисе. Вы посоветуйтесь с коллегами и решите, что вам выгоднее: сварить суп из курицы, которая несёт золотые яйца, или, как говорится, возможны варианты.

Как раз в этот момент на парковку подъехал милицейский УАЗ и остановился буквально в двух десятках метров. То ли это была чистая

случайность, то ли самодеятельность Нуо, но ствол тут же перестал упираться в затылок.

— Лады, — сказал Гога, беря визитку. — В девять.

Затем кивнул парням, и они так же быстро и синхронно вышли из автомобиля.

Виктор завёл мотор и не торопясь, задним ходом отъехал от ограждения, отделявшего парковку от зелёного плавучего причала. Бросил взгляд на ментовский уазик, улыбнулся и мысленно пожелал здоровья парнягам в погонах. Кивнув троим браткам, стоявшим метрах в десяти от машины, включил Drive и нажал на газ. Прадик резво подхватился в горку, и уже через несколько секунд Виктор ехал по Советскому проспекту и улыбался, осознавая, что этот раунд он хоть и по очкам, но выиграл безоговорочно. Это был далеко не конец, это было даже не начало. Начало будет завтра в офисе. Но по крайней мере у него теперь куча времени. К тому же без приставленного к затылку «глока» думалось гораздо веселее. Телефон не был на прослушке ни у него, ни у Сиплого, это он знал точно. Также знал и про маячок, который ему только что приклеили на заднюю стойку. Решил пока не снимать, пусть наблюдают. Ему скрывать нечего. Набрал Саню.

— Привет, Борода! — бодро сказал Сиплый, подняв трубку с первого гудка. Походу, настроение у него было отличное.

— Да побрился уже, — улыбнулся Виктор, он был рад слышать друга в добром здравии.

— Зря, а то, погоняло уже начало прилипать, — опять весело сказал Саня.

— Сиплый, ты сказал, что можешь одолжить мне денег, — Виктор притормозил в кармане напротив ТЦ «Новый век», не хотелось разговаривать за рулём. — Мне на самом деле нужно пять лямов, поэтому если есть возможность, то буду очень благодарен.

— Конечно. Кидай реквизиты, завтра переведу, или хочешь, чтобы я наликом привёз? — спросил Сиплый.

— Слушай, если есть желание прокатиться, было бы здорово, чтоб привёз. На меня тут сегодня наехали московские отморозки. Хотят денег срубить влёгкую. На девять утра стрелку забили. Не хочешь стариной тряхнуть?

— Так с этого и надо было начинать, Зевс, чего ты мне тут про деньги впариваешь? Это им, что ли, пять лямов надо?

— Нет, Сань, это мне перехватить на оборотку. На зарплаты, да так, что-то купить по мелочи. К гостям моим это отношения не имеет. Так чего, подъедешь?

— Конечно, подъеду. А чего за пассажиры? Сколько их?

— Сань, да там, скорее всего, ничего серьезного, трое обыкновенных братков, в девяностых заблудились, видимо. Хотя они с оружием. Предложили твою половину выкупить по дешёвке. Ты же отказался, а вот они тут как тут. В общем, я предполагаю, что компанию хотят отжать. Сначала половину, а потом, думаю, и остальное попросят.

— А ты чего им сказал?

— Ничего, работу предложил. Говорю, в охрану ко мне идите, зарплатой не обижу.

— Зевс, красава! — засмеялся Саня. — Ладно, подъедем с Жекой по утряне. Посмотрим на твоих москалей. Всё, отбой.

***

Полковник Афанасьев сидел в уютном кресле на веранде своего дома в Барвихе и попивал пятнадцатилетний Dalmore. На небольшом столике из тёмного дуба стояла початая бутылка виски. Павел Ильич задумчиво смотрел на бутылку, на которой барельефом была изображена оленья голова с раскидистыми большими рогами. Час назад было сразу два неприятных разговора. Сначала позвонил Морозов, ослушавшись. Говорено же было не звонить! Ладно, впрочем, на Морозова он не сердился. Звонил тот с левого телефона, говорил знаками, понятными только им двоим. Но из разговора было ясно, что Ярский не повёлся на пустые угрозы. Он не только не испугался наезда, но даже, переняв инициативу, предложил Глебу работу. Ну ничего, завтра Морозов отобьёт охоту разговаривать у этого любителя дачных домиков. Для начала Глеб из него повыбьет дурь, ткнёт пару раз носом в кафель, потом поговорит по-другому. Не так вежливо, как сегодня. Глеб это умел. Афанасьев не раз был свидетелем, как неказистый с виду Морозов валил с удара здоровенных быков, которые были намного больше него в весе. По-хорошему, с этого и надо было начинать, а не слушать байки этого коммерса. Глеб говорил, что Ярский обмолвился про своих питерских друзей. Ничего, на любую силу найдётся другая сила. В конце концов,

если не выйдет запугать Ярского, придётся применить старый добрый способ — посадить того за наркоту. Собственно, так Афанасьев сначала и хотел, но потом всплыла эта непонятная «Аруба» с её строительством, кучей новой техники и амбициями на зелёную энергию. Тогда Павел Ильич поменял тактику, решив взять всё, но частями. Он даже готов был перевести пять миллионов как оплату доли в пятьдесят процентов. Поставить своего человечка и понаблюдать за компанией изнутри. Жук как никто другой подходил для этой роли. Кто знает, может, и не стоило торопиться убирать Ярского совсем. Возможно, живой он принесёт гораздо больше прибыли. Затем, не успел Павел Ильич переварить одну информацию, как позвонил Роберт. Брат сетовал, что жена каждый день спрашивает, как продвигаются дела с её вопросом. Далась ей, право, эта посадка Ярского! А дела пока не двигались никак. Наоборот, Афанасьев намеренно затягивал процесс, играя свою партию. Опять появилась шальная мысль: а не бросить ли всё и уйти на покой? Может, не ждать генеральские погоны и новую должность? Может, и хватит уже того, что есть? Продать дом и две квартиры в Москве, свою и жены, добить вопрос с грёбаной «Арубой», собрать в кучу всю наличку и свалить. Павел Ильич прикинул в уме: пожалуй, у него набиралось около двадцати миллионов долларов. Не такие уж большие деньги, если сравнивать с олигархами, но на безбедную пенсию им с женой точно хватит. Сделав большой глоток виски, он громко поставил бокал на стол и сказал:

— Ничего, не таких в калачи сгибали. Завтра посмотрим, кто сильнее.

***

Утром Виктору стоило немалых усилий, чтобы отговорить Настю ехать в офис. Он даже придумал несуществующее ТО для её «форда», сам позвонил в автосалон и договорился на замену масла.

— Так я же только весной делала, — не унималась она. — Зачем? Я же немного езжу.

— Надо за машиной следить, солнце. Тебе же нетрудно, поезжай к девяти, пусть всё проверят, потом позвони мне.

Сиплый отзвонился, сказал, что подъедет прямо в офис, и Виктор поехал один. Самойлов на звонки не отвечал, что было странно и

необычно. Стоянка возле четырёхэтажного офисного здания уже была забита автомобилями. Виктор огляделся, но никаких машин с чужими номерами не заметил. Саниного «фольксвагена» тоже не было. Поднимаясь по лестнице, окликнул Нуо. Тот отозвался, но не сразу, пришлось повторить раз пять. Было такое впечатление, что Нуо где-то далеко и разговаривает, словно находится за стеной.

— Как дела? — спросил он енота, подходя к двери своего офиса.

— Ну та-ак, — неопределенно сказал тот откуда-то издалека, и Виктор в этот момент открыл дверь.

Девяти ещё не было, но все трое его вчерашних гостей удобно расположились в кабинете. Глеб, назвавший себя Гогой, сидел за столом на месте Стаса и игрался с ножом для открывания конвертов. Он виртуозно крутил нож, ловко перебирая его пальцами. Один из его коллег развалился в кожаном кресле для гостей, другой стоял у окна и отрешённо смотрел в одну точку. Виктору даже показалось, что он под кайфом. Самойлов с грустным видом сидел на стуле и держал у носа бумажное полотенце, заляпанное кровью.

— Доброе утро, — поздоровался Виктор, стараясь не выдать своей обеспокоенности. Походу, разговора не получится, раз Стас уже сидит с разбитым носом. — Гога, вы подумали над моим предложением?

Виктор даже глазом не успел моргнуть, как Глеб, не вставая, резко размахнулся и запустил ножом во входную дверь. Нож пулей пролетел в нескольких сантиметрах от Виктора и глухо воткнулся в пластик, войдя в дверь почти наполовину. Странно, но первое, о чём подумал Виктор: «А если бы сейчас кто-нибудь вошёл?»

— Привет, — как ни в чём не бывало поздоровался Глеб и, указав рукой на стул, стоящий около стола, сказал: — Падай сюда, Виктор Юрьевич, базарить будем. С твоим директором мы уже пообщались. Непонятливый он, за что только ты ему зарплату платишь?

Виктор понимал, что если он сядет, то обдолбаный чувак, стоящий у окна, будет у него за спиной, и садиться не торопился. Чтобы успокоить начинающие шалить нервы, подошёл к стеклянному шкафу, взял лейку и полил единственный в офисе цветок. Его зачем-то притащила Настя, он только занимал место и пылился без дела. Теперь, видимо, он сослужил свою службу, и Виктор, переведя дыхание, поставил лейку на место и уже спокойно сказал:

— Значит, не хотите у нас работать, Гога?

— Послушай меня, умник, — начал Глеб, развалившись в удобном кресле Стаса, но договорить не успел.

Дверь открылась, и, шумно смеясь и переговариваясь, ввалился Сиплый со своим напарником Жекой. Виктор Жеку узнал сразу, хоть и видел его мельком, тогда, в гараже. Но главное было то, как они были одеты. Оба в широких разноцветных штанах и ярких пиджаках. На шее у Сиплого был завязан какого-то непонятного ядовитого цвета платок, а у Жеки на голове была надета невероятно яркая оранжевая шляпа. Даже обувь у одного была ярко-коричневая, а у другого зеленая. В общем, выглядели они словно два педика с карнавала.

— Ой, а вы заняты? — сказал Сиплый, перестав смеяться, и они с Жекой остановились посреди комнаты.

— Не совсем, — сказал ошарашенный таким появлением Виктор, с интересом разглядывая прикид своих питерских гостей.

— Так, клоуны, подождите за дверью, — по-хозяйски приказал Глеб. — Мы разговариваем.

— А у нас назначено, — скрипучим противным голосом сказал Жека и посмотрел на часы.

— Вадос, выведи их нах, — сказал Глеб парню, который сидел в кресле.

Тот встал, и Виктор заметил, что ростом он, пожалуй, выше Сиплого, да и в плечах пошире. Вадос шагнул к двум разноцветным дядькам, крепко взял обоих за рукава повыше локтя и грубо стал выталкивать из кабинета. Виктор с удовольствием наблюдал это шоу, понимая, что сейчас будет что-то интересное, но ни Сиплый, ни Жека ничего не предпринимали, только возмущались: чего это с ними так грубо обращаются! В конце концов ему удалось вытолкать двух чудаковатых гостей в коридор, и Вадос, прикрыв дверь, вытащил из неё канцелярский нож и с улыбкой повернулся к Глебу:

— Чего только не насмотришься в этой дыре.

Виктор тем временем сосредоточился на Нуо. Пока непонятны были мотивы Сиплого с этим маскарадом. Он попробовал поиграться с замедлением времени. Получилось. В этот раз он представил перед собой своеобразный регулятор течения времени. Цифры на регуляторе показывали замедление в два, в десять, в сто и более раз — вплоть до полной остановки. Повернул колёсико резистора, как будто уменьшал

громкость проигрывателя. Замедлил время лишь немного, меньше чем в два раза, но сразу почувствовал, как слегка зазвенело в ушах. Потом всё нормализовалось, но как только Глеб начал говорить, голос у него стал, как будто тот замахнул пару стаканов водки и еле ворочал языком.

— Моё предложение пока в силе, — сказал он, смешно растягивая слова. — Продажа половины компании за половину уставного капитала.

Виктор с усилием скрыл улыбку и медленно кивнул, не говоря ни слова. Он понимал, что, вероятно, если он откроет сейчас рот, то будет трещать, как грампластинка на повышенной скорости. Вместо этого он повернул ручку регулировки времени до 100 к одному. Всё вокруг замерло, опять лёгкий звон в ушах и тишина.

«Нуо, мне нужен твой совет», — сказал Виктор мысленно.

«Ты же знаешь, я не даю советов», — еле слышно ответил енот.

В голосе его Виктор уловил какую-то заинтересованность. Выглядело так, будто Нуо сидит в первом ряду этого театра и наблюдает, что же Виктор намеревается делать дальше. Однако опять показалось, словно между ними огромное расстояние, приходилось прислушиваться.

«Мне даже не столько совет, просто пытаюсь найти максимально безболезненный способ выпроводить отсюда этих лиходеев. Хочу создать им какой-нибудь душевный дискомфорт. Не хотелось бы, чтобы Сиплый с Жекой их здесь поубивали. Может, создать им головную боль в прямом смысле слова?»

«Всем троим?» — спросил Нуо, как всегда, без малейших эмоций.

«Да, пожалуй. А как это будет реализовано физически?»

«Не бери в голову, Ярский, тебе это лишнее. Уже сделал. Что-нибудь ещё?»

«А знаешь? — Виктору вдруг стало весело. — Тебе это, пожалуй, тоже несложно. Добавь этому Глебу лошадиную дозу какого-нибудь слабительного, чтобы пронесло как следует. Желательно, быстродействующего. Чтоб до толчка добежать не успел. Думаю, тогда и поговорить можно будет. Только лошадиную, я имел в виду, в переносном смысле», — зная прямолинейность Нуо, на всякий случай поправился он.

«Жесток ты, однако, барин, — еле слышно усмехнулся енот. — Ладно, имеешь. На этом всё? Фантазии закончились?»

«Да, Нуо, спасибо. Думаю, дальше справимся», — Виктор, видя, как Глеб сидит с открытым ртом, видимо, собираясь и дальше вещать своё снисходительное предложение, повернул регулятор времени обратно, сделав один к одному и осмотрелся.

Одновременно произошло сразу две вещи. Оба парня, Вадос, который, скорее всего, в миру был Вадик, и второй как по команде схватились за головы. Один стал растирать виски, второй лоб. По выражению лиц обоих было видно, что радости они явно не испытывали. Одновременно с этим открылась дверь и в кабинет опять зашли два разноцветных друга. Одного взгляда на них было достаточно, чтоб понять, что в этот раз шутить они уже не будут. Скорее всего, первый заход — это была разведка, желание оценить ситуацию и выработать тактику. Теперь они будут действовать по своим, не раз отработанным правилам, и у московских залётных искателей приключений шансы были близки к нулю. Махание кулаками, а уж тем более стрельба не входили в планы Виктора, и он, подняв руку, жестом показал обоим на стулья.

— Ребята, подождите, пожалуйста, здесь. Присаживайтесь, посидите пять минут, мы сейчас закончим, и я вас приму.

Саня в нерешительности посмотрел на Виктора — видимо, это было вразрез с их намерениями, но послушался, и оба грузно уселись на стулья рядом со Стасом, который тоже с интересом наблюдал за всем происходящим.

— …можешь подумать тридцать секунд, — закончил свою любимую фразу Глеб.

Очевидно, Виктор должен был что-то решить за тридцать секунд. Выглядел Глеб неважно. Он, в отличие от своих коллег, не хватался за голову, но было видно, что даётся ему это явно нелегко. Он сильно сжал зубы, и желваки на скулах задвигались. Затем незаметно опустил вниз правую руку и взялся за живот. Потом усилием воли собрался и, положив руки на стол, сделал попытку сурово посмотреть на Виктора. Похоже, у Глеба Морозова уже не было сил ни сказать своим подельникам, чтобы вывели этих непонятливых пёстрых человечков, ни вообще что-либо сказать. На него было больно смотреть.

— Гога, я ценю ваше предложение, — глядя прямо в глаза, вежливо сказал Виктор. — Мне непонятно несколько моментов. Первое, если вы хотите перевести деньги как… — но договорить он не успел, и Глеб так и не узнал, что там были за моменты. Он резко встал. На лице у него было выражение мучительной скорби вперемешку с ужасом, потом сел, потом снова встал.

— Подождите пару минут, — сказал он не своим голосом, — я сейчас.

Сжимая ягодицы, как на ходулях, маленькими быстрыми шагами он прошёл по кабинету в сторону двери. Из кабинета выйти он успел, но дальше сил уже не хватило. Глеб, оставляя за собой следы от переваренного вчерашнего ужина, бегом помчался по коридору в поисках туалета. Откуда ему было знать, что туалет был на два этажа ниже? И пока он метался между кабинетами в поисках букв «эм» и «жо», таких нужных сейчас, Афанасьев, Ярский и покупка компании «Аруба» — это последнее, что было в его мыслях.

— Здорово, мужики, — Виктор встал и поздоровался с обоими за руку.

— Чё за крендель? — спросил Сиплый, показывая на открытую дверь, где только что скрылся обосравшийся Глеб.

— А, это покупатель приходил, денег предлагал, но, видимо, передумал. Парни, у вас всё нормально? — спросил Виктор у двух изнемогающих от сильнейшей головной боли страдальцев.

— Таблетки от головы нет? — пропищал один из них, еле выдавливая слова.

— Вот смотри, — Виктор подошёл к окну. — Видишь вон тот перекрёсток? Там повернёшь направо, и через два квартала будет аптека, по-любому открыта.

— А вы чего нарядились как клоуны? — с неподдельной улыбкой спросил Виктор у Сани.

— А чё, прикольно же, — сказал Жека, встал и, продефилировав в своём наряде по кабинету, сел на край стола.

Парни переглянулись, не понимая, что делать дальше, и со страшными гримасами боли на лицах вышли из кабинета. Виктор прикрыл за ними дверь и развёл руками, мол, не знаю, чего они все. Пока всё получилось как нельзя лучше, даже Стас теперь не выглядел

таким потерянным. Саня приоткрыл дверь и посмотрел в пустой коридор. Потом покачал головой и, оставив дверь открытой, сказал:

— Чёт я не понял, делать-то теперь чего? — Он выглядел даже немного растерянным. Обошлось без драки, а в его представлении это было совершенно невероятно.

— Я сам не знаю. Если вернутся товарищи, поговорим. Вы деньги привезли? — спросил его Виктор и добавил: — Может, всё-таки войдёшь в долю? Документы Станислав Юрьевич приготовил, тебе только подписать.

— Деньги в машине, — сказал Саня. — Подумаю про долю. Зевс, так ведь и уговоришь! Фига ты помолодел без бороды, братан, прям, лет на десять моложе стал. Я, блин, есть хочу, поехали куда-нибудь, позавтракаем, пока этот обосрыш не вернулся.

— Стас, с меня компенсация, — улыбнулся Виктор, показывая на нос.

— Ничего, — сказал Самойлов и, скомкав салфетку, бросил её в ведро для мусора. — А я как раз собирался перегородку исправлять. Может, теперь как-то само исправилось.

Стас вышел последним и запер дверь кабинета. Виктор шёл по коридору, видя перед собой уверенно шагающих разноцветных Саню с Жекой, и на душе стало спокойно. Молодцы, что приехали. На лестничной клетке этажом ниже в тёмно-синем халате стояла уборщица. В одной руке она держала ведро, в другой — жёлтые резиновые перчатки и, прижав плечом мобильник, разговаривала, громко сетуя на какого-то засранца. Виктор притормозил, достал из кармана две пятитысячные и протянул ей:

— У нас тут клиент был, отравился, видимо, чем-то. Вы уж простите его.

Женщина несмело взяла деньги и, перестав говорить, выразительно посмотрела на Виктора. Он, не останавливаясь, пошёл дальше вслед за другими. Краем уха слышал, как уборщица по мобильнику сказала: «Зина, прикинь, мне денег целую кучу только что дали».

Через час все сидели в «Трёх рублях» и шумно завтракали. Позвонила Настя и сказала, что в течение часа подъедет. Она была возбуждённая и радостная, наверно от того, что закончила своё нелюбимое занятие — заниматься обслуживанием машины. Стас тем

временем проявил себя как самый настоящий психолог и дипломат. Ему удалось грамотно и аргументированно объяснить Сиплому, что тот ничего не теряет, покупая половину компании, тем более половину денег он уже привез. Осталось только перевести вторую. Слово за слово, Самойлов устроил обоих на работу. Саню — начальником службы безопасности, а Жеку — заместителем. Жека даже готов был прямо сейчас приступить к своим обязанностям, всё равно делать нечего. Виктор просто восхищался, как ненавязчиво и аргументированно Стас умел излагать свою позицию и склонять на свою сторону собеседников. Сказывалась адвокатская практика. В конце концов он сказал:

— Станислав Юрьевич, теперь я тоже хочу устроиться к тебе на работу.

— Виктор, кем же я могу тебя взять? — развёл тот руками.

— Да хоть кем, могу водителем или снабженцем, мне всё равно.

— Водителем возьму, — засмеялся Стас, — но будешь воровать топливо — уволю сразу.

Дружно посмеялись. Затем Стас взял пакет с пятью миллионами и, сказав, что у него много работы и надо успеть до вечера потратить все деньги, откланялся.

Когда он уехал, Сиплый сказал:

— Хороший мужик твой директор. Убедительный и понятный, всё разложил по полочкам. Уважаю.

— Ну и славно, я рад, — сказал Виктор.

Он был доволен таким поворотом. Всё опять начинало становиться по своим местам. Вот-вот должна была приехать Настя, и тогда можно было всем вместе прокатиться на стройку.

Но всё пошло не так, как хотелось. Когда Настя не приехала через час, как обещала, Виктор позвонил ей, но она не ответила. Тревожный звоночек, который называется «интуиция», внезапно дал о себе знать. Виктор давно не слышал его, в последнее время больше надеялся на Нуо. Теперь внутреннее чувство без каких-либо чудес и волшебства подсказывало: что то-то не так.

«Нуо, ты здесь?» — спросил он мысленно, громко и отчетливо, чтобы у енота не появилось желание упрямиться и не пришлось звать его снова. В ответ — полная тишина. Виктор повторил вопрос ещё несколько раз. Нуо не отвечал. Причём Виктор чувствовал, что енот не

просто игнорирует его, он пропал совсем, как будто его никогда и не было. Незаметно протянул руку между пуговицами рубахи к груди, туда, где на кожаном шнурке висел амулет, но вместо знакомого тепла Нуо ощутил страшную пустоту. Виктор похолодел. Рванув двумя руками ворот рубахи, так что отлетела верхняя пуговица, он схватил себя за шею. Нуо там не было. Десятки возможных причин отсутствия Нуо тут же пронеслись в голове, и ни одна не радовала. Недаром, когда в офисе общался с Нуо, было впечатление, что он за тридевять земель.

— Зевс, ты чего? — удивлённо спросил Сиплый. — Чего случилось?

— Что-то с Настей, — безучастно прошептал Виктор.

Встал, расстегнул рубаху — Нуо нигде не было. Куда мог подеваться брелок, он понятия не имел. Виктор даже не помнил, когда снимал его в последний раз. «Да бог с ним, с Нуо, где Настя?» — и он опять стал набирать её номер. Гудки проходили, но ответа не было.

***

Афанасьев уже второй час сидел в своём кабинете и просчитывал варианты. Пазл не складывался. В этот раз всё с самого начала шло по непонятным ему чужим правилам. В какой-то момент у него даже возникло желание отказаться от идеи прибрать к рукам компанию Ярского и выполнить просьбу брата. По большому счёту прибыль там была копеечная. При самом лучшем раскладе он выиграет миллионов семьдесят, плюс что-то подкинет Эльвира. Но вся эта история с Ярским не походила ни на одну из его предыдущих рейдерских тем. Чувство самосохранения уже не раз втыкало острые иголочки Афанасьеву в самые неприятные места, а он их игнорировал и продолжал настырно идти к своей цели. Генерал-майор Улитин, давний друг и непосредственный начальник Афанасьева, за партией в шахматы сказал ему: «Паша, времена поменялись и продолжают стремительно меняться. Надо перестраиваться под новые реалии. Сейчас надо быть очень осмотрительным и крайне осторожным. Если что-то пойдёт не так, возможно, я не смогу прикрыть твою задницу, поэтому поумерь пыл и не лезь ни в какие сомнительные дела».

Это было всего пару месяцев назад, и Афанасьев тогда всё перевёл на шутку, мол, мы же хозяева жизни, да и кто посмеет. Сейчас он отчётливо вспомнил тот разговор и пророческое предупреждение.

После второго звонка Морозова Афанасьеву вообще показалось, что он утратил контроль за происходящим. Сначала Глеб позвонил и доложил, что ничего не вышло. Афанасьев ожидал обычный доклад, что всё в рабочем порядке, клиент готов и осталось только уладить бумажные формальности. Но Глеб его окончательно расстроил, сказав, что он вроде как приболел и разговора с Ярским не получилось. По голосу слышно было, что Морозов тоже в некоем замешательстве. Пока Павел Ильич вынашивал в мозгу план следующих действий, Морозов позвонил второй раз и огорошил тем, что они схватили девчонку, вкололи ей снотворного и везут в Москву. Такой самодеятельности от Глеба он точно не ожидал. Это был совершенно непродуманный и неадекватный поступок. Что теперь делать с Настей, которая видела Глеба? Будет ли она вести себя тихо, когда её придётся отпустить? Не убивать же девчонку! И так слишком много мокрухи. Павел Ильич глубоко вздохнул, взял со стола мобильный телефон и набрал номер зам. начальника отдела наркоконтроля.

Несколькими часами раньше

Настя проснулась, когда Виктор ещё доглядывал свои сны. Он лежал ничком, обхватив двумя руками подушку, и мирно сопел. Погладив его по голове, Настя заметила, что шнурок, на котором Виктор носил свой любимый амулет, еле держится. Вернее, не шнурок, а серебряная застёжка от него погнулась и вот-вот готова была сломаться. Настя расстегнула замок, медленно вытащила красивый зелёный кулончик и, держа его на ладони, стала разглядывать. Матовый амулет был такой милый и приятный на ощупь, что не хотелось выпускать его из рук. Он всё ещё сохранял температуру тела Виктора и был как грелка. Настя даже потрогала тому голову — проверить, нет ли у него температуры. Всё было нормально. Она встала и подошла к столу. Открыла коробочку, что была на полке возле зеркала. Там лежали её простенькие украшения и дорогущее кольцо — подарок Виктора на день рождения. Аккуратно обернув шнурок вокруг амулета, Настя положила его в импровизированную шкатулку. Сильнейший электрический разряд ударил её по пальцам в момент, когда амулет коснулся кольца.

А-ай! — она тут же отдернула руку. Видимо, статическое электричество накопилось, и в момент соприкосновения камня с

амулетом произошло замыкание. Насте даже показалось, что она видела синюю молнию, которая проскочила тонкой ниточкой между кольцом и амулетом. Она взяла кольцо в руку. Невероятно, оно тоже было тёплым! «Что за странное явление природы?» — подумала Настя и, положив кольцо обратно, пошла в ванную. Пока плескалась под душем, потом прихорашивалась перед зеркалом, прошла целая уйма времени. И Настя, подойдя к Виктору, потрепав его по шевелюре, тихо сказала:

— Эй, просыпайся, засоня!

Он вскочил как ошпаренный. Видимо, торопился на важную встречу. Быстро умывшись, Виктор уже через пять минут стоял у порога одетый. Настоял, чтобы она поехала в сервис на замену масла. Насте не хотелось заниматься этими глупостями, и она попробовала отмазаться, но Виктор был настойчив. Пришлось согласиться. Только когда он чмокнул её на прощание и выскочил за дверь, Настя вспомнила, что ничего не сказала ему про сломанную застёжку. «Ладно, — подумала она с улыбкой. — Заеду в ювелирку и починю. Сюрприз будет». Перед выходом из дома Настя надела своё кольцо с огромным камнем. Вытянула руку. Смотрелось очень сочно. Появилось большое желание надеть на шею амулет Виктора, но из боязни потерять убрала его в сумочку.

Пока Настя сидела на мягком диванчике в комнате ожидания автосалона «Либерти», произошло нечто странное. Полистав парочку скучных автомобильных журналов, она посмотрела на часы и вдруг ощутила необычное чувство дежавю. Появилось ощущение, словно она — главная героиня знакомого сериала и эту серию смотрела уже не раз. Настя даже знала, что сейчас последует. К ней подойдёт вон тот молодой человек, протянет ключи и скажет: «Девушка, машина в отличном состоянии. Масло поменяли. Всего вам доброго».

Это произойдет через… три, два, один.

— Девушка, машина в отличном состоянии. Масло поменяли, — сказал молодой человек с вежливой, открытой улыбкой. — Всего вам доброго.

Настя взяла ключи и, кивнув ему: спасибо, направилась к машине. Как такое могло быть? Что происходило с её головой? Страх вперемешку с желанием осознать природу происходящего боролись между собой. Появилось также приятное осознание, что теперь всё

будет хорошо. Как в детстве, когда неведомые страхи подкрадывались к ней в тёмной спальне, она пряталась под одеяло и закрывалась с головой. Потом приходил папа, садился на край кровати и говорил: «Дочка, всё будет хорошо, не бойся ничего». И правда — сразу становилось легко и спокойно.

— Но что же это за странные изменения в организме? — недоумевала Настя. Такого раньше никогда не было. Уж не беременна ли она? Говорят, что в состоянии беременности могут быть отклонения от нормы в эмоциональном и психологическом состоянии. Своим открытием захотелось поделиться с Виктором. Он любил всё необычное и всегда с интересом слушал. Набрала номер. Виктор с Саней завтракали в «Трёх рублях». Сказала, что подъедет туда, но сначала надо было кое-что сделать.

Заехала в торговый центр «Адамант», поднялась на второй этаж. Ювелирный отдел занимал небольшую площадь возле зоомагазина. Настя положила кожаный шнурок на стеклянную витрину:

— Сможете починить застёжку?

Седоватый мужчина с морщинистым добрым лицом отложил инструменты, которыми ковырялся в неведомом золотом изделии. Затем отогнул и приподнял на лоб большое увеличительное стекло, державшееся на голове с помощью оправы с дужками от очков, взял в руки шнурок и покачал головой:

— Девушка, вам дешевле новый купить, чем этот починить. Он стоит от силы двести рублей, а ремонт обойдётся гораздо дороже.

— Давайте всё-таки починим, если можно, — настаивала Настя.

— Хорошо, — согласился мужчина и замолчал, уставившись ей на руку. Потом указал на кольцо и спросил: — Вы позволите взглянуть?

Настя позволила. Она положила руку на витрину, и мужчина, опустив лупу на глаза, стал рассматривать бриллиант. Он только качал головой и чуть слышно говорил:

— Ах, это просто чудо, это же… Прямо изумительно… Похоже, это «Луна Джозефины», только белая. Девушка, вы не боитесь ходить с таким кольцом без охраны? Вы хоть знаете?..

— А что, этот камень очень ценный? — перебила его Настя.

Мужчина опять отогнул лупу, посмотрел на неё и развёл руками в стороны:

— Я могу ошибаться, но, похоже, это уникальный бриллиант «Луна Джозефины». Он очень дорогой. Разве вы не знали?

Настя отрицательно покачала головой.

— А насколько дорогой? — спросила она.

— Я не могу сказать точно, но если это не копия, то миллионов десять.

— Десять миллионов рублей? — Настя не могла поверить своим ушам.

Но мужчина отрицательно покачал головой:

— Долларов.

— Но так же не бывает! — Настя прикрыла рот рукой. — Десять миллионов долларов?!

— Это минимум, — сказал ювелир. — На аукционе за такой камень цену могут задрать даже до двадцати миллионов. Бывает и такое, но для меня более странно, что вы не знаете, что у вас на руке. Вы подвергаете себя огромной опасности.

Он заменил замок на кожаном шнурке и положил перед Настей:

— За счёт заведения. Денег не надо. Но умоляю вас, будьте осторожны.

Когда Настя вышла из «Адаманта» и села в машину, опять чувство дежавю овладело её разумом. Она откинулась на сиденье, закрыла глаза и попыталась расслабиться. В этот раз ей стало страшно. Она как будто сидела в кинотеатре и смотрела боевик. В роли главной героини была девушка, очень похожая на неё. За ней охотились сразу несколько мужчин, и только благодаря своему умению и ловкости ей всё ещё удавалось не быть схваченной. Чего от неё хотели эти люди, она не знала. Вероятно, у неё было что-то, что было нужно этим головорезам. Сначала Настя подумала, что это кольцо. Конечно, ведь оно ужасно дорогое, и они хотели отнять его у неё. Но потом пришло понимание того, что этот фильм она уже смотрела и ловили они её по какой-то другой причине. Но по какой? Может, это был зелёный кулон Виктора? Или не Виктора? Вроде у главного героя было другое имя. Чего?! Ну это уж слишком! Настя открыла глаза и потрясла головой. Надо же, вот она фантазёрка! Навыдумывала себе каких-то историй, тут же в них поверила и даже перенесла на реальность. Достала из сумочки кулон, посмотрела. Застёжка новая, мужчина сделал хорошо. Но вот сам камушек… он опять был тёплый. Чего он, с подогревом, что ли? —

усмехнулась Настя и как-то машинально надела его себе на шею. Она уже собиралась повернуть ключ в замке зажигания, как увидела милиционера в двух метрах от машины. Он, помахивая полосатой палочкой, направлялся в её сторону. Показав палочкой, чтобы она открыла окно, милиционер добродушно улыбнулся. Настя нажала на кнопку стеклоподъёмника.

— Здравствуйте, — с улыбкой поздоровалась она.

— Девушка, здесь нельзя стоять, — не здороваясь, милиционер сразу озвучил нарушение.

— Как нельзя? — недоумённо посмотрела по сторонам Настя. — Я знаков запрещающих не видела.

— Есть знак, — недобро улыбнулся страж порядка. — Вон там, сразу у перекрёстка. Пожалуйста, возьмите водительское, регистрацию, страховку и пройдёмте со мной.

— Ладно, — сказала Настя, взяла документы и вышла из машины.

В пяти метрах от неё стояла серебристая ToyotaRav4 с синей съёмной мигалкой на крыше. Подошли к машине, но милиционер не торопился садиться за руль. Настя протянула документы, и он, внимательно изучив их, строго сказал:

— Я дам вам на первый раз штраф по минималке, но впредь смотрите на знаки, когда паркуетесь.

Настя кивнула, но страшно как захотелось сходить и посмотреть, что там за знак такой, который она не заметила. Милиционер меж тем открыл правую пассажирскую дверь:

— Присаживайтесь сюда, пока я буду оформлять протокол.

Настя сделала шаг к машине, но увидела, на заднем сиденьи человека. Он был в обычной гражданской одежде. Ещё один сидел за рулём. Как-то всё выглядело не по-настоящему. И машина не милицейская, если не считать синего «ведёрка» на крыше. Она почувствовала руку милиционера у себя на плече, словно он хотел помочь ей присесть в автомобиль, и тут как озарение в мозгу пронеслось: а ведь он не милиционер! Тут же всплыли слова ювелира: «девушка, будьте осторожны».

Она уже хотела сделать шаг прочь от машины, но было поздно. Милиционер двумя руками сильно прижал её вниз и толкнул в открытую дверь. Настя потеряла равновесие и упала прямо на мужчину, который сидел позади водителя. Она больно ударилась ногой

об арку двери, но милиционер, подхватив её за ноги, ловко затолкнул их в машину и закрыл дверь. Она успела крикнуть, но уже через мгновение мужчина прижал мокрую, противную тряпку прямо к её носу. Настя почувствовала неприятный сладковатый вкус и резкий запах эфира. Она постаралась не дышать, но было поздно. Пары усыпляющего зелья уже пробрались в дыхательные пути, и разум начинал отключаться. Последнее, что она почувствовала — как ей подложили под голову что-то мягкое, и она провалилась в пустоту.

***

После того, как обосравшийся Глеб покинул офисное здание, первое естественное желание было принять душ и переодеться, благо гостиница «Металлург», где они вчера остановились, была всего в двух кварталах. Уже через час все трое сидели в гостиничном номере и молча смотрели друг на друга. Головная боль у всех троих прошла как по команде, сразу, как они вышли на улицу. Прошла без всяких таблеток. Первым подал голос Семён. Он тоже был из бывших сотрудников правоохранительных органов и когда-то давно начинал работать с Глебом. Теперь все были на вольных хлебах.

— Бывает такое, — сказал Семён. — Магнитные бури. И голова сразу начинает болеть.

— Всё, замолчи! — оборвал его Глеб. — Какие нах бури?

— Не знаю, — развёл руками Семён. — Но у меня так башка заболела, как при ломке, думал, сдохну. Не может же быть случайности. Вон, и Вадос тоже чуть коньки не откинул. Не нравится мне всё это. Может, ну их, этих клоунов? Отзвонись своему контакту, скажи, что не получилось.

— Сёмыч, захлопнись, — негрубо, но безапелляционно перебил его Глеб. — Как ты это себе представляешь? У нас не может «не получиться», это наша работа. Надо просто избрать другую тактику. — Он задумался.

— Можно тёлку его хайжакнуть, — подал голос Вадос. — Сам прибежит.

Оба посмотрели на него, и Глеб сказал:

— А это неплохая идея. Свезём её к нам, посидит пару дней в подвале, потом и вернёмся к разговору.

Вычислить белый «Форд-Куга» труда не составило. Маячок работал исправно. Оставалось только найти удачное место и разыграть сцену. Девушка остановилась около торгового центра и, пикнув сигналкой, быстрым шагом направилась к стеклянным дверям ТЦ «Адамант». Глеб в ментовской форме сидел на заднем сиденьи и поглядывал на улицу через тонированное стекло. Ждать пришлось достаточно долго. Наконец девушка вышла и довольная направилась к своему автомобилю. Глеб разыграл сурового, но вежливого стража порядка. Всё прошло даже очень гладко. Девчонка практически сама забралась к ним в машину, оставалось только придать ей немного ускорения, что он и сделал. Семён в ту же секунду отправил деваху в глубокий сон, плотно зажав ей нос полотенцем, обильно смоченным хлороформом. Когда они отъехали на безопасное расстояние, завернув в неприметный гаражный кооператив, Вадос быстро снял номера, недавно своровавные с такой же серебристой «тойоты», и поменял на родные. Сняли мигалку и уже как приличные граждане с мирно спящей на заднем сиденьи девушкой направились в обратный путь. Телефон, который у Насти постоянно звонил, Глеб поставил на беззвучный режим и зашвырнул далеко в кусты.

— Слушай, а ничего коза такая, — сказал довольный Семён. — Я бы с ней покувыркался.

— Успеешь ещё, — бросил через плечо Глеб. — Сейчас надо по-быстрому до дома добраться, пока спит. Очухается — вколи ей дозу, пусть дрыхнет, чтоб проблем не было.

— Угу, — кивнул Семён, поправляя чёлку спящей у него на коленях Насте. — Зачётная тёлочка. Прямо модель, мать её.

Тут он увидел у неё на руке кольцо с огромным камнем. Это не мог быть настоящий бриллиант. Он был слишком большой, чтобы быть настоящим. Семён бросил взгляд на парней — никто не обращал на него внимания. Вадос смотрел на дорогу, Глеб копался в телефоне. Семён двумя пальцами взялся за кольцо, медленно повернул его и без труда снял с руки. Зажав кольцо в руке, он задумался. Если девка проснётся и обнаружит пропажу, то ему точно несдобровать. От Глеба можно ожидать всё, что угодно. Как-то Семён сам был свидетелем, когда они с корешами сидели и просто тёрли за жизнь. Глебу чего-то не понравилось, и он без предупреждения просто взял и прострелил парню голову. А потом, как ни в чем не бывало, продолжил разговор.

Риск, конечно, был большой, но он того стоил. А вдруг это настоящий бриллиант? Девка-то вроде при деньгах. Если повезёт, то можно будет неплохо подняться. Если же сказать Глебу про кольцо, то им с Вадосом достанется лишь малая доля, а то и вообще ничего. Глеб сказал ширнуть девку, когда та очухается. Если она чистая, то отключится надолго, а там всё как-нибудь само собой рассосётся. Может, она вообще дуба даст. Тогда и концы в воду. Семён не стал пока убирать кольцо в карман, а положил его на пол и прикрыл ногой. Если вдруг всё пойдёт не по плану, можно будет сказать, что само свалилось, а он попросту не видел. Бросил взгляд на девчонку и невольно залюбовался. Он сглотнул слюну и шёпотом сказал:

— Породистая сучка, бля.

***

Сначала поехали в сервисный центр. Виктор быстро узнал, что машину с обслуживания Настя получила уже часа два назад. Потом заехали домой, затем в офис. Настя как сквозь землю провалилась, собственно, как и Нуо. Успокаивая себя, что это всё ещё может быть совпадение, Виктор продолжал набирать номер, но слушал только гудки. Сиплый кому-то звонил, просил пробить Настин номер и попытаться запеленговать её телефон. Виктор слышал всё как в тумане, понимая, каким беспомощным он был без поддержки Нуо. Через пару часов, которые длились целую вечность, Сиплому скинули координаты нахождения Настиного телефона, и они помчались туда, невзирая на красные светофоры и сигналы недовольных водителей. Минут через десять навигатор привёл их в гаражные кооперативы, что на отворотке на Городище.

— Где-то здесь, — сказал Саня, взвёл курок на своём «макарове» и сунул его за пояс.

Вышли, огляделись — ни души. Долго бродили в поисках чего-нибудь, что могло хоть как-то вывести на след. Наконец Жека увидел в траве два автомобильных номера.

— Ну, хоть что-то, — сказал Саня и тут же принялся звонить, чтобы пробить хозяина.

Буквально через несколько минут ему перезвонили и сообщили информацию. Это был человек с череповецкой пропиской, владелец новой ToyotaRAV-4, о пропаже номеров не заявлял. Дали адрес,

телефон. Саня тут же набрал номер. Долго никто не брал трубку, потом ответили. Мужчина на том конце провода сначала подумал, что это звонят воришки, укравшие его номера, желающие заработать пару тысяч. Начал крыть Сиплого матом, сказал, чтобы он засунул себе эти номера сам знает куда и денег тот ни копейки не получит. Потом Сане всё-таки удалось объяснить, что номера он нашёл и где мужик может их бесплатно забрать. В конце концов хозяин номеров, извинившись за свою непонятливость и грубость, сказал, что немедленно подъедет. Как оказалось, пропажу он заметил только сегодня утром, но к машине не подходил несколько дней, так что снять номера могли и раньше. По большому счёту это ничего не значило, но с большой вероятностью искать надо было серебристого RAV-4. Настин телефон так и не нашли, радиус поиска был слишком большой. Виктор звонил и ходил кругами, прислушиваясь. Ни звука, ничего.

Глава 19

Глава девятнадцатая.

Настя сидела на берегу Белого озера. Высокий кряж с песчаным пляжем, вокруг — сосновый бор, кусты брусники и мягкий зелёный мох. Когда-то давно, когда ещё родители жили вместе, они ездили сюда на пикник. Это, наверное, был самый счастливый день в её жизни. Родители не ругались, мама была трезвая, они целый день купались, загорали и ели вкуснейшие шашлыки. Это было очень давно. Сейчас, сидя на высоком крутом берегу, Настя смотрела вдаль на бескрайнюю гладь воды и вдыхала чистый воздух. Было не жарко, лёгкий летний ветерок приятно ласкал лицо. Вокруг ни души. «Какие же всё-таки прекрасные здесь места», — подумала она. Хотелось сидеть на откосе ни о чём не думая и просто смотреть на ровную водную гладь. Краем глаза Настя заметила еле уловимое движение. Повернула голову и увидела, как маленькая ящерка подползла совсем близко к её руке и замерла. Настя не шевелилась, чтобы не спугнуть маленькое создание. Ящерка повернула голову и посмотрела прямо ей в глаза. Так необычно, словно ящерка была разумная. Даже захотелось её погладить по серой чешуйчатой спинке. Вдруг произошло что-то невообразимое, не поддающееся никакому здравому объяснению: ящерица стала расти прямо на глазах. Если сначала она была чуть больше десяти сантиметров, то теперь увеличилась в два раза. Настя как зачарованная смотрела на это чудо, даже не пытаясь объяснить природу такого явления. Ещё немного, и она увеличилась в размере ещё в два раза. Теперь она выглядела уже как небольшой варан. Насте стало немного не по себе, и вдруг она поняла: да это же, скорее всего, сон! Она спит, и это всё ей снится. Ящерица меж тем, продолжая свой неуёмный рост, начала меняться. У неё стали расти большие задние лапы, а на передних появились небольшие пальцы с коготками. Стало немного страшно, но Настя, не двигаясь, как загипнотизированная продолжала смотреть на эту невероятную трансформацию пресмыкающегося. В конце концов перед ней стоял на двух могучих лапах настоящий ящер. Ростом он был чуть выше Насти, на задних лапах — три больших пальца, передние лапки совсем маленькие, а

вместо страшной пасти с множеством зубов — вполне симпатичная мордашка. Он стоял и внимательно смотрел на Настю, словно это она была здесь чудо чудесное.

— Я сплю, и ты мне снишься? — больше утвердительно, чем вопросом сказала она.

Животное молча сделало шаг, заглянуло вниз с обрыва и, подогнув ноги, совсем по-человечьи, село на пятую точку, вытянув назад большой хвост. Настя оглянулась. Хвост был, наверное, больше метра в длину и красиво переливался разноцветными чешуйками. Даже захотелось потрогать этот хвост, такой прикольный он был.

— Снишься? — ещё раз переспросила Настя.

— Не совсем, — ответило животное вполне приятным человеческим голосом. — Я просто в другом измерении.

— Но так не бывает, это же не может быть реальностью, — удивилась Настя.

Странно, что страха совсем не было — только лёгкое смятение и любопытство.

— Ты находишься в глубоком сне, — сказал её новый знакомый. — Это наркоз. Вспоминай: машина, милиционер, тряпка с эфиром.

— Точно, я вспомнила! — всплеснула руками Настя. — Этот милиционер хотел дать мне штраф за парковку. И потом… И что теперь будет? Я умру? А ты кто?

— Я твой друг, — сказал ящер. — Вероятно, ты случайно попала в моё измерение. Спрашивай, если что интересно.

— Я не знаю, что спрашивать, — развела руками Настя. — Кроме как сном я не могу объяснить происходящее. Но это какой-то реальный сон. Даже интересно.

Животное оглядело Настю с ног до головы, вздохнуло и молча уставилось вдаль на водную гладь озера. Несколько минут посидели, созерцая озеро и не говоря ни слова, потом Настя сказала:

— Слушай, я хочу проснуться. Если ты друг, помоги мне.

— Я не могу, — ответил ящер. — Это не в моих силах, я только могу помочь с информацией. Поэтому подумай, что тебя больше всего интересует, и спрашивай.

— Ладно, скажи тогда, чего им от меня надо и куда они меня везут?

— Шантаж твоего друга, в основном, но ты тоже в опасности, — ящер посмотрел на неё и как-то грустно улыбнулся. — Зря ты сняла амулет с шеи у своего друга. Без него ему будет гораздо труднее тебя спасти.

— Ах, так вот в чём секрет! — Настя взяла в руку тёплый Нуо и посмотрела на него. — Вот где разгадка — в этом маленьком кулончике. Значит, благодаря ему происходили все эти загадочные явления, которые он не мог мне объяснить.

Ящер молча кивнул, потом подумал и сказал:

— У этого кулончика есть имя. Его зовут Нюо, но ты не можешь распоряжаться им как своим, так как ты своевольно им завладела. Однако ты можешь по крайней мере попробовать использовать его силу. Возможно, у тебя что-нибудь и получится. Я так скажу: он всегда помогал людям с добрыми намерениями. Для начала попробуй вернуться в свой мир. Тебе надо напрячь всё своё сознание и соединить душу и тело. Знаю, без тренировки сделать это непросто, но ты попробуй. Начни чувствовать кончики пальцев рук и ног. Попробуй ощутить свой разум внутри себя, осознай, что ты лежишь на спине в машине на заднем сиденьи и спишь. Когда всё это прочувствуешь, попробуй проснуться. Если у тебя получится, не подавай виду, что проснулась. Если они заметят, то вколют тебе дозу героина. Тогда у тебя не хватит силы противостоять. Но если ты всё-таки проснёшься, обратись напрямую к Нюо, возможно, он захочет тебе помочь. Тогда ты справишься.

— Спасибо, — сказала Настя. — Я даже не знаю, кто ты и как тебя благодарить.

— Я с другой планеты. Люди не верят в наше существование, но это не страшно. Ещё не пришло время контакта с вашей цивилизацией. Я желаю тебе справиться с твоими трудностями. К сожалению, это всё, что я могу для тебя сделать. Мы не имеем права вмешиваться в ваши дела. Когда ты проснёшься, ты забудешь о нашем разговоре, обо всём, кроме Нюо.

— Спасибо, — ещё раз повторила Настя. — Я попробую. А как называется твоя планета?

— Ты всё равно забудешь название, — улыбнулся ящер. — Теперь я должен покинуть тебя. Желаю тебе силы и мудрости противостоять злу. Не забывай никогда, что, делая добро, ты приближаешься к Богу, и

наоборот. Несколько раз подумай, прежде чем причинить кому-нибудь зло.

Ящер сделал шаг назад и быстро начал уменьшаться, пока снова не стал маленькой ящеркой. Посмотрел на Настю маленькими глазками, вильнул хвостом и пропал в траве. Настя огляделась по сторонам. Вокруг так же ни души. Она легла на спину, закрыла глаза и, напрягая весь свой разум, попробовала прочувствовать каждую клеточку своего тела. Сначала — пальцы рук и ног, потом, плавно поднимаясь к коленкам, бёдрам, ощутила всю себя, пошевелила руками. Грудь, шея, мышцы лица. И вот она уже чувствовала, как её душа, её личность находится где-то между сердцем и головой. Она не могла точно понять, где всё-таки центр её разума: в голове или где-то ниже? Одно она осознавала точно — что её тело находится в движении. Теперь она ехала в машине, пропали озеро и берег. Осознание этой перемены ускорило процесс пробуждения. Настя почувствовала своё тело. Всё, теперь она лежала с закрытыми глазами и понимала, что голова её находится на коленях у того человека, который усыпил её противной тряпкой. Ноги у неё затекли, находясь в неудобном положении. Настя всё больше и больше осознавала действительность. Затем она почувствовала, что ворот её блузки расстёгнут а мужчина, на коленях которого она спала, держит свою руку у неё на груди. Стало ужасно противно, даже слегка затошнило от мерзости происходящего. Огромным усилием воли Настя заставила себя не двигаться и продолжала терпеть руку этого незнакомца, который с отвратительной настойчивостью теребил её сосок. Чуть приоткрыв один глаз, она сквозь ресницы посмотрела вокруг. В машине по-прежнему было трое. Они ехали молча, не обращая на неё никакого внимания. Сон, который ей только что приснился, постепенно терял очертания. Он был про доброго волшебника, который сказал, что у неё есть ангел-хранитель. Или нет. Вроде он говорил, что она может загадать желание и оно исполнится. В памяти всплыло странное имя Нюо. Что это, Настя не знала, но вероятно, это какой-то пароль, вроде «по щучьему велению».

— Нюо, — сказала она одними только губами.

Тут же в её голове произошло нечто странное. Как будто там оказались сразу два человека. Причём каждым из них была именно она, Настя. Они сидели друг напротив друга в странной комнате, в

которой не было ни пола, ни потолка, ни стен. Всё вокруг было чисто-белое. Настя словно смотрела на себя в зеркало, но это было не её отражение. Та, вторая Настя, была её точной копией, но в то же время совсем другой личностью.

— Привет, — поздоровалась девушка. — Меня зовут Нуо, а не Нюо.

— Извините, — сказала Настя, с удивлением разглядывая свою копию.

Если приглядеться, то различия всё-таки были. Они выглядели словно две близняшки: на первый взгляд — как две капли воды, но каждая со своей изюминкой. Настя прекрасно осознавала, что лежит в машине на заднем сиденьи, продолжала всё чувствовать и в то же время свободно находилась в каком-то другом мире, контролируя оба свои состояния.

— Хочешь чего-нибудь? — запросто спросила девушка Нуо, словно собиралась предложить своей копии чашку чая или кофе.

— Хочу, чтобы этот гад убрал свою руку, — Настя посмотрела на свою близняшку и добавила: — Пожалуйста. Не могу больше это выносить.

— Конечно, девочка моя, — улыбнулась та в ответ. — Сейчас уберёт.

В этот момент Вадос, который был за рулём, приоткрыл окно и закурил. Проезжали Ярославль и по городу ехали медленно, машин было много. Глеб оглянулся, увидев, как Семён держит девушку за грудь, покачал головой и сквозь зубы сказал:

— Сёмыч, ты извращенец, бля!

Семён довольный улыбался, блестя золотым зубом. В этот момент в машину залетел огромный шершень. Он со страшным жужжаньем начал летать по всей машине, потом стал кружить вокруг Семёна. Тот открыл окно задней двери и замахал руками, стараясь выгнать этот ужасный вертолёт. Одновременно он посылал тирады отборного мата на насекомое и на Вадоса, что тот не вовремя открыл окно и запустил эту гадость. В конце концов, шершень изловчился и ужалил Семёна прямо в шею.

— А-а-а! — заорал тот и прихлопнул приставучую гадость.

— Сёма, заткнись блядь! — гаркнул на него Глеб. — Сейчас тёлку разбудишь. По городу же едем.

Семён взял двумя пальцами огромного шершня и протянул руку вперёд, показывая парням:

— Смотрите, это же ужас просто! Видел кто-нибудь такое?

Шершень был около четырёх сантиметров в длину.

— Выкинь нах эту гадость, — сказал Вадос, — чего ты им в рыло тычешь?

Семён выбросил шершня и закрыл окно. На шее начал набухать большой синяк. Он потрогал его рукой — место укуса сильно болело. Оно было твёрдое и продолжало распухать. Семён почувствовал, что ему трудно дышать. Приходилось вдыхать полной грудью, выдыхать и тут же снова совершать вздох. Даже в таком ритме кислорода не хватало.

— Парни, чего-то мне плоховато, — сказал он, держась руками за горло. — Надо бы какую-то таблетку съесть. Гадость ядовитая попалась.

— Ай, Сёмыч, хватит выдумывать, само пройдёт, — сказал Глеб, но когда он обернулся, то увидел, что Семён был белый как полотно.

— Бля, Вадос, давай дуй в какую-нибудь аптеку, пока Сёмыч кони не двинул. Эй, ты нормуль? — спросил он у Семёна, но тот только отрицательно покачал головой.

— Походу, в больничку его надо, — сказал Вадос.

Пока искали больницу Семёну совсем поплохело. Насте, которая это всё слышала и усиленно изображала спящую, даже стало жалко парня. Каким бы козлом он ни был, но смерти она ему точно не желала.

— Нуо, — она снова обратилась к сестричке-близняшке, — а он не умрёт, парень этот?

— Когда-нибудь точно умрёт, — улыбнулась та. — Будет руки распускать — умрёт гораздо раньше, но точно не сегодня. Не волнуйся, исходя из его веса, доза яда рассчитана точно. Это не настоящий шершень и укус его рассчитан с точностью до миллиграмма. Скажи лучше, чего дальше делать собираешься? Как ты, наверное, уже догадалась, я могу помочь, но в случае, если ты попросишь.

— А где сейчас Витя? — спросила Настя.

— А Витя твой, в тюрьме, — спокойно ответила Нуо.

***

Решили разделиться. Сиплый с Жекой поехали в сторону офиса — Виктор опять домой и потом в автосалон. Саня постоянно кому-то названивал, пытался найти, через кого можно получить доступ к дорожным камерам. Теперь была зацепка в виде серебристой «тойоты». Виктор ехал небыстро, вглядываясь в каждую машину, в надежде увидеть Настиного «форда». Это было, конечно, словно искать иголку в стоге сена, но всё же лучше, чем просто сидеть на месте. Через час позвонил Саня и сказал, что нашли человека, который может отследить многие камеры в реальном времени. В голосе Сани читалось разочарование:

— Блин, Зевс, там этих камер десятки тысяч, и этих серебристых «тойот» немерено. Мы не сможем смотреть за каждой камерой.

— Саня, не надо смотреть за каждой. Пусть посмотрят только три. Одну — на выезде в сторону Пошехонья, где нашли номера, и две другие — на Вологду и на Питер. Если они не остались в Череповце, то почти наверняка засветятся на одной из трёх. Ну и по городу, если есть возможность. Может, чего и увидим.

Виктор повернул у «Адаманта» и помчался в сторону заречья. Вдруг он мельком увидел Настин «форда». Он был припаркован на дороге, недалеко от торгового центра. Уверенности не было, что это её машина, слишком большой поток транспорта закрывал видимость. Резко приняв вправо, он остановился. Хотел уже пропустить машины и развернуться через двойную сплошную. Сейчас было не до мелочей. Когда к нему подошли двое милиционеров, Виктор подумал, что это из-за его резкого торможения. Возможно, он создал аварийную ситуацию, и это не понравилось стражам порядка. «Как они некстати», — подумал Виктор. Посмотрел в зеркало — сзади вплотную стоял ментовский уазик. Тут же подъехала дэпээсная десятка и, обогнув его машину, остановилась спереди, преграждая путь.

— Ваши права и регистрацию, пожалуйста, — безразличным голосом попросил милиционер.

— Пожалуйста, — Виктор протянул документы и дежурно спросил: — Я что-нибудь нарушил?

— Сейчас посмотрим, — нараспев сказал мент, разглядывая права. — Виктор Юрьевич, в машине есть что-нибудь незаконное?

— Вроде нет, — неуверенно ответил Виктор.

Лёгкая искра сомнения проскочила в той части мозга, что отвечала за интуицию.

— Давайте посмотрим, откройте багажник, пожалуйста.

Он открыл. Появились люди в камуфляже, пара человек с автоматами. Откуда-то взялись понятые в гражданской одежде. Когда милиционер извлёк из салона два внушительного размера полиэтиленовых мешка с белым порошком, Виктор всё понял. Это была спланированная операция. Это была подстава. Сделать уже ничего было нельзя. Его обыскали с ног до головы, забрали документы, мобильный. Больно защёлкнулись наручники, и Виктора усадили на заднее сиденье уазика. Рядом с ним сидел крепкого телосложения молчаливый парень в форме и безучастно смотрел сквозь Виктора. Было видно, что для него это просто ежедневная рутина. Открылись передние двери, и в машину забрались ещё двое. Они дружелюбно перешучивались, не обращая внимания на Виктора, как будто он был один из них.

— Куда меня теперь? — спросил он.

— А сам-то как думаешь? — оглянувшись через плечо, весело сказал водитель. — В тюрьму, конечно. Нагулялся достаточно. Пришло время посидеть.

— Но вы же знаете, что это не моё, — тихо произнёс Виктор.

— Откуда нам знать? Там разберутся, — опять дружелюбно сказал водитель, выруливая на дорогу. — Не твоё — значит, отпустят, будешь дальше гулять.

Его везли не в тюрьму. Ехали в сторону заречья. Виктор больше ничего не спрашивал, а только раз за разом обращался к Нуо. В ответ была тишина. Как так могло случиться, что он потерял кулон? Где он мог его обронить или снять? Всё снова стало так запутанно, что в конце концов Ярский перестал сопротивляться своим мыслям и просто отрешённо смотрел в окно на проезжающие мимо машины и идущих куда-то людей. Каждый из них шёл своей дорогой и даже не подозревал, что в любую минуту он мог так же оказаться на заднем сиденьи в наручниках, переставая быть хозяином своей судьбы. В камере отделения милиции на Краснодонцев Виктор просидел часов пять или больше. Время тянулось медленно. На деревянной лавке напротив спал бомжеватого вида мужик, время от времени

разговаривая во сне. Наконец дверь открылась, и его окликнули по фамилии. Опять надели наручники, вывели во двор на свежий воздух. Прямо у входа он увидел машину. Это был чёрный двухсотый «крузак» с московскими номерами. Тот же молчаливый грузный мент, что сидел рядом с Виктором в уазике, перекочевал вместе с ним в «тойоту». Виктор, наблюдая за происходящим, понимал, что о чём-то спрашивать и что-то требовать сейчас бессмысленно. Придёт время, и его обо всём спросят и, вероятно, что-то предложат. Даже стало немного спокойнее за Настю. Скорее всего, её исчезновение — дело рук этих же товарищей, а значит, как минимум пока ей ничего не грозит.

Если бы он знал, как далёк был от истины!

***

Когда Вадос завернул к приёмному покою больницы на улице Чехова, Семён уже чуть дышал. Запарковался прямо перед входом, перегородив дорогу. Глеб под руку вытащил Семёна из машины и сказал:

— Вадос, вколи девке дозу, не хватало ещё, чтобы она сейчас проснулась. Я скоро вернусь.

— Глеб, может, ты? А я давай лучше Семёна дотащу, не умею я с этой хренью обращаться. Мне в вену точно не попасть.

— Бля, Вадос, не зли меня. Внутримышечно сделай в жопу, и всё. Чего сложного? — и он поволок Семёна в приёмный покой.

Вадим, что-то бормоча себе под нос, полез в сумку, достал походный наборчик Семёна, который был любитель ширнуться, покопался и вытащил заряженный шприц. Колоть девку никак не хотелось, но с Глебом спорить было себе дороже. Пересел на заднее сиденье и невольно залюбовался спящей красавицей. Она всё ещё спала и была такая милая и беззащитная, что её даже стало немного жалко. С женщинами у Вадоса не получалось. Он никогда не умел с ними общаться, предпочитая платить проституткам. Держа в руке шприц, Вадим всё никак не решался сделать укол. Кто его тогда в гостинице за язык тянул сказать, что можно похитить девчонку? Наконец решившись, он задрал Насте платье, отогнул белые кружевные трусики, держа шприц наготове, и уже почти воткнул иглу, как услышал голос.

— Не делай этого. Не надо, — тихо сказала Настя.

Вадим вздрогнул и посмотрел на неё. Красивые глаза были широко открыты. Она не спала, лежала и не двигалась. Девчонка говорила спокойным голосом, без какой-либо тени страха, словно полностью контролировала ситуацию. Это было настолько необычно. Вадим полагал, что если она вдруг проснётся, то начнёт кричать, вырываться, но Настя спокойно лежала на боку с задранным платьем и не пыталась ему помешать. Она как будто советовала ему не совершать что-то дурное. Он с глупым выражением лица продолжал держать шприц двумя пальцами в нескольких сантиметрах от наполовину оголённой ягодицы. Почти шёпотом спросил:

— Почему?

— Ты же не плохой человек, Вадим, — сказала она спокойно. — У тебя ещё есть шанс всё исправить. Сделай правильный выбор. Садись за руль, и поехали, пока ещё не поздно. Твой приятель Глеб скоро надолго сядет в тюрьму. От него уже ничего не зависит, слишком много зла он натворил. А ты, ты ещё можешь отделаться малым сроком или вообще получишь условно. Это уж как повезёт. Но если ты сейчас сделаешь этот укол, я уже не смогу тебя спасти. Так что, Вадим, выбор за тобой.

Вадос ошарашенно смотрел на девушку. Он был просто в шоке. Она знала их всех по именам. Она не просила о помиловании и говорила такие вещи, словно это он был у неё в заложниках. Словно дальнейшая его судьба зависела от этой девчонки. Вадос в нерешительности замер, не понимая, что делать дальше, и продолжал тупо смотреть в глаза Насте. Он не заметил, как Глеб приблизился к машине, и только когда тот открыл заднюю противоположную дверь, поднял на него глаза.

— Бля, Вадос, не тупи, коли давай, у неё глаза открыты, — зашипел он и, перегнувшись, прижал Настю двумя руками.

Вадос перевёл непонимающий взгляд с Глеба на Настю, потом опять на Глеба, отвёл руку с шприцом, словно замахиваясь, и с силой воткнул иглу прямо в запястье Глебу, впрыскивая содержимое шприца в руку.

— А-а, ты ёбнулся, что ли?! — заорал Глеб и отдёрнул руку.

Игла сломалась и осталась внутри. Вадос продолжал смотреть безумными невидящими глазами, переводя взгляд с одного на другого.

Потом он с отвращением бросил шприц на пол, как будто это была какая-то невероятная мерзость, и аккуратно поправил Насте платье. Постепенно он начал приходить в себя, и только сейчас до него начало доходить, что произошло. Он как будто был сам не свой, словно его руками кто-то руководил. Ведь он же не хотел колоть Глеба! Он был в нерешительности несколько секунд, думая, делать ли укол девке, но воткнуть иглу Глебу уж точно не было в его планах. Съехал он с катушек или просто промахнулся, делая укол, это уже неважно. Одно он знал наверняка: теперь ему точно кранты. За такое Глеб его однозначно грохнет. Вадим посмотрел на Глеба — тот зубами пытался вытащить иглу из запястья.

— Эй, парни, машину уберите, вы вход загородили.

Вадос обернулся и увидел двух милиционеров. Чуть поодаль стоял белый милицейский «Форд-Фокус», в котором сидели ещё двое. Сзади с включёнными мигалками стояла газель скорой помощи, которой они преградили путь.

— Хорошо, командир, секундочку, сейчас отъеду, — сказал Вадос, направляясь на водительское сиденье, но милиционер смотрел мимо него, туда, где стоял Глеб. Ему всё-таки удалось вытащить иглу, но все губы и подбородок у него были в крови.

— Глеб, садись, поехали, — насколько мог непринуждённо сказал Вадос, садясь за руль.

Но тот стоял с выражением ужаса на лице и не двигался. Потом, видимо, оценив ситуацию, попытался открыть заднюю дверь. Она была заперта изнутри. Через стекло на него смотрела Настя. Она сидела на заднем сиденьи спокойно и непринуждённо. Глеб никогда в своей жизни не кололся, и сейчас доза героина начинала быстро действовать. Мысли путались, и он уже не понимал, зачем они вообще здесь, слышал слова Вадоса как сквозь сон. Тот предлагал ему куда-то ехать. Куда вообще ехать, если и здесь всё так хорошо?

— У вас всё нормально? — Глеб услышал чей-то голос.

Конечно, у него всё нормально, лучше и быть не может! Вот только надо запарковать слона в стойло и напоить верблюдов. Постой, каких нах верблюдов? О чём это он? А кто это его спросил, всё ли у него нормально? Где тот ублюдок? Глеб оглянулся и увидел в паре метров от него двух стражей порядка. Они чего-то ему говорили, но на каком-то неведомом языке, слов было не разобрать. Они были в

странных колпаках, в руках держали кирки, какие в древности использовали на каменоломнях. У них были большие отвратительные носы и полные пасти острых зубов. «Да это же гномы, пещерные злые гномы! — подумал Глеб. — Надо их обязательно замочить», — он попытался достать из-под куртки пистолет, но пальцы не слушались, и ствол застрял, зацепившись за лифчик кобуры. Он почувствовал, как его свалили с ног, заламывая руки. Потом на запястьях защёлкнулись наручники, и всё стало переворачиваться вверх дном. Посмотрев в сторону, Глеб увидел Вадоса. У того вырос огромный хвост, он вилял им, стоя возле водительской двери.

— Возьмите слона и верблюдов с собой, их нельзя здесь оставлять, — это последнее, что ему удалось сказать, прежде чем Глеб провалился в наркотическую бездну.

***

— Ну что, девочка, вот и всё. По крайней мере, эти трое тебя больше не потревожат, — сказала близняшка Нуо.

— Как тебе удалось с ним так спокойно разговаривать? — улыбнулась Настя. — Меня прямо всю затрясло от страха, когда он достал этот шприц.

— Не волнуйся, девочка, я контролировала ситуацию, тебе ничего не угрожало. Но на этом всё, больше я тебе помогать не могу. Дальше справляйся сама. И думаю, тебе стоит выйти из машины, пока не поздно. Я отвлеку мальчиков, а ты иди спасай своего Виктора. Нуо тебе не принадлежит, ты не можешь его использовать. Если ты передашь своему другу кулон, он знает, что делать дальше.

— Спасибо тебе, — сказала Настя, подошла и обняла свою близняшку. — А ты где живёшь? Это другой мир?

— Да, это совсем другой мир, но я не буду тебе про него рассказывать. Придёт время, и ты сама всё увидишь. Хотя у меня для тебя кое-что есть, — она улыбнулась и протянула Насте конверт.

Там была фотография. На неё добрыми глазами смотрел молодой парень. Черты лица были настолько знакомые и родные, что Настя сразу подумала о Викторе. Это был не Виктор, но кто-то настолько же родной и близкий. Кто этот парень, она не могла вспомнить, но он был очень близким человеком, это она знала точно.

— Я не могу его вспомнить, — прошептала Настя.

— Девочка моя, это мой муж. Его зовут Николас. Когда-то, в другой жизни, вы были вместе.

И тут она всё вспомнила, всё до мельчайших подробностей. Настя закрыла рот рукой, и из глаз у неё потекли слёзы. Точно, это же Николас, как она могла его забыть, ведь она всегда была без ума от него! Она любила его больше жизни. Теперь он живёт где-то в другом мире, с другой женщиной. Как это несправедливо!

— Всё, девочка моя, достаточно, — сказала близняшка Нуо, забирая конверт. — Некоторые тайны так и должны оставаться тайнами. Когда ты проснёшься, ты это всё забудешь. Не надо тебе это помнить. У тебя впереди долгая и счастливая жизнь. У тебя есть человек, который готов для тебя на всё, а прошлое пусть остаётся в прошлом. — Она протянула Насте флешку: — Вот, возьми, здесь всё про твоих похитителей. Глебу — билет на пожизненное, остальным… Впрочем, неважно, просто отдай милиционеру. Они тебя отпустят, с этим я помогу. Иди и ничего не бойся. И забери своё кольцо. Оно лежит у тебя под ногами.

Близняшка Нуо на прощанье обняла Настю, потом взяла её за плечи и зачем-то сильно потрясла.

— Эй, девушка, — сказал милиционер, тряся Настю за плечо, — вы в порядке?

Она открыла мокрые от слёз глаза. Ноги затекли и еле слушались. Посмотрела вниз. На полу, на резиновом коврике лежали её кольцо и флешка, которую ей кто-то передал. Или она у неё была раньше. Там находилась информация, нужная этому милиционеру, что стоял рядом. Настя подняла флешку, надела кольцо и с трудом вышла из машины. Ноги были как ватные. Огляделась — Глеб и Вадос ничком лежали на земле. Оба в наручниках. Вокруг было много народу, врачи и люди в форме. Милиционер придерживал её за локоть и ничего не говорил.

— Там важная информация про них, — Настя посмотрела на лежащих парней и протянула флешку милиционеру.

Он молча кивнул. Настя повернулась и медленно, неуверенными шагами пошла прочь. Никто её не остановил. С ней только что произошло чудо. Какое-то волшебное чудо, совсем необъяснимое и невероятное. В голове всё было кувырком. Столько мыслей, что им не хватало места. Но всё это было второстепенно, за исключением одного. Надо было найти Виктора и передать ему зелёный кулон. Это

она знала точно. Как-то он даже назывался, этот медальон. Как, Настя не помнила, но почему-то вспомнилась сказка про трёх поросят: Наф-Нафа, Нуф-Нуфа, и Ниф-Нифа. К чему это, она не знала, да и неважно это всё. Главное, что ей удалось выбраться из лап этих ужасных людей. Настя шла по улице и даже не знала, где она находится. У неё не было ни денег, ни телефона, ни понятия, куда идти. Подойти к кому-нибудь из прохожих и спросить, что это за город, было ужасно стыдно, поэтому она просто шла по улице, оглядываясь по сторонам, пытаясь найти хоть какой-нибудь ориентир.

***

Виктор сидел за большим тяжёлым столом, обитым железом. В комнате никого не было. Наручники с него сняли, и он растирал затёкшие руки с красными синяками от железных браслетов. Было понимание, что он где-то в Москве, но где точно, он не знал. Сначала на «крузаке», его привезли в небольшое отделение милиции в Подмосковье. Затем Виктора пересадили в закрытый бобик, в котором не было окон. Дальше о маршруте можно было только догадываться. Время от времени он пытался мысленно звать Нуо, но ответа не было. К нему долго никто не заходил. В мрачной комнате было прохладно. Из четырёх ламп дневного света, что были на потолке, горела только одна и то время от времени противно мерцала, неприятно давя на глаза. Виктор сидел молча и стоически терпел это бесконечное ожидание. Прошло несколько часов, прежде чем звонко щёлкнул замок и на пороге появился милиционер в форме лейтенанта. Он широко раскрыл дверь, пропуская солидного гражданина в штатском. Когда тот вошёл, дверь за ним закрылась и опять гулко громыхнул засов. Мужчина за пятьдесят, одет в дорогой модный костюм, с аккуратной стрижкой и умным лицом. Он молча взял стул, что стоял с противоположной стороны длинного стола, подошёл и, поставив его прямо около Виктора, сел так близко, что их колени соприкасались.

— Добрый день, Виктор Юрьевич, — сказал он вежливым и приятным голосом. — Вы можете мне не верить, но я ваш друг. Вероятно, сейчас у вас нет никого ближе, чем я.

Виктор молча кивнул, убирая колено и немного отодвигая стул.

— Я не буду ходить вокруг да около. Вам светит большой срок. Ваша Анастасия пойдёт как соучастница. У неё в машине тоже нашли

наркотики. От меня зависит, как и где вы проведёте следующие десять лет вашей жизни. Но решать вам. К сожалению, не в моих силах полностью уберечь вас от тюрьмы, но я сделаю всё от меня зависящее. Если мы поймём друг друга, и вы примете правильное решение, то вам дадут пару лет, через год выйдете по УДО. Анастасия же останется на свободе. Либо… — он вздохнул и развёл руками.

Виктор молча смотрел на этого приветливого добродушного человека. Сначала ему даже показалось, что к нему зашёл адвокат, но теперь было ясно, что это одна из фигур в этой спланированной схеме рейдерского захвата его фирмы.

— Что я должен сделать, чтобы Настя осталась на свободе? — спросил он.

— Ничего особенного, — с улыбкой, вкрадчиво сказал человек. — Вы продадите свою компанию одному уважаемому гражданину. Он переведёт деньги. Часть из них получите вы. Часть уйдёт на то, чтобы сократить вам срок. Ваша девушка останется на свободе, и через год вы снова будете вместе.

Он похлопал Виктора по плечу и совсем по-дружески сказал:

— Да не переживай ты так, год пролетит — даже не заметишь.

— Я бы хотел поговорить с Настей, — сказал Виктор.

Было двоякое чувство. С одной стороны, хотелось встать и дать этому джентльмену в рыло, попинать его ногами и потом будь что будет. С другой, это поставило бы крест на всём остальном. Нет, так делать нельзя, надо играть по их правилам. Играть, пока не настанет его час. А он обязательно настанет. После всего, что с ним случилось за последнее время, Виктор не верил, что Нуо ушёл навсегда. Это временное отсутствие. Когда придёт его час, там разберёмся. Лишь бы сейчас Настя была в порядке.

— Конечно, вы можете с ней поговорить, — как самый лучший друг закивал человек. — Но после того, как подпишете все документы о продаже компании и признаете свою вину. Я вам обещаю, что после этого вы не только увидитесь, но и проведете ночь вместе, — и он заговорщически подмигнул.

— Мне также надо поговорить со своим директором, — сказал Виктор, намеренно не называя Стаса адвокатом.

— О, это не проблема! — обрадованно кивнул незнакомец. — Через пару дней я устрою вам телефонный разговор, и вы сможете

дать ему все указания.

Он встал, отодвигая стул.

— Надеюсь, вас поместят в нормальную камеру. Я позабочусь, чтобы там всё было удобно и достойно. Естественно, если мы договорились. В противном случае за вашу безопасность я не ручаюсь.

— Как мне к вам обращаться? — спросил Виктор.

— Ко мне не надо никак обращаться, — резко и сурово сказал незнакомец, и желваки на скулах дёрнулись, выдавая нервозность и злость. — Если мы договорились, то мы с вами больше не увидимся. Адвокат с готовыми бумагами будет через несколько дней. Так мы договорились?

Виктор молча кивнул. Стараясь держаться непринуждённо, он изо всех сил сдерживался, показывая безразличие. Всё внутри кипело от негодования. Только когда дверь за незнакомцем закрылась, он выдохнул и закрыл глаза. Если предположить, что Нуо больше не вернётся, то это было полное поражение. Неужели вся власть стоит на стороне сил зла? Не может же быть такого, чтоб на этого человека нельзя было найти управу! Если верить Юрию Ивановичу, отец Виктора был честным человеком. Вероятно, и здесь найдутся люди, для которых закон — это не просто что-то абстрактное, а честь мундира — не пустой звук. Это были сейчас не более, чем влажные мечты человека, загнанного в угол. С громким лязгом открылась дверь, и его повели в камеру. В его новый дом на неопределённое время.

***

После пропажи Виктора Сиплый поднял на уши всех своих знакомых, не переставая звонил то одному, то другому. В конце концов, на следующее утро ему удалось выйти на человека, слышавшего про задержание Ярского, который по факту оказался крупным наркодилером. На секунду у Сани даже мелькнула мысль, что это может оказаться правдой. Тогда бы это многое объясняло. И постоянные недомолвки Зевса, и большие суммы денег, непонятно откуда взявшиеся для инвестирования в строительство, и загадочное исчезновение на четыре года. Но это только на секунду. Конечно, Зевс со своими принципами на такое был не способен, даже если бы ему пообещали за это все деньги мира. Это однозначно была подстава. Как бы то ни было, но друга надо было выручать. Далее он выяснил, что

так как это была спецоперация подмосковного отделения, то его направили в Мытищи и потом, скорее всего, в Москву. Саня понимал, что в лабиринтах московского правосудия найти друга будет ой как непросто. «Ну вот, почему с Зевсом постоянно случаются заморочки? — думал он. — Вроде человек мирный, никогда ни с кем не враждовал, а постоянно попадает в какие-то разборки». За сутки Сиплый позвонил Круассану раз двадцать. Тот вошёл в положение и помог, хорошо помог. Связи у бывшего командира были, но в конце концов и он дал понять, что хватит названивать. Надо и честь знать. Сиплый не обиделся. Поблагодарив своего начальника, задумался. Ехать в Москву и искать Виктора смысла не было. Пока не было. Нужно получить больше информации. Повернул к торговому центру «Океан» и запарковался на стоянке. Жека откинул сиденье и дремал. Ночь выдалась бессонная. Саня смотрел на проезжающие по Советскому проспекту машины и думал. Как назло, никакой план не вырисовывался.

Глава 20

Глава двадцатая.

Человек шёл по длинному, широкому коридору. Всё вокруг было новое, чисто-белое: и стены, и потолок. Даже ковровая дорожка, по которой он шёл, была белого цвета, правда, с лёгким оттенком слоновой кости. Ему было назначено к семи. Он посмотрел на часы — оставалось ещё пятнадцать минут. Остановился у большой деревянной двери, тоже чисто белого цвета. Похоже, дизайнер, планируя интерьер, не особо заморачивался с выбором цветовой гаммы. Что ж, выбор неплохой, по крайней мере значительная экономия энергии для освещения. Человек огляделся, пытаясь разглядеть хоть один светильник. Их не было. Вернее, они были так умело спрятаны, что создавалась иллюзия, будто бы свет идёт отовсюду. Он открыл дверь и вошёл в большой кабинет-приёмную. За столом сидел пожилой мужчина с длинными, но аккуратно зачёсанными волосами и окладистой бородой. Он был в светлом костюме, без галстука. В расстёгнутом вороте рубахи виднелся блестящий медальон на золотой цепочке.

— Мир вам и благодать, — поклонился и вежливо поздоровался вошедший.

— А, Николас, я очень рад! — человек встал, вышел из-за стола, подошёл и обнял гостя. Он посмотрел на часы, затем сказал: — Вы можете зайти к Нему через десять минут, а пока я могу предложить вам что-нибудь. Если желаете, кофе, или воды.

— Благодарю вас, Михей, не беспокойтесь. Я подожду здесь, — Николас присел на мягкий стул с белой обивкой.

Такие стулья с резными деревянными ножками он видел только в музее.

— Как ваша жена Настя? — спросил меж тем Михей, присаживаясь на соседнее кресло.

— Замечательно, — улыбнулся Николас. — Привыкаем к новой реальности. Всё никак не могу осознать, что настоящая жизнь здесь, а не там. В последние мои дни на Земле, даже когда я уже всё понимал о перемещениях, мне казалось, что тонкий мир — это нечто временное

между воплощениями. Теперь же мне даже не хочется снова туда возвращаться. Здесь всё так хорошо.

— Туда надо возвращаться, Николас, таков замысел, — сказал Михей с лёгкой улыбкой. — Только там мы можем совершенствоваться, улучшать себя, повышая свои духовные вибрации.

— Мы это понимаем, находясь здесь, — улыбнулся Николас. — Там же всё по-другому. Там хочется жить на полную, не осознавая, что всё это мираж, матрица.

— Конечно, — кивнул Михей, бросив взгляд на часы. — И это выбор каждого. Хорошо, вы можете заходить. Время правильное. Он ждёт.

Николас зашёл. Михей бесшумно прикрыл двери сзади него. Тот же приятный белый свет отовсюду. Кабинет был большой, вернее, он был бесконечно большой. Николас оглянулся на закрытую дверь. Если ближнюю стену было видно, то дальней просто не было. Комната расширялась вдаль, имея вид трапеции во всех трёх измерениях. Та грань, где пол соприкасался со стеной, просто уходила вдаль, теряясь в матовой белизне бесконечности. Николас сделал несколько шагов вперёд и остановился. Здесь стоял журнальный столик с незнакомыми экзотическими цветами и два больших кресла. На стене висела картина Сальвадора Дали «Постоянство памяти». Николас подошёл и невольно залюбовался произведением искусства. Он уже начинал привыкать, что в этом мире он видел не только глазами. Больше — он чувствовал картину душой и сердцем. Такое приятное внутреннее созерцание красоты.

— Здравствуй, Николас, меня зовут Авелло, — сказал приятный голос. Он оглянулся. Вокруг никого не было. Но это и неважно. Николас уже привык, что в этом мире можно разговаривать мыслями. Поначалу это было непривычно и даже неудобно, но потом оказалось настолько легко и обыденно, что он уже представить себе не мог, как можно находиться рядом с другим человеком и общаться только вербально.

— Здравствуйте, Авелло, — сказал он невидимому собеседнику.

— Сразу, отвечая на твой вопрос, скажу: ты не можешь быть ангелом. Твоя жена Настя может, а ты нет. Пока это не твой уровень. Тебе надо ещё прожить много воплощений, чтобы достигнуть того, за

что ты хочешь взяться. К сожалению, в прошлом воплощении ты понизил свой уровень, приняв неверное решение.

— Да, я знаю, — грустно сказал Николас. — Но я просто хочу им помочь. Я вижу, что им не справиться самим. Дело даже не в Нуо. По большому счёту, Виктору он не особо и нужен. Вот если бы Настя могла распоряжаться им как своим. У неё это явно получилось бы лучше. Я вижу, что они родственные души, но смогут ли они противостоять всему, что вы собираетесь им послать?

— Ты что, предлагаешь избавить их от всех трудностей? Тебе ли не понимать, Николас, что никто не может стать лучше и ближе к Богу, не проходя через тернии. К слову сказать, я пока ничего сложного в их отношениях не вижу. Всё у них будет нормально. А вам же с Настей можно уже подумать о следующем воплощении. Или вы пока не готовы?

— Пока не готовы, — согласился Николас. — Здесь всё так уютно. Так спокойно и умиротворённо. Но можно мне ещё раз попросить за Виктора и Настю? Я чувствую свою ответственность за них. Ведь это я дал ему Нуо. Позвольте им снова быть вместе в том мире!

— Это зависит только от них самих, Николас, — сказал приятный невидимый голос. — Если двое любят друг друга, никакие жизненные обстоятельства им не преграда. Даже я здесь бессилен. Это всего лишь проверка их отношений. Не беспокойся, мой друг, уверяю, всё у них будет хорошо. А ты занимайся своей историей.

Николас интуитивно понимал, что разговор окончен. Он был благодарен этому высшему созданию за ту надежду, которую тот ему подарил. Вероятно, так и будет. Теперь их пути разошлись. Виктор пойдёт своим путём, а Николас — своим. Он сделал всё, что мог. Он даже напросился на встречу с Ангелом-поручителем, который был на много уровней выше его. Такие встречи были редки и не поощрялись, но Николасу было позволено задать свои вопросы, и он их задал. Теперь всё было во власти Высших сил.

***

Когда Настя поняла, что находится в Ярославле, ей стало не по себе. Вроде бы после столь удачного избавления из плена этих ужасных людей ей надо было только радоваться за свою свободу.

Однако она тут же осознала, насколько в наше время люди зависимы от мобильных телефонов. Кроме Виктора, Настя не помнила ни одного номера, но даже ему она не могла сейчас позвонить и попросить о помощи. Настя стояла возле незнакомого здания и смотрела вперёд невидящим взглядом. Она подняла руку и тут же со свистом тормозов остановилась машина. Из старенькой реношки высунулась довольная кавказская физиономия.

— Вах, красавица, садись подвезу! — блестя золотыми зубами, с сильнейшим акцентом сказал кавказский товарищ.

Он открыл дверь и похлопал по пассажирскому сиденью, приглашая войти. Настя сделала шаг и вдруг расплакалась. Она не могла сдержаться. Слёзы градом потекли в два ручья. Улыбка тут же слетела с лица кавказского друга. Его как подменили. Он моментально выскочил из машины и подбежал к Насте.

— Что случилось, дэвюшка? Пачему ты плачешь? — сказал он, взяв её за плечи. — Тебя кто-нибудь обидел?

Настя отрицательно покачала головой, пытаясь совладать с собой.

— Если я могу чем-то помочь, только скажи, — говорил меж тем джигит.

Он оглядывался по сторонам, словно искал причину, почему эта девушка плачет.

— Я заблудилась, — сказала Настя. — Мне надо попасть в Череповец.

— Садись, дэвюшка, я отвезу тебя на вокзал, — сказал мужчина, показывая на машину.

— Но у меня совсем нет денег, — сказала Настя. Было ужасно стыдно. Борясь со стыдом, она добавила: — Может, вы отвезёте меня на трассу, и я поймаю попутку?

— Ай, сколько там денег, — махнул рукой джигит. — Я куплю тебе билет, только не плачь, красавица. Не надо попутку, поедешь на поезде. Как тебя зовут?

— Настя, — сказала она и слабо улыбнулась.

— Я Алибек, — сказал джигит, приложив сжатый кулак к груди, — но все зовут меня Алик. Садись в машину, Настя, поедем купим тебе билет.

До вокзала домчали на одном дыхании. Алибек либо не знал правил дорожного движения, либо просто их игнорировал. Пару раз

проскочив под красный, помахав кому-то рукой, чтобы пропустили, он через двойную сплошную сделал крутой левый поворот и, невзирая на знаки, припарковался прямо перед воротами вокзала.

— Пошли, Настя, — сказал он сурово, но с улыбкой на лице.

Настя прямо чувствовала силу и мужской характер в этом невысоком, с виду неказистом южанине. Как он быстро вник в ситуацию и взял на себя ответственность за совсем незнакомого человека! Она открыла дверь и вышла из машины. Билетов не было. Вернее, не было самого поезда. Проходящий московский должен быть только ночью, но сейчас, буквально через пятнадцать минут, отправлялся поезд до Вологды. Алибек вопросительно посмотрел на Настю мол, поедешь?

— Поеду, — кивнула она.

Паспорта у Насти не было, и Алибек купил билет на своё имя. Проводил до самого вагона, договорился с проводницей, показав свой паспорт. Долго и с южным энтузиазмом объяснял, что Настя его родственница, потеряла паспорт и должна попасть домой. В конце концов проводница сдалась и, получив в подарок денежку, согласилась. Алибек оторвал кусок бумаги от пачки сигарет, написал свой номер телефона и протянул Насте.

— Приедешь домой, обязательно позвони, чтобы я знал, что всё хорошо. — Затем протянул Насте тысячу: — Вот, возьми, мало ли что.

— Я обязательно верну, — пообещала она.

На глаза опять навернулись слёзы, и Настя сильно, от всей души обняла незнакомого и такого доброго мужчину. Мужчину с большой буквы. Он стоял на перроне и с широкой улыбкой блестел золотыми зубами. Настя помахала ему рукой и послала воздушный поцелуй. Он помахал в ответ.

Настя понимала, что на последний автобус до Череповца она не успевает и всё-таки придётся добираться на попутках. Поезд ещё не доехал до Вологды, а уже смеркалось. Солнце давно скрылось за горизонтом, но ещё было то короткое предвечернее время, когда кажется, что день будет длиться вечно. На самом деле это были обманчивые последние минутки светового дня. Всего полчаса — и станет совсем темно. Тогда останавливать машину молодой девушке будет уже небезопасно. На трассе всяких чудаков хватает. Алибек дал тысячу, на такси не хватит, но если разделить с кем-то… Взгляд её

опять упал на своё кольцо, так бросавшееся в глаза. Если его снять, то даже положить некуда. У Насти не было с собой ничего: ни сумочки, никаких карманов. Перевернув кольцо камнем внутрь, в сторону ладони, чтоб явно не светить, она вдруг вспомнила, что кто-то ей сказал, что Витя в тюрьме. Или это был сон. Настя смотрела на мелькавший за окном тёмный лес и пыталась вспомнить, кто и когда ей это сказал. Это ведь было совсем недавно, может, даже сегодня. Вероятно, когда этот ужасный человек отравил её сонным зельем, у неё были галлюцинации. А вдруг нет? Вдруг и правда с Виктором что-то случилось? Когда поезд остановился возле вологодского перрона, было уже совсем темно. Настя зашла в здание вокзала, посмотрела расписание. На Череповец было несколько ночных поездов: как раз тот, который она не стала ждать в Ярославле, и ещё пара проходящих. Без паспорта билет не продадут, а договариваться, как это сделал Алибек, Настя не умела. Можно было подождать до утра и купить билет на первый автобус, там вроде паспорт не требовали. Но так не хотелось оставаться на всю ночь на вокзале! В придорожном кафе купила пирожок с чаем, разменяв тысячу. Голод чувствовался. Не ела ничего почти сутки. Тут же к ней подошёл бомжеватого вида и неопределённого возраста мужичок и попросил денег в долг. Причём он так и сказал:

— Не одолжите ли мне денег, сударыня, а то я проникся.

Чем он там проникся и когда намеревался вернуть долг, Настя уточнять не стала, протянув человеку сотку. Он поблагодарил, сказав ещё какую-то несуразицу, и, купив две бутылки пива, исчез вглубине комнаты ожидания. Вышла на улицу, огляделась. На стоянке такси светили габаритами несколько машин с шашечками. Спросила, сколько до Череповца. Водители называли цену в две тысячи рублей. Видимо, это была вокзальная такса. Настя уже собиралась идти обратно в здание вокзала, как возле неё остановилась красивая иномарка, открылось окно, и интеллигентного вида женщина спросила:

— Девушка, вам куда?

— В Череповец, — сказала она.

— Поехали, — дама открыла переднюю дверь, приглашая войти.

Настя забралась на пассажирское сиденье и протянула женщине все деньги, которые у неё остались. Около восьмисот рублей.

— Да, спасибо, — не глядя сказала дама и указала рукой: — Вон туда положите.

Женщина ехала быстро, управляла машиной уверенно. Как только выехали на трассу, Настя задремала. Сказывалась усталость. Полностью уснуть не удалось, она чувствовала дорогу, понимала, что едет в машине, но в то же время ей как будто бы снился сон. Даже не сон, а словно её мысли кто-то направлял в нужное русло. Она опять смотрела это кино, где главным героем являлась она, Настя. Эту серию она не видела и не испытывала чувства дежавю, как в прошлый раз. Находясь в своём полусне, она вспомнила всё. И доброго ящера, и свою двойняшку Нуо. Сейчас же с ней говорил кто-то очень могущественный. Он точно был близкий и родной человек. Настя не видела его, но осознавала, что он знает про неё всё и ловит каждую её мысль. Ей даже не надо было открывать рот, чтобы что-то сказать — стоило только подумать, и этот всевидящий и всеслышащий Кто-то тут же ей отвечал. Наконец Настю осенило.

— Вы Бог? — спросила она прямо.

— Нет, я не Бог, — ответил её собеседник. Или собеседница, похоже, у него не было пола. — Я часть тебя. Некоторые люди называют нас высшим Я. На самом деле это не так. Я не выше и не ниже тебя. Просто я знаю всё, что ты узнала за все жизни, прожитые тобой ранее. От тебя же эта информация скрыта. Ты помнишь только то, что тебе положено помнить в этой жизни.

— Но это же нечестно! — возразила Настя. Она почувствовала себя обманутой. — Зачем скрывать от человека то, что он уже знает? Если я жила в других жизнях и чему-то там научилась, зачем мне снова познавать то же самое в этой?

— Ты познаёшь не то же самое, девочка, — снисходительно, словно учитель — непонятливому ученику, сказал голос. — В каждой жизни ты проходишь новые уроки, нужные для твоего совершенствования. Память стирается, чтобы не отвлекать тебя от главного.

— А, я вспомнила! — радостно воскликнула Настя. — Я же в детстве помнила всё про мою прошлую жизнь. Точно, я помнила Николаса. Я даже помню, что фамилия у меня была Полякова, а не Вересова, как сейчас. А почему всё это я помнила? — вдруг спросила она.

— Значит, так было надо, — ответил голос. — Иногда мы можем что-то помнить. В основном это бывает в раннем детстве. Потом чем старше мы становимся, тем меньше воспоминаний остаётся. Новые воспоминания накладываются, вытесняя старые. Многие люди вообще не верят в существование иных миров, других жизней и Высших сил. Это зависит от уровня развития. Развития души, а не интеллекта.

— Всё так интересно, — сказала Настя.

Чувство лёгкой эйфории, любопытство и желание разобраться крутились в мыслях. Тут она вспомнила о Викторе, и все мысли отодвинулись на второй план, уступив место беспокойству.

— А где сейчас Витя, и что с ним? — спросила она.

— Его поместили в СИЗО номер один в Москве. В народе его называют «Матросская тишина». Его обвиняют в продаже крупной партии наркотиков. Виктору грозит большой тюремный срок, — развёрнуто поведал голос.

— Как?! Но он же не мог?.. — Настя похолодела от невероятности услышанной информации. — Это же неправда! Витька бы никогда не стал заниматься такими вещами.

— Согласен с тобой. Люди, оклеветавшие его, имеют материальную заинтересованность. Это низковибрационные сущности, выбравшие путь самоуничтожения. Они тоже проходят свои уроки. У них также есть шанс на улучшение своей души, но они сделали свой выбор. Эти люди удаляются от Бога, прыгая вниз уровень за уровнем, даже не осознавая всего ужаса, который ждёт их впереди.

— И чего, из-за этих лживых людей, выбравших свой путь вранья, мой Витька будет сидеть в тюрьме? — Настю прямо трясло от негодования. — Почему тогда Бог позволяет им совершать такие гнусные вещи?

— Бог не вмешивается, — спокойно сказал голос. — У каждого есть свобода выбора. Это главная Божья заповедь.

— Какая же свобода выбора тогда у Вити, если он в тюрьме? Это какой-то явный конфликт интересов с этими свободами. — И Настя вдруг сказала: — Тогда я его спасу и накажу этих лживых лицемеров. У меня же тоже есть свобода выбора?

— Конечно, есть, — улыбнулся Настин собеседник, и ей даже показалось, что он кивнул ей в знак одобрения.

— Ты поможешь мне? — спросила она. — Ведь ты можешь помочь мне восстановить справедливость?

— Я тебе уже помог, девочка, — спокойно сказал голос. — Я открыл тебе доступ к информации. Теперь ты будешь помнить многое из того, о чём мы говорили. Мне позволено не стирать это из твоей памяти.

— Но я не знаю, как мне может помочь эта информация.

— Ты умная девочка, ты разберёшься…

— Девушка, куда вам в Череповце? — женщина говорила негромко, но слова сильно резанули Насте по ушам, выдергивая из приятной неги полузабытья. Словно острым ножом по глазам, яркий свет ночных фонарей полоснул, причиняя физическую боль.

— Мне бы к «Адаманту», — сказала она, жмурясь.

Было жалко, что этот разговор оборвался на полуслове. Настя чувствовала, что она не успела спросить что-то очень важное. Ещё издалека она увидела своего фордика на том же месте, где она его и оставила. Поблагодарив женщину, подошла к машине, открыла дверь. Ключи — в замке зажигания. Машину никто не тронул. Настя завела мотор. Проезжая мимо перекрёстка, бросила взгляд назад. Никакого знака, запрещающего стоянку, конечно же, не было. Она утвердительно кивнула и поехала домой.

Дома никого. Котёнок Настя тут же подбежала к своей тёзке, не переставая мяукать. Она словно спрашивала: «Почему так долго вас не было? И где этот большой и мягкий человек, на котором так удобно спать?» Настя покормила кошку и долго сидела за столом, думая, что же они с Виктором делали не так, что у них не получалось спокойно и размеренно жить, не притягивая к себе проблемы. Сколько Настя ни анализировала свои поступки, не смогла найти ничего предосудительного. Почти под утро её всё-таки свалил сон, и она заснула, свернувшись калачиком, за столом, прямо на кухонном диване. Рядом, урча, спала котёнок Настя.

***

День не задался. На полковника Афанасьева все проблемы свалились разом. После работы генерал Улитин вызвал его к себе. Не пригласил в гости, как обычно, а именно вызвал, хоть и не в рабочий кабинет, а в свой загородный дом. Когда Павел Ильич приехал, он

сразу заметил, насколько его начальник и давний приятель был подчёркнуто дистанцированным. Он не предложил выпить и не пригласил в дом, а просто сухо поздоровался и указал рукой на скамейку на летней террасе. При всей их давней дружбе, Афанасьев всегда соблюдал субординацию — всё-таки Улитин был его непосредственным начальником. Это не мешало им вести закулисные дела, периодически выбираться вместе на рыбалку, даже их жёны, хоть и не были близкими подругами, но пересекались достаточно часто. Сейчас, гадая, в чём же причина такого равнодушия, Афанасьев молча сел на жёсткую бамбуковую скамейку и внимательно посмотрел на генерала. Тот вздохнул и сказал тихим, но твёрдым голосом:

— Паша, ты в разработке. Я тебя предупреждал, что ты доиграешься. Что-то на тебя всплыло, и я даже не знаю что. Видимо, какое-то старое дело, у меня нет информации какое.

— Ну так узнай! — вырвалось у Афанасьева, и он тут же поправился: — Всё же было чисто. Из старого никто ничего не мог раскопать. Всё давно похоронено.

— Вот именно, Паша, у тебя слишком много похорон, и, видимо, твои интересы с кем-то пересеклись. Не нравится мне всё это, ой как не нравится! — он вздохнул и добавил: — Полагаю, тебе надо ускорить свой отъезд, если не хочешь посидеть на дорожку.

— Думаю, примерно через полгода буду готов, — кивнул Павел Ильич.

— Ты с ума сошёл, какие полгода! Паша, у тебя счёт идёт на недели, если не на дни. Я тебе в прошлый раз говорил, что я тебя прикрыть не смогу. В управлении чистка идёт полным ходом. Там не церемонятся. Думаешь, ты один такой бизнесмен? В общем, я тебя предупредил, это всё, что могу для тебя сделать. Далее никаких контактов. Вам ясно, товарищ полковник?

— Более чем, — кивнул Афанасьев, — разрешите идти?

— Идите, — кивнул Улитин и встал, давая понять, что разговор окончен.

Они не пожали друг другу руки на прощание, и Афанасьев понял, что их дружба на этом закончена.

Продать недвижимость оказалось непросто. Павел Ильич уже несколько месяцев вёл переговоры с одной крупной риэлтерской компанией, которая занималась выкупом элитных квартир. Время для

продажи было хуже не придумаешь. Цены вроде уже отскочили от дна и начали свой рост, но этот рост был скорее надуманным, экономически необоснованным. Цены стали выше, чем год назад, но покупателей было в разы меньше, чем продавцов. Чтобы продать что-то быстро, приходилось идти на уступки и сильно ронять цену. Афанасьеву за его недвижимость предлагали бессовестно огромный дискаунт от рыночной цены. Если бы он продал всё два года назад, то в долларах получил бы в три раза больше, чем сегодня. Всё это вызывало сильнейший дискомфорт, но делать было нечего, приходилось мириться с рыночной ситуацией. Он думал, что, возможно, Улитин просто сгущает краски, не желая оказаться замешанным в расследовании рейдерских схем своего подчинённого. Ему было выгодно, чтобы Афанасьев поскорее пропал из поля зрения. Конечно, у генерала Улитина рыльце тоже было в пушку, не без этого. Афанасьев всегда щедро с ним делился, но того было не достать. Улитин не засветился нигде, никогда не брал деньги сам, не говорил о делах прямо, везде выступал так, как будто это его вообще не касалось. За хвост его было не схватить, а вот Афанасьев был в центре каждой сделки. На него мог показать пальцем кто угодно: хоть подставные риэлтеры, хоть силовики, с которыми приходилось делиться как деньгами, так и информацией. Самый опасный свидетель был Морозов. Если бы тот начал говорить, он мог бы утянуть Афанасьева глубоко на дно. Но Глеб пока молчал. Его со всей командой закрыли пару дней назад. Причём закрыли в Ярославле. Это было плохо. Вытащить его оттуда сейчас не представлялось возможным.

Когда Павел Ильич сказал жене, что им придётся всё продать и ускорить переезд, она шокировала его, добавив ещё одну проблему в копилку сегодняшних плохих новостей. Всегда такая покладистая и послушная, она уставилась на мужа большими глазами, полными слёз, и сказала, что никуда переезжать не хочет. И квартиру свою тоже продавать не намерена. Если Паша так решил, то пусть едет один, а она останется в Москве. Это было ударом ниже пояса. Афанасьев из последних сил старался держаться спокойно, но внутри всё кипело. Ещё этот Ярский никак не хотел подписывать документы. Сначала согласился, а потом на встрече с нотариусом заявил, что, пока не увидится со своей Настей, ничего подписывать не намерен. Можно было, конечно, обойтись и без его подписи, но на такой голимый

криминал вряд ли пойдёт даже самый отмороженный нотариус. И эта его Настя, как назло, куда-то пропала. При задержании Глеба о ней не упоминалось. То ли парни её по дороге грохнули, то ли ей удалось как-то сбежать. Афанасьев отбросил эту мысль. Сбежать от Глеба было не так-то просто. Компанию «Аруба» оценили в двести миллионов, но наличными давали за неё только пятьдесят. Это было настолько неприемлемо, что вначале согласиться даже в голову не приходило. Теперь же Афанасьев был близок к тому, чтобы принять и эти условия. Он был очень зол на Виктора Ярского. Этот молодой ублюдок, ничего из себя не представляющий, бросил вызов Афанасьеву, ему, стоящему на вершине пищевой цепочки! Перспектива провести в тюрьме с десяток лет, казалось, нисколько не беспокоила этого детдомовского умника. Афанасьев не увидел у того на лице и тени испуга. Он твердил, что хочет увидеть свою Настю, и всё. Как будто больше ничего в мире его не волновало. У Афанасьева даже возникла шальная мысль сказать Ярскому, что это он убил его мать, и, если тот сорвётся и нападет, пустить пулю прямо в его наглую физиономию.

В конце концов он решился. Надо было уезжать немедленно. Новый дом себе Афанасьев присмотрел во французской Ницце. Лазурный берег, приятная погода круглый год. Заехать придётся по шенгену, а там можно будет легко сделать инвесторское ВНЖ. Сейчас заморачиваться с документами уже не было времени. С переводом денег тоже особых проблем не предполагалось. Бóльшую часть он переведёт на офшорку, открытую год назад, остальное заберёт с собой. За обе квартиры и дом давали чуть больше десяти миллионов долларов, зато сразу и наличными. Доверенность на продажу квартиры, принадлежащей жене, у него была. Он получит деньги, и ей ничего не останется, как уехать с ним. Если жена вдруг встанет в позу и откажется, тогда пусть остаётся бомжевать в Москве. Придумала тоже упрямиться! Когда каталась как сыр в масле — ничего не замечала, а как жареным запахло, то сразу в кусты. Не-ет, так не получится. Либо они вместе в одной лодке, либо уйдёт от него с тем, с чем и пришла. Афанасьев перевёл в доллары всю рублёвую наличность, что у него была. Собралось ещё около двух миллионов баксов. Даже зная, что он уезжает в еврозону, почему-то не хотелось покупать евро, Афанасьев ещё с девяностых привык к баксам. Да и счёт на Кипре долларовый, так казалось сохраннее. Оставалось по-

быстрому продать две машины, катер и решить вопрос с «Арубой». Катер было жалко больше всего. За красивый, изящный моторный катер Princess, который можно смело назвать яхтой, чуть больше года назад Афанасьев выложил почти триста тысяч евро. Сейчас в лучшем случае за него можно было выручить только половину.

Также пришлось дать согласие жуликоватому посреднику, давнему подельнику и коллеге в таких делах. Старый еврей Леонид Кац, который хотел прибрать к рукам компанию Виктора, был тот ещё хитрец. Он имел прямо нюх хищника на любую прибыльную аферу, ходил всегда по грани закона, но нарушал его очень неохотно. Все без исключения его сделки были криминальными, но каждый раз ему удавалось переложить основную часть риска на своего оппонента. Афанасьев точно знал, что Лёня Кац в своих сделках с реорганизацией подобных компаний не брезговал и мокрухой, но сам в этом всегда был замешан только косвенно. Сегодня пятьдесят миллионов, предложенные Кацем, в условиях быстрого сбора и отъезда уже не казались такой уж маленькой суммой.

Ничего, возможно, и у лягушатников Афанасьев найдёт себя в каком-нибудь предпринимательстве. План созрел сам собой. Он сделает ход конём с авиабилетами, и если его пасут, то пустит их по ложному следу. Деньги тоже переведёт в последний момент, чтобы не было подозрений. Кто знает, насколько глубоко уже копнули под него в управлении. Он вытащит Ярского из тюрьмы для следственной экспертизы, проведёт сделку, а потом устроит ему попытку к бегству. Если же этот умник не захочет ничего подписывать, всё одно — его участь уже решена. Почему-то эта мысль вызвала у Афанасьева приятную улыбку. Каждому своё: жил бы тихо и спокойно, как другие, — дожил бы до старости, а раз выскочил из грязи в князи, обратно в грязи и окажется. Улыбнувшись своим мыслям, Павел Ильич набрал знакомый номер.

***

Телефонный звонок выдернул Сиплого из сладкой дремоты. Жека, не обращая внимания на трезвонивший телефон, спал сном младенца. Звонил Круассан.

— Есть срочная информация, — сказал он. — Нашли твоего друга. Он в Матроске.

— Понял, спасибо, — Сиплый специально не называл своего начальника по имени и вообще никак не называл.

— Езжайте туда, по дороге дам указания. Похоже, там какая-то каша заваривается. Не по телефону.

— Принял, — сказал Сиплый, но Круассан уже повесил трубку.

До Москвы долетели без единой остановки. Остановились в гостинице «Измайлово», ожидая новой информации. Позвонил Круассан и сказал, чтоб ждали какого-то мужика, который приедет и всё расскажет. До этого — никакой самодеятельности. Не любил он говорить по телефону и общался короткими фразами, не вдаваясь в подробности. Сиплый за годы службы уже привык к манере общения своего начальника и воспринимал эти недомолвки как должное. В какой-то мере было даже приятно — снова оказаться на любимом им поприще. Эта игра в кошки-мышки была настолько знакома, что и Сиплый, и Жека чувствовали себя в своей тарелке и спокойно могли просидеть в гостиничном номере, не вылезая, столько, сколько потребуется. Если с Зевсом всё было более-менее понятно, то пропажа Насти вызывала сильную тревогу. Сиплый успокаивал себя тем, что, по всей вероятности, похитителям нужны были только деньги, а значит, они рано или поздно объявятся. Круассан позвонил только через двое суток. Сказал, что к ним сейчас подойдёт свой человек. Зовут его Арслан. Он всё и расскажет. Что ж, краткость — сестра таланта. У Круассана везде были свои люди.

Арслан подошёл уже поздно вечером. Крепкий парень, с виду под сорок, вежливый, но не особо разговорчивый, то ли чечен, то ли дагестанец. Он сразу попросил у обоих документы. Только удостоверившись, что они действительно те, за кого себя выдают, сказал:

— Крусанов просил передать, чтобы вы не лезли на рожон, но были рядом. Ваш парень, Виктор Ярский, случайно оказался замешан в большом расследовании. Сверху дан зелёный свет на зачистку группы бизнесменов в погонах, — он показал двумя руками кавычки, давая понять, о каких «бизнесменах» идёт речь.

— Не понял, Ярский-то каким боком? Он же гражданский, — перебил Сиплый.

— Он никаким. Его взяли за наркоту, но наши уже выяснили, что порошок ему подкинули. Сейчас надо понять зачем. Понятно, что у

парня есть немалые деньги, значит, их у него, скорее всего, попросят. Так получилось, что Ярский — наживка. Они хотят взять сразу всех, кто причастен, и чтобы никого не спугнуть, пока ничего не предпринимают. Но Ярский, конечно же, в опасности. Если что-то пойдёт не так, его сразу уберут.

— Там ещё была девушка, — сказал Сиплый. — Она пропала в тот же день, что и Ярский.

— Про девушку я ничего не знаю, — развёл руками Арслан. — А Ярский, если замес пойдёт, то его жалеть не будут ни те ни другие. Не мне вам объяснять. Если работали на Крусанова, сами должны понимать, он — разменная монета. Но, я так понимаю, вы с ним близкие друзья, — он посмотрел в упор на Сиплого, тот кивнул, сжав зубы.

— А если выйти с ним на связь и сказать ему, что он — наживка? — подал голос Жека. — Может, у него вся информация есть, та, что вам нужна.

— Уже пробовали, — сказал Арслан. — Подсадили к нему в камеру человека. Пытался его разговорить. Нет, молчит как рыба об лёд. Решили не рисковать. Пусть всё идёт своим чередом.

— Ну и зачем тогда мы здесь? — спросил Сиплый. — Если мы не можем никак участвовать. Посидеть в номере мы могли и в Череповце.

— Круассан сказал, что вы на месте сидеть не будете, — ухмыльнулся Арслан. — Всё равно будете рыть. А так как вы парни шустрые, то, скорее всего, нароете. Поэтому решили: пусть вы лучше будете знать, чем натворите чудес каких-нибудь. Ну и ещё одно. Когда-то давно Круассан меня тоже спас, всё возвращается, земля круглая. Если мы не будем помогать друг другу, зачем тогда всё это? Друзей в беде бросать — последнее дело.

Обменялись контактами, условились о знаках, чтоб не лепить лишнего по телефону, и Арслан, попрощавшись, удалился, пообещав держать в курсе дела.

— Чёт я ему не особо верю, — сказал Жека, когда тот вышел. — Надо бы параллельно поискать ещё информацию, может, в Матросску заслать кого-то.

— Кого ты зашлёшь теперь? Мы тоже, походу, под присмотром, — Сиплый задумчиво посмотрел в окно на ночные огни Москвы.

— Самойлова, к примеру, — предложил Жека.

— А это, кстати, неплохой вариант, давай обсудим, — кивнул Сиплый.

***

На следующий день Настя первым делом поехала в офис МТС восстановить сим-карту. Это оказалось целой проблемой, поскольку номер был зарегистрирован на Виктора. Как она ни пыталась, ни заблокировать, ни получить детализацию звонков не получилось. Служащие мобильного сервиса стояли насмерть за конфиденциальность своих клиентов. Пришлось купить новый телефон и зарегистрировать новый номер. Ни в офисе, ни в гостинице Самойлова не было. Что-то подсказывало Насте, что заявлять в милицию о пропаже Виктора пока не следует. Целый день прислушивалась к своему состоянию. В организме творилось что-то странное. Было чувство, что она потихоньку сходит с ума. То ей казалось, что она слышит мысли окружающих её людей, то опять смотрит этот свой внутренний сериал с ней в главной роли. В конце концов Настя решила поехать к своей подруге Ольге. Надо было хоть с кем-то поговорить, чтобы окончательно не свихнуться. С Ольгой не виделись с того самого дня, когда она спасла Настю от нелепой свадьбы с Артуром. Ольга устроилась работать в магазин «М.Видео», и если ничего не поменялось, то Настя намеревалась найти её там. Подъехала почти к закрытию, спросила Ольгу.

— О, подруга! — услышала она знакомый голос.

Обернулась. Ольга в магазинной униформе выглядела по-другому, не как обычно. Строгий костюм, забранные в хвост волосы. Обнялись. Подруга, оглядев Настю с ног до головы, сказала:

— Выглядишь, как всегда, изумительно. Как твой Зевс?

— Олечка, если не занята, поехали ко мне, поговорим, — сказала Настя.

У той улыбка моментально слетела с лица, она сразу спросила:

— Что-то случилось, подруга?

Настя молча кивнула. Через полчаса, раскладывая по тарелкам лёгкий ужин, Настя уже пожалела, что проявила слабость и собралась всё рассказать подруге. Говорить было особо нечего. Как рассказать то, чего сама не понимаешь? В их с Виктором жизни было столько

необычных вещей и недомолвок, что стороннему человеку было бы многое не понять. Они же как-то жили с этими интригами с первого дня их знакомства. Настя, понимая, что Виктор хранит какие-то секреты, свыклась с этим и не лезла туда, где была проведена эта невидимая черта. Вроде бы обоих это устраивало. А устраивали ли её эти секреты Виктора? Больше нет, чем да. Настя не раз пыталась подвести его под разговор об этом его странном исчезновении на четыре года и об этих, непонятно откуда взявшихся, огромных деньгах. Он каждый раз терялся, стараясь отшутиться или перевести разговор на другую тему. Сейчас Виктор опять пропал, так же как и их директор Стас. Зачем-то Настю пытались похитить, и только чудом ей удалось сбежать. Но самое главное, её волновало то, что происходило у неё в голове. Мысли никак не могли собраться. Никакими усилиями Настя не могла привести их в порядок. Только она начинала вспоминать один непонятный эпизод, произошедший словно во сне, как на ум приходил следующий, не менее фантастичный. Все они, по идее, должны быть цепочкой одного глобального события. Или этому должно быть медицинское объяснение.

— Ну чего молчишь, как рыба, подруга? — Ольга отодвинула пустую тарелку и мельком посмотрела на пикнувшее сообщение на телефоне. — Рассказывай, куда опять вляпалась.

— Я не знаю, чего рассказывать, — Настя села напротив. — У меня что-то необычное в организме происходит, словно у меня крыша едет. Не объяснить даже. И ещё Витька опять пропал. Второй день уже нет, и ещё сон приснился, будто он в тюрьме. Реальный такой сон. Или даже не сон, а кто-то мне это сказал, — она замолчала, уставившись вниз, под ноги.

— Любишь его? — просто спросила Ольга.

— Люблю, — кивнула Настя, — очень сильно.

— Значит, вернётся. Он же у тебя вроде странный какой-то, необычный. Может, бизнес какой мутит криминальный, а тебе не хочет признаваться, чтоб не впутывать. Вот и пропадает время от времени. А что с организмом? Беременная, поди.

— Да ну, с чего бы мне быть беременной? — неуверенно парировала Настя и замолчала.

Кстати, а с чего такая уверенность? Ведь они с того самого дня, как вернулся Виктор, даже не пытались предохраняться.

— А то вы по ночам мультфильмы смотрите под разными одеялами, — усмехнулась Ольга.

Действительно, это бы многое объясняло. Настя встала, посмотрела на часы. Ольга уловила её намерение:

— Беги покупай тест, я пока чай заварю.

— Я мигом, — сказала Настя, одеваясь.

Через двадцать минут обе сидели, смотрели друг на дружку и молча улыбались. На столе лежала пластинка экспресс-теста с двумя красными полосками. Это объясняло если не всё, то очень многое.

— Ну вот, всё ясно теперь, — засмеялась Ольга. — Обрюхатил девку, а сам — в кусты. Жди теперь своего принца через четыре года.

Настя молча улыбалась, зная свою подругу. Та никогда особо не выбирала выражения. Почему-то на душе стало легко и приятно. Появилось чувство, что скоро Витя вернётся и всё у них опять будет замечательно. Она представила, как он обрадуется, когда всё узнает. Скорее бы!

***

На следующее утро Настя проснулась, и первое, что пришло в голову, это стройка. Точно, там же был Афшин! У него по-любому должен быть телефон Станислава. Не завтракая, она прыгнула в машину и через два часа уже подъезжала к строящемуся коттеджному городку. Два десятка людей копошились на строительной площадке. Настя с удивлением во все глаза смотрела, как всё изменилось с её прошлого приезда. У нескольких домов уже возвышались ровные кирпичные стены. Вдоль всего участка дорога была отсыпана мелкими серыми камешками. Ещё издалека она увидела и Афшина, и Стаса Самойлова. Афшин что-то показывал рукой и импульсивно объяснял, а Самойлов кивал, соглашаясь. Настя резко затормозила прямо посреди дороги, выскочила из машины и почти бегом помчалась к ним.

— Станислав Юрьевич, где Виктор? — громким голосом спросила она.

— Анастасия, здравствуйте! — сказал тот ровным приятным голосом. — Всё нормально, Виктор в Москве.

— Как всё нормально?! — вырвалось у Насти. — Как в Москве?!

— Анастасия, я без машины, вы до Череповца меня довезёте? — вежливо и с улыбкой спросил он.

— Да, довезу, конечно, — опешила от такого спокойствия Настя. — Точно всё нормально?

— Конечно, нормально, — сказал Стас. — Садитесь в машину, я сейчас подойду.

Настя направилась к своему фордику, оглядываясь по сторонам. Строители сделали уже много. Создавалось такое впечатление, что они работают здесь круглосуточно и без выходных. Почти по всему периметру был установлен красивый зелёный металлический забор в мелкую сеточку. Всё было на своих местах. Не было грязи и развала, как это обычно бывает на стройках. Экскаватор, мерно урча, неторопливо ровнял аккуратные водосточные канавки вдоль главной дороги. Мужчина за чистым стеклом просторной кабины улыбнулся Насте и приветственно помахал рукой. Она помахала в ответ. Вся работа здесь шла своим чередом. Даже несведущему в строительных делах человеку была видна чёткая организация труда. Недаром Стас сказал, что всё нормально и Виктор в Москве. Это было здорово. Значит, ничего экстраординарного не случилось, значит, всё хорошо. Но почему Витя не послал ей никакой весточки? А куда послать? Он вообще знал, что два дня назад её похитили и только чудом ей удалось сбежать?

— Поехали, — сказал подошедший Самойлов, забираясь на пассажирское сиденье.

Настя включила заднюю и стала медленно разворачиваться. Станислав с улыбкой на лице непринуждённо помахал Афшину, но как только они отъехали, улыбка сползла с лица. Он строго сказал:

— У нас не всё нормально, но строителям не обязательно об этом знать.

— Где Витька?! — крикнула Настя, нажимая на тормоз так, что машина, подняв облако пыли, резко остановилась.

— Анастасия, с ним всё нормально, поезжай спокойно, или давай я за руль сяду — сказал Стас, набирая номер на телефоне. — Он в тюрьме, но всё под контролем, не переживай, мы его скоро вытащим.

Станислав, держа телефон у уха, слушал гудки. Настя молча кивнула и плавно тронулась с места. Спокойствие этого человека передавалось и ей.

— Алло, это я, — сказал он в телефон ровным голосом без малейшего волнения. — Она здесь, всё нормально. Да, всё хорошо.

Только что встретились. Да, хорошо, на связи.

Он сбросил звонок, посмотрел на Настю и с улыбкой сказал:

— Это Александр, ваш питерский друг. Они в Москве. И мы с тобой сегодня вечером тоже туда поедем. Тебе небезопасно здесь оставаться. Неизвестно, что у них на уме.

— У кого у них? — спросила Настя. — Что вообще происходит?

— У Виктора хотят отобрать компанию, его подставили, и ему светит срок. Сейчас с ним торгуются, а на завтра назначена встреча по переоформлению документов. Я сам всего не знаю, но думаю, на месте разберёмся. — Он посмотрел на Настю, потом спросил: — А ты где была? Тебя не было двое суток.

Настя ничего не сказала, махнув рукой. Что же это такое? Значит, права была та девушка, которая сказала, что Виктор в тюрьме? Постой, а что за девушка? Точно, вспомнила, её звали Нуо. Настя опять резко остановилась.

— Станислав, садитесь за руль, я нервничаю, — сказала она, вылезая из машины.

За рулем сложно было сосредоточиться. Стас кивнул и тут же забрался на водительское сиденье. Не успел он тронуться, подстраивая под себя кресло, а Настя уже сидела с закрытыми глазами и прислушивалась к своим ощущениям. Она вспомнила разговор с ящером, с близняшкой Нуо и со своим высшим Я. Теперь ей было ясно, что это никакой не сон. Всё было реальностью. Она почувствовала на груди тепло от зелёного амулета. Потрогала Нуо рукой и ощутила приятную негу по всему телу, словно потягивалась после долгого сна или наслаждалась расходившейся по всем мышцам нежностью после секса с любимым мужчиной. Это было настолько приятное ощущение, что она погрузилась в него полностью. Такой благодати, такой эйфории она не испытывала никогда в жизни. Потом вдруг всё стало понятно. Вообще всё. Она увидела, как сильно любил её отец, увидела, что мама любит её нисколько не меньше. Она знала, что после каждого своего запоя та давала себе клятву, что обязательно бросит пить. Бросит только для одного человека в мире — для своей дочери Насти. Каждый раз она была в этом искренне уверена. Ей плевать было на своё здоровье. Мама хотела сделать это исключительно для неё, для Насти, но каждый раз ей не хватало характера противостоять зелёному змию. Настя увидела Виктора, когда

он сидел в такси около универа и не вышел из машины, а она уехала с Артуром. Он не знал, как поступить правильно, но хотел только одного. Хотел, чтобы она была счастлива. Затем в тёмном неприятном ореоле она увидела полковника Афанасьева, который алчно хотел денег. Нет, он также хотел смерти Виктора. Зачем-то он хотел его убить. Просто так, для удовольствия. И эти люди, похитившие её, все они были замешаны. Почему-то рядом с ними Настя увидела родителей Артура. Мама Артура тоже хотела, чтобы Виктор сидел в тюрьме. В конце концов она увидела и самого Артура. Как он подстраивал встречи с ней, каждый раз выжидая, чтобы появиться в нужный момент. Она чётко услышала его, слова: «Ничего, приползёшь ещё и упрашивать будешь…» Так вот в чём дело, вот откуда ноги растут! Значит, неспроста всё это. Настя не могла больше этого выносить. Она открыла глаза, не замечая, как слёзы катятся у неё по щекам и капают с подбородка. Стас мельком глянул на неё, вздохнул и ничего не сказал.

* * *

Наконец-то всё сложилось. Афанасьев был доволен результатом. Всю недвижимость оформили за один день. Он получил все деньги до регистрации объектов, сразу после подписания договоров купли-продажи и сдачи документов в УФРС. Пришлось, конечно, согласиться на их цену, торговаться было не с руки, но это его уже не волновало. Катер и обе машины Павел Ильич продал по доверенности, договорившись с покупателем, что придержит БМВ ещё на пару дней. Перекуп хорошо знал Афанасьева и согласился на такую услугу, заглотив байку про то, что новая машина, которую он покупает, придёт в салон только через несколько дней. По сути, бэха была особо не нужна, просто хотелось создать видимость, что он дома и никуда пока уезжать не собирается. Вместо планируемых двадцати миллионов долларов удалось собрать только двенадцать. Если выгорит с Ярским, то прибавится ещё полтора. Погоды это большой уже не сделает, но Афанасьев привык доводить все свои дела до логического завершения. Продажа «Арубы» была теперь больше имиджевым моментом. Хотелось также посмотреть в глаза Ярскому после того, как всё завершится. Афанасьев не мог сам себе объяснить, чем же вызвана такая неприязнь к человеку, которого он едва знал. Может, потому что

тот был прямой его противоположностью. Такой антипод, который, живя в своём придуманном мире, залез в мир его, Афанасьева, явив тем самым прямой конфликт интересов. С женой Павел Ильич разругался в пух и прах. Никак не хотела с ним уезжать. Она, собрав два чемодана, уехала на свою квартиру на Неглинной, не ведая, что та уже продана. Ну и пёс с ней. По договору ещё две недели туда никто не сунется, поэтому пусть живёт, потом сюрприз будет. План теперь был прост. Завтра утром Ярского повезут на допрос. Повезут двое своих парней, и когда по дороге план поменяется, каждый из них получит по двапдцать пять тысяч долларов, а Ярский окажется в Мытищах, на старой заброшенной базе, которую Афанасьев не раз использовал для подобных переговоров. Там же будет и покупатель с деньгами. Можно было, конечно, до кучи вальнуть и покупателя, но этот старый еврей Кац тоже не лыком шит и, скорее всего, подстрахуется, взяв с собой парочку бравых парней. А бравые парни Афанасьева, после того как всё завершится, увезут неживого Ярского, устроив ему попытку к бегству, и получат ещё по двадцать пять тысяч баксов. Павел Ильич позвонил в «Аэрофлот» и купил два билета в один конец до турецкой Антальи, на себя и на жену. Забронировал на неделю пятизвездочный отель на первой береговой линии. Вылет планировался через два дня. Зная, что его, скорее всего, пасут, это был неплохой ход конём. На платной стоянке гостиницы «Университетская» стояла подержанная, неприметная Toyota Corolla, которую он купил несколько дней назад на имя другого человека. Она ещё сослужит свою службу. Афанасьев достал свой табельный пистолет СП, привычно вытащил обойму, посмотрел и, с приятным щелчком загнав обратно, поставил на предохранитель. Убрав пистолет в оружейный ящик, вздохнул. Больше его он не увидит. Грустно не было. Было немного неприятно и как-то пусто от того, что всё стремительно пошло не по плану. Если бы планировать этот отъезд заранее, то денег можно было намыть как минимум в два, а то и в три раза больше, можно было также как-то уговорить жену ехать вместе. При мысли о жене Афанасьев поморщился. Любил ли он её? Скорее всего, нет, но за годы, проведённые вместе, Павел Ильич давно привык к ней, а она оказалась совсем чужой. Ну ничего, побегает по съемным квартирам, может, поумнеет. Деньги у жены были. Не так много, но нищенствовать она не будет. А там время покажет. Через годик-другой,

когда всё поутихнет, может, он ещё и заберёт её к себе. Там видно будет. Вспомнил момент, когда интуиция подсказывала ему бросить это дело с Ярским и «Арубой». Может, и надо было. Павел Ильич, скрипнув зубами, выругался и, открыв бутылку армянского коньяка, отпил из горлышка.

— Завалю суку завтра. Завалю однозначно, — сквозь зубы сказал он и прямо в одежде лёг на кровать.

* * *

Настя попросила соседку Свету забрать котёнка. Та с удовольствием согласилась. Выехали с Самойловым поздно вечером. Стас был немногословен, просто сказал, что завтра у него встреча с Виктором в московском СИЗО. Он на всякий случай взял с собой все документы на «Арубу», но продавать её в планах нет. Также Стас сказал, что намерен защищать Виктора в суде, если понадобится. Насте придётся посидеть пока у него дома, в квартире в Королёве. Она пыталась возразить, что пойдёт с ним, но Стас был твёрд, сказав, что в СИЗО её всё равно не пустят, а одной шататься по Москве сегодня небезопасно. Он был как всегда убедителен, аргументируя так, что и не поспоришь. Стас также заверил, что при первой возможности устроит им свидание. Настя согласилась. Всю дорогу за рулем был Самойлов. Настя прислушивалась к своему новому состоянию, продолжая время от времени трогать Нуо. Он был так же приятно теплым, но такой радости, такого трепетного чувства познания всего сущего Настя уже не ощущала. Она вспомнила, как Виктор время от времени держался рукой за амулет, и улыбнулась. Только бы вытащить его на свободу! Теперь их жизнь будет ещё интересней. Этими новыми знаниями и ощущениями очень хотелось поделиться с Виктором. Теперь у них вообще не будет друг от друга никаких секретов. Настя продолжала улыбаться, представляя, как она скажет ему, что у них скоро будет ребёнок. Также очень хотелось съездить к маме, обнять её и сказать, что она её очень любит. Она, вероятно, не говорила маме этого ни разу в жизни. Надо будет сходить к папе на могилку. Давно там не была. Только бы всё получилось, только бы Витьку выпустили! Думая и мечтая, как всё будет хорошо, Настя незаметно провалилась в сон и проснулась, когда Стас остановил её «форд» около своего дома в подмосковном городе Королёв.

Квартира у Самойлова в корне отличалась от их с Виктором череповецкого жилья. Настя уже привыкла к минимальному набору вещей и мебели. У Стаса же наоборот было столько всего, что создавалось впечатление, что это какой-то музей. Старинная красивая мебель, много всяких кресел и кушеток, на стенах — с десяток картин разных размеров. В целом интерьер был подобран со вкусом, но оставалось слишком мало свободного места. Предоставив Насте огромную кровать в спальне, Стас постелил себе на не менее огромном кожаном диване в зале. Спать уже не хотелось, и Настя предприняла ещё одну попытку уговорить Стаса взять её завтра с собой. Он отрицательно покачал головой и молча завалился спать. Оставалась всего пара часов до утра.

* * *

Зная, что сегодня будет длинный, и трудный день, Афанасьев проснулся ни свет ни заря. По большому счёту к отъезду всё было готово. Оставалось только добавить небольшие штрихи. Позвонил жене, чтобы предпринять ещё одну попытку уговорить её ехать вместе, но та трубку не брала. Видимо, не на шутку обиделась. Павел Ильич увидел через камеру наблюдения, как к дому подъехали две машины. Обе с наглухо затонированными стёклами. Афанасьев знал, что в одной из них — вооружённые охранники, в другой — его человек, банкир Яков Крамер. Дверь открылась, из машины вышли двое мужчин и направились к двери. Послышался звонок домофона, и Афанасьев, не отвечая, тут же нажал на кнопку открытия двери. Парни вежливо поздоровались, быстро разложились на столе, достав ноутбук и машинку для счёта денег. Операция с переводом не заняла много времени. На кипрский счёт своей офшорной компании Афанасьев перевёл все двенадцать миллионов долларов. После того как пришло банковское подтверждение, парни на машинке выборочно пересчитали несколько десятков упаковок. Остальное условились посчитать позже. Афанасьев, усмехнувшись, сказал:

— Яша, если где не хватит, позвони, я добавлю.

— Обижаете, Павел Ильич, сто лет как знаем друг друга, я вам верю, — сказал один из парней, застёгивая на молнию большую брезентовую сумку.

Афанасьев смотрел в окно, как двое его гостей направляются на выход, неся в двух вместительных сумках всё, что ему удалось скопить за время работы в конторе. Только когда дверь в кирпичном заборе за ними закрылась и обе машины скрылись из зоны видимости, Павел Ильич немного расслабился. Что-то в последнее время нервы стали пошаливать. Сегодня он уже никому не верил, даже тем, с кем работал много лет. Если бы эти парни знали, как уязвим он был сейчас, возможно, попробовали бы его кинуть, но они не знали. Потеряв поддержку генерала Улитина, Павел Ильич сразу лишился силовой поддержки конторы. Хитрый Улитин выстроил работу так, что, сам оставаясь в стороне, был в курсе всех дел Афанасьева. С этим приходилось мириться. Теперь оставалось закрыть вопрос с Ярским и можно было выдвигаться на Лазурный берег. Павел Ильич достал свою походную сумку (такие сумки ещё называют «тревожный чемоданчик») и не торопясь стал одеваться. Под рубаху надел бронежилет, достал пакет с документами, всё ещё раз проверил, убрал. Деньги: сто тысяч долларов — чтобы рассчитаться с парнями, двести тысяч евро — с собой в дорогу. Сверху не считая бросил несколько банковских упаковок пятитысячных. Рацию сунул в боковой кармашек сумки, ларингофон положил в миниатюрное отделение на рукаве куртки и застегнул на молнию. Достал итальянский ствол Beretta 92, чистый, ни разу не использованный, аккуратно завёрнутый в холщовую тряпку. Развернул. Матовый холодный металл приятной тяжестью лёг в руку. Глушитель убрал во внутренний карман куртки. Рука дрогнула, когда открывал коробочку с патронами — несколько штук рассыпались и покатились по столу.

— Блядь! — тихо выругался Афанасьев.

Нервы. Глубоко вздохнул, выдохнул и не торопясь стал набивать патронник. Пятнадцать патронов один за другим гладко и плотно входили в обойму, успокаивая барахлившие нервы. Появилось искушение шестнадцатый загнать в ствол, но он, усмехнувшись, отбросил эти мысли. Возможно, и это не пригодится. С приятным щелчком вогнал магазин в рукоятку, поставил на предохранитель и сунул пистолет во внутреннюю кобуру за пазуху. Поправил лифчик, проверил, удобно ли будет брать правой рукой. Всё было готово. Сверху надел куртку, застегнул на все пуговицы. Посмотрелся в зеркало. Интеллигентный мужчина, не подкопаешься. Сделав

несколько звонков, знаками раздав всем команды, понятные только им одним, Павел Ильич ещё раз огляделся вокруг. Ну что ж, больше он сюда не вернётся. Перекинул сумку через плечо и не оглядываясь, вышел во двор. Выезжая на улицу, Афанасьев закрыл с кнопки автоматические ворота и плавно покатился в сторону дороги. Пропустив на повороте серенький микроавтобус, нажал на газ, и БМВ, задумавшись на мгновение, словно самолёт на взлётной полосе, резво подхватился и, как пуля, стал набирать скорость. Показалось, что водитель микроавтобуса внимательно посмотрел на выезжающую из драйввея бэху, но, вероятно, только показалось. Теперь, когда на карту было поставлено всё, переживать по таким мелочам, а уж тем более в чём-то сомневаться было поздно. Надо было доделать всё, что запланировал. Пока ехал, Афанасьев постоянно поглядывал в зеркало на следующие за ним автомобили, пытаясь разглядеть хвост. Опять усмехнулся своему состоянию. Раньше никогда такой нервозности за собой он не замечал. Когда подъехал на место, остановился в нескольких сотнях метров от парковки, где стояла его Toyota. Посидел за рулем, оглядываясь по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружил. Вытащил сим-карту, телефон выключил — больше он не понадобится. Положив ключ под водительское сиденье, вышел из машины, перекинул дорожную сумку через плечо и, беззаботно насвистывая, направился в небольшой торговый центр, что был на углу. Машину закрывать не стал. Смысла не было. Если всё пройдёт гладко, то он позвонит перекупу и скажет, где её забрать, а если угонят, что маловероятно, то это будет уже не его проблема. Бросив телефон в один мусорный бак, сим-карту — в другой, зашёл в торговый центр. Пройдя по рядам, купил невзрачную серенькую кепку, надел и вышел через другой вход. После БМВ «тойота» была как старая, примитивная развалюха. На каждом повороте колёса гуляли, словно хотели разъехаться в разные стороны. Вероятно, это было ложное представление о нормальной машине после очень хорошей. «Хоть бы доехала эта лохматка», — подумал Афанасьев, плавно и непривычно медленно поворачивая на МКАД. Посмотрел на часы. Всё решится через час, максимум — через два.

* * *

— Ярский, на выход! — громко сказал охранник, звонко лязгнув замком.

Виктор уже привык, что все открывания и закрывания тюремных дверей сопровождались этим лязганьем металлических засовов. Первый день он провёл в одиночке, потом его перевели в общую камеру. Делать там было особо нечего, и это неимоверно растягивало время. Дни тянулись, словно кто-то замедлил время при помощи Нуо. Виктор ожидал, что среди сокамерников будут расспросы типа: за что? надолго ли? Но по большому счёту никому не было до него никакого дела. Самоё тяжелое было осознавать, что после пропажи Насти про неё больше не было никаких новостей. Этот мент, что прикидывался другом, никак не хотел устроить им свидание, пока Виктор не подпишет нужные ему документы. А он понимал, что подписывать их пока нельзя, по крайней мере, до разговора с Самойловым. Это был единственный козырь, с которым он мог диктовать хоть какие-то условия. Даже не диктовать, а предлагать или скорее просить. Виктор поморщился. Какое блядское всё-таки слово, «просить»!

Он уже по привычке свёл руки за спиной, взял одной другую руку за запястье и пошёл по длинному коридору, тускло освещённому редкими лампами дневного света. Вероятно, сейчас он встретится со Стасом. По крайней мере, так ему обещал этот жизнерадостный типок с хитрющими глазами и заискивающей манерой говорить. Виктор с первой минуты понимал, что ни одному слову этого товарища верить нельзя, но какая-то надежда всё-таки теплилась. А вдруг он просто выполняет свою работу и замешан в этой авантюре лишь частично? Тогда можно было поторговаться, убедиться, что Насте ничего не грозит, и потом… А что потом? Отдать компанию этим двуличным тварям? Да ни за что! Лучше сдохнуть, чем способствовать их обогащению. Денег было совсем не жалко, но понимание того, что всё задуманное у этих нелюдей срастётся, что они будут пользоваться этими новыми технологиями, подаренными Нуо, вызывало настоящую физическую боль. Затем уверенность, что ни на какую сделку он не пойдёт, переходила опять к мыслям о Насте. Если этот слащавый тип не врёт, и она действительно тоже находится в тюрьме, тогда возможно… Блин, она же ни в чём не виновата! Это он втянул её в эту авантюру. И мысли шли дальше по кругу одна за другой, меняясь, словно кадры постоянно повторяющейся короткометражки.

— Стой здесь, лицом к стене, — громко сказал хмурый охранник, опять с громким лязгом открывая очередную дверь, затем добавил уже тише: — Заходи.

Виктор зашёл в небольшое помещение — видимо, в переговорную — и дверь за ним тут же закрылась. Появилась слабая надежда, что через какое-то время здесь появится Самойлов. Или даже Настя. Нет, Насте здесь быть не надо. Виктор не хотел, чтобы она оказалась в этих унылых застенках. Лучше Стас. Он умный мужик и на этих уголовных процессах съел уже не одну собаку. Возможно, у него найдётся какой-нибудь выход. Эх, как же сейчас не хватало Нуо! Виктор напряг своё сознание, очистил от всех остальных мыслей и позвал: «Нуо, друг мой енот, отзовись! Ты здесь?»

На какое-то мгновение ему даже показалось, что енот его услышал, но со своим привычным упрямством просто игнорирует. Как бы ему хотелось, чтобы это было так! Пусть упрямый, своеобразный и непредсказуемый, Нуо теперь был его другом. Попробовал позвать ещё и ещё. Нет. Никакого отклика. Значит, показалось. Через час, а быть может, через два — время здесь шло по непонятным законам природы, липко цепляясь за унылое течение мыслей ни о чём — дверь открылась.

— На выход, — всё так же сурово и без малейших человеческих эмоций сказал уже другой охранник.

Теперь Виктору сзади застегнули наручники. Это означало, что, скорее всего, его куда-то повезут. Вероятно, это было не так уж плохо. Скорее бы хоть какая-то определённость! Вывели на улицу. От яркого света Виктор тут же зажмурился, не видя ничего перед собой. Никогда не замечаешь, как ярко светит солнце, пока не проведёшь день-другой в тусклом закрытом помещении. Охранник, взяв Виктора за локоть, почти по-дружески помог ему забраться в автозак, где царил приятный полумрак. Здесь было несколько сидений и больше ничего. Небольшое окно под потолком было закрыто снаружи, и свет пробивался тонкой полоской по периметру. Дверь закрылась, и машина плавно выехала на улицу. Глаза быстро привыкли к темноте. Виктор встал по ходу движения, стараясь держаться на ногах, попытался посмотреть в щель и определить маршрут. Почти ничего было не разглядеть. Минут через двадцать машина остановилась, и открылась дверь.

— Ярский, на выход, — услышал он уже привычную фразу. — Давай быстро-быстро!

Человек в форме спецназа жёстко взял его за локоть и помог выйти из машины. Тут же стоял чёрный тонированный джип с открытой задней дверью, куда его быстрым движением и затолкали. Плюхнувшись на заднее мягкое сиденье, Виктор посмотрел в окно. ФСИНовский бобик, из которого его только что бесцеремонно вытряхнули, тарахтя, плавно выехал на дорогу и скрылся из виду. Вокруг была унылая промзона — ни машин, ни людей. Один из охранников быстро забрался за руль, второй сел рядом. Его Виктор узнал. Это был тот же здоровый лось, что сидел с ним, когда его арестовали в Череповце. Заметил у водителя в ухе небольшой наушник от рации и едва заметный проводок, уходящий за воротник.

— Куда поедем? — как можно беззаботнее спросил Виктор, хотя интуиция уже кричала во всё горло, что это не похоже на обычную процедуру транспортировки заключённого из точки А в точку Б.

— На переговоры, — хмуро сказал водитель, не оборачиваясь.

Через какое-то время Виктор узнал местность: выскочили на Ярославское шоссе. Сидеть с застёгнутыми сзади руками было неудобно, но терпимо. Больше спрашивать ничего смысла не было. Надо было лишь немного потерпеть. Скоро он всё узнает.

* * *

Собрались в большом конференц-зале старой базы. Большой древний стол, чудом уцелевший, стоял посреди большой комнаты и был похож на огромную монолитную тумбу, закрытую со всех четырех сторон. Вероятно, здесь когда-то проводили партсобрания, вручали награды за доблестный труд и журили нарушителей трудовой дисциплины. Когда-то, лет тридцать назад, здесь было преуспевающее советское предприятие с большим количеством техники и работников. Сейчас это был просто заброшенный кусок земли в несколько десятков гектаров со старыми постройками, принадлежащими непонятно кому. Со временем эту собственность, несомненно, кто-то приберёт к рукам и заработает кучу бабла. Скорее всего, процесс был уже запущен, но понятно, что это не его, Афанасьева, уровень. Здесь были задействованы более мощные силы, а он же на своём полковничьем уровне просто подбирал крошки, упавшие со стола более сильных

игроков. Для подобных переговоров эту базу Павел Ильич выбирал не случайно. Место было уединённое, и, кроме бомжей, никто сюда не наведывался. От самого Ярославского шоссе до места не было ни одной дорожной камеры. При всём при том, что подъездов было несколько и все очень удобные. Если дойдёт до стрельбы, то звуки, конечно, будут слышны в ближайших домах, но вряд ли кто-то обратит на это пристальное внимание. Было также несколько точек, где можно при надобности спрятать снайперов, но это теперь не его вариант. Теперь он один. Почти один. Его Toyota стояла в километре отсюда, около нескольких строящихся коттеджей, но напрямую — через овраг и густые кустарники — не больше трёхсот метров. На случай, если всё пойдёт не по плану и придётся побегать по чертополоху. Ничего, потом на тёплом пляже солнечной Ниццы он улыбнётся всем этим мелким трудностям. Когда Павел Ильич зашёл в помещение, старый еврей Кац со своим нотариусом стояли возле стола и мило о чём-то беседовали. Двое широкоплечих охранников топтались рядом и зорко поглядывали по сторонам. Афанасьев бросил взгляд на большой кожаный саквояж, что стоял на столе. При хорошем раскладе он уйдёт с ним отсюда в добром здравии. Павел Ильич расправил провод и, спрятав его за стойку воротника, надел дужку ларингофона на ухо. Пусть видят, что он на связи, и не думают, что у них есть малейшая возможность его кинуть.

— Приветствую вас, Павел Ильич, в этот, несомненно, добрый день! — Леонид Кац с широчайшей улыбкой протянул руку в приветствии.

Не зная его, можно было представить, что этот добрый дедушка, пенсионер и дачник, встретил своего самого близкого друга. Глаза так и светились неподдельной добротой. Афанасьев поздоровался, кивнув также двум почти одинаковым здоровенным лбам, что стояли сзади Каца. У обоих при каждом движении под костюмами вырисовывалось оружие. Неискушённому в таких делах человеку это не заметно, но Афанасьев за секунду отметил, что один из них левша. Выпуклость пистолета на мгновение отобразилась с правой стороны.

Павел Ильич невольно вздрогнул, когда у него зазвонил телефон. Этот номер знал только один человек. Наверное, единственный, кому сегодня Афанасьев мог доверять. Это был его тайный агент по кличке Жук, и об его существовании не знал никто из его окружения, включая

генерала Улитина. Когда всё закрутилось с «Арубой», Павел Ильич заслал Жука в Белозерск, чтобы тот приглядывал за строительством коттеджного посёлка и был в курсе событий. По завершении дела Афанасьев планировал поручить Жуку зачистку компании Глеба Морозова. Если он звонил сейчас, значит, случилось что-то крайне важное.

— Слушаю, — сказал Афанасьев, прижимая телефон как можно сильнее к уху, машинально поворачивая корпус вправо и отворачиваясь от Каца.

— Глеб начал сотрудничать, — без лишних слов приветствия сказал Жук. — Думаю, они уже всё знают. Клиент через две минуты будет у тебя.

— Я понял, Люба, — мягким голосом сказал Афанасьев и, мило улыбнувшись, добавил: — Я сейчас немного занят по работе. Ты там сама справишься? Ну и умница.

— Зачищаю тогда? — спросил Жук.

— Да, конечно, Любаша, — не переставая улыбаться, мягко сказал Афанасьев.

— Работаю, — отрезал Жук и отключился.

Если бы знать заранее, что Морозов так быстро заговорит, то про сегодняшнюю сделку можно было бы забыть, наплевать на деньги, на Ярского и как можно скорее делать ноги. Теперь всё становилось слишком рискованным. Не было смысла также платить двум парням, которые сейчас везут Ярского. Мёртвые они стоили гораздо дороже, чем живые, и Афанасьев по традиции безжалостно рубил хвосты. Единственный человек, которого нельзя убирать, это был Жук. Причина была веская. Тот оставался единственным гарантом от козней Улитина, если таковые случатся, но это другая история. Жуку Павел Ильич щедро заплатит. Он отвалит ему полмиллиона долларов, которые давно лежат в ячейке в подмосковной Вязьме. Осталось только сказать ему, где ключ. При вновь открывшихся обстоятельствах с продажей «Арубы» можно смело идти ва-банк. Теперь уже неважно, подпишет Ярский бумаги или нет, Афанасьев заберёт этот грёбаный чемодан, даже если ему собственноручно придётся перестрелять всех присутствующих. Больше всего хотелось посмотреть в глаза этому детдомовскому ублюдку, из-за которого вся его размеренная жизнь перевернулась с ног на голову, и выстрелить. Почему-то вальнуть

Ярского было даже приятнее, чем забрать пятьдесят миллионов. Афанасьев не смог скрыть улыбки, представляя, как самоуверенный Ярский, умирая, будет смотреть на него удивлёнными глазами.

Послышалось слабое шипение, и голос из рации в ларингофоне сказал:

— Мы подъехали. Какие будут указания?

— Хорошо, мы ждём, можете сразу заходить, — Афанасьев ответил в миниатюрную тангетку, пришпиленную к воротнику.

Говоря, он не скрывался от Каца, который стоял рядом, и не переставал по-дружески улыбаться. Походу, Кац на самом деле был счастлив, или его актерскому искусству мог бы позавидовать сам Станиславский.

— На деньги хотелось бы взглянуть, — сказал Афанасьев.

— Павел Ильич, конечно, дорогой мой! — Кац взял Пашу под руку, махнул одному из парней, чтоб открыл саквояж, и добрым, ласковым голосом заворковал: — Можешь сразу забирать, я всё сам пересчитал, пятьдесят миллионов рублей пятитысячными купюрами. Самолично пересчитывал, можешь не сомневаться, дорогой!

Это было немного не то, чего он хотел. Афанасьев вроде упоминал, чтобы Лёня перелопатил всю наличку в доллары или в евро, а тот всё же приволок в рублях. Ладно, этого было уже не исправить, с этим надо будет что-нибудь решить позже. Афанасьев не подал виду, что расстроен, но от хитрого еврея не укрылось его мимолётное разочарование.

— Павел Ильич, может, ты хотел в инвалюте? Так мы можем заехать ко мне в банк, и я тебе всё конвертирую по хорошему курсу.

— Нет, всё нормально, в рублях не хуже, — сказал Афанасьев, незаметно расстёгивая верхнюю пуговицу на куртке.

Сейчас всё решится. Волнение, одолевавшее его с самого утра, исчезло, уступая место холодному расчёту. Он знал, что теперь будет действовать по интуиции, до механизма отработанными навыками ведения боя. Возможно, всё ещё пройдёт гладко, без единого выстрела, но вероятность такого исхода таяла, словно апрельский снег под лучами солнца. Скорее всего, через несколько минут здесь будет много шума, и выживет только тот, кто лучше всего подготовлен. Видимо, хитрый еврей уже почуял что-то неладное, он вдруг перестал улыбаться и с каменным лицом спросил:

— Паша, у нас ведь не будет проблем?

Теперь это был совершенно другой человек. Не добрый дедушка-пенсионер, а суровый монстр. Хладнокровный боец и убийца, который перешагнёт через любого, кто встанет у него на пути.

— Зачем нам проблемы, Лёня, — как можно дружелюбнее сказал Афанасьев и широко улыбнулся.

Он тоже был неплохой актер, и, похоже, это сработало.

— Вот и я так думаю, — кивнул Кац и выразительно посмотрел на своих телохранителей.

Глава 21

Глава двадцатать первая.

Самойлов проснулся за десять минут до будильника. Настя крепко спала, и он, стараясь не шуметь, быстро собрался и вышел из квартиры, закрыв дверь на ключ. На кухонном столе он оставил записку, что обязательно заедет за ней, как только появится уверенность, что она сможет встретиться с Виктором. Человек, с которым он договаривался о встрече с Ярским, на звонки не отвечал, и Стас прямиком направился в «Матросскую Тишину». План был простой. Для начала добиться, чтобы Виктора выпустили под залог, потом вместе всё обсудить. Что там произошло, Самойлов точно не знал, но схема рейдерского захвата компании была ясна как божий день. Больше всего было непонятно, зачем кому-то понадобилась «Аруба» с её нищенскими активами. Кроме амбициозных планов Ярского и кучи стройматериалов, половина которых даже на балансе не числилась, взять у них было нечего. Многое из того, что происходило в компании, Самойлов и сам не понимал. Техника стоимостью около ста миллионов рублей номинально принадлежала непонятным физикам. Стас надеялся, что со временем Виктор прояснит ситуацию, но тот молчал и делиться своими секретами не собирался. Пару раз Самойлов заводил разговор о непонятно откуда привезённых материалах, которые даже в расходы не записать, но Виктор каждый раз уходил от ответа. Электростанция из солнечных батарей давала такое неимоверное количество электроэнергии, что электрик диву давался, не понимая, как вообще такое возможно. Может, все эти секреты и недомолвки как раз и связаны с арестом Ярского? Может, у того был скрытый от посторонних глаз потенциал, о котором Стас мог только догадываться, а кто-то из оппонентов знал наверняка? Во всём этом стоило разобраться, но первым делом надо было вытащить Ярского из СИЗО. Виктор Самойлову нравился. С первого взгляда, недалёкий, без образования и коммерческого опыта, он выглядел нелепым и даже смешным. Познакомившись поближе, Стас разглядел в Ярском неплохого, хоть и со своими тараканами, руководителя. Виктор был таким добрым и жизнерадостным

раздолбаем, который пытался сделать мир лучше, но без малейшего понимания, как этот мир устроен. Создавалось впечатление, что на парня упало огромное наследство или он выиграл джекпот и теперь, не зная, как распорядиться деньгами, покупает первое, что придёт в голову. Много было загадок и интриг во всём этом проекте, что делало его ещё интереснее.

Припарковав Настин «форд» недалеко от тюрьмы, Стас ещё раз набрал человека, имени которого даже не знал. Тот не представился во время их первого разговора, но сказал, что посодействует, чтобы Самойлову предоставили возможность пообщаться с Ярским. На звонок опять никто не ответил, и он решил попытать счастья без всякой помощи. Показав своё удостоверение адвоката, Стас записался в книге посетителей и запросил аудиенцию со своим потенциальным клиентом. Неразговорчивый, хмурый дежурный указал ему на комнату ожидания, и Самойлову ничего не оставалось, как, приземлившись на одном из древних кресел в уголке, опять ждать. Посетителей в комнате не было, и Стас набрал номер Сипелко. Саня ответил мгновенно, словно держал руку на кнопке телефона.

— Слушаю, — односложно ответил он.

— Я в СИЗО, жду новостей. Пока ничего, запросил встречу с Виктором. Что у вас?

— Сидим на яйцах ровно, — сказал Сипелко. — Скоро уже цыплят высидим. Держи в курсе.

* * *

Настя прогуливалась по берегу Белого озера. Шла прямо по песчаной кромке возле самой воды. Вокруг с криком летали чайки, солнце уже встало и начинало по-летнему припекать. Это был тот редкий случай, когда Настя понимала, что находится во сне. Причиной тому была приятная нереальность происходящего. Где-то здесь она в прошлый раз разговаривала с удивительным разумным ящером. Сейчас же в нескольких метрах от неё шёл енот. Настоящий взрослый енот. Настя точно знала, что он необычный, может, дрессированный или вообще волшебный. Боясь спугнуть зверька, она делала вид, что не замечает его, и они так и продолжали идти параллельно буквально в двух метрах друг от друга. Просыпаться не хотелось. Там, в реальной жизни, были постоянные проблемы, неразрешённые вопросы, а в этом

сне всё было такое доброе и родное, Настя словно попала в детство. Енот подошёл ближе и, виляя хвостом, изредка задевал Настю по голой ноге. Она остановилась и, посмотрев на его острую мордашку, вдруг сказала:

— Привет!

— Привет! — тут же ответил зверёк, остановившись.

Настя даже не удивилась, услышав, как енот свободно говорит человеческим голосом.

— А я один раз сидела вон на том обрыве, — она показала рукой на утёс, — и разговаривала с инопланетянином. Это был такой разумный ящер и тоже умел говорить. Представляешь?

— Представляю, — сказал енот, и в его голосе Настя уловила иронию.

— Ты тоже инопланетянин? — спросила она.

— Не совсем, — ответил енот. — Скорее, я — компьютерная программа. Искусственный интеллект.

— Жаль. Ты такой прикольный, мы могли бы дружить.

— Я дам тебе адрес, где находится Ярский, — внезапно сменив тему, сказал енот. — Ему грозит опасность, но если поторопишься, то, может, и успеешь ему помочь.

— Тогда говори скорее! — громко вскрикнула Настя и открыла глаза. Она проснулась мгновенно, скорее всего, от своего голоса. Разговаривая с енотом из своего сна, она умудрилась своим криком сама себя разбудить. Вскочив с кровати, Настя обнаружила, что дома одна. Самойлов уехал, даже не соизволив её разбудить. Быстро оделась и позвонила Стасу, тот долго не брал трубку, потом ответил.

— Да, Настя, слушаю, — тихо и как-то нехотя сказал он.

— Я проснулась и хочу поехать с вами к Виктору, — не здороваясь, выпалила Настя. — Станислав, заберите меня сейчас же!

— Это исключено, Анастасия, — сказал Стас как всегда ровным, спокойным голосом. — Оставайся пока дома, я перезвоню.

— Ничего подобного, я поеду с вами! — закричала Настя, но Самойлов уже отключился.

— Вот гад какой! — в сердцах сказала она и начала быстро обуваться.

Дёрнула дверь — та оказалась заперта. Настя крутила замок туда и обратно, это не помогало. Разозлившись на Стаса, она пнула дверь

ногой. Обида и злость на коварство хитрого Самойлова переливались через край, когда в голове она услышала чёткий голос енота. Настя даже обернулась посмотреть, нет ли кого-то ещё в квартире. Никого не было.

— Возьми запасной ключ в синей коробке в левом ящике в шкафу, — сказал голос.

Настя повиновалась. Выдвинула указанный ящик, сразу заметила небольшую синюю коробку, открыла. Несколько ключей разных размеров, связка «таблеток» от домофона, ещё какой-то непонятный инструмент. Настя схватила горсть ключей и побежала к двери. Почти сразу нашла нужный и улыбнулась.

«Спасибо тебе, кто бы ты ни был!» — сказала она мысленно.

Енот проигнорировал её спасибо, но как только она вышла из квартиры, сообщил адрес, где она найдёт Виктора. Адрес был простой: улица и номер дома. Вероятно, это было государственное учреждение. Выбежала на улицу, огляделась. Вокруг никого. Это было похоже на спальный район, и чтобы поймать такси, следовало выйти на большую проезжую дорогу. Набрала Самойлова. Стас опять долго не брал трубку, но в конце концов ответил:

— Настя, я понимаю, что ты волнуешься, но…

— Станислав, я на улице, беру такси и еду к Виктору. Я знаю, где он сейчас! — выпалила Настя, перебив Стаса.

— Как на улице? — опешил Стас. Потом после паузы сказал: — Откуда ты знаешь?

— Неважно откуда, просто знаю и всё, — и она назвала адрес.

— Не может быть, это же недалеко от Королёва, — озадаченно промолвил Самойлов, потом добавил: — Можешь меня подождать? Я тебя сейчас заберу.

— Могу, — сказала Настя. — Только, пожалуйста, быстрее!

— Постараюсь, жди, — сказал Самойлов и, отключившись, тут же набрал Сиплого. Саня, выслушав быстрый рассказ о том, как закрытая на ключ Настя волшебным образом оказалась на улице и сообщила адрес, по которому мог находиться Ярский, сказал:

— Ну чего, она смышлёная девочка, думаю, стоит проверить. Стас, ты забери её, а мы с Жекой пока по этому адресу прокатимся. На связи.

Самойлов подошёл к дежурному и осведомился, как долго ещё ждать информацию о свидании с Ярским, но тот только развёл руками. Покинув здание тюрьмы, он сразу направился в Королёв, понимая, что им с Настей ехать до указанного адреса гораздо ближе, чем Сане Сипелко. Выскочив на Ярославское шоссе, Стас подумал: с какими же необычными и загадочными людьми свела его судьба!

* * *

Когда свернули с Ярославки и тяжелый внедорожник, не снижая скорости, помчался в безлюдную глухомань, стало немного не по себе. Виктор смотрел по сторонам, понимая, что это похоже на билет в один конец. Проехали лесной массив, свернули на грунтовку, и машина, мягко переехав через железнодорожные рельсы, оказалась в старом заброшенном дворе древнего предприятия. Кисти рук сильно пережимали наручники, сидеть было неудобно, но это было ничто в сравнении с перспективой, что открывалась впереди. Водитель доложил по рации, что они подъехали и, получив команду, заглушил машину. Виктор посмотрел на большое каменное здание, куда его сейчас с большой вероятностью поведут. Плана никакого не было. Только полнейшее недоумение, зачем вся эта возня. Если его хотели убить, то давно бы сделали это. Если заставить подписать бумаги, то… Да, вот заставить они могли. Только бы с Настей всё было хорошо!

— Чего ждём? — как можно дружелюбнее спросил Виктор у здоровенного лба, что сидел рядом.

Тот хотел, видимо, что-то сказать, уже почти открыл рот, как голова его вдруг дёрнулась и боковое стекло мгновенно окрасилось мелкими красными брызгами. Виктор услышал глухой щелчок, потом ещё один. Словно кто-то невидимый слегка постучал костяшками пальцев по стеклу. Переднее водительское стекло также окрасилось бледно-красными точками. Оба парня молча уронили головы. Виктор посмотрел вперёд и увидел на правом стекле два аккуратных отверстия от пуль.

— Выходи, теперь ты в безопасности, — сказал внезапно появившийся человек. Он открыл дверь, помогая Виктору выйти. — Повернись, сниму браслеты.

Парень был настолько приветлив, что Виктору даже показалось, что это, возможно, один из людей Сиплого. Тот расстегнул наручники

и бросил их в салон автомобиля. Похлопав Виктора по плечу, сказал:

— Пошли, поговорить с тобой хотят.

Виктор кивнул и направился к входной двери, что вела в большой ангар. Парень шёл немного сзади и всё время оставался вне зоны видимости. Он вёл себя дружелюбно, и Виктор не мог понять: друг он или просто так хорошо играет свою роль. Мужик только что убил двоих охранников, двоих блюстителей закона и вёл себя как ни в чём не бывало. Но охранники ли они были? Теперь уже неясно, кто здесь свой, а кто чужой. Виктор открыл дверь. Небольшой коридор, ещё одна дверь — и они зашли в огромную комнату, немого похожую на школьный спортзал. Посреди этого зала возле стола, походившего на гигантскую трибуну, стояло несколько человек. Виктор узнал своего нового знакомого, хитрого лиса, который так ему и не представился. Сегодня он был одет по-обыденному и выглядел обыкновенным неприметным гражданином.

— Подходите ближе, не стесняйтесь, — своим заискивающим голосом, расплываясь в широкой улыбке, сказал хитрый лис.

Мужик слегка подтолкнул Виктора в спину, всё ещё оставаясь немного сзади, и он сделал несколько шагов вперёд. Двое одинаковых охранников нервно зашевелились, словно собирались вытащить оружие из-под своих пиджаков. Наконец Виктор осознал, что происходит. Парень сзади прикрывался им как щитом, а эти двое в любую секунду готовы были начать стрельбу. Значит, у них здесь ещё свои междуусобные тёрки.

— Паша, а это ведь не Самойлов! — громко сказал пожилой мужчина, что стоял рядом с его хитрым знакомым.

Значит, его зовут Паша, теперь понятно. Тут Виктор увидел, как оба охранника, уже не скрываясь, выхватывают оружие. Как в замедленном действии оба пытались направить свои огромные револьверы в сторону Виктора. Около левого уха он услышал слабые щелчки от выстрелов пистолета с глушителем. Один, два, три, четыре. Один из охранников упал сразу. Второй успел навести ствол в их сторону, но выстрелить не успел. Падая, он продолжал целиться, но выстрела так и не последовало. Виктор услышал сзади ещё два хлопка и последний глухой щелчок, понимая, что у парня, стоявшего сзади, закончились патроны. Пожилой мужичок, который смахивал на доброго доктора Айболита, так же невероятно сноровисто выхватил

оружие. Виктор, понимая, что является прикрытием для парня, в которого сейчас будут стрелять, прыгнул. Падая немного вперёд и вбок, он словно нырял в бассейн, но вместо воды снизу на него обрушился бетонный пол. Именно обрушился, насколько сильным оказался удар. Больно ударившись, разбил подбородок. Содрав лоскут кожи, почувствовал, как по шее потекла кровь. Повернув голову, он увидел, как проворно дед, подложив руку под ствол пистолета, нажал на спуск. Громким эхом раздался выстрел, ещё один и ещё. Парень упал на колени и пару секунд грустно смотрел перед собой, затем бесшумно уткнулся лицом в бетонный пол. Тем временем Паша выхватил пистолет и выстрелил в деда. Тот проворно отскочил в сторону и, прыгнув за огромный стол-тумбу, скрылся из-под огня. Виктор привстал на локте, понимая, что случилось что-то непредвиденное для всех присутствующих и то, что он до сих пор жив — банальная случайность. Хитрый Паша всё-таки попал в деда — было слышно, как тот стонал, лёжа на другой стороне от стола. Опрятно одетый мужчина в очках — вероятно, офисный клерк — стоявший в стороне, прижимая к груди папку с документами, вздрагивал при каждом выстреле. Наконец он не выдержал и неуклюже побежал к двери.

— Ну-ну-ну, ещё чего надумал! — спокойно сказал Паша, неторопливо и хладнокровно прицелился в убегающего и выстрелил.

Гулкий грохот опять эхом пронёсся по пустому помещению. У мужичка на спине, чуть ниже шеи, образовалась крохотная дырка, и он, не добежав до двери всего несколько метров, запнулся и рухнул на землю. Наконец хитрый лис Паша посмотрел на Виктора и поднял пистолет. Глаза их встретились, и Виктор увидел пустой, ничего не выражающий взгляд хладнокровного убийцы. Тут раздался ещё выстрел, и Паша схватился за правую руку. Дед Айболит стрелял вслепую, выставив ствол пистолета поверх стола.

— Сука! — крикнул Паша и несколько раз выстрелил в сторону деда прямо сквозь стол.

Он стрелял и стрелял. Виктор насчитал не меньше десяти выстрелов, не понимая, откуда у того столько патронов. Он всегда думал, что в обойму входит не больше семи или восьми. Наконец всё смолкло. Обойдя вокруг стола, Паша посмотрел вниз, попинал ногой деда, прицелился — и опять хлопнул выстрел. Затем он взял со стола

кожаный саквояж, улыбнулся и поставил его на пол. Виктор встал на ноги и молча огляделся. Все, кто меньше минуты назад были живы, лежали на полу и не двигались. Ради чего всё это было? Неужели из-за денег?

— Ну что, Ярский, вот мы и встретились, — разглядывая раненую руку, сказал Паша. Рана была несерьёзная, вероятно, просто царапина, но рукав был вымазан кровью. — Думаю, пришло время представиться.

— Я слышал, что вас зовут Павел, — сказал Виктор, трогая содранный подбородок, который начинал саднить, а всё тело от ног до головы потряхивало лёгкой неприятной дрожью.

— Павел Ильич Афанасьев, — сказал мужик таким тоном, как будто это должно было что-то значить.

Он стоял, опустив пистолет, и с лёгкой ухмылкой на лице разглядывал Виктора. Афанасьев, Афанасьев… Где-то он слышал эту фамилию. Точно, и это было совсем недавно, но где? Последние дни выдались нервными. Мозг с утра до вечера работал на форсаже, отфильтровывая всю ненужную информацию, и теперь… «Афанасьев Паша» всплыло где-то в глубине памяти. Точно, про него говорил Русанов. Виктор посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

— Это вы убили моих родителей?

Прежде чем отправить этого самонадеянного деревенского наглеца на тот свет, Афанасьев хотел увидеть в его глазах страх, растерянность, возможно, даже мольбы о пощаде, но во взгляде Ярского ничего этого и близко не было. Он стоял в двух метрах и спокойно смотрел на человека, готового в любую секунду прострелить ему голову. Афанасьев сделал удивлённое лицо, поднял руку и, указав пистолетом на Виктора, сказал:

— А ты неплохо проинформирован. Ладно, Ярский, прежде чем отправиться вслед за ними, не хочешь мне ничего сказать? Может, ты хочешь отомстить?

— Раньше очень хотел, — спокойно сказал Виктор. — Теперь нет. Кое-что произошло в моей жизни, и я многое понял. Павел Ильич, мне вас жалко. Вы стоите на краю пропасти, и вместо того, чтобы сделать шаг назад, вы двигаетесь, чтобы упасть в бездну. У вас нет шанса, если вы сделаете этот шаг.

— Это у тебя нет шанса, ублюдок!

Афанасьев поднял пистолет и направил ствол прямо в лицо Виктору. Не так Павел Ильич представлял себе эту встречу, совсем не так. Сейчас он выстрелит, и Ярский мгновенно сдохнет, но сдохнет с гордо поднятой головой, а не просящим пощады. Нет, этого Паша себе позволить не мог. И он попробовал ударить по самому больному.

— А потом твоя Настя тоже сдохнет, как овца паршивая, — сказал он и улыбнулся, — это я тебе обещаю.

Вот оно. Он попал в точку. Афанасьев увидел мгновенную перемену на лице Ярского. Тот неимоверно сильно сжал зубы, а костяшки на кулаках аж побелели. Теперь он был готов броситься на ствол с голыми руками. Паша улыбался, это было как раз то, чего он хотел. Прямо триумф победителя!

— Ты же получил свои деньги, — Виктор кивнул на саквояж. — Зачем тебе убивать Настю?

Этот Паша Афанасьев всё-таки нашёл его слабое место. За Настю он был готов упрашивать этого скользкого мужика. Готов был упасть на колени и молить, чтобы тот не трогал девчонку. Виктор понимал, что теперь был полностью во власти Афанасьева. Опять вспомнился Сиплый. Интересно, как бы он поступил в такой ситуации? Если хотя бы знать, где они все: где Саня с Жекой, Стас и где, в конце концов, его Настя? Виктор глубоко вздохнул и снова почувствовал это озарение. Довольно редкое, короткое, всего на мгновение осознание всего сущего. Такое было много раз, ещё до того, как он открыл для себя Нуо. Понятие, что всё точно будет хорошо. А будет ли? Внезапно Виктору показалось, что он услышал енота. Не столько услышал, сколько почувствовал. Совершенно новое ощущение, не как раньше. Енот не разговаривал с ним, но Виктор точно знал, что Нуо приближается. Более того, он был почти рядом, всего в нескольких сотнях метров. В конце концов в своём сознании Виктор увидел всё чётко и ясно. На белом «форде» во двор базы уже заезжали Стас с Настей. Буквально в нескольких сотнях метров на неимоверной скорости неслись Сиплый с Жекой. За ними на расстоянии ехало ещё несколько машин с бойцами СОБРа. Виктор осознавал, что Настя со Стасом не знали, что сзади них к базе подъезжает Саня. Так же и Сиплый, на машине у которого был установлен жучок, не ведал, что за ним хвост из силовиков. Сиплый с Жекой были просто приманкой. За ними уже несколько дней наблюдали, зная, что они с большой

вероятностью выведут силовиков на разборку с Афанасьевым. Весь этот движ был спонтанным экспромтом, но главное, что Настя была целая, невредимая и на свободе. Это было как бальзам на душу. Вот почему секунду назад он испытал эту эйфорию, осознавая, что всё будет хорошо. Мгновенно оценив ситуацию, Виктор понял, что Афанасьеву уже никуда не убежать. Выход был только один. Тот расстрелял, наверное, около пятнадцати патронов и пистолет не перезаряжал. Сколько у него там осталось, неизвестно. Может быть, один, или магазин вообще пуст. Виктор сделал шаг в сторону Афанасьева и, опять посмотрев ему в глаза, сказал:

— И так много смертей, почему бы вам просто не уйти с деньгами?

Афанасьев ничего не успел ответить. Послышались шаги. Эх, если бы это был Саня! Но нет, открылась дверь и на пороге появился Самойлов. Стас вошёл как к себе домой, даже не пытаясь как-то укрыться. В чём-то он был несомненно хорош, но вот в делах военных оказался полным профаном. Чуть не сбив его с ног, вихрем влетела Настя.

— Витька! — крикнула она и посмотрела на него.

Взъерошенные волосы и совершенно дикий взгляд. Она словно собиралась свалить с ног слона, если бы тот оказался у неё на пути.

— Назад! — заорал Виктор, понимая, что это уже бесполезно.

Оба они были как на ладони. Просто две идеальные мишени. Афанасьев поднял ствол в их сторону и ехидно улыбнулся. В следующую секунду Виктор прыгнул. Расстояние было около полутора метров, и за ту секунду, которая у него была, можно было успеть перехватить руку или хотя бы отбить пистолет и не дать прицельно выстрелить. Шанс был так себе — даже не пятьдесят на пятьдесят, но это единственное, что ещё можно было сделать. Он успел схватить Афанасьева за запястье, но тот уже повернул ствол в сторону Виктора. Сильный грохот ударил по ушам, словно лёд посыпался с крыши. В далёком детстве, когда они с пацанами шли мимо высокого дома, дворник на крыше ломал снег со льдом. Огромная глыба тогда с грохотом упала прямо перед ними. В тот день чудом никто не пострадал. После того случая Виктор всегда задирал голову вверх, когда зимой подходил к какому-нибудь дому. Он понял, что пуля попала куда-то в живот, но совсем не почувствовал боли, схватил

Афанасьева двумя руками, пытаясь выбить у того пистолет. Через мгновение — опять громкий звук выстрела, и в этот раз стало очень больно. Дыхание мгновенно сбилось, и руки сразу ослабли. Словно в детстве, когда подтянулся уже много раз и хочется ещё один, последний, для ровного счёта, двадцать пятый, а силы уже нет. Виктор посмотрел Афанасьеву в глаза, тот счастливо улыбался. Почему-то теперь везде был туман, очертания предметов стали нечёткими, звуки приглушёнными. Виктор ещё видел, как Афанасьев навёл пистолет в сторону, где стояла Настя, но выстрела не последовало. Потом сквозь пелену тумана он увидел Сиплого. Саня сильно и грубо швырнул Настю обратно в дверной проём, уронил на пол Самойлова и, присев на одно колено, двумя руками направил ствол и несколько раз выстрелил туда, где только что стоял Афанасьев. Звуки выстрелов красивой музыкой сливались в какую-то знакомую симфонию, но Афанасьева там уже не было. За мгновение до выстрела Паша, схватив свой саквояж, с размаху прыгнул в боковую стенку стола-тумбы. Что-то хрустнуло, и Афанасьев, проломив огромную дыру в стойке стола, оказался под ним. «Теперь не уйдёт», — подумал Виктор. Комната стала переворачиваться, и он почувствовал, как пол, повернувшись, теперь стоял вертикально. Он прижался к нему плечом, чтобы не упасть. Почему-то напротив, так же вертикально, стоял потолок. Захотелось посмотреть, что там у него за рана. Скорее всего, ничего серьёзного. Виктор увидел Настю. Она наклонилась над ним и плакала, что-то говорила ему, но слов было не разобрать. Она взяла его за руку и поднесла руку к глазам, показывая зелёный медальон Нуо. Значит, вот он где. Настюшка нашла его. Здорово. Это очень хорошо. Потом он увидел Сиплого. Саня тоже чего-то говорил, зачем-то стал расстегивать Виктору тюремную робу. Навалилась усталость. Захотелось просто закрыть глаза и выспаться. Он потом со всеми поговорит, а сейчас просто хотелось отдохнуть. Последнее, что Виктор услышал, это Настин крик:

— Витька, не умирай, ты не можешь, Зе-е-е-евс! — потом боль прошла, и ему стало хорошо и спокойно.

* * *

Четыре минуты назад.

— Мы должны подождать ребят, — говорил Самойлов, на огромной скорости входя в крутой поворот.

— Стас, поворачивай вон туда, не будем никого ждать, — Настя показала рукой на большие открытые ворота.

— Подождём лучше здесь, — Самойлов слегка притормозил, но Настя с силой стукнула его по коленке и крикнула:

— Станислав, я сейчас тебя убью! Заезжай во двор!

Самойлов покачал головой, видя, как Настя схватилась за ручку двери, готовая открыть на ходу, и зарулил в ворота. Большой ангар мрачно возвышался посреди пустынной заброшенной базы. На огромной парковке стоял наглухо затонированный чёрный внедорожник. Стас, видя, что Настя собирается, как спринтер, рвануть с места, развернул машину так, чтобы его дверь была ближе к входу, и выскочил первым. Не давая друг другу пройти вперёд, они, как два упрямых барана, соревновались, кто протиснется в дверь первым. Стас победил, заходя внутрь, на ходу осознавая, что они делают совсем не то, что должны. Когда его взору открылся большой просторный зал, всё стало понятно. Кругом в нелепых позах лежали мёртвые люди. Стоявший у стола мужик поднял на него ствол, и Самойлову стало по-настоящему страшно. Нужно было всё-таки найти слова, убедить Настю не заходить внутрь, но теперь было уже поздно. Стас сначала услышал крик Ярского, прежде чем узнал его. Тот был в непривычной тюремной робе, весь поникший и серый, не такой как обычно. Виктор что-то громко кричал, видимо, Насте, которая ворвалась как торнадо. Всё произошло в мгновение. Ярский, как пружина, распрямился и вмиг очутился рядом со стрелком. Грохнул выстрел. Мужчина стрелял в упор. У Самойлова внутри всё сжалось от неизбежности того, что должно было сейчас произойти. Но Виктор не упал, а продолжал бороться с незнакомцем. Ещё один выстрел грохнул раскатистым эхом. Стас видел, как на спине у Виктора появилось красное пятно — похоже, пуля прошла навылет. «Там же сердце», — обречённо пронеслось в голове. В следующий миг Стаса свалили с ног. Это был ворвавшийся как молния Саня Сипелко. Он упал на одно колено и выстрелил несколько раз, но мужика, который застрелил Виктора, уже не было видно. Он словно растворился в воздухе. Стас даже не заметил, куда тот исчез. Спрятаться он мог только за огромную

трибуну, стоявшую посреди зала. Вбежали несколько парней в камуфляже. Кто-то громко крикнул:

— Не стрелять! Брать живым.

Стас видел, как Настя, никого не слушая, подбежала к лежавшему Виктору, упала на колени и что-то ему кричала. Саню с Жекой вначале уложили на пол, но один из силовиков громко сказал:

— Отставить! Это свои.

Саня подбежал к столу, и Стас услышал, как он кричал кому-то из парней, что-то про подземный ход. Спецназовец рядом со Стасом по рации вызывал скорую. Самойлов подошёл к Виктору. Тот лежал на спине с открытыми, но совершенно потухшими глазами. Настя плакала, что-то постоянно говорила. Стас увидел растекающуюся лужу крови и два ранения — в живот и в левую сторону груди, чуть выше сердца. Даже мимолётного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Виктор вряд ли справится. Не прошло и пяти минут, как подбежали парамедики с носилками. Настя не отходила ни на шаг. Стас увидел, как один из врачей посмотрел на своего коллегу и как-то неуверенно пожал плечами.

— Парни, у нас с ним одна группа крови, — громко сказал Саня одному из медиков.

Тот что-то ответил, но Стас не слышал. Подошёл к большой тумбе, куда спрятался человек, застреливший Виктора, заглянул под стол. Там зияла большая тёмная дыра, уходящая под пол.

* * *

Выскочив на Ярославку, Афанасьев не поехал в Москву, а повернул, наоборот, направо, в сторону Королёва. На базе всё прошло как нельзя лучше. Рука немного болела и кровила, но это мелочи, только царапина. Надо было добраться до сто седьмой дороги и поехать в объезд Москвы. Хоть машина и неприметная, но кто его знает, лучше перестраховаться. Павел Ильич улыбнулся, бросив взгляд на портфель, что стоял на полу перед пассажирским сиденьем. Он сделал всё, что хотел. Забрал деньги, посмотрел в глаза Ярскому, когда тот понял, что уже не жилец. Это, пожалуй, было самое приятное за сегодняшний день. Парень почти сломался, ещё чуть-чуть, и Афанасьев бы его дожал, но не хватило времени. И ладно, главное, что всё прошло на ура. Он опять оказался сильнейшим, на вершине

пищевой цепочки. Почему-то было не жалко даже Жука. Ну, тут уже ничего было не сделать. Ладно, по крайней мере, по пути он заберёт и его полмиллиона долларов. На самом деле всё было на грани фола. Когда он застрелил Ярского, у него оставалось всего несколько секунд, чтобы успеть скрыться. Ещё бы мгновение — и, возможно, Афанасьев отправился бы вслед за Виктором. Про люк посреди зала Павел Ильич знал давно. Там был технический проход на улицу — как раз в сторону оврага. Мысль сделать путь отхода на всякий случай родилась давно. Несколько месяцев назад он заплатил мебельщику, чтобы тот приехал и закрыл одну из сторон огромного стола, сделав из него неподъемную тумбу. Со стороны стол смотрелся монолитным и тяжёлым, но если знать, куда ударить, то эта пластиковая часть легко ломалась. Сняв крышку с люка, Павел Ильич ещё раз приехал сюда с тремя пропитого вида грузчиками, и с большим трудом им вчетвером удалось сдвинуть стол прямо на открытый люк. Грузчиков пришлось везти почти за сто километров, чтобы у них не появилось желания вернуться. Эти пьянчужки очень радовались, когда прораб, коим представился Афанасьев, за пять минут работы и два часа катанья на шикарной бэхе поставил им ящик хорошей, качественной водки. Такая дотошная, продуманная подготовка в конце концов окупилась с лихвой. Потерянное время теперь стоило ему жизни. Точнее, только благодаря подготовке он выжил. Когда Павел Ильич выбрался на другую сторону оврага, весь в колючках и репейнике, он запрыгнул в «тойоту» и огляделся. Вокруг была такая тишина, словно вообще ничего не произошло. Восемь трупов остались на той стороне оврага, а здесь начиналась новая счастливая жизнь. Витая в своих мыслях, Афанасьев, не превышая скорости, объехал Москву и, в Голицыно выскочив на Можайку, направился в сторону Вязьмы. Там он заберёт деньги, затем утилизирует всё, что связано с именем Павла Афанасьева, и через Белоруссию махнёт прямиком на Вильнюс. Теперь он будет Хватов Павел Макарович и по документам станет старше на два года. На Литовском КПП Каменный лог движение достаточно большое, и он проскочит как песня. Двухгодичный шенген, всё настоящее: и паспорт, и водительские права. Конечно, если машину загонят на сканер, то у него будут огромные проблемы, но этот риск ничтожно мал, можно о нём даже не думать. Деньги будут спрятаны так, что даже при самом тщательном досмотре их не найдут. Этот момент Паша тоже продумал.

Рубли менять на евро уже ни времени, ни желания не было. Это можно будет сделать и позже, прямо во Франции. Благо, наших там валом. Афанасьев с приятным чувством удовлетворённости улыбнулся и нажал на газ.

* * *

Настя в белом халате сидела на железном кресле в ярко освещённом коридоре, недалеко от двери в реанимацию. Сжимая в руке холодный амулет Нуо, она безучастно смотрела в одну точку на противоположной стене. Слёз больше не было, наверное, кончились. Не было ни злости на Афанасьева, ни отчаяния, просто абсолютное безразличие. Видимо, в организме отключился какой-то тумблер, отвечающий за чувства, а может, это было действие таблеток, которые доктор-реаниматолог заставил её выпить. Настя потеряла счёт времени. Сейчас, скорее всего, была поздняя ночь, а может, уже утро, разницы большой не было. Время свернулось в плотный клубок, словно липкая густая паутина. Может, прошло пять часов, а может, пятнадцать. Словно в тумане, в мозгу проплывали отдельные отрывки этого долгого дня, наполненного ужасными событиями. Когда Виктора на носилках стали загружать в машину реанимации, с Настей случился нервный срыв, какого не было никогда в жизни. Она обвиняла всех окружающих в смертельном ранении Виктора. Сначала к ней подошёл Стас и стал успокаивать, но она так сильно врезала ему по лицу, что он просто закрылся руками и отошёл в сторону. Потом получил и Сиплый, который тут же оказался рядом и попытался её обнять и успокоить. Настя со всей силы лупила его по лицу, а он даже не закрывался, просто стоял рядом и что-то ей говорил. Затем Саня всё-таки обнял её, сильно прижал к себе, и они так стояли, пока Настя, рыдая и трясясь всем телом, не обмякла и чуть не потеряла сознание. Загрузились все вместе в скорую. Парамедики не препятствовали, понимали, что бесполезно. Сиплый всё время повторял врачу, что у них с Виктором стопудово одинаковая группа крови и резус, на что тот сказал, что они не имеют права сделать переливание, не проверив. Вкололи капельницу и под ужасно неприятный звук сирены помчались в сторону больницы. Настя молилась. Слёзы градом текли по щекам, а она повторяла только одну фразу: «Боже, пожалуйста, не забирай его у меня! Пусть он выживет!»

Потом было долгое ожидание около операционной. Сиплый ушёл сдавать кровь, и Насте, после того как она отошла от первого шока, захотелось перед ним извиниться. Когда через несколько часов вышел доктор, Настя дремала — видимо, сказалось перенапряжение. Она вскочила и подбежала к пожилому суровому хирургу.

— Ну как он, доктор? — чуть не криком спросила она.

— Состояние тяжёлое, — тихо сказал тот. — Не могу ничего гарантировать. Два пулевых ранения. Большие повреждения внутренних тканей. Вообще чудо, что его довезли до больницы. Делаем всё, что в наших силах.

Тогда у Насти случился второй срыв. Она упала на колени и надрывно закричала. Ничего не могла с собой поделать. Просто сидела на полу и, уткнувшись лицом в ладони, громко плакала. Потом её в полубессознательном состоянии отвели в процедурку, и медсестра по настоянию доктора почти силой затолкала ей в рот горсть каких-то таблеток. Видимо, успокоительных. Затем к ней подходил Саня с двумя силовиками, те задавали много вопросов, но ничего внятного так и не добились.

Сидя в одиночестве и продолжая глядеть в одну точку, Настя не заметила, как, расслабив пальцы на руке, уронила Нуо. Он глухо упал на кафельный пол, выдернув её из полудремотного состояния. Во рту всё пересохло, глаза щипало, а голова была тяжёлой, как мокрая ватная подушка. Настя наклонилась, подняла холодный амулет и поднесла его ближе к лицу. На зелёном камне тончайшими линиями был выгравирован глаз.

— Что же ты такое, в конце концов, — прошептала она, — что от тебя столько неприятностей?

Когда утром внутренний голос в виде енота разговаривал с ней, сначала подсказав, где запасные ключи, затем назвал адрес, это всё казалось таким обычным, хоть и волшебным. Сейчас же не было сил ни анализировать, ни давать оценку этому необычному явлению. Хотелось просто попросить помощи, но теперь этот голос молчал, никак себя не проявляя. Здравый смысл опять подсказывал, что это были не более чем игры разума, возможно, экстрасенсорика, а никакое не волшебство. Боковым зрением она увидела движение в другом конце коридора. Повернула голову. К ней неторопливо шагал Самойлов. Вид у него был потрёпанный, словно только что проснулся.

Подойдя, он молча сел рядом с Настей — не на соседний стул, а через один.

— Станислав, прости, что ударила тебя, — Настя положила свою руку тому на запястье, слегка сжала.

— Ничего страшного, — кивнул Стас и попробовал улыбнуться. — Рука у тебя тяжёлая. Слушай, Настя, я должен тебе что-то сказать. Просто хочу, чтобы ты знала.

Он долго держал паузу, словно взвешивая, говорить или нет. Потом, видимо, решился:

— У меня есть копия завещания Виктора. Оно составлено почти сразу, как я устроился к вам на работу. Вся собственность, что есть у Ярского, переходит тебе. Ты единственный наследник. Видимо, Виктор подозревал, что с ним может что-то случиться. — Стас посмотрел Насте в глаза, но никакой реакции не увидел. Полнейшее равнодушие. — Настя, я думаю, тебе стоит немного вздремнуть. Иди в процедурку, там можно поспать на кушетке. Я здесь посижу, если будет что-то новое, я тебя разбужу.

* * *

В белой приёмной открылась дверь, и из кабинета вышел Авелло — невысокого роста молодой человек, на вид лет двадцати, не больше. Михей, выглядевший как минимум в три раза старше него, встал и почтительно поклонился. Внешний вид — понятие относительное, недаром говорят, что по одёжке лишь встречают.

— Добрый день, Михей, — ангел-поручитель ответил на приветствие лёгким поклоном головы, затем вежливо осведомился: — У нас есть какие-нибудь неотложные дела?

— Разгребаем последствия наводнения в Пакистане, — сказал Михей. — Прошло уже два месяца, но всё ещё появляются новые жертвы. Полагаю, вашего вмешательства не требуется, всё под контролем.

— Хорошо. Я поднимусь к Беатрис.

Михей почтительно кивнул и, когда дверь за ангелом закрылась, снова сел на своё рабочее место. Авелло прошёл по коридору и поднялся на верхний уровень. Здесь, под пальмами, он присел на лавочку ждать свою поручительницу Беатрис. На этом уровне кабинетов не было, интерьер здесь подбирали, исходя из условий,

наиболее комфортных для ангелов, работающих на местах. Чуть слышно журчала вода в ручье, стайка разноцветных птиц перелетела с одного дерева на другое. Мимо прошёл невероятно яркого окраса полосатый тигр. Он посмотрел огромными глазами на Авелло и, показав неимоверно белые острые клыки, глухо и гортанно рыкнул в знак приветствия. Длинный полосатый хвост, как руль у парусной яхты, вилял из стороны в сторону, пока тигр, пройдя мимо Авелло, не скрылся за ближайшим зелёным холмом.

— Привет, Авелло! — мысленно поздоровалась Беатрис.

Он обернулся и просиял. Их встречи были редки и доставляли Авелло просто сказочное эмоциональное удовлетворение. Беатрис была на один уровень выше Авелло и являлась его ангелом-поручителем, непосредственным начальником, если по земным меркам. Совсем скоро она перейдёт на один уровень выше, и их встречи будут ещё реже. Общение через уровень не поощрялось. Это было против правил.

— Беатрис, дорогая, — поклонился Авелло в приветствии. — Как там решается мой вопрос?

— Всё ещё не передумал, Авелло, и хочешь воплотиться? — спросила Беатрис. — А кто же будет здесь вместо тебя?

— Михей прекрасно справляется, ему давно пора занять моё место. — Авелло смотрел на Беатрис глазами, полными любви. — А через сложное воплощение я надеюсь подняться на следующий уровень. Очень хочется не потерять связь с тобой.

— Хорошо, мой Авелло, я думаю, что нет к этому никаких препятствий. — Она улыбнулась своей самой тёплой, душевной улыбкой и спросила: — Как там вообще дела? Со всем справляетесь? И не нужна ли какая помощь?

— Всё замечательно, — кивнул Авелло. — На земле как всегда бардак, но это нормально у них, ты же знаешь. Мы работаем.

— Хорошо, Авелло, ты можешь воплотиться по своему желанию, когда захочешь и где захочешь. Я желаю тебе пройти этот путь достойно и вернуться с новыми знаниями. Буду ждать тебя здесь, мой хороший.

Он поклонился, собираясь уходить, но Беатрис остановила его, спросив:

— Слышала, Нуо опять потерял хозяина. Как его? Этот молодой человек…

— Его звали Виктор, — подсказал Авелло. — Парень не так много успел сделать. Был совсем неподготовлен к такому необычному для него ритму. Но ничего, он повысил свой уровень, хоть и совсем немного. Кстати, за него просил Николас, помнишь, я тебе про него рассказывал. Который отомстил за свою девушку.

— Николаса помню, — кивнула Беатрис. — Он хотел, чтобы этот Виктор продолжал жить со своей возлюбленной в том же воплощении. А его, я так понимаю, сегодня убили.

— К сожалению, так сложились обстоятельства, Беатрис, но его девушка Настя продолжает за него молиться. Может, стоит явить им чудо, и пусть они останутся вместе?

— Я думаю, не стоит вмешиваться в естественный ход событий, Авелло. Пусть всё идёт своим чередом. Хотя, если будет очень много молитв за него, просто дай мне знать.

— Хорошо, дорогая Беатрис, — Авелло ещё раз поклонился и отправился на свой уровень.

* * *

Настя уснуть так и не смогла. Послушавшись Стаса, забралась на жёсткую кушетку в пустой тёмной процедурке, но тщетно, сон не приходил. Она проворочалась около часа и в конце концов вернулась туда, где Стас мирно дремал на неудобном железном кресле возле двери в реанимацию. Было уже утро, около восьми часов. Время от времени в дверь кто-то заходил и выходил, медсёстры или врачи. Все строго смотрели на двоих людей, сидящих перед входом, но никто не говорил ни слова. Наконец появился вчерашний доктор-реаниматолог. Он удивлённо поднял бровь и, покачав головой, прошёл мимо. Потом, видимо, что-то решив, развернулся, подошёл и присел на железную скамейку рядом с Настей.

— А вы чего здесь сидите? — спросил он строго.

— Ждём каких-нибудь новостей, — неуверенно сказала Настя. — Как там Витя?

— Девушка, я же вчера вам сказал: состояние тяжёлое. Ваш Виктор в коме, каких новостей вы ждёте? Что он умрёт? Он может пролежать в этом состоянии неделю или месяц. Вы так и будете здесь

сидеть? Отправляйтесь по своим делам, оставьте номер своего телефона на посту, и если будет что-то новое, вам позвонят.

— А можно его хотя бы увидеть? — прошептала Настя.

На глаза опять навернулись слёзы, застилая всё вокруг.

— Не сегодня, — уже мягче сказал доктор. — Завтра приходите или лучше послезавтра.

Он встал и, не прощаясь, зашагал по коридору. Станислав, положив руку ей на плечо, тихо сказал:

— Пойдём, Настя, тебе правда надо немного отдохнуть.

Она чуть заметно кивнула, надела на шею амулет Нуо и встала. Ехали молча, каждый думал о своём. Когда Стас остановился возле своего подъезда, он протянул Насте ключи от квартиры:

— Номер помнишь, надеюсь? Побудь пока у меня, отдохни, идти тебе всё равно некуда. Думаю, одной тебе будет комфортнее. Я поеду к Александру, обсудим с ним, что делать дальше. Справишься?

Настя пожала плечами, молча вышла из машины и зашагала в сторону подъезда. Стас подождал, пока она зайдёт, вздохнул и набрал Сиплого.

Через два часа он сидел в тёплом прокуренном помещении недалеко от грузового терминала аэропорта Шереметьево. Стас посмотрел в окно. Хмурые и неразговорчивые СОБРовцы грузились в минивэн. Их начальник, смуглый и немногословный Арслан, прощаясь, пожал всем троим руки и сказал, обращаясь к Сане Сипелко:

— Я сожалею, брат, что так вышло с твоим другом. Мы сделаем всё, что в наших силах, но этого выродка обязательно найдём, я тебе обещаю.

Когда минивэн с силовиками скрылся из виду, Стас и Сиплый с Жекой продолжали молча сидеть и смотреть в окно. Афанасьев опять всех перехитрил. Самолёт Москва-Анталья улетел час назад. Чета Афанасьевых собиралась улететь в Турцию. Электронная регистрация была пройдена, но Павел Ильич на рейс не явился, равно как и его жена. Наружка, что была выставлена за его домом, тоже ничего нового не сообщала. Уже сутки в его дом на Барвихе никто не заходил и не выходил. Афанасьев как в воду канул.

— Как там Настя? — спросил Сиплый, заранее зная ответ.

— Надеюсь, ничего не вытворит, — развёл руками Стас и потрогал подбородок. — Очень импульсивная девочка, прямо не знаю, что с ней делать.

— Надо было тебе дождаться нас, — сказал Саня, с укоризной глядя на Самойлова. — Чего вы туда одни попёрлись? Ведь ясно же было сказано: забери Настю, а мы проедем на место.

— Александр, ты сам-то пробовал когда-нибудь с Настей спорить? — понуро сказал Самойлов. — Она же никого не слушает, это же как… — он замолчал, понимая, что оправдываться сейчас неуместно, да и что это теперь изменит?

— Ладно, что сделано, то сделано. Не пойму только, как этому хмырю удалось так быстро свалить оттуда. Подземный ход, кто бы мог подумать! А мы тоже хороши: пока разбирались, кто там в кого стрелял, а он через овраг и митька прял. Теперь на дно заляжет где-нибудь в глубинке — и ищи-свищи.

Через три дня все собрались на квартире у Самойлова. На общем собрании решили, что парни поедут в Череповец, а Настя останется здесь. На стройке работа остановилась, что было не удивительно. Не было денег даже заплатить за дизтопливо для техники, не говоря уже о покупке стройматериалов. Афшин делал всё что мог, но здесь и он был бессилен. Договорились, что Саня в Питере соберёт все оставшиеся у него деньги и приедет в Череповец на поезде, Стас с Жекой будут пока на месте, пытаясь как-то разрулить создавшуюся ситуацию. Сейчас все трое смотрели на Настю, которая хоть и старалась казаться оптимистично настроенной, на самом деле таковой не выглядела. За последние дни она сильно изменилась. Всегда такая жизнерадостная зажигалочка, теперь Настя, словно постарев на несколько лет, уже не излучала того позитивного задора, как обычно. Даже цвет лица изменился, став каким-то серовато-блёклым.

— Ты точно справишься? — уже в третий раз спрашивал её Сиплый. — Просто, я могу послезавтра вернуться. Привезу парням деньги и вечерним поездом приеду в Москву.

— Не надо, Саня, занимайтесь лучше «Арубой», вы там нужнее, — она попыталась улыбнуться, но вышло не очень. — Всё равно здесь вы ни мне, ни Витьке не поможете, а там хоть дело двинется. Да и мне одной здесь лучше.

— Ну смотри, в любом случае я выеду по первому звонку, — Саня обнял Настю, и все дружно стали обуваться на выход.

Настя протянула ему ключи от квартиры:

— Можете жить пока у нас, если понадобится.

Когда дверь за ними закрылась, Настя села на пуфик в прихожей и опять уставилась в одну точку. Стала замечать, что это теперь было её любимым состоянием — находиться в унылом анабиозе, ни о чём особо не думая. Сегодня утром её всё-таки пустили к Зевсу. Доктор сказал, что это против правил, поэтому у неё есть буквально несколько минут — и сразу на выход. Виктор лежал неподвижно, из пузырька на высокой стойке прозрачное лекарство мерно капало в примотанную пластырем иглу у него на запястье. Две тонкие трубочки в нос, видимо, давали кислород. На небольшом столике стоял аппарат, на котором разноцветные огоньки время от времени моргали, цифры показывали давление и ещё что-то. Настя присела на стул, что стоял возле кровати.

— Вить, вдруг ты меня слышишь. Я тебя очень люблю, медвежонок, — тихо сказала она.

Никакой реакции. Огоньки мерцали в том же ритме, что-то время от времени еле слышно пикало, цифры на маленьком экране не менялись. Она пододвинула стул ближе, сняла с себя Нуо и вложила ему в руку. Рука была чуть тёплая и какая-то безвольная, неживая.

— Я хотела тебе что-то сказать, Вить, — Настя наклонилась ближе. — У нас будет ребёнок. Пожалуйста, ты должен выкарабкаться. Я знаю, ты же сильный, пожалуйста, попробуй бороться. Не оставляй меня одну.

Подошёл доктор, тронул её за плечо и, махнув головой, показал, мол: пошли на выход, достаточно.

Настя кивнула, снова надела Нуо себе на шею и, когда вышли за дверь, спросила у доктора:

— Может, ему холодно? Почему у него рука такая холодная?

— Нормально всё, — дежурно ответил тот.

— Я тогда завтра приду, можно? — Настя посмотрела на врача, но тот отрицательно покачал головой:

— Не надо. Через неделю приходите.

Следующие сутки тянулись как раз словно неделя. Пару раз позвонил Саня, задавая один и тот же вопрос: как дела. Настя каждый

раз так же односложно отвечала, что всё нормально. На самом деле всё было совсем не нормально. Опять начались эти видения, странные внутренние разговоры в голове. Всю ночь она не могла уснуть, пытаясь разобраться, где сон, а где реальность. В конце концов Настя чётко услышала енота, с которым не так давно говорила во сне:

— Твой Виктор вряд ли справится, так что если хочешь его ещё раз увидеть, то поторопись, — отчётливо сказал зверёк в её голове.

Настя посмотрела на часы — девять утра. Наскоро оделась и уже через минуту бежала вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Она долго не могла попасть ключом в замок зажигания, закрыла глаза, потом глубоко вздохнула, задержала дыхание и уже спокойно, заведя мотор, выехала со стоянки. Спокойствия хватило на несколько минут, потом Настя летела как угорелая, пару раз чудом не попав в аварию. Наконец добралась до больницы. Даже не надевая белого халата, промчалась мимо охраны и бегом — на второй этаж, туда, где реанимация. Дёрнула дверь — конечно, закрыто. Села на тот же стул, где в прошлый раз провела ночь, огляделась. Никого. Где-то время от времени были слышны голоса или шаги, но здесь было тихо, как в глухом лесу. Настя сидела, прижав сжатые кулачки к груди, и молилась, повторяя одну и ту же молитву «Отче наш». Через какое-то время дверь открылась, из отделения реанимации вышла медсестра и быстрым шагом, почти бегом промчалась мимо Насти. Дверь тут же закрылась, и девушка пожалела, что не успела прошмыгнуть внутрь. Встала и, приложив обе руки, посмотрела сквозь зеленоватое матовое стекло. За дверью ничего не было видно. Настя услышала шаги, повернулась и увидела уже знакомого строгого доктора, который с ней в прошлый раз разговаривал. С ним шли ещё несколько человек.

— Здравствуйте, — сказала Настя, — а можно мне к Виктору?

— Нет, нельзя, — сурово отрезал доктор, потом добавил: — Почему без халата? И вообще, вам нечего здесь делать, я же сказал в прошлый раз.

Они зашли в отделение, закрыв за собой дверь. Настя вытащила белый халат из своей сумочки, надела. За дверью слышалась какая-то возня, кто-то громко разговаривал. Стало немного страшно. Настя опять подошла к двери, пытаясь хоть что-то там разглядеть. Минут через пять дверь открылась, из неё вышли две медсестры и прошли мимо. Настя подставила ногу и не дала двери закрыться. Заглянула

внутрь — в длинном светлом коридоре никого, зашла. Дверь в палату, где лежал Виктор, была приоткрыта, и оттуда слышались приглушённые голоса. Говорил доктор. Он словно читал по написанному, ровно, спокойно, без малейших эмоций. Настя сделала несколько шагов, сердце сжалось от чего-то страшного и необратимого. В следующую секунду она услышала в спокойной размеренной речи врача два ужасных слова «время смерти». Настя сделала ещё шаг и оказалась в дверном проёме. Все четыре человека, что были в палате, одновременно посмотрели на неё. Виктор лежал на той же кровати, так же с закрытыми глазами, только к нему уже не было присоединено никаких проводков и капельниц.

— Вам нельзя сюда, — большая полная медсестра тут же подошла вплотную к Насте, разведя руки в стороны и пышной грудью выталкивая её в коридор.

— Альбина, оставь её, — громко сказал строгий доктор и добавил уже Насте: — Я сожалею, девушка.

— Нет! — затрясла головой Настя и, протискиваясь мимо отступившей грузной медсестры, подбежала к кушетке.

Её никто не остановил. Виктор лежал мертвенно-бледный, словно в его организме больше не было ни кровинки. Моментально вспомнился тот день, когда они в первый раз ехали вместе на машине в Череповец. Он был такой живой и разговорчивый. Шутил и прикалывался над ней, а теперь…

— Витька! — закричала она изо всех сил. — Ты не должен умереть!

Настя сорвала с шеи амулет Нуо и, вложив Виктору в холодную руку, изо всех сил сжала её.

— Пожалуйста, пожалуйста, Боже, пусть всё будет хорошо! Ну пожалуйста, пожалуйста!.. — шептала она.

— Девушка… — медсестра дотронулась до её плеча, намереваясь что-то сказать.

Но Настя, дёрнув плечом, скинула её руку и продолжала шептать только одну фразу:

— Боже, ну пожалуйста!..

* * *

— Беатрис! — громко позвал Авелло. Он только что пулей влетел на её уровень — сегодня даже без приглашения и предварительной договорённости.

— Да, Авелло, я знаю, что ты хочешь мне сказать. Всё-таки считаешь, что им стоит быть вместе там, на Земле?

— Конечно, дорогая Беатрис, я так считаю. Его девушка постоянно молится, и теперь я думаю, что это будет правильно. Они ведь ещё даже не жили счастливо, всё время решая чьи-нибудь проблемы. Пожалуй, уже достаточно испытаний на их голову. И вообще, я думаю, что пора рассказать всем людям про Нуо.

— Насчёт Нуо я бы с тобой поспорила, мой Авелло. Думаешь, пришло время?

— Думаю, да. Людям иногда надо напоминать о нас. Надо давать какую-то надежду. Мы даём эту информацию только избранным, но почему бы не рассказать всем без исключения?

— Возможно, ты прав, — она задумалась, потом добавила: — Знаешь, а ведь они всё равно не поверят. Люди скорее поверят в чёрную кошку, переходящую дорогу, или в несчастливую цифру тринадцать, чем в реальные вещи.

— Мы расскажем, а поверят или нет, это будет их выбор, дорогая Беатрис.

— Хорошо, Авелло, а как ты хочешь реализовать свой замысел?

— Простейшим способом, как всегда, через книгу. Этот парень, Дэвид Мартин, уже начал её писать, осталось только дать ему больше информации. Для этого нам как раз понадобится его приятель Виктор.

— Или Настя, — улыбнулась Беатрис.

— Или вместе, — улыбнулся в ответ Авелло.

— Хорошо, мой Авелло, ты и сам знаешь, что нужно делать. — Беатрис помедлила, потом спросила: — Как скоро ты собираешься туда, в своё новое воплощение?

— Примерно через семь месяцев, дорогая Беатрис. Я уже выбрал себе замечательных родителей, — он улыбнулся. Было приятно, что они с Беатрис понимают друг друга с полуслова.

— Хороший выбор, Авелло! Я буду ждать тебя здесь.

Он поклонился ей и поспешил вернуться на свой уровень. Оставалось сделать самую приятную часть его работы — подарить двум любящим людям кусочек счастья.

* * *

— Девушка, — доктор положил свою руку Насте на спину, — пойдёмте. К сожалению, вы ничего уже не сможете изменить.

Настя, держа Виктора за руку, сквозь слёзы опять громко повторяла:

— Зевс, не уходи, не оставляй меня, у нас будет ребёнок, Зе-е-евс!

— Пойдёмте, — опять повторил доктор, терпеливо и по-доброму, а не так сурово и строго, как разговаривал с ней в коридоре.

Настя встала, потом снова присела, нагнулась — ей показалось, что у Виктора дёрнулось веко. Нагнулась ещё ниже — точно, теперь губы его слегка пошевелились.

— Витька, — тихо прошептала она, — ты меня слышишь?

Виктор широко открыл глаза. Сначала зрачки блуждали, он пытался на чём-то заострить свой взор, потом, словно настроив резкость, увидел Настю и слабо улыбнулся.

— Витька, мой любимый! — прошептала Настя, не отводя от него взгляда, — Зевсик мой хороший!

Она дотронулась рукой до его щеки, которая теперь не была такой уж бледной. На ней появился живой румянец. В следующую секунду все как по команде забегали по палате, подключая разноцветные проводки и трубочки. Доктор коротко отдавал команды. Снова подключили мониторы, тут же заморгали цифры и лампочки индикаторов. Полная медсестра опять попыталась отодвинуть Настю от кровати, но на этот раз Настя стояла как стена и, держа Виктора за руку, не отходила ни на шаг. Он слегка сжал её руку в ответ и даже попытался притянуть поближе, Настя наклонилась.

— Ыиди мннея амух, — Виктор что-то пытался сказать, и все четверо из медперсонала замерли, затем почти хором спросили:

— Чего-о?

Он улыбнулся, собрался с силами и тихо, но уже отчётливо сказал:

— Выйдешь за меня замуж?

— Конечно, медвежонок, с удовольствием, — Настя прижалась к нему и, закрыв глаза, прошептала: — Спасибо, Боже!

* * *

Три месяца спустя. Декабрь 2009

— Зайка, пристегнись, — Виктор, включив сигнал поворота, выехал на трассу и повернул в сторону Белозерска.

— Ну, медвежонок, мне неудобно с ремнём, — запротестовала Настя, держась рукой за маленький округлый животик. — Ты просто езжай не быстро, а то Авелло брыкается.

— Что за Авелло, и где ты вообще такое имя выкопала? — улыбнулся Виктор. — Назовём лучше его Иваном или хотя бы Марком. А то Авелло какое-то, мне такое имя сроду не запомнить.

— Как скажешь, дорогой, тогда дочку я назову.

Он согласно кивнул. На самом деле это всё было так неважно. На душе было спокойно и радостно, как никогда в жизни. В такие моменты всегда становилось страшно, что эта сказочная идиллия может когда-нибудь закончиться. Сейчас об этом не хотелось думать. Настя, самый любимый человечек на земле, сидела рядом, и она была счастлива. Скоро у них родится сын — что может быть лучше?

— Настюш, всё хотел спросить, а кто у нас звонок дома поменял?

— Нравится? — улыбнулась Настя. — Думала, не заметил. Это Саня новый купил, пока у нас жил. Сказал, что сил нет слушать этот скрежет.

Виктор кивнул. Что ж, а сам так и не сделал. Столько лет прошло, всё только собирался, а Сиплый взял и поменял. Красавчик.

— Вить, может, зря ты всё-таки решил подарить детскому дому на Новый год деньги? — спросила Настя. — Может, надо было просто заехать в «Детский мир», и привезли бы целый грузовик игрушек.

— Видишь ли, Настюш, я тоже думал об этом, но воспитателям, пожалуй, виднее, что подарить детям. Тем более покупать подарки — это тоже приятное мероприятие. Позволим им насладиться этой возможностью. Скорее всего, у кого-то из персонала появится соблазн потратить что-то и на себя, да и Бог с ними. Новый год же. Время волшебства.

— Сто миллионов рублей. — Настя обернулась и посмотрела на большую коробку с деньгами, что стояла на заднем сиденьи. — Даже не представляю, чего можно накупить на эти деньжищи. Думаю, Афанасьев повесится, когда узнает, что ты забрал все его деньги.

— Это далеко не все его деньги, зайка, но ты права. Когда мы заберём всё до единого цента и оставим его с голым задом, это для

него будет равносильно смерти.

— Недаром говорят, что земля круглая, — сказала Настя, взяла его за руку и слегка сжала.

— Так и есть, солнце, — задумчиво сказал Виктор. — Есть орлы, а есть вороны. И каждый рано или поздно своё получит. Это неизбежно.

Эпилог

Я сидел в любимом кресле на своей даче в Парголово. Передо мной в обнимку на удобном диване разместились Виктор с Настей. Они больше ничего не говорили, а лишь поглядывали друг на друга влюблёнными глазами. Видимо, это было всё, что они хотели мне рассказать. Я подождал немного, ожидая продолжения, но, поняв, что его не будет, потянулся и выключил рекордер. Помолчали.

— Удивительная история, — я наконец прервал затянувшуюся паузу. — И в каком же жанре мне её написать? Как вы считаете?

— Ну, пусть это будет повесть, — улыбнулся Виктор и в очередной раз заглянул в глаза Насте.

Она кивнула.

— Какая же это повесть, — заупрямился я, — если у вас здесь одна сплошная мистика? Пожалуй, это чистейшей воды фэнтези.

— Дэвид, тебе видней, но в этом рассказе нет ни слова вымысла, всё, что мы тебе рассказали, чистейшая правда, — спокойно сказал Виктор, затем посмотрел на Настю: — Солнце, тебе удобно, а то мы уже долго сидим, может, хочешь пройтись?

Она погладила его по руке, сказав, что всё нормально. Я смотрел на них и испытывал невероятное чувство умиления, так трогательно у них всё происходило. Похоже, им даже не надо было что-либо говорить, настолько они понимали друг друга без слов.

— А что теперь будет с этим полковником Афанасьевым? — задал я давно вертевшийся в голове вопрос.

— Он уже больше не Афанасьев, — Виктор посмотрел на меня, и улыбка исчезла с его лица. — Он поменял фамилию и пока живёт во Франции. Но, думаю, это ненадолго. Мы забрали у него с офшорного счёта все двенадцать миллионов, клонировав его Digipass. Он пока даже не знает об этом, но это дело времени. С остальными деньгами

ему тоже придётся расстаться, а потом можно будет вернуть его в Россию, хотя в этом нет необходимости. Лично мне без разницы, как он доживёт свои дни.

— Он застрелил твою маму и пытался убить тебя, — сказал я и посмотрел Виктору в глаза. — Неужели ты его простишь? Или всё же хочется отомстить.

— Месть — это не всегда хорошо, — вздохнул Виктор. — Это смесь обиды и ненависти, а я это всё поборол, и теперь у меня к нему полнейшее равнодушие. Деньги мы у него, конечно, заберём все, до копейки, это будет справедливо. Но мстить… Нет, он уже сам себе отомстил, оставшись вдали от Родины, один, без друзей и близких.

— А как же компетентные органы? Ведь он, я так понимаю, в розыске?

— Не думаю, что властям будет легко экстрадировать его из Франции. — Виктор посмотрел мне в глаза. — Смерть же для него — слишком лёгкое наказание. Мы оставим этого недогражданина без средств к существованию, а если ему удастся ещё что-то заработать, лишим и того. Что бы он ни делал, его всюду будет преследовать злой рок. Если Нуо не заупрямится, мы доведём его до отчаяния. Тогда я сделаю ему предложение вернуться в Россию и во всём сознаться. Это будет его единственный шанс как-то искупить свою вину.

Я кивнул, затем поинтересовался:

— А что со стройкой? Получается создать это ваше коммунистическое поселение?

— Да, всё здорово, — кивнул Виктор. — Дома растут как грибы после дождя, а люди в очередь стоят, чтобы работать у нас. Настюша придумала схему, как уговорить нашего упрямого енота финансировать проект.

— Мы с ним просто подружились, — улыбнулась Настя. — И ничего он не упрямый, а очень милый пухляшка.

Мы распрощались с четой Ярских как самые лучшие друзья, по крайней мере, мне так хотелось думать. Эти ребята мне были очень симпатичны. Уже на пороге Настя, застегнув элегантную белую шубку, вдруг вспомнив что-то, остановилась и сказала:

— Дэвид, у меня к вам есть одна просьба. Если вы всё-таки будете писать эту книгу, обратитесь в ней к Алибеку, тому парню из Ярославля, который мне тогда очень помог — посадил на поезд и дал

денег. Я потеряла его номер, а он так просил, чтобы я позвонила и сообщила, что у меня всё нормально. Вдруг он прочитает. Передайте для него в книге мою благодарность и самые наилучшие пожелания.

Я ей пообещал, что передам. Хотя сам не мог понять: если этот их так называемый Нуо такой могущественный, почему бы ему не найти номер телефона того парня? Но да ладно. В моей жизни ни разу не было ничего сверхъестественного, поэтому, скажу честно, их рассказ я выслушал со скрытым скепсисом. Но кто ж ведает, как оно было на самом деле! Виктора я знаю давно, он классный мужик, и не верить ему у меня нет ни малейшего повода.

Декабрь 2009, Ленинградская область

…продолжение следует. Но не скоро.